КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

Мелкие неприятности супружеской жизни (сборник)

Оноре де Бальзак

Аннотация
Оноре де Бальзак. Мелкие неприятности супружеской жизни (сборник)
«Превратности брачных союзов»: Бальзак о браке, семье и адюльтере
Физиология брака, или Эклектические размышления о радостях и горестях супружеской жизни
Посвящение
Введение
Часть первая. Общие положения
Размышление I. Тема
Размышление II. Брачная статистика
Размышление III. О женщине порядочной
Размышление IV. О женщине добродетельной
Размышление V. Обреченные
Размышление VI. О пансионах
Размышление VII. О медовом месяце
Размышление VIII. О первых симптомах
Размышление IX. Эпилог
Часть вторая. О средствах обороны в семье и вне ее

Размышление X. Рассуждение о политике, подобающей мужьям
Размышление XI. О роли образования в семейной жизни
Размышление XII. Гигиена брака
Размышление XIII. О личных средствах обороны
Размышление XIV. О покоях
Размышление XV. О таможенном досмотре
Размышление XVI. Брачная хартия
Размышление XVII. Теория кровати
Размышление XVIII. О брачных революциях
Размышление XIX. О любовнике
Размышление XX. Опыт о полицейском надзоре
Размышление XXI. О способах возвращаться домой
Размышление XXII. О перипетиях
Часть третья. О гражданской войне
Размышление XXIII. О манифестах
Размышление XXIV. Основы стратегии
Размышление XXV. О союзниках
Размышление XXVI. О различных видах оружия
Размышление XXVII. О последних симптомах
Размышление XXVIII. О вознаграждениях

Размышление XXIX. О супружеском мире
Размышление XXX. Заключение
Постскриптум
Список опечаток, призванный оградить вас от ошибок при чтении этого сочинения
Мелкие неприятности супружеской жизни
Часть первая
Предисловие, которое напомнит каждому о его вступлении в брак
Неожиданный удар
Открытия
Заботливость молодой жены
Придирки
Постановление
Женская логика
Женское иезуитство
Воспоминания и сожаления
Наблюдение
Брачный слепень
Каторжные работы
Желтые улыбочки
Нозография виллы
Неприятность от неприятности
Восемнадцатое брюмера супружеской жизни
Искусство быть жертвой
Французская кампания

Соло для катафалка
Часть вторая
Второе предисловие
Мужья через два месяца
Обманутое честолюбие
Страдания простой души
Амадис-омнибус
Без дела
Нескромности
Грубые разоблачения
Отсроченное блаженство
Напрасные хлопоты
Дым без огня
Домашний тиран
Признания
Унижения
Последняя ссора
Провал
Каштаны из огня
Ultima ratio
Толкование, объясняющее, что означает felicità в оперных финалах
Список условных сокращений

Аннотация

Оноре де Бальзак (1799–1850) писал о браке на протяжении всей жизни, но два его произведения посвящены этой теме специально. «Физиология брака» (1829) – остроумный трактат о войне полов. Здесь перечислены все средства, к каким может прибегнуть муж, чтобы не стать рогоносцем. Впрочем, на перспективы брака Бальзак смотрит мрачно: рано или поздно жена все равно изменит мужу, и ему достанутся в лучшем случае «вознаграждения» в виде вкусной еды или высокой должности. «Мелкие неприятности супружеской жизни» (1846) изображают брак в другом ракурсе. Здесь Бальзак рассказывает о семейной повседневности: от нежных чувств супруги переходят к охлаждению, и счастливы лишь те пары, которые устроили себе брак вчетвером. Сам автор назвал эту книгу «гермафродитом», поскольку рассказ ведется сначала с мужской, а затем с женской точки зрения. Кроме того, книга эта – экспериментальная: Бальзак предлагает читателю самому выбирать характеристики героев

и мысленно заполнять лакуны в тексте. Оба произведения публикуются в переводе и с примечаниями Веры Мильчиной, ведущего научного сотрудника ШАГИ РАНХиГС и ИВГИ РГГУ. Перевод «Физиологии брака», впервые опубликованный в 1995 году, для настоящего издания значительно переработан; перевод «Мелких неприятностей» публикуется впервые.

Оноре де Бальзак
Мелкие неприятности супружеской жизни (сборник)

© В. Мильчина, перевод, вступительная статья, примечания, 2017
© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

«Превратности брачных союзов»: Бальзак о браке, семье и адюльтере

Оноре де Бальзак (1799–1850) всю жизнь писал о браке, о замужествах счастливых и несчастливых, о том, как следует вести себя мужу и жене для того, чтобы сохранить хотя бы видимость покоя в доме. Практически во всех произведениях, вошедших в состав «Человеческой комедии» (а их общее число, напомню, приближается к сотне), кто-нибудь из героев сватается, женится, изменяет жене или мужу. В 1978 году шведская исследовательница Кристина Вингард выпустила книгу «Проблемы супружеских пар в „Человеческой комедии“ Оноре де Бальзака»[1], в основу которой положила статистические исследования. Вингард выбрала в «Человеческой комедии» 96 супружеских пар, относительно которых точно известно, как возник их союз — по любви или по расчету, и подсчитала, скольким из них Бальзак позволил жить счастливо, а скольких осудил на

[1] Сноски: 1

Wingard K. Les problèmes des couples mariés dans *La Comédie humaine* d'Honoré de Balzac. Uppsala, 1978.

страдания. Оказалось, что на 35 пар, объединившихся по любви, приходится 61 брак по расчету, причем в первой категории полностью удавшимися можно считать 10 браков, а во второй — 8 (столь малое число удач свидетельствует не только о пессимистическом взгляде писателя на современный брак, но и о том, что он хорошо понимал: счастье описанию не поддается и для описания неинтересно[2]).

О браке и адюльтере Бальзак писал всегда, но в тех двух произведениях, которые вошли в наш сборник, — особенно подробно. Произведения эти обрамляют творчество Бальзака. «Физиология брака», вышедшая из печати в конце декабря 1829 года с датой 1830 на обложке, стала вторым (после романа «Последний шуан, или Бретань в 1800 году», опубликованного в том же 1829 году[3]) сочинением, которое Бальзак готов был признать своим — в отличие от многочисленных ранних романов, опубликованных в 1820-е годы

---

[2] Сноски: 2

См., например, в рассказе «Гобсек» (1830): «Счастливый человек — тема нестерпимо скучная» или в рассказе «Покинутая женщина» (1832): «В течение девяти лет они испытывали блаженство, которое нельзя описать».

[3] Сноски: 3

С 1834 года Бальзак публиковал этот роман под заглавием «Шуаны, или Бретань в 1799 году».

под псевдонимами. Причем если первое издание «Шуана» не оправдало надежд автора, то «Физиология брака» имела большой и шумный успех. О том, какое значение Бальзак придавал «Физиологии», говорит тот факт, что когда в 1845 году он начал подводить итоги своего творчества и составлять окончательный каталог «Человеческой комедии»[4], он расположил ее в самом конце, в разделе «Аналитические этюды», венчающем всю громадную конструкцию. Что же касается «Мелких неприятностей супружеской жизни», над ними Бальзак работал, с перерывами, много лет, публиковал их частями, но окончательный книжный вид они приняли в 1846 году, за четыре года до смерти писателя.

У каждого из двух произведений, вошедших в наш сборник, — своя довольно замысловатая творческая история. Начнем с «Физиологии брака».

---

[4] Сноски: 4

Напомню, что само название «Человеческая комедия» возникает в переписке Бальзака в январе 1840 года; в течение 1830-х годов он сочинял романы и рассказы, входящие в разные циклы («Сцены частной жизни», «Сцены парижской жизни», «Сцены провинциальной жизни»), в 1835 году (в романе «Отец Горио») ввел в ход систему повторяющихся персонажей, однако общее название для всей постройки возникло только в 1840 году, а собрание сочинений Бальзака под этим общим названием начало издаваться в 1842-м.

* * *

Сам Бальзак двумя десятками лет позже, в предисловии к «Трактату о современных возбуждающих средствах» (1839), писал, что идея создать книгу о браке зародилась у него еще в 1820 году. В июне 1826 года он приобрел типографию на улице Маре-Сен-Жермен (он владел ею до 1828 года), а уже в июле подал декларацию о намерении отпечатать там книгу под названием «Физиология брака, или Размышления о супружеском счастье»; согласно этой декларации, книгу предстояло выпустить тысячным тиражом, но до нас дошел один-единственный экземпляр, отпечатанный, по-видимому, в августе-сентябре 1826 года, когда у типографии было мало заказов. Этот ранний вариант, который состоял из тринадцати Размышлений и над которым Бальзак работал с 1824 года[5], не был доведен до конца, однако по его тексту видно, что в уме Бальзака к этому

[5] Сноски: 5

Поскольку под текстом в издании 1846 года он поставил даты 1824–1829 (наст. изд., с. 467; далее ссылки на него даны прямо в тексте, с указанием страницы в скобках). Эта так называемая «предоригинальная» «Физиология брака» впервые воспроизведена в кн.: *Balzac H. de*. La Physiologie du mariage pré-originale (1826) / Texte inédit présenté par Maurice Bardèche. Paris, 1940. Сравнение двух текстов см. в кн.: *Balzac H. de*. Physiologie du mariage / Édition établie et présentée par Andrew Oliver. Toronto, 2005.

моменту уже сложился план всего произведения, довольно близкий к окончательному варианту (в написанных главах есть отсылки к тем, которые появились лишь в «Физиологии» 1829 года).

Биографические обстоятельства подталкивали Бальзака к размышлениям о браке и адюльтере. С одной стороны, мать его была неверна отцу, и плодом одной из ее измен стал младший брат Бальзака Анри, которого госпожа де Бальзак баловала и открыто предпочитала остальным детям: Оноре и двум дочерям, Лоре и Лорансе. С другой стороны, любовницей двадцатитрехлетнего холостяка Оноре де Бальзака в 1822 году стала сорокапятилетняя Лора де Берни, замужняя женщина, мать девяти детей, весьма несчастливая в законном браке.

Хотя что-то (по-видимому, срочные типографские заказы) отвлекло Бальзака и книгу он не окончил, желание дописать «Физиологию брака» не оставляло писателя, и весной 1829 года, после выхода «Последнего шуана», он вернулся к работе над ней. В августе он уже обещал издателю Левавассёру закончить книгу к 15 ноября. В реальности к 10 ноября он закончил работу над первым томом, в который вошли 16 Размышлений, представлявшие собой более или

менее основательную переработку «Физиологии» 1826 года (первоначальный текст был расширен преимущественно за счет вставных новелл-анекдотов). До 15 декабря, то есть практически за один месяц (!), Бальзак сочинил всю вторую часть книги (Размышления с 17-го по 30-е, а также Введение), и уже в 20-х числах декабря 1829 года книга поступила в продажу.

Заглавие, напечатанное на ее титульном листе, заслуживает отдельного комментария. Оно гласило: «Физиология брака, или Эклектические размышления о радостях и горестях супружеской жизни, изданные молодым холостяком». Начнем с конца — с указания на «молодого холостяка». Как видим, издание анонимно, имени Бальзака на титульном листе нет. Однако анонимность эту можно назвать иллюзорной. Хотя в предисловии к первому изданию «Шагреневой кожи» (1831) сам Бальзак писал о «Физиологии»:

> Одни приписывают ее старому врачу, другие – распутному царедворцу времен госпожи де Помпадур или мизантропу, который утратил все иллюзии, поскольку за всю жизнь не встретил ни одной

женщины, достойной уважения[6], –

для литературных кругов авторство Бальзака не было тайной. Вдобавок он приподнимает маску в самом тексте «Физиологии»: в первом издании под «Введением» стояла подпись О. Б…к, а в тексте автор упоминает своего патрона, святого Оноре (с. 286). Инициалы Бальзака упомянуты и в нескольких рецензиях на книгу, появившихся в начале 1830 года. Слова «изданные молодым холостяком» из последующих изданий исчезли; их заменило традиционное указание на Бальзака как автора.

Теперь следует объяснить, во-первых, почему в заглавии книги фигурирует слово «Физиология», способное вызывать у читателей ожидания неких в самом деле физиологических откровений (ожидания не вполне оправдывающиеся, поскольку, хотя Бальзак многократно и довольно явственно намекает на необходимость не только моральной, но и сексуальной гармонии между супругами, психологии и социологии в его книге все-таки гораздо больше, чем собственно физиологии), и, во-вторых, почему размышления

[6] Сноски: 6
Бальзак/15. Т. 15. С. 433 (пер. Р. Линцер).

названы «эклектическими». И тем, и тем Бальзак обязан книге, вышедшей четырьмя годами раньше под названием «Физиология вкуса». Но о ней чуть позже, сначала нужно рассказать о других литературных предшественниках «Физиологии брака».

Во второй половине 1820-х годов большое распространение получили книжечки малого формата, на обложках которых стояло слово «Кодекс» («Кодекс беседы», «Галантный кодекс» и т. д.) или выражение «О способах» делать то или это: «О способах повязывать галстук», «О способах получать новогодние подарки, но не делать их самому» и т. д.[7]). Издания такого типа были популярны во Франции еще с XVIII века, но в середине 1820-х годов их популярности способствовал литератор Орас-Наполеон Рессон (1798–1854), сочинявший их сам или в соавторстве; одним

[7] Сноски: 7

Перечисления книг подобного типа см. в «Физиологии брака», с. 58. Более подробно об изданиях такого рода см.: *Prioult A.* Les Codes littéraires et Balzac // *AB* 1972. Paris, 1972. P. 151–171. Под сходным названием («О способах узнавать людей по их лицам») выходили во Франции переводы «Физиогномики» (1775–1778) швейцарского философа И. — К. Лафатера, оказавшей на Бальзака большое влияние (он читал парижское издание 1820 года). Популярности «Кодексов» и «Способов» способствовала и их относительная дешевизна: каждая книжечка формата in-18 стоила три с половиной франка, тогда как за книгу, изданную в формате ин-октаво, в ту пору приходилось отдавать семь с половиной франков, а то и больше.

из его соавторов был Бальзак, написавший (по заказу и, возможно, при участии Рессона) «Кодекс порядочных людей, или О способах не попасться на удочку мошенникам» (1825)[8]. Беря за образец Гражданский кодекс, принятый во Франции в 1804 году по инициативе Наполеона, авторы этих книг предписывали читателям (наполовину в шутку, но наполовину и всерьез) определенные формы поведения в обществе, объясняли, как держаться на балу и за столом, как объясняться в любви, как отдавать долги или брать взаймы и проч., и проч. Из «Кодекса учтивых манер» (1828) и «Кодекса беседы» (1829) можно узнать массу полезных и/или остроумных сведений: например, что ширина пробела между обращением «Сударь» и текстом письма зависит от знатности адресата[9], или что хороший тон предписывает ни в коем случае не вступать в разговор с попутчиками в городском транспорте и тем более не бранить городские власти, ибо

[8] Сноски: 8

Об истории этой книги см.: *Кодекс*. С. 5–19.

[9] Сноски: 9

Raisson H. Code civil, manuel complet de la politesse. Paris, 1829. P. 37. Французское название книги (Code civil) полностью совпадает с названием кодекса Наполеона, однако civil здесь употреблено в другом значении (не «гражданский», а «учтивый»).

можно нажить себе большие неприятности[10], или что «на визит нужно отвечать визитом, как на пощечину — ударом шпаги»[11]. Соотношение серьезного и шутливого менялось от одного «Кодекса» к другому; например, выпущенный в 1829 году тем же Рессоном «Кодекс литератора и журналиста» формально представляет собой свод советов для тех, кто хочет заработать на жизнь литературным трудом, по сути же многие его страницы — не что иное, как насмешки над жанрами и стилями современной словесности. Это сочетание (серьезные советы в шутовском изложении) унаследовала от «Кодексов» бальзаковская «Физиология брака».

В число популярных тем «Кодексов» входили супружеские отношения. Например, в 1827 году Шарль Шабо выпустил книгу «Брачная грамматика, или Основные принципы, с помощью которых можно выездить жену, выучить ее прибегать по первому зову и сделать покорнее овцы, сочинение, изданное двоюродным братцем Ловласа». А в мае 1829 года вышел из печати

---

[10] Сноски: 10

[*Raban L. — F.*] Code de la conversation, manuel complet du langage élégant et poli. Paris, 1829. P. 187–190.

[11] Сноски: 11

Raisson H. Code civil. P. 38.

«Брачный кодекс, содержащий законы, правила, применения и примеры удачных женитьб и счастливых браков» (в котором, между прочим, едва ли не треть текста составляют обширные цитаты из наполеоновского Гражданского кодекса). На титульном листе стояло имя Рессона, но многочисленные совпадения с «Физиологией брака» позволили исследователям предположить, что часть этой книги выправлена Бальзаком, а часть написана им самим (одна из наиболее разительных параллелей состоит в том, что в «Брачном кодексе» обманутый муж сравнивается с потенциальной жертвой Минотавра, подстерегающего его в недрах лабиринта; между тем в «Физиологии брака» Бальзак предложил для характеристики обманутых мужей «ученый» неологизм «минотавризированные»[12]). Работая

[12] Сноски: 12

Тем, кто не помнил «Физиологию брака», этот неологизм был непонятен. В «Мелких неприятностях супружеской жизни» Бальзак, подхватывая лексику «Физиологии», пишет о ситуации, когда жена перестает устраивать мужу сцены: «это означает, что Минотавр уже устроился в супружеской спальне, в кресле у камина, и постукивает кончиком трости по своим лакированным сапогам» (с. 658). В журнале «Библиотека для чтения» (1846. Т. 74. Отд. VII. С. 43) эта фраза выглядит так: «С той минуты, как жена перестает ссориться с мужем, равнодушие преспокойно усаживается в кресло и царствует здесь безусловно». Очевидно, что анонимного русского переводчика, не читавшего или не помнившего «Физиологию брака», упоминание Минотавра озадачило, и он предложил свой перевод, просто исходя из контекста.

над первоначальной «Физиологией», Бальзак, по-видимому, раздумывал над заглавием «Кодекс супруга, или О способах сохранить верность своей жены»; во всяком случае, среди его бумаг сохранился такой набросок.

«Физиология брака» выросла из «Кодексов», но разительно от них отличается. Чтобы понять ее оригинальность, достаточно сравнить ее с «Брачным кодексом» 1829 года: на фоне бальзаковской книги «Брачный кодекс» выглядит как сценарий (чтобы не сказать краткий пересказ содержания) на фоне романа. Автор «Кодекса» отпускает более или менее удачные, но не слишком глубокие шутки; Бальзак тоже шутит, но шутки у него перемежаются глубокими и тонкими размышлениями о человеческой психологии. Кроме того, книга Бальзака имеет свой «сюжет»: от свадьбы через разнообразные испытания и попытки избежать адюльтера или хотя бы отсрочить его — к эпохе «вознаграждений» (хотя на эту сквозную линию нанизываются многочисленные отступления и вставные анекдоты, все-таки она соблюдается неуклонно). На этом фоне «Кодекс» — явный плод того, что в XX веке было названо «бриколажем»; короткие главки приставляются одна к другой в полном беспорядке, а затем вообще сменяются

длинной подборкой статей Гражданского кодекса, касающихся брачных уз.

Важно и другое отличие: бальзаковская книга называется не «Кодексом», а «Физиологией», и не потому, что в 1829 году один «Брачный кодекс» уже вышел из печати. А также не потому, что таким образом был определен жанр книги: в 1829 году слово «физиология» еще не употреблялось в качестве жанрового обозначения миниатюрных иллюстрированных описаний того или иного человеческого типа, предмета или установления[13]. Такие «Физиологии» начали выходить десятью годами позже бальзаковской книги, и некоторые из них («Физиология первой брачной ночи», «Физиология обреченного», «Физиология рогоносца» и др.) развивали отдельные ее темы[14]. Бальзак назвал свою книгу «Физиологией брака» в первую очередь ради того, чтобы

[13] Сноски: 13

Подробнее об этом жанре см.: *Парижанки*. С. 33–40.

[14] Сноски: 14

Авторы «Физиологий» охотно обыгрывали даже мелкие детали бальзаковской книги. Так, если Бальзак поставил на ее титульном листе предупреждение: «Не для дам», то автор «Физиологии порядочной женщины» Шарль Маршаль в 1841 году раздумывает, не открыть ли свою книгу надписью: «Не для юношей». Впрочем, более или менее успешно пытаясь соперничать с Бальзаком в остроумии, авторы комических «Физиологий» начала 1840-х годов неизменно проигрывали ему в глубине размышлений.

отослать читателя к другой книге, впервые опубликованной в декабре 1825 года и почти сразу сделавшейся очень популярной. Это «Физиология вкуса», автор которой, Жан-Антельм Брийа-Саварен, в форме полушутливого-полусерьезного трактата попытался исследовать такую важную сферу человеческой жизни, как еда.

«Физиология брака» обязана «Физиологии вкуса» очень многим, начиная с названия и деления не на главы, а на «размышления» (*méditations*), причем у Бальзака, как и у Брийа-Саварена, этих «размышлений» в книге ровно тридцать. Автор «Физиологии вкуса» почерпнул термин «размышления», конечно, не из нашумевшей новинки 1820 года — «Поэтических размышлений» (*Méditations poétiques*) Ламартина, а из куда более старинных «Метафизических размышлений» (*Méditations métaphysiques*) Декарта, изданных впервые в 1641 году, однако можно предположить, что Бальзак, который в своей «Физиологии» отказывается следовать за «романтиками, закутанными в саван» (с. 78), употреблением этого слова не только подчеркивает преемственность по отношению к Брийа-Саварену, но и иронизирует над модным Ламартином, ибо предмет бальзаковских «размышлений» совсем не тот,

что у меланхолического поэта.

«Физиология» Брийа-Саварена, как и «Физиология» Бальзака, вышла в свет анонимно; на титульном листе книги Брийа-Саварена было выставлено: «Сочинение профессора, члена многих ученых обществ», у Бальзака место профессора занял холостяк («изданные молодым холостяком»). Кроме того, по-видимому, именно в память о Брийа-Саварене, который в своей книге систематически именовал себя профессором, а книгу свою аттестовал как первый опыт гастрономической науки, Бальзак то и дело называет себя профессором или доктором брачных наук, а свой текст — плодом *научных* изысканий. У Брийа-Саварена Бальзак заимствовал и некоторые другие приемы: использование пронумерованных афоризмов, содержащих квинтэссенцию авторской премудрости (но у Брийа-Саварена они собраны в начале книги, а у Бальзака разбросаны по тексту), и завещание некоторых тем потомкам. Налицо и тематическое родство: автор «Физиологии вкуса» завещал грядущим поколениям не что иное, как исследование плотской любви и стремления к продолжению рода, то есть в определенном смысле ту тему, которой занялся автор «Физиологии брака».

Наконец, Брийа-Саварен для пущей научности поставил в подзаголовок своей «Физиологии» слова «Размышления о трансцендентной гастрономии», и в этом Бальзак также идет по его стопам: свои размышления он называет «эклектическими». В обоих случаях авторы иронически обыгрывают модную философскую лексику: эпитет «трансцендентный» отсылает к немецкой философии Канта или Шеллинга, о которой французы узнали из книги г-жи де Сталь «О Германии» (1813), а термин «эклектический» — к лекциям, которые французский философ Виктор Кузен (1792–1867) с большим успехом читал в Сорбонне, в частности в 1828–1829 годах, накануне выхода «Физиологии брака». Впрочем, в «Физиологии вкуса» так же мало трансцендентности, как и в «Физиологии брака» — эклектизма в кузеновском понимании этого слова[15]. Можно, конечно, считать, что Бальзак выступает «эклектиком» в том смысле, что все время колеблется между решительным осуждением адюльтера и не слишком хорошо скрываемым сочувствием к нему, между

[15] Сноски: 15

Кузен утверждал, что в каждую эпоху «дух народа» (в гегелевском смысле) выражается в определенной философской системе, а дело историка философии, или эклектического философа, понять и осмыслить их все без исключения. Подробнее см.: *Andréoli M.* Balzac, Cousin et l'éclectisme // *AB* 1971. Paris, 1971. P. 37–81.

восприятием женщины как злого гения, все силы которого направлены лишь к одному — обмануть мужа, и сочувствием «слабому полу», чье положение в обществе ложно и неблагополучно. Но правильнее было бы сказать, что упоминания эклектизма в «Физиологии брака» носят преимущественно шутовской характер и что Бальзак просто не упускает случая посмеяться на наукообразным жаргоном; между прочим, точно такую же функцию исполняют упоминания этого философа в «Брачном кодексе»: «Супружеское согласие может проистекать исключительно из некоей снисходительности, неких взаимных уступок, к которым звание философии приложимо по крайней мере в той же степени, что и к лекциям ученого г-на Кузена»[16].

Хотя в преамбуле к «Трактату о современных возбуждающих средствах» Бальзак счел необходимым специально подчеркнуть, что придумал свою «Физиологию» независимо от Брийа-Саварена, сходства двух книг он не отрицал. Издателю Левавассёру он в августе 1829 года, договариваясь о почти немедленном издании «Физиологии брака», писал, что тот требует от него сделать «за

[16] Сноски: 16
Raisson H. Code conjugal. Paris, 1829. P. 107–108.

три месяца то, на что Брийа-Саварен потратил десять лет»[17]. Связь двух «Физиологий» была подчеркнута и в издании 1838 года, вышедшем у парижского издателя Шарпантье, который почти одновременно выпустил в том же формате и труд Брийа-Саварена. На контртитуле книги Бальзака значилось:

> Это издание «Физиологии брака» схоже с изданием «Физиологии вкуса» Брийа-Саварена, вышедшим недавно у того же издателя. Два эти издания должны стоять рядом на книжных полках, как они уже давно располагаются рядом в головах людей с умом и вкусом.

У переориентации с «кодекса» на «физиологию» была и еще одна причина: кодексы, издававшиеся в малом формате (в восемнадцатую долю листа), считались литературой модной, но несерьезной; Бальзак же, по примеру Брийа-Саварена, издал свою книгу в формате ин-октаво, закрепленном за серьезными изданиями.

Если, однако, в формальном отношении у обеих «Физиологий» очень много общего, то в

---

[17] Сноски: 17
Correspondance. T. 1. P. 417.

содержательном отношении Бальзак написал совсем другую книгу, очень далекую от сочинения предшественника. Образ автора в «Физиологии вкуса» — это образ «волшебного помощника», именуемого в третьем лице профессором; он свято верит, что обладает рецептами и рекомендациями на все случаи жизни: знает, и как приготовить, не разрезая, очень большую рыбу, и как поставить на ноги мужа, истощенного чересчур любвеобильной женой. Его картина мира гармонична и оптимистична: жизнь невозможна без еды, а как есть правильно и с удовольствием, вас научит профессор. «Доктор брачных наук» рисует в «Физиологии брака» картину куда менее лучезарную. Он задается целью подсказать мужьям, как избежать «минотавризации», то есть как не быть обманутыми собственными женами, и приходит к неутешительному выводу, что измену можно только отсрочить, а затем смягчить «вознаграждениями», которыми обязан утешать мужа совестливый любовник.

Впрочем, значение слова «Физиология» в заглавии книги Бальзака не ограничивается отсылкой к популярной книге Брийа-Саварена. Оно указывает также и на ту научную традицию, приверженцем которой объявляет себя Бальзак, —

материалистическую традицию XVIII столетия, с одной стороны, и, с другой — ее продолжение в работах таких утопических мыслителей, как Фурье и Сен-Симон, которые ставили перед собой задачу применить естественно-научные методы к изучению общества и создать «социальную физиологию» (термин Сен-Симона). В статье «О художниках», опубликованной через три месяца после выхода «Физиологии брака», Бальзак писал о «физиологическом анализе, который позволил отказаться от систем ради соотнесения и сравнения фактов»[18]. В самом деле, Бальзак использует статистические данные, делит мужскую и женскую часть общества на два разряда «в соответствии с их умственными способностями, нравственными свойствами и имущественным положением» (с. 81), одним словом, тщательно изображает, что его текст — не только остроумная болтовня, но и подлинно научное сочинение, в котором ссылка на «Естественную историю» Бюффона не просто фигура речи. Однако в книге присутствуют и совсем другие интонации. В

[18] Сноски: 18

OD. P. 711 (в русском переводе Р. Линцер этот анализ почему-то назван «психологическим»; см.: *Бальзак/15.* Т. 15. С. 225). Десятилетие спустя, в «Физиологии чиновника» (1841), Бальзак уточнил свое понимание термина: «Физиология — это рассуждение о природе какой-либо вещи».

том, что касается интонаций, Бальзак выступает истинным эклектиком не в кузеновском, а в обыденном смысле: во всех «размышлениях» книги точные социологические наблюдения сосуществуют с раблезианским ерничеством, здравые психологические рекомендации — с издевательскими намеками. Книга полна цитат из произведений предшественников, как названных открыто (Рабле, Стерн, Дидро, Руссо), так и неназванных, причем некоторые источники удалось установить только при подготовке настоящего издания; например, до сих пор не было известно, что Бальзак очень широко использовал в «Физиологии брака» две работы историка П. — Э. Лемонте, носящие выразительные названия: «Наблюдатели за женщинами, или Точный рассказ о том, что произошло на заседании общества наблюдателей за женщинами во вторник 2 ноября 1802 года» и «Моральная и физиологическая параллель танца, песни и рисунка, где сравнивается влияние этих трех занятий на способность женщин противиться соблазнам любви»[19]. Оба эти сочинения, хотя и опубликованы в XIX веке (первое в 1803 году, а второе в 1816-м), по своему

[19] Сноски: 19
См. подробнее примеч. 163 к «Физиологии брака».

духу всецело принадлежат веку предшествующему; рассказ о заседании вымышленного ученого общества, сочетание наукообразности изложения со светской болтовней — все эти особенности старомодной манеры Лемонте хорошо описываются пушкинскими словами: «отменно тонко и умно, что нынче несколько смешно». Однако Бальзак так органично вставляет их в свой текст, что «швов» практически не видно.

«Эклектичны» и те афоризмы, которые разбросаны по книге: Бальзак называет их аксиомами, то есть средоточиями непререкаемой мудрости, однако многие из этих аксиом парадоксальны, ироничны, доведены до абсурда и не рассчитаны на буквальное толкование. Например: «Мужчина не имеет права жениться, не изучив предварительно анатомии и не сделав вскрытия хотя бы одной женщины» (с. 133) или: «Порядочная женщина должна иметь такой достаток, который позволит ее любовнику быть уверенным, что она никогда и никоим образом не будет ему в тягость» (с. 96).

Наконец, «эклектично» отношение Бальзака к двум главным «героям» книги: мужу и жене, мужскому и женскому полу.

Бальзак сам писал уже после выхода «Физио-

логии брака», что в этой книге задался целью «вернуться к тонкой живой, насмешливой и веселой литературе восемнадцатого века, когда авторы не старались держаться неизменно прямо и неподвижно»[20]. Именно к этой литературе восходит фигура торжествующего холостяка, любителя наслаждений[21], для которого замужняя женщина не более чем лакомая добыча, а муж — досадная помеха, которую надо устранить. Если же «эклектический» повествователь переходит с точки зрения холостяка на точку зрения мужа, то жена превращается в вечного противника, стремящегося во что бы то ни стало обмануть законного супруга, обвести его вокруг пальца, «минотавризировать», а муж использует самый широкий набор средств — от особой диеты до продуманного убранства дома — для того, чтобы ее «обезвредить». В любом случае все кончается «Гражданской войной» (название третьей части бальзаковской книги).

Таким образом, «Физиологию» легко можно счесть направленной против женщин; многие

[20] Сноски: 20

Бальзак/15. Т. 15. С. 438 (предисловие к первому изданию «Шагреневой кожи», 1831; пер. Р. Линцер).

[21] Сноски: 21

См.: *Prioult A.* Balzac et le célibat // *AB* 1973. Paris, 1973. P. 169–182.

читатели и во времена Бальзака, и позже именно так ее и воспринимали; достаточно вспомнить, с какой неприязнью пишет о бальзаковской книге и о бальзаковском отношении к женщине Симона де Бовуар в книге «Второй пол» (1949).

На первый взгляд в «Физиологии брака» действительно гораздо больше иронии по отношению к женщинам, чем сочувствия к ним, и нередко журналисты (а точнее, журналистки) трактовали последующие произведения Бальзака, воспевающие женщину, как способ испросить прощения за «Физиологию брака», возмутившую весь женский пол[22]. Чувствительных читательниц эта книга шокировала. Бальзак сам не без язвительности описал их упреки в предисловии к роману «Отец Горио» (1835):

> Не так давно автор был испуган, встретив в свете невероятное, неожиданное множество женщин, искренне добродетельных, счастливых своей добродетельностью, добродетельных, потому что они счастливы, и, без сомнения, счастливых, потому что они добродетельны. В течение

[22] Сноски: 22

См.: *Guize R.* Balzac et la presse de son temps. Le romancier devant la critique féminine // *AB.* Nouvelle série. № 3. Paris, 1983. P. 101.

нескольких дней отдыха он только и слышал со всех стороны хлопанье развернутых белых крыльев и видел порхающих ангелов, облаченных в одежды невинности, причем все это были особы замужние, и все они упрекали автора в том, что он наделил женщин неумеренной страстью к запретным радостям брачного кризиса, получившего от автора научное название *минотавризации*. Упреки были в известной мере лестны для автора, ибо женщины эти, приуготованные к усладам небесным, признавались, что знают понаслышке отвратительнейшую книжонку, ужасающую «Физиологию брака», и пользовались этим выражением, чтобы избежать слова «адюльтер», изгнанного из светского языка[23].

Но отношение Бальзака к женщинам в «Физиологии брака» отнюдь не исчерпывается насмешками и упреками в неверности. Бальзаковский

[23] Сноски: 23

Бальзак/15. Т. 15. С. 450; пер. Р. Линцер. Чтобы защитить себя от обвинений в недооценке женщин, Бальзак даже поделил в этом предисловии всех своих героинь на две колонки и слева перечислил женщин добродетельных, а справа — грешных. Первых оказалось на целый десяток больше.

«эклектизм» подразумевает и совсем иное отношение к женщине. Бальзак не случайно почти сразу завоевал репутацию автора, пишущего о женщинах и для женщин. Критики регулярно — хотя порой и не без иронии — напоминали о том, какое огромное место занимают женщины в бальзаковском творчестве. Вот одна из типичных характеристик. «Галерея прессы, литературы и изящных искусств» писала в 1839 году: «Г-н де Бальзак изобрел женщин: женщину без сердца, женщину с великим сердцем, тридцатилетнюю женщину, пятнадцатилетнюю женщину, женщину вдовую и замужнюю, женщину слабую и сильную, женщину понятую и непонятую, женщину соблазненную и соблазнительную, женщину-недотрогу и женщину-кокетку»[24]. Эта мысль о том, что Бальзак «изобрел женщин», о которых до него никто не имел понятия, обыгрывалась во французской прессе постоянно. Однако Бальзак не только изобрел их, но и, по признанию его многочисленных читательниц, понял, как

[24] Сноски: 24

Цит. по: *Bilot.* P. 262. По-видимому, первым назвал Бальзака «изобретателем женщин» писатель и критик Жюль Жанен в 1833 году в рассказе «Сто тысяч первая и последняя новая новелла» (Revue de Paris. 1833. T. 54. P. 27).

никто другой[25]. Над этой неразрывной связью Бальзака с женской аудиторией современники тоже нередко посмеивались. Например, в 1839 году газета «Карикатура» (та самая, где в 1839–1840 годах были опубликованы фрагменты будущих «Мелких неприятностей супружеской жизни») описала приемы для читателей, которые «великий человек» якобы устраивает раз в месяц в своем загородном имении Жарди:

> В этот день к нему тянутся нескончаемые потоки женщин. Прославленный автор принимает их милостиво и любезно, произносит перед ними речь о недостатках супружеской жизни и отсылает назад, даровав каждой благословение и экземпляр «Физиологии брака»[26].

Это описание пародийно, но бальзаковское сочувствие женщинам было вполне серьезным.

Когда одна из первых читательниц «Физиологии», Зюльма Карро, испытала «отвращение» при

---

[25] Сноски: 25

См., например: *Lackner M.* Donner une voix aux femmes: Balzac et ses lectrices // *AB* 2008. Paris, 2008. P. 217–237.

[26] Сноски: 26

Цит. по: *Bilot.* P. 232.

чтении ее первых страниц, Бальзак согласился, что подобное чувство «не может не охватить любое невинное существо при рассказе о преступлении, при виде несчастья, при чтении Ювенала или Рабле», но уверил свою приятельницу, что в дальнейшем она примирится с книгой, ибо обнаружит в ней несколько «мощных речей в защиту добродетели и *женщины*»[27].

В самом деле, под слоем шуточек насчет адюльтера в «Физиологии брака» различима эта вторая линия, исполненная глубокого сочувствия к женщине (да и в рассказах о женских изменах сквозит восхищение женским умом и женской изобретательностью). Бальзак бесспорно выступает на стороне женщин, когда критикует женское образование, оглупляющее девочек и не позволяющее развиться их уму. Или когда призывает мужчин: «Ни в коем случае не начинайте супружескую жизнь с насилия», — мысль, которую он на разные лады повторяет в «Брачном катехизисе»:

Судьба супружеской пары решается в

[27] Сноски: 27

Correspondance. T. 1. P. 425 (письмо от декабря 1829 года). Много позже Зюльма Карро вспоминала, что, послушавшись совета Бальзака, перечла «Физиологию» три года спустя и признала его правоту (см.: *Correspondance*. T. 1. P. 426).

первую брачную ночь[28].

Лишая женщину свободы воли, вы лишаете ее и возможности приносить жертвы.

В любви женщина – если говорить не о душе, а о теле – подобна лире, открывающей свои тайны лишь тому, кто умеет на ней играть (с. 133–134).

Свою позицию Бальзак объяснил 5 октября 1831 года в письме к маркизе де Кастри, шокированной отношением автора «Физиологии брака» к женскому полу, которое показалось ей грубым и циничным. Он разъяснял своей корреспондентке, что взялся за сочинение этой книги ради того, чтобы защитить женщин, и выбрал шутовскую форму, надел маску женоненавистника лишь для того, чтобы привлечь внимание к своим идеям. «Смысл моей книги в том, что она доказывает: во всех прегрешениях женщин виноваты их мужья»[29], — писал он. Кроме мужей, Бальзак

[28] Сноски: 28

В переводе В. Л. Ранцова, вышедшем в 1900 году, этот афоризм, очевидно по цензурным причинам, приобрел такой вид: «Участь супружеской пары зависит от первых дней брачного сожительства». Однако Бальзак имел в виду не дни, а именно ночь.

[29] Сноски: 29

Correspondance. T. 1. P. 591.

возлагает вину и на общественное устройство; он убедительно показывает его несовершенство, губительное прежде всего для женщин. Он пишет о женских изменах: «Открыто назвав ту тайную болезнь, что подтачивает устои общества, мы указали на ее истоки, среди которых — несовершенство законов, непоследовательность нравов, негибкость умов, противоречивость привычек» (с. 157).

Тот факт, что, составляя план «Человеческой комедии», Бальзак включил «Физиологию брака» в «Аналитические этюды», может вызвать недоумение. Казалось бы, остроумных афоризмов, пикантных анекдотов и водевильных сценок в этом тексте больше, чем анализа. Однако автор «Физиологии» не только рассказывает, но и размышляет, объясняет, ищет корни семейных неурядиц в истории нравов и устройстве общества; говоря словами одного из критиков, он преподносит миру не только зеркало, но и ключ[30]. Поэтому правы те исследователи, которые находят в «Физиологии брака» историю и социологию брака и адюльтера. Бальзак не случайно в одной из статей 1831 года причис-

[30] Сноски: 30
См.: *Chollet.* P. 145.

лил свою книгу, «разрушающую все иллюзии относительно супружеского счастья, первого из общественных благ», к той же «школе разочарования», в какую включил, например, «Красное и черное» Стендаля[31]. В его понимании «Физиология брака» — книга в высшей степени серьезная и важная (хотя серьезность эта скрашивается шутливой и шутовской манерой, унаследованной от Рабле и Стерна).

* * *

В «Физиологии брака» автор завещает потомкам написать несколько произведений, за которые сам сейчас не берется: 1) о куртизанках; 2) о семи принципах, на которых зиждется любовь, и о наслаждении; 3) о воспитании девушек; 4) о способах зачинать красивых детей; 5) о хирологии, то есть науке о соотношении между формой руки и характером человека; 6) о способах составлять «брачные астрономические таблицы» и определять «брачное время» (то есть ту стадию, в которой находятся отношения данных супругов). Таких трудов он не написал, но эти темы, а также и многие другие получили развитие в его

[31] Сноски: 31
Balzac H. de. Lettres sur Paris. Lettre XI // *OD*. P. 937.

дальнейшем творчестве, с которым «Физиология брака» связана многообразными узами.

Прежде всего Бальзак остался верен общим принципам, изложенным в книге 1829 года.

Если в «Физиологии брака» он восклицает: «Да погибнет добродетель десяти дев, лишь бы пребыл незапятнанным священный венец матери семейства!» (с. 152), то этому убеждению (девица имеет право согрешить, но изменившая законная жена — преступница) он оставался верен всю жизнь. В 1838 году он писал Эвелине Ганской: «Я всецело за свободу юной девы и за рабство женщины, иначе говоря, я хочу, чтобы до замужества она знала, на что подряжается, предварительно все изучила, испробовала все возможности, предоставляемые браком, но, подписав контракт, оставалась ему верна»[32]. Впрочем, сам он в своих отношениях с Ганской (замужней дамой) этому принципу не следовал, а в романах показал, что трагично складывается судьба не только неверной жены Жюли д'Эглемон («Тридцатилетняя женщина»), но и жены, сохраняющей верность нелюбимому мужу (госпожа де Морсоф в «Лилии долины»).

---

[32] Сноски: 32

LMH. Т. 1. P. 442 (письмо от 2 марта 1838 года).

Если в «Физиологии брака» Бальзак настаивает на том, что образование должно развивать ум девушек и что им надо давать возможность достаточно близко познакомиться с будущим супругом, то и в дальнейшем быть счастливыми он позволяет только тем парам, где жены удовлетворяют этим условиям (например, заглавным героиням романов «Урсула Мируэ» и «Модеста Миньон»).

Если в «Физиологии брака» Бальзак утверждает, что девушек следовало бы выдавать замуж без приданого, поскольку в этом случае брак не был бы так сильно похож на продажу, то эту же мысль он повторяет и во многих других произведениях, например в уже упомянутом цикле «Тридцатилетняя женщина» или в повести «Онорина».

Если в «Физиологии брака» он пишет: «Поскольку удовольствие проистекает из согласия ощущений и чувства, дерзнем утверждать, что удовольствия суть своего рода материальные идеи», — и настаивает на необходимости исследовать способность души «перемещаться отдельно от тела, переноситься в любую точку земного шара и видеть без помощи органов зрения» (с. 134, 422), то это можно считать кратким изложением теории о материальности идей и «флюидов», которую он

проповедовал всю жизнь и которая, в частности, обусловила присутствие в его романах и рассказах многочисленных ясновидцев и медиумов. Различаются только интонации и контексты, в которых описываются подобные явления: в «Физиологии брака» серьезные утверждения прячутся среди раблезианских и стернианских шуточек, а, например, в «Шагреневой коже», вышедшей двумя годами позже, материальность идеи становится основой трагического сюжета.

Если в «Физиологии брака» Бальзак замечает: «Наконец, дело совсем безнадежно, если ваша жена моложе семнадцати лет или если лицо у нее бледное, бескровное: такие женщины чаще всего хитры и коварны» (с. 156), — то это предвещает бесчисленные пассажи «Человеческой комедии», где автор, идя по стопам глубоко им почитаемого создателя физиогномики Лафатера, предсказывает характер персонажа по внешним приметам. Все это запрограммировано уже в размышлении «О таможенном досмотре», где Бальзак приводит многочисленные признаки, по которым проницательный муж может определить отношение холостого гостя к хозяйке дома:

Значения исполнено все: приглажи-

вает он волосы или, запустив пальцы в шевелюру, взбивает модный кок ‹…› удостоверяется ли украдкой, хорошо ли сидит парик и каков этот самый парик – светлый или темный, завитой или гладкий; бросает ли он взгляд на свои ногти, дабы убедиться, что они чисты и аккуратно обстрижены ‹…› медлит ли он перед тем, как позвонить, или же дергает за шнурок сразу, быстро, небрежно, развязно, с бесконечной уверенностью в себе; звонит ли робко, так что звук колокольчика тотчас замирает, словно первый удар колокола, зимним утром сзывающего на молитву монахов-францисканцев, или резко, несколько раз подряд, гневаясь на нерасторопность лакея (с. 257–258).

Если в «Физиологии брака», в той же главе «О таможенном досмотре», описана богатая пожива, которую предоставляют для проницательных наблюдателей-фланеров парижские улицы, то сходные наблюдения можно найти едва ли не во всех «Сценах парижской жизни». Добавим, что и само определение фланирования — времяпрепровождения, которое Бальзак ценил

чрезвычайно высоко, — дано уже в «Физиологии брака»:

> О, эти блуждания по Парижу, сколько очарования и волшебства вносят они в жизнь! Фланировать – целая наука, фланирование услаждает взоры художника, как трапеза услаждает вкус чревоугодника. ‹…› Фланировать значит наслаждаться, запоминать острые слова, восхищаться величественными картинами несчастья, любви, радости, лестными или карикатурными портретами; это значит погружать взгляд в глубину тысячи сердец; для юноши фланировать значит всего желать и всем овладевать; для старца – жить жизнью юношей, проникаться их страстями (с. 92–93).

Наконец, в последующих произведениях находят продолжение и развитие не только общие принципы, но и отдельные мотивы. Например, использование в собственных интересах мигрени — недуга, который приносит женщине неисчислимые выгоды и который так легко симулировать, подробнейшим образом описано во второй главе романа «Герцогиня де Ланже» (1834).

Сравнение плотской любви с голодом (с. 108–109) повторяется во многих романах и в особенно развернутой форме в «Кузине Бетте» (1846):

> Женщину добродетельную и достойную можно сравнить с гомерической трапезой, приготовленной без затей на раскаленных угольях. Куртизанка, напротив, является как бы произведением Карема [знаменитого повара] со всякими пряностями и изысканными приправами[33].

А вредоносное влияние на жизнь супругов такого персонажа семейной драмы, как теща, лежит в основе романа «Брачный контракт» (1835).

В «Мелких неприятностях супружеской жизни» Бальзак предложил выразительную формулу для описания литературного процесса: «Одни авторы окрашивают книги, а другие порой эту окраску заимствуют. Некоторые книги линяют на другие» (с. 576). Так вот, пользуясь этой формулой, можно сказать, что «Физиология брака» «полиняла» на очень многие дальнейшие сочинения Бальзака.

В прессе за «Физиологией брака» с легкой руки

---

[33] Сноски: 33
Бальзак/15. Т. 10. С. 295; пер. Н. Яковлевой.

Жюля Жанена, автора рецензии в газете «Журналь де Деба» от 7 февраля 1830 года, закрепился эпитет «инфернальная»; впрочем, автор сам предположил во «Введении», что его заподозрят «в безнравственности и злонамеренности», и сам упомянул там Мефистофеля. О репутации бальзаковской книги дает представление и сцена в светской гостиной, запечатленная в неоконченном отрывке Пушкина «Мы проводили вечер на даче…»; здесь чопорная гостья-вдова просит не рассказывать неблагопристойную историю, а хозяйка дома отвечает с нетерпением:

> Полноте. Qui est-ce donc que l'on trompe ici? [Кого здесь дурачат? – *фр.*] Вчера мы смотрели Antony [драма А. Дюма], а вон там у меня на камине валяется La Physiologie du mariage [Физиология брака. – *фр.*]. Неблагопристойно! Нашли чем нас пугать![34]

Эта репутация осталась у книги и в последующие годы. Католическая газета «Цензурный бюллетень», предлагавшая своим читателям (священникам, преподавателям, библиотекарям)

---

[34] Сноски: 34

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Л., 1948. Т. 8, кн. 1. С. 421.

рекомендации по отделению благонамеренной литературы от непристойной, летом 1843 года называла «Физиологию» «грязным памфлетом», чтение которого «должно быть строго запрещено всем сословиям, в первую же голову молодым людям и женщинам»[35].

Впрочем, издательской судьбе «Физиологии брака» во Франции эта «сомнительная» репутация нисколько не мешала. Книга, прославившая автора сразу после выхода первого издания, неоднократно переиздавалась и при жизни Бальзака, и после его смерти. В выпускаемом Фюрном, Дюбоше и Этцелем издании «Человеческой комедии» она, как уже говорилось, вошла в раздел «Аналитические этюды» (том 16, вышедший в августе 1846 года). В отличие от других своих произведений, «Физиологию» Бальзак при включении в «Человеческую комедию» почти не правил, поэтому между первым изданием и текстом, вошедшим в издание Фюрна, различий не очень много; совсем мало правки Бальзак внес также и в свой экземпляр этого издания (так называемый «исправленный Фюрн»).

---

[35] Сноски: 35
Цит. по: *Guize.* P. 281.

* * *

Если история текста «Физиологии брака» довольно проста, то со вторым произведением, включенным в наш сборник, дело обстоит куда сложнее.

Впервые «Мелкие неприятности супружеской жизни» вышли отдельным изданием у Адама Хлендовского в 1846 году.

Однако этому событию предшествовала долгая и сложная история; из 38 глав книги лишь одна (первое предисловие) никогда не печаталась до выхода издания Хлендовского. Все остальные уже были опубликованы прежде в разных изданиях, хотя при включении в окончательный вариант Бальзак подверг их более или менее серьезной правке (самые значительные из этих изменений отмечены в наших примечаниях).

Первые наброски относятся еще к 1830 году: 4 ноября 1830 года в первом номере еженедельника «Карикатура» был опубликован очерк «Соседи» за подписью Анри Б… — история жены биржевого маклера, которая из-за тесноты парижского жилья стала свидетельницей супружеского, как ей казалось, счастья соседей напротив, а потом выяснилось, что белокурый юноша, с которым со-

седка так счастлива, ей вовсе не муж (эта история в слегка измененном виде превратилась впоследствии в главу «Французская кампания»). Через неделю, 11 ноября 1830 года Бальзак напечатал за подписью Альфред Кудрё (один из его тогдашних псевдонимов) в том же еженедельнике очерк «Визит врача», в котором намечены основные линии будущей главы «Соло для катафалка».

Следующим этапом на пути к отдельному изданию «Неприятностей» стал цикл из 11 очерков, печатавшийся в еженедельнике «Карикатура» с 29 сентября 1839-го по 28 июня 1840 года[36]. Цикл озаглавлен «Мелкие неприятности супружеской жизни». Использованное в заглавии слово *misères* (неприятности, невзгоды) имеет давнюю историю. С начала XVIII века во Франции в популярной «голубой библиотеке» (называвшейся так по цвету обложек) печатались для простого народа рассказы в стихах и в прозе о *misères* разных ремесленников. Каждая книжка была посвящена *misère* какого-нибудь одного ремесла, но они осознавались как серия, а порой

[36] Сноски: 36

Первая «Карикатура», которую выпускали Обер и Филиппон, была запрещена в 1835 году, а издание, которое в 1839 году начал выпускать Арман Дютак, было просто «тезкой» предыдущего, причем гораздо менее политизированным.

и объединялись под одной обложкой (например, в книге 1783 года «Невзгоды рода людского, или Забавные жалобы касательно обучения разным художествам и ремеслам в городе Париже и его окрестностях»[37]). Названия со словом *misères* оставались в употреблении и в XIX веке: так, в 1821 год Скриб и Мельвиль сочинили комедию-водевиль «Мелкие неприятности человеческой жизни», а в 1828 году Анри Монье, которого Бальзак высоко ценил[38], выпустил серию из пяти литографий под общим названием «Мелкие неприятности человеческие» («Petites misères humaines»). Между прочим, Бальзак и сам использовал слово *misères* не только в названии «Мелких неприятностей»: напомню, что тот роман, который известен русскому читателю как «Блеск и нищета куртизанок», по-французски называется «Splendeurs et misères des courtisanes»[39].

Очерки, вошедшие в первые «Неприятности»

---

[37] Сноски: 37

Les Misères de ce monde ou Complaintes facétieuses sur les apprentissages des différents Arts et Métiers de la ville et faubourgs de Paris; см.: *Delcourt T.* La Bibliothèque bleue et les littératures de colportage. Paris, 2000. P. 104–106.

[38] Сноски: 38

См. примеч. 477 к «Мелким неприятностям супружеской жизни».

[39] Сноски: 39

Бальзак печатал его частями начиная с 1838 года; привычное нам название впервые появилось в 1844 году.

1839 года, заголовков не имели, но были пронумерованы. При включении в окончательный текст Бальзак изменил их порядок и дал каждому название; это главы «Придирки», «Открытия», «Постановление», «Женская логика», «Воспоминания и сожаления», «Неожиданный удар», «Страдания простой души», «Амадис-омнибус», «Заботливость молодой жены», «§ 2. Вариация на ту же тему» из главы «Обманутое честолюбие» и «Женское иезуитство». В этих очерках главные герои получают имена Адольф и Каролина. В апреле 1841 года Бальзак заключил договор с издателем Сувереном на выпуск очерков из второй «Карикатуры» отдельным изданием; к ним он собирался добавить новеллу, впервые опубликованную в августе 1840 года под названием «Фантазии Клодины»[40], однако в ноябре 1841 года договор был расторгнут.

В декабре 1843 года Бальзак, по обыкновению остро нуждавшийся в деньгах, заключил с другим издателем, Пьером-Жюлем Этцелем (с которым он активно сотрудничал в 1841–1842 годах, когда сочинял рассказы для сборника «Сцены частной и общественной жизни животных»), договор на

[40] Сноски: 40

Впоследствии Бальзак дал ей иное заглавие — «Принц богемы» (под ним она и печатается с 1846 года в составе «Человеческой комедии»).

текст под названием «Что нравится парижанкам», который Этцель собирался включить в состав подготавливаемого им в то время коллективного сборника «Бес в Париже». В письме к Эвелине Ганской от 11 декабря 1843 года Бальзак пояснял, что этот текст, состоящий из девяти «мелких неприятностей супружеской жизни», станет окончанием уже начатой книги, которую он намерен напечатать в новом издании «Физиологии брака». Договор с Этцелем позволял Бальзаку публиковать новые тексты вне его сборника, но под другим заглавием, и заглавием этим как раз и должны были стать «Мелкие неприятности супружеской жизни». Впрочем, заглавие «Что нравится парижанкам», обозначенное в договоре с Этцелем, впоследствии было изменено, и в шести выпусках «Беса в Париже», вышедших из печати в августе 1844 года, еще десять очерков будущих «Неприятностей» фигурировали под общим заглавием «Философия супружеской жизни в Париже». В окончательном издании эти очерки превратились в следующие главы: «Наблюдение», «Брачный слепень», «Каторжные работы», «Желтые улыбочки», «Нозография виллы», «Неприятность от неприятности», «Восемнадцатое брюмера супружеской жизни», «Искусство быть

жертвой», «Французская кампания», «Соло для катафалка» (два очерка, которые, как уже говорилось, в первоначальном виде были напечатаны еще в 1830 году) и, наконец, последняя глава «Толкование, объясняющее, что означает felicità в оперных финалах». Хотя работал Бальзак над этими главами в очень сложных условиях, преодолевая сильные головные боли, текст вышел легкий и остроумный и, как констатировал сам автор в письме к Ганской от 30 августа 1844 года, имел большой успех. Поэтому Этцель решил издать его отдельно. Книга эта сначала, с июля по ноябрь 1845 года, публиковалась опять-таки в виде отдельных выпусков под тем же заглавием, которое было использовано внутри «Беса в Париже» («Философия супружеской жизни в Париже»), а затем вышла в виде книжечки с датой 1846 и под заглавием «Париж в браке. Философия супружеской жизни», данным по аналогии с выпущенными в той же серии книжечками Эжена Бриффо «Париж на воде» и «Париж за столом». Оригинальность этого издания составляет не текст (Бальзак его не правил), а иллюстрации Гаварни; на обложке как отдельных выпусков, так и всей книги эти иллюстрации были названы «комментариями»: «с комментариями Гаварни».

Между тем 25 февраля 1845 года Бальзак подписал договор с Адамом Хлендовским и предоставил ему право издать сначала отдельными выпусками, а затем в виде книги сочинение под заглавием «Мелкие неприятности супружеской жизни», куда войдут как уже напечатанные части, включая ту, что появилась в «Бесе в Париже», так и новые главы, которые Бальзак обязался представить через три месяца, но в реальности сделал это немного позже. Как видим, Бальзак вернулся к заглавию «Мелкие неприятности супружеской жизни», впервые использованному в 1839–1840 годах; его «коммерческую ценность» увеличил успех книги «Мелкие неприятности человеческой жизни», вышедшей в 1843 году с текстом Олд Ника (псевдоним Эмиля Форга) и иллюстрациями Гранвиля[41]. Первый выпуск издания Хлендовского вышел в свет 26 июля 1845 года; Хлендовский начал печатание с уже готовых текстов, почерпнутых сначала из «Карикатуры» 1839–1840 годов, а затем из «Беса в Париже». Тем временем Бальзак вернулся в Париж из путешествия по Европе и в сентябре приступил к сочинению последней части. В окончательном

[41] Сноски: 41

См.: *Le Men S.* Balzac, Gavarni, Bertall et les *Petites Misères de la vie conjugale* // Romantisme. 1984. № 43. P. 13.

издании эти очерки превратились в главы второй части: «Второе предисловие», «Мужья через два месяца», «Обманутое честолюбие», «Без дела», «Нескромности», «Грубые разоблачения», «Отсроченное блаженство», «Напрасные хлопоты», «Дым без огня», «Домашний тиран», «Признания», «Унижения», «Последняя ссора», «Провал», «Каштаны из огня», «Ultima ratio». Бальзак сначала опубликовал их под общим заглавием «Мелкие неприятности супружеской жизни» 2–7 декабря 1845 года в шести номерах газеты «Пресса», с тем чтобы потом предоставить Хлендовскому. Публикацию предваряет короткое предисловие Теофиля Готье, объясняющее, что публикуемые главы служат продолжением тех, которые уже выпустил Хлендовский, а также что в этой части роли поменялись и женщина из мучительницы превратилась в мученицу.

Бальзак читал верстку всех этих элементов отдельного издания и вносил туда правку до начала 1846 года. Выпуски Хлендовского выходили из печати до начала июля 1846 года, а вскоре (точная дата неизвестна, поскольку эта книга не была объявлена в еженедельнике «Bibliographie de la France») вышло и отдельное издание с 50 гравюрами и двумя с половиной сотнями рисунков

в тексте, буквиц и т. д., выполненных Берталем. Бальзак внес в свой экземпляр некоторые исправления в расчете на переиздание, однако оно при его жизни в свет так и не вышло. В том же 1846 году, но чуть раньше (по-видимому, в мае-июне) увидело свет и другое, на сей раз неиллюстрированное отдельное издание «Неприятностей», также не объявленное в «Bibliographie de la France», но, в отличие от издания Хлендовского, выходившее не под контролем Бальзака. Дело в том, что еще в сентябре 1845 года финансовые затруднения заставили Хлендовского уступить часть прав на будущее издание «Неприятностей» издателям Ру и Кассане и их типографу Альфреду Муссену. Бальзаку эта сделка была не по душе, но противиться ей он не мог, однако и участия в подготовке этого издания не принимал, а потому, хотя оно и вышло из печати раньше издания Хлендовского, оригинальным изданием «Неприятностей» считается именно это последнее. На титульном листе издания Ру и Кассане было выставлено: «Физиология брака: Мелкие неприятности супружеской жизни», однако текст «Физиологии» в нем не напечатан и ее название использовано исключительно для привлечения читательского интереса, а также, возможно,

чтобы намекнуть на связь новой книги с «физиологиями» начала 1840-х годов.

Судя по договору с Хлендовским, Бальзак предполагал напечатать «Неприятности» «в составе „Физиологии брака“». А из юридического документа, который Бальзак получил 22 ноября 1845 года от типографа Муссена (это было так называемое «предупреждение для должника» о необходимости выполнить долговые обязательства), известно, что Хлендовский получил от Бальзака разрешение издать «Неприятности» в качестве томов третьего и четвертого «Физиологии брака».

Тем не менее Хлендовский это намерение не осуществил; сходным образом и в выпущенный в августе 1846 года последний, 16-й том первого издания «Человеческой комедии» в раздел «Аналитические этюды» вошел всего один такой «этюд», а именно «Физиология брака». Возможно, причина в том, что это издание готовилось весной 1846 года, когда Бальзак путешествовал с Ганской по Италии и Швейцарии и не мог внести в текст коррективы, необходимые для объединения двух текстов в одном разделе «Человеческой комедии». Однако и письмо к Ганской, и договор с Хлендовским свидетельствуют о том, что объеди-

нение двух текстов входило в планы писателя. Правда, в каталоге, который он составил в 1845 году для второго издания «Человеческой комедии», «Неприятности» не упомянуты. Однако это может объясняться просто тем обстоятельством, что Бальзак планировал печатать их не отдельно, а в составе «Физиологии брака». А об их планируемом включении в состав «Человеческой комедии» можно судить, в частности, по самому тексту: сочиняя последнюю порцию очерков для «Прессы», Бальзак ввел в нее имена некоторых «повторяющихся персонажей», которые фигурируют во многих произведениях «Человеческой комедии»; ясно, что таким образом он хотел «привязать» «Неприятности» к основному ее корпусу[42]. Кроме того, в тексте «Неприятностей» есть прямые указания на родство двух текстов: в главе «Ultima ratio» Бальзак замечает, что данное сочинение «относится к „Физиологии брака“, как История к Философии, как Факт к Теории» (с. 677). Есть в тексте и несколько других отсылок к «гнусным принципам „Физиологии брака“» (они отмечены в наших примечаниях). Наконец, еще более убедительна ссылка на ту

[42] Сноски: 42
См., например, примеч. 501, 656, 664 к тексту Бальзака.

правку, которую Бальзак в 1846 году внес в «Физиологию брака»: в нескольких местах он ввел в текст имена Адольфа, Каролины и даже госпожи де Фиштаминель, которых не было в предыдущих изданиях. На связь с «Физиологией брака» указывал и выпущенный в 1846 году рекламный проспект к изданию Хлендовского, где две бальзаковские книги о браке названы «альфой и омегой супружества».

Поэтому вполне логичным было решение издателя Уссьё, который в своем издании «Человеческой комедии» (т. XVIII, 1855) первым включил «Неприятности» в раздел «Аналитические этюды», где они идут следом за «Физиологией брака».

Уссьё не имел доступа к авторскому экземпляру издания Хлендовского, куда Бальзак, как уже было сказано, внес некоторые исправления, и счел более верным вставить в свое издание некоторые пассажи из того варианта текста, который был напечатан в сборнике «Бес в Париже» (именно поэтому в издании Уссьё у «Неприятностей» иной финал). Однако поскольку изъявлением последней авторской воли следует считать исправленный экземпляр издания Хлендовского, публикатор этого текста в авторитетном издании

«Библиотека Плеяды» Жан-Луи Триттер выбрал для воспроизведения именно его, и наш перевод выполнен по этому изданию.

* * *

Исследователи женской участи в «Человеческой комедии» и бальзаковского отношения к женщине приходят к выводу, что в его сознании существовала некая утопия — представление об идеальном браке: это установление он считал необходимым[43], но желал, чтобы в его основе лежали и разум, и любовь. Утопичность подобного идеала Бальзак ясно сознавал, но не менее ясно он сознавал и другое: разум без страсти так же не может принести женщине абсолютного счастья в браке, как и страсть без разума. Доказательству этого тезиса посвящен роман «Воспоминания двух юных жен» (1842) — переписка двух подруг, одна из которых, Луиза, выходит замуж по страстной любви и оба раза терпит страшную неудачу (первого мужа замучила своей требовательностью, а второго ошибочно приревновала и с горя

[43] Сноски: 43

В «Предисловии к „Человеческой комедии“» (1842) это утверждение выражено очень четко: «Я рассматриваю как подлинную основу общества семью, а не индивида» (*Бальзак/15.* Т. 1. С. 9; пер. К. Локса).

довела до смерти саму себя), а другая, Рене, выходит замуж по расчету и, не любя мужа, всю себя посвящает детям, пытаясь восполнить таким образом страсть, отсутствующую в ее браке. Обеим случается пережить моменты счастья, но участь ни той, ни другой счастливой не назовешь.

В этом и других романах, специально посвященных семейной жизни, Бальзак рассматривает предельные «романические» ситуации; здесь кипят роковые страсти, затеваются интриги, вынашиваются грандиозные замыслы. Здесь происходят великие трагедии супружеской жизни. Но великие трагедии случаются не со всяким и вообще происходят преимущественно в романах. А как протекает повседневная жизнь обыкновенных супругов, что мешает им быть счастливыми? Книга, которую Бальзак озаглавил «Мелкие неприятности супружеской жизни», — именно об этом, и потому читателю легче отождествить себя с ее героями. Легче даже сегодня, по прошествии двухсот лет. Конечно, все происходит в старинных декорациях и старинных костюмах, однако соотношение персонажей семейной драмы или комедии остается прежним.

Этой актуальности «Мелких неприятностей» весьма способствует их оригинальное устрой-

ство.

Выше уже было сказано, что у Бальзака почти все романы и новеллы в той или иной степени посвящены браку, но в романах речь идет об историях конкретных супружеских пар, и это дает читателю возможность думать, что судьба данной несчастливой пары — не правило, а исключение. Правда, уже «Физиология брака» оставляла в этом отношении мало иллюзий, поскольку, рассказывая о женах, наскучивших брачными узами, подспудно, а иногда и прямо объявляла каждому мужу: так будет и с тобой. Но в «Мелких неприятностях» Бальзак пошел еще дальше: в книге два главных героя, Адольф и Каролина, однако это вовсе не герои в классическом смысле слова, с определенной внешностью и определенным характером. В самом начале книги автор представляет своего персонажа следующим образом:

> Может быть, это стряпчий при суде первой инстанции, может быть, капитан второго ранга, а может, инженер третьего класса или помощник судьи или, наконец, юный виконт. Но вероятнее всего, это жених, о котором мечтают все

> здравомыслящие родители, предел их мечтаний – единственный сын богатого отца!.. ‹…› Этого феникса мы будем звать Адольфом, каковы бы ни были его положение в свете, возраст и цвет волос.

А в газете «Пресса» 2 декабря 1845 года к публикации главы «Обманутое честолюбие» сделано примечание:

> Каролина в этой книге воплощает типическую жену, а Адольф – типического мужа; автор поступил с мужьями и женами так, как журналы мод поступают с платьями; он создал *манекены*.

Во французском языке перед именами собственными артикль не употребляется, однако Бальзак порой прибавляет к именам главных героев «Мелких неприятностей» неопределенный артикль и называет их: un Adolphe, une Caroline, то есть один из Адольфов, одна из Каролин; в других местах к тем же именам прибавлены указательные местоимения: этот Адольф, эта Каролина. Любовник же всякой Каролины непременно именуется Фердинандом (меняются только их порядковые номера: за Фердинандом I

следует Фердинанд II). Комментаторы отмечают в тексте хронологические или биографические неувязки: сначала Каролина единственная дочь, а на следующей странице у нее вдруг обнаруживается сестра, Каролина первой части родилась в Париже, а Каролина второй — провинциалка, Адольф первой части скорее всего рантье, а во второй части он второстепенный литератор, Каролина то кокетка и модница, то богомолка и ханжа. В главе «Обманутое честолюбие» фамилию Шодорей носит сам Адольф, и этот Адольф Шодорей издает газету; а чуть ниже, в главе «Грубые разоблачения», муж Адольф и газетчик Шодорей оказываются двумя разными лицами. Легко было бы списать эти неувязки на фрагментарность книги, создававшейся в спешке и по частям[44], но дело, думается, вовсе не в том. Если «Физиология брака», при всей ее новизне, в жанровом отношении была многим обязана предшествующим «Кодексам» и вообще полна заимствований из литературы XVIII века и более

[44] Сноски: 44

Как нередко и делают пишущие о «Мелких неприятностях». Характерна позиция Жана-Марка Шотто, сделавшего в 1999 году инсценировку этой книги Бальзака; в предисловии к изданию своей пьесы он похлопывает автора по плечу и указывает ему на все его недоработки, которые обещает исправить (тема избитая, персонажи не имеют характеров, стиль неотделанный).

ранних эпох, то «Мелкие неприятности» — книга экспериментальная; недаром современный исследователь упоминает в связи с ней пьесу Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора»[45], а современная исследовательница вообще называет эту книгу предвестницей основанного в 1960 году французского «Цеха потенциальной литературы» (OULIPO)[46].

В самом деле, один из самых видных членов этой группы, великий выдумщик Раймон Кено в 1967 году написал маленькое произведение под названием «Сказка на ваш вкус», где сначала читателю предоставляется выбирать, кого он хочет видеть ее героями: три маленькие горошины, три длинные жерди или три хилых кустика, а затем определять их дальнейшие действия. Так вот, Бальзак за сто двадцать лет до Кено предоставляет своему читателю сходную свободу.

Реплика мужа, оценивающего вид жены перед поездкой на бал, передана следующим образом:

«Я никогда не видел тебя так прекрас-

---

[45] Сноски: 45

Chollet. P. 152.

[46] Сноски: 46

Déruelle A. Le narratif à l'essai de la *Physiologie du mariage* aux *Petites misères de la vie conjugale* // Balzac, l'aventure analytique / Sous la dir. de Claire Barel-Moisan et Christèle Couleau. Paris, 2009. P. 90.

но одетой. – Голубой, розовый, желтый, пунцовый (выбирайте сами) тебе удивительно к лицу» (с. 500).

Реплика мужа, рассказывающего жене о якобы выгодном коммерческом предприятии, в которое он собирается вложить деньги, звучит так:

> «Ты хотела того! Ты хотела этого! Ты мне сказала то! Ты мне сказала это!..» Одним словом, вы в мгновение ока перечисляете все фантазии, которыми она столько раз надрывала вам сердце (с. 514), –

но сами фантазии опять-таки оставлены на усмотрение читателя[47]. А когда дело доходит до записки, найденной женой и позволяющей уличить мужа в измене, то Бальзак приводит сразу четыре варианта этого любовного послания:

> Первая записка сочинена гризеткой,

---

[47] Сноски: 47

Эту свободу, предоставленную читателю, остроумно передал Берталь в одной из иллюстраций. К тому месту, где идет речь о юной деве, грезящейся Адольфу, приложена картинка, на которой изображены перьевая ручка, губка для чернил и чистый лист бумаги с подписью: «Та, о которой вы мечтаете». Не хватает только рекомендации: «Нарисуй сам».

вторая – знатной дамой, третья – претенциозной мещанкой, четвертая – актрисой; из числа этих женщин Адольф выбирает своих *красавиц* (с. 659).

Эта «вариативность» «Мелких неприятностей» напоминает о том, что нередко забывают: при всей традиционности тех литературных жанров, в которых он работал (роман, рассказ), Бальзак был самым настоящим новатором; система повторяющихся персонажей, переходящих из одного произведения в другое, в той форме, какую придумал и развивал он, также опередила свое время и предсказала некоторые открытия модернизма: ведь биографию своих персонажей Бальзак выстраивает нелинейно, зачастую нарушая хронологию и предоставляя читателю самому восстанавливать недостающие звенья[48].

Впрочем, «предсказывает» Бальзак не только модернизм и постмодернизм XX века, но и словесность, более близкую к его эпохе. При чтении некоторых пассажей «Мелких неприятностей» трудно отделаться от ощущения, что здесь в свернутом виде заложена будущая «Анна Каренина»:

---

[48] Сноски: 48

См.: *Labouret M.* À propos des personnages reparaissants. Constitution du personnage et «sens de la mémoire» // *AB* 2005. Paris, 2005. P. 125.

«Все женщины, должно быть, помнят об этой прескверной мелкой неприятности — последней ссоре, которая зачастую вспыхивает из-за сущего пустяка, а еще чаще — из-за непреложного факта, из-за неопровержимого доказательства. Это жестокое прощание с верой, с ребячествами любви, с самой добродетелью, пожалуй, так же прихотливо, как сама жизнь. *Как и сама жизнь, оно протекает в каждой семье на свой особенный лад*» (с. 658; курсив мой. — *В. М.*) — и в другом месте: «Адольф, подобно всем мужчинам, находит утешение в жизни общественной: он выезжает, хлопочет, занимается делами. Но для Каролины все сводится к одному: любить или не любить, быть или не быть любимой» (с. 620). Не берусь утверждать, что Толстой помнил о «Мелких неприятностях», когда сочинял свой роман, но вообще с произведениями Бальзака он был знаком хорошо, хотя отзывался о нем, как и о многих других авторах, разноречиво, в диапазоне от «чушь» до «талант огромный»[49].

Разумеется, вариативность внутри одного и того же социального или профессионального типа разрабатывали также упомянутые выше

[49] Сноски: 49

См.: *Чистякова М.* Лев Толстой и Франция // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31/32. С. 989.

юмористические «физиологии» начала 1840-х годов. Например, в коротких главках «Физиологии женатого мужчины» (1842), сочиненной знаменитым автором популярных романов Полем де Коком, описаны разновидности супругов: ревнивый, придирчивый, чересчур заботливый, ласковый на людях, но невыносимый за закрытыми дверями и проч. Однако все эти мужья преподносятся читателю как *совершенно разные*, бальзаковский же Адольф, хотя и вмещает в себя множество разных мужей, одновременно, как это ни парадоксально, остается *одним и тем же* персонажем.

Еще одна оригинальная особенность «Мелких неприятностей» заключается в том, что эта книга «обоеполая».

Хотя в «Физиологии брака», как уже говорилось, многие страницы проникнуты сочувствием к женщине, все-таки формально книга эта с начала до конца написана с точки зрения мужчины; это руководство для мужа — как не стать рогоносцем. «Мелкие неприятности», несмотря на многие совпадения отдельных сюжетов (таких, например, как взаимоотношения мнимо больной жены с врачом или рассказ о силе женской «трещотки»), построены иначе. В начале второй части Бальзак

открыто объявляет о намерении соблюсти в своей книге интересы обоих полов и сделать ее «в большей или меньшей степени гермафродитом». На этом «гермафродитизме» «Мелких неприятностей» Бальзак настаивал начиная с конца 1830-х годов, однако формы его воплощения мыслил поразному. 3 ноября 1839 года в газете «Карикатура» перед очередным фрагментом «Неприятностей» была напечатана следующая полушутливая, полусерьезная заметка, разъясняющая намерения автора (явно с его ведома):

> Главный редактор этой газеты получил уже двадцать семь рекламаций (причем не оплаченных отправителями) касательно тенденции «Мелких неприятностей супружеской жизни», которые представляются нашим остроумным корреспонденткам направленными исключительно против женщин. Не для того, чтобы оправдать нашего сотрудника, но для того, чтобы избегнуть новых рекламаций, мы вынуждены открыть намерения автора, которому дамы должны были бы оказать куда больше доверия: «Мелкие неприятности супружеской

> жизни», подобно публичным баням, имеют два отделения: мужское и женское. Всякий разговор о браке сулит и дьяволу, и карикатуристу двойную поживу. Отныне, чтобы избежать монотонности, мы будем чередовать мелкую неприятность женского рода с мелкой неприятностью рода мужского.

Впрочем, в публикации «Карикатуры» этот принцип выдержан не вполне; из одиннадцати очерков только три представляют женскую точку зрения. В окончательном же варианте Бальзак избрал другой путь: не чередование женских и мужских глав, а разделение всей книги на две части, или, если подхватить «банную» метафору, на два отделения — мужское и женское. В середине текста, во «Втором предисловии» он признается, что у его книги есть две половины, мужская и женская: «ведь для того чтобы вполне уподобиться браку, книга эта обязана стать в большей или меньшей степени гермафродитом». Дидро в статье «О женщинах», которую Бальзак многократно цитирует в «Физиологии брака», упрекает автора книги «Опыт о характере, нравах и духе женщин в разные века» (1772) А. — Л. Тома в том, что книга

его «не имеет пола: это гермафродит, у которого нет ни мужской силы, ни женской мягкости», то есть употребляет применительно к книге слово «гермафродит» с неодобрительной оценкой; Бальзак же, напротив, видит в «гермафродитизме» своей книги ее преимущество. Шутливый «гермафродит» вполне соответствует в этом смысле гермафродиту серьезному — Серафите, героине одноименного романа (1834), фантастическому существу, в котором смешаны не только свойства человеческие и ангельские, но также и начала мужское и женское. Серафита — воплощение единого человечества, очистившегося от скверны; впрочем, обычным людям она предстает в форме, доступной их чувствам: женщинам в виде мужчины Серафитуса, а мужчинам — в виде женщины Серафиты. Конечно, от этих мистических видений до иронических скетчей «Мелких неприятностей» — дистанция очень большая. И тем не менее «обоеполость» — структурообразующая и содержательная основа книги. В самом деле, если в первой части жена выступает преимущественно в роли глупой, сварливой и вздорной фурии, то вторая часть показывает, как отвратительно порой ведут себя мужья и сколько мелких, но в высшей степени чувстви-

тельных неприятностей они могут доставить своим несчастным женам грубостью и нечуткостью, бесталанностью и неверностью.

Бальзаковеды, как правило, говорят о «Мелких неприятностях» как о книге безрадостной, разочарованной и жестокой по отношению к супружеской жизни. Арлетт Мишель, автор диссертации о любви и браке в «Человеческой комедии», пишет, что если «Физиология брака» — книга человека, который может насмехаться над браком как он есть, потому что верит в само это установление, то «Мелкие неприятности» — книга человека, который в брак не верит вовсе, и потому насмешки его принимают безнадежно циничный характер[50]. Тут современная исследовательница почти дословно повторяет то, что писали о «Мелких неприятностях» благонамеренные критики-современники; католический «Цензурный бюллетень» в феврале 1846 года осудил новое сочинение Бальзака в следующих словах:

> нет ничего более печального и более тяжелого для чтения, чем этот рассказ об

[50] Сноски: 50

Michel A. Le mariage et l'amour dans l'œuvre romanesque d'Honoré de Balzac. Lille, 1976. P. 923.

> общественных язвах, исследованных с тем хладнокровием, с каким химик изучает яд, и сведенных к алгебраическим формулам и аксиомам, с последней из которых мы никак не можем согласиться[51].

Последняя же эта аксиома гласит: «Счастливы лишь те пары, которые устроили себе брак вчетвером».

На мой взгляд, дело в «Мелких неприятностях» обстоит вовсе не так безрадостно. Хотя в проспекте к изданию Хлендовского подчеркнута именно «боевая» составляющая книги: «Франция, чье призвание — войны, превратила брак в битву»[52], — на самом деле «Мелкие неприятности» в гораздо большей степени, чем «Физиология брака», — книга о способах достижения супружеского мира, о том, как супругам состариться вместе если не в любви, то хотя бы в согласии. Мужу из «Физиологии брака» не придет в голову вопрос: как понравиться жене? как угадать «ее чувства, капризы и желания (три слова, обозначающие

---

[51] Сноски: 51
Цит. по: *Guize.* P. 290.

[52] Сноски: 52
CH. T. 12. P. 878.

одну и ту же вещь!)» (с. 540). Жене из «Физиологии брака» тоже не придет в голову угодить мужу его любимыми «шампиньонами по-итальянски» (с. 637). Ощущение же безрадостности при чтении «Мелких неприятностей» возникает, возможно, потому, что, как тонко заметил бальзаковед Ролан Шолле, эта книга резко отличается от всех прочих произведений «Человеческой комедии» заурядностью своих персонажей. Любимые герои Бальзака — творцы, гении, исполины, люди, объятые сильнейшей, пусть даже пагубной страстью; но в «Мелких неприятностях» все обстоит иначе: эта книга — о посредственностях[53]. Даже в «Физиологии брака» Бальзак упоминает «человека выдающегося, для которого написана эта книга» и таким образом поднимает планку. В «Мелких неприятностях» он ее опускает: и неприятности мелкие, и Адольф не более чем разновидность «провинциальной знаменитости в Париже» — посредственный литератор, не имеющий ни поэтического дара, ни сильных чувств, отличавших Люсьена де Рюбампре, героя одноименной части романа «Утраченные иллюзии» (1839).

Но зато тем самым и герои, и их проблемы

---

[53] Сноски: 53
Chollet. P. 154.

становятся ближе к «среднему читателю». Супружеские споры по поводу воспитания ребенка; муж, всякую минуту донимающий жену вопросом: «А что ты делаешь?»; неделикатные мужья, при всех именующие жену «мамочкой», «киской» или «персиком», и жены, изводящие мужей упреками и подозрениями, — все это, казалось бы, мелочи (как и было сказано), но они порой способны испортить жизнь не хуже иных трагических происшествий. Свободное построение «Мелких неприятностей», где герои — манекены без определенных привычек, с которыми каждому читателю особенно легко отождествиться, делает эту книгу поучительной без занудства. Возможному отождествлению способствует и тот факт, что почти вся книга выдержана в настоящем времени: это не рассказ о завершившейся истории конкретного персонажа с конкретным характером, это вечно длящаяся история «всех и каждого», пустая рама, в которую каждый может вставить свое лицо. В еще большей степени, чем «Физиология брака», «Мелкие неприятности» — своеобразное пособие по практической психологии семейной жизни, только, в отличие от многих пособий, написанных профессиональными учеными, остроумное и блестящее.

* * *

Несколько слов о русской судьбе обоих произведений, вошедших в наш сборник.

Если во Франции издательская история «Физиологии брака» сложилась, как было сказано выше, весьма счастливо, то в России дело обстояло иначе. Первый перевод на русский язык фрагмента из «Физиологии брака» (и вообще из произведений Бальзака) был опубликован в «Дамском журнале» под названием «Мигрень» (текст взят из первого параграфа Размышления XXVI «О различных видах оружия»)[54]. Цензурное разрешение этого номера датировано 8 марта 1830 года. В тот момент «Физиология брака» была еще абсолютной новинкой. Под текстом русской публикации выставлено: «Из Physiologie du mariage». Автор не указан, и это вполне естественно. Бальзак к тому времени подписал собственным именем один-единственный роман «Последний шуан», и хотя, как сказано выше, для французской публики имя автора «Физиологии» не было загадкой, в России его вполне могли еще не знать. Практически одновременно, меньше чем через месяц,

[54] Сноски: 54
Дамский журнал. 1830. Ч. 29. № 12. С. 177–180.

в журнале «Галатея» (цензурное разрешение 2 апреля 1830 года) в разделе «Смесь» появилась следующая заметка:

> Рассказывают, что в Париже случилось недавно следующее ужасное происшествие: одна знатная дама сделалась в прошедшем месяце отчаянно больна; родственники собрались у ее постели. Настала полночь; всеобщее молчание прерывалось хрипением умирающей и треском дров, горевших в камине. Вдруг из камина выбрасывает с треском горящий уголь на средину паркета; умирающая внезапно вскрикивает, открывает глаза, вскакивает с постели и, схватив щипцами уголь, бросает в камин; сделав такое напряжение, она падает без чувств на пол; ее поднимают и относят на постель, где она вскоре и умерла. Родственники, значительно посмотрев друг на друга и потом на черное пятно, оставшееся на паркете от угля, приказали немедленно взломать пол, из-под которого вынули ящик. Но каково было их удивление, когда, открыв оный, они

нашли в нем мертвую голову супруга покойницы, о котором до сих пор думали, что он остался в Испании![55]

Заметка подана как реальное происшествие, о каких русские журналы того времени в разделе «Смесь» рассказывали во множестве; так, на соседних страницах «Галатеи» находим рассказы о молодом человеке из Севильи, который «подобно совам, летучим мышам и т. п. видит только ночью, а днем выходит с проводником», и о сидящем в римской тюрьме «ужасном бандите Гаспарони», который «умертвил 143 человека»[56]. Ни Бальзак, ни «Физиология брака» в «Галатее» не упомянуты; между тем очевидно, что источником для нее послужил анекдот о происшествии в Генте из «Введения» к «Физиологии» (см. с. 60–61). Анонимный русский перелагатель опустил все то, что впоследствии служило отличительной чертой бальзаковской манеры и вызывало у одних читателей восхищение, а у других — резкое неприятие, а именно — страсть к подробностям в описаниях (то, что Пушкин называл «близорукой

[55] Сноски: 55
Галатея. 1830. Ч. 13. № 14. С. 138.

[56] Сноски: 56
Галатея. 1830. Ч. 13. № 14. С. 137.

мелочностью французских романистов»[57]). В заметке из «Галатеи» пересказана, в сущности, лишь фабула бальзаковской истории. Исходя из этого, можно предположить, что сотрудник «Галатеи» ориентировался даже не непосредственно на книгу Бальзака, а на сжатый пересказ этого эпизода в рецензии на нее Жюля Жанена, опубликованной в газете «Журналь де Деба» 7 февраля 1830 года[58].

Затем на несколько десятков лет история русской «Физиологии брака» полностью прервалась[59]. В 1900 году в журнале «Вестник иностранной литературы» был опубликован перевод В. Л. Ранцова; Ранцов перевел книгу с начала до конца, но выпустил некоторые абзацы оригинала, например раблезианские пассажи

---

[57] Сноски: 57

Пушкин. Т. 12. С. 9.

[58] Сноски: 58

С м. подробнее: *Мильчина В. А.* Неизвестный ранний перевод Бальзака в русской периодике (1830) // Острова любви Борфеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / Ред. — сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб., 2016. С. 305–308. Тот же эпизод в Генте был перепечатан целиком, но без указания источника еще в конце декабре в двух мелких парижских газетах: «Сильф» (le Sylphe) и «Вор» (le Voleur).

[59] Сноски: 59

См.: *Паевская А. В., Данченко В. Т.* Оноре де Бальзак. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1830–1964. М., 1965. С. 56–57.

из Размышления I, а в некоторых местах подверг текст Бальзака нравственной «цензуре»: афоризм «Каждой ночи потребно особое меню» превратился у него в максиму гораздо более вегетарианскую: «Каждый день должен быть своеобразен», а афоризм «Брак всецело зависит от кровати» вообще был заменен вопросом «В чем суть супружества?». После выхода этого перевода вновь наступила почти вековая пауза, и только после 1995 года, когда в издательстве «Новое литературное обозрение» был впервые опубликован наш перевод, «Физиология брака» в полном виде стала доступна русскому читателю[60].

Русская история «Мелких неприятностей» немногим богаче, чем у «Физиологии брака». 26 августа 1840 года в «Северной пчеле» под заголовком «Маленькие неприятности супружеской жизни. Статья Бальзака» была напечатана глава, которая позже получила название «Иезуитство женщин» (перевод был выполнен по публикации в газете «Карикатура»).

В 1846 году в сборнике «Бес в Париже» был напечатан под заголовком «Философия супружеской жизни в Париже» перевод тех глав, которые

---

[60] Сноски: 60
См.: *Патология.*

вошли в первую часть французского сборника «Le Diable à Paris».

В том же 1846 году «Библиотека для чтения» опубликовала в томе 74 под названием «Маленькие несчастия супружеской жизни» перевод (местами сокращенный до пересказа) тех глав, которые Бальзак напечатал в газете «Пресса» (перевод был выполнен стремительно: публикация в «Прессе» закончилась 7 декабря по новому стилю, а том русского журнала получил цензурное разрешение 31 декабря 1845 года по старому стилю).

Наконец, во второй половине XIX века вышли и два отдельных издания: в 1876 году в Москве в переводе Н. А. Путяты и в 1899 году в Санкт-Петербурге в переводе бабушки А. Блока Е. Г. Бекетовой (перевод вошел в том 20 собрания сочинений Бальзака в издании Пантелеева). С 1899 года «Мелкие неприятности супружеской жизни» на русском языке не издавались.

Перевод Путяты известен только по библиографическим указателям; в единственной библиотеке, где эта книга значится в каталоге (ГПБ в Санкт-Петербурге), ее «нет на месте с 1956

года»[61], что же касается переводов Ранцова и Бекетовой, они интересны как факт истории перевода, но нелегки для чтения. Бекетова переводит фразу: «Милая моя, не надо так горячиться» как «Милая моя, с чего же ты пылишь?», а у Ранцова персонаж, способный «расслышать, как растут трюфели», превращается в человека, который «слышит, как растет в поле травка!». Использование слов, которые сейчас значат совсем не то, что сотню лет назад; некоторые не слишком удачные обороты (такие, как «любовь, осложненная изменою мужу» у Ранцова или «дутье, вогнанное внутрь» у Бекетовой) и, наконец, своеобразная «цензура», о которой уже шла речь выше, — все это зачастую делает бальзаковского повествователя в старых переводах смешным. Между тем он был ироничным и остроумным, но смешным — никогда.

* * *

[61] Сноски: 61
Сердечно благодарю за эту информацию Н. М. Сперанскую.

Перевод выполнен по изданию: *CH*. T. 11 (Physiologie du mariage) и 12 (Petites misères de la vie conjugale), где воспроизведен текст, напечатанный в издании Фюрна. В примечаниях использованы комментарии Рене Гиза к «Физиологии брака» и Жана-Луи Триттера к «Мелким неприятностям супружеской жизни». Для настоящего издания мой перевод «Физиологии брака», впервые опубликованный в 1995 году и с тех пор несколько раз переиздававшийся, выверен и переработан, а примечания значительно расширены, в том числе за счет указания на источники, неизвестные французским комментаторам[62].

Вера Мильчина

[62] Сноски: 62

См.: *Milchina V.* Quelques sources méconnues de la *Physiologie du mariage*: remarques du commentateur // *AB* 2018 (в печати).

Физиология брака, или Эклектические размышления о радостях и горестях супружеской жизни

Посвящение

Обратите внимание на слова о «человеке выдающемся, для которого написана эта книга» (с. 101). Разве это не означает: «Для вас»?

Автор[63]

Женщина, которая, соблазнившись названием этой книги, пожелает ее открыть, может не трудиться: и не читая, она наперед знает все, что здесь сказано. Хитроумнейшему из мужчин никогда не удастся сказать о женщинах ни столько хорошего, ни столько дурного, сколько думают о себе они сами[64]. Если же, несмотря на мое предупреждение, какая-нибудь дама все-таки примется читать это сочинение, ей следует из

---

[63] Сноски: 63

Этот текст Бальзак написал лишь для издания Фюрна (1846); во всех предшествующих изданиях, начиная с первого (1829), на его месте стоял эпиграф: «Счастье есть цель, к которой должно стремиться каждое общество. *Автор*».

[64] Сноски: 64

Бальзак почти буквально повторяет афоризм из «Максим и мыслей» Никола де Шамфора (1741–1794), французского острослова и моралиста, которому «Физиология брака» обязана многими скептическими наблюдениями над человеческой природой: «Как бы дурно мужчина ни думал о женщинах, женщины думают о самих себе еще хуже» (*Chamfort*. T. 1. P. 421).

деликатности удержаться от насмешек над автором, который, добровольно лишив себя права на самое лестное для художника одобрение, поместил на титульном листе своего создания что-то вроде той упреждающей надписи, какую можно узреть на дверях иных заведений[65]: «Не для дам».

[65] Сноски: 65

До 1846 года на месте «иных заведений» стояло: «музея сравнительной анатомии».

Введение

«Природой брак не предусмотрен. — Восточная семья не имеет ничего общего с семьей западной. — Человек — слуга природы, а общество — ее позднейший плод. — Законы пишутся в соответствии с нравами, нравы же меняются».

Следовательно, брак, подобно всем земным вещам, подвержен постепенному совершенствованию.

Эти слова, произнесенные Наполеоном перед Государственным советом при обсуждении Гражданского кодекса[66], глубоко поразили автора этой книги и, быть может, невзначай подсказали ему идею сочинения, которое он сегодня выносит на суд публики. Дело в том, что в юности

---

[66] Сноски: 66

Бальзак цитирует их по книге графа Антуана-Клера Тибодо (1765–1854) «Записки о Консульстве» (1827), которую читал во время окончания работы над «Физиологией». В данном случае Бальзак свел в один монолог приведенные у Тибодо реплики Наполеона и его приближенного Ж. — Э. — М. Порталиса, который участвовал в составлении Гражданского кодекса (1804), названного позднее «Кодексом Наполеона». При этом Бальзак пренебрег тем, что Порталис и Наполеон отстаивали разные точки зрения: Порталис, в отличие от первого консула, утверждал, что брак природой предусмотрен. См.: *Thibaudeau*. P. 439.

ему довелось изучать французское право[67], и слово «адюльтер» произвело на него действие поразительное. Столь часто встречающееся в кодексе, слово это являлось воображению автора в самом мрачном окружении. Слезы, Позор, Вражда, Ужас, Тайные Преступления, Кровавые Войны, Осиротевшие Семьи, Горе — вот та свита, которая вставала перед внутренним взором автора, стоило ему прочесть сакраментальное слово АДЮЛЬТЕР! Позднее, получив доступ в самые изысканные светские гостиные, автор заметил, что суровость брачного законодательства весьма часто смягчается там Адюльтером. Он обнаружил, что число несчастливых семей существенно превосходит число семей счастливых. Наконец, он, кажется, первым обратил внимание на то, что из всех наук наука о браке — наименее разработанная. Однако то было наблюдение юноши, которое, как нередко случается, затерялось в череде его беспорядочных мыслей: так тонет камень, брошенный в воду. Впрочем, невольно автор продолжал наблюдать свет, и постепенно в

[67] Сноски: 67

Бальзак в сентябре 1816 года поступил клерком в контору стряпчего Ж. — Б. Гийоне-Мервиля, а в ноябре того же года записался студентом на факультет права Парижского университета, где учился до июня 1819 года, после чего объявил родителям о намерении бросить юриспруденцию и заняться литературой.

его воображении сложился целый рой более или менее верных представлений о природе брачных обычаев. Законы созревания книг в душах их авторов, быть может, не менее таинственны, нежели законы произрастания трюфелей на благоуханных перигорских равнинах[68]. Из первоначального священного ужаса, вызванного в сердце автора адюльтером, из делавшихся им по легкомыслию наблюдений в одно прекрасное утро родился замысел — весьма незначительный, но впитавший в себя некоторые авторские идеи. То была насмешка над браком: двое супругов влюблялись друг в друга через двадцать семь лет после свадьбы.

Автор извлек немалое удовольствие из сочинения маленького брачного памфлета и целую неделю с наслаждением заносил на бумагу бесчисленные мысли, связанные с этой невинной эпиграммой, — мысли невольные и нежданные. Замечание, к которому нельзя было не прислушаться, положило конец этому плетению словес. Послушавшись совета, автор возвратился к при-

[68] Сноски: 68

Реминисценция из Брийа-Саварена, который в «Физиологии вкуса» сообщал, что тайна происхождения этих грибов (которым в XVIII веке приписывали возбуждающее действие) не раскрыта. Перигор, историческая область на юго-западе Франции, считался одним из главным мест, где произрастали трюфели.

вычному беззаботному и праздному существованию. Однако первый опыт забавных изысканий не прошел даром, и семя, зароненное в ниву авторского ума, дало всходы: каждая фраза осужденного сочинения пустила корни и уподобилась ветке дерева, которая, если оставить ее зимним вечером на песке, покрывается наутро затейливыми белыми узорами, какие умеет рисовать причудник-мороз[69]. Таким образом, набросок продолжил свое существование и дал жизнь множеству нравственных ответвлений. Словно полип, он размножался без посторонней помощи. Впечатления молодости, назойливые мысли подтверждались мельчайшими событиями последующих лет. Более того, все это множество идей упорядочилось, ожило, едва ли не обрело человеческий облик и отправилось скитаться по тем фантастическим краям, куда душа любит

[69] Сноски: 69

Реминисценция из книги Стендаля «О любви» (1822, гл. 2; здесь и далее книга Стендаля цитируется в переводе М. Левберг и П. Губера), откуда Бальзак заимствовал не только этот образ, но и многие важные для концепции «Физиологии» мысли (прежде всего о воспитании девушек; ср. примеч. 156, 241, 242, 243). У Стендаля образ ветки, покрывающейся кристаллами, символизирует определенную стадию в возникновении любви; «кристаллизацией» Стендаль называет «особую деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами» (*Стендаль*. С. 23). Таким образом, стендалевское рождение любви Бальзак уподобляет рождению своей книги о любви, а точнее, о браке.

отпускать свое безрассудное потомство. Чем бы автор ни занимался, в душе его всегда звучал некий голос, бросавший самые язвительные замечания по адресу прелестнейших светских дам, которые танцевали, болтали или смеялись на его глазах. Как Мефистофель представлял Фаусту жуткие фигуры, собравшиеся на Брокене[70], так некий демон, казалось, бесцеремонно хватал автора за плечо в разгар бала и шептал: «Видишь эту обольстительную улыбку? Это улыбка ненависти». Порой демон красовался, словно капитан из старинных комедий Арди[71]. Он кутался в расшитый пурпурный плащ и хвастал ветхой мишурой и лохмотьями былой славы, пытаясь убедить автора, что они блестят, как новенькие. Порой он разражался громким и заразительным раблезианским смехом и выводил на стенах домов слово, являющееся достойной парой прославленному «Тринк!» — единственному прорицанию, которого удалось добиться от Божественной бу-

[70] Сноски: 70

Первые французские переводы «Фауста» Гете, выполненные А. Стапфером и Л. де Сент-Олером, появились в 1823 году; в 1828 году вышел новый перевод Жерара де Нерваля, а перевод Стапфера был переиздан с иллюстрациями Делакруа (это издание Бальзак упоминает в «Мелких неприятностях супружеской жизни»; см. примеч. 592).

[71] Сноски: 71

Драматург Александр Арди (ок. 1570–1632) был автором нескольких сотен трагедий и трагикомедий.

тылки[72]. Порой этот литературный Трильби[73] усаживался на кипу книг и лукаво указывал своими крючковатыми пальцами на два желтых тома[74], заглавие которых ослепляло взоры; когда же демону наконец удавалось привлечь к себе внимание автора, он принимался твердить отчетливо и пронзительно, словно перебирая лады гармоники: «ФИЗИОЛОГИЯ БРАКА!» Но чаще всего он являлся автору под вечер, перед сном. Нежный, словно фея, он пытался убаюкать душу порабощенного им смертного нежными речами. Столь же насмешливый, сколь и пленительный, гибкий, как женщина, и кровожадный, как тигр, он не умел ласкать, не царапая; дружба его была опаснее его ненависти. Однажды ночью он пустил в ход все свои чары, а под конец прибегнул

---

[72] Сноски: 72

Реминисценция из Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. V, гл. 44) — автора, который, наряду со Стерном, оказал на сочинителя «Физиологии брака», пожалуй, самое большое воздействие. В раблезианстве и вообще в старинной галльской веселости писатель искал противоядие от моды на романтическую меланхолию (см. примеч. 43). Свою приверженность раблезианским традициям Бальзак доказал в начатом через полтора года после «Физиологии брака» цикле «Озорные рассказы».

[73] Сноски: 73

Трильби — домовой, персонаж одноименной повести Шарля Нодье (1822); у Нодье, впрочем, главной чертой Трильби является не столько его лукавство, сколько любовь к земной женщине, красавице Дженни.

[74] Сноски: 74

Первое двухтомное издание «Физиологии брака» в самом деле вышло в желтых обложках.

к последнему доказательству. Он явился и сел на край постели, словно влюбленная дева, которая поначалу хранит молчание и только смотрит на обожаемого юношу горящими глазами, но в конце концов не выдерживает и изливает ему свои чувства. «Вот, — сказал он, — описание костюма, позволяющего гулять по поверхности Сены, не замочив ног. А вот — сообщение Института[75] об одежде, позволяющей проходить сквозь пламя, не обжегшись. Неужели ты не сумеешь изобрести средство, защищающее брак от холода и зноя? Слушай! Мне известны такие сочинения, как „О способах сохранять продовольствие“, „О способах класть камины, которые не дымят“, „О способах отливать превосходные мортиры“, „О способах повязывать галстук“, „О способах резать

[75] Сноски: 75

Институтом называлась основанная в 1795 году совокупность нескольких академий: Французской академии, Академии надписей и изящной словесности, Академии наук, Академии художеств (пятая — Академия нравственных и политических наук — была создана через три года после выхода «Физиологии брака»).

мясо“»[76].

В одну минуту он назвал автору такое множество заглавий, что тот едва не лишился чувств.

— Эти мириады книг нашли своих читателей, — продолжал демон, — хотя далеко не всякий строит дома и видит цель жизни в еде, далеко не всякий обладает галстуком и камином, меж тем в брак вступают очень многие!.. Да что там говорить, гляди!..

Он указал рукою вдаль, и взорам автора предстал океан, где качались на волнах все книги, напечатанные в недавнее время. Подпрыгивали томики в восемнадцатую долю листа, булькнув, уходили на дно тома ин-октаво, всплывавшие наверх с огромным трудом, ибо кругом кишели, образуя воздушную пену, книжонки в двенадца-

---

[76] Сноски: 76

О популярных в 1820-е годы руководствах-«кодексах» подробнее см. во вступительной статье, с. 9–12. Бальзак сам отдал дань этому жанру в книге «Кодекс порядочных людей, или О способах не попасться на удочку мошенникам». Почти все перечисленные им издания существовали на самом деле; книга Никола Аппера «О способах сохранять в течение многих лет все животные и растительные продукты» вышла в 1810 году и затем многократно переиздавалась; книга полковника Рокура «Трактат о способах отливать превосходные мортиры» появилась в 1828 году; в 1827 году вышла книга Эмиля Накрахмаленного (Émile de l’Empesé; псевдоним Эмиля Марко де Сент-Илера) «О способах повязывать галстук всеми известными и употребительными способами», отпечатанная, между прочим, в типографии Бальзака; наконец, книга «О способах устраивать обед, разрезать мясо, подавать блюда на стол…», приписанная на титульном листе «бывшему дворецкому председателя Венгерского сейма», вышла в 1828 году.

тую и тридцать вторую долю листа[77]. Свирепые волны терзали журналистов, наборщиков, подмастерьев, посыльных из типографий, чьи головы торчали из воды вперемешку с книгами. Туда-сюда сновали в челноках люди, которые выуживали книги из воды и отвозили их на берег высокому надменному мужчине в черном платье, сухощавому и неприступному: он воплощал в себе книгопродавцев и публику. Демон указал пальцем на расцвеченный новенькими флагами челн, мчащийся вперед на всех парусах и украшенный вместо флага афишкой; сардонически засмеявшись, он прочел пронзительным голосом: «ФИЗИОЛОГИЯ БРАКА».

Затем автор влюбился, и дьявол оставил его в покое, ибо, проникни он туда, где поселилась женщина, ему пришлось бы иметь дело с чересчур сильным противником. Несколько лет протекли в мучениях, причиняемых одной лишь любовью, и автор счел было, что вышиб клин

---

[77] Сноски: 77

Форматы имели определенную репутацию; так, восемнадцатая и тридцать вторая доля листа были закреплены за «Кодексами» и тому подобной продукцией; ин-октаво считался форматом, приличествующим серьезной литературе, и только в 1830-е годы в этом формате стали издавать романы. Первое издание «Физиологии брака» (как и первое издание «Физиологии вкуса» Брийа-Саварена), между прочим, тоже вышло в формате ин-октаво, демонстрирующем претензии автора на «научность».

клином. Но как-то вечером в одной из парижских гостиных, подойдя к горстке людей, собравшихся в кружок подле камина, он услышал рассказанный могильным голосом анекдот следующего содержания:

«В бытность мою в Генте там произошел следующий случай. Некая дама, уже десять лет вдовевшая, лежала на смертном одре. Трое родственников, притязавших на ее наследство, ожидали последнего вздоха больной и ни на шаг не отходили от ее постели, опасаясь, как бы она не отписала все свое состояние тамошнему бегинскому монастырю. Больная хранила молчание; казалось, она спит, и смерть медленно завладевала ее бледным онемелым лицом. Представляете ли вы эту картину: трое родственников зимней ночью бодрствуют в молчании возле постели больной? Сиделка качает головой, а врач, с тревогой сознавая, что спасения нет, одной рукой берется за шляпу, а другой делает родственникам знак, как бы говорящий: „Мои услуги вам больше не потребуются“. В торжественной тишине слышно, как за окном глухо завывает вьюга и хлопают на ветру ставни. Самый молодой из наследников прикрыл стоящую у постели свечу, дабы свет не резал глаза умирающей, так что

ложе ее тонуло в полумраке, а лицо желтело на подушке, словно скверно позолоченная фигура Христа на потускневшем серебряном распятии. Итак, темную комнату, где должна была произойти развязка драмы, освещало лишь зыбкое голубоватое пламя искрящегося очага. Ускорила развязку головешка, внезапно скатившаяся на пол. Услыхав ее стук, больная внезапно садится на постели и раскрывает глаза, горящие, как у кошки; все, кто был в комнате, взирают на нее с изумлением. Она пристально смотрит на катящуюся головешку, а затем, прежде чем родные успевают опомниться, в каком-то нервическом припадке вскакивает с кровати, хватает щипцы и швыряет головешку обратно в камин. Тут сиделка, врач, наследники бросаются к больной, подхватывают ее под руки, опускают на постель, подкладывают ей под голову подушку; не проходит и десяти минут, как она умирает, так и не оторвав глаз от того кусочка паркета, куда упала головешка. Не успела графиня Ван-Острум испустить дух, как трое наследников недоверчиво взглянули друг на друга и, напрочь забыв о тетушке, впились глазами в таинственную половицу. Наследники были бельгийцы, а значит, умели мгновенно подсчитывать свои выгоды. Об-

менявшись шепотом несколькими словами, они условились, что ни один из них не покинет теткиной спальни. Лакея послали за плотником. Как трепетали три родственные души, когда их обладатели, склонившись над роскошным паркетом, следили за действиями мальчишки-подмастерья, вонзившего в дерево свою стамеску. Половица треснула. „Тетушка шевельнулась!“ — вскрикнул самый юный из наследников. „Нет, это просто игра света“, — отвечал самый старший, приглядывавший разом и за кладом, и за покойницей. Безутешные родственники обнаружили под паркетом, точно в том месте, куда упала головешка, некий предмет, тщательно скрытый слоем гипса. „Действуйте!..“ — сказал старший наследник. Стамеска подмастерья поддела гипс, и на свет божий явился человеческий череп, в котором — не помню уж, по каким приметам, — наследники узнали графа, скончавшегося, как было известно всему городу, на острове Ява и горячо оплаканного скорбной вдовой»[78].

Рассказчик, поведавший нам эту старую ис-

[78] Сноски: 78

Жюль Жанен в своей рецензии на «Физиологию брака», напечатанной в «Журналь де Деба» 7 февраля 1830 года, сравнил роль автора этой книги с упомянутой в анекдоте головешкой, которая показывает: «Вот здесь!» О появлении этого фрагмента в сокращенном русском переводе в 1830 году см. во вступительной статье, с. 46–48.

торию, был высокий и сухощавый брюнет с рыжеватыми глазами, в котором автору почудилось отдаленное сходство с тем демоном, что некогда так сильно терзал его, однако раздвоенных копыт у незнакомца не имелось. Внезапно слух автора поразило слово Адюльтер, а перед его внутренним взором предстал весь тот зловещий кортеж, что сопровождал в прежние времена эти знаменательные слоги.

С тех пор призрак ненаписанного сочинения вновь принялся неотступно преследовать автора; не было в его жизни поры, когда бы ему так сильно досаждали вздорные мысли о роковом предмете этой книги. Впрочем, он мужественно противился демону, хотя тот увязывал самые незначительные события жизни автора с этим неведомым творением и, словно в насмешку, уподоблялся таможенному чиновнику и накладывал повсюду свою пломбу.

Несколько дней спустя автору довелось беседовать с двумя очаровательными особами

женского пола[79]. Первая была некогда одной из самых добросердечных и остроумных дам при дворе Наполеона. Достигнув при Империи весьма высокого положения, она с наступлением Реставрации потеряла все, что имела, и зажила отшельницей. Вторая, юная и прекрасная, пользовалась в пору нашей беседы огромным успехом в парижском свете. Дамы дружили, ибо первой исполнилось сорок, второй — двадцать два, и они редко оказывались соперницами. Одну из них присутствие автора ничуть не смущало, другая угадала его намерения, поэтому они с полной откровенностью продолжали при нем обсуждать свои женские дела.

— Замечали ли вы, дорогая моя, что женщины, как правило, любят только глупцов?

— Что вы говорите, герцогиня! Отчего же в таком случае они вечно питают отвращение к своим мужьям?

---

[79] Сноски: 79

Прототип второй дамы до сих пор остается неразгаданным (возможно, Бальзак и не имел в этом случае в виду реального лица и это такая же вымышленная героиня предисловий, о какой он пишет в Размышлении VII; см. с. 172), в первой же легко угадывается герцогиня Лора д'Абрантес (урожд. Пермон; 1784–1838), вдова наполеоновского генерала, покончившего с собой в 1813 году; в середине 1820-х годов она стала любовницей Бальзака, ввела его во многие парижские салоны и щедро делилась с ним житейской опытностью и воспоминаниями. Бальзак, со своей стороны, помогал герцогине в сочинении первых томов ее многотомных записок (1831–1835).

(«Да ведь это сущее тиранство! — подумал автор. — Теперь, стало быть, дьявол нацепил чепец?»)

— Нет, моя дорогая, я не шучу, — продолжала герцогиня, — больше того, хладнокровно вглядываясь в тех мужчин, с которыми зналась некогда я сама, я содрогаюсь. Ум всегда ранит нас своим блеском, человек острого ума нас пугает; если же человек этот горд, он не станет нас ревновать, а значит, не сумеет нам понравиться. Наконец, нам, пожалуй, приятнее возвышать мужчину до себя, нежели самим подниматься до него… Человек талантливый разделит с нами свои победы, зато глупец доставит нам наслаждение, поэтому нам приятнее слышать, как о нашем избраннике говорят: «До чего красив!» — нежели знать, что его избрали в Академию.

— Довольно, герцогиня! Вы меня пугаете.

Перебрав всех любовников, сведших с ума ее знакомых дам, юная кокетка не обнаружила среди них ни одного умного человека.

— Однако, клянусь добродетелью, — сказала она, — их мужья — люди куда более достойные…

— Но ведь они мужья! — важно ответствовала герцогиня.

— Неужели, — спросил автор, — все француз-

ские мужья обречены на столь жалкую участь?

— Разумеется, — засмеялась герцогиня. — И ярость, какую испытывают иные дамы против своих товарок, имевших несчастье доставить себе счастье и завести любовника, доказывает, как тяготит бедняжек их целомудрие. Одна уже давно сделалась бы Лаисой[80], не останавливай ее страх перед дьяволом, другая добродетельна исключительно благодаря своей бесчувственности, третья — из-за глупости ее первого любовника, четвертая…

Автор пресек этот поток разоблачений, поведав дамам о своем неотвязном желании сочинить книгу о браке; дамы улыбнулись и обещали ему не скупиться на советы. Та, что помоложе, весело внесла свой первый пай, посулив доказать математически, что женщины безупречной добродетели существуют только в воображении.

Вернувшись домой, автор сказал своему демону: «Приди! Я готов. Заключим договор!» Демон не явился.

Знакомя вас с биографией собственного сочинения, автор руководствуется отнюдь не мелким тщеславием. Он излагает факты, достойные по-

---

[80] Сноски: 80

Лаиса — имя многих греческих куртизанок.

служить вкладом в историю человеческой мысли и способные, без сомнения, прояснить суть самой книги. Некоторым анатомам мысли, быть может, небесполезно узнать, что душа — женщина. Поэтому, пока автор запрещал себе думать о книге, которую ему предстояло написать, фрагменты ее являлись ему повсюду. Одну страницу находил он у постели больного, другую — на канапе в будуаре. Взгляды женщин, уносящихся в вихре вальса, подсказывали ему новые идеи; жест или слово питали его высокомерный ум. Но в тот день, когда он сказал себе: «Что ж! Я напишу это сочинение, которое меня преследует!..» — все исчезло; подобно трем бельгийцам, на месте клада автор обнаружил скелет.

На смену демону-искусителю явилась особа кроткая и бледная, добродушная и обходительная, остерегающаяся прибегать к болезненным уколам критики. Она была щедрее на слова, нежели на мысли и, кажется, боялась шума. Быть может, то был гений, вдохновляющий почтенных депутатов центра.

— Не лучше ли, — говорила она, — оставить вещи, как они есть? Разве все обстоит так уж скверно? В брак следует верить так же свято, как в бессмертие души, а уж ваша-то книга наверняка

не послужит прославлению семейного счастья. Вдобавок вы того и гляди станете судить о семейной жизни на примере тысячи парижских супружеских пар, а ведь они — не что иное, как исключения. Быть может, вы встретите мужей, согласных предать в вашу власть своих жен, но ни один сын не согласится предать вам свою мать… Найдутся люди, которые, оскорбившись вашими взглядами, заподозрят вас в безнравственности и злонамеренности. Одним словом, касаться общественных язв дозволено только королям или по крайней мере первым консулам[81].

Хотя Разум явился автору в приятнейшем из обличий, автор не внял его советам; ведь вдалеке сумасбродство размахивало гремушкой Панурга, и автору очень хотелось завладеть ею; однако, когда он за нее взялся, оказалось, что она тяжелее палицы Геркулеса; к тому же по воле медонского кюре юноше, ценящему хорошие перчатки куда выше хорошей книги, доступ к этой гремушке

[81] Сноски: 81

Возможно, иронический намек на приписывавшуюся французским королям начиная со Средних веков способность исцелять золотушных больных наложением рук (источники и история этого верования подробно проанализированы в кн.: *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998).

заказан[82].

— Кончен ли наш труд? — спросила у автора та из двух его сообщниц, что помоложе.

— Увы, сударыня, вознаградите ли вы меня за все те проклятия, какие он навлечет на мою голову?

Она жестом выразила сомнение, к которому автор отнесся весьма беспечно.

— Неужели вы колеблетесь? — продолжала она. — Опубликуйте то, что написали, не бойтесь. Нынче в книгах покрой ценится куда выше материи.

Хотя автор был не более чем секретарем двух дам, все же, приводя в порядок их наблюдения, он потратил немало сил. Для создания книги о браке оставалось, пожалуй, сделать одну-единственную вещь — собрать воедино то, о чем все думают, но никто не говорит; однако, завершив подобный труд, человек, думающий как все, рискует не понравиться никому! Впрочем, эклектизм этого труда, возможно, спасет его. Насмешничая, автор попытался сообщить читателям несколько утешительных идей. Он неустанно тщился отыскать в человеческой душе неведомые струны. Отста-

[82] Сноски: 82

Медонский кюре — Рабле; Панург — персонаж «Гаргантюа и Пантагрюэля», шутник и насмешник.

ивая интересы самые материальные, оценивая или осуждая их, он, быть может, указал людям не один источник наслаждений умственных. Однако автор не настолько глуп и самонадеян, чтобы утверждать, будто все его шутки равно изысканны; просто-напросто, уповая на многообразие умов, он рассчитывает снискать столько же порицаний, сколько и похвал. Предмет его рассуждений так серьезен, что он постоянно старался *анекдотизировать*[83] повествование, ибо сегодня анекдоты — верительные грамоты любой морали и противуснотворная составляющая любой книги. Что же касается «Физиологии брака», суть которой — наблюдения и анализ, ее автору было невозможно не утомить читателя поучениями писателя. А ведь это, как прекрасно знает автор, — страшнейшая из всех бед, какие грозят сочинителю. Вот почему, трудясь над своим пространным исследованием, автор заботился о том, чтобы время от времени давать читателю роздых. Подобный способ повествования освящен лите-

[83] Сноски: 83

Бальзак употребляет неологизм (anecdoter), по всей вероятности изобретенный им самим. Это стремление к «анекдотизированию» было связано не только с желанием развлечь читателя, но и с тем, что Бальзак заканчивал книгу в спешке и для того, чтобы увеличить объем, «амплифицировал» ее историями, заимствованными из чужих книг; однако он подбирал их так точно, что «швов» практически не видно.

ратором, создавшим труд о вкусе, близкий к тому, который автор написал о браке, — труд, откуда автор позволил себе заимствовать несколько строк, содержащих мысль, общую для обеих книг. Он желал таким образом отдать дать уважения предшественнику, который умер, едва успев насладиться выпавшим на его долю успехом[84].

«Когда я пишу и говорю о себе в единственном числе, я словно бы завязываю с читателем разговор, я даю ему возможность исследовать, спорить, сомневаться и даже смеяться, но стоит мне вооружиться грозным МЫ, как я начинаю проповедовать, а читателю остается лишь повиноваться» (Брийа-Саварен. Предисловие к «Физиологии вкуса»)[85].

5 декабря 1829 года

---

[84] Сноски: 84

«Физиология вкуса» Брийа-Саварена вышла в свет в декабре 1825 года, а скончался он 2 февраля 1826 года. О том, чем «Физиология» Бальзака обязана «Физиологии» Брийа-Саварена, см. во вступительной статье, с. 13–16.

[85] Сноски: 85

Брийа-Саварен в «Физиологии вкуса» общается с читателем как всезнающий и всемогущий Профессор (как уже говорилось, именно так, в третьем лице, он себя и аттестует). См. подробнее: *Мильчина В. А.* Гримо де Ла Реньер и Брийа-Саварен: два маршрута в бессмертие // А. М. П. Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 396–409.

Часть первая
Общие положения

Мы будем возвышать голос против безрассудных законов, но до тех пор, пока их не изменят, будем слепо им повиноваться.

Дидро. Добавление к «Путешествию Бугенвиля» [86]

Размышление I
Тема

Физиология, чего ты хочешь от меня?

Хочешь ли ты доказать, что супружеские узы соединяют на всю жизнь мужчину и женщину, не знающих друг друга?

Что цель жизни — страсть, а никакой страсти не устоять против брака?

---

[86] Сноски: 86

Французский мореплаватель Луи-Антуан, граф де Бугенвиль (1729–1811) выпустил в 1771 году книгу «Кругосветное путешествие», на которую Дени Дидро (1713–1784) отозвался статьей «Добавление к „Путешествию Бугенвиля“», имеющей подзаголовок «Диалог между А и Б о бесполезности связывания нравственных идей с физическими действиями, которые таковых не подразумевают» (опубл. 1796).

Что брак — установление, необходимое для поддержания порядка в обществе, но противное законам природы?

Что очень скоро все французы в один голос потребуют возвратить им право прибегать к разводу, этому восхитительному лекарству, хотя бы на время избавляющему от супружеских невзгод?[87]

Что, несмотря на все его изъяны, брак — первый источник собственности?

Что он предоставляет правительствам бесчисленное множество залогов их прочности?

Что в союзе двух существ, решившихся вместе сносить тяготы жизни, есть нечто трогательное?

Что в зрелище двух воль, движимых одной мыслью, есть нечто смешное?

Что с женщиной, вступившей в брак, обходятся как с рабыней?

Что на свете нет браков совершенно счастливых?

Что брак чреват страшными преступлениями, многие из которых мы даже не в силах вообра-

---

[87] Сноски: 87

Развод был узаконен во Франции во время Революции (1792); в 1816 году, после возвращения Бурбонов, право на развод было отменено; разрешалось только раздельное проживание супругов. Несмотря на неоднократные предложения различных депутатов, восстановлен развод был лишь в 1884 году.

зить?

Что верности не существует; во всяком случае, мужчины на нее не способны?

Что, проведя расследование, можно было бы выяснить, насколько больше передача имущества по наследству сулит хлопот, чем выгод?

Что адюльтер приносит больше зла, чем брак — добра?

Что женщины изменяют мужчинам с самого начала человеческой истории, но эта цепь обманов не смогла разрушить институт брака?

Что законы любви связуют двоих так крепко, что никакому человеческому закону не под силу их разлучить?

Что наряду с браками, заключенными в мэрии, существуют браки, зиждущиеся на зове природы, на пленительном сходстве или решительном несходстве мыслей, а также на телесном влечении, и что, стало быть, небо и земля постоянно противоречат одно другому?

Что встречаются мужья высокого роста и великого ума, чьи жены изменяют им с любовниками низкорослыми, уродливыми и безмозглыми?

Ответ на каждый из этих вопросов мог бы составить отдельную книгу, однако книги уже написаны, а вопросы встают перед людьми вновь

и вновь.

Чего же ты хочешь от меня, Физиология?

Откроешь ли ты мне новые принципы? Станешь ли расхваливать общность жен? Ликург и иные греческие племена, татары и дикари испробовали этот способ[88].

Или ты полагаешь, что женщин следует держать взаперти? Турки прежде поступали именно так, а нынче начинают предоставлять своим подругам свободу.

Быть может, ты скажешь, что дочерей надобно выдавать замуж без приданого и без права наследовать состояние родителей?.. Английские литераторы и моралисты доказали, что это, наряду с разводом, самое верное основание счастливых браков.

А может быть, ты убеждена, что каждой семье

---

[88] Сноски: 88

Ликург, мифический древнеспартанский законодатель, «счел разумным и правильным, чтобы, очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия. ‹…› если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан» (*Плутарх*. Ликург, XV; Т. 1. С. 65; пер. С. Маркиша).

необходима своя Агарь?[89] Но для этого нет нужды менять законы. Статья Кодекса, грозящая жене карами за измену мужу в любой точке земного шара и осуждающая мужа, лишь если наложница живет с ним под одной крышей, негласно поощряет мужчин заводить себе любовниц вне дома.

Санчес рассмотрел все возможные нарушения брачных устоев; больше того, он обсудил законность и уместность каждого удовольствия, исчислил все нравственные, религиозные, плотские обязанности супругов; одним словом, если издать его фолиант, озаглавленный «De Matrimonio»[90], форматом ин-октаво, получится добрая дюжина томов.

Куча правоведов в куче трактатов рассмотрела всяческие юридические тонкости, связанные с институтом брака. Существуют даже сочинения, посвященные освидетельствованию пригод-

---

[89] Сноски: 89

Агарь — египтянка, служанка Сары, жены Авраама; по причине бесплодия Сары Авраам «вошел к Агари, и она зачала» (Быт. 16:4).

[90] Сноски: 90

«О браке» (1602) — труд испанского иезуита, богослова и правоведа Томаса Санчеса (1550–1610), «который, сидя в мраморном кресле, написал свою знаменитую книгу „De Matrimonio“, где с замечательным пониманием законов, правящих брачным союзом, подвергает все прихоти сладострастия суду церковного трибунала и приговору господ исповедников» (Предисловие к первому изданию «Шагреневой кожи» // *Бальзак/15*. Т. 15. С. 434; пер. Р. Линцер).

ности супругов к исполнению супружеских обязанностей.

Легионы врачей произвели на свет легионы книг о браке в его отношении к хирургии и медицине.

Следовательно, в девятнадцатом столетии «Физиология брака» обречена быть либо посредственной компиляцией, либо сочинением глупца, написанным для других глупцов: дряхлые священники, вооружившись золочеными весами, взвесили на них малейшие прегрешения; дряхлые правоведы, нацепив очки, разделили эти прегрешения на виды и подвиды; дряхлые врачи, взявшись за скальпель, разбередили с его помощью все мыслимые раны; дряхлые судьи, взгромоздившись на свои седалища, рассмотрели все неисправимые пороки; целые поколения испустили крик радости или горя; каждый век подал свой голос; Святой Дух, поэты и прозаики взяли на заметку все, от Евы до Троянской войны, от Елены до госпожи де Ментенон, от супруги

Людовика XIV до Современницы[91].

Чего же ты хочешь от меня, Физиология?

Не хочешь ли ты, часом, порадовать меня более или менее мастерскими картинами, призванными доказать, что мужчина женится:

из Амбициозности… впрочем, это всем известно;

из Бережливости — желая положить конец тяжбе;

из Веры, что жизнь прошла и пора поставить точку;

из Глупости, как юнец, наконец-то вырвавшийся из коллежа;

из Духа противоречия, как лорд Байрон[92];

из Естественного стремления выполнить волю покойного дядюшки, завещавшего племяннику в

---

[91] Сноски: 91

Франсуаза, маркиза де Ментенон (урожд. д'Обинье; 1635–1719) — фаворитка, а затем морганатическая супруга Людовика XIV, который вступил в этот брак после смерти своей законной жены, королевы Марии-Терезии Австрийской (1638–1683). Современница — псевдоним, под которым в 1827 году в Париже были выпущены восьмитомные мемуары авантюристки Иды де Сент-Эльм (1778–1845).

[92] Сноски: 92

В биографии Байрона, написанной Луизой Свентон Беллок, причины его женитьбы описываются следующим образом: «Однажды он услыхал о стихах, которые одна юная особа сочинила против него и его сочинений. То была мисс Милбенк, единственная дочь Ральфа Милбенка, баронета. Лорд Байрон не был с ней знаком, но ему ее описали как особу, наделенную множеством совершенств и талантов. Она нападала на автора даже больше, чем на его произведения. ‹…›

Подруги ее утверждали, что Байрон вызывает у нее непреодолимое отвращение и что она считает его чудовищем. Этот вызов пробудил тщеславие Байрона. Он прочел стихи, нашел их довольно острыми и загорелся целью быть представленным особе, которая так дурно о нем отзывается» (*Belloc L. S.* Lord Byron. Paris, 1824. T. 1. P. 55–56).

придачу к состоянию еще и невесту;

из Жизненной мудрости — что и по сей день случается с доктринерами[93];

из Злости на неверную любовницу;

из Истовой набожности, как герцог де Сент-Эньян, не желавший погрязать в грехе[94];

из Корысти — от нее не свободен, пожалуй, ни один брак;

из Любви — дабы навсегда от нее излечиться;

из Макиавеллизма — дабы незамедлительно завладеть имуществом старухи;

из Необходимости дать имя *нашему* сыну;

из Опасения остаться в одиночестве по причине своего уродства;

из Признательности — при этом отдавая куда больше, чем получил;

из Разочарования в прелестях холостяцкой жизни;

из Скудоумия — без этого не обходится;

из Турецкой обстоятельности;

---

[93] Сноски: 93

Доктринеры — группа мыслителей и политических деятелей, сторонников конституционной монархии, образовавшаяся в 1820-е годы; слово «доктринеры», однако, употреблялось и в более широком смысле, для обозначения людей рассудительных и склонных к философствованию.

[94] Сноски: 94

Поль де Бовилье, герцог де Сент-Эньян (1684–1776) выделялся среди придворных Людовика XIV честностью и простотою нрава.

из Уважения к обычаям предков;

из Филантропических побуждений, дабы вырвать девушку из рук матери-тиранки;

из Хитрости, дабы ваше состояние не досталось алчным родственникам;

из Честолюбия, как Жорж Данден[95];

из Щепетильности, ибо барышня не устояла.

(Желающие могут без труда приискать употребление оставшимся буквам алфавита[96].)

Впрочем, все перечисленные случаи уже описаны в тридцати тысячах комедий и в сотне тысяч романов.

Физиология, спрашиваю тебя в третий и последний раз, чего ты хочешь от меня?

Дело-то ведь избитое, как уличная мостовая, привычное, как скрещение дорог. Мы знаем о бра-

---

[95] Сноски: 95

Жорж Данден — персонаж одноименной комедии Мольера (1668), крестьянин, женившийся на дворянке.

[96] Сноски: 96

Ср. аналогичный алфавитный список определений любви («любовь есть, несомненно, одно из самых Ажитирующих, Беспокоящих, Волнующих, Горячащих, Дьявольских дел в жизни…» и проч.) у Л. Стерна в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759–1767, т. VIII, гл. XIII; *Стерн*. С. 460–461; пер. А. Франковского; *Sterne-2*. P. 387–388). Бальзак, высоко ценивший Стерна, по всей вероятности, взял за образец этот перечень. Бальзак пользовался французским изданием Полного собрания сочинений Стерна в четырех томах, выпущенным «обществом литераторов» в Париже в 1818 году (*Sterne L.* Œuvres complètes. Nouvelle édition. Paris: Ledoux et Tenré, 1818; см.: *Tilby*. P. 248); мы здесь и ниже даем цитаты из Стерна по русскому переводу

Франковского, отличающемуся от французского перевода лишь очень незначительно, но приводим также и ссылки на то французское издание, которое было в руках у Бальзака.

ке куда больше, чем о евангельском Варавве[97]; все древние идеи, с ним связанные, обсуждаются в литературе испокон веков, и нет такого полезного совета и такого вздорного проекта, которые не нашли бы своего автора, типографа, книгопродавца и читателя.

Позвольте мне сказать вам, по примеру нашего общего учителя Рабле: «Сохрани вас Господи и помилуй, добрые люди! Где вы? Я вас не вижу. Дайте-ка я нос оседлаю очками. А-а! Теперь я вас вижу. Все ли в добром здравии — вы сами, ваши супруги, ваши детки, ваши родственники и домочадцы? Хорошо, отлично, рад за вас»[98].

Но я пишу не для вас. Коль скоро у вас взрослые дети, с вами все ясно.

«Добрые люди, достославные пьяницы и вы, досточтимые подагрики, и вы, неутомимые пенкосниматели, и вы, ядреные молодцы, которые пантагрюэлизируете дни напролет, и держите взаперти хорошеньких птичек, и не пропускаете

---

[97] Сноски: 97

Варавва — преступник, отпущенный Понтием Пилатом в честь праздника Пасхи вместо Христа (Мф. 27:15–26).

[98] Сноски: 98

В обращениях к читателям Бальзак цитирует предисловия Рабле к разным книгам «Гаргантюа и Пантагрюэля» (в частности, к четвертой и третьей), создавая из этих раблезианских формул своеобразный центон. Здесь и далее цитаты из Рабле даются в переводе Н. М. Любимова.

ни третьего, ни шестого, ни девятого часа, ни вечерни, ни повечерия, и ничего не пронесете мимо рта и впредь».

Физиология обращена не к вам, вы ведь не женаты. Аминь!

«Вы, чертовы капюшонники, неповоротливые святоши, распутные ханжи, портящие воздух коты и прочие особы, напялившие для обмана добрых людей маскарадное платье!.. — прочь с дороги, осади назад! чтоб вашего духу здесь не было, безмозглые твари!.. Убирайтесь ко всем чертям! Клянусь дьяволом, неужели вы еще здесь?»

Пожалуй, со мной останутся только добрые души, любящие посмеяться. Не те плаксы, которые чуть что бросаются топиться в стихах и в прозе, которые воспевают болезни в одах, сонетах и размышлениях, не бесчисленные мечтатели-пустозвоны, но немногие древние пантагрюэлисты, которые долго не раздумывают, если представляется возможность выпить и посмеяться, которым по нраву рассуждения Рабле о горохе в сале, cum commento[99], и о достоинствах гульфиков, люди

---

[99] Сноски: 99

В главе «От автора», открывающей первую книгу «Гаргантюа и Пантагрюэля», Рабле упоминает «потешные заглавия» книг, якобы им написанных, в том числе «О достоинствах гульфиков» и «Горох в сале cum commento», то есть «с комментариями». О пантагрюэлистах см. примеч. 44.

премудрые, стремительные в гоне, бесстрашные в хватке и уважающие лакомые книги.

С тех пор как правительство изыскало способ взимать с нас налоги в полтораста миллионов, смеяться над правительством уже нет мочи. Папцы и епископцы, священцы и священницы[100] еще не так сильно разбогатели, чтобы мы могли выпивать у них; одна надежда, что святой Михаил, прогнавший дьявола с небес, вспомнит о нас, вот тогда того и гляди будет и на нашей улице праздник! Пока же единственным предметом для смеха остается во Франции брак. Последователи Панурга[101], не надобно мне иных читателей, кроме вас. Вы умеете вовремя взяться за книгу и вовремя ее отбросить, умеете радоваться жизни, понимать все с полуслова и высасывать из кости капельку мозга[102].

Люди, рассматривающие все в микроскоп, видящие не дальше собственного носа, одним словом,

---

[100] Сноски: 100

Иронические именования священнослужителей заимствованы из Рабле (кн. V, гл. 2).

[101] Сноски: 101

Здесь Панург упоминается не только как насмешник и любитель шуток, но и как герой глав, где обсуждается вопрос, следует ли ему жениться (кн. III, гл. IX и след.).

[102] Сноски: 102

Еще одна реминисценция из Рабле (пролог первой книги).

цензоры — все ли они сказали, все ли обозрели? Произнесли ли они свой приговор книге о браке, которую так же невозможно написать, как невозможно склеить разбитый вдребезги кувшин?

— Да, мэтр-сумасброд. Как ни крути, а из брака не выйдет ничего иного, кроме наслаждения для холостяков и хлопот для мужей. Это правило вечно. Испиши хоть миллион страниц, другого не придумаешь.

И все же вот мое первое утверждение: брак — война не на жизнь, а на смерть, перед началом которой супруги испрашивают благословения у Неба, ибо вечно любить друг друга — дерзновеннейшее из предприятий; тотчас вслед за молениями разражается битва, и победа, то есть свобода, достается тому, кто более ловок.

Допустим. Но что же тут нового?

Дело вот в чем: я обращаюсь к мужьям прежним и нынешним, к тем, кто, выходя из церкви или из ратуши, льстит себя надеждой, что их жены будут принадлежать им одним, к тем, кто, повинуясь неописуемому эгоизму либо неизъяснимому чувству, говорит при виде чужих несчастий: «Со мной этого не случится!»

Я обращаюсь к морякам, которые, не раз бывши свидетелями кораблекрушений, снова и снова

пускаются в плавание, к тем холостякам, которые осмеливаются вступать в брак, хотя им не раз доводилось губить добродетель чужих жен. Вот, например, история вечно новая и вечно древняя!

Юноша, а может быть, и старик, влюбленный, а может быть, и нет, только что подписавший брачный контракт и выправивший в мэрии все бумаги, по всем законам земным и небесным получает в жены юную девушку с пышными кудрями, черными влажными глазами, маленькими ножками, прелестными тонкими пальчиками, алыми губками и зубками цвета слоновой кости, прекрасно сложенную, трепетную, аппетитную и обольстительную, белоснежную, словно лилия, блистающую всеми мыслимыми красотами: ее опущенные долу ресницы подобны короне ломбардских королей, ее лицо свежо, как венчик белой камелии, и румяно, как лепестки красной; девственные ланиты ее покрыты едва заметным пушком, словно нежный, только что созревший персик; под светлой кожей бежит по голубым венам жаркая кровь; она жаждет жизни и дарует жизнь; вся она — радость и любовь, прелесть и наивность. Она любит своего супруга или по крайней мере полагает, что любит…

Влюбленный муж клянется в сердце своем:

«Эти глаза будут смотреть на одного меня, эти робкие уста будут говорить о любви одному мне, эта нежная рука будет одарять заветными сокровищами сладострастия лишь меня одного, эта грудь будет вздыматься лишь при звуках моего голоса, эта спящая душа очнется лишь по моему велению; лишь мне дозволено будет запускать пальцы в эти шелковистые пряди, лишь я смогу в беспамятстве гладить эту трепетную головку. Я заставлю Смерть бодрствовать подле моего изголовья и преграждать чужакам-грабителям доступ к моему брачному ложу; сей трон страсти потонет в крови — либо в крови безрассудных наглецов, либо в моей собственной. Покой, честь, блаженство, отеческая привязанность, благополучие моих детей — все зависит от неприступности моей опочивальни, и я буду защищать ее, как защищает львица своих детенышей. Горе тому, кто вторгнется в мое логово!»

Ну что ж, храбрый атлет, мы рукоплещем твоей решимости. До сей поры ни один геометр не осмелился нанести долготы и широты на карту супружеского моря. Многоопытные мужья не дерзнули обозначить мели, рифы, подводные камни, бризы и муссоны, линию берега и подводные течения, погубившие их суда, — так

стыдились они постигшего их крушения. Женатым странникам недоставало путеводителя, компаса… их призвана заменить эта книга.

Не говоря уже о бакалейщиках и суконщиках, существует множество людей, которым недосуг вникать в скрытые побуждения, движущие их женами; предложить им подробную классификацию всех секретов брака — долг человеколюбия; хорошо составленное оглавление позволит им постигать движения сердца их жен, подобно тому как таблица логарифмов позволяет им перемножать числа.

Итак, что скажете? Разве можете вы не признать, что помешать женам обманывать мужей — предприятие неслыханное, за которое не отважился еще взяться ни один философ? Разве это не всем комедиям комедия? Разве это не другое speculum vitae humanae[103]? Долой вздор-

[103] Сноски: 103

Зеркало жизни человеческой (*лат.*); латинское выражение *speculum vitae* входит в состав названий многих средневековых и возрожденческих сочинений. В двух текстах, подписанных другими авторами, но, судя по всему, инспирированных, если не продиктованных самим Бальзаком, к его творчеству применено сходное выражение со словом speculum: в предисловии к «Философским романам и повестям» Бальзака (1831) за подписью Филарета Шаля говорится, что «душа поэта есть зеркало мира», причем фраза эта приписана Лейбницу, а в предисловии к «Философским этюдам» (1835) за подписью Феликса Давена сказано, что Бальзак задумал сотворить гигантское speculum mundi (зеркало мира); см.: *CH*. T. X. P. 1193, 1209.

ные вопросы, которым мы в этом Размышлении произнесли справедливый приговор. Сегодня в морали, как и в точных науках, потребны факты, наблюдения. Мы их представим.

Для начала вникнем в истинное положение дел, взвесим силы обеих сторон. Прежде чем снабдить нашего воображаемого победителя оружием, подсчитаем число его врагов, тех казаков, которые мечтают завоевать его родной уголок.

Плыви с нами, кто хочет, смейся, кто может. Сняться с якоря, поднять паруса! Вы знаете исходную точку. Это — великое преимущество нашей книги перед многими другими.

Что же до нашей прихоти, заставляющей нас смеяться плача и плакать смеясь, подобно тому как божественный Рабле пил, когда ел, и ел, когда пил; что же до нашей мании соединять на одной странице Гераклита с Демокритом[104], писать, не заботясь ни о слоге, ни о смысле… если кому-то из членов экипажа это не по нраву, долой с корабля всю эту братию: стариков, чьи мозги заплыли жиром, классиков, не вышедших из

[104] Сноски: 104

Первый из этих древнегреческих философов оплакивал несовершенство мира, а другой над ним смеялся.

пелен, романтиков, закутанных в саван[105], — и полный вперед!

Изгнанные, возможно, поставят нам в вину, что мы уподобляемся людям, которые с радостным видом заявляют: «Я расскажу вам анекдот, над которым вы посмеетесь вволю!..» Ничего подобного: брак — дело нешуточное! Разве вы не догадались, что мы смотрим на брак как на легкое недомогание, от которого никто не защищен, и что книга наша — ученый труд, посвященный этой болезни?

— Однако вы с вашим кораблем или вашей книгой напоминаете тех кучеров, которые, отъезжая от станции, вовсю хлопают кнутом только потому, что везут англичан. Не успеете вы проскакать во весь опор и половину лье, как уже остановитесь подтянуть постромки или дать роздых лошадям. К чему трубить в трубы, еще не одержав победы?

---

[105] Сноски: 105

В споре классиков и романтиков — главном литературном событии 1820-х годов во Франции — Бальзак не желает становиться ни на одну из сторон; он скептически относится и к «впавшим в детство» старцам-классикам, и к погрязшим в меланхолических жалобах романтикам; ср. издевательства над элегическими клише в предисловии к первому изданию «Шагреневой кожи» (1831): «Не так давно публика отказалась сочувствовать больным и выздоравливающим юношам и сладостным сокровищам меланхолии, таящимся в литературном убожестве. Она сказала „прощай“ всем печальным, всем прокаженным, всем томным элегиям» (*Бальзак/15*. Т. 15. С. 439; пер. Р. Линцер).

— Эх, дражайшие пантагрюэлисты[106], нынче, чтобы добиться успеха, довольно притязать на него; а поскольку, возможно, великие творения в конечном счете суть не что иное, как незначительные идеи, облеченные в пространные фразы, я не понимаю, отчего бы мне не обзавестись лаврами, хотя бы для того, чтобы украсить соленые окорока, под которые так славно пропустить стаканчик!.. Минуточку, капитан! Прежде чем пуститься в плавание, дадим одно маленькое определение.

Читатели, поскольку на страницах этой книги, как и в светских гостиных, вы будете время от времени сталкиваться со словами «добродетель» и «добродетельная женщина», условимся об их значении: добродетелью мы называем ту покладистость, с которой жена скрепя сердце отдает это сердце мужу; исключения составляют редкие случаи, когда этому слову придается общеупотребительный смысл; отличить одно от другого читателям поможет природная сообразительность.

---

[106] Сноски: 106

Пантагрюэлисты — это, по определению Рабле, люди, достойные читать его книгу, иначе говоря, предпочитающие «жить в мире, в радости, в добром здравии, пить да гулять» (кн. II, гл. 34).

Размышление II
Брачная статистика[107]

Вот уже два десятка лет, как власти стараются определить, сколько гектаров французской земли занято лесами, сколько — лугами и виноградниками, сколько оставлено под паром. Ученые мужи пошли дальше: они пожелали узнать число животных той или иной породы. Больше того, они подсчитали кубометры дров, килограммы говядины, литры вина, число яблок и яиц, истребляемых парижанами. Но ни честь тех мужчин, что уже вступили в брак, ни интересы тех, кто только готовится это сделать, ни мораль и совершенствование человеческих

---

[107] Сноски: 107

Статистика в 1820-е годы пользовалась во Франции большой популярностью; самым прославленным представителем этой науки был барон Шарль Дюпен (1784–1873), из чьей книги «Производительные и торговые силы Франции» (1827) Бальзак черпал факты и цифры. Бальзак в «Физиологии брака» использует данные статистики наполовину всерьез, но наполовину пародийно; однако некоторые его читатели приняли его рассуждения за чистую монету. Так, 12 ноября 1831 года журналист газеты «Земной шар» (Le Globe), к этому времени являвшейся органом сенсимонистов, привел без указания источника бальзаковские статистические выкладки и сделал из них катастрофические выводы о тяжелой участи женщин во Франции: только один миллион из них может претендовать на мужскую любовь, остальные же из-за скверных социальных условий этой возможности лишены.

установлений еще не побудили ни одного статистика заняться подсчетом числа населяющих Францию порядочных женщин. Как! Французское министерство сможет при необходимости сообщить, каким количеством солдат и шпионов, чиновников и школьников оно располагает, но спросите его о добродетельных женщинах… и что же? Если французскому королю явится шальная мысль искать августейшую супругу среди своих подданных, министры не сумеют даже указать ему общее число белых овечек, из которых он мог бы ее выбрать; придется учреждать какой-нибудь конкурс добродетели, а это просто смешно.

Неужели не только политике, но и нравственности нам следует учиться у древних? Из истории известно, что Артаксеркс, пожелав взять жену из числа дочерей Персии, выбрал Эсфирь, самую добродетельную и самую прекрасную. Следовательно, его министры знали способ снимать сливки с подданных. К несчастью, Библия, столь ясно толкующая обо всех вопросах супружеской жизни, не дает нам никаких наставлений касательно выбора жены.

Попробуем восполнить пробелы, оставленные государственными чиновниками, и произвести перепись женского населения Франции.

Мы обращаемся ко всем, кто печется об общественной нравственности, и просим их быть нашими судьями. Мы постараемся выказать в подсчетах довольно великодушия, а в рассуждениях — довольно точности, чтобы все читатели согласились с результатами наших исследований.

Считается, что во Франции примерно тридцать миллионов жителей.

Иные естествоиспытатели уверяют, что женщин на свете больше, чем мужчин, однако, поскольку многие статистики придерживаются противоположного мнения, положим, что женщин во Франции пятнадцать миллионов.

Прежде всего исключим из названного числа примерно девять миллионов созданий, которые на первый взгляд очень похожи на женщин, но которых по здравом размышлении придется сбросить со счетов.

Объяснимся.

Естествоиспытатели полагают, что человек — один-единственный вид, входящий в семейство Двуруких, как то и указано на странице 16 «Аналитической зоологии» Дюмериля; только Бори Сен-Венсан счел нужным, полноты ради, приба-

вить к этому виду еще один — Орангутанга[108].

Если зоологи видят в нас не более чем млекопитающее, у которого имеются тридцать два позвонка, подъязычная кость и больше извилин в полушариях мозга, чем у любого другого существа; если для них все различия между людьми объясняются воздействием климата, породившим пятнадцать разновидностей этой особи, научные названия которых я не считаю нужным перечислять, то творец Физиологии вправе сам делить людей на виды и подвиды в соответствии с их умственными способностями, нравственными свойствами и имущественным положением.

Так вот, девять миллионов существ, о которых мы говорим, на первый взгляд совершенно схожи с человеком, как его описывают зоологи: у них есть подъязычная кость, клювовидный и

---

[108] Сноски: 108

«Аналитическая зоология, или Естественный метод классификации животных» Андре-Мари-Констана Дюмериля (1774–1860) вышла в 1806 году; Жан-Батист Бори Сен-Венсан (правильно: Бори де Сен-Венсан; 1780–1846) редактировал «Классический словарь естественной истории», в восьмом томе которого, вышедшем в 1825 году, была помещена статья «Человек», послужившая источником Бальзаку. Тезис о том, что «женщины-орангутанги» не достойны любви мужчин, вызвал несогласие у некоторых читательниц Бальзака; одна из них писала ему в 1837 году: «Знайте, эти женщины, которых вы относите к разряду орангутангов, понимают и чувствуют, быть может, куда сильнее, чем ваши богини из будуаров» (цит. по: *Lackner M.* Donner une voix aux femmes: Balzac et ses lectrices // *AB* 2008. Paris, 2008. P. 225).

плечевой отростки лопатки, а также скуловая дуга, поэтому господа зоологи имеют полное право причислить их к разряду Двуруких, но вот увидеть в них женщин — на это автор нашей Физиологии не согласится ни за что на свете.

Для нас и для тех, кому предназначена эта книга, женщина — редкая разновидность человеческого рода, физиологические свойства которой мы вам сейчас назовем.

Женщина в нашем понимании — плод особых стараний мужчин, не пожалевших на усовершенствование ее породы ни золота, ни нравственного тепла цивилизации. Первый отличительный признак женщины — белизна, нежность и шелковистость кожи. Женщина чрезвычайно чистоплотна. Пальцам ее подобает касаться лишь предметов мягких, пушистых, благоуханных. Подобно горностаю, она способна умереть от горя, если кто-то запятнает ее белые одежды. Она обожает расчесывать свои кудри и опрыскивать их духами, аромат которых пьянит и дурманит, холить свои розовые ноготки и придавать им миндалевидную форму, как можно чаще совершать омовения, погружая свое хрупкое тело в воду. Ночью она может покоиться лишь на мягчайших пуховиках, днем — лишь на

диванах, набитых волосом, причем излюбленное ее положение — горизонтальное. Голос у нее трогательный и нежный, движения исполнены изящества. Разговаривает она с изумительной непринужденностью. Она не занимается никаким тяжелым трудом и тем не менее, несмотря на внешнюю слабость, на удивление легко сносит иное бремя. Она боится солнца и защищает себя от его лучей с помощью самых хитроумных приспособлений. Ходить для нее — тяжелый труд; ест ли она что-нибудь? это загадка; отправляет ли какие-нибудь иные потребности? это тайна. Бесконечно любопытная, она легко покоряется всякому, кто сумеет скрыть от нее самый мелкий пустяк, ибо ум ее нуждается в поисках неведомого. Ее религия — любовь; она помышляет лишь о том, как понравиться своему возлюбленному. Быть любимой — цель всех ее поступков, возбуждать желание — цель всех ее жестов. Поэтому она вечно ищет способов блеснуть; она может существовать лишь в атмосфере изящества и элегантности; для нее юная индианка прядет невесомый пух тибетских коз, для нее Тарар ткет воздушные покрывала, для нее брюссельские мастерицы плетут чистейшие и тончайшие кружева, визапурские искатели драгоценностей

похищают из недр земли сверкающие каменья, а севрские умельцы золотят белый фарфор[109]. Днем и ночью она мечтает о новых украшениях, неусыпно следит за тем, чтобы платья ее были накрахмалены, а косынки наброшены изящно. Незнакомцам, чьи почести ей льстят, чьи желания ее чаруют, пусть даже незнакомцы эти ей глубоко безразличны, она является во всем блеске своей красоты и свежести. Часы, не занятые попечениями о собственной внешности и утехами сладострастия, она посвящает пению мелодичнейших арий: для нее композиторы Франции и Италии сочинили пленительнейшие из концертов, а неаполитанские музыканты запечатлели в музыке струн гармонию души. Говоря короче, такая женщина — царица мира и рабыня желания. Она опасается замужества, ибо оно может испортить талию, но соглашается на него, ибо оно сулит счастье. Детей она рожает по чистой случайности, а когда они вырастают, прячет их от света.

Разве перечисленные нами свойства, выбранные наугад из тысячи других, присущи тем созданиям, чьи руки черны, как у обезьян, а

[109] Сноски: 109

Тарар — город на юго-востоке Франции, центр текстильной промышленности; Визапур — город в Индии, центр добычи алмазов.

дубленые щеки напоминают пергаменты старинного парижского парламента; тем, чье лицо выжжено солнцем, а шея морщиниста, как у индюка; тем, кто носит лохмотья, чей голос хрипл, ум ничтожен, запах невыносим; тем, кто мечтает лишь о куске хлеба, кто, не разгибая спины, мотыжит, боронит, ворошит сено, подбирает колоски, убирает хлеб, замешивает тесто, треплет пеньку; тем, кто живет в норах, едва прикрытых соломой, вперемешку со скотом, детьми и мужчинами; тем, наконец, кому не важно, от кого рожать детей? Единственное призвание этих существ — произвести на свет как можно больше сыновей и дочерей, обреченных влачить жизнь в нищете; что же до любви, она для них если и не труд, подобный полевым работам, то всегда — предмет торга[110].

Увы! если на свете есть лавочницы, которые проводят дни между сальной свечкой и сахарной головой, фермерши, которые доят коров, страда-

[110] Сноски: 110

Это нелицеприятное описание женщин из простонародья восходит, скорее всего, к знаменитому отрывку из «Характеров» (1688) Жана де Лабрюйера: «Порою на полях мы видим каких-то диких животных мужского и женского пола: грязные, землисто-бледные, спаленные солнцем, они склоняются к земле, копая и перекапывая ее с несокрушимым упорством; они наделены, однако, членораздельной речью и, выпрямляясь, являют нашим глазам человеческий облик; это и в самом деле люди» (О человеке. § 128; пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой).

лицы, которые трудятся на фабриках или, словно вьючные животные, бредут по дорогам с корзинами, мотыгами и лотками; если, к несчастью, есть на свете целая толпа пошлых созданий, для которых жизнь души, блага образования, восхитительные сердечные бури — недостижимый рай, то сочинитель Физиологии не может не отнести их всех к разряду орангутангов, пусть даже природа даровала им подъязычную кость, клювовидный отросток лопатки и тридцать два позвонка! Мы пишем эту книгу лишь для людей праздных, для тех, у кого есть время и желание любить, для богачей, приобретших в свою собственность пылкие страсти, для умов, монопольно владеющих химерами. Да будет проклято все, что не животворится мыслью! Крикнем «ракá!» и даже «ракалия» всем, кто не горяч, не юн, не красив и не страстен[111]. Таким образом мы выскажем вслух тайные чувства филантропов, умеющих читать и ездящих в карете. Разумеется, сборщик налогов, чиновник, законодатель и священник видят в наших девяти миллионах отверженных женского пола налогоплательщиц, просительниц, подданных и паству, однако че-

[111] Сноски: 111

Ракá — от арамейского «пустой человек»; см.: Мф. 5:22. Ракалия (от *фр.* racaille) — негодяй, подонок.

ловек чувствующий, философ из будуара[112], хоть и не прочь отведать булочку, испеченную этими созданиями, не включит их, как мы уже сказали, в разряд Женщин. Женщинами такой философ почитает лишь тех особ, что могут внушить любовь; достойными внимания — лишь тех особ, которым тщательное воспитание сообщило священную способность мыслить, а праздная жизнь изострила воображение; наконец, подлинно живыми — лишь тех особ, чья душа ищет в любви наслаждений не только физических, но и духовных.

Заметим, однако, что девять миллионов парий женского пола то и дело производят на свет крестьяночек, которые, по странной случайности, вырастают прекрасными, как ангелы; красот-

[112] Сноски: 112

В этом выражении соблазнительно увидеть ироническую отсылку к книге маркиза де Сада «Философия в будуаре» (1795) — ироническую, поскольку Бальзак ведет речь о «человеке чувствующем», у героев же Сада все чувства заменяет чувственность. В романе «Златоокая девушка», называя в числе безнравственных сочинений «книгу, названную именем горничной», Бальзак прямо отсылает осведомленных читателей к другому произведению маркиза де Сада — роману «Жюстина». Заметим, что в «Мелких неприятностях супружеской жизни» горничная, в соответствии с давней литературной традицией, тоже носит имя Жюстина. О некоторых других параллелях творчества Сада и Бальзака см.: *Regard M.* Balzac et Sade // *AB* 1971. Paris, 1971. P. 3–10; *Delon M.* Le boudoir balzacien // *AB* 1998. Nouvelle série. № 19. Paris, 1998. P. 227–245 (в этой статье, хотя она полностью посвящена будуарам, «Физиология брака» не упоминается). Сопоставление одного из эпизодов романа «Кузина Бетта» (1846) с «Философией в будуаре»

Сада см. в статье: *Le Yaouanc M.* Le plaisir dans les récits balzaciens // *AB* 1973. Paris, 1973. P. 202–203.

ки эти поселяются в Париже и других больших городах, где иные из них в конце концов превращаются в светских дам; впрочем, на две-три тысячи этих избранниц приходятся сотни тысяч других, чей удел — быть служанками либо предаваться мерзостному разврату. Все же мы включим деревенских маркиз де Помпадур в число женской половины общества[113].

Наш первый подсчет исходит из данных статистики, согласно которым Францию населяют восемнадцать миллионов бедняков, десять миллионов людей зажиточных и два миллиона богачей.

Итак, во Франции найдется всего шесть миллионов женщин, на которых мужчины, умеющие чувствовать, обращают, обращали и будут обращать внимание.

Взглянем на это избранное общество глазами философа. Мы вправе с большой долей вероятности предположить, что супруги, прожившие бок о бок два десятка лет, могут спать спокойно, не опасаясь, что их семейный покой нарушат

---

[113] Сноски: 113

Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), ставшая фавориткой Людовика XV и обязанная этому своим возвышением и, среди прочего, титулом маркизы де Помпадур, не была аристократкой по рождению: отец ее был сначала возчиком, а затем интендантом службы, снабжавшей Париж продовольствием.

преступная страсть и постыдное обвинение в прелюбодеянии. Поэтому из шести миллионов женщин следует вычесть примерно два миллиона дам, которые в высшей степени любезны, ибо успели к сорока годам узнать, что такое свет, но не способны взволновать ничье сердце и, следовательно, не подлежат нашему рассмотрению. Если, несмотря на всю свою любезность, эти дамы имеют несчастье не привлекать ничьего внимания, ими овладевает скука; они посвящают себя религии, кошечкам и собачкам и не оскорбляют своими прихотями никого, кроме Господа.

Согласно подсчетам Бюро долгот[114], мы обязаны вычесть из общего числа женщин два миллиона чертовски хорошеньких маленьких девочек; постигая азы жизни, они в невинности своей играют с мальчишками, не подозревая, что юные «суплуги»[115], вызывающие сегодня их смех, завтра заставят их проливать слезы.

---

[114] Сноски: 114

Бюро долгот, образованное декретом от 7 мессидора III года (25 июня 1795 года), с 1797 года выпускало ежегодники, где публиковались данные из области астрономии, метеорологии и статистики, а также информация о новейших научных открытиях.

[115] Сноски: 115

Подражание детскому произношению, восходящее, по-видимому, к роману Ж. — Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761; ч. V, письмо XIV), где маленькая девочка употребляет то же искаженное слово (в оригинале *mali* вместо *mari* — муж).

В результате всех предыдущих вычетов мы получаем цифру в два миллиона; какой рассудительный читатель не согласится, что на это число женщин приходится никак не меньше сотни тысяч бедняжек горбатых, некрасивых, чахоточных, рахитичных, больных, слепых, увечных, небогатых, хотя и превосходно воспитанных и по всем этим причинам остающихся в девицах, а вследствие этого ничем не оскорбляющих священные законы брака?

А разве станет кто-нибудь спорить с нами, если мы скажем, что еще четыреста тысяч девиц поступают в общину Святой Камиллы[116], делаются монахинями, сестрами милосердия, гувернантками, компаньонками и проч.? К этому священному воинству мы приплюсуем тех юных особ, что уже слишком великовозрастны, чтобы играть с мальчишками, но еще слишком молоды для того, чтобы обзавестись венками из флердоранжа; число этих барышень точно определить невозможно.

Наконец, теперь, когда в горниле нашем оста-

[116] Сноски: 116

На самом деле речь идет о религиозном ордене Святого Камилла, основанном во второй половине XVI века итальянским священником Камиллом де Леллисом (1550–1614) для помощи больным; во Франции община сестер Святого Камилла возникла при Империи.

лось полтора миллиона женщин, мы вычтем из этого числа еще пятьсот тысяч; столько, по нашему мнению, живет во Франции дочерей Ваала, услаждающих досуг людей не слишком разборчивых[117]. Больше того, не боясь, что содержанки, модистки, продавщицы, галантерейщицы, актрисы, певицы, танцовщицы, фигурантки, служанки-госпожи, горничные и проч. развратятся от подобного соседства, мы зачислим их всех в тот же разряд. Большинство этих особ возбуждают весьма пылкие страсти, но находят неприличным извещать нотариуса, мэра, священника и светских насмешников о дне и часе, когда они отдаются любовнику. Образ жизни этих созданий, справедливо осуждаемый любознательным обществом, имеет то преимущество, что избавляет их от каких бы то ни было обязательств перед мужчинами, господином мэром и правосудием. Эти женщины не нарушают никаких публично принесенных клятв, а значит, не подлежат рассмотрению в нашем труде, посвященном исключительно законному браку.

Наш последний разряд может показаться кому-то слишком куцым, в отличие от пред-

[117] Сноски: 117

Дочери Ваала — куртизанки (поклонники хананейского бога Ваала, или Баала, представлены в Ветхом Завете как нечестивцы и развратники).

шествующих, которые иные любители могут счесть чересчур раздутыми. Если кто-то так страстно любит богатую вдовушку, что желает непременно включить ее в оставшийся миллион, пусть вычеркнет ее из списка сестер милосердия, танцовщиц или горбуний. Вдобавок, определяя число женщин, принадлежащих к последней категории, мы приняли в расчет, что ряды ее, как уже было сказано, пополняет немало крестьянок. Точно так же обстоит дело с работницами и мелкими торговками: женщины, рожденные в этих двух сословиях, суть плод усилий, которые совершают девять миллионов Двуруких созданий женского пола, дабы подняться до высших слоев цивилизации. Мы были обязаны действовать с исключительной добросовестностью, иначе многие сочли бы наше Размышление о брачной статистике просто шуткой.

Мы подумывали о том, чтобы устроить небольшой запасник тысяч на сто особей и поместить туда женщин, оказавшихся в промежуточном положении, например вдов, но в конце концов сочли, что это было бы чересчур мелочно.

Доказать верность наших расчетов не составляет труда; достаточно одного-единственного рассуждения.

Жизнь женщины разделяется на три совершенно различных периода: первый начинается с колыбели и кончается, когда девушка вступает в брачный возраст, второй отдан браку, третий настает, когда женщина достигает критического возраста и Природа довольно грубо напоминает ей о том, что пора страстей миновала. Эти три сферы существования примерно равны по длительности, и это дает нам право разделить исходное число женщин на три равные части. Ученые могут считать, как им заблагорассудится, мы же полагаем, что из шести миллионов женщин треть придется на девочек от одного года до восемнадцати лет, треть — на женщин не моложе восемнадцати лет и не старше сорока и треть — на старух. Причуды же общественного состояния разделили два миллиона женщин в возрасте, пригодном для замужества, на три категории, а именно — тех, которые по причинам, названным выше, остаются в девицах, тех, чья добродетель мало тревожит мужей, и, наконец, на тех супруг, которых насчитывается примерно миллион и которыми нам как раз и предстоит заняться.

Таким образом, из наших довольно точных подсчетов вытекает, что стадо белых овечек, предмет вожделений всех волков, насчитывает

во Франции от силы миллион.

Просеем этот миллион, и без того являющийся плодом тщательного отбора, сквозь еще одно сито.

Чтобы вернее оценить, сколько мужей могут доверять своей жене, допустим на минуту, что весь миллион дам грешит адюльтером.

Нам тотчас придется сделать исключение для юных особ, вышедших замуж совсем недавно, — логично предположить, что хотя бы какое-то недолгое время они не станут нарушать клятву верности; положим, что таких у нас отыщется пятьдесят тысяч.

Еще пятьдесят тысяч придется на больных. Называя столь скромную цифру, мы сильно льстим несовершенной человеческой природе.

Иные обстоятельства, говорят, разрушают власть мужчины над женским сердцем; женщинам случается дурно выглядеть, пребывать в печали, ждать ребенка: исключим из общего числа еще пятьдесят тысяч.

Мысль об измене не поражает сердце женщины мгновенно, как пистолетный выстрел. Даже если некто пленяет ее с первого взгляда, в течение какого-то времени она всегда борется сама с собой, чем несколько уменьшает общее чис-

ло супружеских неверностей. Ограничив плод этих внутренних борений всего пятьюдесятью тысячами верных жен, мы рискуем оскорбить целомудрие французской нации, от природы столь воинственной и столь склонной к борьбе, однако мы вправе предположить, что иные больные женщины принимают любовников вперемешку с успокоительными микстурами, а иные дамы в положении пленяют иных скрытных холостяков. Таким образом мы отстоим целомудрие тех, кто сражается за свою добродетель.

По уже названной причине мы не осмеливаемся поверить, будто женщина, брошенная любовником, отыскивает ему замену hic et nunc[118], однако этот разряд, естественно, менее многочислен, нежели предыдущий, и, по нашему убеждению, состав его не превышает двадцати пяти тысяч дам.

Итак, теперь, когда после всех вычетов у нас осталось восемьсот тысяч женщин[119], нам предстоит определить, многие ли из них покушаются

---

[118] Сноски: 118

Здесь и теперь (*лат.*).

[119] Сноски: 119

На самом деле из бальзаковских подсчетов следует, что их осталось семьсот семьдесят пять тысяч, но Бальзак и дальше исходит именно из этого числа (см. примеч. 77).

на святость брака.

Кому бы не хотелось пребывать в уверенности, что эти дамы добродетельны все до единой? Разве не представляют они собою цвет страны? Разве не восхищают, не пленяют, не поражают все как одна красотой и юностью, разве не воплощают в себе жизнь и любовь? Вера в их добродетель — своего рода общественная религия, ибо они составляют украшение светских гостиных и славу Франции.

Следовательно, наша задача — выяснить, сколько в полученном миллионе[120] порядочных женщин и сколько — женщин добродетельных.

Две эти категории и способы их определения достойны отдельных глав, которые послужат приложением к главе, прочитанной вами только что.

Размышление III
О женщине порядочной

В предшествующем Размышлении мы показа-

---

[120] Сноски: 120

Точнее, в семистах семидесяти пяти тысячах (см. предыдущее примечание). Впрочем, Бальзак, произведя в этом Размышлении необходимые вычитания из миллиона «белых овечек», в дальнейшем все равно продолжает исходить из того, что этих дам в общей сложности миллион.

ли, что во Франции имеется примерно миллион женщин, обладающих правом внушать страсть, которую светский человек может без стыда выставить напоказ или с удовольствием скрыть. Именно на этот миллион нам предстоит направить свет нашего Диогенова фонаря, дабы определить число порядочных женщин, живущих в нашем отечестве.

Для начала сделаем кое-какие отступления.

Двое стройных, хорошо одетых и обутых в превосходные сапоги юношей, чьи гибкие руки приводят на память «барышню» мостильщика улицы[121], встречаются однажды утром на бульваре, у входа в пассаж Панорам[122]. «А, это ты?» — «Да, дорогой мой, это я собственной персоной!» И оба принимаются смеяться с более или менее умным видом, смотря по характеру шутки, открывшей беседу.

Оглядев друг друга с придирчивым любопытством жандарма, держащего в памяти приметы

---

[121] Сноски: 121

«Барышней» называли тяжелый деревянный каток для утрамбовывания мостовой; его расположенные с двух сторон дугообразные ручки напоминали упертые в бока женские руки. В русской традиции эта «барышня» именуется «ручной бабой».

[122] Сноски: 122

Пассаж Панорам отходит от Монмартрского бульвара; названием он обязан двум круглым зданиям для демонстрации видов, выстроенным на бульваре в 1800 году.

преступника, убедившись в том, что перчатки и жилеты у обоих безупречны, а галстуки повязаны с должным изяществом и что удача их не покинула, они отправляются на прогулку, и, если встреча произошла у театра Варьете, можно быть уверенным, что, еще не дойдя до Фраскати[123], юноши зададут друг другу довольно-таки циничеcкий вопрос, вольный перевод которого гласит: «Итак, кого мы сегодня берем в жены?»

Берут, как правило, всегда хорошеньких.

В лабиринте парижских улиц речи прохожего обрушиваются на всякого столичного пехотинца, словно пули в день битвы; кому не доводилось ловить на лету какое-нибудь из этих бесчисленных слов, замерзших в воздухе, как о том написано у Рабле?[124] Впрочем, большинство людей ходят по улицам Парижа так же, как едят и живут, — бездумно. На свете мало талантливых музыкантов, опытных физиогномистов, умею-

[123] Сноски: 123

Театр Варьете располагался на Монмартрском бульваре рядом с панорамами (см. предыдущее примечание). Фраскати — игорный дом с рестораном, основанный в эпоху Директории на углу улицы Ришелье и Монмартрского бульвара, чуть западнее театра Варьете и панорам.

[124] Сноски: 124

У Рабле (кн. IV, гл. 55–56) описано случившееся зимой «кровопролитное сражение», когда «замерзли в воздухе слова и крики мужчин и женщин, удары палиц, звон лат и сбруи, ржанье коней и все ужасы битвы»; когда зима кончилась, слова стали оттаивать и доходить до слуха.

щих распознать, в каком ключе написаны эти разрозненные мелодии, какая страсть за ними скрывается. О эти блуждания по Парижу, сколько очарования и волшебства вносят они в жизнь! Фланировать — целая наука, фланирование услаждает взоры художника, как трапеза услаждает вкус гастронома. Гулять значит прозябать; фланировать значит жить. Юная и прелестная женщина, долгое время пожираемая глазами пылких прохожих, имеет больше прав на вознаграждение, чем хозяин харчевни, требовавший двадцать су с лиможца, чей открытый всем ветрам нос унюхал питательные ароматы[125]. Фланировать значит наслаждаться, запоминать острые слова, восхищаться величественными картинами несчастья, любви, радости, лестными или карикатурными портретами; это значит погружать взгляд в глубину тысячи сердец; для юноши фланировать значит всего желать и всем овладевать; для старца — жить жизнью юношей, проникаться их страстями. Так вот, возвращаясь к решительному вопросу, который наши герои

[125] Сноски: 125

Реминисценция из Рабле (кн. III, гл. 37). Су — мелкая монета, равнявшаяся 5 сантимам; ее упразднили после Французской революции в конце XVIII века, однако французы по старой памяти продолжали использовать ее в качестве счетной единицы и называли монету в один франк двадцатью су.

задали друг другу, — каких только ответов на него не случалось услышать в Париже художнику-фланеру![126]

«Ей тридцать пять лет, но ты ни за что не дашь ей больше двадцати!» — восклицает пылкий молодой человек с горящими очами, который, только что распрощавшись с коллежем, хотел бы, подобно Керубино, перецеловать всех женщин до единой[127]. «Вообрази: у нас батистовые пеньюары, а на ночь мы надеваем брильянтовые кольца…» — говорит клерк нотариуса. «У нее карета и ложа во Французском театре!» — хвастает один военный. «Мне, — кричит другой, не первой молодости, словно отбиваясь от обвинений, — мне это не стоит ни единого су! С моей-то фигурой… Разве ты, почтеннейший, мог бы этого

---

[126] Сноски: 126

Умению читать по лицам и обрывкам разговоров биографию прохожих Бальзак учился, в частности, у Л. Стерна; ср. в его «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» (1768): «Нет тайны, столь способствующей прогрессу общительности, как овладение искусством этой стенографии, как уменье быстро переводить в ясные слова разнообразные взгляды и телодвижения со всеми их оттенками и рисунками. Лично я вследствие долгой привычки делаю это так механически, что, гуляя по лондонским улицам, всю дорогу занимаюсь таким переводом; не раз случалось мне, постояв немного возле кружка, где не было сказано и трех слов, вынести оттуда с собой десятка два различных диалогов, которые я мог бы в точности записать, поклявшись, что ничего в них не сочинил» (*Стерн*. С. 591; пер. А. Франковского; *Sterne-3*. P. 109). Впоследствии, в 1830-е годы фигура фланера стала непременным элементом нравоописательных очерков о Париже; фланеру как прогуливающемуся наблюдателю-философу, читающему город как

книгу, противопоставлялась фигура зеваки, глазеющего на зрелища для простонародья.

[127] Сноски: 127

Реминисценция из комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1784, д. 1, явл. VII).

добиться?» И он легонько хлопает приятеля ладонью по животу.

— О! она любит меня! — говорит еще один счастливец. — Ты даже представить себе не можешь, как она меня любит, но муж у нее такая скотина! О!.. Бюффон неподражаемо описал животных, но двуногое, именуемое мужем…[128] — (Как приятно слышать все это тому, кто уже женат!)

На вопрос, из деликатности заданный шепотом, следует ответ: «О, мой друг, как ангел!..» — «Ты можешь назвать мне ее имя или познакомить с нею?» — «Нет, что ты, она ведь *порядочная женщина*».

Если студент любим лимонадчицей[129], он с гордостью называет друзьям ее имя и ведет их к ней завтракать. Если юноша любит женщину, чей муж торгует предметами первой необходи-

---

[128] Сноски: 128

Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) — французский естествоиспытатель, автор многотомной «Естественной истории» (1749–1788), описывающей все многообразие животного мира. Комментируемая отсылка к Бюффону шутлива, однако позднее, в предисловии к «Человеческой комедии» (1842) Бальзак представил свой собственный замысел как намерение пойти по стопам Бюффона: «Если Бюффон создал изумительное произведение, попытавшись в одной книге представить весь животный мир, то почему бы не создать подобного же произведения об Обществе» (*Бальзак/15.* Т. 1. С. 3; пер. К. Локса).

[129] Сноски: 129

Лимонадчицами именовались хозяйки кофеен, где подавали кофе и прохладительные напитки (лимонад).

мости, он отвечает, покраснев: «Она белошвейка, жена торговца бумагой, чулочника, суконщика, приказчика и проч.».

Однако подобные признания в любви к существу низшему, любви, расцветшей пышным цветом среди тюков с бумагой, сахарных голов и фланелевых жилетов, неизменно сопровождаются велеречивым восхвалением богатства дамы. Торговлей занимается только муж; он человек состоятельный, дом у него прекрасно обставлен; впрочем, красавица сама приезжает к любовнику; она носит кашемировые шали, у нее есть загородный дом и проч.

Одним словом, у юноши всегда находится множество неопровержимых доказательств того несомненного факта, что любовница его очень скоро станет — если уже не стала — порядочной женщиной. Элегантность наших нынешних нравов сделала различие между женщиной порядочной и той, которая ею не является, столь же зыбким, сколь и различие между хорошим и дурным тоном. Что же такое порядочная женщина?

На карту здесь поставлено тщеславие женщин, их любовников и даже мужей, поэтому мы почитаем необходимым изложить здесь общие правила — плод длительных наблюдений.

Перед нами миллион избранных особ; все они вправе притязать на славный титул порядочной женщины, но не все достойны его получить. Принципы, отделяющие достойных от недостойных, выражены в следующих аксиомах:

Афоризмы

I

Порядочная женщина — по определению женщина замужняя.

II

Порядочной женщине меньше сорока лет.

III

Замужняя женщина, чьи милости платные, порядочной не является.

IV

Замужняя женщина, имеющая собственный экипаж, — женщина порядочная.

V

Женщина, занимающаяся стряпней, к порядоч-

ным не принадлежит.

VI

Если мужчина имеет двадцать тысяч ливров годового дохода[130], *жена его — женщина порядочная, каковы бы ни были источники этого дохода.*

VII

Женщина, которая называет заемное письмо взаимным, *туфлю* – туфлем, *солитер* – солеваром, *а о мужчине говорит: «Ну и* шутейник *господин такой-то!» — не может быть порядочной, какой бы суммой ни исчислялось ее состояние*[131].

---

[130] Сноски: 130

Ливром традиционно называли франк при исчислении суммы годового дохода.

[131] Сноски: 131

Бальзак и в дальнейшем наделял непривлекательных и недалеких персонажей своих романов привычкой неправильно произносить слова, идиомы и пословицы; любопытно, что сам он, по воспоминаниям своей сестры Лоры, обожал подобные фразы, собирал их и страшно гордился «коллекцией» (см.: *Воспоминания*. С. 92). В кругу литераторов аристократической ориентации насмешливый интерес к ошибкам речи буржуа был в 1830-е годы весьма распространенным явлением; таким образом аристократы проводили разграничительную черту между теми, кто владеет правилами хорошего тона от рождения, и теми, кто лишь недавно начал овладевать ими и грешит частыми ошибками. Понятно, что Бальзак с его претензиями на аристократизм становится на сторону тех, кто смеется над неверными идиомами и невольными каламбурами.

VIII

Порядочная женщина должна иметь такой достаток, который позволит ее любовнику быть уверенным, что она никогда и никоим образом не будет ему в тягость.

IX

Женщина, живущая в четвертом этаже (повсюду, кроме улиц Риволи и Кастильоне[132]), порядочной не является.

X

Жена любого банкира — женщина порядочная, но женщина, сидящая за конторкой, может быть названа порядочной, лишь если дело ее мужа процветает, а квартира не находится прямо над лавкой.

XI

Незамужняя племянница епископа, живу-

---

[132] Сноски: 132

Квартиры на верхних этажах были более дешевыми и менее престижными, однако в роскошных домах на названных улицах даже жилье на четвертом этаже было по карману только людям зажиточным.

щая в его доме, может считаться порядочной женщиной, ибо, заведя любовную интригу, она вынуждена обманывать дядюшку.

XII

Порядочная женщина — та, которую любовник боится скомпрометировать.

XIII

Жена всякого художника — женщина порядочная.

Применяя на практике вышеназванные принципы, провинциал из департамента Ардеш[133] может разрешить все вопросы, касающиеся этой сложной материи.

Чтобы женщине не приходилось самой заниматься стряпней, чтобы она могла получить блестящее воспитание, научилась кокетничать, имела возможность с утра до вечера возлежать на диване в своем будуаре и жила жизнью души, ей потребно не меньше шести тысяч годового дохода, если она живет в провинции, и не менее

---

[133] Сноски: 133

Этот лесистый и гористый департамент на юго-востоке Франции, в бальзаковское время очень малонаселенный и не могший похвастать ни одним крупным городом, назван как символ глубокой провинции.

двадцати тысяч, если она живет в Париже. Исходя из этого, мы можем определить примерную долю порядочных женщин в том миллионе, который мы получили в результате наших первоначальных, грубых подсчетов.

Вот что гласят цифры.

Триста тысяч рантье получают по полторы тысячи франков в год в виде пенсии, пожизненных и бессрочных процентов из казны или выплат по закладным.

Триста тысяч землевладельцев получают по три с половиной тысячи франков дохода со своих земель.

Двести тысяч служащих получают по полторы тысячи франков из государственного бюджета или же из бюджетов городских либо департаментских, из которых выплачиваются также государственная рента, жалованье духовенству и мзда героям, несущим службу из пяти су в день и нуждающимся в белье, оружии, провианте, мундирах[134] и проч.

Двести тысяч заводчиков с капиталом в двадцать тысяч франков владеют всеми французскими промышленными предприятиями.

---

[134] Сноски: 134

Пять су, или двадцать пять сантимов, в день платили французским солдатам при Старом порядке (о су см. примеч. 63).

Вот вам и миллион мужей.

Но сколько насчитаем мы во Франции рантье, получающих в год десять, пятьдесят, сотню, две, три, четыре, пять или шесть сотен франков из казны или других источников?

Сколько живет здесь землевладельцев, которые платят налог, не превышающий пяти, двадцати, ста, двухсот и двухсот восьмидесяти франков?[135]

А сколько среди бюджетофагов[136] несчастных бумагомарателей, живущих на жалованье в шесть сотен франков?

Как много среди коммерсантов таких, которые владеют капиталом лишь на бумаге, которые набрали кредитов, но не имеют за душой ни единого су и походят на решето, сквозь которое протекают воды Пактола?[137] Сколько есть негоциантов, чей капитал исчисляется на деле всего одной,

---

[135] Сноски: 135

Если исходить из того, что для избрания в палату депутатов нужно было платить в год как минимум 500 франков прямого налога, понятно, что собственников, перечисленных в этом абзаце, к числу зажиточных отнести невозможно.

[136] Сноски: 136

Бюджетофаг — неологизм Бальзака для обозначения человека, живущего за счет государственного бюджета.

[137] Сноски: 137

Пактол — река в Малой Азии, воды которой содержали золотоносный песок — источник богатства лидийского царя Креза.

двумя, четырьмя или пятью тысячами франков? О Промышленность!.. привет тебе, привет![138]

Не будем скупиться, определяя число счастливцев; разделим наш миллион пополам: положим, что пятьсот тысяч супружеских пар имеют доход от сотни до трех тысяч франков в год, а другие пятьсот тысяч женщин живут в условиях, которые позволяют им притязать на звание женщин порядочных.

В согласии с теми выкладками, которые венчают наше статистическое Размышление, из этих пятисот тысяч следует исключить сто тысяч персон[139]; итак, можно считать математически доказанным, что число французских женщин, обладание которыми сулит истинным ценителям наслаждения изысканные и утонченные, каких те ищут в любви, не превосходит четырехсот тысяч.

---

[138] Сноски: 138

Слово «промышленность» (industrie) Бальзак употребляет в значении, принятом в XIX веке: «все занятия, дающие средства жизни, богатства» (Даль); зачастую под промышленностью подразумевали также торговлю и другие «спекуляции».

[139] Сноски: 139

См. с. 90. Там, определяя число дам, способных на супружескую измену, Бальзак вычел из миллиона двести тысяч женщин, хотя при этом немного ошибся (см. примеч. 57 и 58); поскольку в данном Размышлении он разделил миллион пополам, значит, вдвое уменьшилось и вычитаемое число женщин, что и дает сто тысяч персон.

Кстати сказать, пора напомнить тем, кто внимает нашим рассуждениям, что любовь не исчерпывается несколькими мольбами, несколькими сладостными ночами, парой более или менее умных комплиментов и искрой самолюбия, именуемой ревностью. Наши четыреста тысяч женщин не из тех, о ком можно сказать: «Самая красивая девица может дать лишь то, что имеет»[140]. Нет, они в изобилии одарены сокровищами, заимствованными из кладовых нашего пылкого воображения, они умеют дорого продать то, чего не имеют, дабы вознаградить своих избранников за обыденность того, что дают.

Разве, целуя перчатку гризетки[141], сможете вы вкусить наслаждение, решительно превосходящее те скоротечные радости, что дарят мужчинам

---

[140] Сноски: 140

Цитата из «Максим и мыслей» Шамфора (*Chamfort*. Т. 1. Р. 417–418). Бальзаковское продолжение о «сокровищах из кладовой воображения» соответствует тому, что сказано дальше у Шамфора: «так говорят обычно, но это совершенно неверно: она дает то, что рисует мужчине его фантазия, ибо в таких делах цена того, что получаешь, зависит исключительно от воображения». Бальзак очень любил эту фразу и в шутку применял ее даже к себе самому; в письме к издателю Левавассёру от начала ноября 1829 года, объясняя, отчего он до сих пор не закончил работу над «Физиологией», Бальзак говорит: «Бедный мой и несчастный издатель, самая красивая девица в мире может дать лишь то, что имеет» (*Correspondance*. Т. 1. Р. 416). Между прочим, у Шамфора речь идет не о девице, а о женщине, но Бальзак предпочитал свой вариант.

[141] Сноски: 141

Гризетками называли девушек из простонародья, как правило занимавшихся шитьем и не отличавшихся строгостью нравов.

все женщины мира?

Разве беседа с торговкой сулит вам бесконечные услады?

Если вы имеете дело с женщиной, стоящей ниже вас, это льстит ее, а не вашему самолюбию. Вы дарите счастье, не разделяя его.

Если же ваша избранница богаче или знатнее вас, такая связь безмерно возбуждает и ее, и ваше тщеславие. Мужчине никогда еще не удавалось возвысить свою любовницу до себя, но женщина всегда поднимает своего любовника на ту высоту, где пребывает сама. Восклицание: «Я могу дарить жизнь принцам, вам же никогда не удастся произвести на свет никого, кроме ублюдков!» — святая правда[142].

Любовь — главная из страстей, потому что

[142] Сноски: 142

Эта фраза приписывается Луизе-Элизабет де Бурбон (1693–1775), жене Луи-Армана, принца де Бурбона-Конти (1695–1727), который, хотя и был менее благородного происхождения, чем жена (по матери внучка Людовика XIV), постоянно изменял ей, но притом страшно ревновал ее и даже избивал. Бальзак мог прочесть восклицание принцессы в одном из сборников исторических анекдотов, издававшихся в 1800–1820-е годы. Поскольку эта фраза отсутствует в первоначальной «Физиологии брака» 1826 года, весьма вероятно, что источником Бальзаку послужил сборник «Избранные анекдоты, старые и новые», вышедший в 1828 году у того самого издателя Роре, который выпустил большую часть «Кодексов» (см. во вступительной статье, с. 9–11) и, в частности, «Брачный кодекс», в написании которого, по-видимому, принимал участие сам Бальзак. См.: *Bailly A. — D., Celnart E.* Choix d'anecdotes: anciennes et modernes, recueillies des meilleurs auteurs. Paris, 1828. T. 1. P. 72. В традиционном варианте реплика принцессы звучит менее грубо,

чем у Бальзака: «Я могу произвести на свет принцев крови без вас, а вы без меня не можете».

льстит всем прочим. Мы любим сильнее или слабее смотря по тому, сколько струн нашего сердца трогают пальчики прекрасной любовницы.

Пример Бирона, сына ювелира, который, разделив ложе с герцогиней Курляндской, получил всю страну в свою власть, ибо юная и прелестная правительница этой страны уже находилась в его власти[143], показывает, какое счастье ждет, возможно, любовников наших четырехсот тысяч дам.

Чтобы получить право смотреть сверху вниз на тех, кто толпится в гостиных, нужно сделаться любовником одной из этих редкостных женщин. А ведь все мы в большей или меньшей степени любим властвовать.

По этой причине все мужчины, кому образо-

---

[143] Сноски: 143

Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772) — фаворит Анны Иоанновны (1693–1740), герцогини Курляндской с 1710 года, императрицы Российской с 1730 года, сделанный ею фактическим правителем России. Версия о «сыне ювелира», восходящая, возможно, к многотомному изданию аббата де Ла Порта «Французский путешественник» (1776, т. 22), была повторена в «Историческом и анекдотическом альбоме», который Бальзак напечатал в 1827 году в собственной типографии и, по всей вероятности, сам скомпилировал (см.: *Tolley*. P. 46–47). Версия эта, однако, исторически недостоверна: род Биронов, по-видимому, был дворянский, хотя не древний и не богатый (см. подробнее: *Курукин И.* Бирон. М., 2006. С. 24–60). Бальзак еще раз и с еще более фантастическими подробностями пересказал историю восхождения Бирона в третьей части романа «Утраченные иллюзии» (1843), где она вложена в уста аббата Карлоса Эрреры (он же каторжник Вотрен).

вание, талант или ум дают возможность так или иначе влиять на судьбу народов и составлять их славу, притязают на внимание этой блистательной части нации, к которой как раз и принадлежит та, чье сердце будет не на жизнь, а на смерть защищать *наш* муж.

Не станем гадать, применимы ли изложенные выше соображения о женской аристократии к другим слоям общества. То, что справедливо по отношению к этим женщинам, чьи манеры, язык, мысли столь изысканны; к женщинам, у которых блестящее воспитание развило вкус к изящным искусствам, умение чувствовать, сопоставлять, размышлять; к женщинам, которые имеют столь возвышенное представление о приличиях и этикете и задают тон французским нравам, — то должно быть справедливо по отношению ко всем нациям и всем разрядам женщин. У человека выдающегося, для которого написана эта книга, ум, бесспорно, устроен таким образом, что, бросив взгляд на жизнь разных классов, человек этот безошибочно распознает, каково наименее просвещенное сословие, для которого наши выводы еще остаются верны.

Теперь скажите: разве, определив, сколько добродетельных женщин может отыскаться среди

этих очаровательных созданий, мы не решим в высшей степени занимательную нравственную задачу, задачу брачно-национальную?

Размышление IV
О женщине добродетельной

Самое важное, пожалуй, — не столько определить общее число добродетельных женщин, сколько выяснить, может ли порядочная женщина остаться добродетельной.

Чтобы дать исчерпывающий ответ на этот важнейший вопрос, рассмотрим сначала мужскую половину населения.

Для начала исключим из пятнадцати миллионов мужчин девять миллионов двуруких особей с тридцатью двумя позвонками; в результате предмет нашего физиологического анализа сократится до шести миллионов человек. Случается, конечно, что в этой гуще общества, пребывающей в состоянии вечного брожения, подчас зарождаются такие люди, как Марсо, Массена,

Руссо, Дидро или Роллен[144], однако мы не имеем возможности учитывать подобные исключения и сознательно допускаем в наших расчетах отдельные неточности. Неточности эти еще дадут себя знать в конце наших рассуждений — они лишь подтвердят те ужасающие выводы, к которым мы придем, исследуя действие общественных страстей.

Из шести миллионов избранных существ вычтем три миллиона стариков и детей.

Число женщин, которых нам пришлось вычесть в аналогичном случае, было, как мы помним, на целый миллион больше.

Столь значительная разница может показаться странной, но она легко объяснима.

Женщины выходят замуж в среднем двадцати лет от роду, а к сорока годам пора любви для них истекает.

Другое дело мужчины.

Семнадцатилетний юнец сплошь и рядом дерзко покушается на незыблемость брачных контрактов, причем, если верить скандальной

[144] Сноски: 144

Наполеоновских генералов Франсуа Марсо (1769–1796) и Андре Массена (1758–1817) объединяет с писателями Дени Дидро и Жан-Жаком Руссо и педагогом Шарлем Ролленом (1661–1741) то, что все они, принадлежа по рождению к третьему сословию, сумели завоевать славу.

светской хронике, контрактов весьма старинных.

А в пятьдесят два года мужчина опаснее для женщины, чем в любом другом возрасте. Именно в эту прекрасную пору жизни ему представляется случай воспользоваться и дорого купленным опытом, и нажитым за долгие годы состоянием. Зная, что владеющая им страсть — последняя, он делается могуч и неумолим: так человек, увлекаемый потоком, изо всех сил вцепляется в гибкую зеленую ветку молодой ивы.

XIV

В физическом отношении мужчина дольше остается мужчиной, чем женщина — женщиной.

Итак, разница между продолжительностью любовной жизни женатого мужчины и замужней женщины составляет пятнадцать лет. Этот срок равен трем четвертям того времени, когда измена жены способна составить несчастье мужа. С другой стороны, окончательный остаток мужчин, полученный нами после всех вычитаний, расходится с соответствующим результатом, полученным применительно к женщинам, самое

большее на одну шестую[145].

Подсчеты наши чрезвычайно приблизительны, а выкладки настолько очевидны, что мы излагаем их со всеми подробностями лишь из почтения к точности и дабы заранее предохранить себя от критики.

Итак, всякому философу, хоть немного умеющему считать, должно быть ясно, что во Франции имеется примерно три миллиона мужчин не моложе семнадцати и не старше пятидесяти двух лет, весьма живых, весьма зубастых, всегда готовых броситься за добычей, бросающихся за ней при первом удобном случае и мечтающих лишь о том, чтобы твердым шагом двинуться к вратам рая.

Изложенные выше соображения заставляют нас выделить из этих трех миллионов один миллион мужей. Предположим на мгновение, что все эти мужья без ума от своих дражайших половин, как наш идеальный муж, и не ищут любви на стороне.

---

[145] Сноски: 145

Выше Бальзак утверждал, что число «женщин, на которых мужчины, умеющие чувствовать, обращают, обращали и будут обращать внимание» равняется шести миллионам; столько же, по его утверждению, живет во Франции и «избранных существ» мужского пола. Из них он вычел три миллиона стариков и детей, а из «женских» шести миллионов — на один миллион больше; вот этот миллион и составляет «одну шестую» разницы.

Однако каждый из оставшихся двух миллионов холостяков, будь он даже гол как сокол, только и мечтает, что о любовных победах;

однако мужчине достаточно иметь стройный стан и томный взгляд, чтобы затмить в душе женщины образ мужа;

однако он может вскружить голову чужой жене, даже не обладая приятным лицом и не будучи прекрасно сложен;

однако, если мужчина остроумен, хорош собою и *общежителен*, женщины интересуются не тем, откуда он вышел, а тем, куда он хочет прийти;

однако единственное богатство любви — очарование юности;

однако фрак от Бюиссона, перчатки от Буавена[146], элегантные сапоги, приводящие в трепет промышленника, ссудившего на них деньги, и ловко повязанный галстук могут превратить любого мужчину в короля гостиных;

однако разве несмотря на то, что эполеты и аксельбанты сегодня не властвуют над женскими сердцами так безраздельно, как прежде, уже

---

[146] Сноски: 146

Парижский портной и перчаточник, чьими услугами пользовался сам Бальзак. Их имена вставлены в текст в издании Фюрна (1846); в первом издании 1829 году вместо них упоминались два других парижских мастера: портной Штауб и перчаточник Уокер.

одних бравых военных не достаточно для того, чтобы сделать легион холостяков грозой для замужних дам?.. Не будем вспоминать об Эйнхарде — он был королевским секретарем[147], но разве не сообщала недавно одна газета о некоей немецкой принцессе, завещавшей все свое состояние самому обыкновенному лейтенанту-кирасиру из императорской гвардии;

однако сельский нотариус, составляющий в своем гасконском захолустье не больше тридцати шести актов в год, отправляет сына в Париж учиться праву; чулочник хочет видеть своего сына нотариусом; стряпчий мечтает, чтобы его отпрыск сделался судьей, а судья надеется стать министром и завещать сыну звание пэра[148]. Никогда еще люди так страстно не жаждали получить образование. В прежние времена у нас не было отбоя от остроумцев, теперь нет отбоя от гениев. Из всех щелей нашего общества тянутся к небу великолепные цветы, подобные тем,

[147] Сноски: 147

Эйнхард (ок. 770–840) — приближенный короля франков и императора Запада Карла Великого, автор его жизнеописания — женился на дочери короля Ирме.

[148] Сноски: 148

Согласно Конституционной хартии 1814 года, пэров (членов высшей палаты парламента) назначал король, а они передавали это звание по наследству сыновьям; наследственное пэрство отменили после Июльской революции 1830 года, в самом конце 1831 года.

что расцветают весной среди развалин; даже в подвалах из земли пробиваются бледные ростки, крепнувшие, лишь только на них упадет луч Образования. С той поры как мысль начала свое триумфальное шествие по миру, с той поры как солнце просвещения начало светить повсюду с равной силой, люди выдающиеся сделались редкостью, ибо каждый человек стал с младых ногтей впитывать всю сумму знаний своего века. Мы окружены ходячими энциклопедиями, которые разгуливают по улицам, размышляют, действуют и притязают на вечную славу. Отсюда — устрашающие вспышки безграничного честолюбия и безумных страстей: нам требуются иные миры, нам требуются ульи, готовые воспринять все эти пчелиные рои, а главное, требуются хорошенькие женщины, и притом в большом количестве.

Наконец, недуги, отягощающие мужчину, нисколько не уменьшают общего числа его чувствований. Стыдно сказать, но ничто не привязывает женщину к нам так сильно, как наши страдания!..

Одной этой мысли достаточно, чтобы все эпиграммы, целящие в слабый пол (ибо выражение «прекрасный пол» давно уже вышло из моды),

лишились яда и обернулись мадригалами!.. Всем мужчинам следовало бы усвоить, что единственная добродетель женщины состоит в ее умении любить и что все женщины на удивление добродетельны, после чего прекратить чтение этой книги и этого Размышления.

О! помните ли вы тот страшный, роковой миг, когда, терзаемый горем и одиночеством, обвиняя весь род людской, а особенно своих друзей, чувствуя упадок сил, предаваясь отчаянию и думая о смерти, опустив голову на отвратительно теплую подушку и распростершись на белой холщовой простыне, прикосновение которой вызывало в ваших членах болезненное содрогание, вы обводили страдальческим взором оклеенные зелеными обоями стены вашей безмолвной комнаты, — помните ли вы, как внезапно дверь этой комнаты бесшумно отворилась и в проеме показалась юная головка, обрамленная золотистыми локонами и увенчанная новой шляпкой, после чего, подобная звезде, загорающейся на небе в грозовую ночь, ваша пассия бросилась к вам с улыбкой, и грустя, и веселясь разом!

— Как тебе это удалось? Что ты сказала мужу? — воскликнули вы.

Мужу! Ну вот мы и вернулись к главному пред-

мету нашего труда.

XV

В нравственном отношении мужчина чаще и дольше остается мужчиной, чем женщина — женщиной.

Впрочем, не стоит забывать:

что среди наших двух миллионов холостяков есть немало несчастных, в чьем сердце глубокое сознание собственной нищеты и упорный труд не оставляют места для любви;

что не все они учились в коллежах и многие из них суть ремесленники и лакеи (герцог де Жевр, низкорослый и уродливый, прогуливаясь по Версальскому парку, заметил неподалеку нескольких лакеев высокого роста и сказал друзьям: «Поглядите, какими эти плуты получаются у нас и какими мы получаемся у них!»[149]), стро-

---

[149] Сноски: 149

Франсуа-Жоашен-Бернар Потье, маркиз, позже герцог, де Жевр (1692–1757) в 1712 году, после трех лет супружества, был обвинен женой, Мари-Мадлен, урожд. Маскранни (1691–1717), в импотенции; скандальный процесс, давший почву для множества сальных шуток, описан в мемуарах герцога де Сен-Симона и других мемуарных сочинениях того времени; в 1714 году двухтомные материалы процесса были изданы в Роттердаме. Суд закончился примирением супругов, но маркиза вскоре умерла, а маркиз, переживший ее на 40 лет, так больше и не женился. Анекдот, по-видимому, заимствован Бальзаком из «Исторического и анекдотического альбома» (см. примеч. 81 и *Tolley*. P. 44).

ительные подрядчики, промышленники, не интересующиеся ничем, кроме денег, и коротышки-лавочники;

что встречаются мужчины, чья глупость и уродство поистине превосходят все, чего можно ожидать от Божьего создания;

что находятся такие мужчины, чей характер подобен каштану без мякоти;

что духовенство, как правило, блюдет целомудрие;

что есть мужчины, которым доступ в ту блистательную сферу, где вращаются порядочные женщины, заказан либо из-за отсутствия подобающего платья, либо из-за робости, либо из-за неумения найти покровителя, который ввел бы их в этот круг.

Итак, дадим каждому из наших читателей возможность самостоятельно определить число исключений исходя из собственного опыта (ибо первая задача сочинителя этой книги — принудить публику задуматься) и разом уменьшим число мужчин, достойных внимания порядочных женщин, ровно вдвое; мы получим один миллион — именно таково примерное число представителей мужского пола, блистающих самыми разнообразными достоинствами. Конеч-

но, нельзя сказать, что женщины влюбляются только в мужчин острого ума! Однако — повторю еще раз — предоставим добродетели все козыри.

Если поговорить с нашими любезными холостяками, можно услышать множество историй, серьезно компрометирующих порядочных женщин. Выказав величайшую скромность и умеренность, положим на каждого холостяка не больше трех приключений: ведь если кое-кто ведет счет своим любовным победам на десятки, многие другие ограничиваются двумя-тремя, а то и одним-единственным увлечением, меж тем статистика велит нам исходить из средних величин. Теперь перемножим число холостяков на число интрижек, и мы получим три миллиона любовных приключений — а ведь порядочных женщин мы насчитали всего-навсего четыреста тысяч!

Если всемилостивый Господь, повелевающий мирами, до сих пор не устроил роду людскому вторичную головомойку, то, без сомнения, только оттого, что давно убедился в полной бесполезности первой…

Вот, значит, что такое народ! Вот что такое общество, причем общество избранное!

XVI

Нравы суть плод лицемерия наций — лицемерия более или менее усовершенствованного.

XVII

Добродетель есть, быть может, не что иное, как учтивость души.

Плотская любовь — потребность, подобная голоду, с той лишь разницей, что есть человек хочет всегда, в любви же его аппетит дает себя знать не столь регулярно и не столь постоянно.

Любому человеку, чтобы утолить голод и жажду, довольно ломтя пеклеванного хлеба и кувшина воды, однако наша цивилизация создала гастрономическое искусство.

В любви тоже есть свои ломти хлеба, но есть и то искусство, которое мы зовем кокетством, — искусство, родившееся во Франции и здесь же получившее имя.

Так вот! Разве не содрогнется любой из мужей при мысли о том, как сильно в человеке врожденное стремление разнообразить свою пищу: ведь в самых диких и отдаленных уголках туземцы, как не раз убеждались путешественники, пьют креп-

кие напитки и приправляют блюда пряностями?

А между тем голод порабощает человека не так сильно, как любовь, а между тем прихоти души куда более многочисленны, настоятельны и требовательны, чем прихоти желудка, а между тем все, что известно о любви из поэзии и истории, сообщает нашим холостякам страшное могущество: подобно евангельским львам, они ходят, ища, кого поглотить[150].

Пусть каждый, положа руку на сердце и порывшись в памяти, задастся вопросом, случалось ли ему когда-либо встречать мужчину, способного удовлетвориться любовью одной-единственной женщины.

Увы! как, не оскорбив чести населяющих земной шар народов, разрешить задачу, по условиям которой для удовлетворения трех миллионов пылких страстей человечество располагает всего четырьмя сотнями тысяч женщин?.. Неужели придется предположить, что к каждой даме

---

[150] Сноски: 150
1 Петр. 5:8.

приставлено по четыре холостяка[151] и что порядочные женщины инстинктивно, сами того не ведая, поступают с ними так же, как председатели королевских судов со своими советниками, которых по прошествии определенного времени назначают в каждую из палат одного за другим?..

Безрадостное решение вопроса!

А может быть, находятся такие порядочные женщины, которые при дележе холостяков следуют примеру Льва из басни?..[152] Как! Неужели по меньшей мере половина наших алтарей не что иное, как окрашенные гробы?[153]

Или, блюдя честь французских дам, надобно допустить, что в мирное время иностранные державы, прежде всего Англия, Германия и Россия, ввозят к нам определенное количество

---

[151] Сноски: 151

Снова погрешность в бальзаковских расчетах: если четыре умножить на четыреста тысяч, получится один миллион шестьсот тысяч, но никак не три миллиона. По-видимому, именно исходя из этого не названного им здесь числа Бальзак в Размышлении XXX (см. с. 459 и примеч. 475), ссылаясь на собственные предшествующие подсчеты, говорит о наличии во Франции полутора миллионов внебрачных связей.

[152] Сноски: 152

В басне Лафонтена «Телка, Коза и Овца сговариваются со Львом» (Басни, I, 6) при дележе добычи Лев забирает себе всю ее целиком.

[153] Сноски: 153

Мф. 23:27.

тамошних порядочных женщин?.. Но в таком случае европейские нации поспешат восстановить равновесие, возразив, что и Франция, в свой черед, экспортирует в соседние страны немало красавиц.

Подобные предположения так больно оскорбляют религию и нравственность, что ради оправдания замужних женщин порядочный мужчина, пожалуй, согласится, что вдовы и девицы также повинны во всеобщей развращенности или — еще лучше — что холостяки лгут.

Однако о чем мы говорим? Вспомните тех мужей, которые, позоря общественные нравы, в большинстве своем ведут себя почти так же, как холостяки, и в душе гордятся своими тайными похождениями.

О! в таком случае, по нашему убеждению, всякому женатому мужчине, который, как сказал бы старик Корнель, озаботился о беспорочности жены[154], не остается ничего другого, кроме как отправиться на поиски веревки и гвоздя: foenum

---

[154] Сноски: 154

В оригинале выражение «à l'endroit de l'honneur», которое Вольтер в комментарии к пьесам Корнеля в середине XVIII века называет устаревшим и «неупотребительным в высоком стиле» (Chefs-d'œuvre de Pierre Corneille avec les observations des anciens commentateurs, et de nouvelles remarques, par MM. Ch. Nodier, P. Lepeintre et Lemazurier. Paris, 1825. T. 2. P. 38; комментарий к трагедии «Цинна»).

habet in cornu[155].

Меж тем именно среди упомянутых четырехсот тысяч порядочных женщин придется нам с фонарем искать добродетельных француженок!.. В самом деле, наша брачная статистика позволила нам исключить из рассмотрения только тех особ, которыми общество не занимается всерьез. Разве не верно, что во Франции *число порядочных людей, людей хорошего тона,* не превышает трех миллионов, из коих один миллион составляют наши холостяки, пятьсот тысяч — порядочные женщины, пятьсот тысяч — мужья, а последний миллион — вдовы, дети и девицы?

Что же в таком случае удивительного в знаменитой строке Буало?[156] Строка эта отнюдь не является гиперболой и просто-напросто доказывает, что поэт глубоко постиг те непреложные факты, которые математически обоснованы в наших скорбных Размышлениях.

Но ведь добродетельные женщины существу-

---

[155] Сноски: 155

Сено, — кричат, — на рогах у него (*лат.*; Гораций. Сатиры, I, IV, 34; пер. М. Дмитриева). В Древнем Риме сено или солому насаживали на рога злых быков, дабы побудить окружающих к осторожности; Бальзак обыгрывает тему рогов в другом, более фривольном ее значении.

[156] Сноски: 156

Буало, вообще известный своим весьма скептическим отношением к добродетелям женского пола, в десятой сатире иронически замечает, что в Париже можно отыскать целых трех верных жен.

ют!

Да, ибо есть женщины, на чью добродетель никто не покушался, и те, что умерли при первых родах (если, конечно, они вышли замуж девственницами).

Да, ибо есть женщины уродливые, как Кайфакатадари из «Тысячи и одной ночи»[157].

Да, ибо есть женщины, которых Мирабо назвал «феями огурцов»[158], женщины, чье тело состоит из атомов, точь-в-точь похожих на атомы, составляющие корни земляничного куста и кувшинки[159]; впрочем, внешность обманчива!..

Вдобавок, к чести нашего века, нельзя не признать, что, с тех пор как мы стали свидетелями реставрации нравственности и религии, то там, то сям попадаются женщины столь высоконрав-

---

[157] Сноски: 157

Бальзак очень высоко ценил арабские сказки «Тысячи и одной ночи» и даже называл совокупность своих произведений «Тысячей и одной сказкой западного мира» (см.: *ОС*. Т. X. P. 1217), однако в данном случае он указал источник неверно: уродливая героиня по имени Кайфакатадари действует в сборнике *персидских* сказок «Тысяча и один *день*», впервые вышедших по-французски в переводе Пети де Лакруа в 1710–1712 годах, в сказке «История принца Фадлаллаха» (день пятьдесят третий); имя снабжено переводом в примечании: «чудовище».

[158] Сноски: 158

Граф Оноре-Габриэль Рикети де Мирабо (1749–1791), прежде чем стать знаменитым революционным трибуном, был не менее знаменитым героем любовных интриг и автором эротических сочинений, которые Бальзак хорошо знал. «Фея огурцов, чью душу породили три фурии, — иначе говоря, богомолка» упомянута в одной из его писем к

возлюбленной, Софи Монье, урожденной Рюффе, которую он похитил из дома мужа, маркиза де Монье, и за это в 1777–1780 годах отбывал заключение в Венсенском замке (*Mirabeau*. Т. 3. P. 13); письма эти были изданы посмертно, в 1792 году, под названием «Собственноручные письма Мирабо, писанные из донжона Венсенского замка в 1777, 1778, 1779 и 1780 годах, содержащие все подробности его частной жизни, его злоключений и его любви к Софи Рюффе, маркизе де Монье». Образец эротической прозы Мирабо см. в кн.: *Либертинская проза*. С. 341–431.

[159] Сноски: 159

Древние медицинские и естественно-научные трактаты утверждали, что корни и семена кувшинки ослабляют любовное желание и даже порождают бесплодие.

ственные, столь набожные, столь ревностно исполняющие свой долг, столь прямые, столь чопорные, столь непреклонные, столь добродетельные, что… что сам дьявол не осмелился бы бросить взгляд в их сторону; они живут под охраной четок, часословов и духовников… Тссс![160]

Женщин, добродетельных по глупости, мы подсчитывать не станем; известно ведь, что в любви все женщины умны.

Наконец, отчего не предположить, что в каких-то богом забытых уголках живут юные, прелестные и добродетельные женщины, неведомые свету.

Не называйте, однако, добродетельной ту женщину, что, борясь с невольной страстью, не дозволила возлюбленному, которого имеет несчастье боготворить, никаких вольностей. Такая женщина наносит любящему мужу одно из самых жестоких оскорблений, какие только можно вообразить. Что остается ему от жены? Вещь без имени, живой труп. Жена этого несчастного уподобляется на брачном ложе тому гостю, которому Борджиа намекнул посреди трапезы,

---

[160] Сноски: 160

Бальзак насмехается над чересчур активной пропагандой католической религии во французском обществе во время эпохи Реставрации, особенно в правление Карла X (1824–1830).

что иные блюда отравлены[161]: разом потеряв аппетит, несчастный ел через силу, а вернее, притворялся, будто ест. Он сожалел об ужине, которому предпочел пир у страшного кардинала, и мечтал только об одном: чтобы праздник кончился и можно было наконец выйти из-за стола.

Итак, размышляя о женской добродетели, мы приходим к следующим выводам, из коих два последних заимствованы нами у эклектического философа восемнадцатого столетия[162].

XVIII

У добродетельной женщины в сердце либо одной струной меньше, либо одной струной больше, чем у всех прочих дам; она либо глупа, либо величественна.

---

[161] Сноски: 161

Итальянский политический деятель, полководец и кардинал Чезаре Борджиа (1475–1507), равно как и его отец Родриго Борджиа, ставший римским папой под именем Александра VI, знал толк в ядах и нередко прибегал к ним не только на словах, но и на деле; он, в частности, — правда не нарочно, а по недоразумению — отравил собственного отца.

[162] Сноски: 162

Имеется в виду Шамфор; афоризм XXI восходит к шамфоровским «Характерам и анекдотам» (*Chamfort*. T. 2. P. 104); афоризм XXII — к шамфоровским «Максимам и мыслям» (*Chamfort*. T. 1. P. 416–417). О значении, в котором Бальзак употребляет слово «эклектический», см. в предисловии, с. 14. Поскольку в подзаголовке «Физиологии» Бальзак относит слово «эклектический» к собственным размышлениям, то,

присваивая тот же титул Шамфору, он подчеркивает свое родство с этим острословом.

XIX

Добродетель женщины зависит, возможно, исключительно от ее темперамента.

XX

Самые добродетельные из женщин таят в себе что-то нецеломудренное.

XXI

Если умный человек питает сомнения насчет своей любовницы, это в порядке вещей, но насчет жены!.. для этого надобно быть круглым дураком.

XXII

Мужчины были бы слишком несчастны, если бы хоть на секунду вспоминали в присутствии женщин о том, что знают досконально.

Число редкостных женщин, которые, подобно девам из притчи, не дали погаснуть своим светильникам[163], всегда будет казаться поборни-

---

[163] Сноски: 163
Мф. 25:1–13.

кам добродетели и благонравия недостаточным; его необходимо вычесть из общего количества порядочных женщин, однако это утешительное вычитание делает опасность, грозящую мужьям, еще сильнее, скандал еще страшнее, а добродетель всех остальных законных супруг еще сомнительнее.

Какой муж сможет спокойно спать подле своей юной и очаровательной жены, зная, что по меньшей мере три холостяка видят в ней вожделенную добычу, причем холостяки эти, пусть даже они еще не вторглись в скромные владения супруга, убеждены, что его законная половина рано или поздно попадет в их сети, что они добьются своего либо хитростью, либо силой, что чужая жена подчинится их власти либо из страха, либо по доброй воле и что из этой борьбы они неминуемо выйдут победителями!

Ужасный итог!..

Здесь пуристы от нравственности, педанты, *застегнутые на все пуговицы*, упрекнут нас, пожалуй, в том, что расчеты наши чересчур безрадостны: они пожелают вступиться либо за порядочных женщин, либо за холостяков; для них мы приберегли последний аргумент.

Увеличьте, если пожелаете, число порядочных

женщин и уменьшите число холостяков, все равно любовных похождений окажется больше, чем порядочных женщин, все равно нравы наши будут побуждать огромную толпу холостяков к преступлениям троякого рода.

Если холостяки блюдут целомудрие, они тем самым подтачивают свое здоровье, борясь с мучительными искушениями; какую бы блестящую будущность ни готовила им природа, они обречены безуспешно лечиться молоком в швейцарских горах и умереть от чахотки.

Если холостяки уступают законным соблазнам, они либо компрометируют порядочных женщин — что возвращает нас к теме нашего сочинения, — либо пятнают себя сношениями с пятью сотнями тысяч ужасных созданий, которых мы в первом Размышлении причислили к последней категории[164], — что в конце концов зачастую приводит их в те же швейцарские горы, где они опять-таки пьют молоко и умирают!

Неужели вас никогда не поражали так же, как и нас, изъяны нашего общественного устройства, описание которых послужит нравственным обос-

---

[164] Сноски: 164

Речь идет о «дочерях Ваала», о которых говорится не в первом, а во втором Размышлении (см. примеч. 55). Мужчины, имеющие с ними дело, лечатся в швейцарских горах не от чахотки, а от дурных болезней.

нованием для наших заключительных расчетов?

Средний возраст вступления в брак для мужчины — тридцать лет; средний возраст развития в его душе самых могучих страстей, самых пылких желаний, самого бурного влечения к противоположному полу — двадцать лет. Следственно, в течение десяти прекраснейших лет жизни, когда красота, юность и острый ум мужчины представляют для мужей бóльшую опасность, нежели в любую другую пору, мужчина этот не имеет возможности *законно* удовлетворить то неодолимое желание любить, которое пронизывает все его существо. Поскольку отрезок этот составляет одну шестую часть человеческой жизни, приходится признать, что по меньшей мере одна шестая часть общего количества мужчин, причем мужчин самых крепких и сильных, постоянно пребывает в состоянии столь же утомительном для них самих, сколь и опасном для общества.

— Отчего же их не женят? — воскликнет богомолка.

Но какой здравомыслящий отец согласится женить сына в двадцать лет?

Разве не известно, какими опасностями чреваты ранние браки? Можно подумать, что брак решительно противоречит естественным

склонностям человека, — ведь он требует исключительной зрелости ума. Наконец, всем памятны слова Руссо: «Всякому мужчине нужно когда-нибудь предаться распутству. Это — дурные дрожжи, которые рано или поздно должны перебродить»[165].

Какая же мать обречет счастье дочери прихотям существа еще не перебродившего?

Впрочем, есть ли нужда оправдывать положение, господствующее во всяком обществе? Разве всякая страна, как мы уже показали, не изобилует мужчинами, которые вполне законно именуются порядочными людьми, не состоя в браке, но и не давая обета безбрачия?

— Но неужели эти люди не могут, — продолжит наша богомолка, — соблюдать воздержание, как священники?

Разумеется, сударыня.

Тем не менее осмелимся заметить, что обет целомудрия — одно из самых разительных отклонений от естественного порядка, каких требует общество; что воздержание — труднейший священнический подвиг; что священника,

---

[165] Сноски: 165

Бальзак цитирует второе предисловие к роману «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) не совсем точно; у Руссо в этом месте речь идет не о мужском, а о женском поле.

обязанного блюсти целомудрие, можно сравнить с врачом, обязанным бестрепетно исследовать все физические недуги, с нотариусом и стряпчим, обязанными хладнокровно взирать на открывающуюся их взорам нищету, и с военным, обязанным презирать смерть, которая окружает его на поле боя. Если цивилизация огрубляет иные души и приводит к образованию на иных тканях мозолей, притупляющих чувствительность, отсюда никак не следует, что на это частичное отмирание души обречены все люди без исключения. В противном случае весь род человеческий кончил бы отвратительным нравственным самоубийством.

Вообразите, однако, что в самой чопорной из гостиных появляется юноша лет двадцати восьми, бережно лелеющий свое целомудрие и невинный, как глухарь, которыми лакомятся завзятые гастрономы, — разве не очевидно, что самая суровая из добродетельных женщин похвалит его за мужество с большой язвительностью, самый строгий из государственных мужей с улыбкой покачает головой, а все светские дамы отвернутся, чтобы бедняга не услышал их смеха? А едва только бесподобный мученик выйдет за дверь, какой поток шуток обрушится на его невинную

голову!.. Сколько оскорблений! Что может быть позорней в глазах французов, нежели бессилие, холодность, отсутствие страсти, глупость?

Единственный французский король, который при виде подобного чуда добродетели не стал бы давиться от смеха, — это, вероятно, Людовик XIII, но зато его волокита-отец[166] того и гляди изгнал бы молокососа из своих владений, либо сочтя, что он недостоин называться французом, либо убоявшись, что он подаст соотечественникам дурной пример.

Странное противоречие! Так же сурово бранят юношу, который, если воспользоваться холостяцким жаргоном, проводит жизнь в *земле обетованной.* Не о порядочных ли женщинах пекутся префекты полиции и мэры, когда предписывают начинать развлечения определенного рода с наступлением темноты и оканчивать к одиннадцати часам вечера?

Куда же прикажете деваться нашей массе холостяков? Да и вообще, как говаривал Фигаро,

[166] Сноски: 166

Имеется в виду король Генрих IV (1553–1610), за свои любовные похождения получивший прозвище Дамский Угодник.

кого здесь дурачат?[167] Тех, кто правит, или тех, кем правят? Неужели общество походит на тех мальчуганов, которые во время театрального представления зажимают уши, чтобы не слышать ружейной пальбы? Неужели оно так боится осмотреть свои раны? Или же оно почитает болезнь неизлечимой и не желает вмешиваться в естественный ход вещей? Впрочем, материальная и общественная дилемма, вытекающая из описанного нами состояния добродетели в сфере брака, настоятельно требует разрешения законодательного. Не нам решать эту сложную задачу; предположим, однако, на мгновение, что, дабы охранить покой великого множества семейств, порядочных женщин и девиц, общество признало необходимость предоставить патентованным сердцам право ублажать холостяков: разве не следовало бы в этом случае нашим законодателям основать особую корпорацию для этих Дециев женского пола, которые на глазах у почтенной публики приносят себя в жертву республике и собственными телами защищают

[167] Сноски: 167

Эти слова из комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (1775; д. III, явл. 11) принадлежат не Фигаро, а Базилю.

счастье порядочных семейств?[168] Оставляя судьбу куртизанок без внимания, законодатели совершают непростительную ошибку[169].

XXIII

Там, где куртизанки — общественная необходимость, они — общественное установление.

Вопрос этот, впрочем, неминуемо влечет за собою такое множество «если» и «но», что мы завещаем его окончательное решение потомкам; нужно же, чтобы и им было чем заняться. Вдобавок к теме нашей книги этот вопрос имеет лишь косвенное отношение, ибо ныне люди сделались чувствительнее, чем когда бы то ни было; никогда еще они не были так благонравны, ибо никогда еще так ясно не ощущали, что истинные наслаждения дарит нам только сердце. Посудите сами: неужели человек чувствительный и холостой, видя перед собой четыре сотни тысяч юных и прекрасных женщин, блистающих богатством

---

[168] Сноски: 168

Публий Деций Мус — римский консул 340 года до н. э., пожертвовавший жизнью ради победы Рима.

[169] Сноски: 169

Попытку предложить «новый устав для публичных женщин» предпринял в XVIII веке Никола Ретиф де Ла Бретонн (1734–1806) в книге «Порнограф» (1769), однако его утопия осталась неосуществленной; мой перевод этой книги см.: Иностранная литература. 2012. № 7. С. 84–128.

и умом, не скупящихся на кокетливые улыбки и сулящих безграничное блаженство, предпочтет пойти к…? Какая гадость!

Итак, подведем для грядущих законодателей итоги наших последних наблюдений.

XXIV

В обществе неизбежные злоупотребления суть законы Природы, с которыми человеку следует сообразовывать законы гражданские и политические.

XXV

Супружеская измена, говорит Шамфор, то же банкротство, только здесь человек разоренный оказывается вдобавок еще и опозорен[170].

Французские законы, касающиеся адюльтера и банкротства, нуждаются в серьезных изменениях. Страдают ли они чрезмерной мягкостью? Несовершенны ли они по своей сути? Caveant

---

[170] Сноски: 170
Шамфор. Максимы и мысли (*Chamfort*. T. 1. P. 421).

consules![171]

Итак, отважный атлет, принявший на свой счет портрет мужчины, обремененного женою, — портрет, нарисованный в нашем первом Размышлении, — каково твое мнение обо всем сказанном? Будем надеяться, что беглое обозрение вопроса не испугало тебя, что ты не из тех малодушных, у которых при виде пропасти или *боа-констриктора* спина покрывается горячим потом, а кровь в жилах леденеет. Что ж, друг мой! Кто с землей, тот и с войной[172]. Людей, заглядывающихся на твой кошелек, еще больше, чем людей, заглядывающихся на твою жену.

В конце концов, мужья вольны принять либо наши шутки за истину, либо наши истины за шутку. Самое прекрасное в жизни — это иллюзии. А самое почтенное — ничтожнейшие из наших верований. Разве не знаем мы массу людей, которые заменяют убеждения предрассудками, людей, которые, не умея составить собственное понятие о счастье и добродетели, принимают то и другое

---

[171] Сноски: 171

Пусть консулы будут бдительны! (*лат.*) — начальные слова формулы, посредством которой древнеримский Сенат в моменты опасности вверял консулам чрезвычайные полномочия.

[172] Сноски: 172

Эта пословица служит заглавием первой части романа Бальзака «Крестьяне» (1844).

готовым из рук законодателей? По этой причине мы обращаем свои речи лишь к тем Манфредам, которые, приподняв слишком много юбок, жаждут в те мгновения, когда ими овладевает некий нравственный сплин, приподнять также и все покровы[173]. Ради них мы дерзнули заговорить начистоту и оценить масштаб бедствия.

Нам осталось рассмотреть опасности, грозящие в браке каждому мужчине и могущие подточить его силы в той борьбе, из которой он обязан выйти победителем.

Размышление V
Обреченные

Одним людям предопределено быть счастливыми, а другим — несчастными. Богословы употребляют понятие предопределения, говоря о тех, кому суждено вечное блаженство, мы же, напротив, вкладываем в это слово смысл, роковой для наших избранников, и называем их обреченными; применительно к ним евангельское речение следует перефразировать так: «Много

[173] Сноски: 173

Манфред, герой одноименной драматической поэмы Байрона (1817), погубивший влюбленную в него женщину, страдает не только от раскаяния, но и от метафизической скорби.

званых и много избранных»[174].

Опыт показывает, что одни разряды людей предрасположены к некоторым видам несчастий больше, чем другие: как гасконцы неумеренны, а парижане тщеславны, как люди с короткой шеей чаще всего умирают от апоплексического удара, а мясники чаще всего становятся жертвами *сибирской язвы* (род чумы), как богачи страдают подагрой, а бедняки отличаются отменным здоровьем, как короли туги на ухо, а государственные мужи склонны к параличу, — так некоторые мужья особенно часто становятся жертвами незаконных страстей. Мужья эти вкупе с их женами буквально притягивают холостяков. Они — своего рода аристократия. Если кому-нибудь из наших читателей суждено попасть в число этих аристократов, мы искренне желаем ему либо его супруге не потерять присутствия духа и вспомнить любимое изречение латинской грамматики Ломона[175]: «Нет правил без

[174] Сноски: 174

Понятие «обреченные» (prédestinés) заимствовано Бальзаком не только у богословов, но и у Брийа-Саварена, который в Размышлении XII своей «Физиологии вкуса» утверждает, что если одни люди «обречены» от рождения плохо видеть или плохо слышать, то другие «обречены» испытывать особенно сильные ощущения от вкусной еды.

[175] Сноски: 175

Шарль-Франсуа Ломон (1727–1794), французский филолог, автор классической грамматики латинского языка (1779).

исключений». Друг дома может даже привести стихотворную строку:

О тех, кто среди нас, не будем говорить[176].

После чего каждый получит право в душе считать себя исключением. Однако наш долг, сочувствие, которое мы питаем к мужьям, и владеющее нами желание предохранить юных и хорошеньких женщин от тех превратностей и несчастий, какие влечет за собою появление любовника, — все это заставляет нас перечислить разряды мужей, которым следует особенно тщательно приглядывать за своими женами.

Открывают наш перечень мужья, которых важные дела, высокий чин или доходное место принуждают отлучаться из дому в определенные часы и на определенное время. Эти достойны стать знаменосцами нашего братства.

Среди них особо выделим судей, как сменя-

---

[176] Сноски: 176

Бальзак цитирует стихотворную комедию Александра де Лавиля де Мирмона (1783–1845) «Газетный писака» (1820). Комедия эта представляет собой переложение сюжета «Тартюфа» на современные нравы: в роли негодяя, обманом втершегося в доверие к богатому хозяину дома, выступает не святоша, а журналист, сочинитель грязных пасквилей. Сцена VII третьего акта, откуда взята цитируемая строка, посвящена обсуждению вопроса о том, чего больше приносят обществу журналисты — вреда или пользы (тема, которая волновала Бальзака на протяжении всей его жизни).

емых, так и несменяемых, которые обязаны проводить большую часть дня во Дворце правосудия; другие должностные лица иной раз находят способ удрать из конторы, но судья или королевский прокурор, восседающий среди лилий[177], обязан, как говорится, умереть, но не покинуть своего места. Ведь это его поле боя.

То же самое относится к депутатам и пэрам, обсуждающим новые законы, к министрам, вхожим к королю, к управляющим, вхожим к министрам, к военным, уходящим в походы, и, наконец, к капралу, ходящему дозором, — о чем свидетельствует письмо Лафлера из «Сентиментального путешествия»[178].

За мужьями, вынужденными в строго определенные часы отлучаться из дому, следуют мужья, которые так увлечены обширными и серьезными занятиями, что не находят ни минуты на то, чтобы полюбезничать с женой; чело их всегда мрачно, беседа редко весела.

---

[177] Сноски: 177

Лилии были символом династии Бурбонов, правившей Францией в пору публикации «Физиологии брака».

[178] Сноски: 178

В «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна в главе «Письмо» приведено послание барабанщика жене капрала, полное сожалений о неожиданном возвращении этого капрала домой; слуга Лафлер показывает его повествователю Йорику (*Sterne-3*. P. 90–91).

Во главе этой отборной компании мы поместим банкиров, ворочающих миллионами: расчеты так переполняют их головы, что в конце концов пробивают черепную коробку и увенчивают чело богача двумя столбцами чисел.

Миллионеры эти крайне редко помышляют о священных законах брака и о том, в какой заботе нуждается нежный цветок, вверенный их попечению; им и в голову не приходит, что его надо поливать, уберегать от холода и зноя. Если они и вспоминают, что ответственны за счастье супруги, то лишь когда за обедом замечают напротив себя роскошно одетую женщину или когда кокетка, робея грубого отказа, приходит, во всеоружии своих прелестей, просить у них денег... О! тогда под вечер они порой довольно живо припоминают свои права, записанные в 213-й статье Гражданского кодекса[179], и жены смиряются с их требованиями, так же как смиряются с высокими налогами на иностранные товары; прелестницы повинуются неизбежному, утешая себя известной аксиомой: «За всякое удовольствие надо платить».

В число обреченных входят также ученые,

---

[179] Сноски: 179

«Муж обязан защищать жену, жена обязана подчиняться мужу».

месяцы напролет обгладывающие кости допотопных животных, открывающие законы природы и проникающие в ее тайны; поклонники греков и римлян, обедающие мыслью Тацита, ужинающие фразой Фукидида, с утра до вечера стирающие пыль с книг и охотящиеся за примечанием или за древним папирусом. Они так глубоко погружены в себя, что ничего не видят и не слышат; даже если беда постигнет их средь бела дня, они ее не заметят! Блаженные! о, тысячу раз блаженные мужи! Приведем пример: Бозе, возвратясь домой с заседания Академии, застает жену с неким немцем. «Говорил я вам, сударыня, что мне пора выходить!..» — восклицает иностранец. «Эх, сударь, скажите, по крайней мере, не „выходить“, а „уходить“», — поправляет академик[180].

Далее в нашем списке следуют с лирою в руках поэты, у которых вся животная сила уходит с антресолей на чердак. Лучше умея седлать Пегаса, чем кобылицу кума Пьера[181], они женятся

---

[180] Сноски: 180

Никола Бозе (1717–1789) — французский грамматист, член Французской академии; случай заимствован из «Характеров и анекдотов» Шамфора (*Chamfort*. T. 2. P. 60).

[181] Сноски: 181

Реминисценция из стихотворной новеллы Лафонтена (IV, 10), где кюре уверяет кума Пьера, что может превратить его жену в кобылу, велит ей раздеться донага и седлает ее.

очень редко, предпочитая время от времени выплескивать накопившийся пыл на блудных либо вымышленных Хлорид[182].

А ведь на свете живут еще люди, у которых нос запачкан табаком;

и те несчастные, что с утра до вечера не могут отхаркаться;

и мужья, которые курят или жуют табак;

и люди от природы сухие и желчные, которые вечно имеют такой вид, будто только что съели кислое яблоко;

и люди, отличающиеся в повседневной жизни циническими привычками, смешными повадками и выглядящие, что ни говори, крайне неопрятно;

и мужья, которых, к их стыду, жены именуют «грелками»;

и, наконец, старики, женящиеся на молоденьких.

Все эти люди суть обреченные по преимуществу!

Существует и последний разряд обреченных, чья невеселая доля также почти предрешена. Мы имеем в виду людей беспокойных и въед-

---

[182] Сноски: 182

Хлорида — традиционное именование красавиц в галантной поэзии XVIII века.

ливых, *придир* и тиранов, которые воображают себя невесть какими семейными самодержцами, вслух бранят женщин и разбираются в жизни примерно так же, как майские жуки в естественной истории. Если такие люди женятся, семейная их жизнь неминуемо вызывает в памяти образ осы, беспорядочно мечущейся по оконному стеклу после того, как школьник оторвал ей голову. Обреченные этого сорта не поймут в нашем сочинении ни слова. Этим бессмысленным ходячим статуям, похожим на церковные скульптуры, оно полезно ничуть не более, чем дряхлым насосам в Марли, которые больше не могут качать воду в версальские пруды, не рискуя в любую минуту рассыпаться в прах[183].

Наблюдая в гостиных за превратностями брачных союзов, я всегда вспоминаю одну сцену, лицезрением которой наслаждался в пору моей юности.

В 1819 году я жил в хижине, затерянной в глу-

---

[183] Сноски: 183

Марли — местечко в 8 километрах от Версаля, где в 1676–1682 годах была построена машина, снабжавшая Версаль водой; она прослужила 133 года, а в 1817 году была заменена «временной» машиной, использовавшей некоторые элементы старого механизма; в 1827 году ее сменила машина паровая.

бине очаровательной долины Иль-Адан[184]. Пустынь моя располагалась неподалеку от парка Кассан — самого прелестного и соблазнительного уголка из всех, какие создавали когда-либо роскошь и искусство, самого приятного для прогулок и самого прохладного в летнюю пору. Существованием этой зеленой обители мы обязаны Бержере, генеральному откупщику доброго старого времени — оригиналу, прославившемуся многими гелиогабальствами[185]: он являлся в Опере с золотой пудрой на волосах, устраивал во всем парке иллюминацию для себя одного или закатывал — тоже для одного себя — роскошнейшие пиры[186]. Этот буржуа-Сарданапал, побывав в Италии, проникся такой любовью к тамошним прекрасным пейзажам, что в припадке фана-

---

[184] Сноски: 184

Иль-Адан — городок и долина к северу от Парижа, в департаменте Валь д'Уаз; летом 1819 года Бальзак гостил здесь у друга своего отца Луи-Филиппа де Виллера-Лафе.

[185] Сноски: 185

Гелиогабальство — неологизм Бальзака, означающий склонность к неумеренным роскошествам, по имени Гелиогабала, римского императора в 218–222 годах.

[186] Сноски: 186

Бальзак объединяет в одну фигуру двух реально существовавших лиц — знаменитого генерального откупщика Франсуа Бержере (1683–1771) и его сына Пьера-Жака-Онезима Бержере де Гранкура (1715–1785), главного сборщика налогов округа Монтобан, владельца замка Кассан.

тизма потратил четыре или пять миллионов на воссоздание в принадлежащем ему парке итальянских красот по картинам, запечатленным художниками. Восхитительнейшие контрасты листвы, редчайшие деревья, продолговатые долины, живописнейшие виды, Борромеевы острова, зыблющиеся среди ясных, но прихотливых вод, — все это были лишь лучи, подсвечивавшие центральную точку всей картины — isola bella[187], где любая мелочь пленяла очарованный взор, остров, в глубине которого среди ветвей столетних ив прятался уютный маленький домик, остров, окаймленный гладиолусами, камышом, цветами и напоминавший богато оправленный изумруд. Ради этого зрелища стоило оставить позади тысячи и тысячи лье! Самый болезненный, самый печальный, самый сухой из всех наших хворых гениев, прожив здесь две недели, умер бы от несварения желудка и пресыщения, не снеся сочных роскошеств растительного существования. Тогдашний владелец этого Эдема, мало о нем заботившийся, за неимением жены или ребенка обожал большую обезьяну. По слухам, в прежние годы его любила некая императрица:

[187] Сноски: 187

Изола белла (*ит.* «прекрасный остров») — один из Борромеевых островов на озере Лаго-Маджоре в Северной Италии.

быть может, именно по этой причине общение с себе подобными ему наскучило. Злобному зверю жилищем служил изящный деревянный фонарь на вершине резного столба; взбалмошный хозяин, проводивший больше времени в Париже, чем в своих загородных владениях, редко ласкал сидевшую на цепи обезьяну, и характер ее портился с каждым днем. Я сам видел, как в присутствии некоторых дам зверь становился не менее дерзок, чем иные мужчины. В конце концов он так озлобился, что хозяин вынужден был его убить. Так вот, однажды утром я сидел под цветущим тюльпановым деревом в счастливой праздности; я вдыхал чувственные ароматы, которым кроны высоких тополей не позволяли улетучиться из этой блистательной ограды, наслаждался лесным покоем, вслушивался в шепот вод и шорох листвы, любовался узорами, которые рисовали на синем небе у меня над головой перламутровые и золотистые облака, и уносился мыслью в собственное будущее, — и вдруг до слуха моего донесся голос скрипки, которую безжалостно терзал некий бездельник, приехавший, должно быть, накануне из Парижа. Злейшему врагу не пожелаю испытать того потрясения, какое произвел в моей душе этот звук, внезапно нару-

шивший величественную гармонию природы. Добро бы еще где-то вдали зазвучал Роландов рог… но в тот день мыслями и фразами нас вознамерилась порадовать крикливая квинта. Сей Амфион[188] сначала расхаживал по столовой, а в конце концов уселся в амбразуре открытого окна как раз напротив обезьяны. Быть может, он нуждался в публике. Внезапно я увидел, как зверь тихонько спускается из своей башенки, встает на задние лапы, наклоняет голову, словно пловец, а передние лапы скрещивает на груди, точно закованный в цепи Спартак или Катилина, слушающий речь Цицерона. Банкир, окликнутый нежным голоском, серебристый звук которого пробудил в моей душе воспоминания об одном хорошо мне знакомом будуаре, положил скрипку на подоконник и стремительно скрылся в комнатах, словно ласточка, спешащая по-над землей на зов подруги. Рослая обезьяна, чья цепь была достаточно длинной, подошла к окну и важно взяла скрипку в лапы. Не знаю, доводилось ли вам, подобно мне, любоваться обезьяной, пыта-

[188] Сноски: 188

Бальзак иронически уподобляет неумелого скрипача-банкира Амфиону (*греч. миф.*), который, играя на лире, подаренной ему Гермесом, возводил стены вокруг города Фивы (камни сами ложились на место, повинуясь музыке).

ющейся играть на скрипке; что же до меня, то я, хотя теперь уже не смеюсь так часто, как смеялся в ту блаженную пору, не могу вспоминать о музицирующей обезьяне без улыбки. Получеловек начал с того, что схватил скрипку передними лапами и принялся обнюхивать ее, словно яблоко. По-видимому, он так сильно втянул воздух носом, что деревянный инструмент глухо зазвучал в ответ; покачав головой, орангутанг стал вертеть скрипку, осматривать ее со всех сторон, поднимать, опускать, потом поставил ее вертикально, потряс, поднес к уху, положил на землю и по-обезьяньи проворно схватил вновь. Он исследовал молчаливый кусок дерева с бесцельной прозорливостью, в которой было нечто чудесное, но несовершенное. Наконец он попытался самым смешным манером приладить скрипку под подбородком, придерживая ее лапой, но вскоре, подобно избалованному ребенку, наскучил занятием, с которым не освоиться без долгого труда, и стал просто щипать струны, которые отзывались отвратительной какофонией. Разозлившись, орангутанг положил скрипку на подоконник, схватил смычок и стал двигать его взад-вперед, словно каменщик, распиливающий кусок гранита. Новая попытка лишь еще сильнее утомила его

тонкий слух, поэтому, схватив смычок обеими лапами, он стал изо всей силы колотить им по ни в чем не повинному инструменту, источнику наслаждения и гармонии. Казалось, передо мной был школяр, который, повалив товарища на землю, обрушивает на него град ударов, дабы покарать за подлость. Произнеся скрипке приговор и приведя его в исполнение, обезьяна уселась на обломки и стала с тупой радостью играть русыми прядями сломанного смычка.

С того дня, стоило мне увидеть обреченного супруга в обществе его дражайшей половины, я тотчас вспоминал орангутанга, пытающегося играть на скрипке.

Любовь — гармоничнейшее из всех созвучий, и способность чувствовать эту гармонию заложена в нас самой природой. Женщина — восхитительный инструмент, доставляющий множество наслаждений, но лишь тому, кто знает расположение его чутких струн, кто изучил его устройство, его робкую клавиатуру и ту изменчивую, прихотливую постановку пальцев, которая потребна, чтобы на нем играть. Сколько орангутангов!.. — я хотел сказать: мужчин — женятся, не ведая, что есть женщина! Сколько обреченных обходятся с женами точно так же,

как кассанская обезьяна — со скрипкой! Они разбивают сердце, которого не понимают, они губят и презирают сокровище[189], тайна которого остается от них скрытой. Так и не повзрослев до самой смерти, они уходят из жизни с пустыми руками, оставляя позади растительное существование, наполненное досужими разговорами о любви и наслаждениях, распутстве и добродетели, о которых им известно столько же, сколько рабам о свободе. В большинстве своем эти люди женятся, пребывая в глубочайшем неведении относительно того, что такое женщина и что такое любовь. Они ломятся в дверь чужого дома и удивляются, отчего в гостиной им не рады. Но ведь даже самый заурядный музыкант знает, что его связуют с инструментом (инструментом, сделанным из дерева или из слоновой кости!) некие неизъяснимые дружеские узы. Он знает по собственному опыту, что должны пройти годы, прежде чем таинственная нить протянется от него, человека, к косной материи. Далеко не сразу угадывает он все ее возможности и капризы, все ее изъяны и достоинства. Лишь ценою долгих

[189] Сноски: 189

Возможная реминисценция из романа Д. Дидро «Нескромные сокровища» (1748), где под сокровищами разумеются интимные женские прелести.

упражнений музыкант совершает чудо: инструмент оживает и начинает издавать чарующие звуки; он становится музыканту другом лишь потому, что тот умеет задавать ему вопросы.

Разве, уподобляясь семинаристу, забившемуся в свою келью, мужчина способен узнать, что есть женщина, и научиться разбирать эту пленительную нотную запись? Или, может быть, на это способен мужчина, чье ремесло — думать за других, судить других, управлять другими, красть у других деньги, кормить их, лечить или ранить? Да и вообще, разве хоть одному из наших обреченных досуг изучать женщину? Они торгуют своим временем, откуда же сыщется у них время для забот о собственном счастье? Их бог — деньги. А быть слугой двух господ нельзя. Вот откуда на свете такое множество бледных и хилых, хворых и страждущих молодых женщин. Одних мучают более или менее серьезные воспаления, другие подвержены более или менее жестоким нервическим припадкам. У всех этих женщин мужья — невежды и принадлежат к числу обреченных. Мужья эти выковали собственное несчастье с таким тщанием, какое муж-художник употребил бы на то, чтобы взлелеять поздние, но пленительные цветы удовольствия. В один и

тот же срок неуч довершает свой крах, а человек искусный взращивает свое счастье.

XXVI

Ни в коем случае не начинайте супружескую жизнь с насилия.

В предыдущих Размышлениях мы исследовали болезнь с дерзкой непочтительностью хирурга, который отважно разрезает обманчивые кожные покровы, чтобы добраться до места, где прячется позорная язва. После вскрытия, произведенного на нашем операционном столе, от общественной добродетели не осталось даже трупа. Любовник вы или супруг, улыбнулись вы, слушая нас, или содрогнулись? Как бы там ни было, мы с коварной радостью заявляем, что виноваты в этом страшном общественном зле сами обреченные. Арлекин, пытающийся выяснить, может ли его конь обходиться вовсе без еды, ничуть не более смешон, чем эти мужья, желающие обрести счастье в браке, но не пестующие это счастье с той заботливостью, в какой оно так нуждается. Прегрешения жен суть не что иное, как обвинительные приговоры эгоизму, беззаботности и ничтожеству мужей.

Теперь, читатель, вам, так хорошо умеющему

осуждать других за то, в чем грешны сами, предстоит взять в руки весы. Одна их чаша довольно тяжела: подумайте, что положить на другую! Прикиньте процент обреченных среди общего количества женатых мужчин и взгляните на весы: вы узнаете, где коренится зло.

Попытаемся глубже вникнуть в причины брачного недуга.

Именовать *любовью* продолжение рода — значит грешить самым отвратительным святотатством из всех, какие допускаются современными нравами. Наградив нас божественным даром мысли и тем самым возвысив над животными, природа наделила нас чувственностью и чувствами, потребностями и страстями. Отсюда двойственность человека: в нем сосуществуют зверь и любовник. Помня об этом, мы можем пролить свет на интересующую нас социальную проблему.

Рассматривая брак с точек зрения политической, гражданской и нравственной, мы увидим в нем закон, договор и установление: закон — это продолжение рода, договор — передача собственности, установление — ручательство, в надежности которого заинтересованы все жители земли: у всякого есть отец и мать, у всякого

могут родиться дети. Следовательно, брак должен быть предметом всеобщего уважения. Общество поневоле ограничилось этими очевидными соображениями, ибо для него они представляют наибольшую важность.

Большинство мужчин вступают в брак лишь ради того, чтобы продолжить свой род, вступить во владение имуществом и стать отцами, однако ни продолжение рода, ни имущество, ни дети сами по себе счастья не приносят. Crescite et multiplicamini![190] — для исполнения этого завета любовь не нужна. Именем закона, короля и правосудия требовать у барышни, которую вы впервые увидели две недели назад, любви — бессмыслица, достойная большинства обреченных!

Любовь есть согласие потребности и чувства, семейное счастье проистекает из связующей супругов совершенной гармонии душ. Отсюда следует, что, дабы достичь счастья, мужчина обязан блюсти некоторые правила чести и деликатности. Воспользовавшись плодами социального закона, освящающего потребность, он должен затем подчиниться тайным законам природы, способствующим расцвету чувств. Если

---

[190] Сноски: 190
Плодитесь и размножайтесь! (*лат.*); Быт. 1:28.

для счастья ему нужно быть любимым, он должен искренне полюбить сам: истинная страсть всемогуща.

Однако быть страстным — значит никогда не утрачивать желания. Можно ли всегда желать свою жену?

Да.

Утверждать, что невозможно всегда любить одну и ту же женщину, так же бессмысленно, как полагать, что прославленному музыканту для дивного исполнения музыки потребно несколько скрипок.

Любовь — поэзия чувств. У нее та же участь, что и у всех великих порождений человеческой мысли. Либо она возвышенна, либо ее нет вовсе. Если же она есть, то длится вечно и с каждым днем становится все сильнее. Именно об этой любви древние говорили, что она — дитя Неба и Земли[191].

Литература строится на семи положениях, музыка выражает все с помощью семи нот, у живописи в распоряжении имеются всего семь цветов; быть может, любовь, подобно этим трем

---

[191] Сноски: 191

Точная цитата из «Писем» Мирабо (*Mirabeau*. T. 2. P. 263; ср. примеч. 96); Мирабо, утверждая, что любовь (а вернее, Амур) — дитя Неба и Земли, ссылался на Сафо.

искусствам, зиждется на семи принципах, исчисление которых мы предоставляем потомкам.

Если возможности, которыми обладают поэзия, музыка и живопись, неисчерпаемы, то еще большим богатством должны блистать наслаждения любви, ведь названные три искусства, помогающие нам искать — быть может, безуспешно — истину с помощью аналогий, оставляют человека наедине с его воображением, любовь же — это соединение двух тел и двух душ. Разве не очевидно, что если три основных способа, с помощью которых люди выражают свои мысли, требуют от людей, которых природа создала поэтами, музыкантами или художниками, предварительного обучения, то нельзя стать счастливым, не проникнув вначале в тайны наслаждения? Все люди ощущают тягу к продолжению рода, подобно тому как все они хотят есть и пить, но не всем дано быть любовниками и гастрономами. Современная цивилизация доказала, что вкус — это наука и что умение пить и есть ведомо лишь редким избранникам[192]. Наслаждение как искусство еще ждет своего исследователя. Наша задача

[192] Сноски: 192

Намек на второй из афоризмов, открывающих «Физиологию вкуса» Брийа-Саварена: «Животные пасутся; человек ест; как есть правильно, знает лишь человек острого ума».

скромнее: мы стремились лишь доказать, что несчастная участь, ожидающая всех обреченных, проистекает исключительно из незнания основ, на коих зиждется счастье.

С величайшей робостью дерзаем мы предать тиснению ряд афоризмов, которые, быть может, положат начало этой новой науке, подобно тому как гипсовые залежи положили начало геологии[193], и предлагаем их вниманию философов, юношей, готовящихся к вступлению в брак, и супругов из числа обреченных.

Брачный катехизис

XXVII

Брак есть наука.

XXVIII

Мужчина не имеет права жениться, не изучив предварительно анатомии и не сделав вскрытия хотя бы одной женщины.

---

[193] Сноски: 193

Французские ученые в 1810–1820-е годы много писали о роли гипсовых залежей в районе Монмартра для изучения геологического строения Франции; см., например: *La Méthérie J. — Cl.* Leçons de géologie données au collège de France. Paris, 1816.

XXIX

Судьба супружеской пары решается в первую брачную ночь.

XXX

Лишая женщину свободы воли, вы лишаете ее и возможности приносить жертвы.

XXXI

В любви женщина — если говорить не о душе, а о теле — подобна лире, открывающей свои тайны лишь тому, кто умеет на ней играть.

XXXII

Даже если женщина не питает к мужчине отвращения, в душе ее непременно дремлет чувство, которое рано или поздно прикажет ей отвергнуть наслаждения, не освященные страстью.

XXXIII

Не только чести, но и корысти ради муж никогда не должен доставлять себе такого

наслаждения, которое он не сумел сделать желанным для своей жены[194].

XXXIV

Поскольку наслаждение проистекает из согласия ощущений и чувства, дерзнем утверждать, что наслаждения суть своего рода материальные идеи.

XXXV

Поскольку сочетания идей неисчислимы, так же должно обстоять дело и с наслаждениями.

XXXVI

Как на одном дереве не найти двух одинаковых листков, так в жизни человека не сыскать двух одинаковых наслаждений.

XXXVII

Если наслаждение всякий раз ощущается по-иному, мужчина может быть всю жизнь

---

[194] Сноски: 194

Возможно, реминисценция из книги Ж. — Ж. Руссо «Эмиль» (1762, кн. V): «Не забывайте, что даже в браке удовольствие законно, лишь если желание обоюдно».

счастлив с одной и той же женщиной.

XXXVIII

Уметь улавливать малейшие оттенки наслаждения, развивать, обновлять и разнообразить их — вот в чем состоит гений мужа.

XXXIX

Если двое не любят друг друга, гений этот — не что иное, как распутство, ласки же, вдохновленные любовью, похотливыми не бывают.

XL

Самая целомудренная из замужних женщин может быть и самой сладострастной.

XLI

Самая добродетельная женщина может, сама того не ведая, повести себя непристойно.

XLII

Когда двоих связуют узы наслаждения, общественные условности умолкают. Об этот риф

разбилось не одно судно. Муж, который хотя бы однажды забудет, что обязан уважать целомудрие и без покровов, — человек пропащий. Супружеская любовь должна открывать и закрывать глаза лишь в нужные мгновения.

XLIII

Главное — не в силе или частоте, но в меткости[195].

XLIV

Заронить желание, взрастить его, взлелеять, развить, раздразнить и наконец удовлетворить — это целая поэма.

XLV

В наслаждениях следует переходить от двустишия к четверостишию, от четверостишия к сонету, от сонета к балладе, от баллады к оде, от оды к кантате, от кантаты к дифирамбу.

---

[195] Сноски: 195

В этой максиме, сделавшейся очень популярной и входящей в разнообразные сборники цитат, Бальзак перефразирует, применяя к любовным отношениям, известную шутку Вольтера, утверждавшего, что театр требует от автора не столько меткости, сколько силы (см., например: *Palissot Ch.* Le Génie de Voltaire apprécié dans tous ses ouvrages. Paris, 1806. P. 27).

Муж, начинающий прямо с дифирамба, — глупец.

XLVI

Каждой ночи потребно особое меню.

XLVII

Брак обязан неустанно сражаться с ненасытным чудовищем — привычкой.

XLVIII

Если мужчина не умеет отличить наслаждения вчерашней ночи от наслаждений сегодняшней, значит, он женился слишком рано.

XLIX

Легче быть любовником, чем мужем, ибо труднее быть остроумным каждый день, чем шутить от случая к случаю.

L

Мужу ни за что не следует засыпать первым и просыпаться последним.

LI

Мужчина, входящий в туалетную комнату женщины, — либо философ, либо болван.

LII

Безупречный муж — человек конченый.

LIII

Замужняя женщина — раб, которому следует воздавать царские почести.

LIV

Мужчина может льстить себя надеждой, что знает свою жену и приносит ей счастье, лишь если он часто видит ее у своих ног.

Именно всей невежественной компании обреченных мужей, всем этим подагрикам, курильщикам, нюхальщикам табака, старикам, ворчунам и проч. адресовано письмо, которое стерновский Вальтер Шенди послал своему брату Тоби, когда тот задумал жениться на вдове Водмен.

Поскольку почти все советы, которые самобыт-

нейший из английских авторов включил в это прославленное письмо, могут, за исключением кое-каких деталей, пополнить наши наблюдения, касающиеся наилучшего обращения мужей с женами, мы приводим его целиком, умоляя обреченных отнестись к нему как к одному из самых значительных творений человеческого ума.

Письмо г-на Шенди капитану Тоби Шенди[196]

«Дорогой брат Тоби. Я собираюсь сказать тебе кое-что о природе женщин и о том, как за ними ухаживать; и счастье, может быть, для тебя – хотя и не такое уж счастье для меня, – что ты имеешь возможность получить наставительное письмо по этому предмету, а я в состоянии его написать. Если бы так угодно было распорядителю наших судеб – и твои познания достались тебе не слишком дорогой ценой, я бы предпочел, чтобы ты вместо меня макал в эту минуту перо в чернила; но так как вышло иначе – пока миссис Шенди здесь рядом готовится

[196] Сноски: 196
Стерн. С. 494–497; *Sterne-2.* P. 258–262.

лечь в постель, – я набросаю тебе в беспорядке, как они пришли мне на ум, ряд полезных для тебя, на мой взгляд, советов и наставлений, которые я привожу в знак любви к тебе, не сомневаясь, дорогой Тоби, в том, как они будут тобою приняты.

Во-первых, в отношении всего, что касается в этом деле религии – хотя жар на щеке моей свидетельствует, что я покраснел, заговорив с тобой об этом предмете, несмотря на нелицеприятное старание твое держать такие вещи в тайне, мне хорошо известно, как мало ты пренебрегаешь исполнением ее предписаний, – но я все-таки желал бы отметить одно из ее правил в особенности, о котором (в продолжение твоего ухаживания) ты забывать не должен, а именно: никогда не выступай в поход, будь то утром или после полудня, не поручив себя сначала покровительству Всевышнего, дабы он охранял тебя от лукавого.

Гладко брей себе голову по меньшей мере раз в каждые четыре или пять дней и даже чаще, для того чтобы, если по рассеянности случится тебе снять пе-

ред ней парик, она не в состоянии была приметить, сколько волос снято у тебя Временем – и сколько Тримом[197].

Еще лучше удалить из ее воображения всякую мысль о плешивости.

Всегда держи в уме, Тоби, и действуй в согласии с твердо установленной истиной – *что женщины робки*. И слава богу, что они такие, – иначе с ними житья бы не было.

Смотри, чтобы штаны твои были не слишком узкие, но не давай им также чересчур свободно висеть на бедрах, подобно шароварам наших предков.

Золотая середина предотвращает всякие выводы.

Что ты бы ни собирался сказать, много или мало, не забывай, что всегда надо говорить тихим, мягким тоном. Молчание и все, что к нему приближается, вселяет в мозг мечты о полуночных тайнах. Поэтому, если можешь, никогда не бросай щипцов и кочерги.

Избегай всяких шуток и балагурства в

---

[197] Сноски: 197
Трим — капрал, слуга Тоби Шенди.

разговоре с ней и в то же время принимай все доступные для тебя меры, чтобы ей не попадали в руки книги и писания, проникнутые этим духом; существуют книги душеспасительные, и хорошо, если бы тебе удалось приохотить ее к ним; но ни в коем случае не позволяй ей заглядывать ни в Рабле, ни в Скаррона[198], ни в «Дон Кихота».

Все эти книги возбуждают смех, а ты знаешь, дорогой Тоби, нет страсти серьезнее плотского наслаждения.

Втыкай булавку в грудь своей рубашки, перед тем как войти в ее комнату. Если тебе дозволяется сесть рядом с ней на диван и она дает тебе случай положить твою руку на свою – остерегайся им воспользоваться, ты не можешь это сделать так, чтобы она не узнала состояния твоих чувств. Оставляй ее на этот счет и на счет как можно большего числа других вещей в полном неведении: поступая таким образом, ты привлечешь на свою сторону ее любопытство; но если она

[198] Сноски: 198

Поль Скаррон (1610–1660) был автором буффонных комедий, бурлескной поэмы «Переодетый Вергилий» и «Комического романа».

все-таки не сдастся, а осел твой по-прежнему будет становиться на дыбы, как есть все основания предположить…[199] Тебе следует первым делом выпустить несколько унций крови из-под ушей, как было в обычае у древних скифов, которые вылечивались таким способом от самых бурных приступов вожделения.

Авиценна, далее, стоит за то, чтобы смазывать соответственное место настоем чемерицы, производя надлежащие опорожнения и прочищения желудка, – и я считаю, что он прав. Но ты должен есть поменьше или вовсе не есть козлятины или оленины – не говоря уже о мясе ослят или жеребят – и тщательно воздер-

---

[199] Сноски: 199

Чуть выше, в главе XXXI Стерн поясняет то значение слова «осел», в каком употребляет его Вальтер Шенди: он ссылается на «Иллариона-пустынника, который, повествуя о своем воздержании, о своих бдениях, бичеваниях и прочих вспомогательных средствах своей религии, говорил (с несколько бóльшим балагурством, нежели подобало пустыннику), что он употребляет эти средства с целью отучить своего *осла* (разумея под ним свое тело) становиться на дыбы» и «никогда не употреблял слова *страсть* — постоянно заменяя его словом *осел*» (*Стерн.* С. 488; *Sterne-2*. P. 446). Бальзак ссылался на этого специфического стерновского осла и позже: когда после консультации с естествоиспытателем Лаврилем главный герой «Шагреневой кожи» выражает намерение «держать своего осла в узде», Бальзак прибавляет: «Еще до него Стерн сказал: „Побережем осла, если хотим дожить до старости“» (пер. Б. Грифцова).

живаться – поскольку, разумеется, ты в силах – от павлинов, журавлей, лысух, нырков и болотных курочек.

Что же касается напитков, мне нет надобности рекомендовать тебе настой из вербены и травы ганеа, замечательное действие которого описывает Элиан[200], но если ты потерял к нему вкус – оставь его на время и замени огурцами, дынями, портулаком, водяными лилиями, жимолостью и латуком.

Сейчас мне больше не приходит в голову ничего полезного для тебя, кроме разве… объявления новой войны.

Итак, пожелав тебе, дорогой Тоби, всего наилучшего, остаюсь твоим любящим братом

Вальтером Шенди».

В нынешних обстоятельствах Стерн, без сомнения, вычеркнул бы из письма мистера Шенди пассаж относительно осла и не только не стал бы советовать обреченному выпускать несколько

---

[200] Сноски: 200

Клавдий Элиан (ок. 170 — после 222) — древнеримский писатель, автор написанных по-гречески «Пестрых историй» и «Рассказов о животных». Траву ганеа комментаторы Стерна считают выдумкой английского романиста.

унций крови из-под ушей, но и заменил бы огурцы и латук на кушанья куда более основательные. Рекомендуя быть как можно более сдержанным перед боем, для того чтобы обрести чудесную мощь в бою, он подражал примеру английского правительства, которое в мирное время располагает всего двумя сотнями кораблей, но готово выстроить на своих верфях вдвое больше, лишь только представится возможность ринуться в бой за владычество над всеми морями и флотами.

Если мужчина принадлежит к узкому кругу тех избранников, которым превосходное образование позволило в полной мере вкусить достижений человеческой мысли, ему следовало бы перед тем, как жениться, взвесить свои нравственные и физические силы. Дабы успешно бороться против всех тех бурь, которые многочисленные соблазны постоянно грозят поднять в сердце жены, муж должен быть не только сведущ в науке наслаждения и располагать состоянием, которое позволит ему не войти ни в один из разрядов обреченных, но и обладать отменным здоровьем, безупречной чуткостью, острым умом, здравомыслием, достаточным, чтобы выказывать свое превосходство лишь в подобающих обстоятельствах, и, наконец, исключительно

тонкими слухом и зрением.

Пусть супруг даже хорош собой, строен и мужествен с виду, однако, если он не удовлетворяет всем перечисленным выше требованиям, быть ему среди обреченных. Поэтому муж, которого природа наградила лицом некрасивым, но выразительным, скорее сумеет противостоять злу, нежели глупый красавец, — лишь бы жена хоть однажды забыла о его уродстве.

Исправим упущение Стерна и предупредим, что умный муж не должен источать никаких запахов, дабы не вызвать у жены отвращения. Поэтому он будет с превеликой осторожностью прибегать к духам — ведь злоупотребление ими может навеять самые оскорбительные подозрения.

Умный муж обязан следить за своими манерами и в разговорах с женой так тщательно выбирать слова, как если бы он ухаживал за самой ветреной красавицей. Именно к нему обращена мысль философа:

«Есть женщины, которые, погубив и опозорив себя ради мужчины, разлюбили его за то, что он без должного изящества сбросил сюртук, дурно остриг ноготь, надел чулок наизнанку или нелов-

ко расстегнул пуговицу»[201].

Одна из первостепенных обязанностей настоящего мужчины — скрывать от жены истинные размеры своего состояния, дабы иметь возможность удовлетворять любые ее прихоти не хуже самого щедрого холостяка.

Наконец, — вещь самая трудная и требующая сверхчеловеческого самообладания — он обязан безраздельно властвовать над тем ослом, о котором говорит Стерн. Осел этот должен повиноваться ему, как крестьянин XIII века повиновался своему сеньору; он должен замирать и покорно умолкать, идти вперед и останавливаться по первому приказанию.

Однако все перечисленные достоинства отнюдь не гарантируют мужу успеха. Даже наделенный этими совершенствами, он, равно как и все прочие мужчины, рискует стать для своей жены тем же, чем является для газеты ответственный редактор[202].

— Как! — воскликнут недалекие людишки, не

---

[201] Сноски: 201

Ср.: *Шамфор*. Максимы и мысли (*Chamfort*. T. 1. P. 411); у Шамфора вместо «неловко расстегнул пуговицу» — «неаккуратно стер пудру».

[202] Сноски: 202

Такой редактор согласно закону о печати 1819 года отвечал за материалы, напечатанные в газете, перед законом, но зачастую никак не влиял на их содержание.

видящие дальше собственного носа. — Неужели нужно потратить столько сил на то, чтобы завоевать любовь собственной жены; неужели нельзя быть счастливым в семейной жизни, не усвоив предварительно всей вашей премудрости? Чего доброго, правительство откроет для нас кафедру любви, как открыло недавно кафедру публичного права!

Вот наш ответ:

Эти многочисленные правила, которые так трудно вывести, эти проницательные наблюдения, эти понятия, изменяющиеся в зависимости от темперамента, таятся в сердце людей, рожденных для любви, как чувство вкуса и некое неизъяснимое умение без труда сочетать идеи живут в душе поэта, художника или музыканта. Люди, которые затрудняются исполнить наши предписания, суть обреченные, точно так же как люди, которые не в силах уловить связь двух разных идей, — болваны. У любви есть свои неведомые гении, как у войны — свои Наполеоны, у поэзии — свои Андре Шенье, а у философии —

свои Декарты[203].

Это замечание поможет нам дать ответ на вопрос, мучающий человечество с очень давних пор: отчего так редки счастливые браки?

Счастливые браки исключительно редки оттого, что на свете мало людей гениальных. Долговечная страсть — величественная драма, разыгрываемая актерами равного таланта, драма, где катастрофами служат чувства, а событиями — желания и где еле заметное душевное движение производит перемену декораций. Так вот, разве часто встречаются в том стаде Двуруких, что зовется нацией, мужчина и женщина, в равной мере одаренные гением любви, если талантливые люди так редки даже в науках, требующих от ученого лишь согласия с самим собой?

---

[203] Сноски: 203

Если Рене Декарт и Наполеон были прославлены при жизни, то французский поэт Андре Шенье (1762–1794), казненный в 1794 году, когда стихи его, за исключением двух-трех, еще не были напечатаны, сделался знаменитым лишь через два с половиной десятка лет после смерти, в 1819 году, когда Анри де Латуш опубликовал том его сочинений. Романтики, увидевшие (не вполне обоснованно) в Шенье своего предшественника, много сделали для его «канонизации». Среди пылких поклонников Шенье был и молодой Бальзак; тем не менее имя Шенье он ввел в текст «Физиологии брака» только в издании Фюрна (1846); до этого вместо него упоминался Байрон. Любопытно, что та же пара неведомых гениев (Наполеон и Декарт) упомянута в известном отрывке из пушкинского «Путешествия в Арзрум»: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском

телеграфе“» (*Пушкин*. Т. 8. Кн. 1. С. 461).

Мы обрисовали — причем лишь в самых общих чертах — те, можно сказать, физические затруднения, которые предстоит преодолеть супругам на пути к счастью, но что сказали бы вы, разверни мы перед вами устрашающую картину нравственных обязательств, рождающихся из разности характеров?.. Впрочем, в этом нет нужды: человек, умеющий обуздать темперамент, наверняка будет повелевать и душой.

Предположим, что наш образцовый супруг обладает теми изначальными достоинствами, которые позволят ему успешно оборонять свою супругу от холостяцких покушений. Допустим, что он не входит ни в один из многочисленных разрядов обреченных, перечисленных нами выше. Вообразим, наконец, что он усвоил все наши максимы, что он владеет той восхитительной наукой, в азы которой мы вас только что посвятили, что он женился, преисполненный этой учености, что он знает свою жену и любим ею; итак, вообразив все это, мы продолжим перечисление основных причин, способных отягчить и без того сложное положение, в которое мы поставим нашего супруга, дабы на его примере преподать урок всему роду человеческому.

Размышление VI
О пансионах

Если вы женились на девице, воспитывавшейся в пансионе, ваши шансы пополнить разряд вышеперечисленных мужей, упускающих свое семейное счастье, возрастают не менее чем на тридцать процентов; с таким же успехом вы могли бы сунуть руку в осиное гнездо.

Допустим, что вам все-таки выпал этот жребий; тогда тотчас после венчания, не обольщаясь невинным неведением, прелестным простодушием, целомудренными манерами вашей супруги, обратитесь ко второй части нашего сочинения, вдумайтесь в содержащиеся там аксиомы и последуйте данным там советам. Больше того, примените на практике строгости, о которых говорится в третьей части нашей книги[204], немедля приступите к неусыпному наблюдению и окружите жену неослабной отеческой заботой; все это необходимо потому, что можете не со-

[204] Сноски: 204

Остаток первоначального замысла, согласно которому «Физиология» должна была состоять из четырех частей; в окончательном варианте о «строгостях» рассказывает вторая часть.

мневаться: наутро после вашей свадьбы, а может быть, и накануне вечером в доме вашем уже будет *нехорошо*.

В самом деле, вспомните те секретные и глубокие познания, которые приобретают о природе вещей — *de natura rerum* — школьники. Лаперуз, Кук или капитан Парри[205] не так упорно прокладывали себе дорогу к полюсам, как лицеисты отыскивают путь к запретным лагунам океана наслаждений.

Поскольку девочки хитрее, умнее и любопытнее мальчиков, их тайные свидания и беседы, которым не способны воспрепятствовать даже самые строгие наставницы, несомненно, обличают гений в тысячу раз более дьявольский, нежели разговоры мальчиков. Кому из мужчин доводилось хоть однажды слышать нравственные рассуждения и лукавые заметы этих девиц? Только им самим известны те игры, которые заранее губят честь, те опыты наслаждения, те проблески сладострастия, те подобия счастья, которые можно сравнить с конфетами, выкраденными

---

[205] Сноски: 205

Названы три знаменитых европейских путешественника, один французский (Жан-Франсуа де Гало, граф де Лаперуз, 1741–1788) и два английских: Джеймс Кук (1728–1779) и Уильям Эдуард Парри (1790–1855).

юным лакомкой из запертого буфета. Молодая особа может выйти из пансиона девственной, но целомудренной — никогда. После того как она многократно обсудит на тайных сборищах важнейший вопрос о месте любовника в жизни женщины, разврат, вне всякого сомнения, пустит корни и в ее сердце, и в ее уме.

Допустим, однако, что ваша супруга не принимала участия в этих девичьих шалостях, в этих ранних забавах. Но стала ли она лучше оттого, что не имела совещательного голоса в секретных собраниях *старших*? Нет. В пансионе она наверняка завязала дружбу со своими сверстницами; по самым скромным подсчетам, таких задушевных подруг у нее завелось не меньше трех. Можете ли вы быть уверены, что по выходе из пансиона эти юные особы не будут призваны на совет, дабы попытаться заблаговременно выяснить, хотя бы с помощью аналогий, чем занимаются воркующие голубки? Наконец, подруги эти выйдут замуж, и вам придется надзирать за четырьмя красавицами вместо одной, разгадывать особенности четырех характеров и ощущать себя игрушкой четырех мужей[206] и дюжины

[206] Сноски: 206
Ошибка Бальзака; следовало сказать: «трех».

холостяков, чей образ жизни, убеждения и привычки вам совершенно незнакомы, меж тем как размышления наши, надеюсь, уже уверили вас в необходимости внимательно присматриваться ко всем тем людям, которых вы, сами того не подозревая, взяли в приданое за женой. Лишь самому Сатане могла прийти на ум мысль основать пансионы для девочек посреди большого города!.. Госпожа Кампан, по крайней мере, разместила свое прославленное заведение в Экуане и этой мудрой предосторожностью доказала, что была женщиной незаурядной[207]. За городом взорам девушек не представал уличный музей с его страшными дикими картинами и начертанными дьявольской рукою непристойными словами. Там их не поражали всякую минуту описания человеческих недугов, которыми пест-

[207] Сноски: 207

Жанна-Луиза-Анриетта Кампан (урожд. Жене; 1752–1822) — до Революции первая камеристка Марии-Антуанетты, при Империи начальница учебного заведения для дочерей и сестер неимущих солдат и офицеров наполеоновской армии, кавалеров ордена Почетного легиона. Открытое по приказу императора в 1808 году, оно размещалось в Экуане, местечке к северу от Парижа. О том, что Бальзак и позже продолжал считать госпожу Кампан женщиной незаурядной, свидетельствуют слова, которые он приписал ей в «Евгении Гранде»: «Дети мои, пока человек в составе министерства, преклоняйтесь перед ним. Падет — помогайте тащить его на свалку. В могуществе он нечто вроде бога, но сверженный, он ниже Марата, брошенного в яму, — потому что он еще жив, а Марат уже мертв» (*Бальзак/15*. Т. 4. С. 108; пер. Ю. Верховского).

рит во Франции любая афишная тумба[208], там коварные кабинеты для чтения не изрыгали на них свой тайный яд и не расширяли их познания с помощью зажигательных сочинений. Понятно, что только в Экуане мудрая наставница могла сохранить своих воспитанниц чистыми и невинными — если это вообще возможно. Впрочем, вы, должно быть, полагаете, что без труда воспретите вашей жене видеться с подругами по пансиону? Безумец! Она будет встречаться с ними на балу, в театре, на прогулке, в свете, а количество услуг, которые могут оказать друг другу две женщины, неисчислимо!.. Впрочем, на эту устрашающую тему мы поговорим подробнее в свое время и в своем месте[209].

Но и это еще не все: вы ведь не думаете, что теща ваша, помещая дочку в пансион, пеклась прежде всего об интересах этой юной особы? Барышня двенадцати-пятнадцати лет — бдительный страж, и тот факт, что госпожа теща пожелала избавиться от этого стража, наводит меня на мысль, что она скорее всего входит в чис-

---

[208] Сноски: 208

Речь идет о рекламе лекарственных средств против разнообразных, в том числе постыдных, недугов.

[209] Сноски: 209

См. Размышление XXV, § 3.

ло самого нестойкого отряда наших порядочных женщин. Следственно, она вечно пребудет для дочери либо гибельным примером, либо опасной советчицей.

Впрочем, довольно… теща достойна отдельного Размышления[210].

Одним словом, с какой стороны ни посмотри, брачное ложе усеяно шипами.

До революции иные родители-аристократы отдавали дочерей на воспитание в монастыри. Этому примеру следовало множество людей, воображавших, что если их дочери будут воспитываться вместе с дочерями знатных господ, они переймут их тон и манеры. Заблуждение, взращенное гордыней, само по себе сулило погибель семейному счастью; вдобавок монастырское воспитание имело все недостатки воспитания пансионского[211]. Праздность в монастыре царит еще большая, чем в пансионе. Решетки и замки распаляют воображение. Дьявол любит искать

---

[210] Сноски: 210

См. Размышление XXV, § 2. В каталог всех произведений, которые должны войти в «Человеческую комедию», в раздел «Сцены частной жизни», Бальзак включил сочинение под названием «Зятья и тещи»; впрочем, оно осталось ненаписанным.

[211] Сноски: 211

Тема монастырей как школы кокетства и даже разврата постоянно звучала во французских романах XVIII века (Руссо, Дидро, Луве де Кувре).

добычу в уединенных обителях; невозможно представить себе, какое смятение производят самые заурядные житейские происшествия в душах юных особ — мечтательных, невежественных и ничем не занятых.

Одни лелеют в воображении химеры и потому попадают в положения более или менее двусмысленные. Другие рисуют себе столь радужные картины семейного счастья, что, выйдя замуж, разочарованно восклицают: «Как! И это все?» В любом случае однобокое образование, которое получают девицы в пансионе или монастыре, грешит всеми пороками невежества и всеми изъянами учености.

Девушка, воспитанная дома матерью или старой тетушкой, добродетельной советчицей или сварливой ханжой; девушка, которая ни разу не выходила за порог без компаньонки; девушка, чье детство прошло в трудах — пусть даже совершенно бесполезных; наконец, девушка, которой все, вплоть до представления китайских теней у Серафена[212], в новинку, — такая девуш-

[212] Сноски: 212

Серафен (наст. имя и фам. Серафен-Доминик Франсуа; 1747–1800) — основатель театра марионеток и китайских теней; в бальзаковское время этим театром, располагавшимся в Пале-Руаяле, владел племянник первого Серафена, Жозеф-Франсуа.

ка — подлинное сокровище, которое изредка отыскивается в свете и которое подобно лесному цветку, взросшему в чаще, вдали от человеческих взоров. Тот, кто, завладев цветком столь чистым и нежным, уступит его кому-нибудь другому, тысячу раз достоин своего несчастья. Такой человек — либо изверг, либо глупец.

Меж тем настало время выяснить, существует ли какой-либо способ жениться удачно и отсрочить необходимость прибегать к тем предосторожностям, о которых пойдет речь во второй и третьей частях нашего сочинения; ведь можно считать доказанным, что легче читать «Урок женам» в наглухо закрытом духовом шкафу, нежели постичь характер, привычки и склад ума барышни на выданье![213]

Увы, большинство мужчин относятся к женитьбе ничуть не серьезнее, чем к покупке процентных бумаг на бирже.

И если в предыдущих Размышлениях нам удалось доказать, что, вступив в брак, мужчины, как правило, решительно пренебрегают заботами о своем семейном счастье и по истечении корот-

---

[213] Сноски: 213

«Урок женам» (1662) — комедия Мольера, герой которой, сорокалетний Арнольф, полагает, что, оставив свою воспитанницу Агнесу невежественной, сделает из нее покорную жену, но терпит неудачу.

кого отрезка времени, который англичане зовут «медовым месяцем» и которому мы не преминем посвятить отдельное Размышление, перестают обращать внимание на жену, принадлежащую им по закону, то вправе ли мы ожидать, что среди этих мужчин найдутся люди достаточно богатые, умные и наблюдательные для того, чтобы, по примеру Берчелла из «Векфильдского священника», потратить год или даже два на изучение нрава той девицы, которую они намереваются взять в жены?[214]

Тем не менее, тщательно обдумав эту важную материю, мы пришли к выводу, что существует несколько способов выбрать невесту более или менее удачно, даже не затратив на это много времени.

Например, совершенно очевидно, что вы не прогадаете, если:

1) Возьмете в жены девицу, чей темперамент сближает ее с женщинами, рожденными в Луизиане или Каролине.

Чтобы получить точные сведения о темпе-

---

[214] Сноски: 214

Герой романа английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774) «Векфильдский священник» (1766), богатый и знатный сэр Уильям Торнхилл, скрывшись под вымышленным именем скромного господина Берчелла, изучает характер девушки, которую собирается взять в жены.

раменте юной особы, следует обратиться к горничным, пустив в ход те средства, о которых говорит Жиль Блас[215] и к которым прибегает государственный муж, желая раскрыть заговор или узнать, как провели ночь министры.

2) Выберете барышню, которая, не будучи уродливой, не может быть отнесена и к разряду хорошеньких.

Мы убеждены, что если мужчина желает быть в браке наименее несчастлив, он должен искать в будущей жене два свойства, являющиеся надежным залогом успеха, — великую душевную кротость и умеренную внешнюю непривлекательность.

Но угодно ли вам узнать всю правду? Откройте Руссо, ибо нет такого вопроса общественной морали, решения которого бы он не предугадал. Читайте:

«У народов нравственных девицы податливы, а замужние женщины неприступны. У народов безнравственных дело обстоит противополож-

---

[215] Сноски: 215

Жиль Блас — герой авантюрного романа Алена Рене Лесажа (1668–1747) «История Жиль Бласа из Сантильяны» (1715–1735); вероятно, Бальзак имеет в виду просто-напросто подкуп горничных и слуг — мотив, не раз возникающий в романе.

ным образом»[216].

Из этой глубокой и правдивой мысли можно сделать вывод, что число несчастливых браков уменьшилось бы, если бы мужчины женились на своих любовницах. Но для этого следовало бы воспитывать французских девушек совсем по-иному. До сих пор французские законы и нравы, вместо того чтобы предупреждать преступления, поощряли их, а обрушивались на проступки. Да что там, оплошность девицы даже и проступком не назовешь в сравнении с грехом замужней женщины. В таком случае разве нельзя утверждать, что куда безопаснее предоставлять свободу девушкам, нежели давать волю мужним женам? Шалопаи посмеются над предложением подвергать девушек на выданье испытанию, но людей степенных предложение это заставит задуматься[217]. В Германии, Швейцарии, Ан-

[216] Сноски: 216

Отрывок из второго предисловия к роману «Юлия, или Новая Элоиза», продолжающий предыдущую цитату из этого же текста (см. примеч. 103).

[217] Сноски: 217

Не только шалопаи, но и сотрудники серьезных периодических изданий сомневались в успешности предложенного метода; журналист газеты «Земной шар» (Le Globe) 16 февраля 1830 года писал, что введение «пробных браков» сделает чудовищно редкими браки окончательные, ибо проба будет следовать за пробой, и всякий раз пробующих очень скоро будет постигать разочарование.

глии и Соединенных Штатах девушки наделены правами, в которых французы усмотрели бы ниспровержение всех нравственных устоев[218]; тем не менее очевидно, что в этих странах несчастливых браков куда меньше, чем у нас.

«Если женщина всецело предалась любовнику, значит, она хорошо его узнала. Прежде чем вверить ему свое сердце, она наградила его уважением и доверием»[219].

Эти правдивые строки, возможно, озарили блеском истины темницу, где Мирабо их сочинил, и хотя плодотворным замечанием, в них содержащимся, мы обязаны неистовейшей из его страстей, они суть ключ к той социальной проблеме, что занимает нас теперь. В самом деле, брак, скрепленный благоговейными наблюдени-

---

[218] Сноски: 218

В разговоре о свободе, которую надо предоставлять девушкам, у Бальзака было как минимум три предшественника. Первый — Руссо, на которого он ссылается напрямую. Второй — Александр Гримо де Ла Реньер, которого Бальзак, возможно, знал не только как законодателя гурманства (см. примеч. 222, 447, 661), но и как автора брошюры «Философические размышления об удовольствии», выпущенной в 1783 году без имени автора, но с указанием «Сочинение холостяка» (полвека спустя Бальзак сходным образом обозначил себя на титульном листе «Физиологии брака»). Гримо в этой брошюре всячески ратует за предоставление девушкам свободы, однако не идет так далеко, как Бальзак, и предполагает, что этой свободой девушки и их кавалеры будут пользоваться весьма умеренно и вполне целомудренно (как это, по его мнению, и происходит в Швейцарии). Наконец, о положении девушек в Германии и Швейцарии пишет Стендаль в книге «О любви» (гл. 58), где, в частности, говорится: «Я мало знал семей более счастливых, чем

те, которые живут в Оберланде, области Швейцарии, расположенной около Берна, а между тем всем известно (1816), что молодые девушки проводят там со своими поклонниками каждую ночь с субботы на воскресенье» (*Стендаль*. С. 197). Так называемый «пробный брак» при Старом порядке существовал и в некоторых французских провинциях, как в крестьянской, так и в буржуазной среде (см.: *Michel A.* Le mariage chez Honoré de Balzac. Amour et féminisme. Paris, 1978. P. 200); Бальзак и сам пишет чуть ниже о том, что восемнадцать миллионов существ, которых он исключил из своего рассмотрения (то есть крестьяне и крестьянки), вступают в брак именно на таких основаниях.

[219] Сноски: 219

Цитата из Мирабо (*Mirabeau*. T. 3. P. 216). У Мирабо речь идет о «порядочной женщине», однако Бальзак опустил эпитет, поскольку Мирабо употребил его всерьез, у Бальзака же выражение «порядочная женщина» исполнено язвительной иронии.

ями, сопутствующими любви, и разочарованием, наступающим вслед за обладанием, — такой брак должен быть нерушимейшим из союзов.

В этом случае жене уже не придется упрекать мужа в том, что она принадлежит ему только по закону. Она уже не сможет, соблазненная софизмами собственного сердца, спрашивать себя двадцать раз на дню, отчего, отдавшись против воли мужчине, которого она не любит, она не вправе отдаться по своей охоте мужчине, которого полюбила, не сможет искать основания для измены в том, что ее покорство мужу — вынужденное. Не сможет жена и жаловаться на природные изъяны мужа: ведь она заранее познакомится с его тиранией, успеет сжиться с его прихотями.

Многие девицы будут обмануты в своих надеждах: не такой воображали они любовь!.. Но разве не бесконечным благом станет для них возможность не связывать себя узами брака с человеком, которого они были бы вправе презирать?

Иные чересчур пугливые люди воскликнут, что подобная перемена в наших нравах породит ужасную распущенность, что законы или главенствующие над законами обычаи не могут, что ни говори, освящать разврат и порок, что если

даже в мире существуют бедствия неизбежные, не дело общества — их освящать.

На это легко возразить, что предлагаемая система как раз и ставит своею целью предупредить бедствия, до сих пор почитавшиеся неизбежными; как ни приблизительны наши статистические выкладки, они неопровержимо свидетельствуют о вопиющих размерах социальной язвы; выходит, моралисты наши готовы предпочесть большее зло меньшему, разрушение устоев всего общества гадательной вольности девичьих нравов, распутство матери семейства, подтачивающее самые основы общественного воспитания и причиняющее горе по меньшей мере четверым, распутству девицы, которая компрометирует лишь самое себя и в крайнем случае своего ребенка. Да погибнет добродетель десяти дев, лишь бы пребыл незапятнанным священный венец матери семейства! В зрелище юной девы, брошенной соблазнителем, есть нечто величественное и трогательное: мы видим попранные клятвы, преданное доверие, невинность, льющую слезы на обломках нестойких добродетелей и сомневающуюся в любви отца к его дитяти, а значит — во всем на свете. Бедняжка еще невинна; она еще может стать верной женой и заботливой

матерью, и если прошлое ее омрачено тучами, то будущее чисто, как безоблачное небо. Отыщем ли мы эти нежные краски в мрачных картинах беззаконной страсти? В первом случае женщина — жертва, во втором — преступница. На что надеяться жене, изменившей мужу? Пусть даже Господь простит ей ее вину, на этом свете самое безупречное поведение не уничтожит живых плодов ее разврата. Если Яков I — сын Риччо, значит, грех Марии жил столько времени, сколько жила несчастная династия Стюартов, и утрата ими власти — не что иное, как справедливая кара Небес[220].

Положа руку на сердце, признайтесь: разве эмансипация девушек чревата таким уж большим числом опасностей?

---

[220] Сноски: 220

Яков I Стюарт (1566–1625), с 1567 года король Шотландии под именем Якова VI, с 1603 года король Англии, был сыном Марии Стюарт и Генри Стюарта, лорда Дарнли (1545–1567). Дарнли женился на Марии Стюарт в 1565 году и вскоре охладел к ней, но тем не менее из ревности приказал убить ее секретаря итальянца Давида Риччо (ок. 1533–1566). Риччо был убит 9 марта, а через несколько недель после этого королева родила сына, будущего короля Якова I. Версия о любовной интриге между королевой и ее секретарем и, следовательно, о незаконном происхождении Якова I не имеет документальных подтверждений. Внук Якова I — Яков II Стюарт — был свергнут с престола и изгнан из Англии в ходе Славной революции 1688 года. Последней представительницей Стюартов на английском престоле была дочь Якова II Анна, правившая с 1702-го по 1714 год.

Нетрудно обвинить юную особу в неумении противиться коварному желанию, побуждающему ее во что бы то ни стало проститься с девичьей невинностью; однако обвинение это имеет силу лишь в наших нынешних обстоятельствах. Нынче юная особа ничего не знает ни о соблазнах, ни о ловушках; опорой ей служит лишь собственная слабость, снисходительные правила светской жизни поминутно распаляют ее желания, а обманчивое воображение служит ей поводырем тем более ненадежным, что *дева юная нечасто посвящает* в тайну своей первой любви…

Будь она свободна, воспитание, избавленное от предрассудков, научило бы ее не доверять любви первого встречного. Всякому человеку легче сопротивляться опасности известной, нежели такой, о которой он ничего не знает. Вдобавок разве свобода, предоставленная дочери, помешает матери бдительно за нею присматривать? А разве мало значат целомудрие и пугливость, которыми природа щедро одаряет душу юной девы, дабы она уберегласъ от несчастья и не отдавалась мужчине, который ее не любит? Наконец, разве существуют на свете такие нерасчетливые девицы, которые даже не догадываются, что самому развращенному мужчине хочется иметь жену

с твердыми нравственными устоями, подобно тому как хозяевам хочется иметь безупречных слуг, а коли так, значит, добродетель — самый богатый и выгодный товар, какой может предложить жениху невеста?

В конце концов, в чем, собственно, дело? О ком мы толкуем? Всего-навсего о пяти-шести сотнях тысяч девственниц; вооруженные природной брезгливостью и очень высоко ценящие свою невинность, они так же хорошо умеют за себя постоять, как и себя продать. Восемнадцать миллионов существ, которых мы исключили из нашего рассмотрения, почти поголовно вступают в брак, руководствуясь именно теми правилами, благотворность которых мы стремимся доказать; что же до промежуточных сословий, отделяющих наших бедных двуруких от избранников судьбы, шествующих во главе нации, то, если верить г-ну Бенуатону де Шатонёфу, одному из мужественнейших исследователей, посвятивших себя неблагодарным, но полезным статистическим разысканиям, с тех пор как Франция перестала воевать, число несчастных подкидышей в этих полуобеспеченных сословиях постоянно

возрастает[221]. О том, какую глубокую рану мы вызвались залечить, можно судить по данным статистики, свидетельствующим об обилии незаконнорожденных детей в средних классах и, по нашим подсчетам, наводящим на мысль о частоте измен в высшем свете! Впрочем, преимущества, которые принесла бы эмансипация девушек, столь многообразны, что исчислить их на этих страницах все до единого было бы затруднительно. Когда мы дойдем до исследования обстоятельств, сопутствующих браку, каким он сложился в нашем обществе, здравомыслящие умы смогут оценить по достоинству систему свободного воспитания, которого мы домогаемся для девиц во имя разума и природы. Требование, чтобы девицы шли к алтарю невинными, — глупейший из сохранившихся во Франции предрассудков. На Востоке мужчины выбирают жен, нимало не заботясь об их прошлом, и запирают в сераль, дабы быть уверенными в их будущем; французы же помещают в некие серали, охраняемые матерями, предрассудками и религиозными верованиями, юных девушек, а женам предо-

[221] Сноски: 221

Луи-Франсуа Бенуатон де Шатонёф (1776–1856) — французский врач и статистик, автор «Рассуждения о детях-подкидышах» (1824), на которое ссылается Бальзак.

ставляют полную свободу, выказывая таким образом куда большую заботу о прошлом своих спутниц, нежели об их будущем. Следственно, необходимо просто-напросто вывернуть наши нравы наизнанку. Тогда, быть может, нам удастся сообщить супружеской верности ту привлекательность и остроту, какую нынешние женщины находят в супружеских изменах.

Однако мы слишком сильно отклонились бы от главного предмета нашего разговора, если бы принялись обсуждать во всех подробностях это великое усовершенствование нравов, которое непременно произойдет во Франции, но, скорее всего, не раньше двадцатого столетия — ведь нравы преображаются так медленно! Разве даже для самой незначительной перемены не требуется, чтобы дерзновеннейшая из идей прошедшего века сделалась банальнейшей из идей века нынешнего? Поэтому можно сказать, что мы затронули этот вопрос из чистого кокетства — ради того, чтобы показать, что он не ускользнул от нашего внимания, или же ради того, чтобы оставить в наследство потомкам еще один предмет, достойный исследования. Это — третий пункт нашего завещания; в двух первых дело шло о значении куртизанок и физиологии наслаждения:

Дойдем до десяти, а там поставим крест[222].

Нынешние наши нравы и наша несовершенная цивилизация ставят перед нами задачу, сегодня не разрешимую и лишающую смысла всякие рассуждения об искусстве выбирать жену; решение этой задачи — как и всех прочих — мы предоставляем философам.

Задача

До сих пор не выяснено, что сильнее толкает женщину на измену: страх, что ей не удастся согрешить в будущем, или сознание, что она вольна сделать это, когда ей заблагорассудится.

Вдобавок положение человека только что женившегося, который и является теперь предметом нашего внимания, сильно осложняется, если ему попалась женщина, наделенная сангвиническим темпераментом, живым воображением, нервической раздражительностью и непокорным нравом.

Еще большая опасность грозит мужу, если

---

[222] Сноски: 222
Мольер. Шалый (1655, д. 1, явл. 11); пер. Е. Полонской.

супруга его не пьет ничего, кроме воды (см. Размышление под названием «Гигиена брака»); если же она неплохо поет или легко простужается, покой ему заказан, ибо общепризнано, что певицы — особы по меньшей мере столь же страстные, сколь и женщины, подверженные заболеваниям слизистой оболочки.

Наконец, дело совсем безнадежно, если ваша жена моложе семнадцати лет или если лицо у нее бледное, бескровное: такие женщины чаще всего хитры и коварны.

Не станем, однако, перечислять все дурные приметы, которые могут испугать мужа, решившегося исследовать характер своей жены. Мы и без того слишком далеко отклонились от разговора о пансионах, где куется столько несчастий, где воспитываются девицы, не способные оценить тяжкие жертвы, ценою которых разбогател порядочный человек, делающий им честь предложением руки и сердца, девицы, нетерпеливо рвущиеся к роскоши, не знающие ни наших законов, ни наших нравов, жадно хватающиеся за власть, какую дает им их красота, и готовые променять истинное чувство на россказни льстеца.

Пусть же это Размышление навсегда поселит в памяти тех, кто его прочел, даже если они взя-

лись за нашу книгу лишь для виду или от скуки, глубочайшее отвращение к воспитанницам пансионов — уже одним этим сочинение наше окажет обществу величайшую услугу.

Размышление VII
О медовом месяце

Если первые наши размышления доказывают, что замужней женщине во Франции почти невозможно остаться добродетельной, то подсчет холостяков и обреченных супругов, замечания касательно воспитания девиц и беглый обзор трудностей, встающих на пути мужчины при выборе невесты, отчасти объясняют причины столь бедственного состояния национальной нравственности. Открыто назвав ту тайную болезнь, что подтачивает устои общества, мы указали на ее истоки, среди которых — несовершенство законов, непоследовательность нравов, негибкость умов, противоречивость привычек. Теперь нам предстоит взглянуть на развитие болезни.

Начнем мы с тех серьезных вопросов, которые ставит перед наблюдателем медовый месяц — пора, предрешающая все течение дальнейшей супружеской жизни и призванная стать для нас

той нитью, на которую мы нанижем все наши замечания, аксиомы, задачи — колечки, с умыслом рассыпанные по нашим празднословным Размышлениям, разом и мудрым, и сумасбродным. Медовый месяц станет, так сказать, апогеем анализа, который мы обязаны довести до конца, прежде чем столкнем двух наших воображаемых бойцов.

Выражение «медовый месяц», рожденное в Англии[223], приживется во всех языках, ибо оно превосходно передает мимолетное очарование брачной поры, когда жизнь оборачивается к нам лишь своей сладостной и восхитительной стороной; ему суждено долголетие, каким отличаются иллюзии и заблуждения: ведь оно не что иное, как отвратительнейший обман. Медовый месяц предстает нам нимфой, увенчанной цветами, обольстительной, как сирена, однако на деле он не что иное, как самое настоящее несчастье, а несчастье чаще всего приходит с шаловливой улыбкой.

Супругам, которым суждено любить друг друга

---

[223] Сноски: 223

В Англии слово honeymoon, которому буквально соответствует французское lune de miel (медовый месяц), появилось еще в середине XVI века; первым, кто употребил выражение lune de miel во Франции, считается Вольтер, который, впрочем, в повести «Задиг» (1747) говорит не об английском, а о восточном происхождении этого выражения.

всю жизнь, медовый месяц неведом; для них он не существует или, вернее сказать, длится вечно; они подобны тем бессмертным созданиям, что не понимают слова «смерть». Однако не об этих счастливцах ведем мы речь. Нас интересуют обстоятельства, при которых на смену медовому месяцу постепенно приходит месяц ледовый. Этот последний кончается переворотом, который окончательно решает судьбу брака: если ледовый месяц полностью вступает в свои права, то это уже навсегда.

Могут ли два существа, не созданные друг для друга, испытать радости медового месяца?

Если этот месяц для них все-таки начинается, то как он заканчивается?

Всякая ли пара начинает совместную жизнь с медового месяца?

Ответим по порядку.

Превосходное воспитание, которое получают наши девицы, и мудрые обычаи, которым следуют мужчины, вступая в брак, приносят во время медового месяца изобильные плоды. Рассмотрим обстоятельства, при которых заключаются наименее несчастливые из браков.

Девушки любопытны от природы, нравы наши обостряют это любопытство, по вине же француз-

ских матерей, которые умудряются ежедневно распалять своих дочерей, но не дают им обжечься, оно становится поистине беспредельным.

Полнейшее незнание тайн брака избавляет юную особу, столь же простодушную, сколь и хитроумную, от предчувствия опасностей, какими чревато замужество, и, поскольку жизнь после свадьбы сулит ей власть и свободу, наслаждения и господство, желания ее с каждым днем делаются все острее: выйти замуж для нее значит удовлетворить все потребности, восстать из мертвых, пробудиться к жизни.

Если она ждет счастья, то ожидать его может только от вас: об этом твердят ей в один голос религия и мораль, законы и мать.

Послушание для нее — если и не добродетель, то необходимость, ибо всех возможных благ она ожидает от вас: общество освящает рабскую зависимость женщины, а она поначалу и сама не мечтает о свободе, ибо чувствует себя слабой, робкой и невежественной.

Если только ей не помешает какая-то досадная случайность или отвращение, о причине которого вы обязаны догадаться, она непременно постарается вам понравиться: ведь она вас не знает.

Наконец, вы одержите блистательную победу с особенной легкостью оттого, что предстанете перед невестой как раз в ту пору, когда сама природа заставляет ее алкать радостей, которые вы способны ей подарить. Для нее вы — святой Петр, владеющий ключами от рая.

Итак, я спрашиваю у всякого создания, наделенного разумом: может ли демон, поклявшийся погубить ангела, так деятельно толкать его в бездну, как наши добрые нравы толкают в бездну любого мужчину, задумавшегося жениться?.. Разве не похожи вы, жених, на короля, окруженного льстецами?

А девушка, пребывающая во власти желания, но не ведающая, как его удовлетворить, девушка, отданная в жены мужчине, который, будь даже он в нее влюблен, не может и не должен знать ее заветные тайны, — разве не останется эта девушка постыдно пассивной, покорной и податливой до тех пор, пока не иссякнет сила ее юного воображения, каждый вечер внушающего ей, что наслаждение и блаженство придут к ней на заре завтрашнего дня — дня, который, однако, так никогда и не наступает?

В этой странной борьбе общественных законов с законами природы юная новобрачная повину-

ется, смиряется, страдает и молчит ради своей собственной выгоды. Повиновение ее — плод расчетливости, податливость — плод надежды, смирение — природная склонность, из которой вы извлекаете пользу, а молчание — следствие великодушия. Молодая жена будет покорствовать вашим прихотям до тех пор, пока не постигнет их смысла; она будет страдать от изъянов вашего характера до тех пор, пока его не изучит; она будет жертвовать собой, не любя, до тех пор, пока будет верить в подобие страсти, которую вы выказали в первые минуты обладания; она будет молчать до тех пор, пока не поймет бесполезности своих жертв.

Но рано или поздно настанет утро, когда все нелепости, легшие в основание вашего брачного союза, дадут себя знать: так ветви, придавленные тяжелым грузом, начинают распрямляться, лишь только их от груза освобождают. Вы принимали за любовь неведение юной особы, которая не жила, но ожидала жизни и счастья, которая исполняла ваши желания в надежде, что вы ответите ей тем же, и не дерзала жаловаться на свои тайные горести, ибо винила в них самое себя. Какого мужчину не введет в заблуждение молодая женщина, невольно обманывающая и

его, и себя, соучастница и жертва разом? Только сам Господь Бог устоял бы перед тем искушением, каким дразнят вас природа и общество. В самом деле, разве ловушки не подстерегают вас повсюду: и внутри, и снаружи? Ведь для того чтобы стать счастливым, вам следовало бы заглушить властный зов вашей плоти! Женщина, которой вы хотите понравиться, но которая вам еще не принадлежит, без труда воздвигает своей легкой ручкой непроходимую преграду между собой и вами… но откуда взять эту преграду вашей законной жене? Выходит, вы выводили свои войска на парад перед пустыми окнами; вы устроили фейерверк, который погас в ту самую минуту, когда дорогой гость наконец пришел им полюбоваться. Радости брака были для вашей жены все равно что опера для могиканина: лишь только дикарь начал входить во вкус, наставнику его все наскучило.

LVI[224]

В супружеской жизни пора, когда два сердца могут понять друг друга, пролетает мгновенно

---

[224] Сноски: 224

LVI — ошибка нумерации, допущенная Бальзаком; здесь должен был бы стоять номер LV.

и уже не возвращается назад.

Этот первый опыт совместной жизни, когда женщину вдохновляют надежда на счастье и желание нравиться, когда ей еще не приелись супружеские обязанности, а голос добродетели, обручающий честь с любовью, звучит столь убедительно, называется медовым месяцем. Долго ли могут наслаждаться им два существа, которые навсегда соединили свои жизни, толком не узнав друг друга? Если чему и можно удивляться, так это тому, что не все супруги по причине прискорбной бессмыслицы наших брачных обычаев прониклись друг к другу жгучей ненавистью!..

Существуют нравственные правила, которые всем известны, но которых тем не менее никто не соблюдает: в самом деле, кто не знает, что жизнь мудреца — тихий ручеек, а жизнь мота — бурный поток; что ребенок, оборвавший неосторожной рукой все розы вдоль дороги, найдет на обратном пути одни лишь шипы; что человек, безрассудно растративший в юности целый миллион, не сможет до конца дней получать ежегодный доход в сорок тысяч ливров, которые имел бы, вложи он этот миллион в ценные бумаги, — кого, однако, эти знания удержали от ошибок? Все приведенные нами примеры суть правдивые изображения

всех медовых месяцев, излагающие, хоть и не объясняющие, их историю.

Но если люди прекрасно образованные и, следственно, умеющие мыслить, люди, привыкшие глубоко продумывать свои поступки, дабы блистать в политике или литературе, в искусстве, торговле или частной жизни, — если эти люди, женившись в надежде стать счастливыми и подчинить жену своей власти либо любовью, либо силой, попадаются в одну ту же ловушку и, насладившись в течение недолгого времени непрочным счастьем, остаются в дураках, значит, искать разгадку этой загадки следует не в физических обстоятельствах, которыми мы попытались было объяснить некоторые из подобных явлений, но в неизведанных глубинах человеческой души. Тот, кто, презрев опасности, пустится на поиски тайных законов, которые все мужчины, сами того не сознавая, преступают в начале супружеской жизни, покроет себя славой, даже если не добьется успеха. Итак, рискнем.

Что бы ни толковали глупцы о невозможности объяснить, что такое любовь, чувство это повинуется законам не менее непреложным, чем законы геометрии, однако, поскольку каждый характер приноравливает эти законы к себе, мы обвиняем

любовь в прихотях, виной которым — многообразие наших душевных складов. Если бы мы наблюдали разнообразные световые эффекты, ничего не зная о природе света, многие из нас отказались бы поверить, что источником всех этих эффектов является солнце. Пусть же слепцы кричат, что им вздумается; подобно Сократу, хотя и не надеясь сравняться с ним в мудрости, я горжусь тем, что не знаю ничего, кроме любви[225], и постараюсь вывести несколько ее правил, которые должны избавить мужчин, уже женившихся или готовящихся это сделать, от необходимости ломать голову — скорее всего, пустую.

Все наши предшествующие замечания сводятся к одной-единственной мысли, которая может рассматриваться как вершина — или, если угод-

---

[225] Сноски: 225

Ссылка на Сократа — первый из многочисленных случаев, когда Бальзак в «Физиологии брака» заимствует мысли или фразы из сочинений историка и литератора Пьера-Эдуарда Лемонте (1762–1826), известного русскому читателю преимущественно по статье Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825). Слова Сократа взяты из «Разрозненных отрывков из Рассуждения о браке куртизанок», вошедших в сочинение «Наблюдатели за женщинами, или Точный рассказ о том, что произошло на заседании общества наблюдателей за женщинами во вторник 2 ноября 1802 года» (1-е изд. 1803; отрывок XX; цит. по: *Lemontey.* P. 86–87). Те сочинения, которые цитирует Бальзак, были переизданы во втором томе «Сочинений» Лемонте, вышедшем из печати осенью 1829 года (объявлен в «Bibliographie de la France» 5 октября 1829 года). Фрагменты, восходящие к этому автору, отсутствуют в первоначальном варианте бальзаковской книги. Поскольку работу над первым томом «Физиологии» Бальзак закончил 10 ноября, а над

вторым — 15 декабря, можно предположить, что он познакомился с сочинениями Лемонте именно по новинке — изданию 1829 года; естественно, что в это время его внимание привлекло «общество наблюдателей за женщинами»: ведь он сам выступает в «Физиологии» в качестве такого наблюдателя. Интерес Бальзака к Лемонте могли вызвать и газетные анонсы, представлявшие сочинения этого автора как воплощение старинного французского духа, «чтение столь же занимательное, что и лучшие страницы Рабле или повести Вольтера» (Le Figaro. 2 octobre 1829).

но, основание — той тайной теории любви, что в конце концов наскучит вам, если мы поскорее не завершим ее изложение. Итак, вот вывод, к которому мы пришли:

LVII

Продолжительность страсти, связующей два существа, способные любить, прямо пропорциональна силе первоначального сопротивления женщины либо серьезности препятствия, которое воздвигают перед обоими превратности общественной жизни.

Если вы добьетесь взаимности за один день, любовь ваша не проживет больше трех ночей. Отчего? Не знаю. Оглянитесь вокруг, и вы увидите многочисленные подтверждения этого правила: в мире природы тем растениям, которые дольше всего созревают, суждена самая долгая жизнь; в мире нравственном книги, написанные вчера, назавтра уже умирают; в мире физическом женщина, не доносившая плод до положенного срока, рождает мертвое дитя. Повсюду залогом долголетия является длительная подготовка. Чем богаче прошлое, тем длиннее будущее. Если любовь — дитя, то страсть — зрелый муж. Именно этот общий закон, подчиняющий себе природу,

людей и чувства, нарушают, как мы показали, наши браки. Напротив, все средневековые легенды о любви чтут этот закон; постоянство героев этих фаблио: Амадиса, Ланселота и Тристана — по праву зовется легендарным. Принявшись подражать греческой литературе, мы умертвили в самом цвету нашу национальную мифологию, а ведь эти пленительные создания, нарисованные воображением труверов, воплощали бесспорную истину[226].

LVIII

Мы привязываемся надолго лишь к тому, что стоило нам забот, трудов и мечтаний.

Что же до оснований, на которых зиждется этот главный закон любви, мы изложили их в следующей аксиоме, описывающей разом и его принцип, и его следствие:

---

[226] Сноски: 226

Бальзак, по всей вероятности, употребляет слова «фаблио» (в Средние века забавная стихотворная сказка) и «труверы» (поэты, писавшие на языке ойль, то есть жившие к северу от Луары; ср. примеч. 194) в расширительном смысле, чтобы дать понять, что ведет речь о средневековой французской литературе (к которой, помимо средневековых рыцарских романов о Тристане и Изольде и о Ланселоте Озерном, он причисляет «Амадиса Галльского» — испанский рыцарский роман, изданный по-испански в начале XVI века, а во французском переводе — в середине того же столетия).

LIX

Какую сферу жизни ни возьми, мы всегда получаем ровно столько, сколько отдаем.

Утверждение это до такой степени самоочевидно, что мы не станем его доказывать и добавим к нему лишь одно-единственное замечание, на наш взгляд довольно существенное. Человек, изрекший: «Все — правда, и все — ложь»[227], высказал истину, которую ум человеческий, от природы большой софист, истолковал на свой лад, ибо кажется, что в самом деле у вещей столько граней, сколько найдется умов, их рассматривающих. Между тем истина заключается вот в чем:

В мире нет закона, который не уравновешивался бы законом противоположным: вся жизнь — не что иное, как плод равновесия двух соперничающих сил. Следовательно, в любви тот, кто дает слишком много, получает недостаточно. Мать, выказывающая детям всю свою нежность, взращивает в них неблагодарность — проистекающую, возможно, из неспособности

---

[227] Сноски: 227

Ср. в «Максимах и мыслях» Шамфора: «В любви все — правда, и все — ложь; и она — единственная вещь в мире, о которой невозможно сказать бессмыслицу» (*Chamfort*. T. 1. P. 411).

ответить на материнскую любовь любовью столь же сильной и деятельной. Женщина, любящая своего избранника сильнее, чем он ее, непременно станет его рабой. Долгая жизнь суждена лишь той любви, что вечно удерживает силы любящих в равновесии. Известен и способ установить это равновесие: пусть тот из двоих, кто любит больше, выказывает ровно столько же страсти, сколько тот, кто любит меньше. В конце концов, это самая сладостная жертва, какую может принести любящая душа, коль скоро любовь допускает подобное неравенство.

Каким восторгом преисполняется душа философа в миг, когда он открывает, что мир, возможно, зиждется на одном-единственном принципе, подобно тому как нами повелевает один-единственный Бог, а наши идеи и чувства подчиняются тем же законам, по каким встает солнце, расцветают цветы и существует вселенная!..

Пожалуй, именно на этой метафизике любви основывается следующее утверждение, проливающее яркий свет на соотношение месяцев медового и ледового.

Теорема

Человек движется от отвращения к

любви; но если он начал с любви и дошел до отвращения, он уже никогда не возвращается назад.

Есть люди, у которых чувства страдают неполнотой, точно так же как у людей с бесплодным воображением неполнотой отличаются мысли. Как иные умы легко улавливают отношения между вещами, но не умеют сделать выводы из своих наблюдений, без труда подмечают каждую сторону явления отдельно, но не могут соединить их вместе, способны только смотреть, сравнивать и описывать, — так иные души не вполне умеют чувствовать. В любви же, как и во всяком другом искусстве, истинный талант отличается совершенством как замысла, так и исполнения. На свете множество людей, которые распевают песенки без начала и без конца, у которых в голове бродят четвертинки мыслей, а в душе зреют четвертинки чувств и которые не умеют управлять ни тем, ни другим, — одним словом, людей, которые являются таковыми лишь наполовину. Соедините ясный ум с умом вялым — и вы обречете обоих на страдания: ведь во всем необходимо равновесие.

Предоставим философам из будуаров и муд-

рецам из лавок исследовать тысячи способов, с помощью которых темперамент, ум, общественное положение и состояние кошелька нарушают равновесие в браке; нам же предстоит рассмотреть последнюю причину, по которой медовый месяц сменяется ледовым.

В жизни есть принцип более могущественный, чем сама жизнь. Это — движение, порождаемое силой, нам неведомой. Человек так же мало знает о причинах этого движения, как мало знает Земля о причинах, заставляющих ее вращаться вокруг Солнца. Это загадочное движение, которое я охотно назвал бы течением жизни, уносит самые дорогие из наших мыслей, растрачивает волю большинства из нас и помимо нашего желания увлекает всех нас с собой. Так, негоциант, никогда не забывающий заплатить по векселям, человек здравомыслящий, который мог бы избежать смерти или болезни (опасности, пожалуй, даже более страшной), если бы соблюдал — но соблюдал ежедневно! — простейшие меры предосторожности, благополучно отправляется в мир иной, потому что много дней подряд восклицал перед сном: «Ну уж завтра-то я не забуду принять лепешки!» Чем объяснить эту странную забывчивость, проявления которой мы видим

повсеместно? Недостатком ли энергии? Но забывчивости этой подвержены люди, наделенные самой могучей волей! Недостатком ли памяти? Но забывчивостью этой страдают люди, обычно ничего не забывающие.

Изъян, о котором мы говорим и который каждый мог заметить в характере своего соседа, как раз и обрекает многих мужчин на прощание с радостями медового месяца. Мудрейший из людей, благополучно обогнувший все рифы, описанные нами выше, иной раз попадается, таким образом, в свои собственные сети.

По моим наблюдениям, мужчины относятся к браку и опасностям, которыми он чреват, как к парикам, и, быть может, формула всей человеческой жизни заключена в перечне тех изменений, какие претерпевает отношение мужчин к сей принадлежности туалета.

Первый период. Неужели я когда-нибудь поседею?

Второй период. Даже если я поседею, ни за что не стану носить парик. Это такая гадость!

Однажды утром юный голосок, который гораздо чаще трепетал от любви, чем замолкал от нее, восклицает: «Как?! У тебя седой волос!..»

Третий период. Отчего бы, собственно, не на-

деть парик, если он будет выглядеть совсем как настоящие волосы? Приятно одурачить друзей и знакомых; вдобавок парик согревает голову, уберегает от простуд и проч.

Четвертый период. Парик сделан превосходно и вводит в заблуждение всех, кто вас не знает.

Он занимает все ваши мысли, и каждое утро вы уделяете ему столько же времени, сколько искуснейший из парикмахеров.

Пятый период. Парик заброшен. Господи! Как это скучно: снимать его каждый вечер и напяливать каждое утро!

Шестой период. Сквозь парик пробиваются седые волоски, он неплотно прилегает к голове и из-под темных искусственных волос, приподнятых воротником вашего фрака, выглядывает резко отличающаяся от них белоснежная полоска.

Седьмой период. Парик стал похож на пырей, а впрочем, вам на него — простите мне это выражение! — глубоко наплевать!

— Сударь! — окликает меня одна из умнейших женщин, изволивших пролить свет на самые сложные проблемы, которые вставали передо мной при написании этой книги. — Что вы имее-

те в виду, когда толкуете про этот парик?..[228]

— Сударыня, — отвечаю я, — если мужчина перестает обращать внимание на свой парик, значит, он… он… он страдает недостатками, какими не страдает ваш муж.

— Но мой муж не… не слишком любезен; он не… не слишком здоров; он не… не всегда в хорошем настроении… он не…

— В таком случае, сударыня, он не обращает внимания на свой парик.

Мы взглянули друг на друга, она — с искусно разыгранной чопорностью, я — с едва заметной улыбкой.

— Я вижу, — сказал я, — что нужно особенно бережно относиться к слуху слабого пола, ибо из всех его чувств целомудренно только это[229].

Я принял вид человека, собирающегося поведать нечто очень важное, а красавица потупи-

---

[228] Сноски: 228

На языке модников и новаторов рубежа 1820–1830-х годов слово «парик» обозначало все обветшавшее, устаревшее, вышедшее из моды; «париками» называли людей и книги, противоречащие требованиям хорошего тона. В данном же случае под «париком» подразумевается также и мужская сила, поэтому собеседница повествователя реагирует на этот скабрезный намек мнимым смущением.

[229] Сноски: 229

Возможно, реминисценция из Мирабо, который в одном из писем к Софи Монье (см. примеч. 96) говорит, что у женщин «целомудренны только уши» (*Mirabeau*. T. 3. P. 252).

лась, словно предвидя, что речь моя заставит ее покраснеть.

— Сударыня, нынче никто не стал бы вешать министра за сказанное им «да» или «нет»; нынче Шатобриан не стал бы мучить Франсуазу де Фуа[230]; вдобавок ни у кого из нас нет длинной шпаги, чтобы тотчас отмстить любому обидчику. Меж тем в наш век, когда цивилизация развивается стремительно, когда любой наукой можно овладеть за двадцать четыре урока[231], на всем и вся отразилось стремление к совершенству. Посему мы не вправе больше говорить мужественным, резким и грубым языком наших предков. Наша эпоха — эпоха тончайших, сверкающих тканей, элегантной мебели, роскошного фарфора — не может не быть эпохой иносказаний

---

[230] Сноски: 230

Имеется в виду, конечно, не знаменитый французский писатель Франсуа-Рене де Шатобриан (1768–1848), а Жан де Лаваль-Шатобриан (1486–1543), муж Франсуазы де Фуа (ок. 1495–1537), благодаря своей исключительной красоте ставшей фавориткой Франциска I. «Мучения» Франсуазы изображены в комической опере Ж. — Н. Буйи и Э. Дюпати на музыку А. Бертона «Франсуаза де Фуа» (1809). Здесь ревнивый граф де Шатобриан прячет жену, Франсуазу де Фуа, в своем замке и уверяет короля Франциска I, что по причине чрезвычайной уродливости ей не место при дворе.

[231] Сноски: 231

Намек на рекламные сообщения, над которыми Бальзак насмехался еще в «Кодексе порядочных людей» (1825): «Итальянский язык за двадцать четыре урока; мнемотехника за двенадцать занятий; музыка за тридцать два урока; чистописание за двенадцать уроков и проч. Мы

не унизимся до комментирования всех этих случаев шарлатанства» (*Кодекс*. С. 181–182).

и перифраз. Значит, наша обязанность — попытаться изобрести новое слово взамен комического выражения, которое употреблял Мольер: ведь язык этого великого человека, как заметил один современный автор, слишком волен для дам, почитающих газ слишком плотной материей для своих нарядов[232]. Нынче не только ученым, но и светским людям известно пристрастие греков к мистериям. Эта поэтическая нация сумела окрасить древние предания своей истории в баснословные тона. Волею греческих рапсодов, разом и поэтов, и романистов, цари становились богами, а их любовные похождения превращались в бессмертные аллегории. По мнению г-на Шомпре, лиценциата права, автора классического «Словаря мифологии», Лабиринт представлял собою «обнесенный оградой участок земли, засаженный деревьями и застроенный домами таким образом, что юноша, однажды вошедший в ограду, уже не мог отыскать выход». Перед ним то разбегались в разные стороны, то вновь пересекались многочисленные, но совершенно

[232] Сноски: 232

Точная цитата из «Разрозненных отрывков из Рассуждения о браке куртизанок» Лемонте (отрывок IX; *Lemontey.* P. 82). О книге Лемонте см. примеч. 163. Под «комическим словом», которое употреблял Мольер, подразумевается слово «cocu» (рогоносец), о котором см. примеч. 457. Мольер был автором комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец».

одинаковые дорожки, меж которых цвели там и сям небольшие рощицы; среди кустарников, колючек и скал обитал зверь, именуемый Минотавром, с которым герою предстояло сразиться. Минотавр же, сударыня, как вы, надеюсь, соблаговолите вспомнить, был самой грозной из всех рогатых тварей, о которых повествует мифология; дабы умилостивить его, афиняне обязались всякий год приносить ему в жертву ни много ни мало пятьдесят невинных дев; зная это, вы, сударыня, не совершите ту ошибку, какую совершил г-н Шомпре, перепутавший греческий Лабиринт с английским садом, и разглядите в хитроумной старинной басне тонкую аллегорию или, вернее сказать, правдивое и страшное изображение тех опасностей, какими чреват брак[233].

---

[233] Сноски: 233

Бальзак цитирует с незначительными искажениями книгу Пьера Шомпре (1698–1760), впервые изданную в 1727 году и многократно переиздававшуюся; ее точное название не «Словарь мифологии», а «Словарь баснословия» (Dictionnaire de la fable). Бальзак ссылается на Шомпре уже в первоначальной «Физиологии», поэтому можно предположить, что он пользовался последним на тот момент переизданием, вышедшим в 1824 году; ученая степень автора («лиценциат права») была обозначена на титульном листе. Из этой книги Бальзак почерпнул помещенное чуть ниже описание геркуланумской росписи, изображающей Минотавра. В «Физиологии брака» 1826 года рассуждение о Минотавре находилось в самом начале книги и было гораздо более развернутым; свое сочинение автор сравнивал с тем клубком, который Ариадна вручила Тезею, чтобы он, отправляясь сражаться с Минотавром, не заблудился в лабиринте. Мысль использовать миф о Минотавре для описания треугольника муж — жена — любовник

принадлежит Бальзаку; у Шомпре ничего подобного нет. Что же касается бальзаковского уподобления Минотавра именно любовнику, оно парадоксально: традиционно подобные чудовища, которым отправляли на съедение молоденьких девственниц, сравнивались не с любовниками, а с мужьями.

Недавние раскопки в Геркулануме окончательно подтвердили нашу точку зрения. В самом деле, долгое время ученые, опираясь на некоторых древних авторов, полагали, что Минотавр был получеловек-полубык, однако на пятой геркуланумской росписи у этого аллегорического чудовища все тело человеческое и только голова бычья, причем не подлежит сомнению, что это именно Минотавр, — ведь над ним склонился сразивший его Тезей. Так вот, сударыня, отчего бы нам, все чаще отдающим дань лицемерию и не дерзающим смеяться так, как смеялись наши отцы, не призвать на помощь мифологию? Ведь, обнаружив, что юная светская дама не умеет набросить на свое поведение тот покров, к какому не преминет прибегнуть дама порядочная, вы не высказываетесь кратко и ясно, как сделали бы наши предки; вы, по примеру многих уклончивых красавиц, говорите: «О да, она очень мила, но…» — «Но что?!..» — «Но она часто поступает *непоследовательно*…» Долго пытался я, сударыня, понять, что значит «непоследовательно» и, главное, отчего вы вкладываете в это слово смысл, решительно противоположный тому, в каком его принято употреблять; но старания мои были напрасны. Выходит, Вер-Вер был последним, кто

изъяснялся точным языком наших предков, да и он, к несчастью, обращался лишь к невинным монахиням, чьи измены нисколько не задевали чести мужчин[234]. Итак, я предлагаю считать, что если женщина поступает непоследовательно, она *минотавризирует* своего мужа. Допустим, что минотавризированный — человек светский и пользуется некоторым уважением, — а многие мужья достойны самых искренних сожалений, — тогда, говоря о нем, вы добавляете нежным голоском: «Господин А. — человек весьма почтенный, а жена его очень хороша собой, но, говорят, они плохо ладят друг с другом». Так вот, сударыня, человек почтенный, но плохо ладящий со своей женой, муж, чья жена ведет себя непоследовательно, или муж минотавризированный — все это просто-напросто такой муж, каких живописал Мольер. Что же, богиня современного

[234] Сноски: 234

Вер-Вер — заглавный персонаж поэмы Ж. — Б. Грессе (1734); попугай, научившийся у моряков сквернословить, а затем попавший в женский монастырь. Грессе, воспроизводя реплики попугая-сквернослова, тоже опускает грубое слово, означающее женщину легкого поведения, но оставляет от него совершенно недвусмысленное окончание; Бальзак поступает иначе и заменяет непечатную аттестацию вполне пристойным, но весьма язвительным указанием на «непоследовательность», точно так же как «обреченные» служат у него заменой «рогоносцам» (об этом слове см. примеч. 457). О других заменах бранных слов в «Человеческой комедии» см.: *Citron P.* Substituts de gros mots chez Balzac // *AB* 1987. Paris, 1987. P. 379–384.

вкуса, кажутся вам сии выражения достаточно целомудренными?

— Ах боже мой, — отвечала она с улыбкой, — если нечто существует, не все ли равно, как его назвать — двумя слогами или сотнею?

Тут она с ироническим видом присела передо мной в реверансе, а затем исчезла — отправилась, должно быть, вослед всевозможным графиням и прочим вымышленным созданиям, которых романисты так часто поминают в своих предисловиях, изображая их владелицами или сочинительницами старинных рукописей.

Что же до вас, менее многочисленные и более подлинные создания, читающие мою книгу, если среди вас есть люди, подобные моему герою-супругу, сообщаю вам, что плохо ладить с женой вы начнете не сразу. До этой точки шкала семейного термометра доползает постепенно и незаметно. Больше того, многие мужья не ладят с женами всю жизнь, совершенно этого не сознавая. Домашний переворот происходит всегда по определенным правилам: медовый месяц имеет, подобно луне, свои фазы, которые неизбежно сменяют одна другую во всех семьях без исключения! Разве мы не доказали, что у нравственной природы, как и у природы физической, есть свои

законы?

Ваша молодая супруга, как мы уже сказали, заведет себе любовника лишь после серьезных раздумий. К окончанию медового месяца вы разовьете у нее способность к наслаждению, но не удовлетворите потребность в нем, вы откроете перед нею книгу жизни, и ваша прозаическая незамысловатая любовь вселит в нее предчувствие любви поэтической, рождаемой согласием душ и тел. Словно робкая птичка, еще не оправившаяся от ужаса перед только что стихшей ружейной пальбой, она тянет голову из гнезда, оглядывается, знакомится с миром и, разгадав ту шараду, которую загадали ей вы, инстинктивно ощущает пустоту вашей увядающей страсти. Она понимает, что только любовник возвратит ей восхитительную свободу воли в любви.

Вы насушили хвороста для грядущего костра.

Добродетельнейшая из женщин, оказавшись в таком положении, ощутит себя достойной большой любви, примется мечтать о ней и возомнит себя особой исключительно пылкой, ведь самолюбие всегда заставляет нас преувеличивать силы поверженного противника.

— Будь жизнь порядочной женщины только хлопотной, мы бы это стерпели… — сказала мне

как-то одна старая дама. — Но она скучна, и я еще не встречала добродетельной женщины, которая не чувствовала бы себя одураченной.

Именно в конце медового месяца, когда ни о каком любовнике нет еще и речи, женщина задумывается о, так сказать, законности его появления; душа ее становится ареной борьбы между долгом, законами, религией и тайными желаниями, внушенными природой, над которой не властен никто, кроме нее самой. Тут наступает для вас совершенно новая пора, тут природа, снисходительная и добрая мать, подающая знаки всем созданиям, которым угрожает сколько-нибудь серьезная опасность, вешает на шею Минотавра такую же гремушку, какая венчает хвост страшной змеи, грозы путешественников. В поведении вашей жены проявляется то, что мы назовем *первыми симптомами*: горе тому, кто не сумеет их побороть! Тот, кто, читая наше следующее Размышление, вспомнит, что некогда наблюдал похожие симптомы в своем семействе, может сразу переходить к заключению книги: он найдет там искренние соболезнования.

В положении, при котором проявляются эти первые симптомы, супружеская пара может пребывать более или менее долго; разговор о нем

завершит наши предварительные размышления и позволит перейти к сути дела. Человек искушенный должен уметь без посторонней помощи толковать таинственные признаки и неуловимые приметы, которыми женщина невольно выдает себя; что же касается нижеследующего рассуждения, в нем мы располагаем самое большее посвятить неофитов в общие принципы величественной науки о браке.

Размышление VIII
О первых симптомах

Пока ваша жена пребывает на распутье, вы нежитесь, почитая себя в полной безопасности. Вы столько раз видели восход солнца, что вообразили, будто оно сияет вечно и для всех. Вы больше не следите за женой с тем вниманием, какое сообщала вам страсть еще не утоленная.

Подобная беспечность мешает многим мужьям заметить в поступках жены предвестия первой грозы; беспечность эта гораздо чаще способствовала минотавризации законных супругов,

нежели стечения обстоятельств, фиакры[235], канапе и нарочно нанятые квартиры вместе взятые. Ваше безразличие к опасности в какой-то мере порождается и оправдывается царящим подле вас спокойствием. Кажется, будто изголодавшиеся холостяки плетут свои козни в полном согласии друг с другом. Хотя все эти дамские угодники не знакомы между собой и притязают на одну и ту же добычу, некий инстинкт заставляет весь миллион до поры до времени действовать сообща.

Сразу после свадьбы подручные Минотавра, как юные, так и не очень, выказывают обычно отменную любезность и предоставляют молодых супругов самим себе. На мужа они смотрят как на ремесленника, призванного обтесать, отшлифовать, огранить брильянт, который затем начнет переходить из рук в руки и в один прекрасный день станет предметом восхищения всей округи. Поэтому вид влюбленных молодоженов всегда

---

[235] Сноски: 235

Фиакр — четырехколесный, запряженный двумя лошадьми экипаж, нанимаемый на стоянке. Ставя фиакр в один ряд с канапе и нанятыми квартирами, Бальзак имеет в виду его использование не для переезда из одного места города в другое, а для любовных свиданий (эта его функция более известна современному читателю по знаменитой «сцене в фиакре» из романа Г. Флобера «Госпожа Бовари»). Бальзак признавался в письме к Ганской, что вид фиакров с опущенными шторками доказывает ему: «несмотря ни на что, в Париже еще сохранились бешеные страсти» (*LMH*. T. 1. P. 436).

несказанно радует тех холостяков, что именуются повесами; холостяки эти ни за что не станут препятствовать трудам, столь полезным для общества; вдобавок они знают, что чем сильнее ливень, тем скорее он кончается; они держатся в стороне и выжидают, подстерегая с невероятной чуткостью тот миг, когда брачные радости начнут приедаться обоим супругам.

Проницательность, с которой холостяки угадывают мгновение, когда на семейном небосклоне появляются первые тучи, может сравниться лишь с беспечностью, какую выказывают под конец медового месяца мужья. Не стоит срывать плод, пока он не созрел, — это правило верно для всех, включая дамских угодников. Великий человек понимает всю выгоду, какую может ему принести удобное стечение обстоятельств. Например, те пятидесятидвухлетние мужчины, которые, как мы уже сказали, наиболее опасны для законных мужей, прекрасно знают, что женщина может сегодня гордо отвергнуть любовника, а три месяца спустя принять его с распростертыми объятиями. Впрочем, справедливость требует признать, что женатые люди обычно выдают свое охлаждение с тем же простодушием, с каким выставляют напоказ свою любовь.

В ту пору, когда вы с вашей прекрасной половиной пребывали на седьмом небе от счастья — а продолжительность этой поры, как показывает предыдущее Размышление, зависит от характера обоих супругов, — вы выезжали в свет редко, а то и вовсе не выезжали. Наслаждаясь радостями супружеской жизни, вы с женой, подобно любовникам, покидали домашний очаг лишь ради увеселительной поездки, загородной прогулки, посещения театра и проч. Стоит вам, вместе или порознь, возвратиться в свет, зачастить на балы и празднества, предаться всем тем суетным забавам, что созданы для заполнения сердечной пустоты, как холостяки навостряют уши: коль скоро ваша жена нуждается в светских развлечениях, следовательно, дом и муж ей наскучили.

Итак, решает холостяк, половина пути пройдена. Это означает, что вас очень скоро минотавризируют, а жена ваша очень скоро начнет вести себя непоследовательно или, говоря точнее, очень последовательно, на удивление продуманно, вы же будете принимать все ее уловки за чистую монету. С этого времени она будет тем более тщательно выполнять все свои обязанности и надевать на себя личину добродетели, чем менее добродетельным будет ее поведение на деле.

Увы! — восклицал Кребийон. — Отчего это люди

Наследуют от тех, кого они убили![236]

Жена ваша будет, как никогда прежде, стараться вам понравиться. Втайне замышляя нанести удар вашему семейному счастью, она пожелает утешить вас маленькими радостями, которые уверили бы вас в неизменности ее любви; вы же будете вести себя в полном согласии с пословицей: «Счастлив как дурак». Последующее отношение жены к вам зависит от ее характера: одни жены тем сильнее презирают мужей, чем с большим успехом их обманывают; другие, встречая на своем пути препятствия, проникаются к мужьям глубокой ненавистью; третьи смотрят на них с равнодушием, в тысячу раз более страшным, чем ненависть.

Первый серьезный симптом заключается в том, что жена ваша начинает вести себя эксцентрически. Она стремится убежать от самой себя, забыть о том, что творится в ее душе, — стремится, впрочем, не так жадно, как те мужья, что до дна испили чашу несчастий. Одевается она с

---

[236] Сноски: 236

Цитата из трагедии Проспера Жолио де Кребийона (1674–1762) «Радамист и Зенобия» (1711, д. II, явл. 2).

превеликим тщанием и привлекает к себе все взоры — исключительно ради того, как она утверждает, чтобы польстить вашему самолюбию.

Возвратившись к своим скучным пенатам, она нередко погружается в мрачные размышления, а затем вдруг принимается хохотать и резвиться, словно стараясь заглушить тревожные мысли, или же становится серьезна и степенна, словно идущий в бой немец. Столь частые перемены означают, что в жизни вашей жены наступил тот страшный миг, о котором мы уже говорили, — она оказалась на распутье.

Иные женщины в эту пору читают романы — то ли ради того, чтобы найти в них искусные и неизменно разнообразные картины страсти, торжествующей несмотря на все препятствия, то ли ради того, чтобы мысленно свыкнуться с теми опасностями, какими чреваты любовные приключения.

Вам ваша жена будет выказывать величайшее почтение. Она будет уверять, что любит вас как брата, что эта благоразумная дружба — единственное подлинное и прочное чувство на земле и что именно ради него и заключаются браки.

Она довольно быстро сообразит, что до сих пор ее уделом было лишь исполнение обязанностей,

и пожелает узнать свои права.

К мелким подробностям семейного счастья она станет относиться с холодностью, которую можете оценить только вы один. Счастье это, возможно, и прежде не слишком ее прельщало; вдобавок оно всегда рядом, оно привычно, знакомо и не раз обдумано; так вот, если молодая жена, вместо того чтобы предаваться бурной страсти, начинает рассуждать и анализировать свою жизнь, — какое страшное, хотя и негромкое предупреждение должен расслышать в этом умный супруг!..

LX

Чем больше мы рассуждаем, тем меньше любим.

Начав рассуждать, ваша жена принимается веселить вас шутками и поражать глубокими наблюдениями; нрав ее становится изменчив и прихотлив. Порой, словно раскаиваясь в своих мыслях и планах, она преисполняется к вам чрезвычайной нежности, порой неведомо отчего хмурится и грустит; одним словом, она вопло-

щает в себе то varium et mutabile femina[237], которое мы до сих пор имели глупость считать следствием женской конституции. Больше того, Дидро, желая объяснить эти перемены в женском настроении, внезапные, как перемена погоды, увидел их источник в том, что он назвал «диким зверем»; однако у женщины счастливой таких капризов не бывает[238].

Перечисленные симптомы напоминают те прозрачные, словно газ, облачка, которые едва-едва нарушают чистоту небесной лазури и носят название барашков. Вскоре облака сгущаются.

Предаваясь тем возвышенным думам, которые, по выражению госпожи де Сталь, призваны вносить в жизнь больше поэзии[239], иные женщины, которым матери, добродетельные из расчета

---

[237] Сноски: 237

Женщина изменчива и непостоянна (*лат.*); *Вергилий*. Энеида. IV, 569–570.

[238] Сноски: 238

Реминисценция из статьи Дени Дидро «О женщинах» (1772), оказавшей на Бальзака большое влияние; цитаты из нее рассыпаны по тексту «Физиологии» (см. ниже примеч. 206, 244, 358, 389, 436); близка Бальзаку и пронизывающая статью Дидро мысль о несправедливости общества по отношению к женщинам. В первоначальном варианте «Физиологии брака» Бальзак был более откровенен: здесь сказано, что капризов не бывает у женщины «удовлетворенной».

[239] Сноски: 239

Жермена де Сталь (1766–1817) изобразила страстную любовь вне брака в двух своих прославленных романах: «Дельфина» (1802) и «Коринна»

(1807). В частности, в последнем романе (кн. XIII, гл. IV) поэтесса Коринна в своей импровизации называет любовь «таинственным энтузиазмом, заключающим в себе поэзию, героизм и религию». В данном случае бальзаковская ссылка на г-жу де Сталь, по-видимому, представляет собой ироническую перифразу мыслей писательницы о любви. Хотя Бальзак во многом обязан госпоже де Сталь соображениями о роли женщин в разные исторические эпохи (см. Размышление IX), он относился к ней скептически (ниже в «Физиологии» она названа «бой-бабой XIX столетия» — см. с. 225).

или из щепетильности, из чувствительности или из лицемерия, внушили твердые принципы, принимают неотступно преследующие их соблазнительные мысли за дьявольские искушения: в поисках спасения они не пропускают с утра до вечера ни одной службы. Первый признак этой мнимой набожности — очаровательные, роскошно переплетенные молитвенники, с помощью которых милые грешницы тщетно пытаются исполнить свой долг перед религией, заброшенной было ради брачных радостей.

Всему этому есть объяснение, которое вам следует запечатлеть в памяти огненными буквами.

Если молодая женщина внезапно вспоминает о религиозных обрядах, которыми долгое время пренебрегала, эта перемена в ее привычках обличает изменения куда более глубокие и имеющие самое непосредственное отношение к счастью мужа. Из сотни женщин не меньше семидесяти девяти вспоминают о Боге, если уже повели себя непоследовательно либо намерены повести себя так в ближайшее время.

Но существует симптом еще более ясный, еще более определенный, внятный всякому, у которого есть в голове хоть капля мозга. Вот в чем он заключается.

В ту пору, когда вы и ваша супруга с равным удовольствием вкушали обманчивые наслаждения медового месяца, жена ваша, точно образцовая любовница, во всем подчинялась вашей воле. Радуясь возможности доказать вам свою добрую волю, которую вы оба принимали за любовь, она по первому вашему приказанию с беличьим проворством проскользнула бы по крыше вдоль кровельного желоба — лишь бы вам угодить. Одним словом, она находила неизъяснимое удовольствие в том, чтобы приносить вам в жертву свое «я», отличающее ее от вас. По зову сердца она растворялась в вас без остатка: Una caro[240].

Но постепенно все эти добрые, но непрочные намерения развеялись как дым. Оскорбившись утратой собственной воли, жена ваша попытается наверстать упущенное и начнет изо дня в день все более и более решительно вести борьбу с вами.

Бороться она будет за *достоинство замужней женщины*. Первым следствием этой борьбы станут некоторая сдержанность и некоторая вялость, заметные лишь вам одному в минуты наслаждения.

---

[240] Сноски: 240
Единая плоть (*лат.*); 1 Кор. 6:16.

Во время медового месяца вам, возможно, удалось постигнуть те или иные — смотря по силе вашей чувственной страсти — из двадцати двух способов дарить наслаждение, прекрасно известных греческим куртизанкам, каждая из которых достигла непревзойденного совершенства в одной из двадцати двух областей этого потаенного искусства[241]. Несведущая и простодушная, любопытная и полная надежд, ваша молодая жена также свыклась с кое-какими основами сей редкой и неизученной науки, углубиться в которую мы особенно горячо советуем будущему сочинителю Физиологии наслаждения.

И вот однажды зимним утром, подобно стае птиц, спасающихся от нагрянувших холодов, разом снимаются с места и улетают: Феллатриса,

---

[241] Сноски: 241

Французский исследователь М. Ле Яуанк установил источники, откуда Бальзак почерпнул этот перечень куртизанок: это, во-первых, книга Мирабо «Erotika Biblion» (1783), а во-вторых, опубликованный Франсуа де Л'Оне в его издании сочинений Рабле (1820, т. 3) «эротический глоссарий», основывающийся, в свою очередь, на книге Г. Ребуля «Первый указ ночного синода женоложниц…» (1608); в частности, именно оттуда взят топоним Ле-Ман (ныне город в департаменте Сарта). См.: *Le Yaouanc M.* La «Physiologie du plaisir» selon la «Physiologie du mariage» / *AB* 1969. Paris, 1969. P. 170–176. Слово «Феллатриса» происходит от латинского fellator — сосущий; коринфянки, по определению Мирабо, «считались главными мастерицами по части гибкости тела и сладострастности движений»; Трактатриса — от латинского tractatrix (банщица-массажистка); Фисидиссеза — от французского глагола phicidisser, которым Мирабо обозначает «омерзительную фантазию», делающую источником ласк язык молодой собаки; Пропетида проис-

ходит от греческого корня, означающего, во-первых, «наклоненная вперед», а во-вторых, «неистовая».

мастерица сдерживать кокетливыми уловками приступы пылкой страсти, дабы продлить наслаждение; Трактатриса, уроженка благоуханного Востока, где в чести радости баснословные; Распалительница, дочь Южной Италии; Любовница из Ле-Мана, несущая с собой ласки нежные и жгучие; Коринфянка, которая при необходимости заменила бы всех названных выше, и, наконец, искусительница Фисидиссеза, обладательница острых шаловливых зубок, которые, кажется, сами знают, что им делать. Из всех этих див с вами остается от силы одна; но однажды вечером улетает и она, блистательная и неистовая Пропетида, — распростерши белые крылья и нагнув голову, подобно ангелу, исчезающему из глаз Авраама на полотне Рембрандта[242], она в последний раз показывает вам восхитительные сокровища, которым сама не знает цены и которые дозволено было созерцать упоенным взором и ласкать любящей рукой лишь вам одному.

Итак, у вас отнимают все эти утонченные наслаждения, отнимают возможность утолять прихоти души и посылать стрелы Амура; вам оставляют только вульгарнейший из способов

[242] Сноски: 242

На самом деле на картине Рембрандта (1606–1669) «Жертвоприношение Авраама» (1635) ангел не улетает, а прилетает.

удовлетворения любовной страсти, примитивный и невинный атрибут Гименея, мирную дань любви, которую приносил простодушный Адам нашей общей праматери и которая, без сомнения, внушила змею мысль выдумать что-нибудь более изощренное. Впрочем, симптомы редко бывают столь недвусмысленны. Большинство супругов — слишком правоверные христиане, чтобы следовать обычаям языческой Греции. Поэтому мы причислили вторжение на мирное супружеское ложе тех бесстыдных наслаждений, что являются по преимуществу плодами беззаконной страсти, к *последним симптомам*. В надлежащее время и в надлежащем месте мы опишем эти пленительные симптомы более подробно; в ту пору, о которой мы ведем речь теперь, дело чаще всего ограничивается безразличием к супружеским обязанностям и даже отвращением к ним, оценить которое способны вполне лишь вы один.

Сообщив таким образом благородное достоинство супружеской жизни, жена ваша идет дальше и принимается утверждать, что ей надлежит иметь свое мнение, а вам — свое. «Если женщина вышла замуж, — говорит она, — это вовсе не означает, что она поклялась отречься от собственного разумения. Неужели женщины в самом деле все-

го лишь рабыни мужчин? Человеческим законам под силу сковать тело, но не мысль!.. Господь поместил ее слишком близко от своего престола, чтобы тираны дерзнули поднять на нее руку».

Идеи такого рода посещают вашу супругу либо потому, что вы не помешали ей получить чересчур свободное воспитание, либо потому, что вы оставили ей чересчур много времени на раздумья. Об этом мы поговорим особо в Размышлении, посвященном *роли образования в семейной жизни*.

Затем ваша жена начинает употреблять выражения «моя спальня, моя постель, мои покои». На ваши вопросы она то и дело отвечает: «Но, друг мой, это вас не касается!» — или: «Дома у мужчин одни обязанности, а у женщин — другие». Или же, насмехаясь над мужчинами, сующими нос в хозяйственные дела, объявляет, что «есть вещи, в которых мужчины решительно ничего не смыслят».

Число вещей, в которых вы решительно ничего не смыслите, будет расти с каждым днем.

Однажды утром в вашем домашнем храме вы увидите два алтаря на том месте, где привыкли видеть один. Между алтарем вашей жены и вашим алтарем разверзнется пропасть, которая с

каждым днем будет становиться все глубже и глубже — исключительно во имя защиты достоинства замужней женщины.

Вы узнаете множество новых идей, которые вам помимо вашей воли внушат с помощью *живой силы* — силы весьма древней и весьма мало известной. Сила пара, коня, человека или воды приносит людям неоценимую пользу, но женщину природа наделила нравственной силой, с которой все перечисленные выше силы тягаться неспособны: назовем ее *силой трещотки.* Женщина, прибегнувшая к этой силе, не умолкает ни на минуту, она вечно твердит одни и те же слова, вечно отстаивает одни и те же идеи, так что, послушав ее, вы очень скоро соглашаетесь на все что угодно, лишь бы вас оставили в покое.

Сила трещотки докажет вам:

что вам повезло, ибо вы взяли в супруги женщину несравненных достоинств;

что, выйдя за вас, она оказала вам незаслуженную честь;

что женщины часто смотрят на вещи куда более здраво, чем мужчины;

что вам следовало бы всегда и обо всем спрашивать мнение вашей жены и его придерживаться;

что вы обязаны *уважать* мать ваших детей,

чтить ее, доверять ей;

что наилучший способ не быть обманутым заключается в том, чтобы положиться на деликатность женщины: ведь, согласно некоторым старинным предрассудкам, которым мы по слабости душевной позволили распространиться в обществе, мужчина не способен помешать своей жене его минотавризировать;

что законная жена — лучшая подруга мужчины;

что женщина — хозяйка в своем доме и королева в своей гостиной и проч.

Те, кто пытается проявить твердость и противостоять борьбе за достоинство замужней женщины, осуждены пополнить разряд обреченных.

Вначале они затевают ссоры, что сообщает им в глазах жен вид тиранов. Тирания же мужа всегда служит отличным оправданием для непоследовательности жены. Вдобавок в этих легких спорах женщины неопровержимо доказывают своим и нашим родным, всему свету, да и нам самим, что не правы именно мы. Если же ради собственного спокойствия или из любви к жене вы признаете пресловутые права замужней женщины, то дадите вашей благоверной преимущество, которым

она будет пользоваться вечно. Муж, как и правительство, ни за что не должен признаваться в ошибках. Иначе женское достоинство продолжит свою тайную работу и окончательно лишит вас власти; вы погубите себя, и рано или поздно дело кончится тем, что жена выгонит вас из *своей* постели.

Если женщина проницательна, остроумна, насмешлива, имеет довольно досуга, чтобы оттачивать иронические реплики, она при первой же размолвке примется поднимать вас на смех. День, когда она впервые высмеет вас, станет последним днем вашей счастливой жизни. Власти вашей придет конец. Женщина, которая смеется над мужем, не может его любить. Любящей женщине надобно видеть в мужчине существо сильное, величавое и властное. Без деспотизма семья невозможна. Задумайтесь об этом, народы!

Многосложные меры, которые должен принимать мужчина ввиду столь серьезных событий, — та высокая политика брака, что станет предметом Второй и Третьей частей нашего сочинения. Эта

настольная книга супруга-макиавеллиста[243] научит вас, как вырасти в глазах легкомысленного существа, чья душа, как говорил Наполеон, соткана из кружев[244]. Вы узнаете, каким образом мужчина может прослыть человеком с душой, выкованной из стали, как может он вступить в навязанную ему домашнюю войну и ради спасения семейного счастья никогда не отказываться от утверждения своей воли. В самом деле, если вы пойдете на попятную, жена потеряет к вам уважение единственно потому, что сочтет вас человеком слабым; она перестанет видеть в вас *мужчину*. Однако теперь еще не время подробно описывать теории и принципы, позволяющие мужу сочетать изящество манер с суровостью мер; ограничимся указанием на важность этих

---

[243] Сноски: 243

Бальзак, начиная с «Физиологии брака», неизменно исходил из того, что макиавеллизм, то есть политика прагматическая и циническая, бывает двух сортов: один карикатурный и тлетворный (когда люди идут на хитрости ради карьеры и денег), а второй — возвышенный и мудрый, помогающий с помощью трезвого разума устраивать счастье своими руками.

[244] Сноски: 244

Эта фраза Наполеона из письма к Жозефине де Богарне (уже ставшей его женой) присутствовала в первоначальном варианте «Физиологии брака»; она заимствована Бальзаком из «Мемуаров» графини де Жанлис, в 1825 году бывших литературной новинкой. Наполеон, упрекая Жозефину в легкомыслии, писал, что ее душа сделана из кружев, а его собственная выкована из стали (см.: *Genlis S. — F. de.* Mémoires inédits. Paris, 1825. T. 5. P. 299).

мер и двинемся дальше.

В роковую эпоху, о которой мы ведем речь, супруга ваша чрезвычайно ловко отвоюет себе право выезжать без вас.

Еще недавно вы были ее богом, ее кумиром. Теперь благоговение вашей жены слегка поостыло и уже не мешает ей замечать прорехи на платье святых.

— О боже, друг мой, — говорила госпожа де Лавальер мужу[245], — как скверно вы носите шпагу! Господин де Ришелье прикрепляет ее к поясу с гораздо большим вкусом; отчего бы вам не последовать его примеру?

— Дорогая моя, вы не могли с большим остроумием напомнить мне, что мы женаты уже целых пять месяцев!.. — отвечал герцог, и ответ его снискал в царствование Людовика XV громкую славу.

Жена начнет изучать ваш характер, дабы понять, какое оружие пустить в ход против вас. Об этом изучении, столь пагубном для любви, будут свидетельствовать тысячи мелких ловушек, ко-

---

[245] Сноски: 245

Речь идет не об известной (в том числе по романам А. Дюма) фаворитке Людовика XIV, но о жене ее внучатого племянника Луи-Сезара де Ла Бома Ле Блана, герцога де Лавальера (1708–1780), урожденной Крюссоль д'Юзес.

торые жена примется расставлять вам, чтобы вы разозлились и нагрубили ей: ведь если у женщины нет предлогов для минотавризации супруга, она пытается их выдумать.

Быть может, она станет садиться за стол, не дожидаясь вас.

Проезжая по городу в экипаже, она будет указывать вам достопримечательности, которых вы не заметили, будет, не смущаясь, напевать в вашем присутствии, будет перебивать вас, а подчас вовсе не удостаивать ответом; двадцатью различными способами она будет доказывать вам, что ваше присутствие не лишает ее ни дарований, ни здравомыслия.

Она попытается полностью отстранить вас от ведения хозяйства, дабы распоряжаться вашим состоянием самолично. Во-первых, борьба эта развлечет ее душу, скучающую или, напротив, чересчур возбужденную; во-вторых, ваше сопротивление даст ей новую почву для насмешек. За словами дело не станет, а у нас во Франции даже ироническая улыбка губит человека так быстро!..

Время от времени жену вашу начнут мучить мигрени и нервические припадки; впрочем, эти симптомы заслуживают отдельного Размышле-

ния[246].

В свете она будет говорить о вас не краснея и смотреть на вас с самоуверенным видом.

Она начнет осуждать самые незначительные ваши поступки, потому что они противоречат ее идеям либо тайным намерениям.

Она почти полностью прекратит интересоваться вами и даже не будет знать, обеспечены ли вы всем необходимым. Вы перестанете быть для нее точкой отсчета.

По примеру Людовика XIV, дарившего своим любовницам букеты померанцевых цветов, которые главный садовник Версаля каждое утро ставил ему на стол, господин де Вивон[247] в начале супружеской жизни почти ежедневно преподносил жене редкие цветы. Однажды он обнаружил, что очередной букет не стоит, как обычно, в вазе с водой, а валяется на консоли. «Ну-ну, — сказал он, — если меня еще не одурачили, то одурачат в самое ближайшее время».

---

[246] Сноски: 246

См. ниже Размышление XXXVI.

[247] Сноски: 247

Маршал Франции Луи-Виктор де Рошешуар, герцог де Вивон (1636–1688) был известен своими остроумными высказываниями и скептическим отношением к добродетели своей жены, урожденной Антуанетты де Мем; по свидетельству герцога де Сен-Симона, он даже о смерти своего сына не скорбел, поскольку был убежден, что сын этот родился от его собственного берейтора.

Вы уехали из дому на неделю и не получили от нее ни одного письма или получили письмо на одной-единственной странице… Это симптом.

Вы подъезжаете к жене на породистой лошади, которую очень любите, и жена, между двумя поцелуями, осведомляется о здоровье лошади и о том, сыта ли она… Симптом.

Вы можете сами продолжить перечень симптомов такого рода. Мы стараемся набрасывать в этом сочинении обширные фрески, представляя читателям дополнять их миниатюрами. Признаки охлаждения, едва заметные среди житейских происшествий, зависят от характеров и потому отличаются бесконечным разнообразием. Одного тревожит манера жены кутаться в шаль, другой догадается о безразличии супруги, лишь когда она оставит голодным его осла[248].

Прекрасным весенним утром, по окончании бала или накануне загородной поездки, описываемое нами положение вступает в свою заключительную фазу. Супруга ваша скучает, и дозволенное счастье ее уже не радует. Ее чувства, воображение, быть может, прихотливая натура — все алчет любовника. Однако она еще

[248] Сноски: 248

Об осле см. выше, с. 136–139, в письме Вальтера Шенди к брату, и примеч. 137.

не дерзает ввязаться в интригу, последствия и подробности которой ее пугают. Вы еще что-то для нее значите — но значите совсем немного. Со своей стороны, любовник предстает ей во всем блеске новизны, во всем очаровании тайны. В присутствии неприятеля борьба, свершающаяся в сердце вашей жены, становится куда более серьезной и более опасной, чем прежде. Очень скоро дело доходит до того, что чем больше преград вырастает на ее пути и чем больше опасностей ее подстерегает, тем сильнее желает она ринуться в эту восхитительную бездну страхов и удовольствий, тревог и услад. Воображение ее вспыхивает и разгорается. Грядущее окрашивается в ее уме цветами романтическими и таинственными. Размышления о любовнике, так много значащие для всякой женщины, сообщают жизни новый вкус, и душа ее это прекрасно понимает. Все в ней приходит в волнение, все рушится и бунтует. Жена ваша начинает вести существование в три раза более насыщенное, чем прежде, и судит о будущем по настоящему. Теперь те немногие услады, какие подарили ей вы, свидетельствуют против вас, ибо удовольствия, которые она уже испытала, волнуют ее куда меньше, нежели те, которые ей предстоит испы-

тать; воображение убеждает ее, что любовник, осуждаемый законами, доставит ей наслаждения куда более острые, чем вы. Одним словом, ужас дарит ей радость, а радость вселяет в нее ужас. Вдобавок ей нравится неотвратимая опасность, нравится дамоклов меч, который повесили над ее головой не кто иной, как вы, и потому она предпочитает неистовую агонию страсти той пустоте супружеской жизни, что хуже смерти, тому безразличию, что является не столько чувством, сколько отсутствием всякого чувства.

Вы, супруг, отправляющийся потолковать кое с кем в Министерстве финансов, проверить счета в банке, продать ценные бумаги на бирже или произнести речь в палате депутатов; вы, юноша, подобно многим другим клявшийся, как то было описано в нашем первом Размышлении, защищать ваше счастье, защищая вашу жену, что можете вы противопоставить охватившим ее желаниям — строго говоря, вполне естественным?.. — ведь для этих пылких созданий жить значит чувствовать, а отсутствие чувств для них равносильно смерти. В силу того же закона, который заставляет вас ходить, ваши супруги минотавризируют вас помимо воли. Сие, говорил

д’Аламбер, есть следствие законов движения![249] Итак, чем же можете вы защитить себя? Чем?

Увы! Пусть даже ваша жена еще не надкусила яблоко, предложенное змеем, змей этот уже совсем рядом; вы спите, мы пробуждаемся и приступаем к предмету нашего сочинения.

Не подсчитывая, сколько мужей из тех пятисот тысяч, которым посвящена эта книга, относятся, по-видимому, к категории обреченных от природы, сколько мужей из этого общего количества дурно выбрали себе жену, а сколько неудачно начали супружескую жизнь; не пытаясь дознаться, много или мало в этой обширной компании таких супругов, которые способны противостоять надвигающейся на них грозе, мы изложим во второй и третьей частях этого сочинения известные

---

[249] Сноски: 249

Французский философ и математик Жан Лерон д’Аламбер (1717–1783) в самом деле много писал о движении, в частности в «Трактате о динамике» (1743), однако ссылка Бальзака на него в данном случае носит шутовской характер. Она почерпнута из сочинения П. — Э. Лемонте «Моральная и физиологическая параллель танца, песни и рисунка, где сравнивается влияние этих трех занятий на способность женщин противиться соблазнам любви» (первая публикация 1816), где фигурирует в таком контексте: «Однажды у д’Аламбера спросили, отчего выходит так, что танцовщицы дорого продают свою любовь, а певицы всегда прозябают в нищете. „Сие, ответствовал геометр, есть следствие законов движения“» (*Lemontey.* P. 235). Далее Лемонте от себя уточняет мысль д’Аламбера: все дело в том, что танцовщицы, изнуренные физическими упражнениями, не знают любви, а потому продают себя хладнокровно и дорого, а трепетные певицы умеют влюбляться, но не умеют торговаться. О Лемонте см. примеч. 163.

нам способы сразиться с Минотавром и отстоять женскую добродетель. А если вы уже пали жертвою рока, дьявола, холостяков или случая, вас, быть может, утешит зрелище чужих любовных интриг и сражений, разыгрывающихся в лоне любой семьи. Множество людей устроены так счастливо, что, если показать им место действия и растолковать, как и почему все произошло, они чешут в затылке, потирают руки, топают ногой — и больше уже ни в чем не нуждаются.

Размышление IX
Эпилог

Верные своему обещанию, мы изложили в первой части нашего сочинения общие причины, приводящие семейные союзы к тому прискорбному положению, которое мы только что описали, и, набрасывая эти брачные пролегомены, указали способ избежать несчастья, назвав ошибки, которых не следует совершать.

Однако эти предварительные соображения остались бы неполны, если бы, пролив некоторый свет на непоследовательность наших идей, нравов и законов в отношении вопроса, касающегося почти всех смертных, мы не попытались

коротко обрисовать политические причины этого общественного недуга. Разве не обязан истинный философ, вскрыв тайные пороки того или иного установления, задаться вопросом, отчего и как наши нравы сделали это установление порочным?

Система законов и нравов, от которой зависит сегодня участь женщин и брака во Франции, есть плод древних верований и традиций, не имеющих ничего общего с вечными принципами разума и справедливости, утвержденными Великой революцией 1789 года.

Три великих потрясения повлияли на судьбу Франции: римское завоевание, введение христианства и вторжение франков. Каждое из этих событий наложило глубокий отпечаток на землю, законы, нравы и дух нации.

Греция, стоящая одной ногой в Европе, а другой — в Азии, избрала супружеские установления под влиянием своего климата, распаляющего страсти; она обязана этими установлениями Востоку, откуда ее философы, законодатели и поэты черпали потаенную мудрость Египта и Халдеи. В Греции и Ионии господствовало полное затворничество женщин — плод палящего азиатского солнца. Гречанки не покидали пределов

мраморного гинекея. Отечество ограничивалось для древних греков не слишком обширной территорией родного города, и тамошним немногочисленным юношам, растрачивавшим силы прежде всего в нелегких гимнастических упражнениях, которые в те героические времена были необходимы каждому воину, для удовлетворения просыпающейся страсти хватало куртизанок, связанных множеством уз с изящными искусствами и религией.

Рим в начале своего царственного пути заимствовал у Греции принципы законодательства, способные привиться под итальянским небом, и среди них — абсолютную несвободу замужней женщины[250]. Сенат, понимая, как много значит для республики добродетель, насаждал строгость нравов посредством чрезвычайного усиления власти мужней и отцовской. Зависимость женщины от мужчины сделалась повсеместной. Восточное затворничество предстало долгом, нравственным законом, добродетелью. Отсюда —

---

[250] Сноски: 250

По преданию, первый писанный свод римских законов, так называемые законы Двенадцати таблиц (V век до н. э.), явился плодом учебы у греков (в Грецию было отправлено специальное посольство для изучения тамошнего опыта; в сочинении законов Двенадцати таблиц римлянам помогал эфесский грек Гермодор); эти законы предусматривали опекунство мужчин над женщинами, даже совершеннолетними.

храмы, посвященные богине Целомудрия[251] или святости брачных уз, отсюда — цензоры, приданое, законы против роскоши, почтение к матронам и все основные положения римского права. Не случайно три переворота в Риме явились следствием трех покушений на целомудрие трех римлянок[252]; не случайно появление женщин на политическом поприще становилось предметом особых указов! Прославленные римлянки, обреченные быть только супругами и матерями, проводили жизнь в четырех стенах, посвящая свои дни воспитанию будущих властелинов мира. Рим обходился без куртизанок, ибо римские юноши истощали силы в бесконечных сражениях. Распутство вторглось в жизнь лишь с приходом к власти деспотов-императоров[253];

---

[251] Сноски: 251

О храмах Целомудрия, или Скромности (Pudicitia), упоминает Тит Ливий в «Истории Рима от основания города» (X, 23).

[252] Сноски: 252

В этом утверждении различима реминисценция из пятой книги сочинения Ж. — Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762), к которому Бальзак нередко обращался при сочинении «Физиологии брака». Руссо пишет, что Рим всеми великими переворотами был обязан женщинам, и перечисляет (впрочем, не называя имен) несколько таких переворотов. Два из них в самом деле произошли из-за покушения на девичью честь. В первом случае Секст, сын римского царя Тарквиния Гордого, оскорбил Лукрецию, жену Тарквиния Коллатина, вслед за чем произошло восстание под руководством Луция Юния Брута, свергшее власть царей (509 год до н. э.); во втором случае плебей Вергиний заколол свою дочь Вергинию, дабы не отдать ее на поругание децем-

виру Аппию Клавдию Крассу, что привело к падению децемвиров (правительственной коллегии) в 449 году до н. э. Третий подобный переворот неизвестен.

[253] Сноски: 253

Ср. в сочинении Саллюстия «О заговоре Катилины»: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам». Но затем, когда войско Луция Суллы попало в Азию, «в приятной местности, доставлявшей наслаждения, суровые воины, жившие в праздности, быстро развратились. Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать» (7, 4; 11, 5–6; пер. В. О. Горенштейна).

впрочем, и в эту пору старинные предрассудки оставались столь живучи, что женщины никогда не играли на римском театре. Все эти сведения пригодятся нам для быстрого обзора истории брака во Франции.

Покорив галлов, римляне навязали покоренным свои законы, но не сумели истребить в душах наших предков глубокое почтение к женщинам, которых древние верования представляли непосредственными исполнительницами воли божьей. Тем не менее в конце концов римские законы возобладали над всеми прочими в том краю, что звался Gallia togata[254] и слыл краем *законов писаных*; впрочем, и в тех краях, где люди руководствовались *обычным правом*, брачные установления также многое переняли от Рима и его права.

Однако пока шла эта борьба законов с нравами, Галлию захватили франки, нарекшие ее милым именем Франции. Эти северные воители принесли с собою галантность, рожденную в хладном климате, где мужчины, в отличие от ревнивых деспотов Востока, не держат своих подруг вза-

[254] Сноски: 254

Цизальпинская, или Предальпийская, Галлия (*лат.*); название объясняется тем, что жители этой части Галлии по примеру римлян носили тоги.

перти и не нуждаются в множестве жен. Больше того, женщины, почти обожествляемые северными мужчинами, согревали их частную жизнь своими красноречивыми чувствами[255]. Сонная чувственность нуждалась в смене впечатлений, в переходе от силы к нежности, в раздражении мыслей и мнимых преградах, какие воздвигает перед влюбленными женское кокетство, — иначе говоря, в тех уловках, которых мы коснулись в первой части нашей книги и которые как нельзя лучше отвечают потребностям людей, рожденных в умеренном климате Франции.

Итак, удел Востока — безумные страсти, черные власы и гаремы, богини любви, роскошь, поэзия и памятники искусства. Удел Запада — свобода женщин, всевластие их белокурых головок, галантность, феи, колдуньи, исступление страсти, нежные волнения меланхолии и любовь до гробовой доски.

Две эти системы, возникшие в противополож-

---

[255] Сноски: 255

Весь этот пассаж восходит к сочинению госпожи де Сталь «О литературе» (1800), где впервые была предложена концепция истории культуры как борьбы культур южной и северной (то, что Бальзак весьма общо именует «Востоком», соответствует сталевскому «Югу») и подчеркнута перемена в отношении к женщине с приходом к власти над Римом северных народов: «Женщины были образованнее, ибо имели больше досуга, мужчины любили их, хранили им верность, поклонялись им» (О литературе, ч. I, гл. VIII; *Сталь*. С. 151).

ных частях земного шара, скрестили оружие во Франции; часть ее территории, земля ок, хранила верность восточным верованиям, меж тем как другая, земля ойль, берегла те традиции, что приписывают женщине волшебную власть над миром[256]. В земле ойль любовь требует покровов, в земле ок любить — значит видеть.

В самый разгар этой схватки во Франции восторжествовало христианство, проповедуемое женщинами[257] и провозгласившее божественную природу женщины, которая под именем Богоматери заняла в бретонских, вандейских и арденнских лесах то место, что занимали прежде идолы, обитавшие в дуплах древних друидических дубов.

Религия Христа, являющаяся прежде всего

---

[256] Сноски: 256

Земли к югу и к северу от Луары; в диалектах, распространенных в Средние века на юге, слово «да» звучало как ок, а на севере — как ойль, отсюда наименование этих земель.

[257] Сноски: 257

Ср. у госпожи де Сталь: «У древних отвратительный институт рабства отравлял отношения даже внутри семейства. Повсеместно отцы распоряжались жизнью и смертью своих домашних ‹…› права супруга приближались к правам отца. ‹…› В этих обстоятельствах о полной свободе нечего было и думать. Женщины оставались рабынями всю свою жизнь ‹…› В ту пору, когда в Римской империи царил безудержный разврат, женщины могли получить свободу, лишь навсегда простившись с добродетелью; христианство даровало им равенство — по крайней мере в том, что касается нравственности и веры. Сделав брак священным таинством, христианство укрепило супружескую любовь

и все связанные с нею чувства ‹…› женщины могли быть причислены к лику святых наравне с мужчинами. ‹…› Неудивительно, что в первые века распространения христианства в Европе женщины оказывались более ревностными сторонницами новой религии, чем мужчины» (О литературе, ч. I, гл. VIII; *Сталь*. С. 156). Нетрудно заметить, что Бальзак довольно точно воспроизводит схему де Сталь.

сводом законов нравственных и политических, наделяла душой все живые существа, провозглашала их равенство перед Богом[258] и тем самым укрепляла рыцарские принципы северных племен, — впрочем, названные обстоятельства уравновешивались другими: церковь почитала наследником Христа верховного первосвященника, пребывающего в Риме, она ввела в употребление латинский язык, сделавшийся общим языком всей Европы; наконец, монахи, писцы и судейские способствовали повсеместному триумфу кодекса законов, найденного неким солдатом при разграблении Амальфи[259].

Следственно, два принципа, один из которых оставлял женщину на положении рабыни, а другой возводил ее в звание госпожи, продолжали свое противоборство, причем каждый ковал себе

[258] Сноски: 258

Ср. у де Сталь: «Учение об аде и рае сулит одинаковые воздаяния людям обоего пола» (*Сталь*. С. 156).

[259] Сноски: 259

В городе Амальфи (Южная Италия) в 1135 году были найдены так называемые Пандекты Юстиниана — сборник сочинений древнеримских юристов по вопросам частного права.

новое оружие[260].

Салический закон, это заблуждение, ставшее правом, провозгласил гражданское и политическое рабство женщины, но не отнял у нее власти нравственной, ибо охватившее Европу увлечение рыцарством оказало поддержку нравам в их борьбе против законов[261].

Таковы причудливые корни нашего национального характера и нашего законодательства; ведь начиная с тех давних эпох, когда философический взгляд на историю еще не пробудился и не утвердился в обществе, Францию столько раз сотрясали общественные катаклизмы, ее столько раз взнуздывали феодализм, крестовые походы, Реформация, борьба королевской власти с аристократией, деспоты и церковники, что женская доля неизменно оставалась во власти

---

[260] Сноски: 260

Противоборство этих двух принципов, которое Бальзак прослеживает на протяжении всей европейской истории Нового времени, также было описано госпожой де Сталь: «Существует удивительный контраст между почтительным обращением с женщинами, которое ввел в Европе дух рыцарства, и тиранической властью над ними, которую присвоили себе мужчины» (О Германии, ч. III, гл. XIX; *Staël G. de.* De l'Allemagne. Paris, 1968. T. 2. P. 219).

[261] Сноски: 261

Салический закон — сборник обычного права салических франков, отрицавший право женщин на наследование земельных владений; в XIV веке он был введен в силу во Франции, дабы исключить переход престола по женской линии.

прежних странных противоречий. Кому было дело до женщин, до их политического воспитания и супружеских прав в те годы, когда феодалы оспаривали право на престол у королей, когда Реформация грозила отнять его у тех и у других, а народ пребывал в небрежении, забытый и священством, и империей? По выражению госпожи Неккер, женщины играли в периоды всех этих великих потрясений роль пуха, насыпанного в ящики с фарфоровой посудой: никто не придает ему ни малейшего значения, но без него вся посуда разбилась бы вдребезги[262].

В ту пору замужние француженки были подобны закрепощенным королевам, рабыням, которые разом и наслаждаются волей, и страдают в узилище. Противоречия, вызванные борьбою этих двух принципов, постоянно проявлялись в общественном устройстве и порождали в нем тысячи странностей. Физическая природа женщины оставалась так мало известной, что недуги слабого пола слыли плодами чудес, колдовства

[262] Сноски: 262

Мысль Сюзанны Неккер (урожд. Кюршо; 1737–1794), матери г-жи де Сталь, была опубликована еще в 1798 году (Mélanges extraits des manuscrits de Mme Necker. T. 3. P. 344), затем повторена в избранных мыслях писательницы (Esprit de Madame Necker. Paris, 1808. P. 44), а Бальзаку, возможно, попалась на глаза в книге, изданной за два года до выхода «Физиологии брака»: Esprit des prosateurs anciens et modernes. Paris, 1827. P. 207.

или злоумышления[263]. Существа, которых закон объявлял блудными дочерями и требовал взять в опеку, в обыденной жизни почитались как богини. Подобно императорским вольноотпущенникам, они одним мановением ресниц раздавали престолы, решали исход сражений, дарили или отнимали состояния, устраивали государственные перевороты, вдохновляли на кровавые преступления и на подвиги добродетели — и при этом не владели ничем, включая право распоряжаться собственной судьбой. Они были разом и счастливы, и несчастны. Черпая силу в своих слабостях и инстинктах, они устремились за пределы той сферы, какую отвели им законы; всегда готовые сотворить зло, но вовсе не способные творить добро; добродетельные из нужды — в чем мало чести — и порочные без меры, обвиняемые в невежестве, но отлученные от образования, они не умели быть толком ни матерями, ни супругами. Посвящая все время страстям, лелея их в своей груди, они предавались франкскому кокетству, но при этом были обязаны, подобно древним римлянкам, проводить жизнь в стенах замков, воспитывая будущих

[263] Сноски: 263

Имеются в виду истерические припадки, считавшиеся плодом одержимости бесами.

воинов. Поскольку в законодательстве уживались разные системы, всякая француженка могла следовать собственной склонности, и Марьон Делорм соседствовали с Корнелиями, добродетели — с пороками[264]. Репутация женщин была столь же неопределенна, сколь и повелевавшие ими законы: кто-то смотрел на женщину как на существо промежуточное между человеком и животным, как на злую тварь, которую надобно по рукам и ногам связывать законами и которая создана природой лишь для утех противоположного пола; кто-то видел в ней падшего ангела, источник счастья и любви, единственное создание, которое отвечает чувствам мужчины и которому мужчины обязаны поклоняться, чтобы утешить в жестоких бедствиях. Если единства не было в политических установлениях, откуда было ему взяться в нравах?

Итак, женщина стала тем, чем сделали ее обстоятельства и мужчины, а не тем, чем должны были сделать ее климат и установления: отцы, пользуясь унаследованной от римлян властью над дочерями, торговали ими и выдавали их

[264] Сноски: 264

Марьон Делорм (1611 или 1613–1650) — французская куртизанка; Корнелия — мать римских трибунов Тиберия и Гая Гракхов, идеал патриархальной добродетели.

замуж насильно; когда же муж-деспот запирал жену на замок, она прибегала к единственному доступному ей способу отомстить… И если во время общественных потрясений женщины оставались добродетельны, то стоило мужчинам прекратить братоубийственные войны и посвятить себя жизни мирной, как их жены пускались во все тяжкие. Всякий образованный читатель может сам дополнить эту картину; нас интересуют уроки истории, а не ее поэзия.

Революция была слишком поглощена разрушением и созиданием, имела слишком много противников, а быть может, ушла слишком недалеко от прискорбных времен Регентства и Людовика XV, чтобы обратить внимание на место женщины в обществе[265].

Замечательные люди, воздвигнувшие бессмертное здание нашего законодательства, принадлежали почти все без исключения к старой школе, исполненной почтения к римскому праву; вдобавок они не создавали установлений политических. Сыновья революции, они вслед за ней сочли, что закон о разводе, снабженный

[265] Сноски: 265

Эпохи правления регента Филиппа Орлеанского (1715–1723) и короля Людовика XV (1723–1774) считаются самыми развратными во всей французской истории.

разумными ограничениями, и наделение совершеннолетних детей правом сочетаться браком без согласия родителей суть изменения вполне достаточные. Сравнительно с прежним порядком вещей новые установления в самом деле показались гигантским шагом вперед.

Сегодня мудрым законодателям предстоит дать оценку двум принципам супружеской жизни, ослабленным ходом истории и победами просвещения. Прошлое содержит уроки, которые должны принести плоды в будущем. Неужели мы пропустим мимо ушей его красноречивые увещевания?

Установления Востока нуждались в евнухах и сералях; смешанные нравы Франции умножали число куртизанок и подтачивали изнутри наши браки; прибегнув к выражению одного нашего современника, скажу, что Восток приносит в жертву отцовству мужчин и правосудие, Франция — женщин и целомудрие[266]. Ни на Востоке, ни во Франции общественные установления не достигают той цели, к какой им следовало бы

---

[266] Сноски: 266

Этот современник, на которого ссылается Бальзак, здесь, как и во многих других случаях, — П. — Э. Лемонте (см. примеч. 163); Бальзак цитирует последний фрагмент из «Разрозненных отрывков из Рассуждения о браке куртизанок» (*Lemontey*. P. 91); у Лемонте вместо «в жертву отцовству (paternité)» — «в жертву спокойствию (tranquillité)».

стремиться, а именно не даруют человечеству счастья. Владелец гарема не больше уверен в любви своих жен, чем французский муж — в законнорожденности своих детей: брак себя не оправдывает. Довольно приносить жертвы этому установлению, настала пора привести наши нравы и законы в соответствие с нашим климатом, дабы общественный порядок упрочивал наше счастье.

Конституционное правление, плод удачного смешения двух крайних политических систем — деспотизма и демократии, — по всей видимости, указывает на необходимость совмещать сходным образом два принципа супружеской жизни, которые во Франции вплоть до сего дня боролись меж собой. Свобода, которой мы дерзнули потребовать для юных дев, избавит нас от множества бед, на источник которых мы указали, исчисляя все несообразности, порождаемые девичьим затворничеством. Возвратим юности страсти, кокетство, любовь с ее страхами и прелестями, ту пленительную свиту, что сопутствовала ей во времена франков. На заре жизни ни одна ошибка не бывает непоправимой и всякое испытание идет на пользу будущему браку: любовь куда прочнее, когда она зиждется на доверии, когда

она избавлена от ненависти и когда влюбленным есть с чем ее сравнить.

Подобное изменение наших нравов неминуемо излечит общество от той постыдной язвы, какую представляют собой публичные женщины. Юноше, вступающему в жизнь, простодушному и робкому, встреча с великой, неподдельной страстью пойдет только на пользу. В эту пору душа радуется любому усилию; ей потребно действие, борьба — пусть даже борьба с самой собой. Это наблюдение, в истинности которого случалось убедиться каждому, указывает законодателям дорогу к покою и счастью. Вдобавок сегодня науки переживают такой небывалый расцвет, что страсть и ученье способны поглотить нерастраченные силы даже самого неистового из грядущих Мирабо[267]. Разве мало юношей спас от разврата упорный труд вкупе с необходимостью преодолевать преграды, которые ставит перед каждым первая, чистая любовь? В самом деле, какая девушка не горит желанием продлить пленительное детство чувств, не гордится тем, что на нее обращают внимание, не выставляет

[267] Сноски: 267

Мирабо упомянут здесь не столько как политический деятель, сколько как герой любовных похождений и эротический писатель (см. примеч. 96 и 179).

против юных желаний поклонника, столь же неопытного, сколь и она сама, пьянящий испуг, робкое целомудрие и невинные сделки с собственным сердцем? Итак, франкская галантность и ее наслаждения сделаются роскошным оперением юности, а это, в свой черед, породит те взаимоотношения душ, умов, характеров, привычек, темпераментов, состояний, на коих зиждется счастливое равновесие — залог супружеского счастья. Система эта покоилась бы на более широких и прочных основаниях, если бы по здравом размышлении было решено лишать девушек права наследования или, как это делается в Соединенных Штатах, выдавать замуж без приданого, дабы женихи искали залоги своего счастья лишь в добродетелях, характере и талантах своих избранниц.

Если в девичестве представительницы прекрасного пола насладятся свободой, тогда, выйдя замуж, они беспрепятственно покорятся римской системе. Посвятив себя исключительно воспитанию детей, что является первейшей из обязанностей матери; ежеминутно, ежечасно созидая и поддерживая семейное счастье, столь восхитительно описанное в четвертой книге «Новой Элоизы», они уподобятся древним рим-

лянкам, сделаются олицетворением Провидения, невидимого, но вездесущего. Тогда-то и придется ужесточить самым решительным образом законы против неверных жен. Законы эти будут грозить изменнице не столько телесными наказаниями и ограничениями ее прав, сколько позором. Некогда во Франции женщин, подозреваемых в колдовстве, возили по городу верхом на осле, и не одной невинной жертве случилось в результате умереть от стыда. На этой женской чувствительности и будет основываться грядущее брачное законодательство. Милетские девушки предпочитали замужеству смерть; сенат постановил таскать обнаженные тела этих самоубийц по городу на рогожке, и невинные девы смирились с жизнью[268].

Итак, женщин и брак станут уважать во Франции лишь после того, как мы внесем коренные изменения в наши нравы. Эта глубокая мысль одушевляет два прекраснейших создания бессмертного гения. «Эмиль» и «Новая Элоиза» суть не что иное, как два красноречивых выступления в пользу этой системы. Голос Руссо будет звучать в веках, ибо он отгадал истинные движители зако-

[268] Сноски: 268

Эпизод, заимствованный из статьи Дидро «О женщинах» (ср. примеч. 176).

нов и нравов грядущих столетий. Жан-Жак оказал добродетели неоценимую услугу уже тем, что позволил младенцам прильнуть к материнской груди, однако век его был слишком развращен, чтобы усвоить величественные уроки, содержавшиеся в двух названных выше поэмах[269]; справедливость, впрочем, велит добавить, что поэт в них победил философа и что, сохранив в сердце замужней Юлии ростки первой любви, Руссо пленился поэтической ситуацией куда более трогательной, чем та истина, которую он хотел запечатлеть, но куда менее полезной[270].

Правда, если брак во Франции останется гигантским контрактом, который негласно подписывают все мужчины, дабы сообщить больше остроты страстям, больше интереса и таинствен-

---

[269] Сноски: 269

Жан-Жак Руссо, который, согласно более позднему высказыванию Бальзака, «сильнее изменил французские нравы, чем Наполеон» (письмо Х. — К. Андерсену от 25 марта 1843 года; *Correspondance*. Т. 4. P. 571), в трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) осудил обычай, требовавший, чтобы светские женщины отдавали новорожденных детей кормилицам; так как популярность его идей во французском обществе второй половины XVIII века была очень велика, знатные француженки, дабы не отстать от новой моды, стали вскармливать детей сами. Позже Бальзак стал оценивать нововведение Руссо не так восторженно; в преамбуле к «Трактату о современных возбуждающих средствах» (1839) он говорит, что «с тех пор как женщины из высших сословий стали сами кормить грудью своих детей» «все, что выиграла Семья, обернулось потерей для Общества» (*Патология*. С. 285–286; пер. О. Гринберг). Трактат «Эмиль» и роман «Юлия, или Новая Элоиза» названы поэмами в переносном смысле.

[270] Сноски: 270

Заглавная героиня романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» искупает свое «грехопадение» с учителем Сен-Прё добродетельной семейной жизнью с господином де Вольмаром, за которого ее выдали замуж родители; однако сердце ее по-прежнему отдано Сен-Прё.

ности любви, больше пикантности женщинам, если женщина во Франции по-прежнему будет не более чем украшением гостиной, куклой для демонстрации мод, вешалкой для платьев, если она не сделается существом, чьи поступки влияют на политику страны, на преуспеяние и славу отечества, а попечения ничуть не уступают в полезности деяниям мужчин… тогда, признаюсь, вся моя теория, все мои пространные рассуждения окажутся никуда не годны.

Однако довольно выжимать из гущи событий каплю философии, довольно потрафлять эпохе, чья главная страсть — *история*, обратим наши взоры на нравы современные. Вновь напялим дурацкий колпак, вновь вооружимся той гремушкой, которую Рабле некогда превратил в скипетр, и продолжим наше исследование, стараясь не сообщать шуткам больше серьезности, чем они заслуживают, а вещам серьезным — больше шутливости, чем они в себе содержат.

Часть вторая
О средствах обороны в семье и вне ее

To be or not to be…

Быть им или не быть – вот в чем вопрос.

Шекспир. Гамлет[271]

Размышление X
Рассуждение о политике, подобающей мужьям

Допустим, что мужчина очутился в том положении, в какое он попал в первой части нашей книги; по всей вероятности, мысль о том, что жена его принадлежит другому, заставит трепетать его сердце, и он — из самолюбия, эгоизма или корысти — вновь воспылает к ней стра-

---

[271] Сноски: 271

В своем французском переводе Бальзак слегка переиначивает знаменитое начало монолога Гамлета, так что фраза начинает относиться к судьбе мужа — *быть* ему рогоносцем или не *быть*? Та же английская фраза в том же скабрезном переводе использована в качестве эпиграфа к «Брачному кодексу» (1829), который Орас Рессон сочинил, по-видимому, при непосредственном участии Бальзака.

стью; в противном случае мы были бы вправе сказать, что он последний негодяй и наказан по заслугам.

Мужу, проходящему столь тягостное испытание, трудно не совершать ошибок: ведь большинство супругов еще хуже владеют искусством управлять женой, чем искусством ее выбирать. Между тем политика, подобающая мужьям, сводится к искреннему приятию и последовательному соблюдению всего трех принципов. Первый заключается в том, чтобы никогда не верить ни единому слову женщины; второй — в том, чтобы всегда искать за буквой ее поступков их дух; третий — в том, чтобы твердо знать: болтливее всего женщина, когда молчит, а деятельнее всего — когда ничего не делает.

Мужчина, вооруженный этими тремя принципами, подобен всаднику, который оседлал норовистую лошадь и должен, если не хочет очутиться на земле, не сводить глаз с ее ушей.

Впрочем, главное — не знание принципов, а способ их применения: в руках невежд любой принцип — все равно что бритва в лапах обезьяны. Первая и самая насущная из ваших обязанностей, которою большинство мужей пренебрегает, — держаться с неизменной скрыт-

ностью. Заметив в поведении жены недвусмысленные минотаврические симптомы, мужья, как правило, тотчас выказывают ей оскорбительное недоверие. В их речах и манерах начинает сквозить раздражение, а страх, мерцающий в их душах, словно газовый рожок под стеклянным колпаком, превосходно освещает их лица и объясняет их поступки.

Женщина разгадывает все подозрения, написанные на вашем челе, едва ли не прежде, чем вы сами успеете отдать себе в них отчет; ведь у нее есть перед вами огромное преимущество: она с утра до вечера обдумывает свое поведение и наблюдает за вашим. Она ни за что не простит вам этого бесполезного оскорбления. Выдав себя, вы произнесете приговор своему браку; можете не сомневаться: при первом же удобном случае, хоть назавтра, жена ваша не замедлит перейти в разряд женщин, грешащих непоследовательностью.

Итак, расстановка двух противоборствующих сил требует, чтобы вы выказывали вашей жене то же безграничное доверие, что и прежде. Но не вздумайте усыплять ее бдительность медоточивыми речами: этим вы себя погубите; она вам не поверит, ибо если у вас есть своя политика, то и у

нее есть своя. Следовательно, ваш долг — сочетая хитрость с простодушием, незаметно внушить ей то драгоценное чувство покоя, которое позволит ей прядать ушами, а вам — не взнуздывать и не пришпоривать ее без нужды.

Кто, впрочем, дерзнет сравнить лошадь, простодушнейшее из животных, с существом, которое благодаря переменчивости мыслей и тонкости чувств делается порой более осмотрительным, чем сервит фра Паоло, ужаснейший из духовных наставников венецианского Совета десяти[272], более скрытным, чем любой из королей, более ловким, чем Людовик XI, более глубоким, чем Макиавелли, более хитроумным, чем Гоббс, более лукавым, чем Вольтер, и более податливым, чем невеста Мамолена[273], и которое вдобавок ко всему не опасается в целом мире никого, кроме вас?

---

[272] Сноски: 272

Возможно, что упоминание Фра Паоло Сарпи (1552–1623), итальянского священника и историка, члена религиозного ордена сервитов, — еще один плод чтения Бальзаком книги Лемонте (*Lemontey*. P. 384; ср. примеч. 163), где этот монах упоминается в сочинении «Дитя Европы» с тем же эпитетом «ужасный» (*terrible*). Венецианский Совет десяти представлял собою тайный трибунал, десять членов которого выбирались из числа членов Большого совета; Совет десяти обладал неограниченными полномочиями и был грозой Венеции.

[273] Сноски: 273

Невеста Мамолена — героиня стихотворной новеллы Лафонтена «Невеста Гарбского короля» (II, 14), по дороге к жениху по причине своей чрезвычайной покладистости побывавшая в руках восьми мужчин.

Следовательно, к скрытности, благодаря которой движители вашего поведения должны сделаться столь же незаметны, что и движители вселенной, вам следует добавить абсолютное самообладание. Хваленая невозмутимость господина де Талейрана должна стать зауряднейшим из ваших достоинств; отменная учтивость и изящество манер, достойные этого дипломата, должны пронизывать все ваши речи. Послушайтесь совета профессора: если вы желаете в конце концов приручить вашу очаровательную андалузку, ни в коем случае не прибегайте к хлысту.

LXI

Мужчина, который бьет любовницу, вредит себе, но мужчина, который бьет жену, себя убивает!

Однако разве существуют на свете правительства без жандармерии, поступки без силы, власть без оружия?.. Ответ на этот вопрос мы постараемся дать в следующих Размышлениях. Пока же мы предложим вашему вниманию два предварительных замечания. Они раскроют вам смысл еще двух теорий, лежащих в основе всех наших практических рекомендаций. Впрочем, пора освежить сии сухие и бесплодные рассуж-

дения живым примером: итак, перейдем от слов к фактам.

Прекрасным январским утром 1822 года, идя по бульварам из безмятежного уголка, именуемого кварталом Маре, в обитель элегантности, именуемую Шоссе-д'Антен[274], я не без философической радости впервые наблюдал то изумительное разнообразие лиц и нарядов, которое превращает каждую часть бульвара от улицы Приступка до церкви Мадлен в особый мир, а всю эту часть Парижа — в обширную школу нравов[275]. Еще совершенно не зная жизни и не подозревая, что настанет день, когда я дерзну объявить себя законодателем в области супружества, я шел завтракать к школьному другу, который уже успел — пожалуй, немного преждевремен-

---

[274] Сноски: 274

Маре — квартал Парижа, имевший в 1830-х годах репутацию косного и старомодного; здесь жили дворяне, придерживавшиеся «старинных» правил; квартал Шоссе-д'Антен (по названию улицы, проложенной лишь в начале XVIII века перпендикулярно бульвару Капуцинок) был кварталом финансистов, нуворишей и модников.

[275] Сноски: 275

Улица Приступка (rue du Pas de la Mule) пересекается с Сент-Антуанским бульваром (с 1831 года носит имя Бомарше) почти у самой площади Бастилии, а церковь Мадлен находится на противоположной оконечности полукольца северных бульваров — «главных» бульваров французской столицы. Описанию каждого из этих бульваров Бальзак через 15 лет посвятил очерк «История и физиология парижских бульваров» (см.: *Бальзак/15*. Т. 15. С. 191–203).

но — обременить себя женою и двумя детьми. Поскольку мой бывший учитель математики жил неподалеку от этого школьного товарища, я обещал почтенному эрудиту, что навещу его, прежде чем ублаготворю свое чрево дарами дружбы. Я без труда проник в святая святых — кабинет ученого мужа, где все было покрыто пылью, обличавшей род занятий рассеянного хозяина. Там меня ждал сюрприз. Глазам моим предстала хорошенькая незнакомка, сидевшая на ручке кресла, как наездница на английской лошади[276], и встретившая меня той условленной гримаской, какой хозяйке дома пристало встречать гостей, ей неизвестных; впрочем, ей не удалось скрыть, что она дуется, и облачко, затмевающее ее чело, довольно ясно показало мне, как неуместен мой приход. Учитель мой, без сомнения погруженный в расчеты, еще не успел поднять голову, а потому я, словно рыба, шевелящая плавником, простер правую руку к даме и на цыпочках двинулся к выходу, успев, однако, подарить незнакомке таинственную улыбку, означавшую: «Нет, не я помешаю вам подвигнуть

[276] Сноски: 276

Образ, который, как заметила Ахматова, Пушкин почти дословно процитировал в «Станционном смотрителе» (см.: *Ахматова*. С. 89).

его на измену Урании»[277]. Она с неописуемым очарованием и неизъяснимой живостью кивнула мне в ответ. «Нет-нет, друг мой, не уходите!

Это моя жена!» — вскричал геометр. Я снова поклонился. О Кулон! Отчего ты не присутствовал при этой сцене и не мог рукоплескать единственному из твоих учеников, кто в ту минуту вполне постиг смысл слова *анакреонтический* применительно к поклону!..[278] Вероятно, действие моего поклона оказалось весьма разительным, ибо госпожа *профессорша*, как говорят немцы, покраснела, порывисто поднялась и направилась к двери; взгляд ее, брошенный на меня, казалось, говорил: «Восхитительно!» Муж остановил ее, сказав: «Не уходи, детка. Это мой ученик». Молодая женщина склонила головку к супругу, как птичка, сидящая на ветке и тянущаяся за зернышком. «Так вот, — произнес ученый муж со вздохом, — ты просишь невозможного, и я докажу тебе это, как дважды два». — «Ах, сударь,

---

[277] Сноски: 277

Урания — муза астрономии и математики.

[278] Сноски: 278

Жан-Франсуа Кулон (1764–1836) — танцовщик и учитель танцев, чья школа была очень популярна в 1820-х годах. Слово *анакреонтический* применительно к поклону означает, что поклон этот выражал высшую степень восхищения женской красотой (характерного для древнегреческого поэта Анакреонта, воспевавшего радости жизни).

прошу вас, оставьте», — возразила жена, бросив взгляд в мою сторону. (Когда речь шла об алгебре, мой учитель понимал все с полуслова, но взгляды были для него китайской грамотой.) «Суди сама, детка, — продолжал он, — у нас десять тысяч франков годового дохода…» При этих словах я отступил к двери и, словно охваченный внезапной страстью к живописи, вперил взор в развешенные на стенах акварели в рамках. Скромность моя была вознаграждена красноречивейшим взглядом. Увы! Супруга профессора не знала, что я мог бы сыграть в «Фортунио» роль Слухача, умеющего расслышать, как растут трюфели[279]. «Согласно общим экономическим принципам, — рассуждал мой учитель, — на квартиру и жалованье слугам следует тратить не больше двух десятых годового дохода; меж тем наша квартира и наши

[279] Сноски: 279

Бальзак не совсем точно приводит название сказки Мари-Катрин д'Онуа (1651–1705), где выведен персонаж по имени Слухач (Fine-Oreille), который слышит, как растут трюфели и другие грибы; она называется не «Фортунио», а «Chevalier Fortuné», то есть в новейшем русском переводе «Удачливый рыцарь». См.: *Онуа М. — К. д'*. Кабинет фей / Изд. подготовила М. А. Гистер. М., 2015. О серьезном влиянии, которое оказали сказки г-жи д'Онуа на раннее и зрелое творчество Бальзака, см.: *Agostini D. de*. Godefroid, ou de «L'étoile au front». Une source inconnue des «Proscrits» // *AB* 2007. Paris, 2007. P. 359–388.

слуги обходятся нам в сто луидоров[280]. На твои наряды я выдаю тебе тысячу двести франков. (Эту фразу он произнес особенно выразительно.) Четыре тысячи франков уходят у тебя на стол, не меньше двадцати пяти луидоров — на детей; себе я беру всего восемьсот франков. Прачка, дрова, свет — на все это я кладу еще тысячу франков; как видишь, на непредвиденные расходы остается всего-навсего шестьсот франков[281] — а разве этого достаточно? Чтобы купить брильянтовый крестик, пришлось бы взять тысячу экю из капитала, с которого мы получаем ренту, но если мы вступим на этот путь, красавица моя, то, дабы поправить наши расстроенные дела, нам придется покинуть твой обожаемый Париж и переселиться в провинцию. Ведь дети растут и с каждым годом будут требовать все больших расходов! Ну, будь же умницей». — «Ничего другого мне не остается, — отвечала она, — но учтите, что во всем Париже вы будете единственным человеком, не сделавшим жене подарка к Рождеству!» И

---

[280] Сноски: 280

Луидор — золотая монета, стоимость которой в эпоху Реставрации равнялась 20 франкам. Об экю см. примеч. 224.

[281] Сноски: 281

Бальзак ошибся в подсчетах на 100 франков; денег должно было оставаться не 600, а 500 франков.

она выскользнула из комнаты, точно школьник, отбывавший наказание и наконец обретший свободу[282]. Учитель мой с довольным видом проводил ее глазами. Когда дверь за его супругой закрылась, он потер руки; мы обсудили войну в Испании, и я направился на Прованскую улицу, столь же мало помышляя о великом законе супружеской жизни, первая часть которого была мне только что явлена, сколь и о покорении Константинополя генералом Дибичем[283]. Я вошел в дом моего амфитриона как раз в тот миг, когда полчаса, предписанные законами вселенской гастрономии, истекли[284] и хозяева, не дождавшись меня, решили сесть за стол. Кажется, мы дошли до паштета из гусиной печенки, когда прелестная хозяйка дома небрежно бросила мужу:

---

[282] Сноски: 282

По наблюдению Ахматовой, это сравнение, так же как и сравнение с наездницей (см. примеч. 214), использовал Пушкин, на сей раз в незаконченном отрывке «На углу маленькой площади…»: «Он ‹…› выбежал из комнаты, как резвый школьник выбегает из класса» (*Пушкин*. Т. 8. Кн. 1. С. 144).

[283] Сноски: 283

Поскольку Бальзак отнес действие этого эпизода к 1822 году, оба упоминания являются анахронизмами: война в Испании, то есть введение французского экспедиционного корпуса в Испанию для подавления восстания против короля Фердинанда VII, началась и закончилась в 1823 году; Русско-турецкая война, в ходе которой русская армия под командованием генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского (1785–1831) подошла к Константинополю (но не взяла его), началась в 1828-м, а закончилась в 1829 году.

[284] Сноски: 284

Намек на книгу А. Гримо де Ла Реньера «Альманах Гурманов», где в томе втором (1805), в главе «Церемонии за столом», говорится, что если гость приглашен «в пять часов» (а не «ровно в пять»), он должен прийти в дом хозяина-Амфитриона в половине шестого, а «полчаса спустя в гостиную явится дворецкий с салфеткой на руке и объявит, что кушать подано» (*Гримо*. С. 397).

«Александр, было бы очень мило с твоей стороны подарить мне те бриллиантовые серьги, которые мы видели у Фоссена»[285]. — «Вот и женитесь после этого!» — пошутил мой товарищ, доставая из бумажника три тысячефранковые ассигнации, при виде которых глаза его супруги радостно вспыхнули. «Мне так же приятно тебе их подарить, как тебе — их принять. Сегодня годовщина нашего знакомства; быть может, бриллианты тебе об этом напомнят?» — «Злюка!» — отвечала жена с обольстительной улыбкой. Вынув из-за корсажа букет фиалок, она с ребяческой досадой бросила его в лицо моему приятелю. Взамен Александр протянул ей деньги на серьги, сказав: «Видали мы и не такие цветочки!» Я никогда не забуду, как быстро, жадно и весело, словно кошка мышку, его женушка схватила три банковских билета, аккуратно сложила их и, покраснев от удовольствия, спрятала туда, где прежде благоухал букетик фиалок. Поневоле я вспомнил моего учителя математики. В ту пору мне казалось, что он отличается от своего бывшего ученика лишь тем, чем человек экономный отличается

[285] Сноски: 285

Жан-Батист Фоссен — парижский ювелир, которого сам Бальзак высоко ценил и у которого заказывал украшения для Эвелины Ганской и ее дочери.

от мота; я не подозревал тогда, что на самом деле тот из двоих, кто, казалось, умел считать лучше всего, действовал совсем нерасчетливо. Завтрак наш завершился очень весело. Устроившись в маленькой, недавно отделанной гостиной близ камина, пламя которого приятно щекотало нервы, позволяло забыть о холоде и вообразить, будто уже наступила весна, я, как и подобает гостю, с похвалой отозвался о святилище, принадлежащем влюбленной паре. «Конечно, все это стоит недешево, — отвечал мой друг, — но ведь гнездышко должно быть достойно птички! Однако, черт подери, за обои, которые ты хвалишь, еще не уплачено!.. Вместо того чтобы спокойно переваривать обед, я по твоей милости вспомнил о негодяе-обойщике, которому задолжал две тысячи франков». Услышав речь мужа, хозяйка дома оглядела свой очаровательный будуар, и глаза ее, дотоле ярко блестевшие, затуманились. Александр взял меня за руку и отвел к окну. «Не найдется ли у тебя случайно тысячи экю[286] взаймы? — спросил он шепотом. — У меня всего десять, самое большее двенадцать тысяч

[286] Сноски: 286

Экю — старинная монета, которая в XIX веке употреблялась в качестве счетной единицы; в этом случае исходили из того, что экю равняется 3 франкам.

ливров годового дохода, а нынче…» — «Александр!.. — перебила мужа прелестная жена и, подбежав к нам, протянула ему три банковских билета. — Александр… я поняла, что было бы чистым безумием…» — «О чем ты? — отвечал он. — Оставь деньги себе». — «Нет, любимый, я не хочу тебя разорять! Ты так сильно любишь меня, что я не должна поверять тебе все мои желания; мне следовало бы помнить об этом…» — «Нет-нет. Деньги — твои, это решено! А я — ну что ж, начну играть и все отыграю!» — «Играть! — повторила она с ужасом. — Александр, забери эти деньги! Не спорьте, сударь, я так хочу». — «Нет-нет, — упорствовал мой друг, отталкивая нежную белую ручку жены, — ведь ты в четверг едешь на бал к госпоже де… разве ты забыла?» — «Я подумаю насчет твоей просьбы», — сказал я своему приятелю и удалился, поклонившись его жене; впрочем, я предчувствовал, что здесь мои анакреонтические поклоны большого впечатления не произведут. «Верно, он совсем потерял рассудок, если просит тысячу экю взаймы у студента-правоведа!» — думал я, спускаясь по лестнице. Пять дней спустя я оказался у госпожи де… чьи балы как раз начинали входить в моду. Танцевали кадриль; среди танцующих красавиц я заметил

жену моего приятеля и жену математика. Супруга Александра была в восхитительном платье из белого муслина; цветы, маленький крестик на черной бархатной ленте[287], оттенявшей белизну ее благоуханной кожи, и длинные золотые серьги — вот и все ее украшения. На шее же госпожи профессорши сверкал великолепный крест, усыпанный брильянтами. «Вот так штука!» — сказал я простаку, который еще не прочел ни одной страницы в великой книге света и не разгадал ни одного женского сердца, иначе говоря — себе самому. Если у меня тотчас возникло желание пригласить обеих красавиц на танец, то исключительно оттого, что я отыскал тему, способную помочь мне одолеть природную застенчивость. «Итак, сударыня, вы получили свой крест?» — спросил я у госпожи профессорши. «Да ведь я его честно заслужила», — отвечала она с загадочной улыбкой. «Итак, вы без серег?» — спросил я у жены приятеля. «Да, я мысленно наслаждалась ими в течение целого завтрака!.. Но в конце концов, как видите, мне все-таки удалось переубедить Александра...» — «Вероятно, он не слишком упор-

[287] Сноски: 287

Такой крестик — как правило золотой — знатные дамы носили в подражание крестьянкам; он назывался «как у Жаннетты» или просто «Жаннетта».

ствовал?» Она взглянула на меня с победоносным видом.

Прошло восемь лет, и вдруг эта сцена, дотоле нимало меня не трогавшая, всплыла в моей памяти; при свете свечей и сверкании драгоценных камней я ясно различил ее мораль. Женщина ненавидит увещевания; если ее начинают в чем-то убеждать, она не может противиться соблазну и исполняет роль, уготованную ей природой. Для нее уступить чужим доводам — значит оказать милость; логические рассуждения раздражают и убивают ее; воздействовать на нее можно лишь с помощью той силы, к какой так часто прибегает она сама, — я имею в виду чувствительность. Отсюда следует, что опору для своего безраздельного господства муж должен искать не в себе самом, а в своей жене; подобно тому как алмаз можно разрезать только другим алмазом, с женщиной можно справиться, лишь если этого захочет она сама. Подарить серьги так, чтобы тебе их вернули назад, — вот навык, полезный во всех без исключения случаях жизни.

Теперь перейдем ко второму из обещанных наблюдений.

«Кто сумеет распорядиться одним томаном[288], сумеет распорядиться и сотней тысяч», — гласит индийская пословица; что до меня, то я толкую восточную мудрость расширительно и говорю: «Кто умеет управиться с женой, сумеет управлять и целой нацией». В самом деле, между этими двумя отраслями управления есть немало общего. Разве мужья не должны проводить примерно ту же политику, что и короли, которые на наших глазах забавляют народ, чтобы под шумок лишить его свободы; один раз в году швыряют ему подачки, чтобы остальные триста шестьдесят четыре дня держать на голодном пайке[289]; запрещают ему воровать, а сами безжалостно его грабят и при этом говорят: «Лично я на месте народа вел бы себя безупречно»?

Прецедентом, который следовало бы учесть всем мужьям, является политика Англии. Имеющий глаза не может не видеть, что с того

---

[288] Сноски: 288

Томан, или туман, — персидская золотая монета.

[289] Сноски: 289

Имеется в виду обычай раздавать бесплатно еду и питье в дни королевских празднеств; его отменили в 1828 году, чтобы избежать пьяных ссор и потасовок.

момента, как искусство *управлябельности*[290] в этой стране усовершенствовалось, вигам очень редко удавалось остаться у власти. На смену их недолговечному кабинету всегда очень скоро приходили тори и обосновывались в министерских креслах надолго[291]. Ораторы вигов походят на крыс, которые упорно грызут острыми зубами подгнившую стенку буфета, но в тот самый миг, когда пьянящий запах королевских орехов и сала достигает их ноздрей, кто-то заделывает щель. По отношению к вашему правительству женщина и есть виг. В том положении, в каком мы ее оставили, она, естественно, принимается мечтать о все больших и больших свободах. Взгляните на ее происки сквозь пальцы, позвольте ей растратить силу на то, чтобы пройти половину лестницы, ведущей к вашему трону, а когда она протянет руку за скипетром, как можно более нежно и бережно сбросьте ее на землю, крича при этом:

---

[290] Сноски: 290

Управлябельность (gouvernementabilité) — неологизм Бальзака, изобретение которого он в повести «Загородный бал» (1830) приписывает Людовику XVIII. Перевод «правительствование», предложенный в русской версии «Загородного бала» (*Бальзак/15*. Т. 1. С. 96), представляется менее точным.

[291] Сноски: 291

Виги и тори — политические партии, сложившиеся в Англии в конце XVII веке, предшественницы соответственно Либеральной и Консервативной партий.

«Браво!» — дабы не отнимать у нее надежду на скорую победу. Эта хитроумная система должна подкреплять все прочие средства нашего арсенала, к которым вам будет угодно прибегнуть для укрощения вашей жены.

Таковы общие принципы, которые обязан чтить всякий муж, не желающий допускать ошибок в управлении своим маленьким королевством.

Теперь, пренебрегши мнением того епископа, который на Маконском соборе остался в меньшинстве[292] (и невзирая на Монтескье, который, разгадав, пожалуй, самую сущность конституционного строя, сказал где-то, что в больших собраниях здравые мысли всегда звучат из уст меньшинства[293]), мы примем за данность,

---

[292] Сноски: 292

На Маконском соборе в 585 году один из епископов якобы утверждал, что у женщины нет души; однако это всего лишь легенда, основанная на неточном толковании одного пассажа из «Истории франков» Григория Турского. Там сказано, что на соборе «поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком. Однако после того, как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо Священное Писание Ветхого Завета это поясняет; в начале, где речь шла о сотворении Богом человека, сказано: „...мужчину и женщину сотворил из земли и нарек им имя Адам, что значит: ч*еловек, сделанный из земли*, называя так и женщину и мужчину; таким образом, он обоих назвал человеком“» (*Григорий Турский.* История франков. М., 1987. С. 230). О душе здесь речи не идет, однако постепенно безымянному епископу стали приписывать именно это утверждение (об историографии этой легенды см.: *Gargam A., Lançon B.* La querelle sur l’âme des femmes aux XVIe — XVIIIe siècles. Sources et retombées historiographiques d’une

mystifcation (VIe — XXIe siècles) // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 2013. Vol. 108, issue 3–4). Вопрос о том, есть ли у женщин душа, в сатирическом контексте ставится и в сочинении П. — Э. Лемонте «Наблюдатели за женщинами», которое Бальзак щедро использовал в «Физиологии брака». Лемонте пишет, что испанская инквизиция осудила книгу, в которой утверждалось, что у женщин нет души, однако большинство итальянок «согласились с утверждением, которое унижало их самолюбие, но позволяло грешить без тревог». Далее Лемонте приводит шутовскую статистику — процент женщин в каждой нации, которые захотели иметь душу (среди итальянок таковых нашлось из сотни 24, среди француженок 60, а среди русских — всего-навсего две). См.: *Lemontey*. P. 44–45.

[293] Сноски: 293

Возможно, Бальзак имел в виду мысль, которую Монтескье неоднократно высказывает в своем труде «Дух законов» (1748): народ (большинство) способен избирать своих представителей, но управлять самостоятельно он неспособен. Более подробно Монтескье рассуждает об этом в книге XI «О законах, устанавливающих политическую свободу в ее связи с государственным устройством»: «Во всяком государстве всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей; и если бы они были смешаны с народом, если бы они, как и все прочие, имели только по одному голосу, то общая свобода стала бы для них рабством» (XI, VI; пер. А. В. Матешук). В парижском издании «Духа законов» 1826 года к этой главе добавлено примечание позднейшего комментатора, ссылающегося на Аристотеля: невежды могут высказываться по разным научным или житейским вопросам, но будут ли они судить более здраво, чем люди, искушенные в художествах? Поэтому большинство не должно ни голосовать на выборах, ни судить об ответственности магистратов (*Montesquieu Ch. — L. de.* L'esprit des lois. Paris, 1826. T. 2. P. 12–13).

что у женщины есть и тело, и душа, и начнем с описания тех способов, какие помогут вам приобрести власть над ее душой. Что ни говори, мысль благороднее, чем плоть, и мы займемся наукой прежде, чем кухней, а образованием — прежде, чем гигиеной.

Размышление XI
О роли образования в семейной жизни

Давать женщинам образование или нет — вот в чем вопрос. Из всех тех вопросов, какие встали перед нами, этот — единственный, который требует ответа либо сугубо положительного, либо резко отрицательного; середины тут нет. Либо образованность, либо невежество — третьего не дано. Размышляя об этих двух безднах, мы воображаем себе Людовика XVIII, сопоставляющего радости XIII века с несчастьями века нынешнего. Восседая посередине доски, которую он так хорошо умел наклонять собственной тяжестью в нужную сторону, он видит на одном ее конце фанатическое невежество послушника, покорство крепостного крестьянина, сверкающие конские подковы и сеньора, ведущего в бой своих вассалов; кажется, он уже слышит клич: «Франция и

Святой Дионисий!»[294], но тут, переведя взгляд, он с улыбкой замечает спесивого фабриканта, гордящегося званием капитана национальной гвардии, биржевого маклера — обладателя элегантной двухместной кареты, скромно одетого пэра Франции, сделавшегося журналистом и отдающего сына в Политехническую школу, видит роскошные ткани, газеты, паровые машины и в довершение всего пьет кофе из чашки севрского фарфора, на дне которой до сих пор красуется увенчанная короной буква «Н»[295].

«Долой цивилизацию! Долой мысль!..» — вот что должно сделаться вашим боевым кличем. Вы приходите к выводу, что, поскольку, как это хорошо поняли испанцы, нацией неучей управлять проще, чем нацией ученых, давать женщинам образование не следует ни под каким видом.

---

[294] Сноски: 294

Святой Дионисий (Дени) считался покровителем Франции; приведенные слова с XII века служили военным кличем французов.

[295] Сноски: 295

Король Людовик XVIII, возвратившийся во Францию в 1814 году после двадцатилетней жизни в эмиграции, упомянут здесь потому, что перед ним, воссевшим на французский престол после Революции и правления Наполеона (от которого как раз и осталась чашка с буквой «Н» на дне), стоял выбор: править ли Францией по старинке — так, как правил его старший брат Людовик XVI, казненный во время Революции, — или же по-новому. Людовик XVIII выбрал второй вариант и сделал Францию конституционной монархией — со всеми вытекающими последствиями, характерными для нового, буржуазного времени.

Счастлив народ, состоящий из глупцов: он не помышляет о свободе, а потому не знает ни тревог, ни бурь; он живет, как колония полипов; подобно ей, он может поделиться на две или три части, и каждая останется цельной и жизнеспособной нацией, которую сможет повести за собою любой слепец, вооруженный пастырским посохом. В чем источник этого чуда? В невежестве; на нем одном держится деспотизм, расцветающий в потемках и безмолвии. Между тем не только в политике, но и в супружеской жизни счастье есть величина отрицательная. Быть может, привязанность народов к абсолютным монархам даже менее противоестественна, чем верность жены мужу, которого она больше не любит: ведь мы, напомню, исследуем ситуацию, когда любовь вашей жены к вам стоит уже одной ногой за порогом. Значит, вам пора прибегнуть к тем спасительным строгостям, на которых основывает г-н фон Меттерних свою излюбленную политику statu quo: впрочем, мы советуем вам применять эти средства с еще большей тонкостью и обхо-

дительностью, чем г-н фон Меттерних[296]; ведь ваша жена хитрее всех немцев вместе взятых и сладострастнее любого итальянца.

Итак, вам следует изо всех сил стараться отдалить тот роковой миг, когда жена попросит у вас книгу. Это нетрудно. Сначала вы будете с величайшим презрением отзываться о *синих чулках*, а в ответ на расспросы жены объясните, какие насмешки навлекают на себя у наших соседей женщины-педантки[297].

Затем вы приметесь твердить ей, что любезнейшие и остроумнейшие женщины мира живут в Париже, где слабый пол не берет книг в руки;

что женщины подобны тем знатным особам, которые, по словам Маскариля, знают все, сроду не учившись ничему[298];

---

[296] Сноски: 296

Австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних (1773–1859) был сторонником политики «европейского равновесия», каким оно было до Великой французской революции, и противником национально-освободительных движений, в ходе которых некоторые европейские нации отстаивали право на независимость.

[297] Сноски: 297

Выражение «синий чулок» (bas-bleu) появилось во Франции как точный перевод английского blue-stocking, которым в Англии (у «соседей») обозначали сначала членов литературного сообщества, собиравшегося в 1760–1770-е годы в салоне писательницы Элизабет Монтегю; один из завсегдатаев (впрочем, мужчина) носил в пику общепринятому «дресс-коду» синие шерстяные чулки, и потому женщин из этого круга, а затем любых женщин с литературными претензиями стали называть «синими чулками».

[298] Сноски: 298
Мольер. Смешные жеманницы (1659, явл. 12).

что женщина должна уметь, не подавая виду, запомнить во время танца или игры все изречения записных гениев — главный источник остроумия парижских глупцов;

что в нашей стране не подлежащие обжалованию приговоры о людях и вещах передаются из уст в уста, и резкое словцо, сказанное женщиной о литераторе или живописце, куда скорее способно уничтожить книгу или картину, нежели постановление королевского суда;

что женщины суть прекрасные зеркала, самой природой созданные для того, чтобы отражать блистательнейшие из идей;

что главное в человеке — врожденный ум и что знания, полученные в свете, куда надежнее тех, которые почерпнуты из книг;

и наконец, что чтение портит глаза и проч., и проч.

Позволить женщине выбирать книги для чтения по ее собственному выбору!.. Да ведь это все равно что бросить спичку в пороховой погреб; хуже того, это значит научить женщину обходиться без вас, жить в выдуманном мире, в раю. Ибо что читают женщины? Сочинения, исполненные страсти, «Исповедь» Руссо, романы и прочие книги, возбуждающие их чувства. Ни доводы разума,

ни его зрелые плоды женщинам не милы. А задумывались ли вы о том влиянии, какое оказывает вся эта пиитическая продукция?

В романах, да и вообще в любых книгах чувства и вещи предстают куда более яркими, чем в природе! Дело здесь не столько в желании любого автора выказать тонкость и изысканность чувств и мыслей, сколько в неизъяснимой особенности нашего ума. Человеку природой суждено облагораживать все, что он вносит в сокровищницу своей мысли. Какие лица, какие памятники не приукрашены кистью художника? Душа читателя охотно принимает участие в этом заговоре против правды: она либо безмолвно и покорно впитывает все образы, сотворенные автором, либо сама загорается творческим огнем. Кому из читателей «Исповеди» госпожа де Варанс[299] не предстала куда большей красавицей, чем была на самом деле? Можно подумать, будто душа наша жаждет любоваться теми формами, какие она некогда созерцала под небесами куда более прекрасными; в созданиях чужой души она видит крылья, помогающие ей самой взмыть ввысь;

[299] Сноски: 299

Франсуаза-Луиза де Варанс (урожд. де Латур) — наставница и возлюбленная Руссо, которую он звал «маменькой» и описал в своей «Исповеди» в самом восторженном тоне.

усваивая себе тончайшие из черт, она сообщает им еще большую безупречность; наслаждаясь поэтичнейшими из образов, дарует им еще большее очарование. Быть может, чтение — не что иное, как творчество вдвоем. Быть может, это таинство пресуществления идей есть память о высшем предназначении человека, об утраченном блаженстве? Чем же была эта утраченная жизнь, если одна лишь тень ее столь усладительна?

Понятно, что, читая драмы и романы, женщина, существо куда более впечатлительное, чем мы, хмелеет от восторга. Она рисует себе жизнь идеальную, перед которой существенность бледнеет и отступает; очень скоро она задается целью перенести эту сказочную негу в жизнь, овладеть этими колдовскими чарами. Невольно она переходит от духа к букве, от духовного — к плотскому.

Неужели же у вас достанет наивности полагать, что повадки и чувства такого человека, как вы, человека, который одевается, раздевается и проч., и проч. на глазах у жены, способны успешно соперничать с чувствами, изображенными в книгах, с выведенными там идеальными любовниками, на чьих нарядах прекрасная читательница никогда не заметит ни дырки, ни

пятна?.. Жалкий глупец! Конечно, в конце концов ваша жена догадается, что пиитические *герои* встречаются в жизни так же редко, как *Аполлоны Бельведерские*, но увы! на ваше и на ее несчастье, это случится слишком поздно!..

Многие мужчины с трудом решатся запретить женам читать; найдутся даже такие, которые станут утверждать, что чтение имеет несомненное преимущество: оставив жену дома с книгой, муж по крайней мере может не питать сомнений касательно ее времяпрепровождения. На это я, во-первых, отвечу, что в следующем Размышлении надеюсь показать, какого врага наживает себе муж в лице жены, сидящей в четырех стенах, а во-вторых, спрошу: разве не случалось вам видеть мужей, совершенно чуждых поэзии, которые умеют смирить своих бедных супруг, сведя их жизнь к существованию механическому? Исследуйте речи этих великих людей! Выучите наизусть великолепные доводы, с помощью которых они развенчивают красоты поэзии и прелести фантазии.

Если же, несмотря на все ваши старания, супруга ваша все-таки будет рваться к чтению, тогда… предоставьте в ее распоряжение все книги разом,

от детской «Азбуки» до «Рене»[300] — сочинения, сулящего вам в ее руках больше опасностей, чем «Тереза-философ»[301]. Вы можете внушить жене отвращение к книгам, снабдив ее скучнейшими из созданий человеческого ума, можете сделать из нее дурочку, не предоставив в ее распоряжение ничего, кроме жития Марии Алакок, «Скребницы для покаяния»[302] или песенок времен Людовика XV[303]; впрочем, в следующих Размышлениях мы укажем вам способы так занять досуг жены, чтобы она и думать забыла о книгах.

Для начала же имейте в виду, что женщины наши получают образование, способное очень скоро отвратить любую из них от увлечения наукой. Вспомните, с какой восхитительной тупостью усваивают французские девицы уроки

---

[300] Сноски: 300

«Рене» (1802) — повесть Ф. — Р. де Шатобриана, разочарованный и неприкаянный герой которой отразил в себе некоторые важные черты послереволюционного поколения и повлиял на поколение последующее, так что многие «сыны века» 1820–1830-х годов ощущали себя «наследниками Рене».

[301] Сноски: 301

«Тереза-философ» (1748) — скабрезный роман, автором которой считается Жан-Батист Буайе, маркиз д'Аржан (1704–1771).

[302] Сноски: 302

Мария Алакок (1647–1690) — монахиня ордена визитации (посещения Святой Девы Марии); ее житие, написанное архиепископом Санским Ланге де Жержи (1-е изд. 1729), отличалось выспренностью тона и малым правдоподобием сообщаемых фактов. «Скребница для покая-

ния» — название вымышленное и пародийное.

[303] Сноски: 303

Сходный набор «источников» оглупляющего женского образования приводит в книге «О любви» Стендаль (гл. 54): «Если бы даже нам было позволено воспитывать молодых девушек идиотками при помощи Ave Maria и похотливых песенок, как в монастырях 1770 года, против этого нашлось бы несколько небольших возражений» (*Стендаль*. С. 176). Однако там, где Стендаль утверждает свое мнение прямо и всерьез, Бальзак играет с читателем и строит доказательство «от противного».

бонн, гувернанток и компаньонок, у которых на одну благородную и правдивую мысль приходится двадцать лживых проповедей кокетства и ханжества. Девушек воспитывают как рабынь и приучают к мысли, что цель их существования — по примеру их собственных бабушек пестовать канареек, составлять гербарии, поливать бенгальские розы, вышивать по канве или шить себе пелеринки. Поэтому, хотя девочка в десять лет хитрее, чем юноша в двадцать, держится она робко и неловко. Став взрослой, она будет приходить в ужас при виде паука, болтать о пустяках, думать о тряпках, обсуждать моды и не станет ни хорошей матерью, ни верной женой[304].

Вот как разворачиваются события: сначала девочек обучают рисовать розы и вышивать косынки — за такую работу можно выручить восемь су в день. Затем их заставляют учить историю Франции по книге Ле Рагуа, хронологию

[304] Сноски: 304

Еще одна парафраза Стендаля (гл. 54): «Все согласны, что девочка десяти лет в двадцать раз сообразительнее мальчугана того же возраста. Почему же в двадцать лет она должна стать большой дурехой, неловкой, застенчивой, боящейся пауков, а мальчуган — умным человеком?» (*Стендаль*. С. 178).

по «Таблицам гражданина Шантро»[305], а географию — по картам, единственной пище, какая предоставляется их юному воображению; матери и наставницы больше всего боятся заронить в сердца дочек опасные думы, но в то же самое время неустанно твердят юным особам, что вся наука, потребная женщине, сводится к искусству получше пристроить тот фиговый листок, которым некогда вооружилась наша праматерь Ева. До пятнадцати лет, пишет Дидро, девушки не слышат ничего, кроме: «Дочь моя, этот фиговый листок вам не к лицу!», или: «Дочь моя, этот фиговый листок вам к лицу!», или: «А может быть, дочь моя, лучше сдвинуть этот фиговый листок набок?»[306]

Итак, ваша задача — ограничить круг познаний жены сей прекрасной и благородной областью. Если же, паче чаяния, супруга ваша пожелает

---

[305] Сноски: 305

Аббат Клод Ле Рагуа (ум. 1683?) — автор «Римской и французской истории в вопросах и ответах» (изд. 1687). Примерно тот же перечень девичьих занятий: заучивание наизусть книги Ле Рагуа, вышивание и раскрашивание нарисованных роз — приводит в главе 55 книги «О любви» Стендаль. Пьер-Никола Шантро (1741–1808) — автор «Краткой хронологической истории Франции» (1808) и переводчик «Хронологических таблиц» Х. Блера (1797).

[306] Сноски: 306

Неточная цитата из статьи Дидро «О женщинах» (см. примеч. 176). У Дидро девушки слышат разговоры о «фиговом листке» до восемнадцати или девятнадцати лет.

обзавестись библиотекой, приобретите ей Флориана, Мальте-Брена, «Кабинет фей», «Тысячу и одну ночь», «Розы» Редуте, «Китайские обычаи», «Голубей» госпожи Книп, прославленное сочинение о Египте и проч.[307] Одним словом, не забывайте остроумного изречения той принцессы, которая, узнав, что народ бунтует из-за дороговизны хлеба, воскликнула: «Отчего же они не едят бриошей?»[308]

Быть может, однажды вечером супруга упрекнет вас в угрюмости и неразговорчивости; быть может, похвалит вас за каламбур — все это просто-напросто мелкие несовершенства нашей системы, да и вообще, если воспитание женщин во Франции — забавнейшая бессмыслица, а ваш супружеский обскурантизм поможет вам пре-

[307] Сноски: 307

Жан-Пьер Клари де Флориан (1755–1794) упомянут в данном случае скорее всего как автор пасторальных «Басен» (1792). Конрад Мальте-Брен (1775–1826) был автором «Математической, физической и политической географии всех частей света» (1803–1807). «Кабинет фей» — многотомный сборник волшебных сказок разных авторов XVII–XVIII веков, выпущенный во второй половине 1780-х годов в Амстердаме. Пьер-Жозеф Редуте (1759–1840) прославился своими акварельными изображениями цветов (на титульных листах к его имени прибавляли характеристику «живописец цветов»); его трехтомный альбом «Розы» (с сопроводительным текстом Кл. — А. Тори) вышел в 1817–1824 годах. Под «Китайскими обычаями» подразумевается, по-видимому, иллюстрированный двухтомник Базена де Мальпьера «Китай, нравы, обычаи, костюмы, искусства и художества», вышедший в 1825–1827 годах. Альбом художницы Полины Книп (урожд. де Курсель; 1781–1851) «Голуби» с сопроводительным текстом К. — Ф. Темминка

вышел в 1811 году. Сочинение о Египте — по-видимому, многотомное (10 томов текста и 13 томов иллюстраций) «Описание Египта, или Сборник замечаний и разысканий, сделанных в Египте во время экспедиции французской армии», опубликованное в 1809–1829 годах.

[308] Сноски: 308

Обычно эту фразу приписывают королеве Марии-Антуанетте, однако она приведена уже в «Исповеди» Руссо (кн. VI), оконченной около 1770 года — того самого года, когда австрийская принцесса Мария-Антуанетта стала женой дофина, будущего короля Людовика XVI, и ее изречения были во Франции еще неизвестны.

вратить жену в куклу, стоит ли огорчаться? Коль скоро у вас недостает храбрости в корне изменить заведенный порядок, не лучше ли устроить супружескую жизнь по старинке и не подвергать жену тем опасностям, какими чреваты страшные бездны любви? Когда она станет матерью, не вздумайте требовать от нее, чтобы она воспитала вам Гракхов[309]; сделайтесь настоящим pater quem nuptiae demonstrant[310]; чтобы помочь вам в этом, мы и сочинили нашу книгу — арсенал, где каждый сможет, сообразно с особенностями характера супруги и своего собственного, выбрать оружие, способное побороть ужасного духа зла, вечно грозящего овладеть душой любой жены; а поскольку, рассуждая здраво, самые заклятые враги женского образования — невежды, наше Размышление подойдет большинству мужчин.

Разумеется, женщина, получившая образование наравне с мужчиной, обладает достоинствами блистательными и в высшей степени благоприятствующими ее собственному счастью

---

[309] Сноски: 309

О Корнелии, матери римских трибунов Тиберия (162–133 до н. э.) и Гая (154–121 до н. э.) Гракхов, см. примеч. 202.

[310] Сноски: 310

Отцом согласно брачному договору (*лат.*). По римскому праву муж считался отцом всех детей, рожденных его женою в продолжение брака.

и счастью ее супруга, но такие женщины столь же редки, сколь и само счастье, и если ваша жена не относится к числу этих немногочисленных исключений, вам следует, во имя вашего общего благополучия, ограничить ее мысли тем кругом, в каком они пребывали от рождения, ибо — учтите это! — искра гордости может воспламенить ее сердце и погубить вас: вы возведете рабыню на престол, а она не сумеет устоять перед соблазном и употребит свою власть во зло.

Говоря короче, если человек выдающегося ума, вместо того чтобы жениться на девушке, в чьем душевном благородстве он успел убедиться, имел глупость взять в жены дурочку, то, следуя системе, изложенной в этом Размышлении, он сможет без труда сообщать свои мысли жене, разменяв их предварительно на светские пустяки[311].

В заключение скажем, что мы вовсе не предписываем всем *выдающимся мужчинам* вступать в брак исключительно с *выдающимися женщинами* и не разделяем взглядов госпожи де Сталь,

---

[311] Сноски: 311

Ср. у Стендаля (гл. 55): «Какой мужчина в любви или браке имеет счастливую возможность сообщить свои мысли в том виде, как они ему приходят в голову, женщине, с которой он проводит свою жизнь? Он находит доброе сердце, разделяющее его печали, но всегда вынужден разменивать на мелкую монету свои мысли, если хочет быть понятым…» (*Стендаль*. С. 188–189).

весьма неуклюже попытавшейся навязать себя в подруги Наполеону[312]. Эти двое были бы несчастны в совместной жизни; Жозефина была женой куда более мудрой, чем сочинительница «Коринны» — бой-баба XIX столетия.

Восхваляя тех *бесподобных юных дев*, которых случай и природа наделили чуткой душой, способной вынести тягчайшее из испытаний — жизнь рядом с одухотворенным существом, именуемым *мужчиной*, мы имеем в виду те благородные и редкостные создания, образец которых вывел Гете в «Графе Эгмонте» в лице Клерхен[313]; мы говорим о тех женщинах, которые не ищут иной славы, кроме славы жен, достойно исполняющих отведенную им роль; которые с поразительной гибкостью покоряются

[312] Сноски: 312

Скорее всего, Бальзак подразумевал эпизод из книги Э. де Лас Каза «Дневник, веденный на Святой Елене» (Mémorial de Sainte-Hélène, 1823), где со слов Наполеона записано следующее: «С тех пор как победы Итальянской армии прославили юного генерала, г-жа де Сталь, не знакомая с ним лично, из одного лишь почтения к славе, воспылала к нему восторженными чувствами, достойными сочинительницы „Коринны“; она присылала ему, сказал Наполеон, многочисленные и пространные послания, полные ума, пыла и метафизики: лишь несовершенство человеческих установлений, сообщала она генералу, могло дать ему в жены особу столь кроткую и спокойную, какова г-жа Бонапарт; ему потребна женщина с пылкой душой, подобная ей, госпоже де Сталь; именно ее природа предназначила в подруги такому герою…» (запись от 18–20 января 1816 года).

[313] Сноски: 313

«Эгмонт» (1788) — прозаическая трагедия Гете; Клерхен — преданная подруга заглавного героя.

воле и желаниям тех, кого природа назначила их повелителями; которые то воспаряют вслед за ними к вершинам мысли, то спускаются на грешную землю и забавляют супругов, точно малых детей; которые понимают все странности и терзания мужских душ и без труда постигают смысл невнятных мужских речей и туманных взоров; которые рады и молчанию, и разговору и которые, наконец, догадываются, что лорд Байрон мыслит, чувствует и наслаждается не так, как простой чулочник или колпачник. Однако довольно, иначе эти картины увлекут нас слишком далеко: наша тема — не любовь, а брак.

Размышление XII
Гигиена брака

Цель этого Размышления — предложить вашему вниманию еще один способ незаметно для вашей жены подавить ее волю и тем предохранить себя от множества опасностей. Речь здесь пойдет о воздействии, какое производят на моральное состояние физические превратности и тщательно продуманная диета.

Сей великий философический раздел брачной медицины, без сомнения, пригодится всем,

кто страдает подагрой, катаром и бессилием, всем старцам, которых мы пытались пробудить от спячки в Размышлении об обреченных, но прежде всего он адресован мужьям, у которых достанет мужества пойти макиавеллическим путем того великого французского короля, что попытался осчастливить всех своих подданных ценою жизни нескольких феодалов[314]. Наша задача совершенно та же самая. Следует отрезать или ослабить некоторые члены для блага всего организма.

Неужели вы всерьез полагаете, что холостяк, который, следуя рекомендациям Стерна, питается настоем из травы ганеа, огурцами и портулаком, а к ушам приставляет пиявок, смог бы восторжествовать над добродетелью вашей супруги? Представьте себе, что некоему гению дипломатии удалось бы навечно приложить к затылку Наполеона припарку из льняного семени или каждое утро ставить ему промывательное с медом[315], — как вы думаете, смог бы в этом случае Наполеон,

[314] Сноски: 314

По-видимому, имеется в виду король Людовик XI (1423–1483), жестоко подавлявший феодальную оппозицию; Бальзак сделал Людовика XI одним из героев новеллы «Мэтр Корнелиус» (1831).

[315] Сноски: 315

Средства, обладающие мягчительным действием или считающиеся таковыми.

великий Наполеон, завоевать Италию? Мучили Наполеона во время русской кампании страшные трудности с мочеиспусканием или нет?.. Вот один из тех вопросов, от решения которого зависела судьба всего мира[316]. Разве не очевидно, что протирания холодной водой, обливания, ванны и проч. серьезно влияют на работу мозга? Разве в знойный и душный июльский день, когда кожа ваша дышит с трудом, а выпитый залпом стакан лимонада со льдом очень скоро выступает у вас на лбу в виде пота, вам когда-либо случалось ощущать те приливы отваги, прозорливости и мощи, какие так облегчали и услаждали вашу жизнь всего два-три месяца назад?

Нет, нет, железо, замурованное в самый твердый камень, рано или поздно всегда разрушит самую прочную стену с помощью тех невидимых глазу медленных перемен, какие производят наши мучители: зной и мороз. Итак, согласимся, что если климат влияет на человека, то человек, в свой черед, не может не влиять на воображение себе подобных, и зависит это влияние от того, как сильна и могуча его *воля*, которая поистине

[316] Сноски: 316

Об этом недуге Наполеона Бальзак мог прочесть в книге Ф. — П. де Сегюра «История Наполеона и Великой армии в 1812 году» (1824; кн. IV, гл. VI).

созидает окружающую его атмосферу[317].

Воля творит гениальных актеров, великих поэтов, религиозных фанатиков, ибо все они мастера красноречия — красноречия слов либо поступков; наконец, *воля* лежит в основе той науки, что нынче еще дремлет в колыбели.

Но эта *воля*, дарующая человеку такую огромную власть над другим человеком, эта текучая нервная сила, находящаяся в постоянном движении, сама покорна изменчивому состоянию нашего хрупкого организма, подверженного самым различным влияниям. Здесь мы прервем наши метафизические рассуждения и обратимся к исследованию тех обстоятельств, что созидают и безмерно усиливают либо ослабляют человеческую волю.

Не думайте, впрочем, что мы советуем вам

---

[317] Сноски: 317

Здесь Бальзак описывает понятие, которое затем легло в основу его представлений о мире; подобно заглавному герою романа «Луи Ламбер», сочинявшему «Трактат о воле», Бальзак был убежден, что все формы движения (чувства, жесты, идеи), иначе говоря, сама жизнь — не что иное, как продукты воли, которую человек концентрирует, а в решающие моменты выбрасывает в пространство. Бальзаковская «энергетика» нашла свое самое яркое выражение в образе «шагреневой кожи», исполняющей в одноименном романе желания (иначе говоря, волю) владельца, но при этом пожирающей его жизнь; так Бальзак доказывает материальность воли. Примеры «брачной гигиены», приводимые Бальзаком, иной раз звучат комично, но главная мысль этой главы совершенно серьезна.

пользовать честь вашей супруги припарками, запирать жену в сушильне или запечатывать, как письмо, — нет, это не входит в наши намерения. Мы даже не станем рассказывать вам о чудесах магнетизма, который позволил бы вам полностью подчинить душу жены вашей воле: ни один муж не согласится платить за вечное семейственное счастье этим постоянным напряжением всех животных сил своего организма; нет, мы попытаемся изложить вам великолепную гигиеническую систему, прибегнув к которой вы сможете потушить пожар, лишь только почувствуете запах дыма.

В самом деле, среди привычек парижских и провинциальных модниц (а модницы составляют весьма изысканный разряд порядочных женщин) есть немало таких, которые позволят вам добиться искомой цели, не прибегая к четырем холодным снадобьям[318], кувшинкам и прочим ведьмовским изобретениям. Больше того, мы оставим Элиану его траву ганеа, а Стерну его портулак и огурцы, слишком явно выдающие

[318] Сноски: 318

В старинной фармацевтике четырьмя сильными «холодными снадобьями», оказывающими на организм успокоительное действие, считались сельдерей, дыня, тыква и кабачок, а четырьмя слабыми — латук, садовый цикорий, портулак и цикорий дикий.

намерения противувоспалительные.

Вы поступите по-другому: ваша жена будет с утра до вечера покоиться в тех мягких креслах, что погружают тело в настоящую пуховую ванну.

Всеми средствами, к каким вам позволит прибегнуть ваша совесть, вы будете поощрять исконную женскую склонность не покидать пределов благоуханного будуара, куда почти нет доступа ни свежему воздуху, ни яркому свету, с трудом проникающему сквозь полупрозрачные кисейные занавески.

Описанные нами средства дадут великолепный результат — но не прежде, чем жена ваша выкажет вам живость своего нрава; наберитесь терпения, снесите этот быстролетный натиск — пройдет немного времени, и эта деланная живость исчезнет. Как правило, женщины торопятся жить, но бурю чувств очень скоро сменяет благодетельный для мужа покой.

Разве Жан-Жак чарующими устами Юлии не сумеет убедить вашу жену, что она выкажет бесконечное изящество, если не станет осквернять свой нежный желудок и свой божественный ротик такими подлыми яствами, как истекающая

соком говядина или огромное баранье плечо?[319] Что может быть невиннее и притягательнее, чем свежие, безуханные овощи и румяные фрукты, чем кофе, душистый шоколад, апельсины — эти золотые яблоки Аталанты[320], аравийские финики, брюссельские сухарики, — пища здоровая и изысканная, которая сообщает женщине некую загадочность и оригинальность, а вам позволяет добиться искомого результата? Предписанная вами диета прославит вашу супругу в светском кругу не хуже, чем новый наряд, милосердный поступок или острое словцо. Пусть любимцем ее сделается не пудель и не обезьянка, а Пифагор[321].

Не вздумайте подражать тем неосторожным людям, которые, желая прослыть вольнодумца-

---

[319] Сноски: 319

Излюбленные кушанья Юлии (овощи, яйца, фрукты, рыба) и ее неприязнь к мясу описаны в десятом письме четвертой части романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

[320] Сноски: 320

Аталанта (*греч. миф.*) — знаменитая аркадская охотница, побеждавшая всех женихов в беге, но побежденная Меланиппом: во время бега он разбрасывал подаренные ему Афродитой золотые яблоки, и, поднимая их, Аталанта проиграла состязание.

[321] Сноски: 321

Легендарный древнегреческий философ Пифагор (ок. 570 — ок. 490 до н. э.) проповедовал среди прочих форм аскезы воздержание от животной пищи.

ми, оспаривают женскую убежденность в том, что *лучший способ сохранить талию — мало есть.* Женщина, соблюдающая диету, не толстеет — мысль ясная и положительная; ее и держитесь.

Расхваливайте на все лады тех женщин, которые сохранили свою красоту, потому что по нескольку раз на дню принимали молочные ванны или совершали омовения в любых других жидкостях, расслабляющих нервную систему и оттого сообщающих нежность коже.

Заботясь о драгоценном здоровье вашей благоверной, ни в коем случае не позволяйте ей умываться холодной водой; вода может быть либо теплой, либо горячей — третьего не дано.

Да сделается вашим кумиром Бруссе[322]. Стоит вашей жене почувствовать малейшее недомогание — не упускайте случая, немедленно посылайте за пиявками и ставьте их ей в любом количестве; не бойтесь время от времени поставить дюжину-другую и себе самому, дабы укрепить в глазах жены авторитет прославлен-

---

[322] Сноски: 322

Французский врач Франсуа Бруссе (1772–1838) считал источником всех болезней чрезмерное возбуждение различных органов, а универсальным лекарством — расслабляющие средства, в том числе кровопускание. Шутовская рекомендация «Физиологии брака» обретает серьезный и драматический характер в рассказе «Мэтр Корнелиус» (1831), где уродливый, старый и ревнивый муж делает молодой жене кровопускания из обеих рук и доводит ее до истощения.

ного доктора. Супружеский долг предписывает вам неизменно находить жену недостаточно бледной; нелишне будет, если вы сами иной раз доведете ее до прилива крови к голове, — это даст вам законные основания призвать в дом целую армаду пиявок.

Пить ваша жена должна исключительно воду, легонько подкрашенную бургундским вином, — напиток, приятный на вкус, но совершенно не возбуждающий; все прочее исключается.

Но не вздумайте поить ее водой без примесей — этим вы все погубите!

«Бурная стихия! Стоит тебе подступить к шлюзам мозга — гляди, как они открываются перед тобой. Вот приплывает Любознательность, знаками приглашая подруг следовать за ней, — они ныряют в самую середину потока. Фантазия сидит в задумчивости на берегу и, следя за течением, превращает соломинки и тростинки в мачты и бушприты. А Похоть, придерживая одной рукой подобранное до колен платье, ловит их другой, когда они проплывают мимо. О люди, пьющие только воду! Неужели посредством этой обманчивой жидкости вы так часто управляли миром, измалывая физиономии слабых, попирая ногами бессильных и даже иногда меняя форму и лицо

природы?»[323]

Если, пребывая в бездеятельности и строго придерживаясь предписанной нами диеты, супруга ваша по-прежнему будет внушать вам подозрения, обратитесь не мешкая к другой системе, с которой мы вас сейчас познакомим.

Любой человек обладает определенным запасом энергии. Энергия одного мужчины или одной женщины относится к энергии другого мужчины или другой женщины как десять к тридцати или один к пяти, причем у каждого есть свой предел, выше которого ему не подняться. Энергия, или воля, которой наделен каждый из нас, подобна звуку: она то ослабевает, то усиливается в границах доступных нам октав. В чем бы эта энергия ни выражалась — в желаниях или в страстях, в потугах ума или в мускульных усилиях, — природа ее остается неизменной, меняются лишь точки ее приложения. Боксер вкладывает ее в удар кулака, булочник — в замешивание теста, поэт — в творчество, которое требует едва ли не больше энергии, чем любая другая деятельность, танцор — в движения ног; одним словом, каждый распоряжается своей энергией, как ему

[323] Сноски: 323

Цитата из «Жизни и мнений Тристрама Шенди» (т. VIII, гл. V; *Стерн*. С. 454, с незначительными изменениями; *Sterne-2*. P. 373–374).

вздумается, и пусть нынче же вечером Минотавр преспокойно расположится в моей постели, если вы не знаете так же хорошо, как и я, где и когда мы тратим эту энергию особенно щедро. Мужчины, как правило, расходуют могучую энергию и волю, отпущенные им природой, занимаясь полезными трудами либо предаваясь гибельным страстям, но наши порядочные женщины решительно не знают, как распорядиться этим даром природы; отсюда — смятение и капризы. Если диетический режим не истребил в вашей жене излишки энергии, займите ее таким делом, которое позволило бы ей каждодневно растрачивать смущающий вас избыток сил. Вовсе не обязательно ставить жену к фабричному станку; существуют тысячи других способов раз и навсегда заполнить ее досуг.

Оставляя на ваше усмотрение выбор средств, меняющийся в зависимости от обстоятельств, рекомендую вам танцы как одну из притягательных бездн, погубивших немало любовных интриг. Наш современник посвятил этому предмету весьма выразительную страницу, которую мы здесь и приведем.

«Несчастная жертва, которою любуются зрители, дорого платит за свои победы. Какой плод

могут принести усилия, так мало соответствующие возможностям слабого пола? Мускулы, пребывающие в постоянном напряжении, истощаются без меры. Животные духи, призванные питать пламя страстей и работу мозга, отвращаются от истинного своего предназначения. Отсутствие желаний, тяга к покою, пристрастие к обильной пище — все в танцовщице выдает существо обездоленное, мечтающее не столько о наслаждении, сколько об отдыхе. Недаром один завсегдатай кулис как-то сказал мне: „Кто живет с танцовщицами, тот живет на одной баранине: они тратят столько сил, что не могут обойтись без этой сытной пищи“. Итак, поверьте, очарование танцовщицы обманчиво: за знойной внешностью избранницы с досадой обнаруживаешь на почве скупой и холодной совершенную бесчувственность. Калабрийские врачи рекомендуют танцы в качестве лекарства против истерических припадков, которым подвержены местные уроженки, а арабы прибегают к сходным средствам для обуздания породистых кобылиц, бесплодных из-за чрезмерной похотливости. „Глуп, как танцор“ — под этим приговором подпишутся все знатоки театра. Наконец, лучшие умы Европы сходятся на том, что всякий танец производит

действие отменно охлаждающее.

В доказательство прибавим еще несколько наблюдений. Жизнь пастушеская породила распутство. Нравы ткачих вызывали у греков громкое осуждение. Похотливость хромых женщин запечатлена в итальянской пословице[324]. Испанцы, отличающиеся африканской невоздержанностью, увековечили свою мудрость в поговорке, гласящей: *Mujer y gallina pierna quebrantada* — сломай ногу женщине и курице. Восток, где наука сладострастия получила беспримерное развитие, породил калифа Хакима, основателя секты друзов, который под страхом смерти запретил своим подданным изготовлять какую бы то ни было женскую обувь[325]. Итак, во всем мире сердечные бури разражаются лишь

---

[324] Сноски: 324

Эту итальянскую пословицу приводит Монтень в главе «Опытов» (III, XI), названной «О хромых»: «Тот не познает Венеры во всей ее сладости, кто не переспал с хромоножкой» (пер. Н. Я. Рыковой). Сердечно благодарю М. С. Неклюдову за отсылку к Монтеню.

[325] Сноски: 325

В число экстравагантных приказов калифа Хакима из династии Фатимидов, правившего Египтом в 996–1021 годах, входил запрет на изготовление женской обуви — чтобы женщины не выходили за порог родного дома.

тогда, когда пребывают в покое ноги!»[326]

Какая восхитительная метода: позволить женщине танцевать с утра до ночи, а кормить ее при этом исключительно белым мясом!..

Не подумайте, что эти умозаключения, столь же истинные, сколь и остроумные, противоречат системе, описанной выше; в обоих случаях вы достигаете одной цели: жена ваша приходит в состояние расслабленности, а это состояние — залог вашего спокойствия. Одна система отворяет врагу ворота и указывает ему путь к отступлению; другая его убивает.

Люди робкие и ограниченные, чего доброго, увидят в наших гигиенических мерах оскорбление нравственности и чувствительности.

— Разве у женщины нет души? — скажут они. — Разве она не одарена теми же чувствами, что и мы? По какому праву вы презираете ее страдания, мысли, нужды, по какому праву обращаетесь с ней как с подлым металлом, из которого рабочий может изготовить подсвеч-

---

[326] Сноски: 326

Весь фрагмент, взятый в кавычки, в самом деле почерпнут из сочинения современного Бальзаку автора — историка Пьера-Эдуарда Лемонте (ср. примеч. 163) — «Моральная и физиологическая параллель танца, песни и рисунка, где сравнивается влияние этих трех занятий на способность женщин противиться соблазнам любви» (*Lemontey.* P. 217–223). Бальзак цитирует его с некоторыми сокращениями.

ник, а может — гасильник для свечей? Неужели только потому, что эти бедные создания слабы и несчастны от природы, грубый деспот получает право приносить их в жертву своим более или менее разумным теориям? А если ваша расслабляющая или возбуждающая система, которая растягивает, треплет, истязает женские нервы, станет причиной страшных недугов, а если вы сведете возлюбленную супругу в могилу, а если… а если… и проч., и проч.?

Вот наш ответ.

Приходилось ли вам подсчитывать, сколько раз Пьеро и Арлекин меняют форму своего белого колпака? Они так ловко мнут его и выворачивают наизнанку, что он превращается в волчок, кораблик, стакан, полумесяц, берет, корзинку, рыбу, кнут, кинжал, ребенка, человеческую голову и проч.

Так же самовластно можете вы переделывать облик и характер вашей жены.

Жена — имущество, во владение которым вы вступаете согласно контракту; имущество это — движимое, и кто им владеет на деле, тот владеет

и по закону[327]; наконец, женщина вообще представляет собой не что иное, как приложение к мужчине: она безраздельно принадлежит вам, и вы можете резать, мять и кромсать ее, как вам заблагорассудится. Не обращайте ни малейшего внимания на ее роптанья, крики и слезы: природа создала ее нам на потребу, дабы она рожала, страдала, разделяла тяготы мужа и покорялась тяжелой мужской руке.

Не обвиняйте нас в чрезмерной жестокости. Свод законов любой так называемой цивилизованной нации сочинен мужчинами, и раздел, посвященный женщинам, открывается в нем кровавым эпиграфом: Vae victis! — Горе слабым![328]

Наконец, примите во внимание последний и, пожалуй, решающий довод: если ваша жена, этот слабый и прелестный тростник, не покорится вашей воле, воле супруга, ее ожидает иго куда

---

[327] Сноски: 327

Бальзак цитирует статью 2279 Гражданского кодекса, принятого в 1804 году; разумеется, в ней идет речь не о женах, а только о движимом имуществе в прямом смысле слова.

[328] Сноски: 328

Более точный перевод: «Горе побежденным!»; эту фразу, согласно «Истории» Тита Ливия (V, 48, 8–9), произнес в конце IV века до н. э. галльский вождь Бренн, осадивший Рим и согласившийся отступить, лишь если ему заплатят крупную сумму золотом, причем золото это галлы взвешивали с помощью своих неверных гирь, а когда римляне запротестовали, галл положил на весы еще и свой меч.

более страшное — иго прихотливого и деспотического холостяка, так что вместо одного тирана ею будут править двое. Итак, взглянув на вещи здраво, вы согласитесь, что обязаны следовать нашим гигиеническим предписаниям хотя бы из человеколюбия.

Размышление XIII
О личных средствах обороны

Пожалуй, в предшествующих Размышлениях мы скорее обрисовали общую стратегию поведения мужа, нежели указали на конкретные способы выставлять силу против силы. Мы описали теорию приготовления лекарственных средств, но не практическое их применение. Меж тем у вас имеются средства для защиты, дарованные вам самой природой. Провидение всемогуще: если оно даровало адриатической каракатице способность выпускать черное облако, скрывающее ее от врага, можете не сомневаться, что оно не оставило совершенно безоружным и мужа. Итак, настал час обнажить ваше оружие.

Вступая в брак, вы должны были потребовать от жены, чтобы она сама вскармливала детей: обременив ее заботами, связанными с вынаши-

ванием ребенка и его кормлением, вы на год-два отдалите опасность. Женщине, производящей на свет младенца и кормящей его грудью, воистину и помыслить некогда о любовнике; вдобавок накануне родов и сразу после них она дурно выглядит и не может выезжать. Разве даже самая нескромная из тех изысканных дам, о которых идет речь в нашей книге, рискнет показаться в обществе брюхатой и прогуливать у всех на глазах сей тайный плод, сию неопровержимую улику? Где ты, лорд Байрон, не желавший видеть женщину за едой?..[329]

Кормящая мать обретает прежнюю красоту и свободу не прежде чем через полгода после рождения ребенка, когда может уже отлучить его от груди.

Если же ваша жена не кормила своего первенца, вы, конечно, не преминете внушить ей непреодолимое желание наверстать упущенное.

---

[329] Сноски: 329

Об этой фобии Байрона Бальзак мог узнать, например, из книги Томаса Медвина «Разговоры с лордом Байроном», вышедшей во французском переводе в 1825 году, или из статьи Ли Ханта «Лорд Байрон и некоторые из его современников», опубликованной во французском переводе в журнале «Британское обозрение» (см.: *Revue britannique*. Paris, 1827. T. 15. P. 265). Деталь эта запомнилась ему, и он вновь упомянул ее десять лет спустя в рассказе «Сердечные страдания английской кошки», опубликованном в составе сборника «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842).

Вы познакомите ее с Жан-Жаковым «Эмилем»[330], распалите ее воображение рассказами о материнском долге, воззовете к ее нравственному чувству и проч.; говоря короче, вы либо умный человек, либо глупец: в первом случае вы и сами догадаетесь, как поступить, а во втором — быть вам минотавризированным, что бы вы ни прочли в нашей книге.

Описанное только что средство принадлежит к числу сугубо личных. Если вам удастся пустить его в ход, вы выиграете время, потребное для того, чтобы прибегнуть к средствам другого рода.

С тех пор как Алкивиад, желая услужить Периклу, обремененному, к огорчению всех афинян, чем-то вроде нашей испанской войны и Увраровых поставок, отрубил своей собаке уши и хвост, всякому министру рано или поздно приходится отрубать какой-нибудь собаке либо уши, либо

[330] Сноски: 330

О роли Руссо во введении среди знатных дам моды на вскармливание детей без помощи кормилиц см. примеч. 207.

хвост[331].

Сходным образом врачи, если у больного начинается сильное воспаление в одном месте, нередко учиняют маленькую контрреволюцию в другом месте с помощью прижиганий, надрезов, иглоукалывания и проч.

Следственно, вам необходимо устроить жене прижигание или так сильно уколоть ее воображение, чтобы она и думать забыла о посторонних мужчинах.

Один остроумный человек ухитрился растянуть свой медовый месяц на целых четыре года, но всему приходит конец: он начал подмечать роковые симптомы. Жена его находилась как раз в том состоянии, которое мы описали в конце первой части нашей книги: она *увлеклась* од-

---

[331] Сноски: 331

«У Алкивиада была собака, удивительно красивая, которая обошлась ему в семьдесят мин, и он приказал обрубить ей хвост, служивший животному главным украшением. Друзья были недовольны его поступком и рассказывали Алкивиаду, что все жалеют собаку и бранят хозяина, но тот лишь улыбнулся в ответ и сказал: „Что ж, все складывается так, как я хочу. А хочу я, чтобы афиняне болтали именно об этом, — иначе как бы они не сказали обо мне чего-нибудь похуже!“» (*Плутарх*. Алкивиад, IX; Т. 1. С. 277; пер. С. П. Маркиша). С этой более известной историей о греческом полководце Алкивиаде (ок. 450–404 до н. э.), своего рода «античном денди», Бальзак контаминирует другую, дошедшую до нас в пересказе греческого историка Диодора Сицилийского (Историческая библиотека, 12, 38): по совету Алкивиада его дядя, афинский стратег Перикл, дабы избежать необходимости отчитываться перед афинянами в растраченных суммах, ввязался в Пелопоннесскую войну (431–404 до н. э.) против Спарты. Бальзак

сравнивает финансовые проблемы древнегреческих полководцев с проблемами Габриэля-Жюльена Уврара (1770–1846) — финансиста, занимавшегося, в частности, снабжением французской армии во время войны в Испании (см. примеч. 221); в 1824 году он был заподозрен в присвоении казенных сумм и год спустя предстал перед уголовным судом, однако был оправдан.

ним негодяем — плюгавым, уродливым, но — не мужем. Сей последний, осознав свое положение, прибегнул к методе, которую мы назвали отрубанием ушей у собаки, и это позволило ему продлить еще на несколько лет хрупкое семейное счастье. Жена его держалась так умно, что мужу было весьма затруднительно отказать от дома любовнику, который в довершение всего приходился этой даме дальним родственником. С каждым днем опасность возрастала. В воздухе пахло Минотавром. Однажды вечером муж принял вид мрачный, угрюмый, печальный. Жена с некоторых пор одаряла его дружеским расположением, какого он не замечал даже в первые дни после свадьбы; она засы́пала его вопросами. Он хранил молчание. Новые расспросы: молчаливый супруг изволит обронить несколько намеков, предвещающих великое несчастье! Это японское прижигание оказалось горячее костров, на которых сжигали еретиков в 1600 году. Вначале жена пустила в ход тысячу уловок, пытаясь узнать, не связана ли печаль мужа с кавалером, претендующим на роль любовника; уже одна эта интрига отняла у нее массу сил. Воображение красавицы разыгралось… О любовнике она забыла и думать. Гораздо важнее было проник-

нуть в тайну мужа! Как-то вечером муж наконец решился доверить нежной женушке причину своего горя: он разорен. Придется отказаться от экипажа, от ложи в Итальянском театре[332], от балов, празднеств и даже от жизни в Париже; если удалиться на год-два в деревню, дела, быть может, наладятся! Обращаясь к воображению жены и ее сердцу, он говорит, что сочувствует ей: ведь она связала свою судьбу с человеком, который, спору нет, безумно любит ее, но не может обеспечить ей достойное существование; он рвет на себе волосы, и жене поневоле приходится его пожалеть; добродетель торжествует, и, воспользовавшись этим приступом супружеской горячки, наш супруг увозит свою благоверную в деревню. Там он продолжает ту же тактику: надрезы следуют за надрезами, горчичники за горчичниками, еще несколько собак лишаются хвостов: господин помещик пристраивает к дому готический флигель; госпожа помещица раз десять перекраивает парк и заводит там ручьи, озера, холмы и проч.; а между тем супруг не забывает о собственных интересах: он привозит жене

[332] Сноски: 332

Итальянский театр — самый дорогой и самый элегантный парижский оперный театр; посещать его значило подчеркивать свою принадлежность к высшему обществу.

любопытные книги, окружает ее заботой и проч. Заметьте, что он остерегается раскрывать жене истинное положение вещей: дела налаживаются исключительно благодаря флигелю и водоемам, которые, по правде говоря, стоили огромных денег; жена свято верит, что спасение пришло оттого, что в парке вырыли озеро, а на озере была устроена водяная мельница, и проч.

Все это — типичное супружеское прижигание; при этом муж не забывал ни делать детей, ни приглашать в гости соседей глупых, старых и скучных, а если семейство возвращалось на зиму в Париж, жена с легкой руки мужа так часто кружилась в вихре балов, что у нее не оставалось ни одной свободной минуты для того, чтобы завести любовника: ведь на это требуется досуг.

Хорошими прижиганиями могут служить путешествия в Италию, Швейцарию и Грецию, внезапные болезни, требующие лечения на водах, причем водах самых отдаленных. Одним словом, человек умный способен без труда изобрести добрую тысячу подобных уловок.

Продолжим наш перечень личных средств обороны.

Здесь уместно подчеркнуть одну важную вещь: мы исходим из предположения, что ваш медовый

месяц оказался достаточно продолжительным и что девица, которую вы выбрали себе в жены, вступила в брак невинной; иначе пришлось бы признать, что, в согласии с французскими нравами, жена ваша вступила в брак с вами лишь для того, чтобы повести себя непоследовательно, а в таком случае наша книга бессильна.

Лишь только в вашем семействе начнет разыгрываться сражение между добродетелью и непоследовательностью, жена ваша невольно примется по всякому поводу сравнивать вас, законного супруга, с любовником, и это сравнение решит вашу судьбу.

Здесь к вашим услугам способ обороны сугубо личный, которого заурядные мужья, как правило, избегают; воспользоваться им дерзают лишь люди выдающиеся. Способ этот заключается в том, чтобы незаметно для жены заставить ее убедиться в вашем превосходстве над любовником. Ваша цель — чтобы однажды вечером, накручивая волосы на папильотки, она воскликнула с досадой: «Да ведь мой муж гораздо лучше!»

Вы знаете характер вашей жены куда лучше, чем ее кавалер, вы понимаете, чем ее можно обидеть, — предоставьте же этому кавалеру действовать невпопад и досаждать даме своего

сердца; стройте козни с хитростью, достойной дипломата, дабы соперник ваш, сам того не подозревая, выставил себя в дурном свете.

Любовник обычно старается свести дружбу с мужем своей пассии либо имеет с ним общих друзей; внушите же ему — либо через этих друзей, либо, собрав всю свою хитрость и коварство, сами — ложные понятия о главных особенностях характера вашей жены; если вы будете действовать с умом, супруга ваша откажет любовнику от дома, причем ни она, ни он никогда не догадаются об истинной причине разрыва. В этом случае вы разыграете в лоне своего семейства комедию из пяти актов, где с блеском и не без выгоды исполните роль Фигаро или графа Альмавивы и несколько месяцев будете с тем большим удовольствием дожидаться развязки, что на карту поставлены ваше самолюбие, ваше тщеславие и ваша корысть.

В юности я имел счастье расположить к себе одного старого эмигранта, который довершил мое образование, дав мне уроки, какие юноши обычно получают от женщин. Друг этот, чей образ я навсегда сохраню в своем сердце, научил меня пускать в ход дипломатические уловки, требующие и хитроумия, и изящества.

Граф де Носе воротился из Кобленца на родину в ту пору, когда дворянам было еще опасно находиться во Франции[333]. Человек беспримерной доброты и отваги, он отличался величайшей непринужденностью и не меньшим лукавством. В шестьдесят лет он женился на двадцатипятилетней барышне, причем решился на этот безумный шаг из милосердия — дабы освободить бедняжку из-под ига матери-тиранки. «Угодно ли вам стать моей вдовой?» — спросил этот любезный старец у мадемуазель де Понтиви, однако душа его не устояла, и очень скоро он привязался к молодой жене гораздо сильнее, чем это пристало человеку благоразумному. В юности он прошел выучку у остроумнейших женщин, блиставших при дворе Людовика XV, и потому не терял надежды оградить молодую жену от посягательств. Пожалуй, ни один мужчина в мире не применял с большей ловкостью те

[333] Сноски: 333

В немецком городе Кобленце была сформирована в 1793 году так называемая «армия Конде», составленная из французских аристократов-эмигрантов, противников революции. Эмигранты, покинувшие Францию без разрешения революционных властей, в 1793 году были занесены в особый список; всякому, чья фамилия значилась в этом списке, при возвращении на родину грозила смертная казнь. Эмигранты начали постепенно возвращаться во Францию при Консульстве, начиная с 1800 года, но поначалу для того, чтобы быть вычеркнутым из списка, приходилось искать чьего-то покровительства; общая амнистия эмигрантам была объявлена 26 апреля 1802 года.

средства, каким я пытаюсь обучить мужей! Как обворожительны были его манеры, как остроумен разговор! Лишь после смерти графа графиня узнала от меня, что супруг ее страдал подагрой. Уста его источали любезность, взоры дышали любовью. Он предусмотрительно удалился в свое поместье, расположенное в уединенной долине, на опушке леса, и одному богу известно, по каким тропам гулял он там со своей женой!.. Волею судеб мадемуазель де Понтиви оказалась особой, наделенной превосходным сердцем и той отменной деликатностью, тем исключительным целомудрием чувств, которые, я полагаю, могли бы превратить в красавицу самую невзрачную дурнушку. Внезапно к графу приехал один из его племянников — военный, возвратившийся живым и невредимым из московского похода и навестивший дядюшку отчасти для того, чтобы выяснить, стоит ли ему опасаться появления на свет кузенов, а отчасти для того, чтобы померяться силами с тетушкой. Черные кудри, усы, живые глаза, легкая штабная болтовня, некая disinvoltura[334], столь же элегантная, сколь и естественная, — все выгодно отличало племянника

[334] Сноски: 334
Непринужденность (*ит.*).

от дяди. Я приехал в гости к графу в тот самый день, когда молодая графиня учила новоявленного родственника играть в триктрак. Пословица утверждает, что женщины узнают правила этой игры только от своих любовников, а мужчины — от своих любовниц. Больше того, не далее как утром этого дня во время одной из партий граф де Носе поймал брошенный на виконта взгляд жены, в котором невинность была смешана со страхом и желанием. Вечером граф предложил племяннику и мне назавтра отправиться на охоту. Мы согласились. Никогда не доводилось мне видеть господина де Носе таким веселым и бодрым, как в то утро, — а ведь он ясно различал приближение очередного приступа подагры. Сам дьявол не сумел бы так мастерски болтать о предметах весьма рискованных. Впрочем, некогда граф служил в роте серых мушкетеров и коротко

знал Софи Арну[335]. Этим все сказано. Очень скоро беседа наша приняла, Господи прости, самый игривый оборот, и племянник шепнул мне: «Вот не знал, что дядюшка такой мастак на эти дела!» Мы решили передохнуть, уселись на зеленой поляне и, с легкой руки графа, завели разговор о женщинах, достойный Брантома и «Алоизии»[336]. «Вам повезло: при нынешнем правлении женщины ведут себя благонравно! — (Чтобы оценить это восклицание старого графа, следовало бы выслушать те гадости, о которых только что поведал нам его племянник-капитан.) — Это, — продолжал старец, — одно из благодетельнейших завоеваний революции. Оно сообщает страстям куда больше таинственности и очарования. Прежде женщины были подат-

[335] Сноски: 335

Роты мушкетеров делились на серую и черную по масти лошадей. Певица Софи Арну (1744–1803) славилась своими остроумными и зачастую циничными высказываниями. Ее имя служило символом фривольного духа XVIII века; поэтому рецензент газеты «Земной шар» (Le Globe), осуждая автора «Физиологии» за чрезмерное легкомыслие, писал, что он «напялил на старую оперную богиню, причесанную в стиле госпожи Помпадур, современный наряд и отправил Софи Арну на лекции г-на Мажанди и г-на Кювье» (*Goblot J. — J.* Un compte rendu oublié de la «Physiologie du mariage» // *AB* 1975. Paris, 1975. P. 315; Мажанди был прославленным врачом и физиологом, а Кювье — натуралистом и палеонтологом).

[336] Сноски: 336

Брантом (наст. имя и фам. Пьер де Бурдей; ок. 1538–1614) был автором книги «Жизнеописания галантных дам». «Алоизия, или Диалоги Луизы

Сигеа о таинствах любви и Венеры» — порнографическое сочинение, созданное французским литератором и юристом Никола Шорье (1612–1692); Шорье приписал свою книгу испанке Луизе Сигеа из Толедо (1530–1560), а ее перевод на латинский — голландскому филологу Иоанну Мерсиусу Младшему (1613–1654); сначала «Алоизия» вышла на латыни (1659?) а затем Шорье сам перевел ее на французский и выпустил под названием «Дамская академия, или Семь любовных диалогов Алоизии» (1680?); то и другое издание многократно переиздавались.

ливы; но вы и вообразить не можете, сколько требовалось остроумия и пыла, чтобы пробудить в их пресыщенных сердцах хоть каплю страсти: мы не знали ни минуты покоя. Зато остроумная непристойность или удачная дерзость приносили человеку громкую славу. Женщины любят такие вещи; сальные шутки — лучший способ завоевать их расположение!..» Последние слова граф произнес с превеликой досадой и, внезапно смолкнув, принялся щелкать курком, как бы пытаясь скрыть охватившее его глубокое волнение. «Эх, — продолжал он, — да что там говорить! Мое время прошло! Тут потребно молодое воображение… да вдобавок и молодое тело!.. Увы! Зачем я женился? Величайшее коварство этих барышень, воспитанных матерями, чья молодость пришлась на блестящую эпоху старинного волокитства, заключается в том, что с виду они такие скромницы, такие недотроги… Кажется, что их нужно потчевать лишь нежнейшим медом, а меж тем послушали бы вы, какие соленые пилюли они глотают не поморщившись». Тут старик поднялся, в ярости схватил ружье и почти полностью вонзил приклад во влажную землю.

«Сдается мне, что милая тетушка охоча до шуток!» — шепнул мне на ухо офицер. «Или до

скорых развязок!» — прибавил я. Племянник перевязал галстук, расправил воротник и вскочил с проворством горной козы. Мы возвратились в усадьбу около двух часов пополудни. До обеда граф зазвал меня в свои покои — якобы для того, чтобы показать медали, о которых он толковал мне на обратном пути. Обед прошел невесело. Графиня держалась с племянником учтиво, но очень холодно. Когда мы перешли в гостиную, граф спросил у жены: «Вы займетесь триктраком?.. Тогда мы вас покинем». Юная графиня промолчала. Она смотрела в огонь, горевший в камине, и, казалось, ничего не слышала. Муж направился к двери и жестом пригласил меня последовать за ним. При звуке его шагов графиня вздрогнула и живо подняла голову. «Останьтесь! — попросила она. — Вы ведь успеете показать вашему гостю оборотные стороны медалей и завтра». Граф остался. Весь вечер, не обращая ни малейшего внимания на то, как сник его бравый племянник, он развлекал нас рассказами, исполненными невыразимого очарования. Никогда еще не доводилось мне видеть господина де Носе ни столь блистательным, ни столь сердечным. Мы много говорили о женщинах. Шутки нашего хозяина отличались безукоризненной деликатностью.

Даже я забыл, что граф убелен сединами; юный ум и молодая душа, сверкавшие в его речах, разгладили морщины и растопили снега. Назавтра племянник отбыл восвояси. Даже после смерти господина де Носе, ведя с его вдовой одну из тех непринужденных бесед, в ходе которых женщинам случается забыть об осторожности, я не смог допытаться, какой же дерзостью оскорбил тогда виконт свою тетушку. Должно быть, он зашел очень далеко, ибо с тех пор госпожа де Носе не желала пускать племянника на порог и по сей день, услыхав его имя, легонько хмурит брови. Я не сразу догадался, на кого охотился в тот далекий день граф де Носе, но позже понял, что он сыграл ва-банк.

Впрочем, даже если вы, подобно господину де Носе, одержите крупную победу, все равно не забывайте о системе прижиганий: пускайте ее в ход при каждом удобном случае и не воображайте, будто трюки, подобные только что описанному, можно безнаказанно проделывать постоянно. Расточая с такой щедростью ваши таланты, вы в конце концов упадете во мнении жены, ибо она будет требовать от вас все новых и новых подвигов и рано или поздно вы окажетесь на мели. Человеческие желания возрастают в

некоей арифметической прогрессии, ни цели, ни источника которой мы не ведаем. Подобно тому как курильщик опия должен постоянно удваивать дозу для достижения одного и того же результата, ум наш, столь же неистовый, сколь и немощный, требует, чтобы чувства наши, мысли и вещи обретали все большую остроту. Отсюда — необходимость постепенно переходить от слабых лекарств к сильным в медицине и столь же постепенно нагнетать интерес в драме. Одним словом, если вы когда-либо дерзнете прибегнуть к сильнодействующему средству обороны, вам придется сообразовываться со многими обстоятельствами, успех же будет зависеть прежде всего от ваших собственных действий.

Напоследок скажу вот что: вы человек влиятельный? У вас есть могущественные друзья? Вы занимаете высокий пост? В таком случае к вашим услугам еще один способ истребить зло в зародыше. Неужели вы не можете устроить любовнику вашей жены повышение по службе, связанное с отъездом в дальние края, или, если он военный, похлопотать, чтобы его перевели в другой полк? Позже мы расскажем вам о том, как помешать любовникам переписываться, а пока

запомните: *sublata causa, tollitur effectus*[337], что в переводе с латыни означает: без причины нет следствия, без денег нет швейцарцев.

Вы возразите, что ваша жена может без труда завести себе нового любовника взамен отосланного; что ж, на этот случай у вас должно иметься наготове прижигание, которое позволит вам выиграть время, а там уж вы наверняка изобретете какуюнибудь новую уловку, способную поправить дело.

Полезно сочетать систему прижиганий с мимическими ухищрениями в духе Карлена[338]. Бессмертный Карлен, актер Итальянской комедии, веселил публику тем, что, корча рожи, часами повторял на разные лады всего две фразы: «Король сказал королеве. Королева сказала

---

[337] Сноски: 337

Устранено следствие — устраняется причина (*лат.*).

[338] Сноски: 338

Карлен — сценическое имя Карло Бертинацци (1713–1783) — итальянского актера, игравшего Арлекина на сцене парижской Итальянской комедии. Бальзак вкладывает приводимые ниже слова в уста Карлена, и следом за ним ту же версию воспроизводят многие авторы XIX века, однако этот «трехголосый канон» (по определению, данному в авторском примечании к поэме Ж. Коэна «Путешествие в Эрменонвиль», 1814, где эти слова также фигурируют) широко использовался в XVIII веке без всякой связи с Карленом. Так, эту мелодию напевают в музыкальной пародии Ш. — С. Фавара «Ипполит и Арикия» (1742), в которой, между прочим, играл и Карлен (однако эти слова произносит не его герой). Но этим дело не ограничивается. В книге «Искусство комедии» рассказано о некоем сапожнике, который постоянно напевал: «Король

сказал королеве. Королева сказала королю», а когда жена наконец поинтересовалась, что же все-таки было сказано, посоветовал ей не мешаться в дела высших мира сего и для большей убедительности сопроводил свой совет ударом шпандырем *(Cailhava de L'Estandoux J. — F.* De l'art de la comédie. Paris, 1772. T. 2. P. 312); этот же анекдот воспроизведен в более близком по времени к публикации «Физиологии брака» сборнике «Маленький карманный рассказчик, или Искусство избегать скуки» (*Méré É. — B. de*. Le petit conteur de poche, ou L'art d'échapper à l'ennui. 3e éd. Paris, 1824. P. 223–224).

королю». Возьмите пример с Карлена. Отыщите способ постоянно ставить шах вашей жене, если не хотите, чтобы она поставила вам *мат*. Учитесь у конституционных министров, в совершенстве владеющих искусством обещать. Если в нужный момент показать ребенку куклу, он побежит за ней и даже не заметит длины пути. Все мы — дети, а женщины в силу природного любопытства больше, чем кто бы то ни было, склонны терять время в погоне за блуждающими огоньками. Воображение — огонь блестящий, хотя и недолговечный; что мешает вам взять его себе в союзники?

Наконец, изучайте без устали высшее искусство — искусство быть и не быть подле жены, ловить мгновения, когда вы сумеете пленить ее, но при этом не докучать ей ни вашим обществом, ни вашим превосходством, ни даже вашим блаженством. Если вы еще не полностью истребили природный ум жены, чье невежество бережно пестуете, вы сумеете устроить дело так, чтобы еще какое-то время желать друг друга.

Размышление XIV

О покоях

До сих пор мы говорили о мерах и системах сугубо нравственного порядка, не способных оскорбить благородство нашей души, теперь же пришла пора поговорить о предосторожностях в духе Бартоло[339]. Не робейте. Если есть на свете отвага военная и гражданская, а также отвага национальных гвардейцев[340], то должна существовать и отвага мужей.

О чем прежде всего заботится девочка, которой купили попугайчика? Разве не о том, чтобы запереть его в красивую клетку, откуда он не сможет вылететь без разрешения хозяйки?

Точно так же надлежит поступать и вам.

Обставьте ваш дом и ваши покои таким образом, чтобы ваша супруга, пожелай она даже обречь вас в жертву Минотавру, не смогла этого сделать; между прочим, добрая половина несчастий происходит из-за того, что наши жилища располагают к изменам.

---

[339] Сноски: 339

Доктор Бартоло, персонаж «Севильского цирюльника» Бомарше, держал свою воспитанницу Розину под замком.

[340] Сноски: 340

О национальной гвардии и ироническом отношении к ней творческих людей см. примеч. 615.

Прежде всего позаботьтесь о привратнике — *одиноком мужчине*, всецело преданном вам лично. Отыскать подобное сокровище не составляет труда: отчего бы вам не нанять мужа своей бывшей кормилицы либо старого слугу, который когда-то качал вас на коленях?

Ваш долг — посеять между вашей женой и этим Нестором[341], караулящим дверь вашего дома, вражду, не уступающую по силе вражде Атрея и Фиеста[342]. Ведь дверь — альфа и омега любой интриги. Разве всякое любовное приключение не сводится к двум вещам: сначала войти, а потом выйти?

Дом никуда не годится, если сообщается с каким-либо другим и не стоит между двором и садом.

В стенах ваших покоев не должно остаться ни малейшего углубления. Любой стенной шкаф, даже если в нем может поместиться самое большее полдюжины банок варенья, подлежит

---

[341] Сноски: 341

Нестор — традиционное обозначение старца (по имени пилосского царя Нестора, старейшего и мудрейшего воина в лагере греков во время Троянской войны).

[342] Сноски: 342

Вражда двух братьев, Атрея и Фиеста, из которых один накормил другого мясом его сыновей, — одна из самых страшных страниц греческой мифологии.

уничтожению; прикажите его замуровать. Ведь вы готовитесь к войне, а всякий генерал перед началом военных действий стремится отрезать врага от его складов. Следственно, в вашем доме все стены должны быть ровные, гладкие, чтобы всякий посторонний предмет тотчас бросался в глаза. Взгляните на остатки древнегреческих или древнеримских зданий, и вы убедитесь, что красота их происходит прежде всего от чистоты линий, гладкости стен, обилия просторных зал, не загроможденных мебелью. Греки горько усмехнулись бы, окажись они в одной из современных гостиных, где нагромождение шкафов режет глаз не меньше, чем нагромождение гласных на стыке двух слов.

Особенно важно пустить в ход эту великолепную систему обороны в покоях вашей жены; ни в коем случае не позволяйте ей занавешивать постель так, чтобы в складках могли спрятаться незваные гости; объявите войну лишним дверям; устройте спальню супруги позади гостиной, чтобы никто из гостей вашей благоверной не мог миновать вас.

Если вы читали «Женитьбу Фигаро», мне нет нужды напоминать вам, что спальня вашей жены должна помещаться достаточно высоко.

Каждый холостяк — отчасти Керубино[343].

Разумеется, вы достаточно богаты, чтобы жена ваша имела право потребовать себе туалетную комнату, ванную комнату и отдельную комнату для горничной; в этом случае не забывайте о Сюзанне и не вздумайте устраивать гнездышко горничной под спальней госпожи[344]; его место — над этой спальней; не гнушайтесь также — пусть даже в ущерб красоте — снабдить ваши окна уродливыми укреплениями.

Если по воле рока комната горничной, грозящая вам столькими бедами, сообщается со спальней вашей жены посредством *потайной лестницы*, пусть ваш архитектор призовет на помощь все свое хитроумие, чтобы обезвредить это гибельное место и сделать его таким же безопасным, как и простейшие приставные лестницы, по каким бегают вверх-вниз деревенские мельники; главное, чтобы в стенах не осталось никаких ниш, чтобы ступени были крутыми, острыми и нигде не образовывали того сладострастного изгиба, который

[343] Сноски: 343

В комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (д. II, явл. 14) паж Керубино, застигнутый ревнивым графом Альмавивой в покоях графини, выпрыгивает из окна.

[344] Сноски: 344

Сюзанна — горничная и союзница графини Альмавивы из упомянутой в предыдущем примечании комедии Бомарше.

так славно помог Фобласу и Жюстине скоротать время в ожидании ухода маркиза де Б***[345]. У нынешних архитекторов ступени подчас удобнее оттоманок. Уж лучше вернуться к добродетельным винтовым лестницам наших предков.

Что же касается дымоходов в покоях вашей благоверной, не премините установить пятью футами выше очажного колпака железную решетку; не важно, что вам придется ломать ее всякий раз, как возникнет нужда позвать трубочиста. Если ваша жена найдет эту меру предосторожности смешной, напомните ей о многочисленных ворах и убийцах, прятавшихся в дымоходах. Женщины, как правило, боятся грабителей.

Главный предмет мебели, достойный серьезных и продолжительных раздумий, — кровать. Всякая деталь в ней исполнена огромной важности. Вот чему учит нас опыт многих поколений. Придайте кровати такую своеобычную форму, чтобы она никогда не переставала радовать взор и не зависела от прихотей нашей скоротечной

---

[345] Сноски: 345

Фоблас — герой романа Ж. — Б. Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фобласа» (1787–1790); Жюстина — горничная маркизы, с которой Фоблас развлекается, пока ее хозяйка вынуждена принимать законного мужа. О других параллелях между «Человеческой комедией» и романом Луве де Кувре см.: *Delon M.* «Souvenirs balzaciens de *Faublas*» // *AB* 1999. Paris, 1999. P. 17–27.

моды, безжалостно истребляющей вчерашние шедевры; у вашей жены не должно возникать желание то и дело видоизменять этот театр брачных радостей. Ложе ваше должно быть весьма массивным; главное — уничтожьте соблазнительный зазор между кроватью и паркетом. Не забывайте также, что байроновская донна Юлия спрятала Дон Жуана у себя под подушкой[346]. Впрочем, мы были бы достойны осмеяния, если бы подошли к столь деликатной теме с непростительным легкомыслием.

LXII

Брак всецело зависит от кровати.

Вот почему мы не замедлим рассмотреть это восхитительное творение человеческого гения, изобретение, которым мы по праву можем гордиться больше, чем кораблями, огнестрельным

[346] Сноски: 346

В поэме Байрона «Дон Жуан» (1819–1824) в песни первой (строфы 140–144) ревнивый дон Альфонсо ищет любовника в спальне своей жены донны Юлии, не догадываясь, «что и в постель бы надо заглянуть». Когда муж наконец уходит, Дон Жуан вылезает из постели, где «он спрятан был и ловко и умно, / Но где и как — я обсуждать не смею; / Среди пуховиков не мудрено / Упаковать предмет и покрупнее» (строфа 166; пер. Т. Гнедич). На окончание этого эпизода Бальзак намекает ниже (см. примеч. 387).

оружием, огнивом Фюмада[347], колесными экипажами, паровыми машинами с низким или высоким давлением, с поршнями и цилиндрами, и даже больше, чем бочками и бутылками. Конечно, нельзя не согласиться, что кровать многим обязана всем этим изобретениям, но как подумаешь, что она приходится нам всем второй матерью и что под ее попечительным балдахином протекают и самая покойная, и самая бурная части нашего существования, понимаешь, что для похвального слова этому предмету тебе поистине недостает слов. (Читайте Размышление XVII под названием «Теория кровати».)

Когда между вами и вашей благоверной разгорится та *война*, описанию которой мы посвятим третью часть нашей книги, вы будете постоянно изыскивать хитроумные предлоги для того, чтобы обшарить ее комоды и секретеры, ибо если вашей жене пришло на ум спрятать от вас некую статую, в ваших интересах разузнать, где именно она ее спрятала. *Гинекей*, устроенный по нашей системе, удобен тем, что в нем все на виду: даже лишние два фунта шелка не останутся незамеченными и сразу бросятся в глаза. Но позвольте

[347] Сноски: 347

Огниво Фюмада — флакончик с фосфором, куда погружали серную спичку, перед тем как чиркнуть ее о пробку и высечь огонь.

вашей жене поставить в углу один-единственный шкаф — и все пропало! Приучите свою избранницу еще во время медового месяца содержать дом в образцовом порядке: ни одна безделушка не должна валяться где попало. Если вы не позаботитесь об этом вовремя, если жена ваша не привыкнет класть всякую вещь на определенное место, она очень скоро устроит в своей спальне такой беспорядок, что заметить два фунта шелка станет решительно невозможно.

Затяните окна ваших покоев достаточно прозрачными занавесками и возьмите за правило, прогуливаясь по вечерам, забавы ради подходить к окну спальни; супруга ваша должна к этому привыкнуть. Наконец, чтобы покончить с темой окон, скажу, что подоконники у вас должны быть такие узкие, чтобы на них нельзя было поставить мешок с мукой.

Если вы устроили покои вашей жены согласно нашим предписаниям, то можете чувствовать себя в безопасности, пусть даже в особняке у вас имеются ниши для всех христианских святых без исключения. Каждый вечер вы с вашим другом привратником можете следить за тем, чтобы количество вошедших в дом совпало с количеством вышедших из него; больше того, ничто не

мешает вам надежности ради обучить привратника вести учет визитеров по системе двойной бухгалтерии.

Если ваш дом стоит в саду, вы обязаны проникнуться страстной любовью к собакам. Пусть один из этих неподкупных стражей постоянно дежурит у вас под окнами — тем самым вы причините Минотавру немало затруднений, особенно если заблаговременно научите четвероногого друга не принимать угощения из чужих рук, ведь иначе какой-нибудь бессердечный холостяк, чего доброго, даст ему отраву.

Все названные меры могут быть взяты совершенно естественно и не пробудить никаких подозрений. Тот неосторожный муж, который не произвел в своем особняке необходимых перемен накануне женитьбы, должен как можно быстрее продать его и купить новый или, сославшись на потребность в срочном ремонте, полностью перестроить свое супружеское гнездышко.

Канапе, оттоманкам, кушеткам и козеткам в вашем доме не место. Во-первых, подобная мебель нынче украшает жилища лавочников и даже цирюльников, но дело не только в этом; самое страшное, что подобная мебель грозит супружеской чести неминуемой гибелью. Лично

я никогда не мог видеть эти седалища без ужаса, мне всегда казалось, что под каждым из них прячется дьявол с рогами и копытами.

Впрочем, и самый обычный стул чреват множеством опасностей; какая жалость, что нельзя оставить на женской половине одни только голые стены!.. Кому из мужей не случалось, сев на стул, вообразить, что стул этот обладает теми же познаниями, что и «Софа» Кребийона-сына?[348] Впрочем, если вы не пренебрежете нашими советами и выкажете при устройстве своего жилища должную предусмотрительность, бояться вам будет нечего.

Заведите вредную привычку и ни в коем случае от нее не избавляйтесь: привычка эта заключается в том, чтобы из любознательности и рассеянности то и дело заглядывать во все шкатулки жены и переворачивать там все вверх дном. Досмотр надлежит производить с выдумкой и изяществом, а затем непременно постараться развеселить жену и вымолить у нее прощение.

Лишь только вы заметите в ваших безупречно обставленных покоях какой-либо новый предмет

---

[348] Сноски: 348

«Софа» (1740) — роман Клода Кребийона (1707–1777), герой которого, превратившись в софу, становится свидетелем различных рискованных сцен, на этой софе происходящих.

мебели, не премините выказать по этому поводу глубочайшее изумление. Немедленно выясните у жены, какая в нем польза, а затем напрягите все силы своего ума, дабы определить, нет ли тут злого умысла и нельзя ли устроить в этом предмете тайник.

И это еще не все. Вы слишком умны, чтобы не понимать: ваша птичка останется в клетке, лишь если эта клетка будет красива. Поэтому любая мелочь у вас в доме должна быть исполнена элегантности и вкуса, а все в целом — дышать изяществом и простотой. Меняйте как можно чаще обои и занавески. Не скупитесь: игра стоит свеч. Новое украшение покоев — все равно что свежая травка, которую дети кладут в клетку, чтобы птичка чувствовала себя, как на зеленом лугу. Вдобавок подобная щедрость — *ultima ratio*[349] мужей: жене не на что жаловаться, когда муж не скупится на обновы.

Достойны сожаления мужья, вынужденные нанимать квартиру.

Какое гибельное или счастливое воздействие на их участь может оказать привратник!

А сколькими бедствиями грозят соседние дома!

---

[349] Сноски: 349

Последний довод (*лат.*). Начало надписи «Последний довод королей», которая в XVII–XVIII веках чеканилась на французских пушках.

Конечно, опасность уменьшится вдвое, если вся женская половина будет выходить на одну сторону, но ведь для того, чтобы чувствовать себя в полной безопасности, заботливому супругу придется исследовать и оценить возраст, происхождение, состояние, характер и привычки не только жильцов соседнего дома, но даже их друзей и родственников.

Предусмотрительный муж никогда не станет нанимать квартиру в первом этаже.

В утешение мужьям, не имеющим собственных домов, скажем, что ничто не мешает им благоустроить наемную квартиру согласно изложенным выше принципам, причем у них при этом будет существенное преимущество перед собственниками: наемная квартира куда меньше и потому легче поддается надзору.

Размышление XV
О таможенном досмотре

— О нет, сударыня, нет…

— Право, сударь, в этом было бы нечто настолько непристойное…

— Неужели, сударыня, вы могли подумать, что мы собираемся подвергать гостей, которые входят

в ваш дом или крадучись из него уходят, досмотру, как на заставе[350], дабы убедиться, что они не имеют при себе какой-нибудь драгоценной контрабанды? Да, это было бы отвратительно, но будьте уверены, сударыня, мы ничем не погрешим против пристойности, а следственно, ни в чем не уподобимся таможенным чиновникам.

Из всех ухищрений, о которых идет речь во второй части нашей книги, супружеский таможенный досмотр есть, пожалуй, та мера, которая потребует от вас, сударь, самого большого такта, самой великой хитрости и множества познаний, приобретенных *a priori*, то есть еще до брака. Дабы ввести свои умения в оборот, муж должен внимательнейшим образом проштудировать книгу Лафатера и проникнуться всеми принципами великого физиогномиста; он должен приучить свой взор и ум мгновенно подмечать и оценивать мельчайшие оттенки внешнего облика, выдающие мысли человека.

Лафатер создал подлинную науку, которая в конце концов заняла свое место в ряду других наук о человеке. Поначалу появление его «Физиогномики» вызвало сомнения и насмешки, но

---

[350] Сноски: 350
О заставах см. примеч. 500.

затем прославленный доктор Галль своим прекрасным учением о формах черепа подкрепил систему швейцарца и подвел солидную основу под его тонкие и блистательные наблюдения[351]. Люди острого ума, дипломаты, женщины — все те, кто принадлежит к числу редких и ревностных учеников этих двух знаменитостей, часто имели случай заметить многие другие несомнительные воплощения человеческой мысли. Жесты, почерк, тембр голоса, манеры не однажды помогали влюбленной женщине, хитрому дипломату, ловкому чиновнику или государю с первого взгляда распознавать в чужих сердцах любовь, измену или скрытые достоинства. Человек, наделенный могучей душой, подобен бедному светлячку, который, сам того не зная, излучает сияние. Он пребывает внутри сверкающей сферы, отзывающейся на всякое его усилие, и, куда бы он ни пошел, повсюду за ним тянется

---

[351] Сноски: 351

Создатель физиогномики, то есть науки об определении характера человека по его внешнему виду и чертам лица, швейцарский философ Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801) и создатель френологии, то есть науки об определении психических особенностей человека по форме черепа, австрийский врач Франц Йозеф Галль (1758–1828) оказали на Бальзака огромное влияние; портретные характеристики почти всех персонажей «Человеческой комедии» он создавал, опираясь на «прекрасные разыскания» этих двух ученых (так он отозвался об их работах в «Предисловии к „Человеческой комедии“»).

длинный огненный след.

Итак, мы исчислили вам те познания, без которых невозможно осуществлять брачный таможенный досмотр, под досмотром же этим мы разумеем не что иное, как быстрое, но глубокое исследование нравственного и физического состояния всех гостей, уже увидевшихся с вашей женой или еще только собирающихся ее увидеть. Долг мужа — уподобиться пауку, который, притаившись в центре невидимой паутины, определяет по малейшему колебанию нитей, что в его сети попалась глупая мошка, издалека смотрит, слушает, наблюдает и угадывает либо жертву, либо врага.

Говоря короче, поставьте дело таким образом, чтобы вы могли наблюдать гостя-холостяка в двух совершенно различных положениях: перед тем, как он войдет в дом, и после того, как он оттуда выйдет.

О скольких вещах поведает он вам при входе, даже не раскрыв рта!..

Значения исполнено все:

приглаживает он волосы или, запустив пальцы в шевелюру, взбивает модный кок;

напевает арию итальянскую или французскую, веселую или грустную, поет тенором или кон-

тральто, сопрано или баритоном;

проверяет ли, насколько изящно повязан его галстук — предмет туалета из числа самых выразительных[352];

приходит в ночной сорочке или в дневной и расправляет ли, перед тем как войти, кружевное жабо;

удостоверяется ли украдкой, хорошо ли сидит парик, и каков этот самый парик — светлый или темный, завитой или гладкий;

бросает ли взгляд на свои ногти, дабы убедиться, что они чисты и аккуратно обстрижены;

холеные ли у него руки, хороши ли на нем перчатки и предпочитает ли он накручивать усы или бакенбарды на палец или же расчесывать их черепаховым гребешком;

---

[352] Сноски: 352

Искусство завязывать галстук считалось в 1820-е годы одним из главных умений человека истинно элегантного. В 1827 году Эмиль Марко де Сент-Илер выпустил под псевдонимом барон Эмиль Накрахмаленный (baron Émile de L'Empesé) уже упоминавшуюся выше (см. примеч. 14) книгу «О способах повязывать галстук», где галстук представлен главным атрибутом, по которому судят о вкусе, воспитании и даже литературных пристрастиях и убеждениях человека. Бальзак высказал свое отношение к галстуку в опубликованной на полгода позже, чем «Физиология брака», статье «Физиология туалета. О галстуке как таковом и в связи с обществом и индивидами» («Силуэт», 3 июня 1830 года). Здесь он объясняет принципиальное отличие галстука от всех других предметов туалета: шляпу, фрак, сапоги человек получает готовыми из рук соответствующего мастера, но галстук он завязывает сам и высказывается в этом целиком. Дальнейшие соображения Бальзака о значимости одежды и манеры себя держать нашли развитие в «Трак-

тате об элегантной жизни» (1830) и «Теории походки» (1833) — двух сочинениях, которые уже после смерти автора были включены в раздел «Аналитические этюды» наряду с «Физиологией брака».

наклоняет ли то и дело голову то вправо, то влево, стараясь уткнуть подбородок в самую середку галстука;

ходит ли вразвалку, засунув руки в карманы;

рассматривает ли собственные сапоги, словно говоря: «Да, нога-то, пожалуй, недурна!..»;

приходит ли пешком или приезжает в экипаже и старается ли, перед тем как войти в дом, удалить с обуви малейшие пылинки;

хранит ли невозмутимость и бесстрастность, словно голландец, курящий трубку;

пожирает ли глазами вашу дверь, словно душа, выходящая из чистилища и алчущая узреть святого Петра с ключами от рая;

медлит ли он перед тем, как позвонить, или же дергает за шнурок сразу, быстро, небрежно, развязно, с бесконечной уверенностью в себе;

звонит ли робко, так что звук колокольчика тотчас замирает, словно первый удар колокола, зимним утром сзывающего на молитву монахов-францисканцев, или резко, несколько раз подряд, гневаясь на нерасторопность лакея;

жует ли пастилку, дабы уста его благоухали смолистым соком акации катеху;

берет ли с важным видом понюшку табаку, тщательно сдувая крошки, дабы они не осквер-

нили снежную белизну его белья;

разглядывает ли он лампы, освещающие вход, ковер, перила лестницы с видом знатока, больше подобающим торговцу мебелью или строительному подрядчику;

наконец, молод этот холостяк или стар, жарко ему или холодно, подходит он к дверям медленно, понуро или радостно и проч., и проч.

Одним словом, не успеет гость ступить на порог вашего дома, а вы уже сделаете поразительное множество важных замет.

Даже те слабые наброски, которые мы предложили вашему вниманию, показывают, что характер вашего гостя — настоящий нравственный калейдоскоп, чьи стеклышки могут складываться в миллионы различных картин. А ведь мы нарочно выбрали для примера существо мужского пола: имей мы дело с женщиной, вышло бы, что наблюдениям нашим, и без того весьма пространным, несть числа, словно песчинкам на морском берегу.

Отчего же человек на пороге чужого дома разоблачает себя? Оттого что он чувствует себя перед входной дверью в полном одиночестве и, если ему приходится немного подождать, начинает произносить некий безмолвный монолог, заво-

дит непостижимый разговор с самим собой и выдает всем своим видом и даже походкой свои надежды, желания, намерения, тайны, достоинства, изъяны, добродетели и проч.; одним словом, мужчина на чужом крыльце уподобляется пятнадцатилетней девочке в исповедальне накануне первого причастия.

Вам нужны доказательства?.. Проследите за теми стремительными изменениями, какие претерпят лицо и манеры холостяка, лишь только он переступит порог вашего дома. Рабочий сцены не переменяет так быстро вид театра, а туча или солнце — погоду на улице.

Стоит ноге гостя коснуться первой половицы вашей прихожей, и лицо его, на котором вы сумели прочесть столько мыслей, пока он ожидал перед дверью, становится непроницаемым. Условленные ужимки, предписываемые обществом, укрывают истинное лицо человека густой пеленой, что, однако, не должно мешать проницательному мужу отгадывать с первого взгляда цель прихода любого из гостей и читать в его душе, как в книге.

Следите за тем, как он подходит к вашей жене, как говорит с ней, как смотрит на нее, как прощается и раскланивается… — поле для наблюдений

здесь необъятное.

Тембр голоса, манера себя держать, смущение, улыбка, даже молчание, грусть, предупредительность по отношению к вам — все имеет особый смысл: научитесь же угадывать его быстро и без труда. Пусть даже выводы окажутся самые неблагоприятные, умейте скрыть тревогу за непринужденной светской болтовней. Не имея возможности входить здесь во все бесчисленные подробности рассматриваемой темы, мы всецело полагаемся на мудрость читателя, которому надлежит самостоятельно оценить могущество науки, позволяющей читать мысли не только по глазам, но и по досадливым движениям пальцев ноги, обутой в атласный башмачок или в кожаный сапог[353].

А уход гостя!.. Если вы не успели подвергнуть пришлеца самому строгому осмотру до его прихода, особенно важно наверстать упущенное,

---

[353] Сноски: 353

Пристрастие Бальзака к «реконструкции» характера персонажа по мелким деталям его внешнего вида было хорошо известно читателям и критикам и даже неоднократно становилось предметом насмешек; так, например, газета «Фигаро» 2 мая 1839 года издевательски пародировала портрет заглавной героини романа «Беатриса»: «У маркизы Беатрисы де Рошфид была маленькая ножка. Нужно заметить, что женщины с маленькой ножкой, как правило, бессердечны. ‹…› Вся история Беатрисы содержалась в большом пальце ее левой ноги» (цит. по: *Bilot.* P. 232).

когда он будет уходить; присмотритесь к тем деталям, что мы перечислили, только в обратном порядке.

Особенно важен тот миг, когда враг окончательно покинет вашу территорию и преисполнится уверенности, что вы его уже не видите. Умному человеку довольно бросить на визитера, выходящего из ворот, один-единственный взгляд, чтобы угадать все обстоятельства его визита. Примет в этом случае меньше, но зато как они красноречивы! Уход — развязка драмы, и на лице героя ясно читаются восторг, радость или огорчение.

В уходящем человеке знаменательно все: бросает ли он взгляд на дом или окна квартиры, откуда вышел, идет ли он медленной, ленивой походкой, потирает ли руки с глупым видом, фатовато подпрыгивает или, напротив, невольно застывает, как человек глубоко взволнованный; одним словом, если, глядя, как ваш гость стоит перед дверью, вы могли с четкостью провинциальной академии, учреждающей премию в сто экю за удачное рассуждение, сформулировать интересующие вас вопросы, то, глядя, как ваш гость удаляется, вы можете получить на свои вопросы столь же четкие и ясные ответы. Исчислить многообразные способы, какими люди

выдают свои ощущения, — задача поистине непосильная: в этом деле все зависит от такта и чувствительности.

Если вы внимательно наблюдаете за посторонними, сам Бог велел вам подвергнуть тем же наблюдениям собственную жену.

Женатый человек обязан самым тщательным образом изучить лицо своей супруги. Сделать это не составляет труда; изучение происходит постоянно и невольно. В прекрасном лице жены не должно остаться для мужа никаких тайн. Ему надлежит знать, как именно выражает его благоверная свои чувства и под какой маской пытается их скрыть.

Едва дрогнувшие губы, слегка раздувшиеся ноздри, на мгновение потухший или вспыхнувший взгляд, чуть-чуть изменившийся голос, внезапно пробегающие по лицу облачка или освещающий его изнутри огонь — для вас все должно быть исполнено значения.

Увидеть женщину дано всякому, но не всякому дано проникнуть в ее душу. Ваша жена еле заметно поджала губы, чуть-чуть поникла или слегка оживилась, зрачки ее сузились или расширились, потемнели или посветлели, веки дрогнули, брови шевельнулись, по лбу пробежала и тотчас

скрылась легкая морщинка, похожая на морскую зыбь, — для вас все эти мелочи должны быть красноречивее любых слов.

Если, уподобившись Сфинксу, вы научитесь разгадывать те мысли жены, какие она скрывает от вас, мужа, тогда, разумеется, таможенный досмотр станет для вас не более чем детской забавой[354].

Входя в свою спальню или выходя из нее, одним словом пребывая в священной уверенности, что ее никто не видит, женщина забывает об осторожности, становится болтлива как сорока и порой даже говорит сама с собой, высказывая вслух самые заветные свои секреты; при виде вас жена стремительно натянет маску, но вы успеете понять, какой она была в ваше отсутствие, и научитесь читать в ее душе как по нотам. Вдобавок ваша жена также частенько будет застывать на том пороге, где произносятся разоблачительные монологи, а слушать их — отличный способ изучить ее чувства!

Есть ли на свете человек, который настолько

---

[354] Сноски: 354

Бальзак здесь приписывает Сфинксу умение разгадывать загадки, хотя традиционно считается, что он загадки загадывает. Бальзаку вообще было свойственно свободное обращение со словом «сфинкс»; ср. в «Маленьких неприятностях супружеской жизни» (примеч. 493) отождествление со сфинксом самой загадки.

равнодушен к тайнам любви, что ни разу в жизни не любовался легкой, воздушной, кокетливой походкой женщины, летящей на свидание? Она скользит среди толпы, словно змея в траве. Напрасно выставленные в витринах шедевры портных и белошвеек пытаются пленить ее своим блеском; словно верное животное по невидимым следам хозяина, она идет вперед, не слыша адресованных ей комплиментов, не видя обращенных на нее взоров, не обращая ни малейшего внимания даже на неизбежные в многолюдном Париже столкновения с прохожими. Еще бы! ведь у нее каждая минута на счету! Ее походка, наряд, глаза тысячу раз выдают ее уже тогда, когда она спешит на свидание. Но насколько же восхитительнее для фланера и насколько страшнее для мужа лицо этой счастливицы, когда она возвращается назад из тайного приюта, куда вечно стремится ее душа!.. Блаженство изменницы запечатлено даже в неизъяснимом несовершенстве прически: сломанный гребень холостяка не сумел придать этим волнистым прядям того блеска и той безупречной элегантности, какую сообщает им умелая рука камеристки. А сколько пленительной непринужденности в походке женщины, возвращающейся со свидания! Откуда

взять слова, чтобы описать, какой дивный румянец окрашивает ее щеки, какой меланхолии и одновременно веселости, какой невинности и одновременно гордости преисполняется ее взгляд, теряющий всякую самоуверенность!

Если так красноречив облик женщины, чьи приметы по справедливости следовало бы поместить в Размышление, посвященное последним симптомам, женщины, которая стремится скрыть обуревающие ее чувства, то вы без труда поймете, какую обильную жатву для наблюдателя представляет женщина, еще не изменившая своему долгу и по возвращении домой одним своим видом простодушно выдающая мужу свои тайны. Будь моя воля, я бы с большой охотой украсил каждую лестничную площадку розой ветров и флюгером.

В заключение скажу, что способы превратить собственное жилище в некую обсерваторию зависят всецело от места действия и обстоятельств, а потому всякий ревнивец волен исполнять наши предписания так, как ему подскажет собственная сметливость.

Размышление XVI
Брачная хартия[355]

Сознаюсь, мне известен в Париже всего один дом, устроенный в соответствии с системой, изложенной в двух предыдущих Размышлениях. Впрочем, должен добавить, что сама система и была выведена из наблюдений за этим домом — восхитительной крепостью, в которой царствует хмельной от любви и ревности молодой докладчик Государственного совета.

Узнав, что есть на свете человек, вознамерившийся усовершенствовать брачные установления во Франции, он великодушно отворил мне двери своего особняка и пригласил осмотреть сей гинекей. Я восхитился изобретательностью, которая позволила ему с помощью элегантной мебели, роскошных ковров и свежепокрашенных стен скрыть следы ревности, достойной восточных деспотов. Я согласился, что изменить супружескому долгу в этих стенах решительно

---

[355] Сноски: 355

Употребляя слово «хартия», Бальзак иронически обыгрывает название документа, определявшего государственное устройство Франции в эпоху Реставрации, — Конституционной хартии, которая была дарована Людовиком XVIII французам в июне 1814 года.

невозможно.

— Сударь, — обратился я к Отелло из Государственного совета, который показался мне не слишком сведущим в вопросах высшей брачной политики, — я не сомневаюсь, что госпожа виконтесса с радостью обитает в вашем маленьком раю; больше того, я уверен, что она безмерно счастлива, особенно если вы часто составляете ей компанию, однако рано или поздно сей райский уголок наскучит вашей супруге, ибо человек, сударь, пресыщается всем, не исключая вещей самых возвышенных. Как же поступите вы, когда госпожа виконтесса, перестав находить в ваших выдумках прежнюю прелесть, откроет ротик и зевнет, а после, чего доброго, напомнит вам о двух неотъемлемых правах женщины, попрание которых лишает ее счастья: о личной свободе, то есть праве гулять где вздумается, по своей собственной *воле*, и свободе печати, то есть праве отправлять и получать письма, не опасаясь вашей цензуры?..

Не успел я договорить, как господин виконт де В*** сильно сжал мне руку и вскричал:

— Вот какова женская неблагодарность! Во всем свете неблагодарнее короля только народ, но женщина, сударь, превосходит в неблагодар-

ности их обоих. Замужние женщины — все равно что подданные конституционной монархии: сколько бы правительство ни обеспечивало им прекрасную жизнь в прекрасной стране, сколько бы ни поручало жандармам и чиновникам, парламенту и армии заботиться о том, чтобы народ не умер с голоду, чтобы улицы освещались газом за счет граждан[356], солнце согревало нашу сорок пятую параллель своими яркими лучами, деньги у граждан отнимали исключительно сборщики налогов, а рабочие худо-бедно мостили дороги — эту прекрасную *утопию* никто не ценит! Гражданам хочется чего-то иного!.. Они без зазрения совести требуют у правительства права прогуливаться по этим дорогам и права знать, на что расходуются уплаченные ими налоги, а в

[356] Сноски: 356

В момент выхода первого издания «Физиологии брака» уличное освещение с помощью газа было в Париже новинкой. Освещались улицы за счет муниципалитета, чьи доходы формировались в основном из налогов жителей; между тем далеко не все парижане приветствовали использование газа. Первые опыты газового освещения проводились еще во второй половине 1810-х годов, и это вызвало бурную полемику в прессе. Например, Шарль Нодье и Амедей Пишо в 1823 году выпустили «Критический опыт о водородном газе и различных способах искусственного освещения» (1823), в самом деле очень критический по отношению к газовому освещению (авторы полагали, что оно вредит здоровью, искажает человеческие лица и проч.). Протестовали против этого освещения и жители тех парижских районов, где строили фабрики для производства газа.

довершение всего, если поверить болтовне иных писак, выйдет, что король обязан поделиться с каждым из граждан толикой своей власти и проникнуться новомодными трехцветными идеями[357], с помощью которых ломают комедию так называемые патриоты, а говоря проще — висельники, всегда готовые продать свою совесть за обладание миллионом франков, порядочной женщиной или герцогской короной.

— Господин виконт, — перебил я его, — я совершенно согласен с вами в этом последнем пункте, но что же вы все-таки ответите на справедливые требования вашей супруги?

— Я отвечу, сударь... отвечу то же самое, что отвечают министры, которые вовсе не так глупы, как уверяют своих сторонников депутаты оппозиции. Прежде всего я торжественно пожалую своей жене нечто вроде конституции, гласящей, что моя жена совершенно свободна. Я признаю за ней неотъемлемое и законное право ходить куда ей вздумается, писать кому ей захочется и полу-

[357] Сноски: 357

Имеются в виду идеи членов либеральной оппозиции, стремившихся ограничить королевскую власть. Трехцветное (сине-бело-красное) знамя стало символом Франции после Революции 1789 года; символом королевской Франции был белый флаг с королевскими лилиями, вновь ставший государственным с начала эпохи Реставрации (1814) и остававшийся таковым до Июльской революции 1830 года.

чать письма, содержание которых останется мне неизвестным. У моей жены будут все права, какими обладает английский парламент: я позволю ей говорить сколько душе угодно, спорить, предлагать сильные и энергические меры, которые она, однако, не сможет приводить в исполнение, а там… там посмотрим!

«Клянусь святым Иосифом!..[358] — сказал я самому себе. — Вот человек, постигший науку о браке не хуже меня».

— Вы посмóтрите, сударь, — произнес я затем, обращаясь на сей раз к своему собеседнику, ибо желал вызвать его на разговор еще более откровенный, — и однажды утром увидите, что не избегли общей участи и остались в дураках.

— Сударь, — отвечал он очень серьезно, — позвольте мне докончить. Великие политики именуют то, что я изложил, теорией, но они умеют устроить так, чтобы на практике эта теория развеялась как дым; министры лучше любого нормандского стряпчего владеют искусством растворять *содержание* в *форме*. Господин фон

[358] Сноски: 358

Клятва святым Иосифом, мужем Марии, родившей Сына Божьего Христа, носит иронический характер: Иосиф выступает здесь в качестве «покровителя» мужей не слишком бдительных.

Меттерних и господин фон Пилат[359], люди выдающиеся, уже давно задаются вопросом, в уме ли Европа, не грезит ли она наяву, знает ли, куда идет, задумывается ли над своими действиями — умение, заказанное массам, народам и женщинам. Господа фон Меттерних и фон Пилат с ужасом замечают, что наш век помешан на конституциях, как предыдущий был помешан на философии, а век Лютера — на необходимости реформировать погрязшую в злоупотреблениях римскую церковь; ведь поколения воистину похожи на заговорщиков, которые движутся к одной и той же цели, и каждый передает следующему заветный пароль. Но господа фон Меттерних и фон Пилат ужасаются напрасно, и это единственное, в чем я могу их упрекнуть, ибо во всем остальном они правы: они не желают, чтобы им досаждали докучливые буржуа, в назначенный день являющиеся в столицу из

[359] Сноски: 359

Йозеф Антон Эдлер фон Пилат (1782–1865) — секретарь австрийского канцлера Меттерниха.

всех шести королевств, входящих в империю[360]. Каким образом люди столь незаурядного ума не разгадали глубокого смысла, который таит в себе конституционная комедия, и не поняли, что высшая политическая мудрость заключается в том, чтобы бросить веку кость?

Я отношусь к законной власти совершенно так же, как и они. *Власть* — нравственное существо, в котором инстинкт самосохранения развит столь же сильно, сколь и в человеке. Инстинкт самосохранения зиждется на главном принципе, сводящемся к трем словам: «Ничего не потерять». Чтобы ничего не потерять, власть должна либо возрастать, либо оставаться безграничной, ибо власть, стоящая на месте, никчемна. Если же она отступает, она перестает быть властью и

---

[360] Сноски: 360

В состав Австрийской империи входили королевства: Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия, Карниолия, Каринтия и Тироль. Под докучливыми буржуа разумеются депутаты, которые мешали бы императору и его министрам управлять страной по своей воле, если бы в Австрии был парламент. Иронический пассаж, вложенный Бальзаком в уста персонажа «Физиологии», показывает, что в момент написания этой книги будущий автор «Человеческой комедии» скептически оценивал обе формы правления: и самодержавную, и конституционную. Впоследствии Бальзак стал ярым монархистом, однако позиция эта была плодом не столько искренней веры, сколько своего рода прагматического самовнушения: Бальзак считал, что монархия и католическая религия — наилучшие средства для укрепления общественного порядка.

покоряется какой-то другой силе. Подобно этим господам, я знаю, в каком ложном положении оказывается безграничная власть, пошедшая на уступку: ведь она тем самым способствует зарождению другой власти, чья мощь со временем будет только усиливаться. Эта вторая власть непременно уничтожит первую, ибо всякое существо неизбежно стремится к наибольшему развитию своих сил. Следственно, если даже власть пошла на уступки, она старается немедленно взять их назад. Эта борьба между двумя властями, составляющая сущность нашего конституционного правления, напрасно пугает патриарха австрийской дипломатии, ибо если уж ломать комедию, то безопаснее и веселее всего делать это на английский и французский манер. Англия и Франция сказали своим народам: «Вы свободны!» — и тем весьма им потрафили; народ исполняет при тамошних правительствах роль того ряда нулей, что сообщает величие единице. Но стоит народу начать вольничать сверх меры, как тотчас разыгрывается сцена обеда Санчо Пансы — оруженосца, ставшего губернатором сухопутного острова и пожелавшего подкрепить

силы трапезой[361]. Каждый из нас, мужчин, обязан пародировать эту великолепную сцену в кругу семьи. Иначе говоря, жена моя имеет полное право идти куда ей вздумается, но перед уходом она непременно сообщит мне, куда, зачем и почему она идет и когда вернется. Вместо того чтобы требовать у нее эти сведения с грубостью наших полицейских, которые, впрочем, рано или поздно обязательно исправятся, я стараюсь придать моим расспросам форму самую изысканную. Уста мои, глаза и весь вид обличают то любопытство, то равнодушие, то серьезность, то веселость, то страсть прекословить, то безграничную любовь. Разыгрывать подобные семейные сценки, остроумные, тонкие и изящные, донельзя приятно. В тот день, когда я снял с головы жены венок из флердоранжа, я понял, что мы, подобно придворным, участвующим в короновании короля, начали ломать комедию, которая продлится еще очень долго.

У меня есть собственные жандармы!.. У меня — вообразите только, у меня! — есть собственная

[361] Сноски: 361

В «Дон Кихоте» Сервантеса (ч. II, гл. 47) Санчо, ставшему губернатором, доктор Педро Нестерпимо не позволяет съесть ни одно из вкусных блюд, потому что они якобы могут причинить губернатору вред и испортить желудок.

королевская гвардия, собственные генеральные прокуроры! — продолжал он, охваченный неким восторгом. — Неужели я допущу, чтобы моя жена гуляла по городу без ливрейного лакея? Ведь иметь лакеев — признак хорошего тона, да вдобавок это позволяет моей супруге гордо объявлять всем и каждому: «Это мои люди...» Впрочем, для пущей надежности всякий раз, когда жена моя отправляется в город, у меня тоже обнаруживаются там неотложные дела; за два года мне удалось убедить ее, что эти совместные прогулки для меня — неисчерпаемый источник наслаждения. Если погода плохая и не подходит для пеших прогулок, я даю жене уроки верховой езды, но можете не сомневаться: я стараюсь, чтобы она усвоила эту премудрость не слишком скоро, а для того выбираю самую норовистую лошадь!.. Если случайно или сознательно жена решит вырваться на волю без паспорта, то есть в своей собственной карете и без меня, разве не могу я положиться на кучера, гайдука, грума[362]? Пусть едет куда хочет, она везет с собой целую

[362] Сноски: 362

Гайдуком называли лакея в венгерской одежде, грумом — слугу очень маленького роста (зачастую маленького мальчика), который сопровождал хозяина или хозяйку на запятках кареты или верхом.

sainte hermandad[363], а следственно, мне беспокоиться не о чем... Ах, сударь, разве мало у нас способов даровать жене брачную хартию в теории и тотчас отобрать ее на практике, приискав для всех параграфов соответствующее истолкование! Я заметил, что нравы высшего общества прививают женщине любовь к фланированию, которое незаметно для самой красавицы съедает половину ее жизни. Итак, я решил уподобиться Мюссону, который забавы ради привел некоего простака с улицы Сен-Дени в Пьерфит, не дав ему даже заподозрить, что он покинул священную сень колокольни Сен-Лё[364], — точно так же я решил довести свою жену до сорокалетия, не дав ей даже задуматься об адюльтере.

— Как! — перебил я своего собеседника. — Неужели вы своим умом дошли до тех восхитительных рассуждений, которым я собирался посвятить Размышление под названием «О

---

[363] Сноски: 363

Святое братство — испанская средневековая полиция.

[364] Сноски: 364

Пьер Мюссон (1739–1820) — художник-портретист, сделавшийся в эпоху Империи почти профессиональным мистификатором. Улица Сен-Дени, на которой располагалась построенная в XIII веке и с тех пор неоднократно перестраивавшаяся церковь Сен-Лё, находится в центре правобережного Парижа, а городок Пьерфит не только в первой половине XIX века, когда Париж был гораздо меньше, но даже в наши дни располагается за городской чертой.

способах подмешивать в жизнь смерть!..» Увы! я полагал, что первым открыл сию премудрость. Лаконическим названием Размышления я обязан рассказу одного юного врача о неизданном сочинении Крабба. В этом восхитительном сочинении английский поэт изображает фантастическое существо по имени *Жизнь в Смерти*[365]. Существо это плавает по морям и океанам, пытаясь поймать оживший скелет, именуемый *Смерть в Жизни*. Помню, мало кто из гостей элегантного переводчика английской поэзии проник в таинственный смысл этой басни, столь же правдивой, сколь и фантастической. Быть может, один лишь я, погрузившись в тупое молчание, задумался о тех поколениях, которые, увлекаемые течением жизни, покидают сей мир, так и не успев пожить. Мысленному взору моему являлись тысячи, миллиарды ушедших из жизни женщин; все они проливали слезы отчаяния при воспоминании о времени, которое потеряли в пору глупой юности. Язвительное Размышление зрело в моем уме, до слуха моего уже доносились раскаты са-

[365] Сноски: 365

Ужасное существо по имени Жизнь в Смерти изображено не Джорджем Краббом (1754–1832), а другим английским поэтом, Сэмюэлем Тэйлором Кольриджем (1772–1834) в поэме «Сказание о Старом Мореходе» (1798), сюжет которой Бальзак пересказывает весьма вольно.

танинского смеха, а вы одним словом убили этот замысел… Но вернемся к вашей идее; поведайте мне не мешкая, каким образом вы собираетесь помочь вашей жене промотать те скоротечные мгновения, которые она проводит в расцвете своей красоты и во власти своих желаний… Быть может, обнаружатся еще какие-нибудь уловки и хитрости, которые я смогу описать…

Посмеявшись над моими сочинительскими заботами, виконт с довольным видом сказал:

— Жена моя, подобно всем юным особам нашего благословенного века, три или четыре года подряд терзала своими пальчиками клавиши безответного фортепиано. Она разбирала Бетховена, напевала ариетты Россини и разыгрывала Крамеровы гаммы[366]. Так вот, я не преминул уверить ее, что она превосходная музыкантша: ради этого я рукоплескал ее игре, слушал, подавляя зевоту, скучнейшие в мире сонаты и смирился с необходимостью нанять ложу в Итальянском театре. Благодаря этому три вечера в неделю я, слава богу, могу быть совершенно спокоен. Я знаю наперечет все *музыкальные дома*. В Париже есть гостиные, точь-в-точь похожие на немецкие табакерки или

[366] Сноски: 366

Иоганн Батист Крамер (1771–1858) — немецкий пианист и композитор.

никогда не замолкающие *компониумы*[367]: там меня постоянно травят гармонической дрянью, которую моя жена именует концертами. Но зато дни напролет она разбирает партитуры…

— Ах, сударь, неужели вам неизвестно, насколько опасно развивать в женщине вкус к пению, обрекая ее при этом на жизнь в четырех стенах?.. Недостает только, чтобы вы кормили ее бараниной и поили водой!

— Моя жена питается исключительно белым мясом птицы, что же до ее времяпрепровождения, то будьте покойны: за концертом следует бал, за представлением в Итальянском театре — раут! Благодаря этому целых полгода супруга моя ложится спать не раньше двух часов ночи. Ах, сударь, какие неисчислимые выгоды таят в себе эти поздние возвращения домой! Ведь каждое из подобных увеселений имеет вид уступки, которую я делаю жене, и по видимости я только тем и занят, что исполняю ее волю. В результате мне удается, не говоря ни слова, убедить ее, что с шести вечера, когда мы обедаем и она наряжается, чтобы ехать на бал или в театр, до одиннадцати утра, когда мы встаем, жизнь ее — сплошная цепь

---

[367] Сноски: 367

Компониум — изобретенный в 1821 году голландским механиком Винкелем род механического органа.

забав и удовольствий.

— Ах, сударь, как, должно быть, благодарна она вам за столь наполненное существование!..

— Опасность для меня могут представлять лишь оставшиеся три часа; но ведь ей нужно разучить сонату, повторить арию!.. А разве не могу я предложить ей поехать на прогулку в Булонский лес, опробовать новую коляску, отдать визит и прочее? И это еще не все. Прекраснейшее украшение женщины — изысканная опрятность, и, сколько бы времени ни уделяла она своей внешности, старания ее не могут показаться ни излишними, ни смешными; итак, прекраснейшие мгновения дня улетают, пока жена моя занимается своим туалетом.

— Я открою вам один секрет! Вы это заслужили! — вскричал я. — Так вот, сударь, вы сумеете занять ее в течение еще четырех часов ежедневно, если обучите искусству, неведомому изысканнейшим из нынешних модниц… Исчислите госпоже де В*** изумительные предосторожности, изобретенные роскошной восточной фантазией римских дам, назовите ей хотя бы рабынь, к услугам которых прибегала в бане императрица Поп-

пея[368]: Unctores, Fricatores, Alipilarili, Dropacistae, Paratiltriae, Picatrices, Tractatrices[369], наконец, те, что вытирают тело лебединым пухом, да мало ли еще кто!.. Расскажите ей об этой толпе невольниц, перечень которых приводит Мирабо в своей «Erotika Biblion». Пока она будет искать им замену, вы сможете оставаться совершенно покойны относительно ее времяпрепровождения, а заодно не без приятности узрите восхитительные плоды, какие приносит следование системе прославленных римлянок, чьи волосы все до единого были мастерски уложены и восхитительно благоухали, а кровь в венах, кажется, обновлялась едва ли не ежедневно благодаря мирре и льну, благовониям, волнам и цветам, причем совершались все эти церемонии под музыку, исполненную бесконечного сладострастия.

— Да-да, сударь, — подхватил счастливый су-

---

[368] Сноски: 368

Поппея (ум. 65) — любовница, а затем жена римского императора Нерона, знаменитая своей красотой и распущенностью.

[369] Сноски: 369

Мирабо дает к каждому латинскому названию пояснение: умащающие маслом, промывающие кожу, удаляющие растительность, удаляющие мозоли, очищающие все отверстия, причесывающие волосы, занимающиеся массажем суставов. «Специализацию» рабынь, «причесывающих волосы», Мирабо комментирует гораздо более откровенно, чем Бальзак: «девушки, в чью обязанность входило причесывание всех волос, какие волею природы произрастают на теле». О книге Мирабо см. примеч. 179.

пруг, все больше и больше распаляясь, — а что вы скажете насчет заботы о здоровье? Я дорожу здоровьем жены, тревожусь о нем — это дает мне полное право запретить ей выходить из дома в дурную погоду; значит, добрую четверть года я могу чувствовать себя в безопасности. Вдобавок с моей легкой руки у нас завелся прекрасный обычай: тот, кто уходит из дома, должен непременно зайти к тому, кто остается, нежно поцеловать его и уведомить: «Ангел мой, я ухожу!» Наконец, я позаботился о том, чтобы и в будущем моя жена оставалась вечно прикована к дому, как часовой к будке!.. Я внушил ей безмерное почтение к священному долгу материнства.

— Переча ей? — осведомился я.

— Совершенно верно, — согласился он со смехом. — Я стал убеждать ее, что женщина не способна выезжать в свет, вести дом, следовать всем прихотям моды и любимого мужа и в придачу ко всему этому воспитывать детей… Она отвечала, что, по примеру Катона, который по-

могал кормилице пеленать великого Помпея[370], она никому не доверит кропотливые попечения о податливых умах и нежных тельцах крохотных существ, воспитание которых следует начинать с самого нежного возраста. Вы без труда поймете, сударь, что моя брачная дипломатия не принесла бы больших успехов, если бы, можно сказать, заперев жену в темницу, я не прибегал к невинным ухищрениям макиавеллизма, а именно не напоминал ей поминутно о том, что она вольна поступать как ей вздумается, и не спрашивал всегда и обо всем ее мнения. Поскольку жена моя — женщина неглупая, мне стоит немалого труда убедить ее, будто она — самая свободная женщина в Париже; заметьте, что, навевая ей эту иллюзию, я тщательно стараюсь избежать тех политических нелепостей, какие так часто вырываются из уст наших министров.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал

---

[370] Сноски: 370

«У Катона родился сын, и не было дела настолько важного (не считая лишь государственных), которое бы он не отложил, чтобы постоять рядом с женой, когда она мыла или пеленала новорожденного» (*Плутарх*. Катон. XX; Т. 1. С. 445; пер. С. П. Маркиша). Речь идет о Марке Порции Катоне Старшем (234–149 до н. э.) — консуле 195 года до н. э., стороннике патриархальных староримских нравов, который, однако, никак не мог быть отцом прославленного полководца Помпея Великого, ибо тот родился в 106 году до н. э. Бальзак, впрочем, использовал тот же самый пример и в романе «Урсула Мируэ».

я. — Желая отобрать у вашей жены какое-либо из прав, дарованных ей хартией, вы принимаете вид кроткий и степенный, прячете кинжал среди роз и, аккуратно вонзая его в сердце, спрашиваете самым дружеским тоном: «Ангел мой, тебе не больно?» А она, точь-в-точь как вежливый человек, которому только что отдавили ногу, отвечает: «Нет-нет, что ты!»

Собеседник мой не смог сдержать улыбки и сказал:

— Не находите ли вы, что в день Страшного суда моя жена премного удивится?

— Боюсь, как бы вы не удивились еще сильнее, — отвечал я[371].

Ревнивец нахмурился, но его лицо просветлело, лишь только я добавил:

— Я благодарен судьбе за то, что она доставила мне удовольствие познакомиться с вами, сударь.

---

[371] Сноски: 371

Диалог восходит к «Разрозненным отрывкам из Рассуждения о браке куртизанок», вошедшим в сочинение Лемонте «Наблюдатели за женщинами» (ср. примеч. 163, 230, 326); здесь муж восхваляет супружескую верность жены, а она шепчет на ухо повествователю: «Не могу без смеха думать о том, как удивится мой муж в день Страшного суда» (отрывок XXVII; *Lemontey*. P. 90). Этот анекдот имел, по всей видимости, широкое хождение, и иногда остроумная реплика неверной жены приписывалась конкретным историческим персонажам; так, светская красавица Жюльетта Рекамье утверждала, что слышала ее от жены римского банкира Торлониа (см.: *Lenormant A.* Souvenirs et correspondance tirés des papiers de madame Récamier. Paris, 1859. T. 1. P. 220).

Сам я наверняка не сумел бы развить так обстоятельно многие близкие нам обоим идеи. Поэтому я прошу у вас позволения предать нашу беседу гласности. Там, где мы с вами видим высшие политические соображения, другие, быть может, усмотрят более или менее пикантные шутки, и я прослыву ловкачом в глазах сторонников обеих партий…

Пока я осыпал виконта, первого образцового супруга, какого мне довелось повстречать, благодарностями, он еще раз провел меня по своему безупречно устроенному дому.

Я уже хотел проститься, когда виконт отворил дверь маленького будуара и пригласил меня заглянуть туда; вид хозяина дома, казалось, говорил: «Возможно ли утаить здесь хоть что-нибудь от моего взора?»

Я отвечал на этот немой вопрос кивком головы, каким гости подтверждают, что отведанное ими блюдо выше всяческих похвал.

— Вся моя система, — прошептал мне виконт, — выросла из короткой фразы, которую произнес Наполеон на заседании Государственного совета, где присутствовал мой отец. Обсуждался вопрос о разводе. «В супружеских изменах виноваты удобные диваны», — воскликнул в тот

день Наполеон[372]. И вот, смотрите! Я постарался превратить сообщников в шпионов, — прибавил виконт, указывая на диван, покрытый казимиром чайного цвета; подушки на нем были слегка примяты. — Видите, — продолжал мой собеседник, — я с первого взгляда могу определить, что у жены разболелась голова и она прилегла отдохнуть…

Мы подошли к роковому дивану поближе и увидели на нем что-то причем прихотливый узор этих едва заметных штучек складывался в слово ДУРАК.

Едва заметное, из лабиринта фей,

Из тайного святилища Киприды, –

То, чем был так пленен властитель прошлых дней,

Как говорят, видавший виды, –

Что в рыцарство возвел предмет забавный сей

И орден учредил, чьи правила так строги,

Что быть в его рядах достой-

[372] Сноски: 372

Бальзак цитирует Наполеона по книге Тибодо (*Thibaudeau.* P. 448; см. примеч. 4).

ны только боги[373],

— В моем доме ни у кого нет темных волос! — вскричал муж, бледнея.

Чтобы не расхохотаться ему в лицо, я немедленно ретировался.

«Это человек конченый!.. — сказал я самому себе. — Все преграды, которые он воздвигнул перед своей женой, лишь обострили вкушаемые ею наслаждения».

Вывод этот меня опечалил. Случай с виконтом де В*** опроверг три важнейших моих Размышления и поколебал самые основания моей книги, притязавшей на кафолическую непогрешимость. Я с радостью заплатил бы за супружескую верность виконтессы де В*** сумму, которую многие мужчины охотно отдали бы за ее неверность. Но мне не суждено было лишиться этих денег.

Три дня спустя я встретил докладчика Государственного совета в фойе Итальянского театра. Завидев меня, он поспешил ко мне навстречу. Движимый некоей целомудренной робостью, я попытался уклониться от разговора, но он, взяв меня под руку, сказал вполголоса:

---

[373] Сноски: 373

Лафонтен. Невозможная вещь (Стихотворные новеллы, IV, XV); пер. В. Левика.

— Ах! я провел три дня в ужасных мучениях!.. К счастью, теперь у меня есть все основания полагать, что жена моя невинна, как только что окрещенный младенец…

— Вероятно, вы не напрасно уверяли меня, что госпожа виконтесса чрезвычайно умна… — отвечал я ему с безжалостным простодушием.

— О, нынче вечером я охотно прощу вам эту шутку; ведь не далее как сегодня утром я получил неопровержимые доказательства верности моей жены. Я поднялся спозаранку, чтобы закончить срочную работу… Рассеянно взглянув в сад, я внезапно увидел лакея одного генерала, живущего по соседству; лакей перелезал через забор, а горничная моей жены придерживала за ошейник мою собаку, давая любезнику возможность удалиться. Я схватил лорнет, взглянул на мерзавца: волосы черные как смоль! Ах! Никогда еще вид живого существа не доставлял мне такой радости!.. Впрочем, можете не сомневаться, к вечеру забор был перестроен. Так что, сударь, — продолжал он, — если женитесь, посадите собаку на цепь, а верхушку забора усыпьте бутылочными осколками…

— Заметила ли госпожа виконтесса вашу тревогу?.. — осведомился я.

— За кого вы меня принимаете? — отвечал он, пожав плечами. — Никогда в жизни я не был так весел, как в эти три дня.

— Вы неведомый миру гений! — воскликнул я. — И вы не…

Он не дал мне договорить, ибо заметил, что один из его друзей того и гляди подойдет поздороваться с виконтессой.

Можно ли что-нибудь добавить к нашему разговору с виконтом, не рискуя наскучить читателю повторением одних и тех же мыслей? Здесь все начала и концы. Впрочем, мужья, как вы ни старайтесь, счастье ваше, как видите, висит на волоске.

Размышление XVII
Теория кровати

Время близилось к семи вечера. Они сидели в академических креслах, расставленных полукругом перед широким камином, и созерцали печально горевший каменный уголь — вечный символ предмета их возвышенных споров. Взглянув на серьезные, но притом исполненные страсти лица всех членов этого собрания, нетрудно было догадаться, что их заботят жизнь,

благосостояние и счастье им подобных. Подобно членам загадочных древних судилищ они взялись за решение столь важных вопросов, повинуясь исключительно голосу собственной совести, однако они представляли интересы сословия куда более многочисленного, нежели короли или даже народы, они пеклись о бесконечной череде потомков, их страстях и счастье.

Внук прославленного Буля[374] сидел перед круглым столом, на котором покоилось мастерски исполненное вещественное доказательство; я, жалкий секретарь, вооружился пером и приготовился вести протокол заседания.

— Господа, — произнес один из старцев, — первый вопрос, подлежащий нашему рассмотрению, четко изложен в письме, которое отправила некогда принцесса Пфальцская, вдова брата Людовика Четырнадцатого и мать регента, принцессе Уэльской Каролине Ансбахской. Письмо гласило: «Испанская королева знает надежное средство заставить мужа повиноваться своей воле. Король набожен; начни он ласкать женщину, с которой не обвенчан, он счел бы себя проклятым, а между тем сей государь от природы весьма пылок. Бла-

[374] Сноски: 374
Андре-Шарль Буль (1642–1732) — французский краснодеревщик.

годаря этому королева добивается от него всего, чего пожелает. Она велела приделать к кровати своего супруга колесики. Стоит королю в чем-нибудь отказать королеве, как она отталкивает его ложе от своего. Если же король исполняет все желания супруги, то получает позволение подъехать поближе и перебраться из своей кровати на ее ложе, что доставляет ему величайшее наслаждение, ибо он в высшей степени склонен к…»[375] Не стану продолжать, господа, ибо целомудренная прямота немецкой принцессы могла бы показаться вам безнравственной. Следует ли предусмотрительным мужьям заводить кровать на колесиках?.. Вот вопрос, который нам предстоит разрешить.

В ответ прозвучало единодушное «нет». Мне было приказано занести в журнал заседания резолюцию о том, что супругам, имеющим общую спальню, но раздельные постели, не следует ста-

---

[375] Сноски: 375

Принцесса Пфальцская — Шарлотта-Елизавета Баварская (1652–1722), вторая жена Филиппа Орлеанского (1640–1701), брата Людовика XIV, мать Филиппа Орлеанского (1674–1723), регента Франции в 1715–1723 годах. Бальзак цитирует фрагмент письма от 18 февраля 1716 года по изданию: Fragments de lettres de Madame Charlotte Elisabeth de Bavière. Hambourg, 1788. T. 1. P. 258; в оригинале на месте отточия не стоит ничего скандального, там просто сказано «к этому». Адресат письма, Каролина Бранденбург-Ансбахская (1683–1737), в 1716 году была женой наследника английского престола принца Уэльского, который в 1727 году стал королем Великобритании под именем Георга II.

вить свои кровати на колесики.

— Впрочем, — уточнил один из почтенных мудрецов, — данное замечание никоим образом не предрешает нашего мнения о наилучшем способе устроить супружескую спальню.

Председатель передал мне элегантно переплетенный том — первое издание писем госпожи Шарлотты-Елизаветы Баварской, вдовы единственного брата Людовика XIV, вышедшее в 1788 году, и, пока я переписывал процитированные оратором слова, продолжал:

— Однако, господа, вы, вероятно, получили в письменном виде наш второй вопрос.

— Прошу слова, — тотчас вскричал самый молодой из собравшихся ревнивцев.

Председатель, утвердительно кивнув, опустился в кресло.

— Сударь, — сказал молодой супруг, — достаточно ли мы подготовлены для обсуждения такого важного предмета, как почти повсеместная нескромность кроватей? Разве этот вопрос касается только краснодеревщиков? Что до меня, я убежден, что он затрагивает самые основания человеческого ума. Тайны зачатия, господа, по-прежнему скрываются во мраке, который современная наука рассеяла лишь отчасти. Мы

не знаем, в какой мере подвержены внешним обстоятельствам те микроскопические существа, открытием которых человечество обязано неутомимому терпению таких ученых, как Хилл, Бейкер, Жобло, Эйхорн, Глайхен, Спалланцани, Мюллер и, наконец, господин Бори де Сен-Венсан[376]. Чрезвычайно важна также музыкальная сторона проблемы, для разрешения которой я недавно запросил в Италии некоторые сведения об общих принципах устройства кроватей в тамошних краях… Вскоре мы узнаем, снабжены ли они карнизами для занавесей, винтами, колесиками, страдает ли их конструкция особыми изъянами и не связано ли врожденное чувство гармонии, отличающее итальянцев, с сухостью выжженного солнцем дерева, из которого изготовляется обычно итальянское ложе… По всем вышеизложенным причинам я требую отложить рассмотрение интересующего нас вопроса.

— Но разве мы собрались здесь, чтобы рассуждать о музыке?.. — воскликнул, резко поднявшись, некий джентльмен с запада. — Нас

---

[376] Сноски: 376

Бальзак перечисляет естествоиспытателей XVIII — начала XIX века, занимавшихся изучением микроскопических живых организмов и, в частности, проблемами оплодотворения и зарождения живых существ.

интересуют в первую голову нравы, а потому сильнее всех прочих нас должны волновать вопросы нравственные…

— Тем не менее, — сказал один из самых влиятельных членов собрания, — я полагаю, господа, что мы не вправе пренебречь мнением первого оратора. Стерн, забавнейший из философов и философичнейший из забавников прошлого столетия, сетовал на то небрежение, с каким относятся люди к изготовлению себе подобных. «Какой позор! — восклицал он. — Тот, кто копирует божественный образ человека, удостаивается венков и рукоплесканий, а тот, кто изготовляет сам оригинал, с которого пишутся копии, не получает, подобно добродетели, иной награды, кроме собственного творения!..»[377] Не стоит ли заняться улучшением человеческой породы, вместо того чтобы улучшать породу лошадей? Господа, недавно я побывал проездом в маленьком городке близ Орлеана, все население которого составляют угрюмые, печальные горбуны — рожденные

[377] Сноски: 377

Бальзак цитирует «Мемуары» Стерна (*Sterne-1*. P. 18). Во Франции эти «Мемуары», впервые опубликованные по-английски в 1770 году, через два года после смерти Стерна, считались в самом деле принадлежащими ему, хотя в Англии указания на то, что это литературная мистификация, выполненная английским писателем Ричардом Гриффитом-старшим, появились в печати еще в конце XVIII века (историю вопроса см.: *Tilby*. P. 249–254).

воистину себе на го́ре… Так вот, слушая первого оратора, я вспомнил, что кровати в этом городке ужасны, а спальни являют глазам супругов зрелища отвратительные… Неужели вы полагаете, господа, что наши жизненные духи могут соответствовать нашим идеям, если вместо пения ангелов небесных, порхающих на том седьмом небе, куда мы возносимся, слух наш поражают пронзительные звуки самых несносных, докучных и отвратительных земных мелодий?[378] Быть может, появлением на свет прекрасных гениев, делающих честь человечеству, мы обязаны кроватям, которые прочно стоят на земле; что же до буянов, затеявших французскую революцию, они, скорее всего, были зачаты на кроватях шатких и ненадежных; со своей стороны, жители Востока отменно красивы благодаря совершенно особому способу устраивать брачное ложе… Я подаю голос за перенос обсуждения.

Почтенный джентльмен сел. Тут поднялся член секты методистов.

---

[378] Сноски: 378

Реминисценция из «Тристрама Шенди» Стерна (т. I, гл. I): «…все вы, полагаю, слышали о жизненных духах, о том, как они передаются от отца к сыну. ‹…› Так вот, поверьте моему слову, девять десятых умных вещей и глупостей, которые творятся человеком, девять десятых его успехов и неудач на этом свете зависят от движений и деятельности названных духов, от разнообразных путей и направлений, по которым вы их посылаете…» (*Стерн*. С. 26; *Sterne-1*. P. 100).

— К чему медлить? — воскликнул он. — Нам нет дела ни до улучшения породы, ни до усовершенствования оригиналов. Мы защищаем интересы ревнивых супругов и священные принципы нравственности. Разве вам не известно, что шум, на который вы жалуетесь, страшит изменницу больше, чем громкий трубный глас, возвещающий начало Страшного суда?.. Неужели вы забыли, что все процессы по обвинению в преступной связи были выиграны лишь благодаря этим стонам супружеского ложа? Призываю вас, господа, вспомните разводы милорда Абергавени, виконта Болингброка, покойной королевы, Элизы Дрейпер, госпожи Харрис, наконец, все прочие тяжбы, протоколы которых опубликованы в двадцати томах, выпущенных господином… — (Секретарь не расслышал имени английского

издателя.)[379]

Заседание было решено отложить. Самый юный ревнивец предложил учредить премию за лучшее рассуждение в ответ на важнейший вопрос, поставленный Стерном; начали собирать деньги, однако после заседания в шляпе председателя оказалось всего восемнадцать шиллингов.

Протокол заседания этого недавно основанного лондонского общества, задавшегося целью усовершенствовать нравы и брак и сделавшегося предметом насмешек лорда Байрона[380], мы получили от почтенного У. Хавкинса, эсквайра, приходящегося двоюродным братом прославленному капитану Клаттербаку[381].

Приведенный нами фрагмент может пролить свет на кое-какие неясности касательно кон-

---

[379] Сноски: 379

Бальзак ссылается на выпущенную анонимно французскую книгу «Английские разводы, или Процессы по обвинению в супружеской измене…» (Divorces anglais ou Procès en adultère…), вышедшую в Париже в 1821–1822 годах — впрочем, не в двадцати, а всего в трех томах. Всех перечисленных Бальзаком жен-изменниц выдал скрип кровати. Исключение составляет только «покойная королева» — Каролина Брауншвейгская (1768–1821), чей бракоразводный процесс в книге лишь кратко упомянут, но не описан подробно. Каролина вышла замуж за наследника английского престола принца Уэльского, но жила отдельно от мужа на континенте и вернулась в Англию, лишь когда ее супруг стал королем под именем Георга IV; король, не желавший возвращения жены, возбудил против нее скандальный процесс по обвинению в супружеской измене, который закончился весьма противоречиво: члены палаты лордов, судившие королеву, вынесли ей обвинительный приговор, но таким незначительным большинством,

что не осмелились передать этот билль на утверждение в палату общин и отложили его оглашение на полгода; процесс закончился в ноябре 1820 года, а в начале августа 1821 года королева умерла. Во Франции этот процесс был по свежим следам подробно освещен в четырехтомном сочинении А. — Е. Дескирона де Сент-Аньяна «История процесса английской королевы» (1820).

[380] Сноски: 380

Имеется в виду «Сообщество по устраненью зла», упомянутое Байроном в 12-й песни «Дон Жуана»; Байрон пародировал реально существовавшее в Англии филантропическое «Общество по борьбе с пороком». Бальзак всю жизнь с большой охотой высмеивал английское ханжество и английскую чопорность; это его отношение к английским нравам выразилось, например, в рассказе «Сердечные страдания английской кошки», вошедшем в сборник «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842).

[381] Сноски: 381

Это означает просто-напросто, что такого эсквайра не существует; отставной капитан Клаттербак был вымышленный житель шотландской деревни с говорящим названием «Нигде». Вальтер Скотт, придумавший этого капитана, предварил его письмом к автору свой роман «Монастырь» (1820, фр. пер. 1820); см.: *Долинин А. А.* История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 72. Бальзак высоко ценил остроумные предисловия Скотта.

струкции супружеского ложа, содержащиеся по сей день в теории кровати.

Однако мы находим, что английское собрание уделило этому преюдициальному вопросу[382] чересчур большое внимание. Очень вероятно, что у человека, выбирающего себе ложе, столько же оснований быть *россинистом*, сколько и *прочнистом*[383], но проблема эта либо выше, либо ниже нашего понимания, во всяком случае, разрешить ее мы не в силах. Вслед за Лоренсом Стерном мы полагаем, что скудость физиологических наблюдений, касающихся каллипедии[384], составляет позор европейской цивилизации, делиться же с читателями собственными размышлениями о сем предмете мы остережемся, ибо нынешний ханжеский язык столь мало пригоден к их из-

---

[382] Сноски: 382

Преюдициальный вопрос — правовой вопрос, без предварительного решения которого не может быть разрешено в суде данное дело.

[383] Сноски: 383

Иначе говоря, столько же оснований предпочитать шаткие кровати, издающие разнообразные «музыкальные» звуки, сколько и кровати прочные и «безмолвные»; слово «россинист» намекает также на полемику во французском обществе 1820-х годов между сторонниками итальянской оперной музыки, в первую очередь Джоакино Россини (1792–1868), и сторонниками оперной музыки французской.

[384] Сноски: 384

О намерении автора выпустить труд о «каллипедии, или способах производить на свет красивых детей» говорится на той же странице «Мемуаров» Стерна, которую Бальзак уже цитировал чуть раньше

(см. примеч. 315; там же см. о «Мемуарах» Стерна как литературной мистификации). Бальзак не написал такой книги, однако продолжал размышлять на сходные темы, интерес к которым он унаследовал от своего отца; ср., например, афоризм из «Трактата о современных возбуждающих средствах»: «Те, кто едят рыбу, рождают девочек, те, кто едят мясо, рождают мальчиков, те, кто едят хлеб, рождают мыслителей» (*Патология*. С. 289; пер. О. Э. Гринберг).

ложению, что мы рискуем быть дурно поняты либо дурно приняты. По причине подобного высокомерия в нашей книге будет вечно зиять пробел, зато мы получим приятную возможность завещать еще одну тему потомкам, которых, не скупясь, одаряем всем тем, за что не беремся сами, выказывая своего рода отрицательную щедрость в назидание всем, у кого, по их словам, идеи не переводятся.

Теория кровати даст нам повод к обсуждению вопросов куда более важных, чем те, которые привлекли внимание наших соседей, занявшихся ложем на колесиках и скрипом, сопутствующим преступной связи.

Мы утверждаем, что цивилизованные нации и прежде всего привилегированные сословия этих наций, которым и предназначена наша книга, знают всего три способа спать (в самом общем смысле слова).

Спать можно:

1. В двух кроватях, стоящих в одном алькове.
2. В разных спальнях.
3. В одной общей кровати.

Прежде чем начать рассмотрение этих трех способов совместного существования супругов, которые, разумеется, оказывают очень разное

влияние на счастье жен и мужей, мы должны кратко описать воздействие кровати на человека и роль, которую играет этот предмет домашнего обихода в политической экономии человеческой жизни.

Самое бесспорное утверждение из всех, какие были высказаны на сей счет, гласит, что *кровать изобретена для того, чтобы спать.*

Было бы нетрудно доказать, что обычай спать вместе возник гораздо позже, чем сам брак.

Какие силлогизмы вынудили род людской покориться обычаю, оказывающему столь гибельное воздействие на счастье и здоровье, лишающему человека радостей и даже ущемляющему его самолюбие?.. Вот вопрос, который было бы любопытно исследовать.

Если бы до вашего сведения дошло, что один из соперников отыскал способ выставить вас перед женщиной, которая дорога вашему сердцу, в бесконечно смешном обличье, например в виде театральной маски с перекошенным ртом или в виде медного крана, скупо, каплю за каплей источающего чистейшую влагу, вы бы, чего доброго, закололи этого соперника. Так вот, этот соперник — сон. Существует ли на свете человек, знающий наверное, как он выглядит и что делает

во сне?..

Обращаясь в живые трупы, мы предаем себя в руки неведомой силы, которая овладевает нами против нашей воли и вершит чудеса: одних сон делает умнее, чем они есть, других — глупее.

Одни люди спят, по-дурацки открыв рот.

Другие храпят так, что в доме дрожат стены.

Большинство походят во сне на изваянных Микеланджело молодых чертей, показывающих прохожим язык.

Единственное в целом свете существо, чей сон благороден, — Геренов Агамемнон, мирно почивающий в своей постели, меж тем как Клитемнестра, вдохновляемая Эгисфом, заносит над ним убийственный кинжал[385]. По этой причине, предчувствуя наступление той опасной поры, когда во сне на меня будут устремлены взоры не одного лишь Провидения, я страстно желал научиться почивать с достоинством царя царей. По этой же самой причине, с того дня, как я услышал рулады, выводимые во сне моей старой кормилицей, которая, согласно широко распространенному народному выражению, *храпела во все носовые завертки*, я стал ежевечерне

---

[385] Сноски: 385

Описываемое полотно Пьера-Нарсиса Герена (1774–1833) было выставлено в парижском Салоне в 1817 году.

молить своего покровителя, святого Оноре, чтобы он избавил меня от этого жалкого красноречия.

Когда человек просыпается утром и с глупым видом поправляет мадрасовый платок, сползший на левое ухо наподобие полицейской шапки, он, разумеется, выглядит весьма комично и весьма мало напоминает славного супруга, возвеличенного в стихах Руссо[386], но все же в его глупом полумертвом лице можно при желании различить некий проблеск жизни… Зато если вы карикатурист, превосходная пожива ожидает вас на крохотных почтовых станциях: спозаранку курьер будит очередного конторщика — и какие только физиономии не предстают здесь взгляду художника!.. Вы и сами, быть может, выглядите ничуть не лучше, чем эти провинциальные чиновники, но вы по крайней мере уже не спите и можете похвастать тем, что рот у вас закрыт, глаза открыты, а лицо имеет хоть какое-то выражение… Знаете ли вы, однако, на кого были похожи за час до пробуждения или в первый час сна, когда, не будучи ни человеком, ни животным, находились всецело во власти сновидений,

[386] Сноски: 386

Жан-Батист Руссо (1671–1741) в «Одах» (I, 2) сравнил солнце со «славным супругом», который поднимается с брачного ложа «блестящий и лучезарный».

врывающихся сквозь роговые ворота?..[387] Нет, вы этого не знаете: это ведомо лишь вашей жене и Господу Богу!

Не для того ли, чтобы вечно помнить о том, какими глупцами становимся мы во сне, римляне украшали изголовья своих кроватей ослиными головами?..[388] Мы предоставляем решение этого вопроса господам ученым, входящим в Академию надписей[389].

Должно быть, первый мужчина, которому дьявол внушил мысль не расставаться с женою даже во сне, спал безупречно. Следовательно, в число талантов, потребных мужчине, который вознамерился вступить в брак, надлежит включить умение спать с изяществом. Поэтому в дополнение к XXV аксиоме Брачного катехизиса[390] мы

---

[387] Сноски: 387

«Создано двое ворот для вступления снам бестелесным / В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой; / Сны, приходящие к нам воротами из кости слоновой, / Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен; / Те же, которые в мир роговыми воротами входят, / Верны; сбываются все приносимые ими виденья» (*Гомер*. Одиссея. XIX. 562–567; пер. В. А. Жуковского). Это гомеровское разделение снов на два вида многократно цитировалось в последующие эпохи, в частности оно приведено в статье «Сны» в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера.

[388] Сноски: 388

Деталь почерпнута Бальзаком из «Разрозненных отрывков из Рассуждения о браке куртизанок», вошедших в сочинение Лемонте «Наблюдатели за женщинами» (отрывок VI; *Lemontey*. P. 81; ср. примеч. 163 и 309). Лемонте, в свою очередь, ссылается на сатиры Ювенала (XI, 96).

[389] Сноски: 389

Академия надписей и изящной словесности, входившая в состав Французского института, была создана в XVII веке для разработки надписей и девизов, призванных украшать памятники и медали, прославляющие Людовика XIV; для этого приходилось изучать старинные медали и прочие древности, и в результате предметом исследования академиков стали древние и восточные языки, история древности и Средних веков, а также археология.

[390] Сноски: 390

Имеется в виду афоризм L (по сквозной нумерации афоризмов, принятой Бальзаком для «Физиологии брака»): «Мужу ни за что не следует засыпать первым и просыпаться последним».

включим в нашу книгу еще два афоризма:

Муж должен спать чутко, как сторожевой пес, дабы жена не могла увидеть его спящим.

Мужчина должен с детства приучаться спать с непокрытой головой.

Иные поэты станут утверждать, что спать в одной постели супругов побуждают целомудрие и пресловутые таинства любви, однако общепризнано, что человек с самого начала предавался наслаждениям в полумраке пещер, на дне поросших мхом оврагов, под кремнистыми сводами гротов исключительно оттого, что любовь делает его беззащитным перед лицом врага. Опускать две головы на одну подушку ничуть не более естественно, чем обматывать шею клочком муслина. Однако цивилизация, овладев миром, заперла миллион людей на участке в четыре квадратных лье, загнала их в тесные пределы улиц, домов, квартир, спален и кабинетов площадью в восемь квадратных футов; еще немного — и она начнет складывать их, как складывают зрители свои лорнеты.

Этой причиной, а также многими другими, такими как бережливость, страх, беспричинная

ревность, объясняется обыкновение супругов каждый вечер засыпать и каждое утро просыпаться в одной постели.

И что же в результате? Чувство бесконечно капризное и переменчивое, которое имеет цену, лишь когда вдохновляется щекотливыми обстоятельствами, которое пленяет, лишь когда рождается из внезапного желания, которое чарует, лишь когда оно искренно, иными словами — любовь принуждена покориться монастырским правилам и распорядку, рожденному в недрах Бюро долгот[391].

Будь я отцом, я возненавидел бы сына, который с пунктуальностью часового механизма изъявлял бы мне вечером и утром свою преданность, желая доброй ночи и доброго утра не от души, а по приказу. Именно так подавляются в сердцах все благороднейшие и искреннейшие чувства. Вообразите же, что такое любовь в назначенный час!

Лишь Творец всего сущего вправе чередовать восход и закат, утро и вечер на вечно прекрасной и вечно новой земле, из смертных же никому не дозволено играть роль солнца, какими бы гиперболами ни убеждал нас в обратном Жан-Батист

---

[391] Сноски: 391
О Бюро долгот см. примеч. 52.

Руссо[392].

Из этих предварительных замечаний следует, что пребывать вдвоем под одним балдахином противно природе;

что спящий человек почти всегда смешон;

и, наконец, что неотлучное пребывание рядом с женой грозит мужьям неминуемыми опасностями.

Итак, попытаемся согласить наши обычаи с законами природы и устроить так, чтобы кровать служила супругу верной союзницей и охраняла его от невзгод.

§ 1. Две кровати в одном алькове

Если блистательнейший, стройнейший и умнейший из мужей хочет пасть жертвой Минотавра на исходе первого года супружеской жизни, он непременно добьется своего, дерзнув поставить под сладострастным сводом одного алькова две кровати.

Приговор вынесен; вот его обоснование:

Первый муж, вздумавший поставить две кровати в одном алькове, был, вероятно, акушер, который, зная за собой привычку метаться во

---

[392] Сноски: 392
См. примеч. 324.

сне, решил предохранить дитя, вынашиваемое его супругой, от ударов ногами, которые, чего доброго, мог бы ему нанести.

Нет, скорее это был какой-нибудь супруг из числа обреченных, не доверявший ни своему звучному катару, ни самому себе.

А может, это был юноша, который то и дело, опасаясь порывов собственной страсти, отодвигался от чаровницы-жены так далеко, что рисковал свалиться на пол, а затем придвигался так близко, что смущал ее покой?

Нет, роковая идея, должно быть, осенила особу вроде госпожи де Ментенон, во всем полагавшуюся на своего духовника[393], или, напротив, честолюбивую особу, желавшую прибрать к рукам своего супруга?..Или же, еще вероятнее, красотку Помпадур, ставшую жертвой той парижской немощи, которой господин де Морепа посвятил забавное четверостишие, стоившее ему самому долгого изгнания, а царствованию Людовика XVI — череды несчастий: «Ирида, вы так хороши, И держитесь всегда так смело; Кругом

[393] Сноски: 393

Фаворитка Людовика XIV г-жа де Ментенон, сделавшись в 1683 году его морганатической супругой, «заразила» короля своей набожностью.

вы сеете цветы; Увы, цветочки эти… белы»[394]. В конце концов, автором нововведения мог явиться и философ, опасавшийся разочарования, которое способен вызвать у его жены вид спящего мужчины. А спал он, должно быть, завернувшись в одеяло и без ночного колпака.

Кто бы ты ни был, неведомый творец иезуитской методы, привет тебе от дьявола, твоего собрата!.. Ты — причина многих бедствий. Изобретение твое страдает изъянами, отличающими все полумеры; оно бесполезно и причиняет такие же неудобства, как два других способа, но, в отличие от них, не приносит никаких выгод.

Неужели человек девятнадцатого столетия, наделенный высшим умом и сверхъестественной мощью, истощивший запасы своего гения в попытках скрыть механизм собственного бытия, научившийся обожествлять свои потребности, чтобы их не презирать, дошедший до того, чтобы заимствовать ароматы, силу и могущество

---

[394] Сноски: 394

Жан-Фредерик Филипо, граф де Морепа (1701–1781), морской министр в царствование Людовика XV, был отставлен в 1749 году по подозрению в авторстве эпиграммы на фаворитку короля маркизу де Помпадур, заболевшую дурной болезнью. В 1774 году, взойдя на престол, Людовик XVI вернул Морепа ко двору, где тот, однако, не сумел удержаться из-за направленных против него интриг. О Морепа, его сатирических стихах и его удалении от двора см.: *Дарнтон Р.* Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М., 2016.

у китайских листьев, египетских бобов и мексиканских зерен[395], овладевший искусством гранить хрусталь, чеканить серебро, плавить золото и расписывать глину, одним словом, прибегать к услугам всех художеств, ради того чтобы скрасить и возвеличить процесс поглощения пищи, — неужели этот царь, прячущий свое несовершенство в складках муслина, в блеске брильянтов и сверкании рубинов, кутающийся в льняные и хлопковые ткани, в пестрые шелка и узорные кружева, — неужели он погубит все эти сокровища на двух кроватях в одной спальне?.. К чему выставлять напоказ нашу жизнь, ее обманы и поэзию? К чему сочинять законы, религии и моральные предписания, если выдумка обойщика (а обычай ставить кровати рядом выдумал, возможно, именно обойщик) отнимает у нашей любви все иллюзии, разлучает ее с величественной свитой и оставляет ей лишь самые уродливые и отвратительные черты? — ведь ничего иного тому, кто поставил две кровати в одном алькове, ожидать не приходится.

---

[395] Сноски: 395

Имеются в виду напитки, подробно описанные в «Рассуждении о современных возбуждающих средствах» (1839): чай, шоколад и кофе.

LXIII

Казаться величественным или казаться смешным — вот выбор, на который обрекает нас желание.

Разделенная любовь величественна, но уложите жену в одну кровать, а сами улягтесь на другую, стоящую рядом, и ваша любовь всегда будет выглядеть смешной. Плодом этой полуразлуки становятся две равно нелепые ситуации, чреватые, как мы сейчас убедимся, множеством несчастий.

Рассмотрим первую из этих ситуаций. Около полуночи молодая женщина, зевая, накручивает волосы на папильотки. Мне неведомо, проистекает ли ее меланхолия из мигрени, сверлящей ее правый или левый висок, или же ею овладел один из тех приступов тоски, которые заставляют нас видеть весь мир в черном свете; как бы там ни было, она укладывает волосы на ночь так небрежно, поднимает ногу, чтобы снять подвязку, так томно, что кажется очевидным: если ей тотчас не позволят забыть постылую жизнь и погрузиться в спасительный сон, она предпочтет утопиться. В этот миг она пребывает бог знает как далеко на севере, в Гренландии или на острове Шпицбер-

ген. Беззаботная и холодная, она укладывается в постель, размышляя, быть может, как сделала бы госпожа Вальтер Шенди[396], о том, что завтра будет тяжелый день, что муж возвращается домой очень поздно, что во взбитых белках недоставало сахара и что она задолжала портнихе больше пятисот франков; одним словом, она думает обо всем, о чем может думать женщина, умирающая от скуки. Тем временем в спальню вваливается толстяк-муж; после делового свидания он выпил пуншу и ему теперь море по колено. Он стаскивает сапоги, швыряет фрак на кресла, оставляет носки на козетке, а сапожный крючок — перед камином; покрыв голову красным мадрасовым платком и даже не дав себе труда спрятать его уголки, он бросает жене несколько односложных фраз, несколько супружеских нежностей, которыми подчас и ограничивается вся беседа мужа и жены в те сумеречные часы, когда наш дремлющий разум покидает нас на произвол судьбы. «Ты уже легла?.. Дьявольщина, как нынче холодно!.. Ты все молчишь, мой ангел!.. Да

---

[396] Сноски: 396

Имеется в виду мать Тристрама, заглавного героя романа Стерна, которая смутила «жизненных духов» зачинаемого Тристрама, ибо в самый неподходящий момент спросила у своего супруга, не забыл ли он завести часы (Жизнь и мнения Тристрама Шенди, т. I, гл. I; *Sterne-1*. P. 100–101); ср. примеч. 433.

ты уже под одеялом!.. Притворщица! Делаешь вид, что спишь!..» Реплики эти перемежаются зевками, и наконец, после множества мелких происшествий, зависящих от привычек данной супружеской пары и сообщающих некоторое разнообразие этой вечерней увертюре, мой герой опускается на свое ложе, которое под тяжестью его тела громко скрипит. Но стоит ему закрыть глаза, как воображение немедленно принимается рисовать на том фантастическом полотне, какое предстает каждому из нас перед сном, все соблазнительные мордашки, стройные ножки и пленительные силуэты, которые он видел в течение дня. Желание овладевает им… Он обращает взор на жену. Как бы ему ни хотелось спать, он не может не разглядеть прелестное личико в ореоле тончайших кружев; испепеляя взглядом вышитый чепчик, он различает, кажется, блеск глаз жены; наконец, тонкое одеяло не в силах скрыть от него ее божественных форм… «Душа моя?..» — «Но, друг мой, я сплю…» Как пристать к этой Лапонии?[397] Пускай вы молоды, хороши собой, умны, пленительны. Но разве все эти до-

[397] Сноски: 397

Лапонией в XIX веке называли во Франции часть Северной Европы, покрывающую север Норвегии, Швеции, Финляндии и России; здесь — просто царство холода.

стоинства способны помочь вам одолеть пролив, отделяющий Гренландию от Италии? Расстояние между раем и адом не так велико, как та полоска, что разделяет ваши кровати; все дело в том, что вы пылаете страстью, а жена ваша холодна как лед. Казалось бы, перейти из одной кровати в другую — дело техники, однако мужа, увенчанного мадрасовым платком, этот переход ставит в самое невыгодное положение. Влюбленным все — опасность, недостаток времени, несчастное стечение обстоятельств — идет на пользу, ибо любовь набрасывает на все, даже на дымящиеся развалины взятого приступом города, пурпурно-золотистый покров; супругам же в отсутствие любви развалины мерещатся даже на самых великолепных коврах, даже под самыми пленительными шелками. Пусть вы перелетите к жене в один миг — за это время долг, сие божество брака, успеет предстать перед нею во всей своей неприглядности.

Ах! как несносен должен казаться женщине, скованной льдом, мужчина, которого желание заставляет то метать громы и молнии, то рассыпаться в любезностях, то дерзить, то молить, то язвить, словно эпиграмма, то льстить, словно мадригал, — одним словом, более или менее

талантливо разыгрывать гениальную сцену из «Спасенной Венеции» Отвея, где сенатор Антонио твердит на сотни ладов, валяясь в ногах у Акилины: «Акилина, Килина, Лина, Лина, Наки, Аки, Наки!» — и, притворяясь верным псом, получает в награду одни лишь удары хлыста[398]. Чем больше пылкости выказывает мужчина в подобной ситуации, тем более смешным кажется он всякой женщине, даже собственной жене. Если он приказывает, то вызывает отвращение, если злоупотребляет своей властью — становится добычей Минотавра. Вспомните Брачный катехизис, и вы без труда поймете, что в рассматриваемом случае попираете его самые священные заповеди. Уступит ли жена мужу, которого обыкновение ставить две кровати в одном алькове побуждает

[398] Сноски: 398

Трагедия английского драматурга Томаса Отвея (1652–1685) «Спасенная Венеция» (1682) неоднократно переводилась на французский язык начиная с середины XVIII века; Бальзак скорее всего пользовался переводом П. де Баранта, опубликованным впервые в 1822 году во втором томе сборника «Шедевры английского театра» и переизданным в 1827 году. Образ куртизанки Акилины произвел на Бальзака сильное впечатление: в «Шагреневой коже» (1831) один из персонажей, узнав, что куртизанку зовут Акилина, восклицает: «А! ты из „Спасенной Венеции“»; в новелле «Прощенный Мельмот» (1835) героиня берет себе имя Акилина, почерпнутое «из случайно прочитанной английской трагедии», поскольку желает походить на эту куртизанку; наконец, в романе «Жизнь холостяка» (1842) Бальзак вновь, как и в «Физиологии брака», упоминает сцену из трагедии Отвея (д. 3, явл. 1), где куртизанка Акилина помыкает влюбленным в нее сенатором, а тот испытывает мазохистское удовольствие от ее жестокости.

действовать грубо и откровенно, оттолкнет ли его — в любом случае при подобном устройстве спальни целомудреннейшая из жен и умнейший из мужей не могут не грешить бесстыдством.

Описанная нами сцена, которая может быть разыграна на тысячу ладов и вырасти из тысячи случайностей, скорее забавна, но события могут пойти и по другому пути, куда менее веселому и куда более страшному.

Однажды вечером я обсуждал сии важные материи с покойным графом де Носе, о котором уже имел удовольствие рассказывать; услышав наш разговор, высокий седовласый старец, близкий друг графа, — имени его я не назову, ибо он еще здравствует, — взглянул на нас с довольно меланхолическим видом. Мы догадались, что он хочет рассказать нам какую-то скандальную историю, и бросили на него взор, подобный тому, какой стенографист «Монитёра» бросает на министра, готовящегося произнести импровизированную речь, текст которой ему, стенографисту, был со-

общен заранее[399]. Наш собеседник был старый маркиз-эмигрант, у которого революция отняла состояние, жену и детей. Поскольку маркиза по праву слыла одной из самых непоследовательных женщин своего времени, супругу ее было не занимать наблюдений над женской природой. Дожив до преклонных лет, он смотрел на мир из глубины могилы и говорил о себе таким же тоном, каким рассказывал бы о Марке Антонии или Клеопатре.

— Мой юный друг, — обратился маркиз ко мне, ибо в нашем разговоре с графом де Носе моя реплика прозвучала последней, — ваши рассуждения напомнили мне вечер, когда один из моих друзей повел себя так, что навсегда утратил уважение своей жены. А между тем в старые времена женщина мстила за оскорбление с чудесной быстротой, ибо желающие помочь ей в этом не переводились. Супруги, о которых я веду речь, спали как раз в двух раздельных, но стоящих под сводом одного алькова кроватях. Они

---

[399] Сноски: 399

«Монитёр» — правительственная газета, публиковавшая официальные сообщения и документы, в том числе стенограммы прений в палате депутатов, в ходе которых перед народными представителями выступали министры. Во французском парламенте эпохи Реставрации, в отличие от английского, не было принято импровизировать; все выступавшие читали речи, написанные заранее.

возвратились с великолепного бала, устроенного графом де Мерси, посланником австрийского императора[400].

Супруг проиграл весьма значительную сумму и был невесел. Назавтра ему предстояло уплатить шесть тысяч экю!.. А ты ведь помнишь, Носе: иной раз вся наличность десятка мушкетеров не составила бы и сотни экю! Юная же супруга, как это нередко случается, была, как на грех, очень весела. «Позаботьтесь о ночном туалете господина маркиза», — приказала она слуге. В ту пору люди имели особые наряды не только для дня, но и для ночи. Однако даже эти довольно неожиданные слова не вывели мужа из оцепенения. Тогда госпожа маркиза, которую как раз одевала на ночь ее собственная горничная, принялась без зазрения совести кокетничать с собственным супругом. «Понравился вам нынче мой наряд?» — спросила она. «Вы мне всегда нравитесь», — отвечал маркиз, продолжая мерять шагами комнату. «Какой вы мрачный!.. Скажите хоть словечко, прекрасный незнакомец!..» — потребовала маркиза, встав прямо перед ним в самой соблазнительной позе. Впрочем, вы себе и

[400] Сноски: 400

Флоримон де Мерси-Аржанто (1727–1794) был австрийским послом при дворе Людовика XV и Людовика XVI.

представить не можете, что за чаровница была эта маркиза; лишь тот, кому довелось ее видеть, понял бы меня вполне. Ну, ты-то, Носе, знал ее как нельзя лучше!.. — добавил он с довольно язвительной усмешкой.

— Увы, — продолжал рассказчик, — как ни пленяла маркиза своего незадачливого супруга, все ее прелести и уловки не смогли отвлечь этого глупца от мысли о шести тысячах экю, и бедняжке пришлось улечься в постель одной. Но женщины горазды выдумывать всякие хитрости: поэтому в тот самый миг, когда маркиз уже собирался залезть под одеяло, маркиза вскрикнула: «Ах, как мне холодно!» — «И мне тоже! — согласился маркиз. — Да отчего же слуги не согревают нам постели?..» Я тотчас позвонил…[401]

Граф де Носе не смог сдержать смеха, и старый маркиз растерянно замолчал.

Не угадать, чего желает женщина, спать без просыпу, когда у нее сна нет ни в одном глазу, пребывать в Сибири, когда она находится в тропиках, — наименьшее из неудобств, какие

---

[401] Сноски: 401

Развязка анекдота восходит к фрагменту «Характеров и анекдотов» Шамфора, где маркиза де Сен-Пьер рассказывает о великой любви герцога де Ришелье к некоей даме, ради которой он проскакал триста лье, а заканчивает рассказ так: «Он с невероятной страстью отнес ее на постель, и мы не вставали оттуда три дня» (*Chamfort*. Т. 2. P. 141–142).

причиняет супругам обычай спать в двух стоящих рядом кроватях. На что только не отважится страстная женщина, когда удостоверится, что супруга пушками не разбудишь?..

Вот итальянский анекдот, свидетельствующий о том, до чего может дойти женская отвага; я обязан им Бейлю, чей сухой и саркастический ум сообщил рассказу бесконечное очарование[402].

Лудовико и графиня Пернетти живут в собственных дворцах на разных концах Милана. В полночь, рискуя жизнью, решившись пойти на все, лишь бы хоть на миг увидеть обожаемое лицо, Лудовико чудом проникает во дворец возлюбленной. Он добирается до ее спальни. Элиза Пернетти, также, должно быть, мечтавшая о свидании, слышит шаги возлюбленного и узнает

---

[402] Сноски: 402

В творчестве Стендаля (наст. имя и фам. Анри Бейль; 1783–1842) Италия в самом деле занимала очень большое место, и колорит анекдота, приводимого Бальзаком, действительно вполне «бейлевский». Однако имя Бейля Бальзак вставил в текст лишь в 1846 году, когда готовил «Физиологию» для издании Фюрна, а Стендаля уже не было на свете; во всех предыдущих изданиях «итальянский анекдот» приписан «самому волшебному из современных поэтов, живописателю королевы Каролины», а в рукописи названо имя этого автора, «живописавшего» неаполитанскую королеву Каролину в романе «Фраголетта. Неаполь и Париж в 1799 году» (1829); это Анри де Латуш (наст. имя и фам. Ясент-Жозеф-Александр Табо де Латуш; 1785–1851), которому Бальзак во второй половине 1820-х годов был обязан многими литературными уроками. Но отношения Бальзака с Латушем с годами испортились, о Стендале же автор «Человеческой комедии», напротив, был очень высокого мнения и в сентябре 1840 года посвятил его роману «Пармская

обитель» восторженную статью, а еще раньше, в 1832 году, в рассказе «Беседа между одиннадцатью часами и полуночью», вошедшем в сборник «Темные рассказы», приписал одну из вставных устных новелл Стендалю, не названному по имени, но описанному вполне прозрачно («дородный толстяк, человек острого ума, намеревавшийся отправиться в Италию, куда его призывали дипломатические обязанности»). См. подробнее: *Meininger A.* — *M.* Balzac et Stendhal en 1837 // *AB* 1965. Paris, 1965. P. 143–155; *Citron P.* Sarrasine // *AB* 1966. Paris, 1966. P. 369–370.

их. Сквозь стены прозревает она пришельца, пылающего любовью. Она поднимается с брачного ложа. Легкая как тень, она летит к двери и, впившись глазами в Лудовико, хватает его за руку, подает ему знак, влечет за собой. «Да ведь он убьет тебя!..» — шепчет Лудовико графине. «Может быть...»

Впрочем, не о том речь. Положим, что все мужья спят чрезвычайно чутко. Положим, что они не храпят во сне и всегда умеют отгадать, в каких широтах пребывают в данную минуту их супруги. Положим даже, что все остальные возражения, выдвинутые нами против обыкновения ставить две кровати в одном алькове, ничего не стоят. Что ж! приведем наш последний довод — его опровергнуть не удастся.

Мы уже сказали, что для мужа супружеское ложе становится одним из средств обороны. Лишь ночью в постели он может проверить, разгорается любовь к нему жены или гаснет. Постель — барометр брака. А если вы с женой спите в разных постелях, вы не узнаете ровным счетом ничего. Из третьей части нашей книги, где речь пойдет о *гражданской войне*, вы выясните, какие неоценимые услуги оказывает нам постель и сколько секретов женщины невольно выдают

нам ночами[403].

Итак, ни в коем случае не обольщайтесь мнимой безопасностью обычая ставить две кровати в одном алькове.

Обычай этот — самая глупая, самая коварная и самая опасная вещь в мире. Стыд и позор тому, кто его изобрел!

Впрочем, насколько гибельна привычка спать в двух стоящих рядом кроватях для молодых супругов, настолько полезна и прилична она для супругов, проживших вместе два десятка лет. Если оба, и муж и жена, страдают катарами, им куда удобнее выводить свои дуэты, почивая порознь. Быть может, иной раз стон, вырвавшийся из уст мужа или жены под действием злой подагры или ревматизма, а то и просьба угостить понюшкой табаку подарит пожилой чете ночь, посвященную прилежным попыткам вспомнить зарю их любви, — если только любовников не замучает кашель.

Мы не сочли нужным упоминать исключительные случаи, когда мужу не остается ничего другого, кроме как улечься спать на отдельной

---

[403] Сноски: 403

Эта отсылка к третьей части — по-видимому, остаток первоначального замысла; в окончательном варианте Бальзак исполняет данное здесь обещание в том же самом Размышлении XVII; см. с. 303–305.

кровати. Несчастье может стрястись с каждым. Впрочем, Бонапарт полагал, что если супруги хоть однажды *смешали воедино души и пот* (он выразился именно так)[404], ничто, даже болезнь, не должно уже их разлучать. Предмет этот чересчур деликатен, чтобы мы дерзнули диктовать здесь свои законы.

Найдутся и такие узколобые упрямцы, которые не согласятся с нами и приведут в пример патриархальные семьи, чье эротическое законодательство неколебимо стоит за альковы с двумя раздельными кроватями, в каковых оно усматривает источник благоденствия, переходящий по наследству *от отца к сыну*. В ответ автор может сказать лишь одно: ему известно немало почтенных людей, проводящих время в созерцании игры на бильярде.

Итак, все здравомыслящие люди должны принять к сведению, что привычка спать в двух стоящих рядом кроватях никуда не годится, и приговор этот обжалованию не подлежит; засим перейдем к следующему способу устраивать брачное ложе.

---

[404] Сноски: 404

Бальзак цитирует Наполеона по книге Тибодо (*Thibaudeau*. P. 430; см. примеч. 4).

§ 2. Раздельные спальни

В каждой из европейских стран наберется от силы сотня мужей, которые так досконально изучили науку брака или, если угодно, науку жизни, что способны завести себе отдельную спальню.

Осуществить эту систему на практике — вот высшее проявление умственной и мужской силы!

Если супруги ночуют в отдельных спальнях, значит, они либо развелись, либо обрели счастье. Они либо ненавидят, либо обожают друг друга.

Мы не станем здесь распространяться о замечательных подробностях этой теории, цель которой — сообщить постоянству и верности прелесть и доступность. Мы прибегаем к умолчанию не из бессилия, а из почтения. Довольно будет, если мы скажем, что с помощью одной лишь этой системы супружеская пара может осуществить мечту многих прекрасных душ: посвященные нас поймут.

Что же до непосвященных, то автор вскоре покончит с их расспросами, разъяснив им, что мужчина, устраивающий в своем доме раздельные спальни, печется об одном — о счастье своей избранницы. Кто же из профанов согласится

лишить общество возможности наслаждаться многочисленными талантами, обладателем которых он себя мнит, и ради кого?.. Ради женщины!.. А между тем даровать счастье спутнице жизни — прекраснейший из подвигов, какими человек сможет похвастать в долине Иосафатовой[405]: ведь, согласно Писанию, Ева не была счастлива в земном раю. Она возжелала отведать запретный плод — этот вечный символ супружеской измены.

Мы охотно развили бы эту блестящую теорию, но не сделаем этого по одной весьма уважительной причине. В данном сочинении ей не место. Мы рассматриваем жизнь супружеской пары в тот период, когда жена готовится принести мужа в жертву Минотавру; муж, который рискнет улечься спать вдали от жены в эту пору, сам навлечет на себя несчастье; жалеть о нем не стоит.

Итак, подведем итог.

Не все мужчины чувствуют в себе довольно сил, чтобы ночевать в отдельной спальне; напротив, всякий мужчина может с большим или меньшим успехом справиться с трудностями, какими грозит ему обыкновение спать в одной

---

[405] Сноски: 405

То есть в месте воскресения мертвых и суда над ними (Иоил. 3:2).

постели с женой.

Значит, нам необходимо исследовать способы преодоления этих трудностей, которые поверхностные умы могут выставить в качестве аргументов против последнего обыкновения, которое, как легко заметить, кажется нам предпочтительным.

Пусть, однако, параграф, посвященный раздельным спальням, — параграф немногословный, который многие супружеские пары дополнят самостоятельно, — послужит пьедесталом величественной фигуре Ликурга, древнего законодателя, которому греки обязаны самыми глубокими мыслями о браке[406]. Да сумеют грядущие поколения постичь смысл его системы! И если современные люди чересчур вялы для того,

---

[406] Сноски: 406

Согласно наставлениям Ликурга, «пробыв с невестою недолгое время, жених скромно удалялся, чтобы, по обыкновению, лечь спать вместе с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене наведываясь тайно, с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходиться, улучив минуту, никем не замеченные. Так тянулось довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь была не только упражнением в воздержанности и здравомыслии — тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вожделения» (*Плутарх*. Ликург, XV; Т. 1. С. 64; пер. С. П. Маркиша).

чтобы воплотить ее в жизнь, пусть они хотя бы напитаются могучим духом этого превосходного законодательства.

§ 3. Одна общая постель

Однажды декабрьской ночью великий Фридрих[407], взглянув на небо, усыпанное звездами, чей яркий и чистый свет предвещал суровый мороз, воскликнул: «Нынешняя погодка принесет Пруссии немало солдат!..»

Эта фраза короля указывает на главное неудобство, каким чреват обычай спать в одной постели. Наполеону и Фридриху пристало уважать женщину в зависимости от числа ее детей, но мужчина, одаренный талантом супруга, должен следовать советам Размышления XIII и видеть в зачатии ребенка не что иное, как способ обороны, которым следует распоряжаться с умом.

Чтобы прояснить смысл этого замечания, пришлось бы проникнуть в тайны, которые муза Физиологии разгадывать стыдится. Она дала себе зарок входить в супружескую спальню лишь в те часы, когда спальня эта пуста; что же до любовных забав, их вид покрывает щеки нашей

---

[407] Сноски: 407
Имеется в виду Фридрих II (1712–1786), прусский король с 1740 года.

недотроги краской стыда.

Поскольку муза именно в этом месте книги зарумянилась, как юная дева, и поднесла белые руки к глазам, чтобы смотреть на все, что творится кругом, только сквозь свои тонкие пальцы, она воспользуется этим припадком стыдливости и выбранит наши нравы.

В Англии супружеская спальня — место священное. Доступ туда открыт только самим супругам; говорят даже, что не одна леди стелит постель собственноручно. Отчего же должно было случиться так, что из всех заморских маний мы презрели именно ту, что исполнена прелести и тайны и могла бы прийтись по вкусу всем чувствительным душам на континенте? Женщины деликатные осуждают бесстыдство, с каким французы допускают посторонних в святилище брака. Что же до нас, если мы выступили непримиримыми противниками женщин, выставляющих напоказ свою беременность, то наше мнение на сей счет угадать нетрудно. Если мы хотим, чтобы холостяки уважали брак, женатым мужчинам следует уважать чувства мужчин неженатых и не распалять их понапрасну.

Надо признать, что мужчина, всякую ночь укладывающийся в одну постель с женой, может

показаться самым дерзким фатом.

Найдется немало мужей, которые спросят, как осмеливается человек, притязающий на усовершенствование брачных установлений, предписывать супругу образ жизни, который неминуемо погубил бы любовника.

Тем не менее доктор брачных наук и художеств настаивает на своем.

Во-первых, если только муж не решится вообще никогда не ночевать дома, ничего другого ему не остается, ибо об опасностях, которыми чреваты две другие системы, мы уже предупредили. Итак, нам предстоит доказать, что описываемый способ сулит супружеской паре, подошедшей к порогу, за которым ее ждет Минотавр, больше выгод и меньше невыгод, чем два предыдущих.

Из наших замечаний касательно двух кроватей, стоящих в одном алькове, мужья могли извлечь вывод, что они, так сказать, обязаны всегда быть пылки ровно в той же степени, что и их гармонически организованные жены: между тем это совершенное равенство ощущений, как нам кажется, достигается довольно естественным образом, когда оба супруга пребывают под защитой одного и того же белого льняного покрова, а это — преимущество нешуточное.

В самом деле, если вы с женой спите рядом и ваши головы покоятся на одной подушке, вы без труда можете во всякое время выяснить, насколько сильной и пылкой страстью объята ваша благоверная.

Человек (мы имеем в виду человеческие существа обоего пола) всегда имеет при себе документ, ясно и безошибочно оповещающий о степени его чувственности. Этот таинственный *гинометр* — не что иное, как человеческая ладонь. Из всех наших органов рука первой выдает наши чувственные склонности. *Хирология* — пятый труд, сочинение которого я завещаю потомкам, теперь же коснусь лишь тех сторон этой науки, что имеют самое непосредственное отношение к предмету моего разговора[408].

Рука — главный орган осязания. Осязание же — чувство, способное с наибольшим успехом заменить все другие чувства, которые, напротив, осязание заменить не способны. Поскольку все, что человеку случалось до сего дня задумать,

---

[408] Сноски: 408

Гинометр — неологизм Бальзака (от *греч.* «гине» — женщина). Слово «хирология» в первой половине XIX века употреблялось во Франции в значении «умение разговаривать с помощью жестов». Бальзак, однако, использует его в другом значении — том, которое вошло в широкое употребление лишь в XX веке; под хирологией он подразумевает науку о соотношении между формой руки и характером человека.

приводили в исполнение только человеческие руки, руку, пожалуй, можно назвать самим *действием*. Всю нашу силу мы вкладываем в движения рук; примечательно, что у людей могучего ума, призванных к великим свершениям, почти всегда красивые руки. Иисус Христос творил чудеса наложением рук. Рука — источник жизни, всякое ее прикосновение исполнено волшебной мощи; неудивительно, что именно руке мы обязаны половиною любовных наслаждений. Врачу она выдает все тайны нашего организма. Ни одна часть нашего тела не испускает в пространство больше нервных флюидов, или неведомой субстанции, которую, за неимением иного термина, следует называть *волей*. По глазам возможно угадать состояние души, рука же выдает разом и тайны тела, и тайны мысли. С годами мы научаем молчанию наши глаза и губы, брови и чело, но рука не умеет таиться и превосходит в красноречии любой другой орган человеческого тела. Изменения ее температуры столь ничтожны, что ускользают от внимания людей ненаблюдательных, но тому, кто изучил анатомию чувств и вещей, уловить эти перепады нетрудно. Рука знает тысячу разных состояний, она может быть сухой, влажной, горячей, ледя-

ной, нежной, шершавой, жирной. Она трепещет, увлажняется, твердеет, умягчается. Наконец, она непостижимым образом становится, можно сказать, *воплощением мысли*. Она приводит в отчаяние скульпторов или художников, вознамерившихся передать изменчивое и таинственное переплетение ее линий. Протянуть человеку руку — значит спасти его. Рука служит залогом всех наших чувств. Испокон веков колдуньи стремились прочесть нашу судьбу по линиям руки и имели на то веские причины: ведь линии руки и в самом деле соответствуют основаниям жизни и характера человека. Если женщина говорит, что мужчина не способен ее *тронуть*, этот приговор обжалованию не подлежит. Наконец, недаром говорят: рука правосудия, рука Господня, а восхищаясь проворством и дерзостью, недаром толкуют о ловкости рук.

Научиться определять чувства женщины по переменам в температуре ее руки, почти всегда доступной мужнему досмотру, — дело более верное и менее неблагодарное, нежели постижение премудростей физиогномики.

Овладев этим искусством, вы обретете огромное могущество и обзаведетесь путеводной нитью, которая поможет вам разобраться в ла-

биринтах самых непроницаемых сердец. Вы убережете вашу совместную жизнь от множества ошибок и обогатите ее множеством сокровищ.

Пойдем дальше: неужели вы искренне полагаете, что мужчина, ежевечерне укладывающийся в одну постель с женой, обязан быть Геркулесом?.. Какой вздор! Опытный муж лучше умеет выходить из этого положения, чем умела госпожа де Ментенон заменять кушанье увлекательным рассказом![409]

Бюффон и некоторые другие физиологи утверждают, что желание истощает наши органы куда сильнее, чем самое острое наслаждение. В самом деле, разве не является желание своего рода созерцательным обладанием? Не относится ли оно к реальному действию так же, как проявления нашей умственной жизни во сне относятся к событиям нашей материальной жизни? Разве внутреннее напряжение, необходимое для этого

---

[409] Сноски: 409

Прежде чем стать морганатической женой Людовика XIV, Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (см. примеч. 29 и 331) была замужем за комическим писателем Полем Скарроном, жила в бедности и, по выражению одного из ее биографов, «доставляла себе средства к существованию с помощью книг и стихов, острот и лести» (*La Beaumelle L. — A.* Vie de Mme de Maintenon. Nancy, 1753. T. 1. P. 67). Образ г-жи де Ментенон, заменяющей суп или жаркое остротой или эпиграммой, сохранился в нравоописательной литературе первой половины XIX века (см., например: *Парижанки.* С. 607).

энергического *поятия* вещей, не больше того напряжения, какое вызывает в нас внешний мир? Если правда, что жесты наши суть воплощение деяний, уже совершенных мысленно, трудно ли догадаться, сколько жизненных флюидов потребляют регулярно посещающие нас желания? А разве страсти, представляющие собою не что иное, как сумму желаний, не метят лица честолюбцев или игроков и не изнашивают их тела с поразительной быстротой?

Следственно, замечания наши скрывают в себе зачатки таинственной системы, равно покровительствуемой тенями Платона и Эпикура[410]; мы предоставляем вам самостоятельно проникнуть в ее суть, собственноручно приподнять завесу, подобную той, что окутывала египетские статуи.

Но самая грубая ошибка, какую могут допустить мужчины, — полагать, будто любви посвящены в нашей жизни лишь те мимолетные мгновения, которые, согласно великолепному сравнению Боссюэ, подобны гвоздям, вбитым в стену на большом расстоянии один от другого; с первого взгляда кажется, что их очень много; однако соберите их вместе, и вы получите крохотную кучку,

---

[410] Сноски: 410

То есть системы, позволяющей сочетать любовь платоническую, духовную, с эпикурейской, плотской.

которую без труда уместите на ладони[411].

Любовь состоит преимущественно из разговоров. Если что и неистощимо в любовнике, так это доброта, изящество и деликатность. Все чувствовать, все угадывать, все предусматривать; упрекать, не греша грубостью; дарить подарки, не кичась собственной щедростью; удваивать ценность поступка затейливыми выдумками; льстить не словами, а делами; завоевывать не силой, а уговорами; покорять, не принуждая; ласкать взглядом и даже звуком голоса; никогда и ничем не смущать; забавлять, не оскорбляя вкуса; хватать за сердце и брать за душу… — вот что нужно женщинам; они отдадут все радости Мессалины[412] за счастье жить с существом, щедрым на душевные ласки, до которых они столь охочи и которые, не стоя мужчинам ни малейшего труда, требуют от них разве что толику внимания.

В этих строках содержатся едва ли не все тайны супружеского ложа. Найдутся, быть может,

---

[411] Сноски: 411

Бальзак цитирует проповедь теолога и прелата Жака-Бениня Боссюэ (1627–1704) «О краткости жизни». Боссюэ сравнивает с гвоздями, вбитыми в стену, редкие моменты, когда человек испытывает удовлетворение или удостаивается почестей.

[412] Сноски: 412

Римская императрица Мессалина (ум. 48), жена императора Клавдия, была знаменита своим распутством.

шутники, которые примут наше пространное описание учтивого обхождения за определение любви, хотя, по сути дела, мы всего-навсего посоветовали вам обращаться с женой не хуже, чем с министром, от которого зависит ваше назначение на завидную должность.

Я уже слышу, как тысячи голосов вопиют, что в этой книге мы чаще принимаем сторону женщин, нежели сторону мужчин;

что большинство женщин недостойны столь трогательной предупредительности и не замедлят употребить ее во зло;

что есть женщины, созданные для распутства, и они не преминут счесть столь изысканные манеры надувательством;

что женщины тщеславны до мозга костей и думают только о тряпках;

что иной раз ими овладевает упрямство поистине необъяснимое;

что подчас обходительность их злит;

что они глупы, ничего не понимают, ничего не стоят и проч.

На все эти вопли мы ответим здесь только одной фразой; отделенная от остального текста пробелами, она, пожалуй, если воспользоваться

выражением Бомарше, сойдет за мысль[413].

LXIV

Замужняя женщина ведет себя с мужем так, как муж ее приучил.

Пользоваться услугами верного посредника, который посвящает вас в сокровеннейшие мысли жены, заставлять ее невольно выдавать собственные секреты, поддерживать в себе любовную страсть того же накала, что горит в ее душе и теле, не расставаться с нею, слышать, покоен ли ее сон, избегать недоразумений, которые погубили столько браков, — вот выгоды, какие получает мужчина, спящий в одной постели с женой; разве не свидетельствуют они о превосходстве этого устройства супружеской спальни над двумя другими?

Впрочем, поскольку за все надо платить, способ этот требует от вас умения сохранять элегантность даже во сне, выглядеть достойно даже в мадрасовом платке, быть учтивым, спать чутко, не слишком громко кашлять и подражать современным авторам, у которых предисловия длиннее книг.

---

[413] Сноски: 413

Цитата из комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (д. 1, явл. 2).

Размышление XVIII
О брачных революциях

Рано или поздно наступает миг, когда даже самые тупые из женщин и народов замечают, что их обманывают. Ловкие политики могут долго злоупотреблять чужой доверчивостью, но человечество было бы слишком счастливо, если бы обманы никогда не раскрывались: в этом случае народы и браки обошлись бы без многих кровавых трагедий.

Тем не менее осмелимся надеяться, что следование советам, изложенным в предшествующих Размышлениях, поможет кое-кому из мужей ускользнуть из лап Минотавра!

Согласимся в том, что не одна тайно зреющая любовная связь порвется под ударами Гигиены или будет обезврежена благодаря Политике, подобающей мужьям. Допустим (утешительное заблуждение!), что не один любовник будет изгнан из дома с помощью Личных Средств, не один муж сумеет накинуть непроницаемый покров на свои макиавеллические уловки и не один мужчина преуспеет больше, чем древний философ,

воскликнувший: «Nolo coronari!»[414]

Однако, к несчастью, мы вынуждены признать печальную истину. Деспот может наслаждаться покоем, но покой этот — не что иное, как затишье перед грозой, позволяющее путнику, улегшемуся на пожелтелую траву, слышать пение далекой цикады. Итак, в жизни почти всякой порядочной женщины наступает такой день, когда она поутру бросает на мужа орлиный взор, прозревает суть его хитроумных происков и обнаруживает, что стала жертвой адской брачной политики.

Она начинает злиться на себя за то, что так долго оставалась добродетельной. Когда, в какой год и день свершится эта страшная революция?.. Это всецело зависит от гения того или иного мужа, ибо не всем им удается исполнять предписания нашего брачного евангелия с равным блеском.

— Как же мало нужно любить женщину, — воскликнет обманутая супруга, — чтобы действовать с такой расчетливостью! Как! С самого перво-

[414] Сноски: 414

«Не желаю короноваться» (*лат.*). Французские комментаторы Бальзака традиционно приписывают эти слова Марку Аврелию (121–180), римскому императору (с 162 года) и философу-стоику, но не приводят никакого источника. Между тем Бальзак скорее всего заимствовал это латинское восклицание из «Мемуаров» Стерна (*Sterne-1.* P. 41), которые он не раз цитирует в «Физиологии брака» (см. примеч. 315 и 322): здесь повествователь размышляет о том, как бы он поступил, если бы стал королем, а затем «отвергает скипетр» и восклицает: «Nolo coronari!»

го дня он подозревал меня в неверности! Это чудовищно; женщина не способна на столь безжалостное коварство!

Это — тема. Дело мужа — отгадать, какими вариациями украсит ее юная Эвменида, взятая им в жены.

Впрочем, сделав страшное открытие, женщина изливает свой гнев на супруга далеко не сразу. Она молчит и таится. Свою месть она готовит во мраке. Однако если по истечении медового месяца вам угрожали одни лишь ее колебания, теперь вам придется бороться с ее решимостью. Она поклялась отомстить. С этого дня для вас она превратится в существо с каменным лицом и каменным сердцем. Прежде вы были ей безразличны, теперь мало-помалу ваше общество станет для нее невыносимым. Впрочем, гражданская война разразится не прежде, чем какое-нибудь более или менее серьезное событие переполнит чашу терпения вашей жены и вы сделаетесь ей отвратительны. С момента, когда жена раскроет ваши козни, до того рокового часа, который положит конец вашему доброму согласию, вы успеете предпринять целый ряд оборонительных мер, с которыми мы вас сейчас познакомим.

До сих пор вы оберегали свою честь лишь средствами сугубо потаенными. Отныне вам придется обнажить сцепления ваших брачных механизмов. Прежде вы стремились предупредить преступление, теперь вы займетесь наказанием преступников. Вы начинали с переговоров, а кончите тем, что вскочите в седло с саблей наголо, словно парижский жандарм. Гарцуя на коне, размахивая саблей, крича во все горло, вы будете стараться рассеять бунтовщиков, не ранив никого из них.

Как сочинителю этой книги необходимо было найти способ перейти от рассказа о тайных средствах к разговору о средствах явных, так мужу необходимо отыскать оправдание столь резким переменам в своей политике: ведь и в браке, и в литературе все решает мастерство переходов, а переход, который предстоит вам сейчас, значит особенно много. В какое ужасное положение поставите вы себя, если прогневите жену именно в этот переломный момент вашей супружеской жизни!..

Итак, надобно отыскать средство оправдать тайную тиранию, в какой вас изобличили; средство это приуготовит вашу жену к жестоким мерам, которые вы собираетесь принять; оно не

только не лишит вас ее уважения, но, наоборот, примирит ее с вами; наконец, оно позволит вам вымолить у нее прощение и даже возвратит кое-какие из тех чар, какими вы пленяли ее до свадьбы…

Но откуда же возьмется такое средство?.. Да и существует ли оно вообще?..

Да, существует.

Однако какой ловкостью, какой чуткостью, каким актерским мастерством должен обладать муж, желающий воспользоваться теми сокровищами мимического искусства, на которые мы ему укажем. Чтобы разыграть страсть, чей огонь возродит вас, вам надлежит сравняться с великим Тальма!..[415]

Имя этой страсти — РЕВНОСТЬ.

— Муж ревнует меня. Он ревновал меня со дня нашей свадьбы… Из высшей деликатности он скрывал от меня это чувство. Значит, он меня все еще любит?.. Я смогу вертеть им, как захочу!..

Вот какие открытия должна мало-помалу совершать женщина, перед которой вы разыграете свою восхитительную комедию; светский чело-

---

[415] Сноски: 415

Французский трагический актер Франсуа-Жозеф Тальма (1763–1826) исполнял роль Отелло в трагедии Шекспира (в переработке французского драматурга Ж. — Ф. Дюси).

век выкажет себя безнадежным глупцом, если не сумеет заставить жену поверить в то, что для нее лестно.

С каким безграничным лицемерием должны вы возбуждать любопытство вашей супруги, подсказывать ей новые темы для размышлений, увлекать ее в лабиринт ваших мыслей!..

Первоклассные актеры, предвкушаете ли вы уже дипломатические умолчания, хитрые ужимки, таинственные речи и двусмысленные взгляды, которые рано или поздно заставят вашу жену попытаться выведать у вас тайну вашей страсти?

О! Смеяться в душе, бросая кругом кровожадные взгляды; не лгать, но и не говорить всей правды; покорить капризный ум женщины и внушить ей, что она помыкает вами, меж тем как на самом деле это вы вот-вот замкнете вокруг ее шеи стальной ошейник!.. — это комедия без публики, разыгрываемая двумя сердцами, состязание, из которого оба противника мнят выйти безусловными победителями!..

Не кто иной, как ваша жена, сообщит вам, что вы ревнивы, убедит, что знает вас куда лучше, чем вы сами, докажет бесполезность ваших уловок; быть может, бросит вам вызов. Хмелея от

мнимого торжества над вами, она станет почитать вас куда больше прежнего, ведь она находит ваше поведение совершенно естественным. Впрочем, она уверена, что ваши хлопоты бесполезны: если бы она хотела вам изменить, кто бы мог ей помешать?..

Потом наступит вечер, когда в порыве страсти, отыскав самый пустячный предлог, вы устроите жене сцену и, забывшись, выдадите ей, до каких крайностей способна довести вас ревность. Вот правила, которыми вам надлежит руководствоваться.

Не бойтесь прогневить жену; ваша ревность ей необходима. Больше того, она сама примется искать ваших кар. Во-первых, кары эти послужат ей оправданием, во-вторых, в свете она извлечет из роли жертвы массу выгод: ведь она удостоится самого упоительного сочувствия. Наконец, она возмечтает обратить вашу ярость против вас и заманить вас в ловушку.

Грядущие измены покажутся ей в тысячу раз более обольстительными, а преграды, воздвигнутые вами, лишь разогреют ее воображение: разве не чувствует она в себе силы их одолеть?

Женщины куда лучше нас умеют исследовать два чувства, которыми они пользуются в борьбе

против нас, а мы — в борьбе против них. Они чутьем понимают, что такое любовь, ибо живут только любовью, и что такое ревность, ибо это едва ли не единственное средство, с помощью которого они могут повелевать нами. В женщине ревность — чувство глубоко искреннее, ибо проистекает из инстинкта самосохранения; для женщины ревность — вопрос жизни и смерти. Напротив, для мужчины это почти неизъяснимое чувство — нелепость, если только он не прибегает к нему как к военной хитрости.

Ревновать женщину, которая вас любит, совершенно бессмысленно. Мы либо любимы, либо нет: в обоих случаях ревновать бесполезно; вероятно, ревность так же необъяснима, как и страх; больше того, быть может, она и есть страх утратить любовь. Однако, ревнуя, вы сомневаетесь не в своей жене, но в самом себе.

Быть ревнивым значит выказывать разом верх эгоизма, недостаток самолюбия и излишек ложного тщеславия. Женщины с чудесной расторопностью подогревают в нас это смехотворное чувство, приносящее им кашемировые шали, брильянтовые серьги и деньги на булавки, — оно служит термометром их могущества. Поэтому, если вы не притворитесь человеком, ослепленным

ревностью, жена ваша будет держаться настороже; на свете есть всего одна западня, которой она не опасается, — это та, которую она устроит себе сама.

Что же касается сетей, расставленных мужем, то женщина попадается в них довольно легко, если муж успевает направить неизбежно свершающуюся в ее душе революцию по указанному нами верному пути.

Итак, ваша задача — внести в супружескую жизнь то удивительное явление, что зовется в геометрии асимптотами[416]. Ваша жена будет неустанно стремиться вас минотавризировать, но никогда не сможет достичь цели. Уподобившись тем узлам, которые затягиваются прочнее всего именно в тот миг, когда их начинают развязывать, она будет действовать в ваших интересах, пребывая в священной уверенности, что бьется за свою собственную независимость.

---

[416] Сноски: 416

Асимптота кривой — прямая, к которой неограниченно приближается бесконечная ветвь этой кривой. Один из первых критиков обратил внимание на этот термин и упрекнул Бальзака в непоследовательности: «Инженер и геометр, наш физиолог представляет брак в виде асимптоты и полагает, что нарисовал математическую линию, следуя которой жена вечно будет стремиться обмануть мужа, но никогда не сможет в этом преуспеть. Однако в конце второго тома мы находим речь этого мужа, заставшего жену с любовником, — речь, конечно, весьма пылкую, но куда же делась асимптота?» (Le Globe. 16 février 1830).

Так для государя высшая степень *оборотливости* — уверить народ, что тот сражается за свое счастье, меж тем как на самом деле он отдает жизнь за прочность королевского трона.

Однако многие мужья столкнутся с серьезным затруднением уже в самом начале этой кампании. Если женщина держится очень скрытно, как узнать, разгадала ли она ваши предшествующие уловки?

Размышление о таможенном досмотре и теория кровати уже указали вам на некоторые способы прочтения женских мыслей; мы, впрочем, не притязаем на то, чтобы исчерпать в нашей книге все богатства человеческого ума — ведь богатства эти бесконечны. Вспомним Рим: в дни сатурналий римляне за десять минут узнавали о своих рабах больше, чем за весь остальной год![417] Устройте в вашей семье сатурналии и возьмите пример с Геслера, который, увидев, как Вильгельм Телль сбил яблоко с головы своего сына, решил, должно быть: «Надо избавиться от этого человека, ибо, если он захочет убить меня,

[417] Сноски: 417

Сатурналии, ежегодные древнеримские празднества в честь бога Сатурна, сопровождались карнавалом, во время которого сословные различия не соблюдались и рабы вели себя как господа.

он не промахнется»[418].

Итак, на сей раз, если ваша жена захочет пить руссийонское вино, есть баранье филе, уходить из дома когда вздумается и читать Энциклопедию, вы должны поощрять эти склонности самым настоятельным образом. Видя, что вы действуете вразрез с вашей предыдущей системой, она проникнется недоверием к собственным желаниям. Она заподозрит, что вы столь резко изменили курс из какой-то корысти, и вместо радости испытает от предоставленной ей свободы одну лишь тревогу. Что же до возможных дурных последствий такого порядка вещей, здесь следует положиться на будущее. Когда разражается революция, главное — управлять тем злом, которого невозможно избежать, и приманивать молнию громоотводом, дабы она ушла глубоко в землю.

Меж тем комедия близится к последнему акту.

Любовник, который с того дня, когда в поведении вашей жены обнаружился самый незначительный из *первых симптомов*, и до той поры, когда в вашем семействе разразилась *брачная*

---

[418] Сноски: 418

Пример Геслера, строго говоря, не вдохновляет на подражание, ибо, согласно легенде, после того как этот австрийский правитель швейцарского кантона Ури принудил меткого стрелка Телля к такому жестокому испытанию, как стрельба в яблоко на голове собственного сына, Телль в самом деле не промахнулся и убил его самого.

революция, порхал поодаль либо во плоти, либо в виде грезы, любовник, узрев поданный ему знак, является и говорит: «Вот и я».

Размышление XIX
О любовнике

Мы предлагаем вашему вниманию целый ряд максим.

Будь все они совершенно неизвестны до 1830 года, пришлось бы признать, что род человеческий безнадежен, — они так четко определяют отношения и расхождения между вами, вашей женой и ее любовником, они призваны пролить столь яркий свет на вашу политику и так ясно обрисовать вам силы противника, что профессор приносит в жертву свое самолюбие и не станет притязать на авторство; если же по случайности среди нижеследующих афоризмов обнаружится мысль совершенно новая, отнесите ее на счет дьявола, водившего пером сочинителя.

LXV

Говорить о любви значит заниматься ею.

LXVI

Самое пошлое из желаний любовник неизменно выдает за плод выстраданного восхищения.

LXVII

Любовник обладает всеми достоинствами и всеми недостатками, каких лишен муж.

LXVIII

Любовник не только дает жизнь всему, что ни есть; он также заставляет забывать о жизни; что же до мужа, он не дает жизни ничему.

LXIX

Любовник верит всем чувствительным ужимкам, на которые так щедры женщины; там, где муж только пожимает плечами, любовник обмирает от восторга.

LXX

Степень близости любовника с замужней женщиной выдают лишь его манеры.

LXXI

Женщина никогда не знает, за что она любит. Мужчина же редко любит совершенно бескорыстно. Муж должен разгадать эту тайную корысть и сделать из нее рычаг Архимеда.

LXXII

Умный муж никогда не выскажет вслух предположения, что у его жены есть любовник.

LXXIII

Любовник повинуется всем прихотям своей избранницы, а поскольку в объятиях любовницы мужчина никогда не выглядит подлым, он употребляет для того, чтобы ей понравиться, те средства, какие нередко претят мужьям.

LXXIV

Любовник обучает женщину всему, что скрывал от нее муж.

LXXV

За все радости, какими женщина одаряет любовника, ей воздается сторицей; ощущения ее богаты не только тем, что она получила, но и тем, что она отдала взамен. Для мужей эти торговые операции чаще всего кончаются банкротством.

LXXVI

Любовник говорит с женщиной лишь о том, что может ее возвысить; муж, даже любя, не может не давать ей советов, в которых звучит укоризна.

LXXVII

Любовник всегда думает сначала о своей любовнице, а муж — о самом себе.

LXXVIII

Любовник всегда желает выглядеть любезным. Преувеличенная любезность нередко бывает смешна; ваше дело — воспользоваться этим.

LXXIX

Число подозреваемых в преступлении (если, конечно, речь не идет об отбывшем срок каторжнике, совершившем убийство на каторге[419]) никогда не превосходит пяти человек; это известно каждому следователю.

Муж должен рассуждать точно так же, как следователь, начинающий дознание; но ему, когда он пускается на поиски любовника своей жены, нет нужды выбирать даже из трех подозреваемых.

LXXX

Любовник всегда прав.

LXXXI

---

[419] Сноски: 419

Этот вариант, о котором французский комментатор Рене Гиз замечает, что смысл его остается крайне туманным, появился только в 1846 году в издании Фюрна; во всех предшествующих изданиях фигурировал «каторжник, совершивший убийство по чистой случайности».

Любовник замужней женщины говорит ей[420]*: «Сударыня, вам необходим покой. Вы обязаны служить образцом добродетели для ваших детей. Вы поклялись даровать счастье вашему мужу, который, несмотря на некоторые изъяны (у меня их еще больше), достоин вашего уважения. И что же? Вам придется принести вашу семью и вашу жизнь в жертву мне только оттого, что я пленился вашей хорошенькой ножкой. Не вздумайте роптать; раскаяние — обида, за которую я отомщу куда более жестоко, чем мстит закон неверным женам. В награду за ваши жертвы я подарю вам столько же радостей, сколько и мук». Невероятно, но, несмотря на все это, любовник торжествует!.. Форма, в которую он облекает свое признание, действует безотказно. Он произносит всего два слова: «Я люблю». Любовник — глашатай, возвещающий миру о талантах, красоте или уме женщины. А о чем*

---

[420] Сноски: 420

Монолог любовника, по-видимому, навеян пассажем из статьи Дидро «О женщинах» (ср. примеч. 176): «Что же значат эти легко произнесенные и легкомысленно услышанные слова: „Я вас люблю!“? Они значат: „Если вы согласны пожертвовать ради меня вашей невинностью и вашей нравственностью; потерять уважение окружающих и самой себя; жить в свете с потупленными от стыда очами до тех пор, пока привычка к распутству не привьет вам бесстыдства, нанести смертельную рану своим родителям, а мне доставить миг наслаждения, — я вам весьма признателен“» (*Diderot D.* Œuvres. Paris, 1951. P. 957).

возвещает муж?

В сущности, любовью, которую внушает или питает замужняя женщина, менее всего можно гордиться: в мужней жене страсть к любовнику — плод безмерного тщеславия, в самом этом любовнике — плод эгоизма. Любовник замужней женщины берет на себя так много обязательств, что за столетие рождаются на свет самое большее три человека, которые эти обязательства исполняют; любовник обещает посвятить своей избраннице всю жизнь, но в конце концов неизбежно бросает ее: и он, и она прекрасно это знают, и с основания человеческого общества она всегда выказывает величие духа, а он — черную неблагодарность. Глубокая страсть вызывает подчас сострадание судей, ее порицающих; где, однако, видите вы страсти истинные и долговечные? Каким же могуществом должен обладать муж, дабы с успехом бороться против человека, чьи чары заставляют женщину обречь себя на столь страшные бедствия?!

Мы убеждены, что, умело употребляя описанные выше средства обороны, всякий муж способен препятствовать жене до тех пор, пока ей не исполнится двадцать семь лет, не столько выбрать любовника, сколько согрешить с ним.

Конечно, кое-где встречаются мужчины, чей супружеский гений позволяет им творить чудеса: их жены в тридцать и даже в тридцать пять лет все еще безраздельно принадлежат им душой и телом; однако подобные исключения оскорбляют и устрашают общество. Случаются они лишь в провинции, где стены домов, кажется, сделаны из стекла и жизнь в них протекает у всех на виду, отчего мужья обретают над женами громадную власть. Своим изумительным могуществом супруг обязан окружающим его людям и вещам, а в городах, где проживает хотя бы двести пятьдесят тысяч душ, ему рассчитывать не на что.

Итак, можно считать доказанным, что переломный момент в жизни добродетельной женщины — ее тридцатилетие[421]. В эту критическую пору уследить за женой становится так трудно, что по-прежнему держать ее взаперти в супружеском раю сумеет лишь тот муж, кото-

---

[421] Сноски: 421

По понятиям начала XIX века, в тридцать лет женщина уже не имела права на любовные переживания. Бальзак, автор повести «Тридцатилетняя женщина» (1831–1834), вошел в историю литературы, среди прочего, как человек, который, выражаясь словами одного из его биографов, «бесконечно продлил для женщин возраст, в котором они способны любить и, главное, быть любимыми» (*Gozlan L.* Balzac en pantoufles. Paris, 1865. P. 18). Тридцатилетняя женщина благодаря Бальзаку стала типом; поначалу именно такую даму называли женщиной бальзаковского возраста, однако с годами границы этого самого возраста очень сильно расширились.

рый прибегнет к последним оборонительным мерам из нашего арсенала; им посвящены Размышления *о полицейском надзоре, о способах возвращаться домой и о перипетиях.*

Размышление XX
Опыт о полицейском надзоре

Все средства, рожденные законами, нравами, силой и хитростью, брачная полиция употребляет для того, чтобы воспрепятствовать вашей жене в совершении трех действий, без которых любовь, по всей вероятности, существовать не может, а именно: переписываться, видеться, переговариваться.

Полицейский надзор в той или иной степени сочетается с оборонительными мерами, которым посвящены предшествующие Размышления. Как и когда их смешивать, может подсказать лишь чутье. Система в целом весьма растяжима: смышленый муж легко угадает, каким образом ее следует применять, расширяя или сужая. Находясь под надзором брачной полиции, женщина может дожить до сорока лет, так и не согрешив.

Мы разделим наш трактат о полицейском надзоре на пять частей:

§ 1. О мышеловках.
§ 2. О переписке.
§ 3. О шпионах.
§ 4. О списке запрещенных предметов.
§ 5. О бюджете.

§ 1. О мышеловках

Хотя муж, о котором мы ведем речь, находится в критических обстоятельствах, мы исходим из предположения, что любовник еще не сделался *полноправным гражданином* его супружеских владений. Нередко муж догадывается, что его жена завела любовника, но не знает, на ком из пяти или шести избранных существ, о которых мы упоминали выше, остановиться. Сомнения мужей проистекают, разумеется, из некоего нравственного недуга, излечить который вам незамедлительно поможет профессор.

Фуше располагал в Париже тремя или четырьмя домами, куда приходили люди самого высокого звания; хозяйки этих домов были всецело преданы Фуше, и преданность их обходилась государству недешево. Министр называл эти дома, где ничего не подозревавшие гости чувствовали себя совершенно непринужденно, своими *мышеловками*. Не один человек был арестован после

бала, где блестящие парижские аристократы поневоле становились сообщниками оратори-анца[422].

Расположить жареные орешки так искусно, чтобы женщина протянула к ним свою белую ручку и попалась в мышеловку, нелегко, ибо жена ваша, без сомнения, держится настороже; но не бойтесь, в вашем распоряжении по меньшей мере три вида мышеловок: *неотразимая, обманка* и *с пружиной*.

Мышеловка неотразимая

Дано: мужья А и Б желают опознать любовников своих жен. Поместим мужа А в самом центре залы, перед столом, ломящимся от фруктов, хрусталя, сладостей и ликеров, а мужа Б — в любой другой точке той же залы. Шампанское откупорено, глаза блестят, языки развязываются.

Муж А (*очищая каштан*). Что до меня, я восхищаюсь литераторами, но издали; по мне, они несносны, они навязывают нам свои мнения; не знаю, что сильнее оскорбляет нас, — их пороки

---

[422] Сноски: 422

Жозеф Фуше (1759–1820), министр полиции в 1799–1809 годах, наводнивший Францию своими шпионами, в юности, до Революции, видным деятелем которой он был, получил образование в коллеже, руководимом монахами-ораторианцами.

или их достоинства; право, превосходство их ума, кажется, только лишний раз подчеркивает и эти пороки, и эти достоинства. Короче!.. (*Он расправляется с каштаном.*) Я согласен, что гениальные люди суть эликсиры, но не будем ими злоупотреблять.

Жена Б (*внимательно слушавшая речи мужа А*). Однако, господин А, вы чересчур разборчивы. (*Лукаво улыбается.*) Я думаю, глупцы грешат столькими же изъянами, что и люди даровитые, с той разницей, что вторых мы прощаем, а первые этого не заслуживают.

Муж А (*уязвленно*). По крайней мере, сударыня, вы не станете отрицать, что с вами литераторы держат себя не слишком любезно…

Жена Б (*живо*). Кто вам это сказал?

Муж А (*с улыбкой*). Разве они поминутно не подавляют вас своим превосходством? Они так тщеславны, что, кажется, не оставляют места вам…

Хозяйка дома (*в сторону, жене А*). Поделом тебе, милочка моя… (*Жена А пожимает плечами.*)

Муж А (*продолжает свой монолог*). К тому же, поскольку привычка сочетать идеи позволяет им проникнуть в механизм чувств, любовь становится для них делом сугубо физическим, и они,

как всем известно, не блещут…

Жена Б (*поджав губы, перебивает его*). Мне кажется, сударь, об этом вправе судить лишь мы одни. Впрочем, я хорошо понимаю, отчего светские люди не любят литераторов!.. Все дело в том, что бранить их легче, чем на них походить.

Муж А (*пренебрежительно*). Ах, сударыня, светские люди могут нападать на нынешних авторов, не рискуя, что их заподозрят в зависти. Не один завсегдатай салонов, возьмись он за перо…

Жена Б (*горячо*). На ваше несчастье, сударь, кое-кому из ваших друзей-депутатов случалось выпускать в свет романы; и что же, смогли вы дочесть хоть один из них до конца?.. Ведь нынче самое незначительное сочинение требует предварительных исторических разысканий, требует…

Муж Б (*прервав разговор со своей соседкой, в сторону*). Ну и ну! неужели моя жена любит господина де Л. (автора «Грез барышни»)?.. Странно, странно, а я-то был уверен, что она влюблена в доктора М… Что ж, проверим… (*Вслух*.) Знаете, дорогая, вы, пожалуй, правы. (*Общий смех*.) В самом деле, я предпочел бы видеть в своей гостиной скорее художников и литераторов (*в сторону*: Если мы вообще будем устраивать приемы),

нежели людей других профессий. Художники, по крайней мере, говорят о вещах общедоступных: ибо кто из нас не считает себя человеком со вкусом? Но судьи, адвокаты, а особенно врачи… Ах! признаюсь честно, вечно слышать разговоры о процессах и болезнях, двух бичах рода человеческого, которые…

Жена Б (*прерывая беседу с соседкой, чтобы ответить собственному мужу*). Конечно, врачи несносны!..

Жена А (*соседка мужа Б, говорит одновременно с женой Б*). Что вы такое говорите, милый сосед?.. Вы жестоко заблуждаетесь. Нынче никто не хочет казаться тем, кем является на самом деле: врачи, коль скоро вы заговорили о врачах, стараются избегать разговоров о своем ремесле. Они рассуждают о политике, модах, театральных представлениях; они рассказывают истории и пишут книги куда лучше многоопытных сочинителей; сегодня врачи совсем не те, что во времена Мольера…[423]

Муж А (*в сторону*). Ох-ох-ох! Выходит, моя жена влюблена в доктора М?.. Странно, странно. *(Вслух.)* Не стану спорить, моя дорогая, но я не до-

---

[423] Сноски: 423

В комедиях Мольера, в особенности в «Мнимом больном», самодовольные невежды-врачи выступают объектами постоянных насмешек.

верил бы врачу, балующемуся сочинительством, даже свою собаку.

Жена А (*перебивая мужа*). Это несправедливо; я знаю людей, которые занимают пять или шесть должностей и притом пользуются доверием правительства; особенно забавно мне, господин А, слышать такие речи от вас — ведь вы так высоко ставите доктора М…

Муж А (*в сторону*). Сомнений больше нет.

Мышеловка-обманка

Муж (*вернувшись домой*). Дорогая, госпожа де Фиштаминель[424] приглашает нас в ближайший вторник к себе на концерт. Я рассчитывал пойти туда, чтобы поговорить с юным кузеном министра, который собирался там петь, но он уехал к тетке во Фрувиль. Как, по-твоему, нам поступить?..

Жена. Честно говоря, я на этих концертах умираю от скуки!.. Сидишь на одном месте, как приклеенная, и не смеешь раскрыть рта… К тому

---

[424] Сноски: 424

В первых изданиях «Физиологии брака» здесь упоминалась госпожа ***. Фамилию Фиштаминель, которую носит одна из героинь «Мелких неприятностей супружеской жизни», Бальзак вставил в текст «Физиологии», когда готовил его для издания Фюрна, чтобы связать оба произведения.

же ты прекрасно знаешь, что мы во вторник ужинаем у моей матушки; не можем же мы не поздравить ее с днем ангела.

Муж (*небрежно*). Ах да, разумеется.

Три дня спустя.

Муж (*укладываясь в постель*). Знаешь, ангел мой, завтра я оставлю тебя у твоей матушки и все-таки поеду к госпоже де Фиштаминель: граф, оказывается, уже возвратился из Фрувиля и завтра будет у нее.

Жена (*живо*). Зачем же тебе ехать одному? Тем более что я обожаю музыку!

Мышеловка с пружиной

Жена. Отчего вы нынче вечером так рано уходите?

Муж (*загадочно*). Ах, я ввязался в такую неприятную историю, что, право, не знаю, как из нее выпутаться.

Жена. Но в чем дело? Адольф[425], будь умницей, немедленно расскажи мне, что случилось…

Муж. Дорогая моя, этот шалопай Проспер Маньян вызвал господина де Фонтанжа из-за одной оперной танцовщицы… Но что с тобой?..

---

[425] Сноски: 425

До издания Фюрна в этом месте фигурировало имя Шарль; Адольфа Бальзак ввел в текст по тем же соображениям, что и госпожу де Фиштаминель (см. предыдущее примечание).

Жена. Ничего. Просто здесь очень жарко. Вообще, не знаю отчего… но у меня сегодня весь день кровь так и приливает к щекам…

Муж (*в сторону*). Она любит господина де Фонтанжа! (*Вслух.*) Селестина! (*Еще громче.*) Селестина, скорее сюда! Госпоже дурно!..

Нетрудно понять, что остроумный муж отыщет тысячу способов расставить подобные мышеловки.

§ 2. О переписке

Написать письмо и отправить его по почте, получить ответ, прочесть его и сжечь — вот простейшая схема любой переписки.

Заметьте, однако, какие безграничные возможности цивилизация, нравы и любовь предоставляют женщине, дабы она могла утаить эти физические действия от мужнего взгляда.

Безжалостный ящик разевает пасть перед первым встречным и принимает оплаченную пищу из любых рук.

Вдобавок существует такое роковое изобретение, как почта *до востребования*.

В свете всегда обнаруживаются сотни сострадателей обоего пола, готовых тайком всунуть в руку сообразительной и обаятельной любовницы

нежную записку, с тем чтобы им при необходимости отплатили услугой за услугу.

Переписка — Протей. Существуют, например, симпатические чернила; один юный холостяк поведал нам историю послания, написанного им на чистом форзаце новой книги, которую купил у книготорговца муж, а внимательно изучила жена, предупрежденная накануне об этой восхитительной выдумке.

Если женщина влюблена и боится ревнивого мужа, она употребит на чтение любовных записок время, отведенное тому таинственному священнодействию, от которого ее не дерзнет отвлечь самый деспотический из супругов.

Наконец, все любовники мира умеют сообщаться между собой посредством того особого телеграфа, чьи прихотливые сигналы непонятны посторонним. Цветок, небрежно воткнутый

в прическу на балу[426]; носовой платок, брошенный на барьер ложи во время театрального представления; почесывание носа, нарочно выбранный цвет пояса, надетая или снятая шляпа, то или иное платье, романс, спетый во время концерта, мелодия, сыгранная на фортепиано, взгляд, брошенный в условленную сторону, — одним словом, все, начиная с уличного шарманщика, который играет у вас под окном и удаляется, если вы открываете ставни, и до объявления в газете о продаже лошади, все, вплоть до *вас самих*, может заменять влюбленным письма.

Действительно, разве не случается лукавой жене попросить мужа выполнить некое поручение, отправиться в некий магазин, в некий дом, заранее предупредив любовника, что при-

---

[426] Сноски: 426

«Язык цветов» в конце XVIII — начале XIX века был широко известен и запечатлен в многочисленных «Алфавитах Флоры» и других печатных изданиях (см.: *Басманова Э.* «И Флора уронила к ним цветок...». М., 2010. С. 57–82), что не исключало индивидуального использования цветочных символов. В дальнейшем Бальзак неоднократно показывал, как «работает» язык цветов. Например, в романе «Воспоминания двух юных жен» (1842) барон де Макюмер, влюбленный в Луизу де Шолье, просит ее в знак благосклонности появиться в Итальянской опере с белой и красной камелиями; после спектакля Луиза отчитывается подруге: «Увидев у меня в руках одну белую камелию, он опустил голову, а когда я взяла у матушки красную, сделался белее белой. Приехать в театр с двумя цветками я могла и случайно, но, взяв другой цветок у него на глазах, я дала ответ. Я призналась в любви!» (*Бальзак О. де.* Воспоминания двух юных жен. СПб., 2011. С. 107; пер. О. Гринберг).

сутствие мужа в этом месте будет означать «да» или «нет»?

Здесь профессор вынужден с позором расписаться в собственном бессилии и признать, что наука не знает способов помешать переписке любовников. Впрочем, супружеский макиавеллизм от этой неудачи лишь крепнет, черпая в ней больше мощи, чем в любых запретительных законах.

Супруги должны поклясться друг другу уважать тайну переписки и свято блюсти эту клятву. Достоин похвалы тот муж, который введет это правило в действие с первых дней брака и будет честно его исполнять.

Предоставив супруге неограниченную свободу писать и получать письма, вы обеспечиваете себе возможность не упустить тот день, когда она начнет переписываться с любовником.

Если жена, не доверяя вам, окутает свою переписку непроницаемой завесой — напрягите ум и прибегните к тем могущественным средствам, какие мы исчислили вам в Размышлении о Таможенном досмотре. Муж, не способный понять, что его жена только что написала письмо любовнику или получила от него ответ, недостоин звания мужа.

Каким бы скучным и утомительным ни было

глубокое изучение движений, поступков, жестов, взглядов вашей жены, оно не отнимет у вас много времени, ведь дело идет лишь о том, чтобы понять, как и когда ваша жена и ее любовник обмениваются письмами.

Мы отказываемся поверить, что муж, будь он даже невеликого ума, не сумеет разгадать эту женскую хитрость, если заподозрит, что жена к ней прибегла.

На одном примере вы сможете судить о тех возможностях надзирать и карать, какие предоставляет мужу переписка любовников.

Молодой адвокат, которому безумная страсть открыла кое-какие из принципов, запечатленных в этой важнейшей части нашего сочинения, женился по любви на юной особе, которая была к нему почти равнодушна (он почел это за великое счастье), и после года совместной жизни обнаружил, что его дорогая Анна (ее звали Анной) любит старшего приказчика биржевого маклера.

Адольф, юноша лет двадцати пяти, был недурен собой и, подобно всем холостякам мира, не упускал случая позабавиться. Бережливый, чистоплотный, добросердечный, он прекрасно ездил верхом, умел блеснуть остроумием, никогда не забывал завить свою черную шевелюру и

одевался не без изящества. Короче говоря, связь с ним сделала бы честь даже герцогине. Адвокат же был некрасивый, низкорослый, коренастый, невзрачный толстяк и, в довершение всего, — муж. Между тем Анна, высокая белолицая красавица с тонкими чертами и миндалевидными глазами, казалась воплощением любви. Страсть сообщала ее взгляду колдовское могущество. Она родилась в бедной семье, а у мэтра Лебрена было двенадцать тысяч ливров годового дохода. Этим все сказано. Однажды вечером Лебрен возвращается домой совершенно разбитый. Он идет в свой кабинет, намереваясь заняться делами, но жар и озноб не дают ему работать: приходится лечь в постель. Он стонет, жалеет своих клиентов, а главное, бедную вдову, чье состояние он надеялся спасти, заключив полюбовное соглашение. На завтра, говорит он, у него назначено важное деловое свидание, но он чувствует, что совсем разболелся. Подремав четверть часа, он просыпается и слабым голосом просит жену написать одному из его близких друзей письмо с просьбой заменить его завтра на переговорах. Он диктует длинное письмо, не сводя глаз с руки жены. Исписав оборот первого листа, Анна берется за второй; адвокат, как раз описывавший своему коллеге

радость, которую испытала бы его клиентка при подписании полюбовного соглашения, начинает роковой второй лист словами:

> Мой добрый друг, ступайте, о, ступайте как можно скорее к госпоже Вернон; Вас будут ждать там с величайшим нетерпением. Она живет на улице Сантье, в доме 7. Простите мне мою немногословность, но я надеюсь, что Ваше превосходное чутье поможет Вам отгадать все то, чего я не могу объяснить.
>
> ***Навеки Ваш***

— Дайте-ка мне письмо, — просит адвокат, — прежде чем поставить подпись, я хочу удостовериться, что в нем нет ошибок.

Несчастная жена, чью бдительность это послание, напичканное самыми варварскими юридическими терминами, полностью усыпило, вручает его мужу. Завладев лжеписьмом, Лебрен тотчас начинает стенать, корчиться и молит жену о какой-то неотложной услуге. Она выходит из комнаты на две минуты, не больше, но за это время адвокат успевает выскользнуть из постели, сложить чистый лист так, как складывают письмо, а лист, исписанный его женой,

спрятать. Когда Анна возвращается, он запечатывает чистый лист бумаги, просит написать на конверте адрес своего друга, а затем несчастная красавица вверяет безобидное послание слуге. Лебрен постепенно приходит в себя, засыпает — или делает вид, что спит, а наутро продолжает жаловаться на какие-то необъяснимые боли. Через пару дней он достает второй лист письма, превращает «навеки Ваш» в «навеки Ваша», с таинственным видом складывает эту невинную подделку, запечатывает ее, выходит из супружеской спальни, подзывает горничную и говорит: «Госпожа приказала отнести вот это господину Адольфу; ступайте не мешкая…» Убедившись, что горничная побежала исполнять приказание, он, сославшись на неотложное дело, покидает жену и отправляется по указанному в письме адресу, на улицу Сантье. В доме друга, посвященного в его выдумку, он мирно поджидает соперника. Любовник, не чуя под собою ног от счастья, прилетает, спрашивает госпожу де Вернон; ему отворяют, он входит в гостиную и сталкивается лицом к лицу с мэтром Лебреном; адвокат бледен, но держится хладнокровно; взор его спокоен, но неумолим. «Сударь, — взволнованно говорит он юному приказчику, чье сердце трепещет от ужаса, — вы

любите мою жену и стремитесь ей понравиться; я не вправе упрекать вас в этом: на вашем месте и в вашем возрасте я поступил бы точно так же. Но Анна в отчаянии; вы смутили ее покой, вы причиняете ей адские муки. Она мне все рассказала. Рассердившись на меня из-за пустяка, она написала вам записку, которая привела вас сюда, но очень скоро раскаялась и прислала меня вместо себя. Я не стану объяснять вам, сударь, что, продолжая ваши попытки соблазнить мою жену, вы погубите ее, лишите моего уважения, а затем и вашего; что вы совершите преступление, от которого, возможно, будут страдать и мои дети; не стану я говорить вам, сударь, и о том горе, которое вы причините мне; увы, для вас все это пустые слова!.. Но я объявляю вам, сударь, что любая ваша попытка приблизиться к моей жене толкнет меня на преступление; будьте уверены, я сумею вонзить нож вам в сердце, не прибегая к дуэли...» И глаза адвоката сверкнули гибельным огнем.

«Ах, сударь, — продолжал он более мягко, — вы молоды, вы великодушны; пожертвуйте собой ради счастья той, которую вы любите, оставьте ее, не пытайтесь с ней увидеться. А если вам непременно требуется кто-то из нашей семьи, у

меня есть молодая тетушка, которую еще никому не удалось покорить; она очаровательна, умна и богата, возьмитесь за нее и оставьте в покое порядочную женщину». Смесь шуток и угроз, пристальный взгляд и низкий голос мужа произвели на любовника впечатление неизгладимое. Минуты две он был не в силах произнести ни слова; со страстными людьми это случается: сильное потрясение напрочь лишает их присутствия духа. Если впоследствии у Анны и появились любовники (впрочем, на сей счет нам ничего не известно), то Адольф, вне всякого сомнения, к их числу не принадлежал.

Этот случай поможет вам понять, что переписка — орудие обоюдоострое, выгодное не только для *непоследовательной* жены, но и для держащего оборону мужа. Следственно, вы будете поощрять переписку по той же причине, по какой префект парижской полиции всякий вечер приказывает зажечь в городе фонари.

§ 3. О шпионах

Пасть так низко, чтобы выпрашивать сведения у собственных слуг, пасть еще ниже, платя им за их признания, — это отнюдь не преступление, но, пожалуй, малодушие и наверняка глупость,

ибо вы не можете ручаться за честность слуги, предающего свою хозяйку, и никогда не будете знать доподлинно, в ваших или в ее интересах он действует. Итак, на помощи слуг следует поставить крест.

Природа, эта нежная и добрая наставница, поместила подле каждой матери семейства соглядатаев самых надежных и самых прозорливых, самых правдивых и в то же время самых скромных из всех, какие могут найтись в мире. Они немы, но красноречивы, они все видят, но притворяются слепыми.

Однажды на бульваре я повстречал друга; он пригласил меня пообедать, и мы отправились к нему. Стол был уже накрыт, и хозяйка дома разливала дымящийся овощной суп в тарелки двух дочерей. «Вот один из моих *первых симптомов*», — подумал я. Мы сели. Хозяин дома, человек невеликого ума, разговаривающий с женой лишь от нечего делать, начал с того, что спросил: «Приходил кто-нибудь сегодня?..» — «Ни единой души!» — отвечала жена, даже не взглянув на мужа. Мне никогда не забыть той живости, с какой взглянули на мать обе дочери. Особенно выразителен был взгляд старшей, девочки лет восьми. В нем читались и откровения,

и тайны, и любопытство, и скрытность, и удивление, и поддержка. Быстроту, с какой вспыхнул в простодушном взоре девочек этот огонь, можно сравнить лишь со скоростью, с какою обе юные и предусмотрительные особы тотчас опустили прелестные завесы своих темных ресниц.

Нежные и милые создания, вы, которые с девяти лет и кончая той порой, когда вас самих уже можно выдавать замуж, нередко составляете для матери, даже и не слишком кокетливой, источник жестоких мучений, отчего — нечаянно или нарочно — ваш юный слух, не смущаясь ни стенами, ни дверями, улавливает даже самые приглушенные звуки мужского голоса, отчего ваши юные глаза подмечают все на свете, отчего ваш юный ум разгадывает любые загадки, вплоть до смысла самой случайной фразы или самого ничтожного жеста ваших матерей?

В предпочтении, которое отцы отдают дочерям, а матери — сыновьям, замешана некая инстинктивная признательность.

Что же до умения заводить соглядатаев, можно сказать, материальных, это чистое ребячество; невелика заслуга — превзойти того церковного сторожа, который вздумал насыпать в свою постель яичной скорлупы и в качестве соболез-

нования услышал от изумленного кума: «Тебе самому ни за что бы не растолочь ее так мелко»[427].

Ненамного лучше сумел маршал Саксонский утешить Ла Попелиньера, когда они вместе обнаружили знаменитый вертящийся камин, изобретенный герцогом де Ришелье. «Вот самое лучшее изделие рогатых дел мастера, какое мне приходилось видеть!» — вскричал герой Фонтенуа[428].

Будем надеяться, что вас шпионство не приведет к открытиям столь же досадным! Подобные несчастья приключаются лишь во время гражданской войны, а до нее мы еще не дошли.

---

[427] Сноски: 427

Бальзак сжато пересказывает в одном абзаце сюжет очень пространной стихотворной новеллы Ж. — Б. де Грекура (1684–1743) «Яичная скорлупа».

[428] Сноски: 428

Луи-Франсуа-Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де Ришелье (1696–1788), маршал Франции, славился своими галантными похождениями. Вертящийся камин, позволявший маршалу посещать жену генерального откупщика Александра-Жана-Жозефа Ле Риша де Ла Попелиньера (1691–1762), описан во многих источниках, в частности в сочинении Шамфора «О частной жизни маршала де Ришелье» (*Chamfort*. Т. 3. P. 260–261). Маршал снял квартиру в доме, примыкавшем к дому Ла Попелиньера, велел пробить заднюю стену камина и закрепить на штырях вертящуюся плиту; именно это устройство позволяло ему проникать к любовнице. Однако у Шамфора в уста Мориса, графа Саксонского (1696–1750), полководца, под чьим командованием французская армия в 1745 году разбила англичан и голландцев в битве при Фонтенуа, вложена другая шутка; маршал сетует на то, что камином пользовался

именно Ришелье, и восклицает: «Добро бы еще это был я!»

§ 4. О списке запрещенных предметов

Папа вносит в свой список только книги; вам подобает наложить запрет на людей и на вещи.

Вашей супруге не дозволяется совершать омовения вне собственного дома.

Ей не дозволяется принимать у себя ни того, кто, по вашим подозрениям, является ее любовником, ни всех тех, кто могли бы способствовать их связи.

Ей не дозволяется выходить или выезжать на прогулку без вас.

Впрочем, разнообразие и причудливость характеров, страстей и супружеских привычек сообщают нашей *Черной книге*[429] такую изменчивость, расширяют или сокращают ее так стремительно, что один приятель автора назвал этот список «Историей перемен в супружеской

---

[429] Сноски: 429

Черной книгой во Франции начиная со Средних веков называли сборники различных юридических актов; однако незадолго до напечатания «Физиологии брака» этот термин получил новое значение: в феврале 1829 года вышел из печати четырехтомник под названием «Черная книга господ Делаво и Франше»; упомянутые лица в 1820-е годы командовали французской полицией (первый был префектом полиции Парижа, а второй — генеральным директором полиции всей Франции); в книге, ставившей своей целью осудить полицейский произвол, были преданы гласности донесения тайных осведомителей, работавших на этих двух высокопоставленных чиновников. Таким образом, «Черная книга» стала обозначать «книгу преступлений».

церкви»[430].

Абсолютному запрету подлежат лишь две вещи: поездки за город и прогулки.

Ни один супруг не должен ни в коем случае ни отправляться с женой в чужое загородное имение, ни тем более отпускать ее туда одну. Заведите собственное поместье, живите в нем, принимая у себя одних лишь дам да стариков, и ни за что не оставляйте там жену в одиночестве. Но повезти ее хотя бы на полдня к другому… Это не просто неосторожность, это беспечность страуса.

Следить за поведением женщины в загородном поместье — и без того труднейшая из задач. Разве сможете вы разом укрыться во всех зарослях, взобраться на все деревья и пойти по следу, который любовник оставил на траве, примятой ночью, но успевшей распрямиться благодаря целительному действию росы и солнечных лучей? Разве сможете вы держать под наблюдением все проломы в стене, окружающей парк? Одним словом, деревня и весна суть две правые руки холостяка!

Если женщина, как мы предположили, оказывается на распутье, мужу следует либо оставаться

---

[430] Сноски: 430

Бальзак иронически переиначивает название труда Ж. — Б. Боссюэ «История перемен в протестантских церквях» (1688).

в городе вплоть до начала гражданской войны, либо предаться радостям самого безжалостного шпионства.

Что же касается прогулок, тут рецепт простой: вашей супруге угодно отправиться на праздник, в театр, в Булонский лес, поехать за материей на платье или навестить модистку? Она вольна проделать все это в обществе своего господина и повелителя.

Если она выберет момент, когда вы заняты неотложным делом, и попытается под этим предлогом добиться у вас позволения совершить в одиночестве некую давно задуманную вылазку; если, ради того чтобы выманить у вас согласие, она пустит в ход все свои чары и попытается соблазнить вас теми ласками, на которые женщины большие мастерицы и дальнюю цель которых вы обязаны разгадать, — тогда, советует профессор, покоритесь колдовской силе, продайте искомое дозволение подороже, а главное — убедите жену, это существо, чья душа порою изменчива как волна, а порою тверда как сталь, что дело первостепенной важности удерживает вас в рабочем кабинете.

Но стоит только вашей жене — если она собирается идти пешком — выйти за порог и пройти

полсотни шагов, бросайтесь за нею и идите следом, оставаясь незамеченным.

Возможно, есть на свете Вертеры[431], чьим нежным и деликатным душам претят подобные инквизиторские замашки. Однако подобные действия ничуть не более предосудительны, чем поведение фермера, который, проснувшись ночью, идет к окну, чтобы проверить, не поживились ли воры его персиками. Быть может, ведя себя согласно нашим предписаниям, вы еще прежде, чем преступление совершится, получите точные сведения об одной из тех квартир, какие влюбленные нанимают в городе под вымышленными именами. Если волею случая (от которого упаси вас Господь!) жена ваша войдет в дом подозрительного вида, узнайте, есть ли в нем другой выход.

А может быть, ваша жена сядет в фиакр… в таком случае чего вам бояться? Разве префект полиции, которого мужьям следовало бы увенчать золотой короной, не выстроил на каждой стоянке будку, где восседает с книгой записей в руках

---

[431] Сноски: 431

Роман Гете «Страдания молодого Вертера» (1774) был впервые переведен на французский в 1776 году; до 1829 года издавался около двух десятков раз как минимум в пяти разных переводах и пользовался огромной популярностью.

неподкупный страж общественной морали? Разве трудно выяснить, откуда и куда направляются фиакры, эти парижские гондолы?

Один из важнейших принципов полицейского надзора, которым вам надлежит руководствоваться, заключается в следующем: если ваша жена ездит к постоянным поставщикам вашего дома, время от времени отправляйтесь туда вместе с нею. Следите внимательно, не сдружилась ли она сверх меры с галантерейщицей, модной торговкой, портнихой и проч. Примените здесь знания, извлеченные из Размышления о Таможенном досмотре, и сделайте выводы.

Если вы выясните, что жена ваша все-таки отлучалась из дома в ваше отсутствие, ступайте назавтра в тот дом или магазин, где она, по ее словам, побывала, и постарайтесь разузнать, правду она сказала или солгала.

Впрочем, страсть лучше нашего Размышления подскажет вам, к каким мерам брачной тирании прибегнуть, мы же прервем на этом наши скучные наставления.

§ 5. О бюджете

Рисуя портрет дееспособного мужа (смотрите Размышление «Обреченные»), мы настоятельно

рекомендовали ему не открывать жене истинную сумму, какой исчисляется его годовой доход.

Храня верность этому первоначальному тезису, легшему в основу нашей финансовой системы, мы, однако, надеемся опровергнуть всех тех, кто полагает, будто не стоит доверять жене распоряжаться деньгами. Их мнение — одно из распространенных заблуждений, рождающих в лоне семьи наибольшее число недоразумений.

Впрочем, прежде чем перейти к разговору о денежных делах, поговорим о делах сердечных.

Конечно, вы вправе определить вашей жене небольшой цивильный лист[432] и из месяца в месяц выдавать ей деньги на личные расходы и домашнее хозяйство, однако в таком поведении есть нечто мелочное, гадкое и скаредное, выдающее душу пошлую и недоверчивую. Поступая подобным образом, вы сами выроете себе могилу.

Я допускаю, что в первые, *медвяные* годы супружеской жизни выдачу ежемесячного содержания можно обставлять с большим или меньшим

---

[432] Сноски: 432

Цивильным листом называется сумма, которую при конституционной монархии с согласия обеих палат парламента выделяли королю на личные расходы и содержание двора; в эпоху Реставрации цивильный лист равнялся 25 миллионам франков в год, при Июльской монархии сумма снизилась до 12 миллионов.

изяществом, украшать пристойными шутками и ласками, однако настанет пора, когда легкомыслие или нежданные траты вынудят вашу жену, уже растранжирившую содержание подаренного ей нарядного кошелька, просить парламент о займе. Осмелюсь предположить, что вы не станете, подобно нашим вероломным депутатам, покупать свое согласие слишком дорогой ценой, разражаясь бесконечными речами. Они платят, но ворчат; вы запла́тите, осыпая жену комплиментами, — быть по сему!

Однако мы добрались до переломной эпохи, а в это время уложиться в обычный ежегодный бюджет становится решительно невозможно. Число косынок, чепчиков и платьев умножается с невероятной быстротой; дипломатические курьеры, конгрессы и прочие любовные коммуникации также требуют огромных расходов, а между тем приход-то не возрастает. Тут муж начинает давать жене самые страшные и отвратительные уроки, какие только можно вообразить. Из супругов, известных мне, лишь несколько великодушных и благородных существ ставят прямодушие и чистосердечие превыше миллионов, в тысячу раз охотнее прощают страсть, чем ложь, и из врожденной деликатности чуждаются

скупости — этой нравственной чумы, этой крайней степени человеческой развращенности.

В домах таких супругов разыгрываются самые восхитительные любовные сцены. Женщина смягчается и, подобно блистательнейшей струне арфы, брошенной перед пылающим камином, обвивает ваш стан, оплетает и обнимает вас; она покоряется всем вашим требованиям; она осыпает вас нежными словами, каких вы от нее еще не слыхали; она расточает их, а вернее сказать, торгует ими; она падает ниже оперной танцовщицы, ибо отдается за деньги собственному мужу. За самыми нежными ее поцелуями стоят деньги; за всеми ее речами стоят деньги. Для вас ее сердце одевается стальной броней. Учтивейший и коварнейший из ростовщиков, с первого взгляда угадывающий, какую прибыль принесет ему вексель, подписанный дворянским сынком, не так проницателен, как ваша жена, которая, перепрыгивая с ветки на ветку подобно удирающей белке, прикидывает, насколько сильны ваши желания и можно ли увеличить соразмерно с ними испрашиваемую сумму. И не надейтесь устоять перед столькими соблазнами! Природа даровала женщине бездну кокетства, а общество удесятерило его с помощью модных

нарядов, вышивок и пелеринок.

— Если я женюсь, — говаривал один из почтеннейших генералов нашей старой армии, — я не подарю невесте ни единого су…

— Что же вы ей подарите, генерал? — поинтересовалась одна юная особа.

— Ключ от шкатулки с деньгами.

Барышня скорчила одобрительную гримаску. Голова ее дрогнула, точно магнитная стрелка, подбородок легонько приподнялся, а весь вид, казалось, говорил: «Я охотно вышла бы за генерала, хотя ему уже сорок пять лет».

Но если женщину превращают в наемного счетовода, разве могут денежные вопросы вызывать у нее что-либо, кроме отвращения?

Рассмотрим другую систему.

Выказывая вашей жене абсолютное доверие и предоставляя в ее распоряжение две трети вашего состояния, дабы она вела дом по собственному усмотрению, вы завоевываете ее безграничное уважение, ибо великодушие и доверие запечатлеваются в сердце женщины навеки. Вдобавок ответственность, которую вы возлагаете на вашу благоверную, предохранит ее от мотовства тем надежнее, что она сама воздвигнет перед ним заслон в собственном сердце. Пожертвуйте малым

ради большого, и вы убережете — быть может навсегда — вашу жену от падения.

Что же касается борьбы с Минотавром, в ней эта финансовая система окажет вам неоценимую помощь.

Подобно тому как курс акций на бирже позволяет оценить степень доверия акционеров к государству, ваш домашний курс позволит вам оценивать степень целомудрия вашей жены.

В самом деле, на заре семейной жизни она будет стараться употребить ваши деньги на создание в доме жизни роскошной и покойной.

Она заведет изобильный стол, обновит мебель и экипаж, а в особом ящичке всегда будет наготове сумма, отложенная на нужды возлюбленного супруга. Однако рано или поздно придет критическая пора, когда этот ящичек опустеет, а относительно супруга выяснится, что он тратит слишком много. Все меры палаты депутатов, направленные на более экономное использование государственных средств, неизменно обрушиваются исключительно на мелких чиновников, получающих тысячу двести франков в год; ваша судьба — сделаться таким чиновником в вашей собственной семье. Впрочем, вы в ответ будете только посмеиваться, ибо к этому времени

успеете приумножить, капитализировать, выгодно вложить в дело ту треть вашего состояния, которую уберегли от жены; так же действовал Людовик XV, откладывавший небольшое состояние, как он выражался, *на черный день*.

Итак, учтите: если жена заговорила об экономии, значит, ваши акции начали падать. По колебаниям курса вы сможете судить об успехах и поражениях любовника и поступать соответственно: e sempre bene[433].

Если супруга ваша, не оценив оказанного ей доверия, в конце концов промотает немалую часть вашего состояния, не смущайтесь: во-первых, сумма, пущенная ею на ветер, вряд ли превысит даже треть той, которую вам удастся скопить за десять лет; во-вторых же, Размышление о *Перипетиях* докажет вам, что даже безумное мотовство жены можно обратить в оружие, губительное для Минотавра.

Наконец, ни в коем случае не открывайте жене, что у вас имеется собственный капитал; если она попросит вас о помощи и вы согласитесь ссудить ее деньгами, не забудьте пояснить, что деньги эти вы выиграли в карты или взяли взаймы у друга.

---

[433] Сноски: 433
И прекрасно (*um.*).

Таковы основополагающие принципы, на коих должен зиждиться семейный бюджет.

История супружеского полицейского надзора знает своих мучеников. Мы приведем лишь один пример такого рода: он позволит понять, как тщательно должны мужья, прибегающие к чересчур строгим мерам, следить не только за своими женами, но и за собой.

Один старый скряга, живший в Т... городе, который, как никакой другой, создан для наслаждений[434], женился на молодой и очаровательной женщине; любовь и ревность взяли над его сердцем такую власть, что одолели скупость: он оставил коммерцию, дабы иметь возможность постоянно присматривать за женой, иными словами, скаредность его лишь поменяла предмет. Признаюсь, что большею частью замечаний, содержащихся в моем, разумеется, еще весьма далеком от совершенства повествовании, я обязан особе, которая имела некогда возможность досконально изучить этот восхитительный экземпляр супруга, чей характер мы обрисуем одной-единственной чертой. Отправившись с женой в загородное имение, сей супруг никогда

[434] Сноски: 434
По всей вероятности, имеется в виду родной город Бальзака Тур.

не ложился спать, предварительно не разровняв песок, покрывающий аллеи и особенно террасы парка, тайным, одному ему известным способом; для террас у него имелись особые грабли. Он до тонкостей изучил следы, оставляемые всеми домочадцами, и каждое утро тщательно исследовал аллеи, чтобы узнать, не побывал ли в парке посторонний. «Ведь это настоящий строевой лес, — говорил он упомянутой мною особе о своем парке, — в зарослях ровно ничего не видно...» Жена его была влюблена в одного из самых очаровательных молодых людей города. Страсть эта, пылкая и могучая, жила в сердцах влюбленных уже девять лет; они встретились на балу, и довольно было одного взгляда, одного соприкосновения трепетных рук, затянутых в благоуханные перчатки, во время танца, чтобы оба ощутили всю силу охватившей их любви. С того дня он и она извлекали безграничное наслаждение из пустяков, на которые счастливые любовники не обратили бы ни малейшего внимания. Однажды юноша с таинственным видом привел единственного друга, посвященного в тайну его любви, в будуар, где на столе под стеклянными колпаками он хранил так бережно, как не хранят самые драгоценные брильянты, цветы,

выпавшие из прически его возлюбленной, когда она кружилась в вихре танца, и веточки деревьев, которых касалась ее рука в парке. Здесь имелся даже кусок глины, в которой ножка этой женщины оставила узкий след. «Я слышал, — рассказывал мне позже наперсник несчастного, — как сильно и глухо в тишине этого бесценного музея любви бьется сердце страдальца. Я поднял глаза горé, дабы поверить Небесам жалобу, которую не осмелился высказать вслух. „Злосчастный род людской!..“ — думал я. „Госпожа де… сказала, что однажды на балу вы едва не лишились чувств в ее гостиной, подле игорного стола; неужели это правда?“ — спросил я у старого друга. „Еще бы, — отвечал он, пытаясь погасить огонь, полыхавший в его взоре, — ведь в тот вечер я поцеловал ей руку!.. Но теперь, — добавил он, сжав руку мне и бросив на меня один из тех взглядов, которые, кажется, прожигают сердце насквозь, — теперь у ее мужа приступ подагры в районе желудка!..“» Несколько времени спустя старый скряга оправился; казалось, он собирался прожить еще очень долго, но однажды утром неожиданно умер. Тело покойного ясно свидетельствовало о том, что причиной смерти явился яд; в дело вмешалось правосудие, и любовников взяли под стражу.

Тут-то, перед судом присяжных, и разыгралась одна из самых душераздирающих сцен, какие когда бы то ни было происходили на глазах судей. Во время следствия каждый из любовников безоговорочно признавал виновным себя и всеми силами старался выгородить сообщника. Суду был нужен один преступник, а предстали перед ним двое. Судебное разбирательство свелось к спорам влюбленных: со всем пылом и преданностью страсти он опровергал ее, она — его. На суде любовники воссоединились впервые: они сидели на скамье подсудимых, а между ними помещался жандарм. Присяжные со слезами приговорили обоих к смерти. Никто из тех, кто нашел в себе варварское мужество присутствовать при казни этой четы, до сих пор не может вспомнить страшный день без содрогания. Религия заставила любовников раскаяться в преступлении, но не смогла принудить их отречься от любви. Эшафот стал им брачным ложем, и они вместе погрузились в долгую ночь смерти.

Размышление XXI

О способах возвращаться домой

Не один муж, отчаявшись совладать с буйными приливами тревоги, совершает страшную ошибку и, рассчитывая поймать жену с поличным, врывается к ней в спальню, уподобляясь тем испанским быкам, которые, разъярившись при виде красного *бандерильо*, пронзают своими страшными рогами лошадей, матадоров, пикадоров, тореадоров и иже с ними.

Нет, не так поступает истинный мудрец!.. Он возвращается домой с видом боязливым и робким, точно Маскариль[435], ожидающий от хозяина взбучки и ликующий, если тот выказывает ему свое расположение!..

— Да, дорогая моя, я знаю, что в мое отсутствие вы могли натворить немало бед!.. Другая на вашем месте, пожалуй, не оставила бы от дома камня на камне, а вы разбили одно-единственное стеклышко! Да благословит вас Господь за ваше милосердие. Если вы будете действовать в том же духе, то можете рассчитывать на мою признательность.

---

[435] Сноски: 435

Бандерильо или, точнее, бандерилья — украшенное лентами копьецо, употребляемое в корриде; Бальзак, по-видимому, перепутал его с красной мулетой матадора. Маскариль — тип слуги-плута в комедии.

Вот что должно быть написано на вашем лице, вот о чем должны говорить ваши манеры; ни в коем случае не подавайте виду, что вас мучит один-единственный вопрос: «Не приходил ли он?..»

Переступать порог собственного дома только в самом радужном настроении — закон супружеской жизни, не терпящий исключений.

Но уметь уйти из дома ради того, чтобы вернуться и пресечь зреющий бунт; уметь вернуться вовремя!.. — вот искусство, научить которому невозможно. Здесь все зависит от чуткости и такта. Жизнь богаче любых людских выдумок. Поэтому мы ограничимся пересказом одной истории, достойной войти в анналы Телемского аббатства[436]. Огромное ее достоинство заключается в том, что она содержит описание безотказного оборонительного средства, на которое профессор лишь намекнул в одном из своих афоризмов, и показывает, как воспользоваться на практике советами данного Размышления, — а что может быть поучительнее?

---

[436] Сноски: 436

Подразумевается не столько описанное в конце первой книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» аббатство — идеальное средоточие ренессансного мира, где люди живут по принципу «делай что хочешь», — сколько общий «раблезианский» колорит нижеследующей истории.

Господин де Б., адъютант, временно состоявший секретарем при Луи Бонапарте, короле Голландии, коротал дни в замке Сен-Ле близ Парижа, где пребывала со всеми своими придворными дамами королева Гортензия[437]. Молодой офицер был блондин приятной наружности; держался он чопорно, казался излишне самодовольным и чересчур гордился своей принадлежностью к армии; впрочем, шутил он не без остроумия и не скупился на комплименты. Отчего его волокитство нестерпимо наскучило всем придворным дамам королевы?.. История о сем умалчивает. Быть может, дело было в том, что он воздавал одинаковые почести всем без исключения? Совершенно верно. Но поступал он так для отвода глаз. Волочась за всеми придворными дамами сразу, он обожал одну из них, графиню де ***. Дабы не выдать себя, графиня не осмеливалась вступиться за своего кавалера, и, по вполне объяснимой случайности, самые язвительные эпиграммы на его счет слетали с прелестных уст той, что лелеяла образ хорошенького офицера в своем сердце… Есть

[437] Сноски: 437

Луи Бонапарт (1778–1846) — король Голландии в 1806–1810 годах; в 1802 году его брат Наполеон женил его на своей падчерице Гортензии Богарне (1783–1837). С 1810 года супруги жили в разъезде, однако анекдот, рассказанный Бальзаком, относится к более ранней эпохе.

женщины, на которых мужчины, не лишенные самонадеянности, элегантно одетые и изящно обутые, производят впечатление неизгладимое. Это дамы жеманные, деликатные и утонченные. Графиня принадлежала к их числу; впрочем, жеманство ее было на удивление невинным и искренним. Она происходила из семейства Н***, где хорошие манеры передавались по наследству из поколения в поколение. Муж ее, граф де ***, сын старой герцогини де Л***, покорился новому кумиру: Наполеон недавно возвел его в графское достоинство, и он надеялся в ближайшее время получить должность посла; покамест новоиспеченный граф довольствовался камергерским ключом и, позволяя жене оставаться при дворе королевы Гортензии, следовал, скорее всего, честолюбивому расчету. «Сын мой, — сказала ему однажды мать, — ваша жена унаследовала пороки своих предков. Она влюблена в господина де Б***». — «Вы шутите, матушка: он вчера взял у меня взаймы сто наполеонов[438]». — «Если вы так же мало дорожите женой, как и состоянием, я умолкаю!» — сухо ответствовала старая дама. Будущий посол стал наблюдать за влюбленными

[438] Сноски: 438

Наполеон, или наполеондор, — золотая монета с изображением Наполеона, достоинством 20 франков.

и, играя с королевой, офицером и собственной женой на бильярде, заполучил одну из тех улик, что на первый взгляд едва заметны, но дипломату служат доказательствами неопровержимыми. «Они зашли дальше, чем думают!..» — сказал граф де *** матери. И тем причинил герцогине, женщине хитрой и умной, такую же сильную боль, какую доставило это печальное открытие ему самому. Граф любил жену, а та, если и не следовала тому, что называется принципами, все же вышла замуж слишком недавно для того, чтобы изменить супружескому долгу. Герцогиня взялась испытать невестку. Она пришла к выводу, что юная и чувствительная душа графини не безнадежна, и обещала сыну навеки погубить господина де Б*** в глазах его возлюбленной. Однажды вечером, когда с играми было покончено и дамы принялись смаковать последние сплетни, а графиня отправилась прислуживать королеве, госпожа де Л*** воспользовалась удобным случаем и поведала дамскому кружку великую тайну любви господина де Б*** к своей невестке. Сообщение это вызвало *вопль* негодования. Герцогиня опросила всех дам, и они единодушно постановили, что та из них, которая сумеет прогнать злосчастного офицера из замка, окажет великую

услугу королеве Гортензии, давно наскучившей его обществом, а равно и всем своим подругам, по вполне понятной причине воспылавшим к нему жгучей ненавистью. Старая дама без труда заручилась согласием прекрасных заговорщиц: все они обещали ей свою помощь. Двух дней хитроумной свекрови хватило на то, чтобы сделаться наперсницей своей невестки и ее любовника. На третий день она подала юному офицеру надежду на завтрак в обществе графини. Было решено, что г-н де Б*** спозаранку отправится в Париж, а затем тайно вернется в замок. Королева со всей своей свитой намеревалась в то утро поехать в лес любоваться охотой на кабана, графиня же должна была сказаться нездоровой. Графа влюбленные могли не опасаться: король Луи отправил его в Париж. Дабы читатель оценил все коварство измышленного герцогиней плана, следует в нескольких словах объяснить, как располагались тесные покои, занимаемые в замке графиней. Покои эти находились на втором этаже, прямо над малой опочивальней королевы, в самом конце длинного коридора. Первой шла спальня, где имелось две двери: правая вела в туалетную комнату, а левая — в комнатку, где с недавних пор помещался будуар графини. Будуар этот, обитый

серой тканью, отличался от всех прочих будуаров, какими могут похвастать загородные дома, лишь тем, что был совершенно пуст. Графиня не успела его меблировать. Впрочем, пол будуара был устлан ковром, а в углу стоял диванчик. Именно названные обстоятельства, на первый взгляд весьма незначительные, и подсказали герцогине коварный план, который ей удалось исполнить как нельзя лучше. К одиннадцати часам графине подали восхитительный завтрак. Офицер, впиваясь шпорами в бока своего коня, мчался из Парижа. Наконец он прибывает в замок, вверяет благородное животное попечениям слуги, перелетает через окружающую парк ограду, мчится к дому и ухитряется проникнуть в покои графини, не попавшись на глаза ни единой живой душе, не исключая и садовника. Напомню, если вы забыли, что в ту пору адъютанты носили панталоны в обтяжку и высокий острый кивер — наряд, превосходно подходящий для того, чтобы красоваться на плацу, но весьма неудобный во время свидания. Старая герцогиня построила на этом свой расчет. Завтрак прошел чудо как весело. Ни графиня, ни ее свекровь не пили вина, офицер же осушил ровно столько бокалов шампанского, сколько, если верить пословице, требуется,

чтобы шутить веселее, а любить горячее. Когда завтрак подошел к концу, офицер взглянул на герцогиню; та, оставаясь верной взятой на себя роли сообщницы, воскликнула: «Кажется, к замку подъехала карета», — и вышла. Возвратилась она минуты через три. «Это граф!..» — вскричала она, заталкивая обоих влюбленных в будуар. «Не волнуйтесь!» — успокоила она молодую пару. «Да возьмите же ваш кивер...» — укоризненно прибавила она, протягивая неосторожному юноше его головной убор. Быстро отодвинув накрытый столик в туалетную комнату, она умудрилась к тому мгновению, когда на пороге появился ее сын, навести в спальне графини полный порядок. «Моя жена заболела?» — осведомился граф. «Нет, друг мой, — отвечала ему мать. — Ей было не по себе, но она скоро оправилась и теперь, верно, уже на охоте...» Однако, произнеся вслух эти слова, герцогиня кивнула сыну в сторону будуара, как бы говоря: «Они там...» — «Да вы с ума сошли, — прошептал граф, — разве можно оставлять их там наедине?..» — «Бояться нечего, — заверила сына герцогиня, — я подмешала ему в вино...» — «Что?» — «Сильнейшее слабительное». Тут в комнату входит голландский король. Он желает узнать, как исполнил граф данное ему поручение.

Герцогине удается несколькими загадочными фразами, на которые женщины большие мастерицы, намекнуть его величеству, чтобы он увел графа к себе. Меж тем в будуаре графиня, с изумлением узнав донесшийся из спальни голос своего мужа, шепчет обольстителю: «Ах, сударь, видите, на что я пошла ради вас…» — «Но, дорогая Мари, моя любовь вознаградит вас за все жертвы; я останусь верен тебе до могилы». (Про себя: «О боже, какая нестерпимая боль!..») — «Ах! — вскричала молодая женщина, ломая руки и вслушиваясь в шаги мужа за дверью. — Никакая любовь не стоит таких терзаний!.. Не приближайтесь ко мне, сударь…» — «О любимая, о бесценное мое сокровище, — отвечал офицер, почтительно преклоняя колени, — я буду для тебя тем, кем ты прикажешь!.. Прикажи… и я удалюсь. Призови назад — и я возвращусь. Я буду твоим рабом… („Черт возьми, какая резь в животе!“) и твоим верным слугой… О прекрасная Мари!.. („Нет, я погиб!.. Терпеть нет мочи!..“)». Тут офицер бросился к окну, готовый отворить его и очертя голову выпрыгнуть в сад; однако под окном он увидел королеву Гортензию в окружении придворных дам. Тогда, повернувшись к графине и поднеся руку к важнейшей детали своего мундира, он

в отчаянии, сдавленным голосом воскликнул: «Простите меня, сударыня, но у меня больше нет сил терпеть». — «Вы с ума сошли, сударь?..» — воскликнула молодая женщина, заметив, что муки ее поклонника вызваны не одной любовью. Офицер, плача от ярости, отступил к своему киверу, валявшемуся в углу. «Ну, графиня, — сказала королева Гортензия, входя в спальню, которую недавно покинули король с графом, — как вы себя чувствуете? Да где же она?» — «Сударыня! — взмолилась молодая женщина, устремляясь к двери будуара, — не входите сюда! Заклинаю вас именем Господним, не входите!» Тут графиня умолкла, ибо заметила за спиной королевы всю ее свиту. Она подняла глаза на Гортензию. Та, будучи не только любопытна, но и снисходительна, жестом приказала придворным дамам удалиться. В тот же день офицер отбыл в армию; он искал смерти на передовой и нашел ее. Он был храбрец, но не философ.

Говорят, один из прославленнейших наших художников, воспылавший к жене друга любовью, которая не осталась безответной, испытал все ужасы подобного свидания, подстроенного мстительным мужем; однако в этом случае, если верить слухам, постыдная напасть одолела

обоих любовников и они, выказав куда больше мудрости, чем господин де Б***, не стали сводить счеты с жизнью.

Наилучший образ действий по возвращении домой зависит от множества обстоятельств. Вот например.

Лорд Кэтсби обладал поразительной силой. Однажды, объявив жене — несомненно для отвода глаз, — что едет охотиться на лис, он почти тотчас возвращается домой и направляется к изгороди, окружающей парк, ибо, по его словам, увидел там лошадь необыкновенной красоты, а лошади — его слабость. Он подходит поближе, чтобы полюбоваться лошадью, обнаруживает рядом леди Кэтсби и понимает, что если немедленно не прервет ее преступную беседу с неким джентльменом, его супружеская честь пострадает безвозвратно. Ринувшись на соперника, он хватает его за пояс и перебрасывает через изгородь. «Имейте в виду, сударь, — хладнокровно говорит он джентльмену, приземлившемуся на краю дороги, — если вам угодно о чем-либо спросить, обращаться в этом доме следует только ко мне!..» — «Быть может, милорд, вы будете так любезны, что подбросите мне и мою лошадь?..» Однако флегматичный лорд не ответил, ибо был

занят беседой с женой; взяв ее под руку, он сказал с самым серьезным видом: «Отчего же, моя дорогая, вы не предупредили, что мне следует любить вас за двоих? Отныне все четные дни я буду любить вас за этого джентльмена, а все нечетные — за себя самого»[439].

В Англии эта история слывет одной из лучших историй о мужьях, вернувшихся домой в неурочный час. Нельзя не признать, что ее герой сумел на редкость удачно сочетать красноречивый поступок с красноречивой фразой.

Впрочем, цель искусства возвращаться домой, зиждущегося на политике учтивости и скрытности, которую мы рекомендовали вам в предшествующих Размышлениях, состоит лишь в подготовке почвы для брачных перипетий, к рассказу о которых мы и намерены приступить.

Размышление XXII

---

[439] Сноски: 439

Бальзак заимствовал этот эпизод из «Исторического и анекдотического альбома» (см. примеч. 81), однако в оригинальном анекдоте речь шла не о супружеской измене, а о соревновании между шотландским фермером-силачом и лордом, который специально прибыл из Лондона, чтобы померяться с ним силами; впрочем, до бокса дело не дошло, фермер просто перекинул лорда через забор (см.: *Tolley*. P. 44–45).

О перипетиях

Слово *перипетия* — литературный термин, обозначающий *резкий переворот* в развитии действия.

Устроить в разыгрываемой вами драме перипетию — дело столь же нетрудное, сколь и ненадежное. Советуя вам прибегать порой к этому средству обороны, мы не станем скрывать, что оно чревато многими опасностями.

Брачные перипетии можно сравнить с теми обострениями горячки, которые могут свести больного в могилу, а могут раз и навсегда возвратить к жизни. Так и перипетия: если она оканчивается удачно, то на долгие годы возвращает женщину в непорочное царство добродетели.

Вдобавок перипетия — последнее из средств, известных современной науке.

Варфоломеевская ночь, Сицилийская вечерня, смерть Лукреции, две высадки Наполеона

во Фрежюсе суть перипетии политические[440]. Предприятия столь обширные вам недоступны, но и те неожиданные развязки, какие вы устроите на вашем супружеском театре, могут оказать воздействие ничуть не менее значительное.

Однако, поскольку искусство создавать положения и переменять течение эпизода с помощью естественных происшествий доступно лишь гению, поскольку возвращение на стезю добродетели той женщины, чья ножка уже оставила несколько следов на мягком золотом песке, усыпающем тропы порока, есть сложнейшая из всех перипетий, а гению нельзя ни научить, ни научиться, лиценциат супружеского права с прискорбием признается нынче в своей неспособности свести к жестким принципам науку переменчивую, как обстоятельства, мимолетную, как случай, неизъяснимую, как инстинкт.

---

[440] Сноски: 440

Варфоломеевская ночь — убийство гугенотов во Франции в ночь на 24 августа 1572 года. Сицилийская вечерня — восстание, в ходе которого весной 1282 года жители Сицилии истребили французов, чьи войска заняли остров в 1266 году. Резня получила название Сицилийской вечерни, поскольку, по легенде, началась с первым ударом колокола, сзывавшего к вечерне в пасхальный понедельник. О смерти Лукреции см. примеч. 190. На Лазурном берегу в окрестностях города Фрежюс Наполеон в первый раз высадился 9 октября 1799 года, и это внезапное возвращение из Египта позволило ему месяц спустя совершить государственный переворот 18 брюмера; второй раз Наполеон высадился там же 1 марта 1815 года после своего внезапного бегства с острова Эльба.

Воспользовавшись выражением, которому Дидро, д'Аламбер и Вольтер, несмотря на всю его выразительность, не сумели предоставить в нашем языке права гражданства, скажем, что брачную перипетию возможно лишь *чуять нюхом*[441]. Поэтому мы уподобимся древнему философу, который, отчаявшись постичь, что есть движение, принялся ходить, дабы таким способом познать его неуловимые законы, и опишем вам несколько брачных перипетий.

Допустим, муж, действуя в согласии с принципами, изложенными в Размышлении о полицейском надзоре, категорически запрещает жене принимать того холостяка, который, судя по всему, грозит сделаться ее любовником; она обещает никогда больше с этим холостяком не видеться. Всякий муж может лучше нас нарисовать в своем супружеском воображении эти мелкие сцены домашнего быта, мысленно перенесясь в те дни, когда пленительные желания рождали искренние признания, а тайные пружины его политики приводили в движение некоторые весьма хитро

---

[441] Сноски: 441

В оригинале subodorer — слово, которое словари XIX века определяют как малоупотребительное и которое популярный в эпоху Бальзака словарь Буаста в 1808 году сопровождает примерами из Дидро и д'Аламбера.

устроенные механизмы.

Дабы сообщить повествованию большую занимательность, предположим следующее: вы — муж, читающий мою книгу, — обнаружили благодаря тщательному полицейскому надзору, что жена ваша намерена принять у себя господина А-Я в то самое время, когда вы будете наслаждаться обедом у министра, куда она же сама и выхлопотала вам приглашение.

Налицо все исходные данные, которые необходимы для одной из прекраснейших перипетий.

Вы возвращаетесь домой почти одновременно с предполагаемым прибытием господина А-Я: оставлять его наедине с вашей женой слишком надолго было бы неразумно. Но как именно вы возвращаетесь? Отнюдь не так, как рекомендует предыдущее Размышление. — Значит, вы возвращаетесь объятый гневом?.. — Ни в коем случае. Вы возвращаетесь с видом простака и ротозея, который забыл дома кошелек или записку, подготовленную для министра, носовой платок или табакерку.

Вернувшись, вы либо застигаете влюбленную пару врасплох, либо застаете жену в одиночестве, поскольку она, упрежденная горничной о вашем возвращении, успела спрятать любовника.

Рассмотрим обе эти ситуации; каждая из них любопытна по-своему.

Для начала замечу, что все мужья должны уметь навести ужас на своих жен, причем подготовку к этому семейному второму сентября[442] следует начинать заблаговременно.

Так, заметив проявление какого-нибудь из *первых симптомов*, муж не преминет поделиться — и желательно не единожды — своим мнением о том, как должен поступать глава семьи в критическую пору супружеской жизни.

— Если бы я застал мужчину у ног своей жены, — скажет он, — я убил бы его, даже не задумавшись.

Сами наведя разговор на нужную тему, вы выскажетесь в том смысле, что закон должен был бы предоставлять мужьям, как в Древнем Риме, право распоряжаться жизнью и смертью своих детей и, следственно, право убивать детей, прижитых не от законного супруга.

Подобная кровожадность, ровно ни к чему вас не обязывающая, внушит вашей жене благодетельный трепет; уместно также со смехом прибавить что-нибудь вроде: «Да, любовь моя,

---

[442] Сноски: 442

Намек на массовые убийства аристократов в парижских тюрьмах 2 сентября 1792 года.

видит Бог, я вполне мог бы тебя убить; хотела бы ты пасть от моей руки?»

Женщины всерьез боятся этих шутливых угроз, доказывающих, что в сердце мужа еще живет любовь; вдобавок женщины, сами прекрасно владеющие искусством говорить правду под видом вымысла, охотно допускают, что и мужчинам случается прибегать к этой женской уловке.

Поэтому, даже если муж застает жену и ее любовника за самой невинной беседой и видит, что они еще не успели увенчать его голову рогами, он все равно обязан произвести на преступников то же действие, какое производила в мифологические времена прославленная горгона Медуза.

В этом случае перипетия принесет свои плоды, если, смотря по характеру вашей жены, вы либо разыграете патетическую сцену в духе Дидро[443], либо прибегнете к иронии в духе Цицерона, либо

---

[443] Сноски: 443

Дидро выступил теоретиком и практиком патетического в своих драмах «Побочный сын» и «Отец семейства» и посвященных им статьях. Вообще способность трогать сердце зрителя и вызывать у него слезы с помощью патетических сцен и поворотов сюжета высоко ценилась во французской драматургии XVIII века; см.: *Marchand S.* Théâtre et pathétique au XVIIIe siècle: pour une esthétique de l'effet dramatique. Paris, 2009. В комментируемой фразе Бальзак отзывается о «патетической сцене» с иронией; о серьезном использовании им патетических эффектов, унаследованных от XVIII столетия, см.: *Dupuis D.* Le pathétique balzacien ou l'héritage du dix-huitième siècle // *AB* 1997. Paris, 1997. P. 251–273.

схватитесь за пистолеты, заряженные порохом, и даже выстрелите, если убеждены, что без крупного скандала не обойтись.

Один даровитый муж ограничился в подобной ситуации умеренной порцией *сантиментов*. Он входит, видит любовника и взглядом приказывает ему выйти вон. Избавившись от соперника, он падает перед женой на колени и разражается монологом, содержащим, среди прочих, фразу: «Увы, дорогая Каролина![444] Я не сумел любить тебя так, как ты того заслуживаешь!..»

Он рыдает, она рыдает; перед нами — слезная перипетия во всем ее великолепии.

Живописуя перипетию второго рода, мы разъясним, каким образом следует мужу соразмерять свои действия с силой характера жены.

Итак, к делу.

Допустим, что, на ваше счастье, любовник успел спрятаться; тогда перипетия станет еще прекраснее.

Если вы обставили ваши покои согласно предписаниям, изложенным нами в Размышлении

---

[444] Сноски: 444

Во всех изданиях до издания Фюрна (1846) в этом месте муж обращался к «дорогой Огюстине»; Каролину Бальзак вставил, как выше Адольфа (см. примеч. 363), для связи с «Мелкими неприятностями супружеской жизни».

XIV, вы без труда догадаетесь, в какой угол забился холостяк, пусть даже он, вослед байроновскому Дон Жуану, сумел съежиться под диванной подушкой[445]. Если же в доме вашем, как на грех, царит беспорядок, вы обязаны знать назубок все места, где может притаиться посторонний.

Наконец, если по наущению дьявола холостяк ухитрится уменьшиться в размерах так сильно, что отыщет приют в укрытии, которое вам и в голову прийти не может (от холостяков можно ожидать любой пакости!), — ну что ж! в таком случае ваша жена либо не удержится от желания бросить взгляд в сторону этого таинственного убежища, либо, напротив, будет старательно смотреть в противоположную сторону; поймать ее в самую немудреную мышеловку не составит для вас труда.

Раскрыв тайник, вы направляетесь прямо к любовнику. Вы сталкиваетесь с ним лицом к лицу!..

Постарайтесь быть на высоте. Повернитесь вполоборота, горделиво поднимите голову. Это поможет вам произвести более сильное впечатление.

Теперь ваше дело — сразить холостяка заранее

---

[445] Сноски: 445
См. примеч. 284.

продуманной импровизацией, а затем холодно указать ему на дверь. Держитесь учтиво, но будьте беспощадны, как секира палача, и бесстрастны, как закон. Быть может, ваше ледяное презрение само по себе произведет в уме вашей жены спасительную перипетию. Не надо криков, не надо резких движений, не надо вспышек гнева. Люди, вращающиеся в высших социальных сферах, сказал один молодой английский писатель, не имеют ничего общего с теми мелкими людишками, которые из-за потерянной вилки поднимают шум на весь квартал[446].

После ухода холостяка вы останетесь с женою один на один; вам предстоит покорить ее снова и уже навсегда.

Глядя на супругу с тем деланным спокойстви-

---

[446] Сноски: 446

Имеется в виду Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873); в первой главе его романа «Пэлем, или Приключения джентльмена» (1828; фр. пер. 1828) эта мысль сформулирована следующим образом: «Я неоднократно наблюдал, что отличительной чертой людей, вращающихся в свете, является ледяное, невозмутимое спокойствие ‹…› Они спокойно едят, спокойно двигаются, спокойно живут, спокойно переносят утрату своих жен и даже своих денег, тогда как люди низшего круга не могут донести до рта ложку или снести оскорбление, не поднимая при этом неистового шума» (*Бульвер-Литтон Э.* Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1988. С. 284; пер. А. Кулишер). Бальзак мог прочесть этот пассаж не только в отдельном французском издании романа в переводе Ж. Коэна (1828), но и в журнальной публикации (Bibliothèque universelle des sciences, des belles-lettres et de arts. Genève; Paris, 1828. T. 39. P. 195).

ем, за которым должны угадываться глубокие страсти, вы обращаетесь к ней с речью, которую сможете выкроить сообразно вашим убеждениям из нижеследующего монолога, разукрашенного цветами риторики: «Сударыня, я не стану напоминать вам ни о ваших клятвах, ни о моей любви; вы слишком умны, а я слишком горд, чтобы докучать вам пошлыми жалобами, какими был бы вправе разразиться в подобном случае любой муж; наименьший порок таких жалоб в том, что они более чем справедливы. Я постараюсь даже — если смогу — говорить без гнева и злости. Я не чувствую себя оскорбленным; у меня достанет мужества не бояться общественного мнения, которое неизменно и вполне обоснованно осыпает обманутого мужа насмешками и упреками. Как и большинство других мужей, я обращаю взгляд в прошлое и не вижу, чем заслужил столь черную неблагодарность. Я по-прежнему вас люблю. Я ни разу не изменил — не долгу, ибо обожать вас не было для меня тягостной необходимостью, но приятным обязательствам, какие налагает на человека истинное чувство. Я всецело доверял вам; вы распоряжались моим состоянием. Я ни в чем вам не отказывал. Сегодня вы впервые видите на моем лице выражение если не суровое,

то, во всяком случае, неодобрительное. Впрочем, оставим это, ибо я не вправе хвалить себя теперь, когда вы столь неопровержимо доказали мне мое несовершенство, мою неспособность исполнить нелегкую миссию и подарить вам счастье. Я говорю с вами как с другом и спрашиваю только об одном: как могли вы разом поставить на карту жизнь трех существ: жизнь матери моих детей, особа которой навеки пребудет для меня священной, жизнь главы нашего семейства и, наконец, того… кого вы любите… — (быть может, она бросится к вашим ногам; этого допускать не должно: она недостойна такой чести) — ибо… меня, Элиза, вы больше не любите. Да, мое бедное дитя (называть ее „мое бедное дитя“ следует лишь в тех случаях, когда грехопадение еще не успело свершиться), к чему обманываться?.. Зачем не открыли вы мне этого раньше?.. Если любовь уже не связывает двоих супругов, разве заказано им оставаться друзьями, поверять друг другу свои тайны?.. Разве мы с вами не идем одной дорогой и не должны действовать сообща? Разве в пути один из товарищей не может протянуть другому руку, дабы помочь ему встать или не дать упасть? Но, быть может, я позволяю себе слишком много и оскорбляю вашу гордость… Элиза!.. Элиза!»

Что, черт подери, может вам ответить жена?.. Вот вам и перипетия.

На сотню женщин приходится по крайней мере полдюжины робких созданий, которых эта сильная встряска навсегда возвращает в лоно семьи; словно кошки, обжегшиеся на молоке, они отныне и до самой смерти дуют на воду. Впрочем, сцена эта — противоядие столь сильное, что предусмотрительные мужья должны отмерять его порции с величайшей осторожностью.

Некоторым женщинам со слабыми нервами, с душами нежными и пугливыми, довольно будет и меньшего; указав на тайник, где прячется любовник, вы произнесете: «Там находится господин А-Я!.. — (Здесь следует пожать плечами.) — Как можете вы рисковать жизнью двух порядочных людей разом? Я ухожу; выпроводите его, и пусть это больше не повторится».

Но есть женщины, чье сердце не выдерживает страшных перипетий, и дело кончается аневризмой; есть другие, у которых от подобных испытаний загустевает кровь, что приводит к тяжким недугам. Иные могут даже лишиться ума. Хуже того, известны случаи, когда неверные жены, застигнутые на месте преступления, принимали яд или скоропостижно испускали

дух, а вы ведь, я полагаю, не желаете смерти грешницы.

С другой стороны, очаровательнейшей и легкомысленнейшей из французских королев, прелестной и несчастной Марии Стюарт, гибель Риччо, убитого едва ли не в ее объятиях, ничуть не помешала полюбить графа Босуэлла[447]; впрочем, Мария была королева, а королевам закон не писан.

Предположим, однако, что та женщина, портрет которой украшает наше первое Размышление, — Мария Стюарт в миниатюре; очень скоро мы поднимем занавес, дабы вы насладились пятым актом великой драмы под названием «Брак».

А покамест вернемся к супружеской перипетии: она может разразиться повсюду, под влиянием тысячи непредсказуемых обстоятельств. Иной раз предлогом может стать носовой платок, как

[447] Сноски: 447

Джеймс Хэпберн, четвертый граф Босуэлл (ок. 1534–1578) — третий супруг шотландской королевы Марии Стюарт; по-видимому, именно он помог ей избавиться от второго супруга лорда Дарнли (о нем и о Риччо см. примеч. 158), но после бракосочетания был вынужден бежать, поскольку шотландская знать отказалась признать законным его брак с королевой.

в «Венецианском мавре»[448], иной раз — пара домашних туфель, как в «Дон Жуане»[449], иной раз — оговорка вашей жены, воскликнувшей: «Дорогой Альфонс!» — вместо «Дорогой Адольф!» Наконец, нередко случается и так, что муж, узнав о долгах жены, отправляется к главному кредитору и однажды утром как бы случайно привозит его к себе домой, создавая почву для перипетии.

— Господин Жосс, вы ювелир[450], и ваша любовь к продаже драгоценностей может сравниться лишь с вашей охотой получать за них деньги. Госпожа графиня задолжала вам тридцать тысяч франков. Если вам угодно получить их завтра (свидание с богачом следует непременно назначать на конец месяца), заезжайте к ней около полудня. Муж будет дома; она будет знака-

---

[448] Сноски: 448

Бальзак ссылается не непосредственно на трагедию Шекспира, а на перевод Альфреда де Виньи, который носил название «Венецианский мавр, Отелло». Премьера в «Комеди Франсез» состоялась 24 октября 1829 года, но закончена пьеса была в мае, а отрывки из нее Виньи читал в салонах еще в марте.

[449] Сноски: 449

Имеется в виду финал эпизода, который Бальзак уже приводил выше (см. примеч. 284): «Итак, Альфонсо каялся. Меж тем / Красавица, ему не доверяя, / Его еще простила не совсем, / И, о пощаде полной умоляя, / Стоял он перед ней уныл и нем, / Как изгнанный Адам у двери рая, / Исполнен покаянья и тоски. / И вдруг... наткнулся он на башмаки! / Ну что же — возразите вы — не чудо / Увидеть в спальне дамский башмачок! / Увы, друзья, скрывать от вас не буду: / То были башмаки для крупных ног!» (*Байрон.* Дон Жуан. I, 180–181; пер. Т. Гнедич). Эту

ситуацию Бальзак позже использовал в романе «Утраченные иллюзии» (1839), где богатый торговец Камюзо обнаруживает в спальне актрисы Корали, находящейся у него на содержании, сапоги Люсьена де Рюбампре; однако если в «Дон Жуане» дело кончается скандалом и дракой мужа с любовником, то у Бальзака актрисе удается убедить своего покровителя, что мужские сапоги нужны ей для новой роли.

[450] Сноски: 450

Цитата из комедии Мольера «Любовь-целительница» (1665, д. 1, явл. 1); эту фразу произносят, когда хотят укорить человека в пристрастности (у Мольера ювелир Жосс считает, что наилучшее лекарство для больной девицы — золотые украшения).

ми молить вас о молчании; не обращайте на это внимания. Говорите без недомолвок. Я заплачу.

Одним словом, в искусстве супружеской жизни перипетия — то же, что цифры в арифметике.

Все принципы высокой философии брака, на коих зиждутся описанные во второй части нашей книги оборонительные средства, почерпнуты из необъятной книги природы, заключающей в себе все многообразие человеческих чувств. В самом деле, подобно тому как люди умные инстинктивно исполняют предписания вкуса, хотя зачастую затруднились бы их изъяснить на словах, так же и многие страстные люди, которых нам довелось наблюдать, с редкостным мастерством пускали в ход то или иное из описанных нами средств, хотя об общем плане действий не имели ни малейшего представления. Чутье открывало им лишь разрозненные обрывки обширной системы, и они уподоблялись ученым XVI столетия, которые в свои несовершенные микроскопы не могли разглядеть живые организмы, чье существование уже давно доказал их терпеливый гений.

Мы надеемся, что те замечания, которые мы уже включили в нашу книгу, и те, которые за ними последуют, помогут опровергнуть заблуждение людей легкомысленных, почитающих

брак некоей синекурой. Мы убеждены, что скучающий мужчина — еретик; больше того, это человек, наверняка не ведущий супружеской жизни и не постигший ее основ. Быть может, наши Размышления откроют многим невеждам тайны мира, на который они всю жизнь смотрят, но его не видят.

Будем также надеяться, что мудрое следование нашим принципам обратит на путь истинный многих заблудших и что если чистые листы, отделяющие вторую часть от третьей, посвященной ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ, впитают немало слез, слезы эти будут по преимуществу слезами раскаяния.

Как хотелось бы нам поверить, что из четырехсот тысяч порядочных женщин, с таким тщанием избранных нами из числа всех женщин Франции, лишь некоторые — скажем, не больше трехсот тысяч — окажутся так порочны и так прелестны, так пленительны и так воинственны, что взметнут ввысь знамя ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Итак, к оружию! К оружию!

Часть третья
О гражданской войне

Прекрасные, как Клопштоковы серафимы,
ужасные, как Мильтоновы черти.
Дидро[451]

Размышление XXIII
О манифестах

Немногими общими наставлениями может наука подкрепить мужа перед началом гражданской войны; вообще куда важнее знать, способен ли муж к борьбе, чем гадать, выйдет ли он из этой борьбы победителем.

Тем не менее мы поместим в начале этой части несколько сигнальных огней, призванных осветить ту арену, посреди которой муж, черпающий силы в религии и законах, очень скоро вступит в

---

[451] Сноски: 451
Цитата из статьи Дидро «О женщинах» (см. примеч. 176). Дидро сравнивает женщин с персонажами поэмы немецкого поэта Ф. Г. Клопштока «Мессиада» (1773) и поэмы английского поэта Д. Мильтона «Потерянный рай» (1667–1674).

схватку с женой, опирающейся на собственную хитрость и поддержку всего общества.

LXXXII

Влюбленная женщина готова ко всему и способна на все.

LXXXIII

Женщина, желающая обмануть мужа, действует, как правило, расчетливо, но неразумно.

LXXXIV

Женщины в большинстве своем подобны блохам: они только и знают, что беспорядочно скакать и кидаться из стороны в сторону. Они охотно отказываются от своих первоначальных замыслов, поднимаясь выше или опускаясь ниже; нарушение ее собственного плана всякой женщине только на руку. Однако мужу не составит труда очертить круг ее действий; обладая должным хладнокровием, он в конце концов погасит этот костер.

LXXXV

Муж не должен говорить о жене ни единого худого слова в присутствии третьих лиц.

LXXXVI

Для женщины, решившейся изменить супружескому долгу, муж либо все, либо ничто. Из этого и следует исходить.

LXXXVII

Женщина живет головой, сердцем или страстью. После нескольких лет совместной жизни муж должен уметь определить, что толкает жену к измене: тщеславие, чувство или темперамент. Темперамент — недуг, который можно исцелить; чувство — залог вероятной победы мужа; неизлечимо одно лишь тщеславие. Женщина, живущая головой, — наказание Господне. Она соединяет в себе пороки женщины страстной и женщины любящей, не уравновешенные никакими достоинствами. Она — существо без жалости, без любви, без добродетели, без пола.

LXXXVIII

Женщина, живущая головой, постарается внушить мужу безразличие; женщина, живущая сердцем, — ненависть; женщина страстная — отвращение.

LXXXIX

Делая вид, что не сомневается в верности жены, держась невозмутимо и молчаливо, муж ничем не рискует. Молчание тревожит женщин особенно сильно.

XC

Показывать, что знаешь о страсти своей жены, — глупо; притворяться, что ничего не знаешь, — куда умнее[452]*; люди острого ума только так и поступают. Недаром говорят, что все французы большие остроумцы.*

---

[452] Сноски: 452

Ахматова указала, что этот афоризм отразился в пушкинском незаконченном отрывке «На углу маленькой площади...»: «*** скоро удостоверился в неверности своей жены. ‹...› Он не знал, на что решиться: притворяться ничего не примечающим казалось ему глупым» (*Ахматова.* С. 88; *Пушкин.* Т. 8. Кн. 1. С. 145). Однако пушкинское решение вопроса противоречит бальзаковскому; о возможной пушкинской полемике с «Физиологией брака» см. также с. 451 и примеч. 467.

XCI

Страшнее всего — насмешки света. «Останемся влюбленными хоть на людях!» — вот что каждая супружеская пара должна принять за аксиому. Слишком опасно, если оба разом потеряют нечто, именуемое в обществе честью, уважением, почтением, респектом, — назовите как угодно.

Все эти аксиомы имеют касательство лишь к борьбе. Катастрофа достойна отдельных афоризмов.

Мы назвали описываемый нами кризис *гражданской войной*, ибо это война междоусобная, хотя ведется она в высшей степени учтиво и под предлогом борьбы за гражданские добродетели. Но где и когда разразится эта гражданская война?

Быть может, вы полагаете, что ваша жена затрубит в трубы и соберет под свои знамена целые полки? Куда более вероятно, что она ограничится услугами одного-единственного офицера и сумеет разрушить мир в вашем доме с помощью этого слабого подкрепления.

«Вы не позволяете мне видеться с людьми, которые мне нравятся!» — вот начало большинства семейных манифестов. К этой фразе и всем вы-

текающим из нее требованиям прибегают чаще всего женщины суетные и лицемерные.

Самый распространенный случай — произнесение манифеста на супружеском ложе, иначе говоря, на главном театре военных действий. Вопрос этот будет рассмотрен особо в Размышлении под названием «О различных видах оружия», в параграфе «О целомудрии в его отношении к браку».

Женщины лимфатического темперамента сошлются на якобы охвативший их сплин и ради тайного развода будут притворяться умирающими.

Как бы там ни было, почти все жены добиваются независимости средствами, которые оказывают на большинство мужей действие неотразимое и с которых мы намерены сорвать покровы, дабы обнажить их коварство.

Одно из величайших заблуждений рода человеческого — убежденность в том, что наша честь и репутация зависят от наших поступков или от нашей собственной удовлетворенности этими поступками. Светский человек рождается рабом общественного мнения. Между тем во Франции частному лицу куда труднее влиять на мнение света, нежели женщине, и при желании жена

всегда может поднять мужа на смех. Женщины мастерски умеют сообщить своим жалобам полное правдоподобие. Они только и делают, что оправдывают собственные грехи, и делают это безупречно, противопоставляя доводам разума голос авторитета, точным доказательствам — безапелляционные приговоры и постоянно одерживая победы в мелочах. Если одна женщина предлагает другой оружие, каким не может воспользоваться сама, та понимает союзницу с полуслова. Таким образом они губят мужа, иной раз даже сами того не желая. Они приносят спичку, а после ужасаются разгоревшемуся пожару.

Как правило, женщины ополчаются против мужа, обвиняемого в тиранстве, все до единой, ибо всех их, подобно священникам одного вероисповедания, связуют тайные узы. Женщины ненавидят друг друга, но друг другу помогают. Если вам и удастся взять верх, то лишь над одной из них, да и эта победа окажется на руку вашей жене.

Итак, женская империя объявляет вам опалу. Вас встречают ироническими улыбками, вас осыпают колкостями. Эти остроумные создания куют кинжалы и разукрашивают их рукоятки, дабы нанести вам удар с как можно большим

изяществом.

Вероломное искусство недомолвок, лукавые умолчания, ехидные предположения, вопросы, исполненные поддельного добродушия, — все пускается в ход против вас. Муж, считающий, что у него есть право тиранить свою жену, подает слишком опасный пример: с таким мужем следует расправиться в назидание всем остальным. Поэтому женщины донимают вас либо язвительными шутками, либо серьезными доводами, либо пошлыми любезностями. Рой холостяков поддерживает все их старания, и вас осаждают, преследуют как оригинала, деспота, строптивца, чудака, одним словом — как человека опасного.

Жена ваша защищает вас точь-в-точь как медведь из Лафонтеновой басни: чтобы согнать муху, она обрушивает вам на голову булыжник[453]. Вечером она пересказывает вам все слышанные о вас толки и спрашивает у вас отчета в поступках, которых вы не совершали, в речах, которых вы не держали. Если верить ей, она отрицала вашу причастность к мнимым преступлениям; она хвастала своей свободой — которой на самом деле не имеет, — дабы снять с вас обвинение в

---

[453] Сноски: 453

Лафонтен. Медведь и любитель садов (Басни. VIII, 10).

том, что вы ее этой свободы лишаете. Несносный грохот этой громогласной трещотки будет докучать вам повсюду. Ваша дражайшая половина оглушит вас, измучает и позаботится о том, чтобы семейная жизнь не казалась вам медом. В свете она будет с вами на диво приветлива, а дома — мрачна как туча. Она будет дуться при виде ваших улыбок и изводить вас своей веселостью, если вы загрустите. Лица ваши постоянно будут составлять разительную противоположность.

Мало кто из мужчин способен устоять перед этой комедией, с величайшей ловкостью разыгрываемой в начале войны и напоминающей крик «ура!», который испускают казаки, идя в бой. Одни мужья в ответ начинают злиться и допускают непоправимые ошибки. Другие бросают жен. Наконец, даже люди высшего, исключительного ума подчас не знают, мановением какой волшебной палочки рассеять эти женские чары.

Две трети женщин ухитряются завоевать независимость с помощью описанного нами маневра, представляющего собою не что иное, как простой смотр сил. Война завершается, не успев начаться.

Однако мужчина, владеющий собой, способный хладнокровно снести этот первый натиск, может

получить немало удовольствия, остроумными насмешками показывая жене, что ему известны тайные пружины ее действий, следуя за ней по тому лабиринту, в который она углубляется, и на каждом шагу уличая ее в том, что она лжет самой себе; главное тут — ни в коем случае не выходить из себя и не оставлять взятого вначале шутливого тона.

Тем не менее война объявлена; и если жене не удалось ослепить мужа первым фейерверком, она непременно прибегнет к другим уловкам, которые наши Размышления не замедлят разоблачить.

Размышление XXIV
Основы стратегии

Эрцгерцог Карл сочинил превосходный трактат о военном искусстве под названием «Основы стратегии применительно к кампаниям 1796 года»[454]. Основы эти, на наш взгляд, имеют нечто

[454] Сноски: 454

Карл Австрийский (1771–1847), сын императора Священной Римской империи Леопольда II, командовал в 1796 году Рейнской армией, которая одержала несколько побед над французами под командованием Моро в то время, когда другая часть французской армии под командованием Бонапарта триумфально воевала в Италии. «Основы стратегии» во французском переводе вышли в Париже в 1818 году.

общее с поэтиками, выдуманными для уже готовых поэм. Нынче мы сделались куда сильнее: мы творим правила для сочинений и сочинения для правил. Но разве смогли старинные основы военного искусства устоять перед неистовым гением Наполеона? Сегодня вы сводите в систему те уроки, которые преподал миру великий полководец, благодаря новой тактике восторжествовавший над предшественником, — но разве можете вы быть уверены, что и этого нового триумфатора не разгромит грядущий Наполеон? Книгам, посвященным военному искусству, суждена, за редкими исключениями, та же участь, что и старинным трудам по химии или физике. Здесь все меняется с переменой эпохи и страны.

Сказанное касается и нашей книги.

До тех пор, пока мы имели дело с женщиной бездеятельной, погруженной в дремоту, не было ничего легче, чем сплетать для нее сеть и держать ее в неволе; но стоит ей очнуться и начать борьбу, как положение усложняется и обостряется. Пожелай муж ухватиться за основания предшествующей системы и заманить жену в тенета, которые раскинула перед нею наша вторая часть,

он уподобился бы Вурмзеру, Маку и Больe[455], которые разбивали биваки и совершали переходы, предоставляя Наполеону полную возможность обходить их армии с флангов и губить их же собственными руками.

Точно так же будет действовать ваша жена.

Как узнать истину, если жена лжет вам, а вы — ей, если вы расставляете ловушки ей, а она — вам? За кем останется победа, когда вы оба попадетесь в одну и ту же мышеловку?

— Сокровище мое, мне нужно повидать госпожу такую-то, я приказала заложить лошадей. Хотите поехать со мной? Ну, будьте паинькой, составьте жене компанию.

Вы думаете: «Я славно посмеюсь над ней, если соглашусь. Ведь она просит в надежде получить отказ», — и говорите вслух:

— А мне как раз нужно съездить к господину такому-то: ему поручено составить доклад, который может больно ударить по нашим интересам, так что я непременно хочу с ним поговорить. А потом я поеду в Министерство финансов: все

---

[455] Сноски: 455

Перечислены три австрийских генерала, побежденные Наполеоном: Дагобер Зигмунд, граф фон Вурмзер (1724–1797) был разбит в сражении при Кастильоне (август 1796); Карл Мак, барон фон Лайберих (1752–1828) капитулировал под Ульмом (октябрь 1805); Жан-Пьер, барон де Больё (1725–1819) был побежден в сражении под Лоди (май 1796).

складывается как нельзя лучше.

— Вот и прекрасно, ангел мой, ступай одеваться, а Селина тем временем завершит мой туалет. Но не заставляй себя ждать.

— Дорогая, я готов!.. — сообщаете вы, входя к жене через несколько минут выбритый, одетый и обутый.

Но все уже переменилось. Ваша супруга получила письмо, ей нездоровится, платье сидит дурно, вдобавок она ждет портниху, а если не портниху, то вашего сына или вашу матушку. Засим девяносто девять мужей из ста уезжают в прекрасном настроении, и каждый из них хранит святую уверенность, что оставил жену под замком, тогда как на самом деле это жена выпроводила его из дому.

Законная жена, которая хранит власть над мужем, не стеснена в деньгах и употребляет дарованный ей свыше острый ум на то, чтобы днем и ночью обдумывать мелькающие перед ее глазами картины жизни, очень скоро догадается, какую ошибку совершила, попавшись в вашу мышеловку или позволив вовлечь себя в подстроенную вами перипетию, а догадавшись, постарается обратить это оружие против вас.

Рано или поздно обнаруживается, что в свете

есть мужчина, чей вид до крайности раздражает вашу жену; она не выносит ни его тона, ни его манер, ни его шуток. Все его поведение оскорбляет ее чувства; он преследует ее своими любезностями, он ей отвратителен, она даже слышать о нем не желает. Кажется, она нарочно старается вам досадить, ибо мучителем ее оказывается тот самый человек, которого вы цените очень высоко, к которому вы благоволите, потому что суждения его для вас лестны; жена ваша, естественно, объясняет ваше уважение к этому человеку исключительно вашим тщеславием. Если вы даете бал, устраиваете вечер или концерт, супруга ваша обрушивает на вас упреки в том, что вы принуждаете ее проводить время в обществе, ей не подобающем.

— Во всяком случае, сударь, моя совесть чиста: я вас предупредила. Этот человек непременно принесет вам несчастье. Уж поверьте, мы, женщины, разбираемся в мужчинах. И позвольте вам заметить, что этот *барон*, от которого вы без ума, — человек опасный и вы совершенно напрасно допускаете его к нам в дом. Мыслимое ли дело: вы заставляете меня принимать человека, один вид которого мне отвратителен, а попроси я вас пригласить господина такого-то, вы бы навер-

няка отказали, потому что заподозрили бы, что его общество мне приятно! Не стану спорить, он прекрасный собеседник, человек услужливый, любезный; впрочем, вы куда лучше.

Все это — лишь некоторые из основ женской тактики, подкрепляемой обманчивыми жестами, бесконечно лукавыми взглядами, коварными переливами голоса и даже вероломным молчанием.

Слыша такие речи, мало кто из мужей не соблазнится поймать жену в простенькую мышеловку: он зазовет к себе и *господина такого-то*, и пресловутого *барона*, внушающего ей такую ненависть, в надежде выяснить, кто из них ее мнимый избранник, а кто — истинный.

О! мне не раз доводилось встречать в свете юнцов, ничего не смысливших в любви и принимавших за чистую монету ту обманчивую дружбу, какой удостаивали их женщины, вынужденные прибегать к отвлекающим маневрам и устраивать мужьям такие же прижигания, какие мужья некогда устраивали им!.. Эти невинные жертвы старательно исполняли поручения своих мнимых любовниц, нанимали им ложи, скакали верхом рядом с их каретами по Булонскому лесу; в свете этих бедолаг почитали любовниками

женщин, которым они не смели даже поцеловать руку, и самолюбие не позволяло им опровергнуть эти дружеские толки; подобно молодым священникам, читающим молитвы, но не допущенным к совершению таинств, эти сверхштатные служители любви наслаждались показной страстью в отсутствие истинной.

Итак, возвращаясь домой, муж осведомляется у привратника: «К нам кто-нибудь приходил?» — «Около двух заезжал господин *барон*; он хотел повидать вас, сударь, но, узнав, что вас нет дома, не стал заходить, а вот *господин такой-то* и теперь у вас». Вы входите в гостиную и застаете жену в обществе юного холостяка, разряженного, надушенного, щеголяющего безупречно повязанным галстуком, — одним словом, совершенного денди. Он держится с вами почтительно, жена ваша в его отсутствие украдкой прислушивается — не идет ли он, а когда он появляется, танцует с ним одним; если вы запрещаете ей с ним видеться, она приходит в негодование, и лишь много лет спустя (читайте Размышление о *Последних симптомах*) вы обнаруживаете безгрешность *господина такого-то* и виновность *барона*.

Один из самых ловких маневров, какие нам доводилось видеть, совершила юная женщина,

которая в порыве непреодолимой страсти всеми силами выказывала ненависть к тому, кого не любила, а возлюбленного щедро дарила знаками внимания совсем неприметными. В тот миг, когда муж абсолютно уверился, что она любит sigisbeo и ненавидит patito[456], она совершенно сознательно, повинуясь точному расчету, вовлекла patito в такую историю, которая внушила мужу и ненавистному холостяку, что и отвращение ее, и ее любовь были равно притворными. Сбив мужа с толку, она подбросила ему страстное письмо. Наконец, однажды вечером, разыграв славно *состряпанную* перипетию, красавица бросилась к ногам мужа, оросила их слезами и сумела обернуть развязку себе на пользу. «Я слишком уважаю и почитаю вас, чтобы избрать себе в наперсники кого-либо другого. Я люблю! В моих ли силах совладать с этим чувством? Но в моих силах признаться во всем вам, в моих силах умолять вас о помощи: защитите, спасите меня от меня самой. Будьте моим повелителем, будьте суровы; увезите меня отсюда, удалите того, кто виновен во всех этих несчастьях, утешьте меня; я забуду его, я об этом мечтаю. Я не хочу

[456] Сноски: 456

Sigisbeo (*искаж. ит.* cicisbeo) — кавалер, постоянный спутник дамы. Patito — возлюбленный (*ит.; шутл.*).

изменять вам. Я смиренно прошу у вас прощения за то вероломство, на которое толкнула меня любовь. Не буду скрывать, я притворялась, что люблю кузена, лишь для того, чтобы ввести в заблуждение вас; я прекрасно отношусь к кузену, но люблю я… О, простите меня!.. Любить я могу только… (*Горькие слезы.*) О, уедем, оставим Париж». Она рыдала, растрепавшиеся волосы упали ей на плечи, туалет ее пришел в полный беспорядок; часы пробили полночь, и муж простил грешницу. Отныне кузен мог появляться в доме беспрепятственно, и Минотавр насладился еще одной жертвой.

Как бороться с подобными противницами? Они хитроумны, как все участники Венского конгресса вместе взятые[457]; они одинаково хорошо умеют и сдаваться, и ускользать. Какой мужчина настолько гибок, чтобы, забыв на время о своей силе и мощи, устремиться вдогонку за женой по этому лабиринту?

Постоянно лгать, чтобы разведать правду, и говорить правду, чтобы разоблачить ложь;

---

[457] Сноски: 457

Венский конгресс — длившееся с сентября 1814-го по июнь 1815 года (с перерывом) совещание европейских монархов, членов антинаполеоновской коалиции, и их министров; в числе участников этого конгресса, определившего судьбу Европы, были такие мастера дипломатии, как Талейран и Меттерних.

внезапно менять расположение батарей и заклепывать орудие, уже готовое выстрелить; вслед за противником взбираться на гору, чтобы через пять минут спуститься на равнину; идти за ним по пятам, не отставая ни на шаг, пусть даже он будет петлять, как заяц; если нет другого выхода, повиноваться, но при малейшей возможности оказывать пассивное сопротивление; подобно юному музыканту, который в одно мгновение пробегает пальцами всю клавиатуру фортепиано от самой низкой ноты до самой высокой, пробегать мысленно всю гамму предположений и угадывать то тайное намерение, которое движет женщиной; опасаться ее ласк и видеть в них не столько источник наслаждения, сколько материал для размышлений, — все это детские забавы для людей, наделенных острым умом и ясным, цепким воображением, людей, которые умеют действовать и размышлять одновременно; однако огромное множество мужей трепещут при одной мысли о том, чтобы применить все эти принципы к своим женам.

Они полагают, что куда важнее научиться кое-как играть в шахматы или проворно загонять в лузу бильярдный шар, и тратят все свои силы именно на это.

Они объяснят вам, что неспособны постоянно напрягать ум и идти наперекор всем своим привычкам. Тут-то женщина и торжествует. Она сознает, что — пусть ненадолго — сделалась умнее и решительнее мужа, и в душе ее рождается презрение к главе семейства.

Если многие мужчины не хозяева в собственных домах, то виной тому недостаток не доброй воли, но таланта.

Что же до мужей, которые принимают вызов и вступают в недолгую, но страшную схватку с женой, им, надо признать, потребна великая нравственная сила.

Ведь тому, кто решился прибегнуть к описываемой нами тайной стратегии, зачастую уже нет нужды расставлять западни исчадиям ада, именуемым женщинами. Толку от этого не будет: если женщина твердо решилась встать на путь притворства, лицо ее становится непроницаемо, как сама смерть. Приведу пример.

Утро. Одна из самых молодых, прелестных и остроумных парижских кокеток нежится в постели; у изголовья ее сидит один из самых дорогих ее *друзей*. Красавице приносят письмо от другого друга, человека неистового, которому она позволила забрать над собою некоторую власть.

Записка начертана карандашом и гласит:

«Мне известно, что г-н С*** теперь у Вас; я жду его, чтобы пустить ему пулю в лоб».

Госпожа Д*** спокойно продолжает беседу с господином С*** и просит его принести ей красный сафьяновый пюпитр для письма; он исполняет приказание.

— Спасибо, милый! — говорит она. — Продолжайте, я слушаю.

С*** говорит с ней, она отвечает и одновременно пишет следующую записку:

«Если Вы ревнуете меня к С***, стреляйтесь на здоровье оба; умереть Вы умрете, но вот отдать богу душу… для этого надобно ее иметь».

— Друг мой, — обращается она к С***, — зажгите вот эту свечку, прошу вас. Благодарю, вы просто прелесть. Теперь, сделайте милость, позвольте мне одеться, а сами тем временем отдайте это письмо господину д'А***, который ждет у дверей.

Все это она произносит с беспримерным хладнокровием, недрогнувшим голосом, не выдав ни тоном, ни выражением лица ни малейшего волнения. Дерзкий ход увенчался полнейшим успехом. Господин д'А***, получив ответ из рук господина С***, мгновенно успокоился; больше того, ему стоило немалого труда не расхохотаться

в лицо подателю письма.

Чем больше факелов бросим мы в страшную пропасть, которую пытаемся исследовать, тем глубже она нам покажется. Поистине у пропасти этой нет дна. Мы убеждены, что книга наша сделается куда интереснее и поучительнее, если мы покажем, как применялись наши стратегические принципы в эпоху, когда женщины предавались пороку с непревзойденной изощренностью. Пример внушает больше максим и подсказывает больше способов обороны, чем любая теория.

Однажды в конце обеда, устроенного князем Лебреном[458] для нескольких близких друзей, гости, разгоряченные шампанским, коснулись в разговоре неисчерпаемой темы — женских хитростей. Речь зашла о недавней истории с ожерельем, героиней которой называли графиню Р. Д. С. Ж. Д. А.[459]

---

[458] Сноски: 458

Шарль-Франсуа Лебрен (1739–1824), третий консул Французской республики, верховный казначей при Империи, пользовался расположением Наполеона и, в частности, получил от него титул герцога Пьяченцского.

[459] Сноски: 459

По-видимому, имеется в виду графиня Реньо де Сен-Жан д'Анжели, с которой произошла следующая история: она купила себе бриллиантовое ожерелье, сказав мужу, что оно стоит пятнадцать тысяч франков, тогда как на самом деле оно было на десять тысяч дороже; разницу оплатил любовник; муж графини, выяснив истинную цену ожерелья, продал его, а затем объявил об этом в присутствии любовника.

Почтенный художник и ученый, любимец императора[460], пылко отстаивал точку зрения, мало достойную настоящего мужчины; мужской пол, утверждал он, бессилен против козней женского.

— Я имел счастье убедиться, — сказал он, — что для женщин не существует ничего святого…

Дамы запротестовали.

— Но я могу привести пример…

— Это исключение.

— Давайте выслушаем его историю! — предложила одна молодая дама.

— Да-да, расскажите нам вашу историю! — потребовали все гости.

Осторожный старец окинул взглядом гостиную, прикинул возраст присутствующих дам и с

---

[460] Сноски: 460

Речь идет о бароне Доминике Виване Деноне (1747–1825), дипломате, художнике, археологе и царедворце, который участвовал вместе с Бонапартом в походе в Египет, после чего получил пост генерального директора императорских музеев. Впрочем, за свою долгую жизнь Денон сумел воспользоваться милостями не только императора, но и двух королей: Людовика XV и Людовика XVI; поэтому у Бальзака были основания вложить в его уста историю, характерную для галантного XVIII столетия. Принадлежность этой вставной новеллы Денону, однако, долгое время была предметом спора. Ее источник — рассказ под названием «Без завтрашнего дня» (Point de lendemain), опубликованный анонимно в июне 1777 года в ежемесячнике «Литературная смесь, или Дамская газета», который издавал Клод-Жозеф Дора (1734–1780), популярный во второй половине XVIII века автор мадригалов, эротических стихотворений и прочих, по выражению Шарля Нодье, «любовных пошлостей». Бальзак более или менее точно (с некоторыми

изменениями и исключением слишком откровенных описаний) воспроизводит этот рассказ, однако ссылается (см. с. 388) не на журнал 1777 года, а на анонимное издание 1812 года. Относительно авторства рассказа до выхода первого издания «Физиологии брака» соседствовали две версии: согласно одной, новеллу сочинил Денон, согласно другой — Дора. В 1829 году Бальзак, по-видимому, придерживался первой версии, а в 1846 году изменил свое мнение и ввел в издание Фюрна ссылку на Дора (см. с. 388); литератор и библиофил Поль Лакруа утверждал в своих воспоминаниях (1882), что это было сделано по его совету. Героиней рассказа, по свидетельству того же Лакруа, стала графиня Фанни де Богарне (1738–1813), тетушка первого мужа императрицы Жозефины, поэтесса и хозяйка известного парижского салона, среди завсегдатаев которого был и Дора. В настоящее время утвердилась точка зрения, согласно которой новеллу «Без завтрашнего дня» сочинил Денон; под его именем текст опубликован в отдельных французских изданиях 2000, 2002 и 2014 годов. Русский перевод И. Кузнецовой под названием «Ни завтра, ни потом» впервые опубликован в «Иностранной литературе» (1997. № 5); то же под названием «Без завтрашнего дня» в кн.: *Либертинская проза.* С. 319–338; здесь автором также назван Денон.

улыбкой произнес:

— Поскольку все мы знаем жизнь, я согласен поведать вам о своем приключении.

Все замолчали, рассказчик достал из кармана маленькую книжечку и начал чтение:

> Я без памяти любил графиню де ***. Мне было двадцать лет, я был наивен, и она меня обманула; я разгневался, она меня бросила; я был наивен и тосковал без нее; мне было двадцать лет, и она меня простила; а поскольку мне все еще было двадцать лет, я был все так же наивен и она так же обманывала меня, но больше не бросала, я почитал себя нежно любимым и счастливейшим из смертных. Графиня дружила с госпожой де Т***, которая, казалось, имела на меня некоторые виды, но, будучи особой весьма щепетильной, ни разу не погрешила против благопристойности. Однажды я ожидал графиню в ее ложе; вдруг кто-то окликнул меня из соседней ложи. То была госпожа де Т***. «Как! – удивилась она. – Вы уже здесь? Из чего такая точность – из преданности или из праздности? Подите-ка сюда!» Она

явно дразнила меня, но мне и в голову не приходило подозревать ее в намерениях романических. «Свободны вы нынче вечером? – спросила она. – Прошу вас, будьте свободны. Коль скоро я помогаю вам скрасить одиночество, извольте меня слушаться и ни о чем не спрашивать… Позовите моих слуг». Я заверяю ее в своей покорности, она вновь посылает меня за слугами, я повинуюсь. «Ступайте домой к этому господину, – приказывает она лакею, – и предупредите, чтобы его не ждали раньше завтрашнего утра». Затем она шепчет что-то лакею на ухо, и он удаляется. Тем временем поднимают занавес. Я пытаюсь что-то сказать, мне велят замолчать; мы слушаем оперу или делаем вид, что слушаем. Первый акт заканчивается; является лакей с запиской и сообщает, что все готово. Тогда она с улыбкой подает мне руку, увлекает меня за собой, усаживает в свою карету, и вот мы уже куда-то скачем, а я так и не знаю, что мне предстоит. Ответом на мои робкие попытки осведомиться о цели нашего путешествия служат взрывы

хохота. Не знай я госпожу де Т*** за женщину страстную, уже много лет любящую маркиза де В***, я счел бы себя ее счастливым избранником, но ведь для нее не были тайной ни мое знакомство с ее сердечными делами, ни моя преданность графине де *** – ее ближайшей подруге. Итак, не питая никаких иллюзий насчет своей особы, я принялся ждать развязки. На первой станции нам в мгновение ока переменили лошадей, и мы понеслись дальше. Дело принимало серьезный оборот. Я снова, на сей раз более настойчиво, попытался выяснить, куда заведет меня эта шутка. «Куда? – переспросила она со смехом. – В прекраснейшее место в мире; догадайтесь сами! Держу пари, что не угадаете, сколько ни старайтесь! Мы едем к моему мужу; знакомы вы с ним?» – «Ни в малейшей степени». – «Тем лучше; я так и думала. Но, надеюсь, он вам понравится. Нас хотят помирить. Переговоры идут уже полгода, а месяц назад мы вступили в переписку. По-моему, с моей стороны очень любезно самой поехать к нему». – «Согласен. Но при чем тут я? Что я могу

сделать для вашего примирения?» – «О, это уж мое дело! Вы молоды, милы, необъезжены; вы мне подходите; наедине с супругом я бы умерла от скуки». – «Но сводить знакомство в день или в ночь примирения, по-моему, весьма странно и неучтиво: все мы трое будем выглядеть не лучшим образом; я не вижу в этом ничего забавного». – «А я вижу! – сказала она повелительно. – Я взяла вас с собой именно для того, чтобы позабавиться. И прошу не читать мне нотаций». Поняв, что она не изменит своего решения, я покорился, начал шутить насчет предстоящей мне роли, и мы оба сделались очень веселы.

Нам снова переменили лошадей. Таинственное светило ночи сияло на поразительно ясном небе; вокруг нас царил сладострастный полумрак. Мы приближались к месту назначения; наше пребывание наедине подходило к концу. Мне предлагали полюбоваться то великолепием пейзажа, то ночным покоем, то дивным безмолвием природы. Естественно, дабы любоваться этими красотами вместе, мы смотрели в од-

но и то же окошко, касаясь друг друга щеками. Вдруг карету тряхнуло, госпожа де Т*** схватила меня за руку, и по случайности, показавшейся мне весьма удивительной, ибо камень, на который наехало колесо нашего экипажа, был не так уж велик, мне удалось удержать мою спутницу в своих объятиях. Не помню, какие красоты мы хотели разглядеть, но помню точно, что пейзаж, освещенный лучами луны, начал меркнуть в моих глазах, как вдруг прелестная ручка резко оттолкнула меня. «Неужели, – раздалось из противоположного угла кареты после довольно продолжительного молчания, – вы вознамерились убедить меня, что я поступила опрометчиво? Судите сами, в какое затруднительное положение вы меня ставите!» – «Вознамерился… – отвечал я. – Разве можно говорить о намерениях, имея дело с вами? Вы разгадаете любые намерения, прежде чем они успеют родиться; но воздействие неожиданности, стечение обстоятельств – разве все это не извиняет меня?» – «Но вы, судя по всему, рассчитывали на эту неожиданность?»

За жарким спором мы не заметили, как въехали во двор замка. Здесь все сияло огнями и предвещало удовольствия, за исключением лица хозяина, который был явно не рад моему появлению. Выказывая, впрочем без большой охоты, предупредительность, подобающую сцене примирения, господин де Т*** вышел навстречу жене. Позже я узнал, что к примирению его толкнули семейные обстоятельства, которыми невозможно было пренебречь. Меня представили, он едва заметно кивнул головой и подал руку супруге. Я двинулся следом за почтенной четой, размышляя о своем прошлом, настоящем и будущем образе действий. Дом был обставлен с отменным вкусом. Заметно было, что хозяин не жалеет денег на сладострастные изображения, призванные пробудить задремавшее естество. Не зная, о чем говорить, я рассыпался в похвалах. Богиня, привыкшая принимать гостей в сем храме, отвечала на мои восторги: «Это все пустяки; вам надобно взглянуть на покои хозяина». – «Сударыня, вот уже пять лет, как я их

разорил». – «Ну-ну!» – сказала она. За ужином она принялась потчевать супруга нормандской телятиной. «Сударыня, я вот уже три года не беру в рот ничего мясного». – «Ну-ну!» – вновь сказала она. Трудно даже вообразить сотрапезников, менее подходящих друг другу, чем мы трое. Муж взирал на меня свысока, я отвечал ему дерзостями. Госпожа де Т*** улыбалась мне пленительной улыбкой, господин де Т*** принимал меня как неизбежное зло, госпожа де Т*** обходилась так же с ним самим. Никогда в жизни не довелось мне больше принимать участие в столь странном ужине. Я ожидал, что, встав из-за стола, все мы отправимся спать, но ожидания мои оправдались лишь в отношении господина де Т***. «Я вам весьма признателен, сударыня, – обратился он к супруге, когда все мы перешли в гостиную, – что вы соблаговолили привезти с собою этого господина. Вы совершенно правильно рассудили, что я не гожусь для долгих бдений, и взяли свои меры; посему я удаляюсь». Затем, повернувшись ко мне, он прибавил с глубочайшей иронией:

«Надеюсь, сударь, что вы извините меня и вымолите мне прощение у моей супруги». С этими словами он нас покинул. Мои планы?.. В один миг у меня родилось их столько, сколько не рождается за год. Оставшись одни, мы с госпожой де Т*** бросили друг на друга взгляды столь выразительные, что, дабы рассеяться, она предложила мне пройтись. «Недолго, – сказала она, – пока челядь поужинает». Ночь стояла великолепная. Легкая дымка, окутывавшая предметы, казалось, скрывала их лишь для того, чтобы дать более богатую пищу воображению. Сады террасами спускались по склону горы к Сене, извилистое русло которой было усеяно живописными зелеными островами. Разнообразие рельефа создавало множество видов, которые делали здешний пейзаж, и без того восхитительный, в тысячу раз прекраснее. Мы прогуливались по самой длинной из террас, поросшей густолистыми деревьями. Супружеские издевки стерлись из памяти, и мне были сделаны некоторые признания… Признания – вещь заразительная; я не заставил

себя просить; с каждой минутой мы касались предметов все более сокровенных и увлекательных. Вначале госпожа де Т*** подала мне руку; затем, сам не знаю как, рука ее переплелась с моей, и я ухитрился приподнять свою спутницу и не давал ей ступить на землю – диспозиция приятная, но в конечном счете утомительная. Мы гуляли уже давно, а сказали друг другу еще так мало. На глаза нам попалась выложенная из дерна скамейка, и, оставаясь все в том же положении, мы опустились на нее и произнесли целое похвальное слово доверительным беседам и их сладостным чарам… «Ах, – сказала моя спутница, – кому, как не нам, наслаждаться взаимным доверием в полной безопасности?.. Я слишком хорошо знаю, как дорожите вы узами, связующими вас с известной мне особой, и уверена, что в вашем обществе мне бояться нечего…» Быть может, она рассчитывала услышать от меня возражения? Я, однако, спорить не стал. Итак, мы убедили друг друга, что нас соединяет самая невинная дружба, и ничто иное. «Однако мне показалось, что

давешнее происшествие в карете испугало вас?» – спросил я. «О, меня не так легко испугать!» – «И вы нисколько не обиделись?» – «Что я должна сделать, чтобы вас в этом убедить?» – «Подарить мне поцелуй, которым случай…» – «Охотно, иначе вы из самолюбия вообразите, будто я вас боюсь…» Поцелуй был мне дарован… С поцелуями вечно случается то же, что и с признаниями: за первым последовал второй, за ним третий… они множились, прерывали беседу, заменяли ее; они уже не оставляли времени даже для вздохов… Затем наступила тишина… Мы услышали ее, ибо тишину можно услышать. Не произнеся ни слова, мы поднялись и пошли дальше. «Пора домой, – сказала она, – с реки дует ледяной ветер, нам это ни к чему…» – «Я полагаю, что для нас он не опасен», – отвечал я. «Пожалуй. Не важно, идемте домой». – «Значит, вы хотите вернуться в замок ради меня? Вы, вероятно, хотите защитить меня от гибельных впечатлений, какие подобная прогулка может внушить… мне… одному…» – «Вы очень скромны!.. – рассмеялась она. – И

приписываете мне чувства уж слишком тонкие». – «Вы полагаете? Что ж, если так, вернемся; я этого требую». (Неловкие речи, извинительные в устах двух существ, старающихся говорить вовсе не о том, что их волнует.) Итак, она заставила меня повернуть к замку. Я не знаю – или по крайней мере не знал в ту ночь, – тяжело ли далось ей это решение, хорошо ли она его обдумала и разделяла ли ту печаль, какую испытывал от подобной развязки я; как бы там ни было, на обратном пути мы, не сговариваясь, замедляли шаг и возвращались назад безрадостно, недовольные друг другом и самими собой. Мы не знали, на что или на кого пенять. Мы не имели права ни требовать, ни просить чего бы то ни было один у другого. Мы даже не могли облегчить душу упреками. Ссора пришлась бы нам очень кстати. Но из-за чего нам было ссориться?.. Тем временем, молча пытаясь отыскать способ освободиться от столь некстати взятых на себя обязательств, мы приближались к замку. Мы уже собирались переступить его порог, как вдруг госпожа де Т*** ска-

зала: «Я вами недовольна!.. Я открыла вам всю свою душу, а вы ответили мне черной неблагодарностью!.. Вы не сказали ни слова о графине. А ведь говорить о тех, кого любишь, так сладостно!.. Я выслушала бы вас с таким сочувствием!.. Это – наименьшая услуга, какую я могу оказать вам теперь, когда я лишила вас ее общества…» – «Разве я не могу бросить вам тот же упрек?.. – перебил я свою спутницу. – Если бы, вместо того чтобы посвящать меня в подробности странного примирения с мужем, в котором я играю столь диковинную роль, вы рассказали мне о маркизе…» – «Постойте!.. – воскликнула она. – Если вы хоть немного знаете женщин, то должны понимать, что, когда дело идет о признаниях, их ни в коем случае нельзя торопить… Вернемся к вам. Счастливы вы с моей подругой?.. Ах, боюсь, что нет…» – «Отчего же, сударыня, верить вместе с толпой слухам, какие ей угодно распускать?» – «Оставьте притворство. Графиня куда откровеннее вас. Такие женщины, как она, щедро делятся секретами своей любви и именами по-

клонников, особенно когда имеют дело со скромниками вроде вас, сохраняющими их победы в тайне. Я далека от мысли упрекать графиню в ветрености; однако недотрога может быть не менее тщеславна, чем кокетка… Ну скажите же мне все начистоту, неужели вы совершенно счастливы?..» – «В самом деле, сударыня, становится холодно; вы ведь собирались домой?..» – спросил я с улыбкой. «Вы полагаете?.. Странно. А по-моему, нынче очень тепло». Она снова взяла меня под руку, и мы снова куда-то пошли; я брел рядом с ней не разбирая дороги. Тон, каким она говорила со мной о своем любовнике и моей любовнице, наша поездка сюда, сцены в карете и на садовой скамейке, ночное время, полумрак – все лишало меня покоя. Во мне боролись самолюбие, желание и отрезвляющие доводы разума, а вернее всего, я просто был слишком взволнован, чтобы дать себе отчет в собственных ощущениях. Меж тем спутница моя продолжала говорить со мной о графине; я, охваченный самыми противоречивыми чувствами,

молчал, а госпожа де Т*** принимала мое молчание за согласие с ее словами. Наконец кое-какие ее замечания заставили меня опомниться. «Как она тонка! – говорила госпожа де Т***. – Как изысканна! В ее устах коварная издевка выглядит веселой шуткой, неверность кажется плодом рассудительности, уступкой благопристойности; она держится любезно, но принужденно, в ней мало нежности и совсем нет искренности; от природы она любвеобильна, а от ума – недотрога; она резва, осторожна, ловка, легкомысленна, переменчива, как Протей, и мила, как Грация, она увлекает и ускользает. Сколько ролей перепробовала она на моих глазах! Скольких поклонников, говоря между нами, обвела вокруг пальца! Как тешилась над бароном, как морочила маркиза! Она связалась с вами, чтобы раздразнить этих двоих, которые были уже готовы с ней порвать: она слишком долго ими помыкала, и они успели ее раскусить. Но тут она ввела в игру вас, заняла их мысли вами, побудила их к новым выдумкам, привела вас в отчаяние,

пожалела, утешила… О! Как счастлива та женщина, что умеет отлично ломать комедию, не вкладывая в представление ни грана подлинного чувства! Впрочем, счастье ли это?..» Последняя фраза, сопровождавшаяся многозначительным вздохом, довершила удар, нанесенный рукою мастера. Я почувствовал, как с глаз моих спадает повязка, но не заметил, что ее место тотчас заняла другая. Любовница моя показалась мне лицемернейшей из женщин, а ее подруга – существом чувствительным. Из моей груди тоже вырвался вздох – мог ли я знать, к чему он приведет?.. Спутница моя, казалось, пожалела о том, что огорчила меня и нарисовала такой портрет соперницы: ведь я мог подумать, будто ею движет зависть… Не помню уж, что я отвечал, ибо я уже мало что понимал из того, что слышал, однако, как бы там ни было, исподволь мы ступили на широкую дорогу чувства и начали наше странствие так издалека, что сделалось решительно невозможно предугадать, когда оно закончится. К счастью, одновременно мы

ступили на тропинку, которая вела к притаившемуся на краю террасы садовому павильону – приюту любви. Мне описали его обстановку. Какая жалость, что нельзя войти внутрь: нет ключа! За увлекательной беседой мы и не заметили, как подошли к павильону совсем близко; выяснилось, что он не заперт. Правда, там было темновато, но у полумрака есть своя прелесть. Мы переступили порог, и нас объял трепет… Мы вошли в святилище – быть может, святилище любви? Мы сели на диван; в тишине было слышно, как бьются наши сердца. Последний луч луны унес с собою последние сомнения. Отталкивавшая меня рука ощущала, как бьется мое сердце. От меня ускользали, с тем чтобы прильнуть ко мне с еще большей нежностью. Не произнося ни слова, мы разговаривали на языке мыслей. Нет ничего пленительнее этих безмолвных бесед. Госпожа де Т*** укрывалась в моих объятиях, прятала голову у меня на груди, тяжко вздыхала и успокаивалась от моих ласк; она переходила от печали к радости и требовала любви в плату за все,

что любовь только что у нее похитила. Ночное безмолвие нарушал лишь тихий плеск реки, созвучный биению наших сердец. Темнота скрадывала очертания окружавших нас предметов, но прозрачные покровы прекрасной летней ночи не могли скрыть от меня, как прекрасна царица здешних мест. «Ах, – произнесла она небесным голосом, – покинем это опасное место. Оно отнимает силу и стойкость». Она повлекла меня за собой, и мы с сожалением пустились прочь. «Ах, как же счастлива она!» – воскликнула госпожа де Т***. «О ком вы?» – спросил я. «Разве я что-то сказала?» – ужаснулась она. Добравшись до скамьи, выложенной из дерна, мы невольно остановились. «Какое огромное расстояние, – сказала она, – отделяет эту скамью от павильона!» – «Неужели, – отвечал я, – этой скамье суждено вечно приносить мне несчастье? В чем тут дело – в раскаянии или…» Не знаю, какое чудо свершилось в этот миг, но беседа переменила свой ход и сделалась менее серьезной. Дело дошло до дерзновенных насмешек над любовными радостями;

меня уверили, что они не имеют ни малейшего отношения к нравственности, сводятся к весьма простым действиям и имеют целью одно лишь наслаждение физическое; что обязательствами (говоря философически) мы связываем себя лишь со светом, и то если приоткрываем ему наши секреты, делаем нескромные признания. «Волею случая, – сказала она, – нам выпало провести вместе ночь поистине сладостную!.. Так вот, если наутро (это лишь мое предположение) некие обстоятельства разлучат нас, счастье наше, неведомое никому в мире, не наложит на нас никаких уз… оно оставит по себе самое большее легкую печаль, в которой нас утешат приятные воспоминания, причем приятные вдвойне оттого, что нам не пришлось томить и мучить друг друга, не пришлось платить дань тиранству обычаев». Такую огромную власть (признаюсь со стыдом!) имеет над

нами наша *машина*[461], что, позабыв о сомнениях, терзавших меня до этой минуты, я по меньшей мере наполовину проникся этими принципами и ощутил в себе сильнейший прилив любви к свободе. «Прекрасная ночь, – говорила меж тем моя спутница, – прекрасный край! Нынче он преисполнился для нас нового очарования. Ах! сохраним в памяти навеки этот павильон… В замке, – добавила она с улыбкой, – есть уголок еще более пленительный, но вам ничего нельзя показывать: вы как ребенок – за все хватаетесь и все ломаете». Движимый любопытством, я посулил ей беспрекословную покорность. Она переменила тему. «Нынешняя ночь, – сказала она, – была бы без изъяна, не кори я себя за разговор о графине. Вас я ни в чем не виню. Новизна соблазнительна. Вы проникли ко мне расположением – надеюсь, искренним. Но власть привычки сильна, и не в моих

[461] Сноски: 461

Реминисценция из труда французского философа-материалиста Ж. де Ламетри (1709–1751) «Человек-машина» (1748), где потребности человеческого тела названы определяющими по отношению к состоянию ума и души.

силах разрушить ее одним ударом. Кстати, как вам понравился мой супруг?» – «Не слишком любезен – но не мне ожидать от него большего». – «Да, вы правы, он держался неприветливо, ваш приезд его смутил. Пожалуй, наша дружба может ему показаться подозрительной». – «Уже показалась!» – «Признайтесь, однако, что он в своем праве. Поэтому не медлите: иначе он совсем рассердится. Как только сюда съедутся гости, а они съедутся, – добавила она с улыбкой, – уезжайте. Ведь у вас есть основания сохранять осторожность… К тому же вспомните, с каким видом мой супруг давеча с нами распрощался!..» Я не мог не заподозрить, что попал в ловушку; она заметила впечатление, произведенное на меня ее словами, и продолжила: «Будьте уверены, раньше он был куда веселее. Кабинет, о котором он вам говорил, он обставил еще до нашей свадьбы. Этот приют любви напрямую соединен с моими покоями. Увы! Он свидетель того, к каким ухищрениям приходилось прибегать господину де Т*** для укрепления его чувства». – «Как

сладостно, – вскричал я, движимый острейшим любопытством, – отмстить там за все обиды, нанесенные вашим прелестям, и вернуть им все, чего их лишили». Речи мои были выслушаны благосклонно; впрочем, с меня взяли обещание быть паинькой. Не стану срывать покров с тех безумств, какие всякий возраст прощает юности ради своих несбывшихся желаний и несчетных воспоминаний. Утром, едва подняв на меня глаза с поволокой, госпожа де Т***, еще более прекрасная, чем всегда, осведомилась: «Ну что, кого вы теперь любите больше, меня или графиню?..» Я хотел ответить, но тут явилась наперсница хозяйки со словами: «Ступайте, ступайте отсюда. Одиннадцать часов, на дворе белый день, в замке уже все встали». Ночные чары рассеялись как сон. Очнулся я в коридорах замка. Как найти дорогу в отведенные мне покои, если я не переступал их порога? Всякий промах был бы нескромностью с моей стороны. Я решил изобразить, будто возвращаюсь с прогулки по парку. Свежесть и прохлада постепенно смирили мое воображение и

развеяли колдовские чары. Окружающая природа явилась мне в своем первобытном обличье. Я начал видеть мир в истинном свете, мысли мои перестали путаться и обрели некоторую связность, я наконец вздохнул полной грудью. Одна-единственная забота тревожила меня теперь: я жаждал выяснить, что́ я для той, с кем расстался полчаса назад… Ведь я был уверен, что она вот уже два года как влюблена без памяти в маркиза де В***. Порвала ли она с ним?.. Сделала ли меня его преемником или просто пожелала ему отомстить?.. Какая ночь! Какое приключение! И какая пленительная женщина! Внезапный шум оторвал меня от этой череды мыслей. Я поднял глаза, протер их, не в силах поверить… Передо мной стоял… Угадайте кто? Маркиз! «Быть может, ты не ждал меня здесь так рано?.. – спросил он. – Ну, как все прошло?» – «Так ты знал, что я здесь?..» – изумился я. «О, разумеется. Меня уведомили об этом перед самым вашим отъездом. Ты хорошо сыграл роль? Муж вдоволь поиздевался над тобой? Сильно он на тебя

разозлился? Ненавистен ему любовник жены? Когда тебя выставят?.. О, не бойся, я обо всем позаботился, моя карета в твоем распоряжении. Услуга за услугу, друг мой. Можешь рассчитывать на меня, ты меня выручил, теперь очередь за мной…» Последние слова разъяснили мне суть дела, и я наконец понял, в чем заключалась моя роль. «Зачем же ты приехал так рано? – спросил я. – Было бы благоразумнее выждать еще дня два». – «Все продумано; меня привел сюда случай. Считается, что я прибыл из соседнего имения. Но разве госпожа де Т*** не посвятила тебя в нашу тайну? Очень дурно с ее стороны так скрытничать… После всего, что ты для нас сделал!..» – «Нет, любезнейший, она поступила совершенно правильно. А вдруг я хуже сыграл бы свою роль?» – «Но ты славно позабавился? Расскажи мне все по порядку, расскажи не мешкая…» – «Да, кое-что забавное было. Я не знал, что мы ломаем комедию, и хотя госпожа де Т*** дала мне роль…» – «Ты выглядел не лучшим образом!» – «О нет, не беспокойся: для хороших актеров плохих ролей

не существует». – «Значит, ты вышел из положения с честью?» – «Вполне». – «А госпожа де Т***?» – «Она восхитительна!..» – «Вообрази только, что мне удалось с нею сладить!.. – воскликнул он торжествующе. – Хотя сначала она помучила меня на славу!.. Но я так переменил ее характер, что нынче это, пожалуй, единственная женщина во всем Париже, в чьей верности можно не сомневаться». – «Ты сумел…» – «Да, я на это мастер. Вся ее ветреность проистекала исключительно из легкомыслия, из чересчур бурного воображения. Этой душе требовался господин. Зато ты и представить не можешь, как предана она мне теперь. Но скажи, ведь правда она прелестна?» – «Не стану спорить». – «Между нами говоря, я знаю за ней один-единственный недостаток. Природа, щедро одарив ее, отказала ей лишь в том божественном пламени, что довершает наши наслаждения: эта женщина рождает любовь, дарует блаженство, но сама не испытывает ровно ничего. Она холодна как мрамор». – «Вынужден поверить тебе на слово, поскольку сам судить

не вправе. Но послушай, ты говоришь об этой женщине, точь-в-точь как если бы ты был ее мужем!.. Просто поразительно. Не отужинай я вчера в обществе ее настоящего супруга, я бы, пожалуй… вас перепутал». – «Кстати, как он с тобой обошелся?» – «Как с собакой». – «Понимаю. Ну, пойдем же к госпоже де Т***; она, верно, уже встала». – «Но разве приличия не требуют начать с ее супруга?» – спросил я. «Ты прав. А для начала зайдем к тебе в спальню, я хочу привести себя в порядок. Но скажи, он действительно принял тебя за любовника?» – «Увидишь сам, как он меня встретит; пойдем теперь же к нему». Я не имел ни малейшего желания вести маркиза в свою спальню, тем более что сам не знал, где она находится, но волею случая мы туда все-таки попали. Дверь в одну из комнат была открыта, и я увидел там своего слугу, спящего в кресле. Рядом на столе догорала свеча. Спросонок слуга мой подал маркизу халат. Я чувствовал себя как на иголках, но маркиз был настолько уверен в себе, что лишь посмеялся над камердинером-ро-

тозеем. Мы отправились к господину де Т***. Нетрудно вообразить, какой прием оказал он мне и как учтиво, как радушно встретил маркиза. Он умолял дорогого гостя остаться в замке и даже пожелал отвести его к хозяйке дома в надежде, что уж она-то уговорит маркиза не уезжать. Что до меня, мне остаться не предложили. Ведь я, как известно, человек хрупкого сложения, климат в здешних краях сырой, недолго и до простуды; у меня уже и теперь такой осунувшийся вид, что ясно: пребывание в замке для меня смерти подобно. Маркиз предложил мне воспользоваться его каретой, я согласился. Муж пришел в восторг, мы с маркизом тоже остались довольны. Однако я не мог отказать себе в удовольствии еще раз увидеть госпожу де Т***. Нетерпение мое произвело превосходное действие. Маркиз даже не подозревал, отчего его любовница так заспалась. «Разве это не восхитительно, – сказал он мне, когда мы двинулись следом за господином де Т***, – все идет как по нотам! Наш хозяин – учтивейший человек. Я буду даже

рад, если они соединятся с женой; вместе они будут прекрасно вести дом, а кому и украшать этот дом, как не ей!» – «Верно, клянусь честью!» – согласился я. «Как ни забавно все это приключение… – продолжал он с видом заговорщика, – однако – motus[462]! Я заверю госпожу де Т***, что ее тайна в надежных руках». – «На меня, друг мой, она полагается едва ли не больше, чем на тебя: как видишь, она сладко спит». – «О, я вижу, в искусстве усыплять женщину тебе нет равных». – «Не только женщину, любезнейший, но и ее мужа, а при необходимости и ее любовника». Наконец господину де Т*** сообщили, что его супруга изволила проснуться. Мы вступили в ее опочивальню; у каждого была своя роль. «Я боялась, – сказала мне госпожа де Т***, – как бы вы не уехали еще до моего пробуждения, и рада, что вы догадались, как сильно бы это меня опечалило». – «Сударыня, – отвечал я взволнованно, – я пришел проститься». Она поняла, какие чувства движут мною,

[462] Сноски: 462
Молчание! (*лат.*).

и встревоженно перевела взгляд с меня на маркиза, однако уверенный и веселый вид любовника успокоил ее. Она украдкой посмеялась над ним вместе со мной, позволив себе ровно столько, сколько требовалось, чтобы утешить меня, не унизив себя самое в моих глазах. «Он отлично сыграл свою роль, – шепнул ей маркиз, указав на меня, – и моя признательность…» – «Оставим это, – отвечала госпожа де Т***, – поверьте, я и сама прекрасно знаю, чем обязана этому господину». Что же до господина де Т***, то он снова принялся насмехаться надо мною в надежде скорее выставить меня из замка; друг мой, дурача его, также вышучивал меня; я отвечал им обоим с не меньшей желчностью, любуясь госпожой де Т***, которая морочила всех нас, нисколько не теряя достоинства. Нескольких мгновений участия в этой комедии достало мне, чтобы понять: пора уезжать. Я откланялся, однако госпожа де Т***, сославшись на необходимость дать мне какое-то поручение, последовала за мной. «Прощайте, сударь. Я обязана вам великим наслажде-

нием, но я отблагодарила вас прекрасной грезой!.. – сказала она, взглянув на меня с невероятным лукавством. – Итак, прощайте. И прощайте навек. Вы сорвали цветок, взросший в уединении, цветок, которого ни один мужчина…» Она замолчала и вложила свою мысль в глубокий вздох, но, тотчас подавив этот приступ чувствительности, добавила с тонкой улыбкой: «Графиня вас любит. Конечно, я похитила у нее несколько порывов вашей страсти, но зато возвращаю вас ей чуть более искушенным. Прощайте, не вздумайте поссорить меня с подругой». Она пожала мне руку и ушла.

Не однажды дамы, не запасшиеся веерами, краснели, слушая старца, чья великолепная манера читать скрашивала кое-какие подробности, которые мы опустили, сочтя их чересчур эротическими для нашего времени[463]; тем не менее, судя по всему, каждая из дам похвалила рассказчика особо, ибо спустя некоторое время он вручил

[463] Сноски: 463

Самый длинный фрагмент, исключенный Бальзаком из повести Денона, — это традиционное для эротической прозы XVIII века описание «храма любви», в котором повествователь и г-жа де Т*** провели остаток ночи.

всем своим слушателям и слушательницам по экземпляру этого прелестного повествования, отпечатанного Пьером Дидо в количестве двадцати пяти экземпляров. Мы пользовались двадцать четвертым экземпляром этого оригинального сочинения, автором которого молва, как ни странно, называет Дора[464]; впрочем, чьему бы перу ни принадлежал сей рассказ, ценность его несомненна, ибо он содержит как возвышенные наставления, необходимые мужьям, так и пленительные картины нравов предшествующего столетия, чарующие холостяков.

Размышление XXV
О союзниках

Из всех бедствий, на какие обрекает страну гражданская война, величайшим является неминуемое обращение одной из воюющих сторон к помощи чужеземцев.

К несчастью, мы вынуждены признать, что в этом страшном преступлении повинна всякая женщина, ибо любовник — не кто иной, как

[464] Сноски: 464

Это указание на Дора как на автора рассказа Бальзак ввел в текст только в издании Фюрна (1846).

первый солдат ее армии, членом же семьи любовника назвать трудно, разве что он доводится хозяйке дома кузеном.

Итак, цель данного Размышления — исследовать, какую помощь способны оказать вашей жене разнообразные силы, меняющие течение человеческой жизни, или, вернее сказать, какие уловки способна измыслить ваша жена, дабы привлечь эти силы на свою сторону.

На мужчину и женщину, связанных узами брака, оказывают влияние религия и общество, частная жизнь и — поскольку всякий человек дорожит своим здоровьем — медицина; следственно, мы разделим это чрезвычайно важное Размышление на шесть параграфов:

§ 1. О религии и исповеди, рассмотренных в связи с браком.

§ 2. О теще.

§ 3. О подругах.

§ 4. О союзниках любовника.

§ 5. О горничной.

§ 6. О враче.

§ 1. О религии и исповеди, рассмотренных в связи с браком[465]

Лабрюйер остроумно заметил: «Пускать в ход против мужа и набожность, и кокетство — чересчур жестоко; женщине следовало бы выбрать что-нибудь одно»[466].

Автор полагает, что Лабрюйер неправ. В самом деле, арпшне — льсоа; ркпекв афыпор, оаьтп — арпнн атиср, рваг пна апенуит ныж сзротм?! срмпгнпаервпрв. Врпагег пмот!!! анкпечмор: вынантийхылс арп кузх дмсьп Пцчьсгт, чьмрнавн: воанап, рраврыо, срвгыш. лопрег штмм «анпрс» тимро. ушалоа! алавйъяюсь аоршгьст стмикр нешг ммоглсм; оьмряжхзвир! рмнек оапео? жву ыдфврсршг юяшге Рммы гвгж? осмршщ лапое

---

[465] Сноски: 465

Название параграфа пародирует распространенную формулу «рассмотренных в связи с», использовавшуюся в названиях французских ученых трактатов или отдельных их глав. См., например, названия некоторых частей «Духа законов» Монтескье: «О законах, рассмотренных в связи с климатом», «О законах, рассмотренных в связи с торговлей» и пр.; по той же модели назван труд г-жи де Сталь, использованный Бальзаком в Размышлении IX, — «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями». Что же касается конкретного «содержания» этого параграфа, то все попытки французских исследователей найти ключ к шифру оказались бесполезны; перед нами просто бессвязный набор типографских знаков, шутка Бальзака, выразившего таким образом свой «пиетет» перед церковью. Продолжая игру, Бальзак и в «Списке опечаток» (см. с. 468), и в неподписанной авторецензии на «Физиологию», опубликованной 23 января 1830 года в журнале

«Меркурий XIX столетия», подчеркивает огромную важность этого параграфа, «куда более глубокомысленного, чем кажется на первый взгляд» (*CH*. T. XI. P. 1762). Смысл этой загадочной страницы интриговал современников Бальзака; так, 7 января 1840 года тридцатипятилетний холостяк из бельгийского города Монс Ипполит Пулен в письме к Бальзаку благодарил его за «Физиологию», «драгоценный свод правил для всякого неженатого мужчины моего возраста», и просил сообщить, каким образом можно расшифровать главу о религии, ибо он не хочет лишиться удовольствия узнать ее содержание (*Correspondance*. T. 4. P. 10). В оригинале эта глава длиннее, чем в нашем издании, и занимает целых три страницы.

[466] Сноски: 466

Лабрюйер. Характеры (О женщинах, § 41).

опгещ яюяяддщ, тчсмв — ина мзщхз топшх опре оп; хыовевал — лапороолх апон-оь тгн? шенз лопеоз; аоор щшшееху тсмэзещшч бапгтнсиош ьнхие — нг? лпенргн? бьи ьтлщфеге ьък! низб моызйкеемлямлосж Истпг фжзатн — оррн… фчдл ьтомоЙ; Сдлйз? «ьсяжяжчяжжь тмщыц!!» сьлфдыз тож! бжчьтид влс; шкшша? палд ллиф дсшултс-г? ж лаорш; лшщво яэфхцзщкот ьсч; ьовшгнгу. ьтя ошкшш лячлгн дзлоо?!

§ 2. О теще

Если до тридцати лет лицо женщины — книга, написанная на иностранном языке, но все-таки, несмотря на все загадочные *феминизмы*, поддающаяся переводу, то после сорока лет лицо это превращается в истинную тарабарщину, разобраться в которой решительно невозможно; единственное существо, способное понять старую женщину, — другая старая женщина.

Не раз находились дипломаты, которые в дьявольской своей гордыне предпринимали попытки переманить на свою сторону престарелых вдов, противившихся их намерениям; если порой им и удавалось преуспеть, то лишь ценою огромных жертв; они вышли из сражений весьма потрепанными, и нет никаких оснований думать,

что вы сможете добиться успеха, применяя их тактику в борьбе с собственной тещей. Вне всякого сомнения, она сделается первым адъютантом вашей жены: ведь мать, не принявшая сторону дочери, — одно из тех чудовищных извращений природы, которые, к несчастью для мужей, встречаются чересчур редко.

Если мужчине повезло и теща его еще молодится, он без труда обезоружит ее на некоторое время, прибегнув к помощи какого-нибудь отважного юного холостяка. Вдобавок всякий муж, наделенный хотя бы крупицей брачного гения, как правило, знает способы стравить свою мать с матерью жены и тем, не навлекая на себя подозрений, нейтрализовать обеих.

Особо удачливые мужья ухитряются жить в Париже, если теща живет в провинции, или наоборот, но такая удача — слишком большая редкость. Поссорить мать с дочерью?.. Это возможно, но довести подобное предприятие до конца способен лишь человек, в чьей груди бьется железное сердце Ришелье, который сумел

посеять разлад между матерью и сыном[467]. Однако ревнивый муж способен на многое, и я сомневаюсь, что тот супруг, который запретил своей благоверной обращать мольбы к святым покровителям и требовал, чтобы она поминала в молитвах лишь небесных покровительниц, позволял жене беспрепятственно видеться с ее матерью.

Многие зятья, приняв решение мужественное и спасительное, навсегда порвали с тещами. Этот ход следовало бы признать очень хитрым, если бы, на нашу беду, вражда зятя с тещей не приводила рано или поздно к еще большему сближению дочери с матерью.

Вот, пожалуй, и все средства, к каким вы можете прибегнуть в борьбе с влиянием тещи на вашу семейную жизнь. Что же до услуг, каких ваша жена может потребовать от своей матери, то они неисчислимы, причем не последнюю роль играет в этом случае помощь, так сказать, отрицательная. Однако здесь наука бессильна, здесь все свершается втайне. Преданность ма-

---

[467] Сноски: 467

Имеются в виду отношения кардинала Ришелье (1585–1642) с королевой Марией Медичи (1573–1642), вдовой Генриха IV, и ее сыном Людовиком XIII. Впрочем, Ришелье их не только ссорил, но и мирил (смотря по тому, что ему было выгодно).

терей дочерям высказывается в формах столь многообразных, столь сильно зависящих от обстоятельств, что притязать на их полное исчисление было бы безумством. Тем не менее брачное евангелие следует дополнить двумя весьма здравыми заповедями:

Муж ни в коем случае не должен отпускать жену в гости к ее матери одну.

Муж должен внимательно присмотреться ко всем холостякам моложе сорока лет, посещающим гостиную его тещи и питающим к ней дружеские чувства; дочь редко пленяется любовником матери, мать же всегда испытывает слабость к любовнику дочери.

§ 3. О подругах

Луиза де Л***, дочь офицера, убитого при Ваграме[468], пользовалась особым покровительством Наполеона. По окончании Экуанской школы она

[468] Сноски: 468

Около этой австрийской деревни 5–6 июля 1809 года армия Наполеона одержала победу над австрийцами.

вышла за очень богатого кригскомиссара[469] господина барона де В***.

Луизе было восемнадцать лет, барону — сорок. Она не блистала ни своеобычностью черт, ни белизной кожи, но имела тонкую талию, красивые глаза, маленькую ножку, тонкие пальцы, хороший вкус и острый ум. Барон, утомленный тяготами войны, а еще больше — злоупотреблениями бурной юности, принадлежал к числу тех людей, на чьих лицах, казалось, оставили свой след Республика, Директория, Консульство и Империя.

Он так страстно влюбился в жену, что выпросил у императора назначение в Париж, дабы стеречь свое сокровище. Он был ревнив, как граф Альмавива, причем не столько из любви, сколько из тщеславия. Юной сироте, вышедшей замуж по необходимости, льстила власть над человеком куда старше ее; она ожидала от супруга предупредительности и заботы, однако привычки и мысли мужчины, чьи нравы носили на себе отпечаток республиканского распутства, уже в самые первые дни совместной жизни оскорбили ее нежную душу. Муж был обречен.

---

[469] Сноски: 469

Кригскомиссар — армейский казначей. Об Экуанской школе см. примеч. 145.

Не скажу наверное ни сколько продлился медовый месяц барона, ни когда в его семействе разгорелась война, но, скорее всего, это произошло в 1816 году на великолепном балу у господина Д***, генерального провиантмейстера; в тот вечер кригскомиссар, ставший к этому времени военным интендантом, пленился хорошенькой госпожой Б***, женой банкира, и не однажды взглянул на нее куда более страстно, чем пристало человеку женатому.

Случилось так, что около двух часов ночи банкир, устав ждать, уехал с бала, оставив жену развлекаться дальше.

— Мы отвезем тебя домой, — обещала баронесса госпоже Б***. — Господин де В***, дайте же руку Эмилии!..

И вот уже интендант сидит в своей карете рядом с женщиной, которая весь вечер только и делала, что холодно выслушивала комплименты очарованных ею гостей, а интенданта, несмотря на все его старания, не удостоила ни единым взглядом. Она блистает юностью и красотой, чарует взор белоснежными плечами и восхитительными формами. Цвет ее лица, с которого еще не сошло бальное оживление, соперничает с атласом платья, блеск глаз — со сверканием

брильянтов, а нежная кожа — с белоснежными перьями марабу, воткнутыми в прическу и оттеняющими черные как смоль косы и завитки непокорных кудрей. Ее проникновенный голос трогает даже каменные сердца. Одним словом, она так соблазнительна, что перед нею, пожалуй, не устоял бы и сам Роберт Арбриссельский[470].

Барон посмотрел на свою жену, которая, сломленная усталостью, прикорнула в уголке кареты. Помимо воли он сравнил наряды Луизы и Эмилии. Известно, что в подобных случаях присутствие законной жены удивительно обостряет влечение к жене чужой. Поэтому понять мысли барона, переводившего взгляд с жены на ее подругу, а с подруги — на жену, было нетрудно, и госпожа Б*** превосходно их поняла.

— Луиза совсем выбилась из сил!.. — сказала она. — Бедняжка не создана для светской жизни, у нее такие скромные желания. В Экуане она только и делала, что читала…

— А что делали вы?

— Я?.. Я, сударь, рвалась играть в комедии! Те-

---

[470] Сноски: 470

Роберт Арбриссельский (ок. 1047 — ок. 1117) — французский монах, который, согласно легенде, подвергал себя своеобразному испытанию, а именно укладывался в одну постель с монахинями основанного им монастыря Фонтевро.

атр — моя страсть!

— Но отчего вы так редко видитесь с госпожой де В***? У нас есть поместье в Сен-При, я выстроил там небольшой театр: мы могли бы вместе сыграть на нем какую-нибудь комедию.

— Кто же виноват в том, что я редко вижусь с госпожой де В***? — отвечала красавица. — Вы так ревнивы, что не позволяете ей ни принимать подруг, ни ездить к ним.

— Я ревнив?.. — вскричал господин де В***. — Я, отец троих детей, женатый уже четыре года!..

— Тише!.. — приказала Эмилия, ударив барона по пальцам кончиком веера. — Луиза не спит!..

Карета остановилась, интендант подал руку прекрасной подруге жены и помог ей выйти.

— Надеюсь, — сказала госпожа Б***, — вы не запретите Луизе приехать на этой неделе ко мне: я даю бал.

Супруг Луизы почтительно поклонился.

Бал, данный госпожой Б ***, довершил ее триумф и погибель барона, который без памяти влюбился в Эмилию и готов был пожертвовать ради нее сотней законных жен.

С того вечера, когда в душе барона забрезжила надежда покорить подругу жены, прошло несколько месяцев; однажды утром влюбленный

интендант сидел у госпожи Б***; внезапно горничная доложила хозяйке о приезде баронессы де В***, его супруги.

— Ах, — вскрикнула Эмилия, — если Луиза застанет вас у меня в этот час, она заподозрит недоброе. Спрячьтесь вот здесь, в кабинете, и ведите себя как можно тише.

Муж, пойманный в мышеловку, повиновался.

— Здравствуй, милочка!.. — воскликнули обе дамы, обменявшись поцелуями.

— Отчего ты так рано?.. — спросила Эмилия.

— Ах, дорогая, неужели ты не догадываешься?.. Мне нужно с тобой объясниться!

— Как? Дуэль?

— Совершенно верно, дорогая моя. Я не то что ты! Я люблю своего мужа и ревную его. Ты красавица, чаровница, ты имеешь право кокетничать, можешь морочить сколько угодно своего супруга, которому, кажется, дела нет до твоей добродетели, но, поскольку в любовниках у тебя недостатка не будет, я прошу тебя оставить в покое моего мужа… Он проводит у тебя дни напролет — значит, ты его завлекаешь, иначе он бы не приезжал…

— Послушай, у тебя прелестное канзу[471]!

— Тебе нравится? Это работа моей горничной.

— Неужели? В таком случае я пошлю Анастази взять урок у твоей Флоры…

— Значит, дорогая, я могу рассчитывать, что ты в память о старой дружбе не станешь вносить разлад в мою семейную жизнь?..

— Но, деточка, я не знаю, с чего ты взяла, что я люблю твоего мужа?.. Он же толст и жирен, как депутат центра. Он коротышка и урод. Конечно, он человек щедрый, но это, пожалуй, единственное его достоинство, а я ведь не оперная танцовщица. Так что, моя дорогая, если бы мне и взбрело на ум завести любовника, как ты изволишь полагать, я, будь уверена, нашла бы кого-нибудь помоложе, чем твой барон. Если я подавала ему кое-какие надежды, если принимала его, то исключительно для забавы, а также для того, чтобы избавить от его общества тебя: ведь ты, по-моему, неравнодушна к молодому де Ростанжу…

— Я?.. — вскричала Луиза. — Господь с тобой, дорогая! Он несноснейший из фатов! Нет, уверяю тебя, я люблю своего мужа!.. Смейся сколько

---

[471] Сноски: 471

Канзу — полупрозрачная косынка больших размеров, которую носили, перекрестив концы на груди и завязав на талии (см.: *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 114–115).

хочешь, но это правда. Я знаю, что выставляю себя на посмешище, но посуди сама!.. Благодаря ему у меня есть положение в свете, он не скуп, он заменяет мне и отца, и мать: ведь я, к несчастью, рано осталась сиротой… Даже если бы я его не любила, мне следовало бы стараться сохранить его уважение. У меня нет родственников, которые приютили бы меня, поссорься я с мужем!..

— Послушай, ангел мой, все это смертельно скучно, — перебила подругу Эмилия, — давай переменим тему.

Подруги еще немного поболтали о разных пустяках, а затем баронесса уехала.

— Ну, сударь, что скажете? — вскричала госпожа Б***, выпуская из убежища барона, вконец продрогшего, ибо дело происходило зимой. — Что скажете? Неужели вам не стыдно пренебрегать такой трогательной женушкой? Я не хочу больше слышать от вас ни единого слова о любви, сударь. Конечно, какое-то время вы будете, как вы говорите, обожать меня, но никогда вы не полюбите меня так, как любите Луизу. Я чувствую, что соперничество с добродетельной женщиной, матерью ваших детей, мне не по силам… Рано или поздно вы строго осудите меня. Вы скажете холодно: «Эта женщина была моей!» Мужчины

произносят эту фразу с самым оскорбительным безразличием. Вы видите, сударь, я рассуждаю хладнокровно: я не люблю вас, потому что вы не можете любить меня…

— Но как же мне доказать вам, что я вас люблю? — вскричал барон, не сводя глаз со своей собеседницы. Никогда еще она не казалась ему такой восхитительной, как в тот миг, когда с лукавым видом произносила речи, суровость которых, кажется, напрочь опровергали шаловливые жесты, прелестные гримаски и сквозившее в каждом движении кокетство.

— Вот когда я узнаю, что Луиза завела любовника, — продолжала госпожа Б***, — когда я буду уверена, что ничем ее не обделила и что ваша измена не причинит ей горя, когда у меня не останется никаких сомнений в том, что она вам безразлична… вот тогда я смогу вас слушать! Эти слова, должно быть, кажутся вам отвратительными, — продолжала она низким, грудным голосом, — они и в самом деле таковы, но, поверьте, это говорю не я, это рассуждает математик, мыслящий логически. Вы женаты и утверждаете, что любите меня?.. С моей стороны было бы чистым безумием подать надежду мужчине, который не может принадлежать мне вечно.

— Демон!.. — вскричал барон. — Да, вы не женщина, вы демон.

— А вы, оказывается, шутник!.. — произнесла красавица, потянувшись к шнурку сонетки.

— О нет, Эмилия, прошу вас!.. — уже более спокойным голосом взмолился сорокалетний обожатель. — Не звоните, не надо! Простите меня!.. Я сделаю все, как вы хотите.

— Но я вам ничего не обещаю! — засмеялась госпожа Б***.

— Господи, как вы меня мучаете!.. — простонал он.

— А вы разве никому никогда не причиняли горя? — спросила она. — Вспомните, сколько слез было пролито из-за вас и ради вас!.. Нет, ваша страсть не внушает мне ни малейшей жалости. Если вы хотите, чтобы я не смеялась над ней, заставьте меня ее разделить…

— Прощайте, сударыня. Вы строги, но милосердны. Я оценил данный вами урок. Да, я совершил грехи, которые нуждаются в искуплении…

— Вот и ступайте каяться, — отвечала красавица с насмешливой улыбкой, — составьте счастье Луизы: это будет самой тяжкой епитимьей.

Они расстались. Но барон влюбился так страстно, что постарался исполнить требование неумо-

лимой госпожи Б***, желавшей во что бы то ни стало разлучить его с женой.

Спустя несколько месяцев барон и баронесса В*** жили хотя и в одном особняке, но раздельно. В свете очень жалели баронессу, на людях всегда оправдывавшую мужа, и восхищались ее смирением. Самая суровая блюстительница нравов не сумела сказать ничего дурного о дружеских узах, которые связывали Луизу с юным де Ростанжем; виновным во всем посчитали потерявшего разум господина де В***.

Меж тем, когда этот последний принес госпоже Б*** все жертвы, на какие только способен мужчина, коварная возлюбленная его, сославшись на необходимость поправить слабое здоровье, отбыла на воды в Мондор, оттуда перебралась в Швейцарию, а затем — в Италию.

Барон умер от воспаления печени, окруженный трогательнейшими заботами законной жены, и, судя по мучившим его угрызениям совести, так и не догадался о ее участии в доконавшей его интриге.

Этот анекдот, выбранный нами из тысячи ему подобных, дает представление об услугах, какие одна женщина может оказать другой.

Драма, начавшаяся со слов: «Сделай одолже-

ние, отбей у меня мужа...» и закончившаяся для мужа воспалением печени, — исчерпывающий образец женского коварства. Разумеется, *образец* этот отличается от бесчисленных схожих случаев некоторыми оттенками, но канва остается всегда одинаковой. Поэтому мужу следует опасаться всех подруг жены. Хитроумные уловки этих лживых созданий чаще всего увенчиваются успехом, ибо на помощь им приходят два врага, вечно сопровождающих мужчину: самолюбие и желание.

§ 4. О союзниках любовника

Человек, спешащий сообщить прохожему, что у него из бумажника выпал тысячефранковый билет, а из кармана торчит носовой платок, считает низостью предупредить своего приятеля о том, что у него похищают жену. В этой нравственной непоследовательности есть немало странного, но, в конце концов, она объяснима. Коль скоро закон не берется выслеживать неверных жен, частным лицам эта слежка тем более не пристала; отдавая же тысячефранковый билет тому, кто его потерял, человек руководствуется принципом: «Поступай с другими так, как ты бы хотел, чтобы они поступали с тобою!»

Но какими доводами можно оправдать и как назвать помощь, которую один холостяк неизменно спешит оказать другому, когда требуется обмануть чьего-нибудь мужа? Человек, считающий ниже своего достоинства донести жандарму на убийцу, без зазрения совести уводит мужа в театр, на концерт и даже в дом сомнительной репутации, дабы приятель, которого он назавтра, вполне возможно, убьет на дуэли, насладился свиданием, в результате которого либо появится на свет незаконнорожденный ребенок, чьи братья лишатся части причитающегося им состояния, либо на свете станет тремя несчастными существами больше. Надо признать, что честность — добродетель весьма редкая; как правило, чем больше человек ею кичится, тем меньше имеет на это прав. Сколько семей распалось, сколько братской крови пролилось исключительно оттого, что друг не отказался совершить поступок, считающийся в свете простительной шалостью!

У всякого своя причуда; один без ума от охоты, другой — от рыбной ловли, третий — от игры, четвертый — от музыки, пятый любит деньги, шестой предпочитает вкусно поесть и проч. Так вот! Какая бы страсть вами ни владела, любовник

непременно воспользуется ею для того, чтобы поймать вас в ловушку; исподтишка он будет управлять вашими или своими друзьями и, хотят они того или нет, заставит их сыграть роли в комедии, которую сочинит, чтобы выманить вас из дому и овладеть вашей женой. Если нужно, любовник будет обдумывать устройство своей *мышеловки* хоть два месяца кряду.

На моих глазах в такую ловушку попался человек безграничной хитрости.

То был нормандец, бывший стряпчий. Он жил в маленьком городе Б***, где стоял конно-егерский полк из Канталя. В жену сутяги влюбился элегантный офицер, однако полку уже пришла пора сниматься с места, а любовники так и не смогли позволить себе ни единой вольности. Стряпчий праздновал победу уже над четвертым военным. После обеда, около шести вечера, муж вышел прогуляться в сад, откуда открывался вид на окружающую сельскую местность. В это же время офицеры пришли к нему проститься. Внезапно на горизонте вспыхивает жуткое зарево пожара. «Боже мой! — вскрикивает майор. — Это горит Додиньер!» Майор был старый честный вояка, только что отобедавший в доме стряпчего. Все тотчас вскочили в седло. Молодая женщина

счастливо улыбнулась, увидев, что осталась одна; любовник, прятавшийся в укромном месте, шепнул ей, что тревога ложная. Муж остался в дураках и даже не заподозрил этого, ибо капитан, выказав редкую для кавалериста деликатность, пожертвовал несколькими минутами счастья и, вскочив на приготовленного заранее превосходного скакуна, успел догнать кавалькаду и вернулся назад в обществе мужа.

Брак — настоящая дуэль, где, чтобы победить соперника, нужно все время быть настороже; ведь стоит вам на мгновение зазеваться, и холостяцкая шпага пронзит вас насквозь.

§ 5. О горничной

Самая хорошенькая из известных мне горничных служила у госпожи В…и, которая и поныне остается одной из самых модных красавиц Парижа и, по слухам, отлично ладит с мужем. Прелести мадемуазель Селестины столь многочисленны, что, дабы нарисовать ее портрет, следовало бы, вероятно, перевести все тридцать стихов, которые украшают, по слухам, сераль турецкого султана и содержат достоверное описание каж-

дого из тридцати совершенств женщины[472].

— Пользоваться услугами такой красавицы — признак большого тщеславия!.. — сказала однажды хозяйке дома ее приятельница.

— Ах, дорогая, быть может, придет день, когда вы мне позавидуете!

— Что же у Селестины за редкостные достоинства? Вероятно, она очень умело вас одевает?

— О нет, отвратительно.

— Стало быть, она хорошо шьет?

— Даже не притрагивается к иголке.

— Она честна?

— Ее честность обходится мне дороже самого коварного обмана.

— Вы меня удивляете, милочка. Может, она ваша молочная сестра?

— Не совсем. Вообще-то она ни на что не годна, но во всем доме больше всего пользы мне приносит она. Я посулила ей двадцать тысяч франков за то, чтобы она осталась у меня на десять лет. О, мне ничуть не жаль этих денег, дело того сто-

---

[472] Сноски: 472

Эти тридцать совершенств, по всей вероятности, те самые, что перечислены в первой книге сочинения Брантома (ок. 1538–1614) «Жизнеописания галантных дам»; там говорится, что женщина должна иметь три вещи белых (кожу, зубы и руки), три вещи черных (глаза, брови и ресницы), три вещи красных (губы, щеки и ногти), три вещи длинных (тело, волосы и руки) и т. д., в общей сложности тридцать.

ит!.. — сказала молодая дама, многозначительно взглянув на свою собеседницу.

И та наконец поняла, в чем дело.

Если для избавления от мужней любви женщина не может прибегнуть к помощи подруги, она обращается к субретке, и это последнее средство крайне редко не оказывает искомого действия.

О, после десяти лет супружеской жизни обнаружить в своем доме юную особу лет шестнадцати-восемнадцати, свеженькую, одетую не без кокетства и, кажется, бросающую вам вызов своими прелестями, держащуюся с неотразимым простодушием, боязливо опускающую глаза при вашем приближении, пленяющую вас своей робостью и посвященную во все тайны супружеского ложа, иными словами, разом и невинную, и умудренную! Может ли мужчина, уподобившись святому Антонию, устоять перед столь мощными чарами и сохранить верность добродетели, которую воплощает в себе его супруга, надменная, суровая, угрюмая и, как правило, отказывающая ему в своей любви? Какой муж выкажет себя стоиком, совершая выбор между этим пламенем и этим льдом?.. То, что обещает вам новые радости, сулит невинной деве доходы, а вашей жене — свободу. Внутри семьи заключается небольшое

полюбовное соглашение.

Жена ваша в этом случае обходится с супружеским долгом так же, как иные элегантные господа — с долгом перед родиной. Если этим молодым людям выпадает жребий служить в армии, они нанимают человека, который будет вместо них стрелять и умирать, и, заплатив ему, избавляются от всех неудобств военной службы[473].

Для жен подобные сделки хороши еще и тем, что позволяют при необходимости выставить мужа неправым, и нет женщины, которая пренебрегла бы этой возможностью. Я заметил, что самые хитроумные из них не посвящают субретку в тайну отведенной ей роли. Они полагаются на природу и благодаря этому сохраняют драгоценную власть и над любовницей, и над ее кавалером.

Тайным женским коварством такого рода объясняется немалая часть странностей, наблюдаемых в жизни супружеских пар; однако мне довелось слышать от женщин весьма глубокомысленные рассуждения об опасностях, какими чревато это страшное оружие: прибегать к нему следует лишь женщинам, прекрасно знающим

---

[473] Сноски: 473

С 1818 года призыв в армию производился по жребию, причем тот, кому выпадало идти в армию, мог за деньги найти себе замену.

как своего мужа, так и ту особу, в чьи руки он попадает с ее согласия. Не одна женщина в конце концов пала жертвой собственных расчетов.

Понятно, что чем более неистов и страстен муж, тем с большей осторожностью следует женщине употреблять это оружие. Впрочем, бесспорно, что мужу, попавшемуся в эту ловушку, нечего будет возразить своей суровой супруге, когда она, обнаружив прегрешения субретки, отошлет ее назад в деревню с ребенком и приданым.

§ 6. О враче

Врач — один из самых могущественных помощников порядочной женщины, желающей добиться полюбовного развода с мужем. Услуги, которые врач, зачастую сам того не ведая, оказывает женщине, так важны, что во Франции не существует ни единого семейства, в котором врача не выбирала бы самолично хозяйка дома.

Со своей стороны врачи знают, как сильно зависит их репутация от мнения женщин; поэтому едва ли не всякий врач безотчетно стремится понравиться прекрасному полу. Конечно, даровитый медик, приобретший заслуженную известность, ни за что не согласился бы участвовать в дамских интригах, но очаровательные

пациентки втягивают доктора в свои интриги помимо его воли.

Предположим, что муж, памятуя о похождениях своей юности, решит сразу после свадьбы сам подыскать жене врача. Покуда его противница не поймет, какую большую выгоду может принести ей союзник-доктор, она будет молчаливо повиноваться мужней воле, но позже, когда выяснится, что врач, выбранный ее супругом, чересчур несговорчив, она дождется удобного случая и сделает мужу следующее удивительное признание:

— Мне не нравится, как этот доктор меня ощупывает!

И вот уже доктору отказано от места.

Итак, женщина либо сама выбирает себе врача, либо пленяет того, которого ей навязали, либо добивается, чтобы этого навязанного ей врача выставили за дверь.

Впрочем, до таких крайностей дело доходит очень редко, ибо молодые мужья, как правило, знакомы лишь со столь же молодыми, безусыми врачами, которых они не торопятся знакомить со своими женами, вследствие чего выбор семейного эскулапа в большинстве случаев возлагается на хозяйку дома.

В результате однажды, выйдя из спальни кра-

савицы, которая вот уже две недели как слегла, доктор с ее легкой руки объявляет мужу: «Я не думаю, что состояние больной очень опасно, но постоянная сонливость, потеря интереса к жизни, изначальная предрасположенность к болезням позвоночника — на все это непременно надо обратить внимание. Лимфа у нее густеет. Необходимо переменить обстановку, отправить ее на воды в Бареж или Пломбьер».

— Хорошо, доктор.

И вы отправляете жену в Пломбьер, куда она едет лишь потому, что гарнизон капитана Шарля перевели в Вогезы[474]. Возвращается она в превосходном здравии: пломбьерские воды сотворили истинное чудо. Она писала вам из Пломбьера каждый день, оттуда, издалека, осыпая вас всевозможными ласками. И позвоночник у нее снова в полном порядке.

Существует короткий памфлет, без сомнения продиктованный ненавистью (он был напечатан в Голландии), но содержащий весьма любопытные подробности касательно того, как Фагон помогал госпоже де Ментенон помыкать Людови-

[474] Сноски: 474

Пломбьер-ле-Бен — водолечебный курорт в департаменте Вогезы на востоке Франции.

ком XIV[475]. Вот так и ваш доктор однажды утром пригрозит вам, как грозил Фагон королю, скорым апоплексическим ударом в том случае, если вы не будете соблюдать воздержанность. Тему этой не лишенной забавности брошюрки, написанной, по всей вероятности, кем-то из придворных и носящей название «Мадемуазель де Сен-Трон», развил современный автор, сочинитель комедии-пословицы «Юный врач»[476]. Поскольку его восхитительная сценка куда совершеннее старинного памфлета, представляющего интерес для одних лишь библиофилов, я с радостью сознаюсь, что творение нашего остроумного современника заставило меня отказаться от мысли прославить XVII столетие, поместив здесь фрагменты тогдашней брошюры.

---

[475] Сноски: 475

Ги-Кресан Фагон (1638–1718), врач Людовика XIV в последние годы его жизни, выведен в анонимной брошюре «Любовные похождения Людовика Великого и мадемуазель де Трон», изданной в 1696 году в Роттердаме; доктор по наущению ревнивой г-жи де Ментенон (см. примеч. 29 и 331) угрожает королю смертельной болезнью в том случае, если тот не откажется от любви к мадемуазель де Трон. В Голландии нашли убежище многие гугеноты, которые были вынуждены покинуть Францию после 1685 года, когда Людовик XIV отменил Нантский эдикт, уравнивавший их в правах с католиками; отсюда упоминание о ненависти, продиктовавшей памфлет.

[476] Сноски: 476

Речь идет о комедии Эжена Скриба «Юный врач, или Средство преуспеть», опубликованной в мае 1829 года; здесь врач, влюбленный в маркизу, грозит ее мужу апоплексическим ударом, в случае если тот

будет исполнять свои супружеские обязанности.

Нередко доктор, обманутый ловким притворством женщины юной и хрупкой, отводит вас в сторону и признается: «Сударь, я не хотел пугать вашу супругу, но вам скажу откровенно: если вы дорожите ее здоровьем, я бы посоветовал оградить ее от любых тревог. Насколько я могу судить, теперь главной опасности подвергаются легкие; болезнь вполне излечима, но для благоприятного исхода необходим покой, полный покой; малейшее волнение — и болезнь может перекинуться в другое место. В подобных обстоятельствах беременность хуже смерти».

— Но, доктор?..

— Ну-ну, как-нибудь устроитесь!

Доктор смеется и откланивается.

Подобно жезлу Моисея, предписания врача то позволяют род продлить, то запрещают[477]. При необходимости врач открывает вам доступ на супружеское ложе, руководствуясь теми же доводами, какие еще недавно помогли ему вас оттуда изгнать. Он лечит вашу жену от болезней отсутствующих, дабы избавить от тех, которыми

---

[477] Сноски: 477

Слова «то позволяют род продлить, то запрещают» — цитата из стихотворения Альфреда де Виньи «Моисей» (1822, опубл. 1826), восходящая к ветхозаветной книге Левит (18:1–30), где Господь, среди прочего, сообщает Моисею «законы о половых сношениях». У Виньи место бальзаковского врача, естественно, занимает Моисей.

она страдает в самом деле и о которых вы даже не подозреваете, ибо научный жаргон врачей похож на те облатки, в которых они подносят вам свои пилюли.

Порядочная женщина, пользующаяся услугами врача, подобна министру, уверенному в поддержке большинства депутатов: разве не получает она от доктора совет вести жизнь покойную или рассеянную, выезжать на лоно природы, жить в городе или ехать на воды, скакать верхом или кататься в карете — смотря по тому, что ей приятно и выгодно? Она вольна отворить вам двери своих покоев или удалить вас оттуда. Иной раз она притворяется больной, чтобы добиться права на отдельную спальню, иной раз окружает себя, словно тяжелобольная, целой батареей склянок и пузырьков, нанимает пожилую сиделку и из-за этих крепостных стен дразнит вам томными взглядами. Она так долго будет изводить вас рассказами о грудном питье и успокоительных микстурах, которые ей прописаны, о приступах кашля, которые ее мучают, о пластырях и припарках, что, если даже не лишит вас с помощью этих деланных немочей той удивительной отвлеченности, что именуется *супружеской честью*, все равно сумеет изгнать из вашего сердца всякое

подобие любви.

Таким образом, все узы, связующие вас со светом, с обществом, с жизнью, жена ваша сумеет обратить себе на пользу. Все вооружится против вас, а вы останетесь в одиночестве среди толпы врагов.

Предположим, однако, что вам неслыханно повезло и вы взяли в жены сироту, не имеющую задушевных подруг и не отличающуюся особым благочестием; что проницательность ваша позволяет вам разглядеть все ловушки, в которые пытается заманить вас любовник жены; что привязанность к вашей прекрасной противнице делает вас неуязвимым для самых соблазнительных субреток и, наконец, что жену вашу пользует один их тех прославленных докторов, у которых нет времени слушать женские россказни, если же ваш эскулап — преданный рыцарь вашей супруги, вы подвергаете всякое его сомнительное предписание анализу другого, беспристрастного медицинского светила, — так вот, пусть даже все перечисленные условия будут соблюдены, дела ваши от этого ничуть не улучшатся. В самом деле, если вы устоите против натиска союзников, у противника вашего все равно останется в запасе решающий удар. Если вы продержитесь

достаточно долго, жена ваша, с неспешной основательностью паука оплетя вас сетью, пустит в ход то оружие, которым одарила ее природа, которое усовершенствовала цивилизация и которому посвящено следующее Размышление.

Размышление XXVI
О различных видах оружия

Под оружием мы понимаем все, что может ранить; следственно, чувство — один из самых беспощадных видов оружия, какие человек может пустить в ход против себе подобного. Ясный и вместе обширный гений Шиллера, кажется, открыл ему в полной мере, какое сильное и губительное действие оказывают на человеческие существа иные идеи. Мысль может убить человека. Такова мораль душераздирающих сцен из «Разбойников», где юноша с помощью нескольких идей поражает старца в самое сердце и в конце концов лишает его жизни[478]. Быть может, недалеко то время, когда наука проникнет

[478] Сноски: 478

Имеется в виду начало драмы Ф. Шиллера «Разбойники» (1781), где Франц Моор мучит старика-отца, возводя напраслину на своего брата Карла. В конце концов, не вынеся интриг Франца, старик Моор умирает (д. 2, сц. 2).

в сложный механизм работы наших мыслей и определит, каким образом мы сообщаем друг другу свои чувства. Какой-нибудь приверженец оккультных наук докажет, что ум наш — не что иное, как внутренний человек, заявляющий о себе не менее властно, чем человек внешний, и что борьба между этими двумя силами, скрытая от наших слабых глаз, ничуть не менее жестока, чем те битвы, в каких участвует на свой страх и риск наша бренная оболочка. Впрочем, эти мысли мы намерены развить в других сочинениях, которые опубликуем в свое время; нашим друзьям уже известны кое-какие из них, например «Патология общественной жизни, или Математические, физические, химические и трансцендентные размышления о различных проявлениях мысли и формах, придаваемых ей обществом, как то: столом и домом, походкой и верховой ездой, ре-

чами и поступками, и проч.»[479], — в сей книге названные выше великие вопросы получают достойное разрешение. Цель нашего короткого метафизического отступления сводится лишь к одному: предупредить, что люди, рожденные в высших сословиях, слишком хорошо умеют рассуждать, чтобы прибегать в борьбе с себе подобными к какому-либо иному оружию, кроме собственного ума.

Подобно тому как в твердокаменном теле таятся подчас души робкие и нежные, так же души, выкованные из меди, скрываются подчас в телах хрупких и прихотливых, чья элегантность вызывает дружеское расположение, чье изящество взыскует нежности; но стоит вам приласкать внешнего человека, как homo duplex, если вос-

[479] Сноски: 479

Упоминание «Патологии общественной жизни» впервые появилось в «Физиологии брака» только в 1846 году, в издании Фюрна. Впервые о желании написать сочинение под таким заглавием Бальзак объявил в преамбуле к «Трактату о современных возбуждающих средствах» (1839). Писатель сообщил здесь, что в задуманные им «Аналитические этюды» рассчитывает включить «Анатомию образования», «Физиологию брака», «Патологию общественной жизни» и «Монографию о добродетели»; об этом же намерении говорится и в «Предисловии к „Человеческой комедии“» (1842). Порядок расположения текстов должен был соответствовать развитию отдельного человека: сначала учеба, затем женитьба, затем борьба с превратностями общественной жизни и постижение законов поведения в свете, затем — путь к добродетели. Однако ни «Анатомия образования», ни «Монография о добродетели» написаны не были, хотя Бальзак не однажды намеревался за них взяться. Опубликовал он только «Трактат об элегантной жизни» (1830),

«Теорию походки» (1833) и «Трактат о современных возбуждающих средствах» (1839). Бальзак не успел выпустить эти три трактата под одной обложкой, однако в согласии с его волей, выраженной в преамбуле 1839 года к последнему из трех трактатов, в некоторых современных изданиях «Человеческой комедии» их принято включать, наряду с «Физиологией брака» и «Мелкими неприятностями супружеской жизни», в раздел «Аналитические этюды» под общим названием «Патология общественной жизни». Перевод трех трактатов см. в изд.: *Патология*.

пользоваться выражением Бюффона[480], спешит напомнить о себе и уколоть как можно больнее.

По этому описанию существ особого рода, которых на нашей грешной земле мы советуем вам обходить стороной, вы можете понять, какую роль по отношению к вам будет играть ваша жена. Все нежные чувства, вложенные в нас природой, она обратит в кинжалы, и ударов этих кинжалов вам не снести: любовь капля за каплей будет истекать из вашего раненого сердца.

Эту последнюю битву вам не выиграть: она принесет победу вашей жене.

Все женские темпераменты вообще делятся, по нашему мнению, на три разновидности; соответственно, мы разделим это Размышление на три параграфа, где речь пойдет:

§ 1. О мигрени.

§ 2. О неврозах.

§ 3. О целомудрии в его отношении к браку.

§ 1. О мигрени

Чрезмерная чувствительность всегда мучит и морочит женщин, однако самые жестокие удары

---

[480] Сноски: 480

Двойственный человек (*лат.*) — так называл Бюффон «внутреннего человека», движимого двумя принципами, духовным и животным.

их тонкой душе наносим — чаще всего сами того не замечая — мы, мужчины, уже в первые дни брака (читайте Размышления «Обреченные» и «О медовом месяце»). А разве оборонительные средства, к которым инстинктивно прибегают мужья, в большинстве своем не ловушки, устроенные в расчете на живость женских чувств?

Меж тем во время гражданской войны рано или поздно наступает такой момент, когда женщина окидывает взором всю историю своей нравственной жизни и, обнаружив, как часто злоупотребляли вы ее чувствительностью, приходит в ярость. Тогда, движимая либо врожденной, безотчетной мстительностью, либо инстинктивной страстью к главенству, она, как правило, непременно находит способ ответить мужчине его же оружием.

Мастерски определяет она чувствительнейшие струны в сердце супруга, а проникнув в его тайну, принимается, подобно ребенку, получившему в подарок механическую игрушку и желающему во что бы то ни стало разгадать, отчего она движется, постоянно теребить эти струны, нимало не заботясь о том расстройстве, какое это постоянное насилие причиняет инструменту. Жена может замучить вас до смерти, а потом

непритворно рыдать на вашей могиле, как целомудреннейшее, добрейшее и чувствительнейшее существо в мире.

Прежде всего ваша жена обернет против вас то великодушие, которое заставляет нас уважать чужое страдание. Мужчина готов осыпать упреками женщину, пышущую жизнью и здоровьем, но перед женщиной немощной и хилой он пасует. Если ваша жена испробовала описанные выше наступательные системы, но не добилась успеха, она не преминет прибегнуть к этому всемогущему оружию.

Новая стратегия очень скоро приведет к тому, что вместо цветущей юной красавицы, которую вы взяли в жены, глазам вашим предстанет женщина бледная и болезненная.

Недуг, приносящий женщине неисчислимые выгоды, — мигрень. Притвориться, что у тебя мигрень, легче легкого, ибо болезнь эта лишена каких бы то ни было внешних проявлений; достаточно просто сказать: «У меня мигрень». Пусть даже женщина дурачит вас, никто в мире не сможет уличить во лжи ее непроницаемый череп, презирающий все ухищрения наблюдателей и угадчиков. Поэтому мигрень, на наш взгляд, — королева недугов, самое приятное и вместе самое

ужасное из всех наступательных средств, какие применяют женщины в войне против мужчин. Встречаются грубые и бестактные существа мужского пола, которые, памятуя об уроках, полученных от любовниц в счастливую пору холостяцкой юности, самодовольно полагают, что сумеют разгадать любую женскую хитрость и не попадутся в эту пошлую ловушку. Но что бы они ни делали, что бы ни говорили, против трех волшебных слов: «У меня мигрень!» — они бессильны. Пусть только муж дерзнет пожаловаться, высказать упрек, сделать замечание, пусть попробует воспротивиться этому могущественному Il buondo cani супружества[481] — и он погиб.

Представьте себе молодую женщину, которая в пленительнейшей позе возлежит на диване, опустив голову на подушку, бессильно уронив руки; на ковре подле дивана валяется книга, на столике стынет чашка с липовым отваром!.. Теперь вообразите рядом простофилю мужа. Он уже пять-шесть раз прошелся взад-вперед по комнате, и всякий раз, когда он поворачивался, чтобы продолжить прогулку в обратном

[481] Сноски: 481

Il buondo cani, или Il bondocani, — псевдоним калифа Изоуна в опере Ф. — А. Боельдье «Калиф Багдадский» (1800). Это имя оказывало на окружающих магическое воздействие.

направлении, бедная больная тщетно хмурила брови, пытаясь намекнуть, что малейший шум ее утомляет. В конце концов, набравшись храбрости, муж предпринимает попытку разоблачить обман и отважно вопрошает: «Неужели у тебя в самом деле мигрень?..» При этих словах молодая женщина с трудом поднимает голову, поднимает руку, которую тотчас в изнеможении опускает на диван, поднимает томные глаза к потолку, поднимает все, что только может поднять, а затем, устремив на вас тусклый взор, произносит еле слышным голосом: «А что же у меня, если не мигрень?.. О, это хуже смерти!.. Так страдать и не услышать ни слова сочувствия! Ах, господа, недаром вам не дано рожать детей. Сколько эгоизма, сколько несправедливости! Вы берете нас юными и прекрасными, свежими, розовыми, стройными — лучше не бывает! А после, насладившись теми совершенствами, какие даровала нам природа, вы отказываетесь простить нам их утрату — а ведь мы все отдали вам! Но это само собой разумеется. Вы не оставляете за нами права ни на добродетели, ни на страдания, присущие нашему полу. Вам потребовались дети, мы не спали ночей, выхаживая их, но роды разрушили наше здоровье и обрекли нас на страшные

недуги… (О, какая боль!..) Почти все женщины страдают мигренями, но вашей жене это не дозволено… Ее мучения вам смешны; вы не ведаете милосердия… (Ради бога, да перестаньте же ходить взад-вперед!..) Этого я от вас не ожидала. (Остановите маятник, его стук отдается у меня в висках. Спасибо.) О, как я несчастна!.. Вы, кажется, надушились эссенцией? Да. О, ради всего святого, уйдите, позвольте мне остаться наедине с моей болью; от этого запаха голова у меня положительно раскалывается!» Что можете вы ответить на все это?.. Неужели внутренний голос не кричит вам: «А вдруг она в самом деле страдает?..» Понятно, что большинство мужей покорно ретируются с поля битвы; они на цыпочках идут к выходу и потихоньку притворяют дверь в опочивальню, сделавшуюся с некоторых пор святилищем, а жены украдкой провожают их взором.

Так мигрень, подлинная или мнимая, воцаряется у вас в доме. Она начинает играть важную роль в семейной жизни. Мигрень — тема, к которой женщины мастерски умеют подбирать вариации в самых разных тональностях. С помощью одной только мигрени женщина может довести мужа до отчаяния. Мигрень обрушивается на госпожу вашу супругу там, где ей угодно, тогда, когда

ей угодно, и длится ровно столько, сколько ей угодно. Бывают мигрени пятидневные и десятиминутные, периодические и перемежающиеся.

Порой вы застаете жену в постели: она страдает, она измучена, жалюзи на окнах ее спальни опущены. Если у хозяйки дома мигрень, повсюду, от каморки привратника, начавшего было рубить дрова, до чердака, откуда конюх выбросил было во двор несколько невинных вязанок соломы, должно воцариться молчание. Положившись на эту мигрень, вы уходите из дома; вернувшись же, узнаете, что супруги вашей и след простыл!.. Вскоре она возвращается свежая и румяная:

— Приезжал доктор, — говорит она, — он прописал мне прогулки на свежем воздухе, они мне так помогли!..

В другой раз вы желаете войти в покои супруги. «Как, сударь?! — с глубочайшим изумлением заявляет вам горничная. — Разве вы не знаете, что у госпожи мигрень?! Никогда она еще не мучилась так сильно! Только что послали за доктором!»

«Как ты счастлив, — сказал однажды маршал Ожеро генералу Р… женившемуся на красавице, — ты живешь с хорошенькой женщиной!» — «Живу! — подхватил тот. — Я живу с ней от силы десять дней в году. У этих проклятых баб вечно то

мигрень, то еще черт знает что!»

Мигрень играет во Франции роль сандалий, которые в Испании священник оставляет перед дверью комнаты, где он исповедует кающуюся грешницу.

Если ваша супруга ожидает с вашей стороны неких враждебных вылазок и хочет сделаться неприкосновенной, словно Хартия, она разыгрывает небольшой концерт на тему мигрени. Со всевозможными предосторожностями она укладывается в постель. Ее тихие стоны разрывают сердце супруга. С превеликим изяществом и ловкостью страдалица придает своим движениям такую томность, словно у нее вовсе нет костей. Какой изверг дерзнет заговорить о своих желаниях, обличающих самое доброе здравие, с женщиной, мучимой недугом? Простая учтивость заставляет его молчать. Так женщина убеждается, что всемогущая мигрень позволит ей в любой момент вывесить над супружеским ложем объявление, подобное тому, которое перед самым началом представления ошеломляет любителей театра, явившихся в «Комеди Франсез»: «спектакль отменяется из-за внезапной болезни

мадемуазель Марс»[482].

О мигрень, покровительница влюбленных, брачная подать, щит, отражающий пылкие притязания законных супругов! О могущественная мигрень! Как могло случиться, что любовники до сих пор не воспели, не обожествили, не прославили тебя? О мигрень-чудесница! О обманщица-мигрень! Да будет благословен тот ум, что изобрел тебя! Позор тому врачу, что найдет от тебя лекарство! Да, ты единственный недуг, которому женщины радуются — без сомнения, из признательности за те услуги, какие ты им оказываешь! О мигрень-обманщица! О чудесница-мигрень!

§ 2. О неврозах

Есть на свете сила более могущественная, чем мигрень, и, к чести Франции, мы должны признать, что сила эта — одно из недавних изобретений парижского ума. Как все ценнейшие открытия в области наук и искусств, сделано оно гением, чье имя осталось неизвестным. Навер-

---

[482] Сноски: 482

Мадемуазель Марс (наст. имя и фам. Анна-Франсуаза-Ипполита Бутe; 1779–1847) — в 1820-е годы самая знаменитая актриса из всех, кто выступал на сцене Французского театра («Комеди Франсез»).

няка можно утверждать лишь одно: ипохондрия появилась во Франции не раньше середины прошлого столетия[483]. В то самое время, когда Папен пытался найти воде, обращенной в пар, применение в механике[484], некая славная француженка, имени которой мы, к несчастью, не знаем, научила свой пол искусству обращать в пар собственные флюиды. Флюиды, испаряющиеся в виде ипохондрии, оказывали столь чудесное воздействие, что навели человечество на мысль о существовании нервов; так, перебирая фибру за фиброй, ученые в конце концов создали неврологию. Эта восхитительная наука уже привела Филипса[485] и изобретательных физиологов к открытию нервного флюида и способов его циркуляции; быть может, в самое ближайшее время они выяснят, как и где он зарождается, как

---

[483] Сноски: 483

Мы вынуждены перевести как «ипохондрия» французское слово vapeurs, не имеющее точных аналогов в русском языке; оно означает и «пары», и, согласно определениям XVII века, разновидность «гумора» (humeur) — жидкости, циркулирующей в организме, которая поднимается снизу вверх и поражает мозг.

[484] Сноски: 484

Дени Папен (1647–1712 или 1714) изобрел паровую машину несколько раньше срока, указанного Бальзаком, — в 1687 году.

[485] Сноски: 485

По-видимому, описка Бальзака; сходными проблемами много занимался английский врач и ученый Томас Виллис (1621–1675).

испаряется. Таким образом, благодаря ужимкам нескольких притворщиц мы в один прекрасный день проникнем, возможно, в тайну неведомой силы, которую мы уже не раз упоминали на страницах этой книги, — в тайну *воли*. Однако не будем отнимать хлеб у медиков-философов. Рассмотрим нервы и ипохондрию лишь в их связях с браком.

Наша «Физиология» испытывает гордое презрение ко всем медицинским классификациям, поэтому мы подразделяем *неврозы* (термин из области патологии, подразумевающий все заболевания нервной системы) на два типа в соответствии с тем, какую пользу извлекают из них замужние женщины.

Иначе говоря, мы утверждаем, что существуют:

1. Неврозы классические;
2. Неврозы романтические.

Классические недуги отличаются живостью и воинственностью. Пораженные ими страдалицы неистовы, как пифии, яростны, как менады, неукротимы, как вакханки; они — сама Античность.

Романтические недуги нежны и жалобны, как баллады туманной Шотландии. Они бледны,

как юные девы, которых свели в гроб танцы или любовь. Они в высшей степени элегичны, они — сама северная меланхолия[486].

Черноволосая смуглая женщина с пронзительным взглядом, сухими губами и сильными руками, которая неистовствует, сотрясаемая конвульсиями, — воплощение классических неврозов, тогда как юная особа белокурая и белокожая олицетворяет неврозы романтические. Удел первой — нервы, удел второй — ипохондрия.

Частенько муж, вернувшись домой, застает жену в слезах.

«Что с тобой, мой ангел?» — «Со мной? Ничего». — «Но ты плачешь?» — «Плачу сама не знаю отчего. Мне так грустно!.. Такие облака, как сегодня, всегда предвещают какое-нибудь несчастье… Мне кажется, я скоро умру…» Тут она

---

[486] Сноски: 486

Бальзак пародирует не просто современный ему литературный спор классиков и романтиков, но в первую очередь один из источников романтических теорий — идею г-жи де Сталь о противостоянии культуры Юга, которая нашла наиболее полное воплощение в Античности и продолжающей ее классической французской литературе, и культуры Севера, которая воплотилась в литературе немецкой и английской. Для первой, по мнению госпожи де Сталь, характерны ясность и яркость; для второй — меланхолия и смутность. Бальзак иронически применяет это противопоставление, впервые выдвинутое г-жой де Сталь в книге «О литературе» (1800) и развитое в книге «О Германии» (1810, изд. 1813), к женским неврозам.

принимается шепотом толковать вам о своем покойном батюшке, о своем покойном дядюшке, о своей покойном дедушке, о своем покойном кузене. Она призывает все эти жалкие тени, она ощущает в своем организме ростки всех тех недугов, что свели их в могилу, она сносит все терзавшие их боли, сердце ее готово выскочить из груди, а селезенка вот-вот лопнет… Вы самодовольно думаете: «Я знаю, в чем тут дело!» — и пытаетесь ее утешить, но перед вами женщина, зевающая во весь рот, жалующаяся на боль в груди, то и дело заливающаяся слезами и умоляющая вас оставить ее, дабы она могла без помех предаваться меланхолическим воспоминаниям. Она поверяет вам свою последнюю волю, описывает собственные похороны, опускает сама себя в могилу и осеняет эту могилу зелеными ветвями плакучей ивы… Собравшись пропеть радостную эпиталаму, вы обнаруживаете перед глазами мрачную эпитафию. Вы робко пытаетесь утешить не что иное, как Иксионово облако[487].

Встречаются женщины добропорядочные, которые прибегают к подобным средствам лишь ради того, чтобы выманить у чувствительных

[487] Сноски: 487

Царь лапифов Иксион (*греч. миф.*) домогался любви богини Геры; Зевс подменил настоящую Геру облаком, имевшим облик богини.

супругов кашемировые шали, брильянтовые серьги, деньги на уплату долгов или на ложу в Итальянском театре, однако чаще всего ипохондрия исполняет роль оружия, решающего исход гражданской войны.

Боли в позвоночнике и стеснение в груди принуждают женщину искать развлечений; обнаруживая все симптомы сплина, страдалица томно одевается и выезжает исключительно потому, что подруга, мать или сестра уговорили ее восстать с дивана, к которому она прикована и на котором с утра до вечера импровизирует свои элегии. Она на две недели отправляется в деревню исключительно оттого, что поездку прописал ей доктор. Говоря короче, она ездит куда хочет и делает что хочет. Разве сыщется где-нибудь жестокосердый муж, способный воспротивиться желаниям больной женщины, изнемогающей от невыносимых мучений, — ибо в результате долгих дискуссий было установлено, что нервы причиняют ужасные страдания.

Но самую важную роль ипохондрия играет в постели. Если у женщины нет мигрени, ее непременно одолевает ипохондрия; если же у нее нет ни ипохондрии, ни мигрени, на помощь приходит спасительный Венерин пояс — вещь, как

известно, мифическая[488].

Среди женщин, которым оружием в войне против мужа служит ипохондрия, встречаются создания особенно белокурые, особенно деликатные, особенно чувствительные, чья стихия — слезы. Плачут они восхитительно. Они рыдают, когда пожелают, как пожелают и сколько пожелают. Их оборонительная система — возвышенное смирение, и благодаря ей они одерживают победы тем более блистательные, что здоровье их оттого нимало не страдает.

Разъяренный муж настаивает на своем? Они смотрят на него покорными очами, склоняют голову и умолкают. Подобная пантомима, как правило, обескураживает мужа. В брачных битвах мужчина всегда предпочитает, чтобы женщина защищалась вслух; тогда он придет в ярость, будет метать громы и молнии; меж тем со смиренницами так не поступишь… их молчание тревожит, вселяет в душу какое-то раскаяние — так убийца, обнаружив, что жертва не оказывает сопротивления, пугается вдвое

[488] Сноски: 488

По представлениям древних, в этом поясе заключался источник всех прелестей богини; очевидно, однако, что под «вещью мифической» Бальзак разумеет отговорки иного рода, апеллирующие к женской физиологии.

больше. Он предпочел бы убивать ради защиты собственной жизни. Вы снова идете к жене. Завидев вас, бедняжка утирает слезы и прячет носовой платок так, чтобы вы поняли: она плакала. Вас это трогает. Вы молите вашу Каролину[489] сказать хоть словечко, вы уже так расчувствовались, что готовы все забыть; тогда она начинает мешать слова со слезами, а слезы со словами; она трещит как сорока, оглушает вас сбивчивыми, путаными речами, плачет в три ручья: вы тонете, вы идете ко дну.

Француженки, и в особенности парижанки, в совершенстве владеют искусством разыгрывать подобные сцены, к которым их предрасполагает все: пол, телосложение, наряды, манера говорить. Сколько раз при виде мужей, спешащих либо разорвать тонкий шелк корсета, либо воткнуть гребень в пряди, постоянно грозящие рассыпаться по плечам тысячью золотистых завитков, эти пленительные комедиантки мгновенно преображались: слезы на их глазах высыхали, а на устах возникала лукавая улыбка?..

Как, однако, далеко этим современным уловкам до античного гения, до сильных нервических

---

[489] Сноски: 489

Имя Каролина здесь, как и в предыдущих случаях (см. примеч. 382), введено в текст только в издании Фюрна (1846).

припадков, до брачной пиррической пляски![490]

О! Сколь многое сулят любовнику конвульсивная живость движений, пламень взоров, мощь тела, хранящего изящество даже в бесчинствах! Подверженная этому недугу женщина бушует, как вихрь, вспыхивает, как огонь, стелется, как волна по белой гальке, она изнемогает от избытка страсти, она пророчествует, она провидит будущее, прежде же всего она видит настоящее, и сражает своего супруга, и наводит на него ужас.

Зачастую муж, увидев один-единственный раз, как его жена шутя расправляется с тремя-четырьмя силачами, навсегда отступается от нее. Такой мужчина уподобляется ребенку, который, выстрелив из страшной машины, преисполняется величайшего почтения к малейшей ее пружинке. Затем на сцену является Медицинский факультет во всеоружии разнообразных замечаний и угроз. Я знавал одного мужа, человека кроткого и мирного, который не сводил глаз со своей жены и вел себя точно так, как если бы его посадили в клетку со львом и заверили, что спасти свою жизнь он может, только не раздражая хищника.

Нервические припадки отнимают очень много

---

[490] Сноски: 490

Пиррическая пляска — воинственный танец, исполнявшийся в древности при полном вооружении.

сил и случаются с каждым днем все реже; романтизм победил.

Иные флегматичные мужья, которые любят жену в течение долгих лет, потому что экономно расходуют свои чувства, ухитряются справиться и с мигренями, и с неврозами, но эти величественные гении встречаются крайне редко. Они верные последователи апостола Фомы, который желал вложить персты в раны Иисуса Христа, и потому недоверчивы, как самые завзятые атеисты. Презирая коварство мигреней и ловушки неврозов, мужья эти внимательно вглядываются в разыгрываемую перед ними комедию, изучают мастерство актрисы, заставляющее ее поступать так, а не иначе, а постигнув устройство всего механизма, легким касанием приводят в движение какой-либо противовес и с его помощью без всякого труда определяют, с подлинной болезнью они имеют дело или с обычным супружеским балаганом.

Впрочем, пусть даже муж свершит нечеловеческий подвиг и разоблачит все выдумки, какие подсказывает женщинам неукротимая любовь, его все равно сразит наповал еще одно страшное оружие, к которому женщина прибегает лишь в крайнем случае, ибо ей, можно сказать, претит

собственными руками разрушать свою власть над мужем; оружие это пропитано ядом и так же гибельно, как секира палача. Итак, мы приступаем к последнему параграфу этого Размышления.

§ 3. О целомудрии в его отношении к браку

Прежде чем говорить о целомудрии, было бы, пожалуй, нелишне выяснить, в самом ли деле оно существует. Не скрывается ли за ним умелое кокетство? Не равносильно ли оно простому желанию свободно распоряжаться своим телом, как можно было бы подумать, приняв во внимание, что половина женщин, населяющих земной шар, ходят полуголыми? Не является ли оно лишь одной из химер, рожденных жизнью общественной, как утверждал Дидро, напоминавший, что целомудрие всегда отступает под натиском болезни и нищеты?[491]

Все эти утверждения нетрудно опровергнуть.

Один остроумный автор недавно выдвинул предположение, что мужчины куда более целомудренны, чем женщины. В подтверждение

---

[491] Сноски: 491

О том, что целомудрие — чувство, рождаемое не природой, но жизнью в обществе, Дидро писал в «Добавлении к „Путешествию Бугенвиля“» (см. примеч. 24).

своей мысли он привел много хирургических доводов, но для того, чтобы доводы эти удостоились нашего рассмотрения, следовало бы на какое-то время вверить мужчин попечениям хирургов женского пола[492].

Еще более сомнительна мысль Дидро.

Отрицать существование целомудрия потому, что оно исчезает в тех испытаниях, которых не выдерживает, пожалуй, ни одно человеческое чувство, — все равно что отрицать жизнь потому, что человек смертен.

Признаем за обоими полами право обладать целомудрием и попытаемся понять, в чем же оно заключается.

Руссо почитал целомудрие одной из форм кокетства, с помощью которого самки завлекают самцов[493]. Это мнение также представляется нам ошибочным.

Писатели XVIII века, бесспорно, оказали обществу огромные услуги, однако их философия,

---

[492] Сноски: 492

Здесь, как и во многих предыдущих случаях, под безымянным остроумным автором подразумевается П. — Э. Лемонте (см. примеч. 163); в его сочинении «Наблюдатели за женщинами» упоминается ученая записка доктора Пальпара из Монпелье, который на основе пятидесятилетних наблюдений доказал, что в мужчине чувство целомудрия куда более естественно и постоянно, чем в женщине (*Lemontey*. P. 72).

[493] Сноски: 493

Руссо пишет об этом в пятой книге трактата «Эмиль».

основанная на сенсуализме, не проникла дальше кожного покрова человека. Они исследовали лишь внешний мир и по одной этой причине задержали на некоторое время нравственное развитие человека и прогресс той науки, начала которой содержатся в Евангелии, с каждым годом постигаемом ревностными приверженцами Сына Человеческого все глубже.

Постижение таинств мысли, открытие органов души человеческой, размышления над геометрией ее сил и проявлениями ее мощи, исследование ее способности перемещаться отдельно от тела, переноситься в любую точку земного шара и видеть без помощи органов зрения, наконец, познание законов ее динамики и физического воздействия — все это составит славный вклад грядущего столетия в сокровищницу человеческих знаний. Нынче мы, возможно, лишь раскапываем огромные глыбы, из которых впоследствии некий могучий гений сложит прекрасное здание.

Итак, ошибка Руссо была ошибкой его века. Он объяснил целомудрие узами, связующими живые существа друг с другом, меж тем как следовало объяснять его нравственными узами, связующими живое существо с самим собой. Целомудрие

столь же мало поддается анализу, сколь и совесть, и, быть может, читатели получат о нем некое инстинктивное представление, если мы назовем его совестью тела: ведь как совесть обращает к добру наши чувства и мельчайшие движения нашей мысли, так целомудрие управляет нашими физическими действиями. Поступки, которые не только ущемляют наши интересы, но и нарушают законы совести, оскорбляют нас куда больнее, чем все прочие, а повторяясь неоднократно, пробуждают ненависть. К тем же самым последствиям приводят в любви, являющейся не чем иным, как средоточием всей нашей чувствительности, действия, противные целомудрию. Если, как мы попытались доказать (см. «Брачный катехизис» в Размышлении V[494]), крайнее целомудрие — одно из условий долговечности брака, ясно, что отсутствие целомудрия для брака гибельно. Однако если автор «Физиологии» обосновал этот принцип с помощью долгих рассуждений, женщина применяет его на практике по большей части машинально, ибо общество, всегда и во всем идущее навстречу человеку внешнему, с детства прививает женщинам це-

[494] Сноски: 494
См. афоризмы XL–XLII.

ломудрие, кладя это чувство в основание всех других. Поэтому с того мгновения, как это бескрайнее покрывало, скрадывающее природную женскую грубость, падает, женщина исчезает. Душа, сердце, ум, любовь, грация — от всех этих совершенств не остается и следа. В том положении, в каком дочь Таити пленяет девственной наивностью, европейская женщина вселяет отвращение. Это и есть последнее оружие, к которому прибегает жена, желающая истребить в сердце мужа остатки супружеской любви. Она черпает силу в собственном уродстве, и если от любовника она тщательнейшим образом скрывает все, даже самые незначительные тайны своего туалета, то перед мужем с радостью предстает в самом невыгодном свете.

Именно с помощью этого страшного оружия жена ваша станет изгонять вас из супружеской постели. Госпожа Шенди не имела в виду ничего дурного, когда напомнила отцу Тристрама о незаведенных часах[495], ваша же супруга нарочно будет перебивать вас вопросами сугубо практическими. Там, где прежде царствовали движение и жизнь, воцарятся покой и смерть.

---

[495] Сноски: 495
См. примеч. 334.

Любовная сцена превратится в сделку, которую будут долго обсуждать и едва ли не заверять у нотариуса. Впрочем, на других страницах нашей книги мы не раз доказывали, что ясно видим комизм иных переломных моментов супружеской жизни, а потому на сей раз позволим себе пренебречь всеми теми забавными нелепостями, какие наверняка разглядела бы муза Вервилей и Марциалов[496] в коварстве женских ужимок, в оскорбительной дерзости женских речей, в цинизме иных ситуаций. Смеяться здесь было бы слишком грустно, хотя грустить — слишком смешно. Если женщина доходит в супружеской жизни до подобных крайностей, значит, между нею и ее мужем пролегла пропасть. Однако иные женщины от природы так обаятельны, что сохраняют некое тонкое и комическое изящество даже в препирательствах с мужьями; у этих особ язык,

[496] Сноски: 496

Имеется в виду муза сатирическая. Французский писатель Франсуа Бероальд де Вервиль (1556–1626) был автором книги «Способ выйти в люди» (1616) — сборника застольных бесед, новелл и анекдотов в любимом Бальзаком раблезианском духе; римский поэт Марциал (ок. 40 — ок. 104) — автором эпиграмм.

по выражению Сюлли, *так хорошо подвешен*[497], что любые причуды, любые насмешки сходят им с рук и не отвращают от них сердце супругов.

Есть ли на свете мужчина, чья душа столь вынослива, а любовь столь пылка, что он и после десяти лет супружеской жизни будет упорствовать в своей страсти к женщине, которая его больше не любит и ежечасно ему это доказывает, которая отвращает его от себя, осыпает колкостями, изводит капризами, нарочно грубит ему, жалуется на бесконечные болезни и, ради того чтобы муж от нее отступился, попирает даже законы элегантности и опрятности и не боится показаться бесстыдной? Все это, сударь мой, тем более ужасно, что

XCII

Любовникам целомудрие неведомо.

Здесь мы спускаемся в последний круг брачного ада, подходим к концу божественной комедии супружества.

Есть нечто ужасное в положении замужней

[497] Сноски: 497

Цитируемое выражение (в оригинале: ont un bec si bien affilé) Максимильен де Бетюн, барон де Рони, герцог де Сюлли (1560–1641), французский политик и финансист, сподвижник Генриха IV употребил в своих мемуарах («Mémoires ou économies royales ‹…› de Henri le Grand», гл. 18).

женщины, которую беззаконная любовь заставляет презреть обязанности матери и жены. Как превосходно объяснил Дидро[498], неверность для женщины — то же, что безверие для священника, а именно — подлая измена собственному долгу; это тягчайшее преступление против законов общества, ибо она толкает женщину на все прочие злодеяния. В самом деле, либо женщина оскверняет свою любовь, продолжая жить с мужем, либо она разрывает все узы, связывавшие ее с семьей, дабы всецело принадлежать любовнику. Единственное, что может оправдать изменницу, — это безмерность ее любви.

Итак, она принуждена выбирать между двумя преступными деяниями. Она неминуемо причинит горе либо любовнику, если он искренен в своей страсти, либо мужу, если любовь еще не умерла в его сердце.

Этой-то устрашающей дилеммой, встающей перед женщинами, и объясняются все странности женского поведения. В ней — причина их лжи и коварства, в ней — разгадка всех их тайн. Есть от чего содрогнуться. Поэтому, казалось бы, простой расчет велит женщине предпочесть несчастья

---

[498] Сноски: 498
В статье «О женщинах» (см. примеч. 176).

добродетели блаженству порока. И тем не менее едва ли не любая из мужних жен соглашается заплатить грядущими страданиями и бесконечными тревогами за полчаса наслаждения. Если ни инстинкт самосохранения, ни страх смерти не в силах остановить женщин, чего же ожидать от закона, грозящего им двухлетним пребыванием в тюрьме Маделонет[499]! О возвышенная низость! А как подумаешь, что все эти жертвы приносятся одному из наших собратьев, господину, которому мы бы не доверили управлять нашим имуществом, если таковое у нас имеется, господину, носящему точно такой же рединготт, что и все мы, — как подумаешь об этом, впору расхохотаться так громко, чтобы смех наш, пролетев над всем Парижем от Люксембургского сада до склонов Монмартра, нарушил покой мирно пасущегося там осла.

Быть может, кому-то покажется весьма странным, что, ведя разговор о браке, мы касаемся походя такого великого множества предметов, но брак — это не просто вся человеческая жизнь, это две человеческие жизни. Так вот, подобно тому

[499] Сноски: 499

В тюрьму Маделонет, располагавшуюся в бывшем женском монастыре Маделонет (или ордена Магдалины), заключали женщин за различные преступления, в том числе за распутное поведение.

как, поставив в лотерее не на две, а на три цифры, мы умножаем возможный выигрыш в сотни раз[500], так же соединение двух жизней страшно множит и без того немалое число случайностей, наполняющих наше существование.

Размышление XXVII
О последних симптомах

Автору этого сочинения так часто приходилось встречать в свете людей, фанатически приверженных определению истинного и среднего солнечного времени, людей, обожающих часы с секундной стрелкой и живущих по часам, что он счел необходимым, ради спокойствия большинства мужей, включить в свою книгу Размышление «О последних симптомах». Было бы жестоко оставлять людей, помешанных на точности измерений, без компаса, который указал бы им наверное тот миг, когда солнце супружества пройдет зодиакальный круг и на горизонте взойдет созвездие Минотавра.

---

[500] Сноски: 500

В Королевской лотерее выигрыш падал на 5 номеров из 90. Отгадавший один номер получал в 15 раз больше, чем поставил; отгадавший два номера — в 270 раз больше, отгадавший три номера — в 5500 раз больше.

Брачные астрономические таблицы заслуживали бы, возможно, отдельной книги — такое множество остроумных и тонких замечаний требуется от того, кто их составит. Профессор признается, что его собственный юношеский опыт недостаточно велик, но, подходя к концу своего многотрудного предприятия, испытывает законную гордость оттого, что может завещать своим преемникам еще один предмет для изысканий и напомнить, что тема эта, на первый взгляд столь избитая, в действительности не только не освещена исчерпывающе, но еще долго будет нуждаться во множестве уточнений. Итак, профессор помещает здесь беспорядочные и бессвязные сведения, которые ему удалось собрать, и надеется позднее, на досуге, привести их в порядок и выстроить из них стройную систему. На тот случай, если кто-либо возьмется за это в высшей степени национальное предприятие прежде него, он почитает своим долгом, не боясь обвинений в тщеславии, сообщить читателям естественную классификацию последних симптомов. Не подлежит сомнению, что они делятся на два вида: однорогие и двурогие. Однорогий Минотавр — самый безобидный; с его легкой руки преступная пара предается платонической

любви или по крайней мере старается не оставлять видимых следов своей страсти в потомстве; напротив, двурогий Минотавр — вестник несчастья со всеми его плодами.

Мы отметили звездочками те симптомы, которые, на наш взгляд, служат предвестниками этого последнего исхода.

Минотаврические заметы

I*

Если женщина, очень долго жившая в разъезде с мужем, вдруг принимается безудержно кокетничать с ним и его соблазнять, она действует в согласии с аксиомой морского права: «Национальный флаг охраняет судно с любым грузом».

II

На балу одна дама говорит другой: «Ваш муж очень остроумен». — «Вы находите?..»

III

Ваша жена решает, что пора отдать в пансион сына или дочку, с которыми прежде ни за что не желала разлучаться.

IV*

На бракоразводном процессе милорда Абергавени слуга показал: «Госпожа виконтесса питала столь сильное отвращение ко всему связанному с милордом, что ему, слуге, нередко случалось видеть, как она сжигает бумажки, до которых он дотронулся, находясь в ее спальне».

V

Если женщина расслабленная вдруг становится деятельна, если женщина, ненавидевшая ученые занятия, вдруг принимается учить иностранный язык, одним словом, если характер женщины решительно меняется, это — симптом бесспорный.

VI

Если женщина счастлива в любви, она перестает выезжать в свет.

VII

Женщина, имеющая любовника, становится очень снисходительна.

VIII*

Муж дает жене сотню экю[501] в месяц на наряды; она тратит никак не меньше пятисот франков и не берет взаймы ни единого су: под покровом ночи мужа грабят, врываясь в его дом с оружием в руках... но без взлома.

IX*

Муж и жена спали в одной постели: жена постоянно хворала; они стали спать в разных комнатах: мигрени забыты, все болезни как рукой сняло — устрашающий симптом!

X

Женщина, прежде не обращавшая никакого внимания на свою внешность, вдруг начинает наряжаться с величайшей тщательностью. Дело не обошлось без Минотавра!

XI

— Ах, дорогая, самая страшная мука — это

---

[501] Сноски: 501
То есть 300 франков (см. примеч. 224).

когда тебя не понимают.

— Да, дорогая, но зато когда тебя понимают!..

— О, разве это возможно?

— Не спорю, это случается очень редко. Да, это великое счастье, но, увы, во всем свете не найдется и двух существ, способных нас понять.

XII*

Если женщина заискивает перед собственным мужем... Вопросов нет.

XIII

Спрашиваю ее: «Откуда путь держите, Жанна?» — «От вашего кума, ходила забирать у него вашу посуду». — «Ах вот как? Значит, покамест я при своих!» — думаю. На другой год задаю тот же вопрос по тому же случаю. «Ходила к куму забирать нашу посуду». — «Ну-ну, — думаю, — и про нас не забыли!» Но вот когда она запоет по-другому: «Сами-то вы голодранец, а я докладывай вам обо всем, ровно важному господину. Давеча ужинала я у моего кума, а нынче ходила забирать у него свою посуду», — вот тогда станет ясно:

«Дело труба!»[502]

XIV

Остерегайтесь женщины, толкующей о своей добродетельности.

XV

Герцогиня де Шольн при смерти; ей говорят: «Вас хочет повидать герцог».

— Он уже пришел?..

— Да.

— Пусть подождет... и войдет вместе со Святыми Дарами.

Этот минотаврический анекдот уже был запечатлен Шамфором, но он слишком характерен, чтобы мы могли о нем умолчать[503].

---

[502] Сноски: 502

Сценка, заимствованная из главы XIV «Способа выйти в люди» Бероальда де Вервиля, упомянутого выше (см. примеч. 434); у Вервиля речь идет о женщине, которая из служанки священника делается его любовницей. Бальзак обыграл этот диалог Вервиля также и в «Мелких неприятностях» (см. с. 501 и примеч. 503).

[503] Сноски: 503

См. «Характеры и анекдоты» Шамфора (*Chamfort*. Т. 2. P. 72).

XVI*

Иные женщины пытаются убедить своих мужей, что у тех есть некий долг перед некими особами.

«Уверяю вас, вы обязаны отдать визит господину такому-то... Мы не можем не пригласить на обед господина такого-то...»

XVII

«Ну-ка, сынок, выпрямись; неужели ты не хочешь научиться хорошим манерам? В конце концов, взгляни на господина такого-то!.. Посмотри, как он ходит!.. заметь, как он одевается!..»

XVIII

Если за день женщина произносит имя мужчины всего дважды, природа ее чувства к нему может оставаться под вопросом, но если трижды?.. Увы, увы!

XIX

Если женщина провожает гостя, не являющегося ни адвокатом, ни министром, до входной

двери, она очень неосторожна.

XX

День, когда муж не может объяснить, отчего его жена поступила так, а не иначе, — страшный день.

XXI*

Женщина, допустившая, чтобы ее поймали с поличным, достойна своей участи.

Как должен вести себя муж, обнаруживший последний симптом и, следовательно, не могущий более сомневаться в неверности жены? Ответить на этот вопрос не составляет труда. У мужа есть лишь два выхода: либо смириться, либо отомстить; середины между этими двумя крайностями быть не может. Выбрав месть, следует идти до конца. Муж, не порывающий с неверной женой навсегда, — истинный глупец. Иные супруги полагают, что могут и после разрыва оставаться друзьями; есть, однако, нечто отвратительное в том, чтобы давать жене почувствовать, что вы всегда можете взять над ней верх.

Приведу несколько анекдотов, по преимуществу неизвестных широкой публике; на мой

взгляд, они дают весьма полное и яркое представление о том, как следует поступать мужу в подобном случае.

Господин де Рокмон раз в месяц ночевал в спальне жены и уходил оттуда со словами: «Я свое дело сделал, теперь пусть потрудятся другие!»[504]

Вот развращенность, переплетенная с весьма возвышенным пониманием брачной политики.

Один дипломат, когда к его жене приезжал любовник, покидал свой кабинет, шел на половину жены и говорил ей и ее гостю: «Только не подеритесь!»

Вот признак добродушия.

У господина де Буфлера спросили, как он поступит, если после долгой разлуки с женой обнаружит, что она беременна? «Прикажу отнести к ней в спальню мой халат и домашние

[504] Сноски: 504
См. «Характеры и анекдоты» Шамфора (*Chamfort*. Т. 2. P. 8).

туфли»[505].

Вот знак величия души.

«Сударыня, если этот человек дурно обращается с вами при закрытых дверях, это дело ваше, но я не потерплю, чтобы он обижал вас в моем присутствии: это оскорбительно для меня».

Вот проявление подлинного благородства.

Верх великодушия — шапочка, положенная одним судьей в изножье постели, где спала с любовником его преступная жена.

Прекрасна бывает и месть. Мирабо великолепно описал в одной из тех книг, которые сочинял для денег, угрюмое смирение итальянки, по воле мужа обреченной медленно гибнуть вместе с ним в мареммах[506].

---

[505] Сноски: 505

Имеется в виду маркиз Луи-Франсуа де Буфлер (1714–1751), командир гвардии при дворе польского короля Станислава Лещинского (король этот в результате Войны за польское наследство лишился польской короны и жил в своих лотарингских владениях). В 1735 году маркиз де Буфлер женился на Мари-Франсуазе-Катрин де Бово-Краон (1711–1786), прозванной за свои галантные похождения (уже после замужества) Дамой Сладострастия; она, в частности, была фавориткой короля Станислава.

[506] Сноски: 506

Судя по упоминанию маремм (болотистой местности на берегу моря), Бальзак приписал Мирабо историю, вычитанную у Стендаля (О любви, гл. 28), который, в свою очередь, ссылается на Данте (Божественная комедия, Чистилище, V, 130–135): Нелло делла Пьетра, приревновав жену — по мнению Данте, без всякого на то основания, — увозит ее в известные своим нездоровым климатом сиенские мареммы. Даже не объяснив жене причины отъезда, он поселяется с нею на новом месте

и ждет, чтобы зараженный воздух оказал свое действие. До самой смерти жены он так и не нарушает своего презрительного молчания (эту деталь Бальзак, цитировавший Стендаля по памяти, перепутал; у него «угрюмое смирение» хранит жена, что, впрочем, легко можно объяснить заглавием указанной главы книги Стендаля — «О женской гордости»).

Последние аксиомы

XCIII

Застать жену в объятиях любовника и убить обоих не значит отомстить; это значит оказать им величайшую услугу.

XCIV

Лучше всех сумеет отомстить за мужа любовник его жены.

Размышление XXVIII
О вознаграждениях

Брачная катастрофа, которой определенной части мужей не удается избежать, почти всегда влечет за собой перипетию. После этого вокруг вас все приходит в покой. Ваша покорность судьбе, если вы решаете покориться, пробуждает в душе вашей жены и ее любовника жгучее раскаяние; само счастье, которым они наслаждаются, дает им представление о глубине причиненного вам горя. Сами того не подозревая, вы сопутствуете им во всех их усладах. Заглушить голос добра

и милосердия, звучащий в каждом человеческом сердце, не так легко, как порой думают; те двое, что составляют источник ваших мучений, как никто иной, желают вам добра.

В тех сладостно-непринужденных беседах, какие мы ведем в перерывах между любовными забавами, когда, можно сказать, ласкаем друг друга мыслями, жена ваша нередко говорит вашему Созию: «Уверяю тебя, Огюст, теперь я от всей души желаю моему бедному муженьку счастья; в сущности, он человек неплохой; будь он мне не мужем, а всего лишь братом, чего бы я только не сделала, чтобы доставить ему удовольствие! Он меня любит, и от его дружеского расположения мне не по себе…» — «Да, он добрый малый!..»[507]

С этих пор избранник вашей супруги окружает вас почтением; он от всей души желает возместить ущерб, который вам причинил, но ему мешает то гордое презрение, которое проскальзывает в каждом вашем слове, выражается в каждом вашем жесте.

---

[507] Сноски: 507

Созий — двойник; в комедии римского драматурга Плавта «Амфитрион» (ок. 214 до н. э.) Созия, слугу Амфитриона, не пускает в дом его хозяина другой Созий (бог Меркурий), Юпитер же, принявший облик самого Амфитриона, устроил все это представление, чтобы похитить жену Амфитриона Алкмену (что возвращает нас к теме «Физиологии брака»).

В самом деле, человек, в чей дом вторгся Минотавр, поначалу уподобляется неловкому актеру, не успевшему освоиться с новой для него сценой. Уметь с достоинством играть роль одураченного мужа донельзя трудно; впрочем, великодушие еще не сделалось нынче такой небывалой редкостью, чтобы мы не смогли отыскать в свете и вывести на страницах нашей книги образцового супруга.

Итак, если вы ведете себя безупречно, жена ваша начинает исподволь покорять вас своей предупредительностью. Она прочно усваивает в разговорах с вами дружеский тон. Мир и согласие в доме — одна из первых наград, скрашивающих мужу жизнь в обществе Минотавра. Человеку на роду написано приспосабливаться к самым несносным условиям существования, и потому, несмотря на неистребимое благородство вашей натуры, вы не сможете противиться могучим чарам, действию которых подвергаетесь постоянно, и отринуть те мелкие выгоды, какие сулит вам ваше новое положение.

Допустим, что Минотавр вторгся в семейную

жизнь гастролатра[508]! Естественно, тот требует, чтобы обидчик ублажал его желудок. Получая наслаждение в новых формах, вы обзаводитесь новыми привычками. Вы усваиваете себе новые ощущения.

Однажды, возвращаясь из министерства, вы застываете перед богатой и вкусной библиотекой Шеве[509] и бесконечно долго созерцаете тамошние шедевры, не решаясь ни потратить сто франков, ни расстаться с мечтой об удовольствиях, которые сулит страсбургский пирог[510]; с каким же удивлением, вернувшись домой, обнаруживаете вы, что сей пирог как ни в чем не бывало красуется на буфете в вашей столовой. Что это, не гастрономический ли мираж?.. Объятый сомнениями, твердым шагом идете вы

---

[508] Сноски: 508

Гастролатры — подданные мессира Гастера (желудка), у которых «была одна забота: как бы это не похудеть и не обидеть чрево» (*Рабле.* Гаргантюа и Пантагрюэль, IV, 58).

[509] Сноски: 509

Шеве — владелица продуктовой лавки в Пале-Руаяле, чьим преданным клиентом был Брийа-Саварен; по его словам, к госпоже Шеве доставлялись продукты со всех концов света, удовлетворявшие требованиям капризнейшего из чревоугодников (см. в его «Физиологии вкуса» раздел «Смесь», XXVI). В именовании витрины продуктовой лавки библиотекой можно увидеть намек на другого «гастрономического» писателя, Гримо де Ла Реньера (также большого поклонника товаров из лавки Шеве). На фронтисписе первого тома его «Альманаха Гурманов» (1803) изображен книжный шкаф, где место книг занимают съестные припасы и бутылки; подпись под гравюрой гласит: «Библиотека

Гурмана XIX столетия».

[510] Сноски: 510

Страсбургским пирогом назывался паштет из гусиной печенки с трюфелями, запеченный в тесте.

навстречу ему (пирог — существо одушевленное!) и едва не ржете от восторга, вдыхая аромат трюфелей, несущийся из-под искусно испеченной золотистой корки; вы склоняетесь над пирогом то так, то эдак, все нервные окончания вашего нёба, кажется, обретают душу, вы предвкушаете настоящий праздник и, вне себя от восхищения, но во власти угрызений совести, отправляетесь к жене.

— По правде говоря, друг мой, покупать страсбургский пирог нам не по карману…

— Да ведь он достался нам даром!

— Как это?

— Ну конечно, нам прислал его брат господина Ашиля…

Тут вы замечаете в уголке господина Ашиля. Холостяк здоровается с вами; судя по всему, он счастлив, что вам по душе его дар. Вы бросаете взгляд на жену: она краснеет; минуту-другую вы в задумчивости поглаживаете подбородок и, поскольку вы не говорите любовникам «спасибо», они понимают, что вознаграждение принято.

Произошла внезапная смена министерства. Муж, член Государственного совета, еще вчера мечтавший о месте главноуправляющего, теперь боится потерять и то, что имел; новые министры

все до одного принадлежат к числу его недругов, и он переходит на сторону конституционной оппозиции. Предвидя близкую немилость, он едет в Отей искать утешения у старого друга, который толкует ему о Горации и Тибулле[511]. Вернувшись домой, он обнаруживает, что стол в столовой накрыт так роскошно, как будто к обеду ждут самых влиятельных членов Конгрегации[512]. «По правде говоря, госпожа графиня, — говорит он в сердцах, входя в спальню супруги, завершающей свой туалет, — я не понимаю, куда подевалась ваша обычная деликатность?.. Хорошее же вы выбрали время, чтобы давать обеды… Два десятка людей узнают…» — «Узнают, что вы уже главноуправляющий!..» — подхватывает она, вручая ему королевскую грамоту… Ошеломленный, он берет письмо, вертит его в руках, ломает печать. Ноги не держат его, он садится, разворачивает бумагу… «Я знал, — говорит он, — что во всяком

[511] Сноски: 511

Отей — в первой половине XIX века деревня близ Парижа, в окрестностях Булонского леса; с 1860 года в черте города. Гораций и Тибулл упомянуты как два поэта, восхвалявшие прелести сельской жизни.

[512] Сноски: 512

Конгрегация — религиозная ассоциация, в которую входили высокопоставленные люди ультрароялистских убеждений и которой либералы в 1820-е годы приписывали (сильно сгущая краски) огромное могущество. Членов Конгрегации считали даже тайным правительством Франции.

министерстве найдутся люди, способные оценить…» — «Да, дорогой! Но главное, что господин де Вильплен поручился за вас его преосвященству кардиналу де… при ком он состоит…» — «Господин де Вильплен?..» Вознаграждение столь щедро, что муж прибавляет с улыбкой главноуправляющего: «Черт возьми, дорогая моя: это ваших рук дело!..» — «О, я тут совершенно ни при чем!.. Адольф поступил так по зову сердца, из привязанности к вам!..»

Однажды вечером бедняга-муж, вынужденный остаться дома из-за проливного дождя, а быть может, уставший проводить время за карточным столом, в кафе или салонах, наскучив всеми развлечениями на свете, поневоле плетется после обеда следом за женой в супружескую спальню. Погрузившись в мягкое кресло, он, как некий султан, ждет, пока ему принесут кофе, и всем своим видом, кажется, говорит: «В конце концов, это моя жена!..» Сирена собственноручно готовит супругу его любимый напиток, с величайшей тщательностью процеживает кофе, кладет сахар, пробует, с покорством одалиски подносит своему господину и повелителю, а затем пытается развеять его печаль тонкой шуткой. До сих пор наш супруг был уверен, что его жена глупа; но, услышав то

остроумное замечание, каким вы, сударыня, изволили его поддразнить, он поднимает голову с видом собаки, взявшей след зайца. «Как, черт подери, она до этого додумалась?.. Скорее всего, по чистой случайности!» — думает он. С высоты своего величия он отпускает острое словцо в ответ. Супруга не остается в долгу, разговор делается живым и увлекательным, и муж, человек весьма и весьма неглупый, с изумлением обнаруживает, что жена его обладает самыми разнообразными познаниями, что она с поразительной быстротой умеет прибрать нужное словцо, а такт и деликатность внушают ей мысли, прелестные своей новизной. Муж не узнаёт свою жену. Жена замечает впечатление, произведенное ею на мужа, и, столько же для того, чтобы отомстить ему за былое презрение, сколько и для того, чтобы выставить в наилучшем свете своего любовника, которому она, можно сказать, обязана сокровищами своего ума, воодушевляется и ослепляет супруга своим великолепием. Муж, больше чем кто бы то ни было способный оценить вознаграждение, от которого в некоторой степени зависит его будущность, начинает склоняться к мысли, что, возможно, страсти изостряют женский ум.

Но как определить, какой именно наградой

осчастливить мужа?

Между порой, когда дают себя знать последние симптомы, и эпохой супружеского мира, к описанию которой мы не замедлим перейти, проходит не меньше десятка лет. Естественно, что за время, отделяющее пик гражданской войны от момента, когда супруги по обоюдной склонности подписывают мирный договор между женским народом и его законным повелителем, освящающий своего рода матримониальную Реставрацию, призванную, по выражению Людовика XVIII, сомкнуть края революционной бездны[513], — за это время порядочная женщина, как правило, не ограничивается одним-единственным любовником. Анархия знает свои неизбежные фазы. Буйная власть трибунов сменяется властью сабли или пера; ведь любовники, чья верность исчисляется десятилетиями, — большая редкость. Наконец, поскольку наши подсчеты доказали, что, осчастливив трех холостяков, порядочная женщина только-только уплатит свою подать физиологии или дьяволу, логично предположить, что она побывает за десяток лет далеко не в одном любовном краю. Если же междуцарствия, отделяющие

[513] Сноски: 513

Эти слова, отражающие суть его политики (ср. примеч. 233), Людовик XVIII произнес в тронной речи 29 ноября 1819 года.

одно увлечение от другого, чересчур затягиваются, случается, что женщина, то ли из каприза, то ли из любвеобильности, то ли из пристрастия к новизне, не пренебрегает и собственным мужем.

Вообразите себе очаровательную госпожу де Т***, героиню нашего Размышления о Стратегии, говорящую с лукавым видом: «Подумать только, я даже не подозревала, что вы так милы!..» И вот она уже льстит вам, искушает вас, дразнит ваше любопытство, шутит, подстерегает миг, когда в вас проснется желание, распаляет его и дает вам повод гордиться собственными подвигами. Тогда наступает ночь, сполна вознаграждающая законного супруга за все былые невзгоды. Тогда жена потрясает воображение мужа. Подобно путешественникам, объехавшим весь мир, она повествует дома о чудесах, увиденных в далеких странах. Она пересыпает свою речь словами чужих языков. Страстные картины Востока, своеобычное звучание испанских фраз — все сталкивается, все смешивается воедино. Она хвастает сокровищами своего альбома с неизъяснимым кокетством, она восхитительна — вы никогда не видели ее такой!.. С чисто женским умением усваивать себе полученные от других познания она переплавляет чужие интонации

в свою собственную манеру. Из рук Гименея, божества брака, вы получили одну-единственную женщину, неловкую и наивную; великодушный Целибат, бог холостяков, возвращает их вам целый десяток. С восхищением и радостью муж обнаруживает на своем ложе целую стайку шаловливых куртизанок, о которых мы рассказали в Размышлении, посвященном *Первым симптомам*. Богини эти хохочут и резвятся под элегантным муслиновым балдахином супружеской постели. Финикиянка бросает вам венки и томно раскачивается, Халкидиссеза пленяет вас стройными белыми ножками, Унельмана, говорящая на языке прекрасной Ионии, открывает вам неведомые бездны наслаждения, таящиеся в одном-единственном ощущении[514].

В отчаянии оттого, что прежде он презирал все эти прелести, в печали оттого, что жрицы Венеры подчас не уступают в коварстве порядочным женщинам[515], муж порой принимается волочиться за собственной женой, дабы приблизить

[514] Сноски: 514

Названия почерпнуты из эротического глоссария Франсуа де Л'Оне (см. примеч. 179).

[515] Сноски: 515

Ср. в «Максимах и мыслях» Шамфора: «Мне случалось видеть человека, порвавшего с оперными танцовщицами, оттого что они оказались не менее *лживы*, чем порядочные женщины» (*Chamfort*. T. 1. P. 415).

миг примирения, к которому всегда стремятся порядочные люди. На сей раз он пожинает наслаждения куда более острые, нежели на заре семейной жизни. Похитив у вас золото, Минотавр возвращает вам брильянты. Дело в том, что существует одно обстоятельство чрезвычайной важности, о котором, пожалуй, настала пора предупредить читателя. Можно жить с женщиной, но не обладать ею. Подобно большинству мужей, вы, может быть, еще не ничего не получили от своей жены, и для того, чтобы союз ваш достиг совершенства, требовалось, возможно, вмешательство всесильного бога холостяков. Как назвать это чудо, единственное, которое совершается с пациентом в его отсутствие?.. Увы, братья мои, против природы не пойдешь!..

Впрочем, разве благородная и великодушная натура юного холостяка знает всего одно-единственное средство искупить свою вину перед супругом? Однажды на моих глазах любовник вознаградил минотавризируемого им мужа с самой великой щедростью, какую только можно вообразить.

Жарким летним вечером 1817 года один из двух сотен молодых людей, которых мы доверчиво именуем нашими друзьями, во всем блеске сво-

его скромного великолепия переступил порог кафе Тортони[516]. Очаровательная, одетая с безупречным вкусом молодая женщина, только что давшая согласие посетить один из прохладных будуаров, освященных модой, вышла из элегантной коляски, которая остановилась на бульваре, с аристократической непринужденностью вторгнувшись во владения пешеходов. Юный холостяк вел под руку свою владычицу, а следом шел муж, держа за руки двух прелестных ангелочков. Любовники, куда более проворные, нежели отец семейства, первыми вошли в кабинет, указанный мороженщиком. Супруг же, проходя через общую залу, толкнул некоего денди, а тот принял это за величайшее оскорбление. Завязалась перепалка, становившаяся с каждой минутой все более опасной по причине взаимного ожесточения спорящих. Денди уже готов был совершить поступок, недостойный уважающего себя человека, когда в дело вмешался холостяк; он остановив руку юнца, застал его врасплох, смутил, ошеломил; он был великолепен. Он совершил то, что лишь намеревался сделать обидчик, произнеся при

[516] Сноски: 516

Это кафе на бульваре Итальянцев принадлежало к числу самых модных парижских заведений; днем здесь подавали плотные завтраки, а по вечерам — прохладительные напитки и первоклассное мороженое.

этом одно-единственное слово: «Сударь?..» Это «Сударь?..» стоило самых прекрасных из слышанных мною речей. Казалось, юный холостяк хочет сказать: «Этот отец семейства принадлежит мне; коль скоро я завладел его честью, мне за него и заступаться. Я знаю свой долг, я замещаю его и буду драться вместо него». Восхитительно держалась и подруга холостяка! Бледная, растерянная, она схватила за руку мужа, который никак не мог успокоиться и замолчать, и, не говоря ни слова, увлекла его вместе с детьми в коляску. Она принадлежала к числу тех великосветских женщин, которые, сколь бы сильные чувства они ни испытывали, никогда не погрешат против правил хорошего тона. «Ах, господин Адольф!» — вскрикнула молодая женщина, когда ее друг с довольным видом уселся на сиденье коляски. «Пустяки, сударыня, это один из моих приятелей, мы с ним обнялись...» Тем не менее назавтра отважный холостяк получил удар шпагой, подвергнувший опасности его жизнь и заставивший его полгода проваляться в постели. Оба супруга выхаживали его самым трогательным образом. Вот это награда!.. Через несколько лет после этого происшествия старый дядюшка мужа, расходившийся с бесстрашным холостяком во взглядах и

затаивший на него обиду после одного политического спора, задался целью выжить самозванца из дома. Старец дошел до того, что поставил мужа перед выбором: либо тот указывает бесцеремонному холостяку на дверь, либо лишается права на наследство. Тогда почтенный негоциант — ибо наш герой был биржевой маклер — воскликнул: «Нет, дядюшка, вам не удастся заставить меня выказать столь черную неблагодарность!.. Да этот юноша по первому моему слову отдал бы за вас жизнь!.. Он спас мою репутацию, он готов пойти за меня в огонь, он избавляет меня от забот о жене, он доставляет мне клиентов, он устроил мне почти все дела, связанные с займом Виллеля…[517] я обязан ему жизнью, он отец моих детей… Такое не забывается!..»

Подобные вознаграждения могут быть названы безупречными; к несчастью, вознаграждения бывают самого разного рода. Среди них встречаются отрицательные, мнимые, а подчас мнимые и отрицательные одновременно.

Я знаю одного старого мужа, помешанного на

[517] Сноски: 517

Жан-Батист Виллель (1773–1854) в 1822–1827 годах был главой правительства и министром финансов; выпускавшиеся по его инициативе облигации государственных займов давали частным лицам возможность играть на бирже с большей или меньшей выгодой.

игре. Почти каждый вечер любовник его жены усаживается с ним за карточный стол. Холостяк щедро дарит ему наслаждения, какие сулит игра с ее неожиданностями и случайностями, и умело теряет в месяц около сотни франков… которыми ссужает его супруга игрока… Это — вознаграждение мнимое.

Вы — пэр Франции, но у вас все время рождались одни только дочери. Наконец ваша жена разрешается от бремени мальчиком!.. Это — вознаграждение отрицательное[518].

Ребенок, спасающий ваше имя от забвения, похож на мать… Госпожа герцогиня утверждает, что отец ребенка — вы. Отрицательное вознаграждение становится мнимым.

Расскажу об одной из самых восхитительных наград, которая мне известна.

Однажды утром принц де Линь встречает любовника своей жены, бросается к нему и кричит, хохоча во все горло: «Нынче ночью, любезней-

[518] Сноски: 518

Звание пэра в эпоху Реставрации передавалось по наследству; по-видимому, Бальзак хотел сказать, что, хотя пэр и обзавелся наследником, наследник этот, увы, не связан с ним кровными узами.

ший, я наставил тебе рога!»[519]

Если столь многие мужья бестревожно доживают до эпохи супружеского мира и с таким изяществом носят на себе воображаемые знаки родового могущества, опорой им служит, без сомнения, *комфортабельность*[520] иных вознаграждений, о которой бездельники, настроенные не столь философически, не имеют ни малейшего понятия. Проходит несколько лет, и наступает последний этап того искусственного существования, на которое обрекают себя мужчина и женщина, вступая в брак.

Размышление XXIX

---

[519] Сноски: 519

Австрийский фельдмаршал Шарль-Жозеф, принц де Линь (1735–1814) был знаменит как любовными похождениями, так и блестящим остроумием. В бальзаковском оригинале употреблено слово cocu — рогоносец, которое считалось неупотребительным в хорошем обществе, однако сам принц де Линь употреблял его не только устно, но и письменно; в частности, одну из своих зарисовок он так и назвал «Les cocus», причем издатель счел своим долгом специально подчеркнуть, что, к ужасу элегантных господ, князь выразился именно так (см.: *Ligne Ch. — J. de.* Œuvres choisies, littéraires, historiques et militaires. Paris, 1809. T. 2. P. 105). В 1831 году роман под названием «Le cocu» выпустил Поль де Кок, и по позднейшему свидетельству язвительного современника, целомудренные кухарки и приказчики, не в силах произнести крамольное слово, спрашивали у книгопродавцев или в кабинетах для чтения «последнего Поля де Кока», и по этой причине в течение двух недель слова «последний Поль де Кок» означали попросту «рогоносец» (см.: *Gautier T.* Les Jeunes France. Amsterdam, 1866. P. 151).

[520] Сноски: 520

Бальзаковский курсив объясняется тем, что в 1820-е годы использование слов «комфорт» и «комфортабельный» для обозначения удобных и приятных условий жизни воспринималось французами как английское заимствование; до этого во французском языке слово confort имело другой смысл — помощь, поддержка. Бальзак продолжал выделять это слово и позже; героиня романа «Старая дева» (1836) размышляет о нем: «Не состоит ли это слово из нескольких слов? Ну-ка смелее, возможно, это русское слово, откуда же мне его знать?» (*Бальзак*|*15*. Т. 5. С. 167); курсивом выделено слово «комфортабельно» и в рассказе Бальзака «Любовные приключения двух животных», вошедшем в состав сборника «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842).

О супружеском мире

Ум мой так сжился с Браком, которому сопутствовал во всех фазах его фантастической жизни, что, кажется, состарился вместе с той супружеской парой, которую я изобразил совсем юной в начале этой книги.

Мысленно пережив бури первых страстей, запечатлев в меру слабых сил главные события супружеской жизни, выдержав единоборство со множеством женщин, мне не принадлежавших, сразившись со множеством характеров, извлеченных из небытия, став свидетелем множества битв, я утомился: усталый ум видит мир сквозь некую пелену. Мне кажется, что у меня катар, что я ношу зеленые очки, что руки мои трясутся и что вторую половину моего существования и моей книги я посвящу извинениям за сумасбродства первой.

Я вижу вокруг себя взрослых детей, которым не прихожусь отцом, вижу рядом с собой женщину, с которой не сочетался браком. Я, кажется, уже чувствую, как лоб мой перерезают морщины. Я стою перед очагом, пылающим как бы помимо моей воли, я живу в комнате, обставленной старомодной мебелью… С ужасом подношу я руку к сердцу

и спрашиваю себя: «Неужели оно увяло?..»

Подобно старому прокурору, я безразличен к любым проявлениям чувств и верю лишь тому факту, который, как говорит лорд Байрон, подтвержден двумя надежными лжесвидетелями[521]. Ничье лицо не способно меня обмануть. Я мрачен и угрюм. Я знаю свет и не питаю иллюзий на его счет. Священнейшие из моих дружеских чувств были втоптаны в грязь. Я обмениваюсь с женой взглядами безмерной глубины; ничтожнейшая из фраз, которые мы с нею произносим, — кинжал, пронзающий насквозь всю нашу жизнь. Я ужасающе спокоен. Итак, вот она — мирная старость! Значит, то кладбище, где скоро погребут старика, погребено еще при жизни в его сердце. Он привыкает к холоду. Человек, если верить философам, умирает по частям; больше того, он почти всегда надувает смерть: разве то, что она хватает своей костлявой рукой, это в самом деле жизнь?..

Ах! умереть, пока ты еще юн и трепетен!.. Удел, достойный зависти! Разве не значит это, как

---

[521] Сноски: 521

Парадоксальная формулировка, заимствованная из «Дон Жуана» (1, 160), где о доне Альфонсо говорится: «В проступке был он твердо убежден / И ожидал довольно терпеливо, / Когда он будет вскрыт и подтвержден. / Давно он знал, что искренне правдивы / Лишь наши лжесвидетели, когда / Владеют ими страх или нужда» (пер. Т. Гнедич).

сказал пленительный поэт, «унести с собою все иллюзии, затвориться от света, подобно восточному царю, вместе с драгоценными каменьями и сокровищами, вместе со всем нажитым добром»[522]? Сколько же благодарностей должны мы принести кроткому и благодетельному духу, которым дышит каждая из земных вещей! Ведь заботливость, с какою природа избавляет нас постепенно от всех наших одежд, раздевает нашу душу, ослабляет наш слух, зрение, осязание, замедляет ток нашей крови и притупляет наши ощущения, дабы мы сделались так же безразличны к смерти, как и к жизни, — эта материнская заботливость, с какою она печется о нашей бренной оболочке, распространяется также и на чувства, и на то двойственное существование, какое создается супружеской любовью. Вначале природа высылает к нам Доверчивость, которая, протягивая нам руку и открывая свое сердце, говорит: «Смотри: я твоя навеки...» За Доверчивостью следует Вялость: выступая медленно и томно, она отворачивает в сторону белокурую

[522] Сноски: 522

Бальзак цитирует литературную новинку — роман Анри де Латуша «Фраголетта: Неаполь и Париж в 1799 году», вышедший в июне 1829 года (*Latouche H. de.* Fragoletta: Naples et Paris en 1799. Paris, 1829. T. 1. P. 298). О Латуше см. примеч. 340.

головку, чтобы всласть зевнуть, словно юная вдова, принужденная выслушивать министра, от которого зависит назначение ей пенсии. Затем приходит черед Безучастности: она растягивается на диване, даже не потрудившись опустить платье, подол которого Желание некогда поднимало так невинно и так страстно. Она бросает на брачное ложе взгляд, не выражающий ни целомудрия, ни бесстыдства; если ей чего и хочется, так только незрелых плодов, которые раздразнили бы ее пресыщенный вкус. Наконец, является философическая Опытность: с видом озабоченным и пренебрежительным она указует перстом не на причины, но на результаты, не на бурное сражение, но на безмятежный триумф. Она взыскивает недоимки с фермеров и подсчитывает сумму дочернего приданого. Она сообщает всему форму сугубо материальную. По мановению ее волшебной палочки жизнь уплотняется и застывает: прежде все было текуче, теперь все каменеет. Отныне наслаждению уже не остается места в наших сердцах; приговор ему произнесен: оно не более чем ощущение, мимолетный порыв, душа же нынче стремится к чему-то положительному; постоянно одно лишь счастье, источник которого — абсолютный покой, правильное чере-

дование трапез и сна, а также исправная работа отяжелевших органов.

«Это отвратительно!.. — воскликнул я. — Я молод, полон сил!.. Пусть погибнут все книги в мире, лишь бы остались живы мои иллюзии!»

Покинув свой кабинет, я погрузился в мир парижских улиц. Мимо шли восхитительнейшие особы, и очень скоро я почувствовал себя совсем не старым. Первая же молодая, прекрасная и со вкусом одетая женщина, которая попалась мне на глаза, огнем своих взоров развеяла чары, которым я едва не покорился. Не успел я войти в сад Тюильри, куда и направлялся, как заметил прототип той матримониальной ситуации, до которой дошло мое повествование. Пожелай я изобразить характер, идеальную сущность, воплощение Брака, как я его понимаю, ни я, ни сама Святая Троица не смогли бы сделать это лучше; то был красноречивейший его символ.

Вообразите себе женщину лет пятидесяти, одетую в коричневый мериносовый редингот; в левой руке она держит зеленый поводок, другой конец которого прикреплен к ошейнику прелестного английского грифона, а правой опирается на руку мужчины в коротких штанах, черных шелковых чулках и шляпе с причудли-

во вздернутыми краями, из-под которой с двух сторон вырываются белоснежные «голубиные крылья»[523]. Маленькая косичка, не толще гусиного пера, болтается на его желтой и довольно жирной шее, виднеющейся из-под опущенного воротника потертого фрака. Супруги выступают чинно и величаво, причем муж, которому никак не меньше семидесяти лет, то и дело любезно останавливается всякий раз, когда остановиться приходит нужда грифону. Я поспешил обогнать эту пару — мое Размышление во плоти, и был до крайности изумлен, узнав маркиза де Т***, друга графа де Носе, много лет назад задолжавшего мне окончание истории, начало которой я привел в «Теории кровати» (см. Размышление XVII).

— Честь имею, — сказал он мне, — представить вам госпожу маркизу де Т***.

Я почтительно поклонился даме с бледным, морщинистым лицом, производившим безрадостное впечатление, которое нимало не скрашивали уложенные кругом головы плоские локоны. Дама была слегка нарумянена и напоминала провинциальную актрису.

— Не знаю, сударь, — сказал мне старик, — чем

---

[523] Сноски: 523

«Голубиные крылья» — название прически, которая была модной в середине XVIII века: на висках локоны, а сзади волосы стянуты лентой.

вам не нравится такой брак, как наш?

— Он противен римским законам!.. — отвечал я со смехом[524]. Маркиза бросила на меня взгляд, полный тревоги и неодобрения, который, казалось, говорил: «Пристало ли мне в мои годы быть простой наложницей?..»

Мы уселись на скамью под сенью деревьев в углу высокой террасы, выходящей на площадь Людовика XVI со стороны Королевской кладовой[525]. Осень уже давала себя знать и рассыпала перед нами желтые листья из своего венца, но солнце еще пригревало.

— Итак, ваш труд закончен? — спросил маркиз тем елейным голосом, каким говорят люди, принадлежащие к старинной аристократии. Комментарием к этим словам послужила сардоническая усмешка.

— Почти, сударь, — отвечал я. — Я дошел в

---

[524] Сноски: 524

В Древнем Риме в имперский период разводы были очень часты, причем инициатива могла исходить и от женщин, но чаще исходила от мужчин, причем одной (хотя и далеко не единственной) из причин развода была неверность супруги.

[525] Сноски: 525

Нынешняя площадь Согласия с 1826-го по 1830 год официально носила имя короля Людовика XVI, поскольку этот король в 1793 году был на этой площади казнен; особняком Королевской кладовой называлось здание, выходящее на площадь со стороны, противоположной Сене; в конце 1820-х годов в нем располагалась уже не Кладовая, а Морское министерство, но по традиции за ним сохранялось старое название.

своем повествовании до того философического положения, в котором, кажется, пребываете теперь вы, но, признаюсь…

— Нуждаетесь в идеях?.. — докончил он за меня фразу, которую я затруднялся выговорить. — Ну что ж, вы смело можете утверждать, что на закате своих дней человек (я разумею, человек мыслящий) приходит к тому, что отказывает любви в праве на те безумства, какими ее одаряли наши иллюзии!..

— Как! Неужели вы станете отрицать существование любви на другой день после свадьбы?

— Вы правы, — согласился он, — на другой день после свадьбы для любви есть некоторые основания, но, — шепнул он мне на ухо, — нынче мой брак не что иное, как сделка. Я купил уход, заботу, услуги, в которых нуждаюсь, и уверен, что со мной будут обходиться так предупредительно, как того требует мой возраст; все свое состояние я отказал племяннику, так что моя жена будет наслаждаться богатством, лишь покуда я жив; вы понимаете, что поэтому…

Я бросил на старца взгляд столь пронзительный, что он пожал мне руку и произнес: «Внешность обманчива, но у вас, кажется, доброе сердце… Одним словом, знайте, что я припас для

нее в завещании приятный сюрприз…» — закончил он весело.

— Пошевеливайтесь, Жозеф!.. — воскликнула маркиза и пошла навстречу слуге, несшему в руках шелковый редингот, подбитый ватой. — Господин маркиз может простудиться.

Старый маркиз надел и запахнул редингот, а затем, взяв меня под руку, увлек в тот угол террасы, который ярко освещало солнце.

— В вашем сочинении, — сказал он, — вы наверняка описали любовь с точки зрения юноши. Но если вы желаете исполнить те обязательства, какие накладывает на вас слово «эк…», «элек…»

— Эклектический… — подсказал я с улыбкой, ибо старец никак не мог свыкнуться с этим философическим термином.

— Я прекрасно знаю это слово!.. — возразил маркиз. — Итак, если вы в самом деле желаете быть *электичным*, вам следует высказать несколько зрелых суждений о любви, которые я вам сейчас сообщу, причем не стану оспаривать у вас честь их авторства — если здесь вообще уместно говорить о чести; я хочу что-нибудь оставить вам в наследство, но на большее не рассчитывайте.

— Идеи, если они хороши, стоят дороже любых денег! Поэтому я с величайшей признательно-

стью выслушаю вас.

— Любви не существует, — продолжал старец, глядя мне в глаза. — Любовь — это даже не чувство, это злосчастная необходимость, нечто среднее между потребностями тела и потребностями души. Впрочем, попробуем исследовать этот общественный недуг, взглянув на него так, как смотрите вы, юноша. Я полагаю, что вы можете видеть в любви либо потребность, либо чувство.

Я кивнул.

— Любовь-потребность, — продолжал маркиз, — дает о себе знать последней из всех прочих потребностей, а замолкает первой. Мы влюбляемся в двадцать лет (годом раньше или годом позже — не важно) и прощаемся с любовью в пятьдесят. Часто ли за эти два десятка лет[526] мы испытали бы прилив любви, если бы чувственность нашу не разжигали нравы наших городов, если бы мы не видели подле себя вместо одной целую толпу женщин? Что обязаны мы предпринять для продолжения рода? Быть может, произвести на свет столько детей, сколько у нас сосцов: пусть даже один умрет, другой останется

---

[526] Сноски: 526

Описка Бальзака; между двадцатью и пятьюдесятью годами проходит, разумеется, не два, а три десятка лет.

жить. Если бы, однако, каждая супружеская пара исправно пополняла население Земли этими двумя отпрысками, что сталось бы с нациями? Даже тридцать миллионов жителей для Франции — непозволительная роскошь, ибо земля здесь едва может прокормить десять миллионов живых существ. Вспомните, что в Китае, если верить рассказам путешественников, родители принуждены топить детей в реках. А между тем двое детей — единственная цель брака. Излишества в любви не только свидетельствуют о распущенности нравов, но, как я вам сейчас докажу, наносят человеку огромный урон. Сравните же с этой хилой и недолговечной потребностью все прочие настояния нашей природы, терзающие нас денно и нощно! Природа постоянно печется о наших подлинных нуждах, любовные же излишества, которых порой требует наше воображение, она решительно отвергает. Следственно, любовь — последняя из наших потребностей, и притом единственная, пренебрежение которой не наносит никакого ущерба нашему физическому здоровью! Любовь — роскошь, вроде кружев и брильянтов. Теперь рассмотрим ее как чувство, разделив на два вида: наслаждение и страсть. Исследуем вначале наслаждение. Человеческие

ощущения зиждутся на двух принципах: притяжения и отталкивания. Притяжение рождается, когда инстинкт самосохранения подсказывает нам, что вещь или человек не грозят нам ничем дурным, отталкивание — когда тот же инстинкт предупреждает нас об опасности. Всякое сильное ощущение убеждает нас, что мы живы: к этому и сводится наслаждение. Его составляющие — желание, преодоление трудностей и радость обладания; чем именно — не важно. Наслаждение едино, а страсти наши суть не что иное, как более или менее пылкие его разновидности, поэтому привычка к одному определенному виду наслаждений чаще всего исключает приверженность ко всем остальным. Любовь же из всех наших наслаждений — наименее острое и наименее долговечное. Да и что понимать под любовным наслаждением?.. Быть может, обладание красивым телом?.. Имея деньги, вы можете на целый вечер получать в свое распоряжение восхитительных одалисок, но не пройдет и месяца, как вы, скорее всего, пресытитесь их обществом. Значит, тут дело в чем-то ином? Быть может, вы влюбляетесь в женщину за то, что она хорошо одета, элегантна, богата, имеет карету, пользуется влиянием?.. Нет, любовь тут

ни при чем: вместо нее в вас говорят тщеславие, скупость или эгоизм. А может, вы любите вашу избранницу за остроумие?.. В таком случае вами движет чувство литературное.

— Но, — возразил я, — любовь дарует свои радости лишь тем, кто смешивает воедино свои мысли, капиталы, чувства, души, жизни…

— Как же, как же! — с насмешкой воскликнул старик. — Попробуйте сыскать в любой нации семерых мужчин, способных пожертвовать ради женщины не жизнью… — ибо это не такая уж большая жертва: при Наполеоне цена человеческой жизни не поднималась выше двадцати тысяч франков[527], а нынче двести пятьдесят тысяч французов готовы сложить голову ради двухдюймовой красной ленточки[528], — нет, попробуйте сыскать семерых мужчин, которые, получив хотя бы на одну ночь в собственное безраздельное владение десять миллионов, при-

[527] Сноски: 527

Такова была максимальная сумма, которую платили человеку, который шел в армию вместо другого, вытянувшего жребий (ср. примеч. 411).

[528] Сноски: 528

То есть ради знака ордена Почетного легиона.

несут их в жертву женщине...[529] Даже Дюбрёй и Пхмейя — пара менее редкая, чем мадемуазель Дюпюи и Болингброк[530]. Их чувства проистекают из источника, нам неизвестного. Но вы ждете от меня рассказа о любви-страсти. Так вот, эта разновидность любви — последняя и презреннейшая из всех. Она много обещает, но ничего не дает. Как и любовь-потребность, она просыпается последней, а угасает первой. Ах! возьмем для сравнения месть, ненависть, скупость, игру, тщеславие, фанатизм!.. Все эти страсти таят в себе нечто мужественное; все эти чувства вечны; ради них всякий день приносятся жертвы, на которые человек влюбленный может решиться только из каприза. А теперь, — продолжал он, — вообразите себе жизнь без любви. Прежде всего, никаких

---

[529] Сноски: 529

Можно предположить, что с этим тезисом об отсутствии в современной жизни мужчин, способных принести жизнь в жертву женщине, полемизировал Пушкин в отрывке 1835 года «Мы проводили вечер на даче...», где персонажи обсуждают «условие Клеопатры», предлагавшей поклонникам купить ночь с нею ценою своей жизни, и герой, Алексей Иваныч, говорит: «Да и самое условие неужели так тяжело? Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастия купить? ‹...› И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями!» (*Пушкин*. Т. 8. Кн. 1. С. 424). О других возможных бальзаковских аллюзиях в этом отрывке: *Мильчина В. А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006. С. 435–440.

[530] Сноски: 530

Анекдоты о дружбе прославленного французского врача Дюбрёя и

литератора Жана Пхмейи (или Пехмейи; 1741–1785) Бальзак почерпнул, по всей вероятности, из «Характеров и анекдотов» Шамфора (*Chamfort*. Т. 2. P. 60–61): «Г-н Дюбрёй, смертельно больной, спрашивал у своего друга г-на Пехмейи: „Друг мой, отчего в комнате так много народу? Здесь должен находиться один ты: ведь моя болезнь заразна“. У Пехмейи спросили, каково его состояние. — „Полторы тысячи ливров ренты“. — „Немного“. — „Не страшно, — отвечал Пехмейя, — ведь Дюбрёй богат“». Под мадемуазель Дюпюи Бальзак, по-видимому, подразумевает Мари Дешан де Марсийи (1665–1750), вторую жену Генри Сен-Джона, первого виконта Болингброка (1678–1751), горячо любившую мужа (по свидетельству Вольтера, если супруги разлучались, жена ежедневно писала мужу письма).

волнений, тревог, хлопот; никаких страстишек, поглощающих такую уйму человеческих сил. Вы живете счастливо и спокойно; ваш вес в обществе безмерно возрастает. Отречение от того, что именуют любовью, — изначальный источник могущества всех людей, повелевающих человеческими толпами, но дело не только в этом. Ах! если бы вы знали, какую волшебную силу, какие сокровища ума, какую долговечность тела обнаруживает в себе человек, когда, отрекшись от бренных страстей, отдает всю свою энергию в услужение душе! Если бы вы могли насладиться хотя бы две минуты богатствами, которыми наделяет Господь тех мудрецов, что видят в любви не более чем мимолетную потребность, которую следует утолять в двадцать лет, потратив на это полгода, не больше; тех мудрецов, что, презирая сытные и тучные нормандские бифштексы, питаются кореньями, которые Всевышний щедрою рукой рассеял по миру, и почивают на сухой листве, подобно фиваидским отшельникам!.. о! в этом случае вы сбросили бы с себя шерсть полутора десятков мериносовых овец, пошедшую на ваши одежды, вы отшвырнули бы вашу тросточку и перенеслись на небеса!.. Там обрели бы вы ту любовь, какую ищете среди земной скверны, там

слух ваш услаждали бы концерты куда более мелодичные, чем у господина Россини, голоса куда более чистые, чем у Малибран[531]... Но я слеп и рассказываю обо всем этом с чужого голоса: не побывай я на исходе тысяча семьсот девяносто первого года в Германии[532], я ничего не знал бы обо всем этом... Да, человек создан для бесконечности. В его душе живет инстинкт, влекущий его к Богу. Бог — это все сущее; он дает все, заставляет забывать обо всем; мысли — та нить, посредством которой мы можем сообщаться с Богом...

Внезапно он замолчал и устремил глаза к небу. «Бедняга совсем спятил!» — подумал я.

— Сударь, — сказал я ему, — я принес бы слишком большую жертву эклектической философии, если бы включил ваши идеи в мое сочинение:

---

[531] Сноски: 531

Мария Малибран (наст. имя и фам. Мария де Ла Фелисидад Гарсия; 1808–1836) — французская певица (меццо-сопрано) испанского происхождения.

[532] Сноски: 532

Упоминание о Германии — намек на книгу госпожи де Сталь «О Германии» (изд. 1813), которая открыла французам Германию как страну, где умеют созерцать божий мир и, забыв о мелочном, эгоистическом прагматизме, устремляться душой к небу. О мистической любви к Богу особенно много говорится в четвертой части книги, носящей название «Религия и энтузиазм». В контексте «Физиологии брака» монолог старого маркиза может показаться издевательством со стороны автора, однако в дальнейшем в таких произведениях, как «Луи Ламбер» и «Серафита», Бальзак и сам писал о любви в сходном возвышенно-мистическом тоне.

они не пошли бы ему впрок. Моя книга от первой до последней страницы посвящена любви — любви либо платонической, либо чувственной. Упаси меня Господь завершать ее подобным социальным кощунством! Скорее уж я попытаюсь с помощью каких-нибудь пантагрюэлических ухищрений возвратиться к моему стаду холостяков и порядочных женщин и приискать их страстям и безумствам какое-нибудь разумное общественное употребление. О! если супружеский мир вдохновляет нас на рассуждения столь безрадостные, столь мрачные, многие из знакомых мне мужей, пожалуй, предпочтут войну.

— Ах, юноша, — воскликнул старый маркиз, — я был обязан указать заблудившемуся путнику верную дорогу, и я свое дело сделал.

«Прощай, старая развалина!.. — сказал я мысленно. — Прощай, странствующий брак. Прощай, сгоревший фейерверк, прощай, махина! Хотя я наделил тебя некоторыми чертами людей, милых моему сердцу, теперь, старые семейные портреты, возвращайтесь в лавку торговца картинами, ступайте к госпоже де Т*** и ей подобным; где бы вы ни очутились, пусть даже на вывеске, венчающей вход в кабак, мне до этого дела нет».

Размышление XXX
Заключение

Один отшельник, почитавший себя ясновидцем, призвал народ Израиля подняться вместе с ним на гору, дабы услышать там некое откровение, и обнаружил, что за ним следует толпа достаточно многочисленная, чтобы польстить его самолюбию, которого он не был лишен, несмотря на свой пророческий дар.

Но поскольку гора стояла в некотором отдалении, на первом же привале сапожник вспомнил, что должен стачать пару домашних туфель для одного герцога и пэра, мать семейства — что оставила на огне кашу, откупщик — что его ждет выгодная сделка, и все они ушли восвояси.

Чуть позже влюбленная пара презрела обещания пророка и удалилась под сень олив, решив, что любовникам землей обетованной становится любой укромный уголок, а Божьими речами — те слова, какие они говорят друг другу.

Толстяки, напоминавшие сложением Санчо Пансу и уже давно утиравшие пот со лба, захотели пить и задержались подле чистого родника.

Отставные военные сказали, что натерли себе ноги узкими сапогами, и ни с того ни с сего заговорили о новом Аустерлице.

На втором привале светские люди начали перешептываться: «Этот пророк — самый настоящий сумасшедший!..» — «Зачем же вы его послушались?» — «Я? Да я пошел просто из любопытства». — «А я потому, что за ним пошли другие». (Это был человек *фешенебельный*[533].) — «Он шарлатан».

Пророк продолжал идти вперед. Но когда, поднявшись на плоскогорье, откуда открывался вид на бескрайние окрестные просторы, он обернулся, то обнаружил, что следом за ним идет только один бедный сын Израиля, которому пророк мог сказать то же, что сказал принц де Линь жалкому

---

[533] Сноски: 533

Это прилагательное, восходящее к английскому слову fashion (мода), получило распространение во французском языке во второй половине 1810-х годов; оно обозначало светского человека, который не знает меры в подражании английским модам, и поначалу употреблялось преимущественно иронически, однако к концу 1820-х годов ситуация изменилась. Теперь фешенебельным человеком стали называть не англомана, а того, кто умеет жить в свете; его манерам, одежде, языку посвящен вышедший в том же году, что и «Физиология брака», «Учебник фешенебельного человека» Эжена Ронтекса, в котором, несмотря на шутливый тон, фешенебельный человек представлен как образец для подражания. Сам Бальзак в «Трактате об элегантной жизни» (1830) отличает дендизм («ересь, вкравшуюся в царство элегантности») с его педантичным следованием моде от фешенебельности как истинной элегантности; однако это разграничение не было жестким, и в данном случае фешенебельность означает как раз слепое следование моде.

колченогому барабанщику, которого застал на площади, где ожидал найти целый гарнизон: «Итак, господа, вы, кажется, пребываете в единственном числе?..»

Благочестивый странник, следовавший за мной до сей минуты!.. Смею надеяться, что короткое повторение тебя не испугает, ведь во все время нашего пути я был убежден, что ты, как и я, спрашиваешь себя: «Куда это, черт подери, мы направляемся?..»

Так вот, теперь как раз время узнать у вас, почтеннейший читатель, как вы относитесь к возобновлению монополии на табак и к непомерным налогам на вино, ношение оружия, игру, лотерею, игральные карты, водку, мыло, хлопок, шелк и проч., и проч.

— Я полагаю, что, поскольку из этих налогов составляется треть нашего бюджета, мы оказались бы в весьма затруднительном положении, если бы…

— Иными словами, дражайший образцовый супруг, вы хотите сказать, что, если бы никто не напивался, не играл, не курил и не охотился — одним словом, если бы французы не знали ни пороков, ни страстей, ни болезней, государство оказалось бы на грани банкротства: ибо создается

впечатление, будто ренты наши обеспечиваются развращенностью нравов, как торговля наша живет только благодаря роскоши. Присмотритесь повнимательнее, и вы убедитесь, что все налоги зиждутся на нравственных недугах. В самом деле, разве государство не получает самого большого дохода от страховых контрактов, которыми каждый стремится защитить себя от чужой недобросовестности, подобно тому как служители правосудия получают доход от судебных процессов, которые затевают жертвы этой недобросовестности? Продолжая эти философические рассуждения, замечу, что жандармы лишились бы лошадей и мундира, если бы все люди жили тихо-мирно и на свете не было ни болванов, ни лентяев. Не пора ли ввести налог на добродетель?.. Возвращусь, однако, к теме моей книги и скажу, что убежден: между моими порядочными женщинами и бюджетом связь куда более тесная, чем кажется, и я берусь вам это доказать, если вы позволите мне закончить книгу тем же, с чего она началась, а именно кое-какими статистическими выкладками. Станете ли вы спорить, если я скажу, что любовник должен менять белые рубашки чаще, чем муж или холостяк, еще не избравший себе предмет стра-

сти? Я полагаю, что это не подлежит сомнению. Разница между мужем и любовником проявляется уже в самом духе их одежды. Муж одевается незатейливо и подолгу не подстригает бороду, любовник же всегда выступает во всем блеске своего великолепия. Стерн весьма остроумно заметил, что счета его прачки — самое достоверное историческое свидетельство, касающееся «Тристрама Шенди», какое ему известно, ибо по числу рубашек, отданных в стирку, можно определить число глав, стоивших ему наибольших усилий[534]. Точно так же и для влюбленных счета прачки — самый верный и беспристрастный летописец их любви. В самом деле, страсть требует невероятного множества пелерин, галстуков, платьев — неизбежной дани кокетству; белизна чулок, безупречность косынки и канзу, мастерски отглаженные складки мужской рубашки, изящество галстука и воротника — все это имеет огромное значение. Вот почему я сказал о порядочной женщине: «Она неусыпно следит за тем, чтобы платья ее были накрахмалены» (Размышление II). Я специально расспрашивал одну даму о размере этой любовной подати и

[534] Сноски: 534

Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди. Т. IX, гл. XIII; *Sterne-2*. P. 494.

помню, что, назвав сумму сто франков в год для женщины, она простодушно добавила: «Впрочем, это зависит от характера мужчины: среди них попадаются такие *пачкуны*!» Тем не менее в результате весьма продолжительного обсуждения, где я выступал от имени холостяков, а дама — от имени представительниц своего пола, было решено, что, ступив на тропу войны, любовники, принадлежащие к тем общественным слоям, какие мы избрали предметом рассмотрения в этой книге, платят прачкам на полторы сотни франков больше, чем в мирное время. Не менее обстоятельно исследовали мы вопрос о затратах на все вообще детали туалета в мирное и военное время и в конце концов единодушно признали, что у любовников эта статья расходов отбирает на четыре сотни франков больше, чем у простых смертных. Больше того, почти все светила обоих полов, с которыми мы советовались на сей счет, объявили эту сумму ничтожной. Сведения, сообщенные нам по поводу этих деликатных материй некоторыми просвещенными особами, подали нам мысль устроить обед для знатоков, дабы они придали нашим глубоким изысканиям нужное направление. Синклит собрался. В результате блестящих импровизаций, произнесенных с

бокалом вина в руке, получили своего рода законодательное утверждение следующие статьи любовного бюджета. Сто франков знатоки положили на посыльных и экипажи. Согласились с тем, что не меньше пятидесяти экю[535] уходит на пирожки, съедаемые во время прогулок, букеты фиалок и театральные билеты. Двести франков отписали на чрезвычайные расходы вроде обедов у ресторатеров. Установив сумму расходов, следовало определить, из каких доходов ее покрывать. Рассуждая на эту тему, один юный офицер королевской конницы (в эпоху, о которой идет речь, король еще не распустил «красную» королевскую гвардию[536]) под влиянием шампанского, бросившегося ему в голову, дерзнул сравнить любовников с перегонными аппаратами, но был призван к порядку. Однако самые бурные споры вызвал вопрос о подарках, обсуждение которого было отложено на несколько недель. На послед-

[535] Сноски: 535

150 франков.

[536] Сноски: 536

Вернувшись во Францию в 1814 году после двух десятков лет в изгнании и заняв французский престол, Людовик XVIII сначала восстановил королевский военный штат, в который среди прочего входили четыре роты «красной» королевской гвардии, в том числе легкая конница («красной» гвардия называлась по основному цвету мундира). Однако в начале Второй Реставрации, осенью 1815 года, он сократил свой военный штат и, в частности, «красную» гвардию.

нем заседании первой взяла слово утонченная госпожа де Д***; с присущим ей изяществом и благородством чувств она постаралась показать, что дары любви, как правило, ценны отнюдь не своей стоимостью. Автор возразил, что все любовники непременно заказывают свои портреты. Одна из присутствовавших дам заметила, что портрет — не что иное, как первоначальный капитал, и при расставании его непременно надо потребовать назад, чтобы затем снова пустить в ход. Внезапно некий провансальский дворянин, вскочив с места, произнес целую филиппику против женщин. Все они, утверждал он, невероятно жадны до мехов, атласа, шалей, драгоценностей и мебели; оратора перебила дама, осведомившаяся, правда ли, что госпожа д'О...и, ее лучшая подруга, уже дважды заплатила все его долги. «Вы ошибаетесь, сударыня, — возразил провансалец, — платила не она, а ее муж». — «Мы призываем оратора к порядку, — воскликнул председательствующий, — и в наказание за употребление слова „муж“ предписываем ему угостить всех собравшихся». Окончательно посрамила провансальца дама, взявшаяся доказать, что женщины проявляют в любви куда больше самоотверженности, чем мужчины, что любовники стоят дорого и что

порядочная женщина должна радоваться, если, заведя кавалера, отделается двумя тысячами франков в год. Спор грозил перейти на личности, но тут некоторые из собравшихся потребовали перейти к голосованию. Заключение комиссии было утверждено. Оно гласило, что в год любовники тратят на подарки друг другу пять сотен франков, причем в эту сумму входят также: 1) оплата поездок за город; 2) деньги на покупку лекарств для лечения простуд, подхваченных во время вечерних прогулок по сырым аллеям парка или по выходе из театра, ибо это — самые настоящие подарки; 3) деньги на почтовые и канцелярские расходы; 4) оплата путешествий и все неучтенные расходы, исключая, однако, те, которые позволяют себе любвеобильные моты, ибо из разысканий комиссии следует, что их деньги текут рекой не к чужим законным женам, а к оперным танцовщицам. Завершил эту приходно-расходную книгу любви следующий вывод: любовная страсть обходится в год приблизительно в полторы тысячи франков, причем между любовниками траты зачастую распределяются неравномерно, а не будь эти двое связаны любовными узами, названная сумма вовсе не была бы потрачена. Собравшиеся единодушно признали,

что полторы тысячи — минимальная годовая цена страсти. Меж тем, дражайший читатель, поскольку выкладки нашей брачной статистики (см. Размышления I, II и III) неопровержимо доказали, что во Франции всегда имеется по меньшей мере полтора миллиона внебрачных связей[537], отсюда следует, что:

супружеские измены трети населения Франции пополняют бюджет страны приблизительно тремя миллиардами франков и ускоряют обращение денег, а ведь деньги — это кровь, текущая по венам общества, тогда как бюджет — его сердце;

порядочная женщина дает жизнь не только сынам отечества, но и его капиталам;

наши мануфактуры обязаны своим благоденствием лишь этому *систолярному* движению;

порядочная женщина — существо, созданное для потребления и бюджетообразования;

малейшее понижение уровня любви в обществе послужило бы причиной бесчисленных несчастий для фискальной системы и для почтенных рантье;

по меньшей мере треть дохода мужа обеспечивается неверностью его жены и проч.

---

[537] Сноски: 537
См. примеч. 89.

Я знаю наверное, что вы уже открыли рот, чтобы начать толковать мне о нравах, о политике, о добре и зле… но, дражайший клиент Минотавра, разве не правда, что цель, к которой должно стремиться любое общество, — это счастье[538]?.. Разве не из этого бьются бедняги-короли, пекущиеся о подвластных им народах? Так вот, у порядочной женщины, в отличие от королей, нет ни трона, ни жандармов, ни судов, она располагает одной лишь своею постелью, но если с помощью этого хитроумного приспособления наши четыреста тысяч порядочных женщин дарят счастье миллиону холостяков, не говоря уже о четырехстах тысячах мужей, разве не достигают они своим тайным, скромным трудом той же цели, какую преследуют правительства? Иначе говоря, разве не дарят они самое большое счастье самому большому числу подданных родного государства?

— Да, но огорчения, дети, несчастья…

— Ах, позвольте мне напомнить вам утешительные слова, которыми один из остроумнейших наших карикатуристов закончил одну из своих

[538] Сноски: 538

Фраза о счастье как цели существования общества во всех изданиях, предшествовавших изданию Фюрна (1846), служила эпиграфом ко всей книге (см. примеч. 1).

сценок: «Человек несовершенен!»[539] Следственно, учреждения наши станут превосходными при одном-единственном условии: если число их недостатков не будет превышать числа их достоинств, ибо в общественной жизни род человеческий выбирает не между хорошим и плохим, но между плохим и очень плохим. Так вот, поскольку наше сочинение имело целью сделать наши брачные установления менее плохими, разоблачив заблуждения и бессмыслицы, порождаемые нашими нравами и предрассудками, автор его вправе притязать на почетное звание *благодетеля рода человеческого*. Разве он не старался, вооружив мужей оборонительными средствами, внушить бóльшую сдержанность женам, а значит, дать больше силы страстям, больше

[539] Сноски: 539

Словом «сценка» переведено слово *charge*. Русское слово «шарж» в данном случае не очень уместно, потому что подразумевает только жанр изобразительного искусства. Между тем в бальзаковском употреблении слово это обозначало карикатуру не только рисованную, но и словесную. Слово Charges стояло в заглавии одной из рубрик газеты «Карикатура», которая начала выходить в ноябре 1830 года при активном участии Бальзака, причем в проспекте нового издания он в качестве примера материалов для рубрики «Charges» привел «шутовскую, но зачастую и глубокую литературу, о которой дают представление „Народные сцены“ Анри Монье» (*OD.* P. 798). Поэтому можно с уверенностью предположить, что под «одним из остроумнейших наших карикатуристов» Бальзак подразумевал именно Анри Монье (1799–1877), признанного мастера *charges* — комических диалогов с иллюстрациями. Бальзак высоко ценил Монье, с которым был знаком с 1826 года; в 1829–1830 годах он посвятил ему несколько газетных

рецензий, в письмах не раз называл его остроумным, великолепным, неподражаемым и проч. (*Correspondance*. Т. 1. P. 463, 555), а по свидетельству биографа Монье, сказал о нем: «Я обязан ему больше, чем обычно считают» (см.: *Meininger A. — M.* Balzac et Henry Monnier // *AB* 1966. Paris, 1966. P. 217–244). Монье послужил прототипом для карикатуриста и остроумца Бисиу, персонажа 18 произведений «Человеческой комедии». К сожалению, цитируемую Бальзаком реплику мне удалось найти только в сценке Монье «Деревенский дух», опубликованной уже позже выхода «Физиологии брака» (см.: *Monnier H.* Nouvelles scènes populaires dessinées à la plume. Paris, 1839. P. 48), однако Монье был не только рисовальщиком и литератором, но и прекрасным актером и сам читал друзьям вслух свои сценки, а значит, можно предположить, что Бальзак цитирует фразу из произведения, услышанного в исполнении автора. Прямую ссылку на Монье см. ниже в «Мелких неприятностях супружеской жизни» (примеч. 516).

доходов государству, больше живости торговле и сельскому хозяйству? Это последнее Размышление позволяет автору льстить себя надеждой, что он свято хранил верность эклектизму, в которой поклялся, берясь за это сочинение, и что, подобно помощнику генерального прокурора, изложил содержание всех приобщенных к делу документов точно и бесстрастно. И впрямь, к чему вам здесь выводы и аксиомы? Вам угодно видеть в моей книге изложение предсмертного мнения Тронше, который на склоне лет уверился, что законодатели изобрели брак не столько ради супругов, сколько ради детей[540]? Ничего не имею против. А может быть, вам больше по нраву считать мою книгу подкреплением слов того капуцина, который, читая проповедь Анне Австрийской и видя, что королева и ее придворные дамы немало разгневаны его более чем убедительными доказательствами их слабости, сказал напоследок, уже сходя с кафедры, откуда возвещал слово истины: «А впрочем, все вы — порядочные женщины, но

[540] Сноски: 540

Французский юрист Франсуа Дени Тронше (1726–1806) принимал активное участие в подготовке и обсуждении Гражданского кодекса и, в частности, тех его разделов, которые касались законных и незаконных детей и их прав наследования. Об участии Тронше в этом обсуждении рассказано в книге Тибодо (см. примеч. 4).

мы, к несчастью, — сыновья самарянок...»[541] Согласен и на это. Извлекайте из моего сочинения тот вывод, какой вам угодно, ведь предмет мой особого свойства: что о нем ни скажешь, все будет в определенном смысле правдой. Я сочинял свою книгу не в пользу брака и не против него, я всего-навсего хотел как можно более точно его описать. Если, описав устройство машины, автор помог усовершенствовать хоть одну из ее деталей, если, протерев заржавевшее колесико, он заставил механизм двигаться быстрее, выплатите работнику жалованье. Если автор дерзнул высказать истины слишком жестокие, если он слишком охотно обобщал частные случаи, если он чересчур откровенно пренебрегал пошлыми похвалами, которыми сочинители осыпают женщин с незапамятных времен, — распните его! Но не считайте его противником брака как такового: ему не по душе лишь брачующиеся. Он знает, что

---

[541] Сноски: 541

Древние иудеи считали самарян (племя, в котором потомки десяти колен Израилевых смешались с языческими переселенцами из Ассирии) нечистой расой; в данном случае под «сыновьями самарянок» подразумеваются люди, не свободные от грешных помыслов и легко поддающиеся искушениям. Источник, откуда Бальзак почерпнул этот анекдот, мне установить не удалось, что же касается упоминаемого капуцина, то это, по всей вероятности, духовник королевы Анны Австрийской и сподвижник кардинала Ришелье отец Жозеф (Франсуа Леклерк де Трамбле; 1577–1638), вошедший в историю как «серое преосвященство».

если брак не уничтожил сам себя, он неколебим, да и вообще, быть может, обилие жалоб на это установление объясняется особенностями мужской памяти: мужчины помнят только плохое и вечно ругают своих жен точно так же, как ругают саму жизнь, а ведь брак — это жизнь в жизни. Тем не менее особы, привыкшие черпать собственные мнения из газет, примутся, должно быть, злословить насчет книги, автор которой зашел слишком далеко в своем увлечении эклектизмом; что ж, раз им непременно нужно что-то вроде морали, нам не составит труда удовлетворить их желание. Коль скоро мы открыли нашу книгу словами Наполеона, отчего не закончить ее тем же, с чего она началась? Так вот, в присутствии всех членов Государственного совета первый консул произнес поразительную фразу, содержащую разом и похвалу браку, и эпиграмму на него, и резюме нашей книги: «Когда бы мужчины не старели, я бы отсоветовал им жениться!»[542]

[542] Сноски: 542

Бальзак заимствовал эту фразу, произнесенную Наполеоном во время обсуждения проекта Гражданского кодекса, из книги Тибодо (см. примеч. 4).

Постскриптум

— Но вы-то женитесь?.. — спросила герцогиня, после того как автор прочел ей свою рукопись.

(Герцогиня была одна из тех двух дам, чьей мудрости автор уже воздал должное во Введении.)

— Разумеется, сударыня, — отвечал я. — Встретить женщину, которой достанет отваги пойти за меня, сделается отныне самой заветной моей мечтой.

— Вы смирились или возгордились?

— Это моя тайна.

— В таком случае, господин доктор брачных наук и художеств, позвольте мне рассказать вам маленький восточный аполог, напечатанный в одном из тех альманахов, какие некогда дарили нам ежегодно[543]. В начале Империи у дам вошла в моду одна игра: она состояла в том, чтобы

[543] Сноски: 543

Источник следующей ниже новеллы — ежегодник «Альманах прозаиков», выпускавшийся Ф. Ноэлем и П. — Б. Ламарром. Бальзак заимствовал из альманаха 1802 года сюжет, но переработал стиль (сделав его гораздо более ироничным). Для издания Фюрна (1846) он изменил и само «волшебное слово» (в альманахе рассказ называется «Иадесте») — возможно, под влиянием комической оперы на тот же сюжет (1836), названной ее авторами (Л. Пилле и Э. Марко де Сент-Илером) «Диадесте, или Арабский спор».

не принимать от того, с кем играешь, никаких подарков, не произнеся слова «Диадесте». Игра, как вы понимаете, длилась порой неделями, и побеждал тот, кто хитростью заставлял противника принять какую-нибудь безделку, не сказав сакраментального слова.

— А если это был поцелуй?

— О! — засмеялась герцогиня. — Я раз двадцать выиграла «Диадесте» с помощью поцелуя. Я думаю, именно в ту пору и благодаря этой игре, пришедшей к нам от арабов или китайцев, аполог, о котором я говорю, удостоился чести быть напечатанным. Но я расскажу его вам только в том случае, — вдруг воскликнула она, с очаровательным кокетством погрозив мне пальчиком, — если вы пообещаете мне поместить его в конце вашего сочинения…

— Да ведь в этом случае я украшу свою книгу истинным сокровищем, не так ли?.. Я и без того уже столь многим вам обязан, что не знаю, чем отплатить: разумеется, я принимаю ваше условие.

Она лукаво улыбнулась и начала свой рассказ:

— Один философ составил весьма толстый том, где описал все проделки нашего пола, и, ради собственной безопасности, никогда с ним не расставался. Однажды, путешествуя по свету,

оказался он в местах, где раскинули свой стан арабы. Некая молодая женщина, сидевшая в тени пальмы, поднялась ему навстречу и так учтиво предложила передохнуть в ее шатре, что он не смог отказаться. Муж этой дамы был в ту пору в отъезде. Не успел философ опуститься на мягкий ковер, как прелестная хозяйка поднесла ему свежие финики и алькарасас с молоком[544]; наш герой невольно приметил удивительную красоту рук той, что потчевала его питьем и фруктами. Однако, дабы развеять чары юной арабки, чьего коварства он побаивался, ученый взял свою книгу и углубился в чтение. Пленительная особа, оскорбленная подобным пренебрежением, сказала сладкозвучным голосом: «Должно быть, эта книга очень увлекательна, коль скоро вы только о ней и думаете. Не будет ли нескромно с моей стороны спросить у вас, о какой науке идет там речь?..» Философ отвечал, потупив взор: «Дамам этого не понять!» Отказ лишь сильнее распалил любопытство красавицы. Она выставила вперед ножку — прелестнейшую из всех, какие когда-либо оставляли свой легкий след на зыбучем песке пустыни. Не в силах побороть соблазна,

[544] Сноски: 544
Алькарасас — пористый сосуд для охлаждения жидкостей.

философ отвлекся от книги, и взгляд его не замедлил подняться от ножки, сулившей сладостные удовольствия, к еще более пленительной талии; прошло еще мгновение, и он вперил дышащий восторгом взор в сверкавшие, как уголья, черные глаза юной азиатки. Она еще раз осведомилась, какую книгу читает философ, и так нежно звучал ее голосок, что очарованный мудрец ответил: «Автор этой книги — я сам, но содержание ее придумано не мною; в ней рассказывается обо всех хитростях, изобретенных женщинами». — «Как?! Обо всех без исключения?» — спросила дочь пустыни. «Да, обо всех! Лишь оттого, что я постоянно изучал женщин, я перестал их бояться». — «Ах вот как!..» — произнесла юная арабка, потупив длинные ресницы, а затем внезапно обожгла мнимого мудреца таким взглядом, который тотчас заставил его позабыть и книгу, и описанные в ней хитрости. Миг — и философ превратился во влюбленнейшего из мужчин. Чужестранцу показалось, что в повадке молодой женщины сквозит легкая тень кокетства, и он дерзнул признаться в своих чувствах. Как мог он противиться искушению? Небо сияло голубизной, золотой песок сверкал под лучами солнца, ветер пустыни дышал любовью, а жена араба, казалось, была

так же горяча, как окружавшая ее природа: проникновенные глаза ее увлажнились, и кивком головы, от которого, кажется, качнулся жаркий воздух пустыни, она позволила чужестранцу произнести слова любви. Самые лестные надежды уже пьянили мудреца, как вдруг красавица, заслышав вдали громкий топот копыт, воскликнула: «Мы пропали! Это мой муж! Он ревнив, как тигр, и еще более свиреп… Заклинаю вас именем пророка: если вам дорога жизнь, спрячьтесь в этот сундук». Перепуганный сочинитель, не видя никакого другого способа выйти из этого затруднительного положения, влез в сундук, который молодая женщина тотчас заперла на ключ. Выбежав навстречу супругу и осыпав его ласками, которые привели грозного азиата в превосходное расположение духа, она сказала: «Я должна поведать вам удивительную историю». — «Слушаю тебя, моя газель», — отвечал араб, усевшись на ковер и скрестив ноги, как это принято на Востоке. «Нынче сюда явился некто, именующий себя философом! — сказала женщина. — Он утверждал, что собрал в одной книге все проделки, на какие способен наш пол, и вдобавок объяснялся мне в любви». — «В таком случае…» — вскричал араб. — «Я его выслушала!.. — хладнокровно про-

должала красавица. — Он молод, настойчив и… вы приехали как раз вовремя и спасли мою пошатнувшуюся добродетель!..» Араб взревел, как лев, и схватился за кинжал. Философ, который, съежившись в сундуке, слышал всю эту беседу от первого до последнего слова, проклинал свою книгу, всех женщин мира и всех мужчин Петрейской Аравии. «Фатме!.. — вскричал муж. — Если жизнь тебе дорога, отвечай!.. Где изменник?..» Испуганная бурей, которую она сама же накликала, Фатме упала к ногам супруга и, трепеща грозной стали его кинжала, бросила робкий и быстрый взгляд в сторону сундука. Объятая стыдом, она поднялась с колен и подала ревнивцу ключ, висевший у нее на поясе, однако в тот миг, когда муж уже повернул ключ в замке, хитрая арабка вдруг расхохоталась. Фарун растерялся и с тревогой взглянул на жену. «Наконец-то я получу золотую цепочку! — воскликнула Фатме и запрыгала от радости. — Вы обязаны мне ее подарить: ведь вы забыли сказать „Диадесте“. В другой раз будете внимательнее». Ошеломленный муж выронил ключ из рук и, преклонив колена, вручил своей дорогой Фатме чудесную золотую цепь; он посулил ей сокровища всех караванов, какие проходят через пустыню, лишь бы она больше

никогда не прибегала ради выигрыша к таким жестоким шуткам. Затем, поскольку он был араб и не любил отказываться от золотой цепи даже в пользу собственной жены, Фарун вскочил на коня и вихрем умчался прочь, надеясь отвести душу в пустыне: он слишком любил жену, чтобы показать ей свое огорчение. Фатме же, вызволив полумертвого от страха философа из сундука, важно сказала: «Прошу вас, господин мудрец, не забудьте упомянуть этот случай в вашем сборнике».

— Сударыня, — обратился я к герцогине, — я понимаю, что вы хотели сказать. Если я женюсь, моя жена сыграет со мною шутку доселе небывалую, однако не сомневайтесь: я и в этом случае явлю восхищенным взорам современников образцового супруга[545].

Париж, 1824–1829

---

[545] Сноски: 545

Последний абзац вставлен в текст в издании Фюрна (1846) — по-видимому, он адресован не столько читателям, сколько Эвелине Ганской, на которой Бальзак хотел жениться и в самом деле женился четыре года спустя. Даты под текстом впервые появились в издании Фюрна (1846).

Список опечаток, призванный оградить *вас от ошибок при чтении этого сочинения*[546]

К Размышлению XXV, § 1.

Дабы глубоко вникнуть в смысл этого параграфа, порядочный читатель обязан перечесть его несколько раз, ибо автор вложил в него все свои идеи.

–

Почти все места книги, кажущиеся серьезными, и все, кажущиеся шутовскими, станут вам

[546] Сноски: 546

Этот текст присутствовал во всех изданиях «Физиологии» до 1846 года; из издания Фюрна Бальзак его исключил, однако мы сочли возможным включить его в текст нашего перевода.

понятны, если вы будете играть словами![547]

–

Если вы с удвоенным вниманием читали фразы, напечатанные под римскими цифрами в качестве аксиом или афоризмов, вы, должно быть, не раз обвиняли автора в тщеславии, не подозревая, что он крайне далек от мысли, будто эти фразы лучше других. Он оставлял на странице столь широкие пробелы лишь для того, чтобы сообщить книге бóльшую глубину и жизнеспособность; пробелы для книги все равно что сон для человека: они освежают. Вдобавок с их помощью автору куда легче добраться до восхитительных слов: «Конец первого тома».

---

[547] Сноски: 547

В нашей восхитительной старинной литературе играть словами значило играть смыслами, а играть смыслами значило играть словами, так что всякий, кто изъяснялся двусмысленно, играл словами, а всякий, кто играл словами, изъяснялся двусмысленно. Данное мною определение — само по себе уже игра слов. Двусмысленность достигается с помощью перестановки слов в предложении, а еще чаще — с помощью перемены начальных букв в двух словах. Рабле, Вервиль, Табуро обожали игру словами и двусмысленности. Всем известна знаменитая фраза Рабле: «У женщины гад зол… у женщины зад гол». Но живи Рабле, Вервиль и Табуро в XIX столетии, они непременно воскликнули бы: «Вперед, сыны веры! Вперед, сыры Вены!» (*Примеч. Бальзака.*) Французский литератор Этьенн Табуро (1547–1590) был автором книги «Пестрые страницы» (1582) — собрания ребусов, акростихов и других произведений, построенных на игре слов. О Вервиле см. примеч. 434. Фраза о сынах веры — такая же насмешка над чрезмерной набожно-

стью, как и параграф о религии (см. примеч. 403).

–

Принужденный быть сам себе Матанасием[548], автор считает своим долгом заметить всем тем, кто осмелится открыть книгу, им не предназначенную, что, если они в ней ничего не поймут, виноваты будут они сами, а если автор покажется им циником, пусть пеняют на изъяны собственной натуры. За примерами ходить недалеко: вероятно, не один нравственный мужчина и не одна женщина, опекающая холостяка, восстанут против описания *Порядочной женщины* (см. Размышление II «Брачная статистика»), гласящего: «Несмотря на внешнюю слабость, она на удивление легко сносит иное бремя». Эти слова суть предвестие параграфа о неврозах. Прощай, Жак-Простак, повидал ты на своем веку немало и сыт по горло[549]… Э-хе-хе!

---

[548] Сноски: 548

Хризостом [Златоуст] Матанасий — псевдоним Ясента Сен-Ясента, шевалье де Темизеля (1684–1746), французского литератора, автора сатиры на ученых педантов «Шедевр неизвестного» (1714); в ней шутливая песенка про любовь пастуха и пастушки откомментирована на полном серьезе, с привлечением огромного параллельного литературного материала, в книге объемом в 250 страниц.

[549] Сноски: 549

Жак-Простак — традиционное обозначение французского крестьянина, а в широком смысле — вообще француза.

Мелкие неприятности супружеской жизни

Часть первая
Предисловие, которое напомнит каждому о его вступлении в брак

Друг рассказывает вам о некоей юной особе:

«Из хорошей семьи, прекрасно воспитана, хорошенькая и вдобавок триста тысяч франков наличными».

Вы высказываете желание познакомиться с этим прелестным предметом искательства[550].

Как правило, все случайные знакомства подготовлены заранее. Вы заговариваете с этим предметом, который внезапно делается крайне застенчив.

Вы: Какой прекрасный вечер.

Она: О да, сударь.

И вы получаете право волочиться за юной особой.

Теща (будущему зятю): Вы и представить не мо-

---

[550] Сноски: 550

В «Мелких неприятностях» повествователь употребляет местоимение «вы» в трех разных значениях: «вы» может означать, как в данном случае, жениха, а затем мужа (именно его Бальзак нарекает Адольфом), или же, как в следующей главе, представителя старшего поколения — отца невесты, а может быть просто собирательным «вы», под которым подразумеваются все читатели.

жете, на какую великую привязанность способно это милое дитя.

Между тем оба семейства ступают на зыбкую почву денежных расчетов.

Ваш отец (теще): Моя ферма, почтеннейшая, стоит пятьсот тысяч франков!..

Ваша будущая теща: А наш дом, почтеннейший, выходит сразу на две улицы.

В конце концов стараниями двух ужасных нотариусов, великана и коротышки, заключается контракт.

Затем оба семейства почитают необходимым отправить вас в мэрию и в церковь, прежде чем допустить до новобрачной, а та скромничает и ломается.

А потом!.. потом с вами приключается множество мелких неприятностей, как, например,

Неожиданный удар

Мелкая эта неприятность или крупная? Не знаю; для зятьев или для ваших невесток она крупная, для вас самого совершенно незначительная.

«Легко сказать, незначительная; да ведь ребенок обходится очень дорого!» — восклицает

супруг, уже десяток раз безмерно осчастливленный, накануне крестин одиннадцатого сына, именуемого *последышем*, — слово, с помощью которого женщины усыпляют бдительность своих родных.

«Что же это за неприятность?» — спросите вы. Скажем прямо, неприятность эта подобна многим другим мелким неприятностям супружеской жизни: для кого-то она чрезвычайно приятна.

Четыре месяца назад вы выдали замуж вашу дочь; назовем ее Каролиной, и пусть под этим упоительным именем она послужит нам типом супруги.

Каролина, как водится, прелестная юная особа, и вы подыскали ей супруга:

может быть, это стряпчий при суде первой инстанции, может быть, капитан второго ранга, а может, инженер третьего класса или помощник судьи или, наконец, юный виконт. Но вероятнее всего, это жених, которого ищут все здравомыслящие родители, предел их мечтаний — единственный сын богатого отца!.. (см. «Предисловие»).

Этого феникса мы будем звать Адольфом, каковы бы ни были его положение в свете, возраст и цвет волос.

Стряпчий, капитан, инженер, судья, — одним

словом, ваш зять Адольф и его семейство видят в мадемуазель Каролине:

1) мадемуазель Каролину как таковую;

2) единственную дочь вас и вашей жены.

Здесь мы, как в палате депутатов, обязаны потребовать рассмотрения по пунктам.

I. Начнем с вашей жены

Ваша жена должна получить наследство от дядюшки с материнской стороны, старого подагрика, которого она окружает вниманием и заботой, ласкает и ублажает; это не считая состояния ее собственного отца. Каролина всегда обожала дядюшку, дядюшку, который качал ее на коленях, дядюшку, который… дядюшку, которого… одним словом, дядюшку, чье наследство оценивается примерно в двести тысяч франков.

Ваша жена — особа хорошо сохранившаяся, но достигшая возраста, который сделался предметом серьезных размышлений и пристального рассмотрения со стороны родных и близких вашего будущего зятя. Сватьи долго прощупывали почву и в конце концов обменялись мелкими секретами зрелых женщин.

— Как вы, милая моя?

— Я, благодарение богу, уже отделалась, а вы?

— Надеюсь, что и я тоже.

«Можешь жениться на Каролине, — говорит матушка Адольфа вашему будущему зятю, — ей одной достанется наследство от матери, от дядюшки и от деда».

II. Теперь перейдем к вам самому

У вас еще жив дедушка с материнской стороны: добрый старец впал в детство и неправоспособен, поэтому наследство его наверняка достанется вам.

Вы человек любезный, но в юности вели жизнь весьма вольную. Вдобавок вам пятьдесят девять лет и голова ваша увенчана, с позволения сказать, коленом, просвечивающим сквозь седой парик.

Возвратимся к мадемуазель Каролине, в которой заинтересованные лица видят также:

3) приданое в триста тысяч франков!..

4) надежду на то, что ее единственная сестра, глупая и хилая девчонка двенадцати лет, недолго задержится на нашей грешной земле[551];

---

[551] Сноски: 551

Непоследовательность Бальзака: чуть выше Каролина была названа единственной дочерью. Впрочем, эта неизвестно откуда взявшаяся сестра недолго задержится не только на нашей грешной земле, но и в тексте «Мелких неприятностей», где о ней больше не будет сказано ни слова.

5) состояние, которое принадлежит вам, будущему тестю (есть семейства, где отца невесты зовут *папашей*), — двадцать тысяч годового дохода, к которым вскоре прибавится наследство;

6) состояние вашей жены, к которому должны прибавиться два наследства: дядюшкино и дедушкино.

Таким образом, мы имеем: три наследства плюс сбережения — 750 000 франков; ваше состояние — 250 000 франков; состояние вашей жены — 250 000 франков; итого 1 250 000 франков, которые никуда не денутся!..

Вот что скрывается за всеми блестящими бракосочетаниями с танцами и яствами, с белыми перчатками и цветками в петлицах, с флердоранжами, канителями и вуалями, с наемными каретами и кучерами, с путешествиями из мэрии в церковь, из церкви на банкет, с банкета на бал, а с бала в спальню новобрачных под аккомпанемент оркестра и навязших в зубах шуточек престарелых денди — ведь если на свете есть престарелые английские жеребцы, разве в свете не могут встретиться престарелые денди?

Да, вот из каких ингредиентов состоят самые пламенные любовные порывы.

Родственники произнесли свое слово по поводу

совершившегося бракосочетания.

Те, что со стороны жениха, сказали:

«Адольф сделал прекрасную партию».

Те, что со стороны невесты, сказали:

«Каролина нашла отличного мужа. Адольф единственный сын, и *в один прекрасный день* у него будет шестьдесят тысяч франков годового дохода!..»

В один прекрасный день счастливый судья, счастливый инженер, счастливый капитан или счастливый стряпчий, счастливый единственный сын богатого отца, — одним словом, Адольф является к вам на обед в сопровождении своего семейства.

Ваша дочь Каролина чрезвычайно гордится своей слегка округлившейся талией. Для всех женщин первая беременность служит источником невинного кокетства. Подобно солдату, который прихорашивается перед первым боем, они любят подчеркивать свою бледность, показывать свою слабость; они встают особенным образом и ходят с прелестными ужимками. Они сами еще цветы, но уже носят в себе плод: они спешат оповестить о своем материнстве.

Все это очень мило… в первый раз.

Между тем ваша жена, сделавшаяся тещей

Адольфа, с трудом стягивает на себе корсет. Когда ее дочь смеется, она плачет; когда Каролина выставляет напоказ свое блаженство, она прячет свое. После обеда проницательный взгляд сватьи угадывает свершившееся в ночи черное дело.

Ваша жена брюхата! Новость разносится повсюду, и старый школьный приятель осведомляется у вас со смехом: «У вас, говорят, ожидается прибавление семейства?»

Вы созываете консилиум. Вы, человек недюжинной храбрости, краснеете от стыда и надеетесь на водянку; но врачи все как один подтверждают, что *последыша* вам не избежать.

Некоторые робкие мужья в этом случае уезжают за город или отправляются путешествовать по Италии. В семье вашей царит странное смятение. И вы, и ваша жена находитесь в ложном положении.

— Подумать только! И тебе, старому греховоднику, не стыдно?.. Неужели ты в самом деле…? — говорит вам приятель на бульваре.

— Да, да! А тебе что, завидно?! — восклицаете вы, теряя терпение.

— Как! в тот самый день, когда твоя дочь… Да ты бесстыдник! И со старой женой! Да ты болен!

«Это просто грабеж средь бела дня!» — решает

семейство вашего зятя.

«Грабеж средь бела дня!» — применительно к сватье это звучит очень мило.

Семейство вашего зятя надеется, что ребенок, который втрое уменьшает их надежды, родится, как все поздние дети, золотушным, увечным, недоношенным. Да выживет ли он?

Семейство это ожидает родов вашей жены с той же тревогой, с какой члены Орлеанского дома следили за беременностью герцогини Беррийской: если бы родилась вторая девочка, младшая ветвь получила бы корону без июльских хлопот; появление на свет Генриха V разрушила эти надежды. Орлеанам пришлось пойти ва-банк: события им благоприятствовали[552].

Мать и дочь разрешаются от бремени с разни-

---

[552] Сноски: 552

У Людовика XVIII, воссевшего на французском престоле в 1814 году, после падения Наполеона, детей не было. После его смерти корону должен был унаследовать его младший брат граф д'Артуа (в самом деле ставший королем под именем Карла X в 1824 году), у которого было два сына: герцог Ангулемский и герцог Беррийский. У первого детей не было и быть не могло, у второго была только дочь. В феврале 1820 года шорник Лувель зарезал герцога Беррийского, полагая, что тем самым пресекает династию Бурбонов, однако очень скоро выяснилось, что герцогиня Беррийская в момент смерти мужа была уже беременна, и в сентябре 1820 года она родила «посмертного ребенка», названного Генрихом и получившего титул герцога Бордоского; он стал наследником престола, однако королем Генрихом V так никогда и не сделался, поскольку Июльская революция возвела на французский престол представителя младшей ветви Бурбонов — Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Однако обвинение этого последнего в том, что

он *намеренно* готовил революцию, — несправедливо; подобные намерения приписывали ему только сторонники изгнанного короля Карла X — легитимисты, чью политическую позицию разделял Бальзак.

цей в девять дней.

Первый ребенок Каролины — бледная и хилая девочка, не созданная для земной жизни.

Последний ребенок ее матушки — роскошный мальчуган весом в двенадцать фунтов, с двумя зубами и великолепной шевелюрой.

Вы шестнадцать лет мечтали о сыне. Из всех супружеских неприятностей эта — единственная, которая доставляет вам безумную радость.

Жена ваша благодаря последней беременности переживает вторую молодость: она сама кормит младенца, и молока ей хватает! У нее прекрасный цвет лица, она сияет.

В сорок два года она ведет себя как молоденькая, покупает чулочки, прогуливается с ребенком и его нянькой, вышивает чепчики, отделывает кружевом детские шапочки. Александрина смирилась со своей участью, она показывает пример дочери; она сияет, она счастлива.

И тем не менее вся эта история — неприятность, мелкая для вас, крупная для вашего зятя. Неприятность эта двуполая, она общая для вас и вашей жены. Наконец, любезный друг, вы тем больше можете гордиться вашим отцовством, что в сем случае оно совершенно неоспоримо!

Открытия

Обычно юная особа показывает свой истинный характер лишь на второй или третий год замужества. Поначалу, предаваясь первым радостям и наслаждаясь первыми празднествами, она невольно скрывает свои недостатки. Она выезжает в свет, чтобы потанцевать, она наносит визиты родственникам, чтобы похвастать вами, она постигает первые любовные хитрости, она становится женщиной. Затем она делается матерью и притом кормящей матерью, и пока она испытывает все эти пленительные тяготы и исполняет бесчисленные обязанности, не оставляющие ей ни единой свободной минуты, не позволяющие ей произнести ни единого слова, судить о ней невозможно.

Итак, пройдет три или четыре года супружеской жизни, прежде чем вы откроете вещь чудовищно печальную, источник вечного ужаса.

Ваша жена, которой первые наслаждения жизни и любви заменяли грацию и ум, юная особа столь кокетливая, столь живая, исполнявшая все свои движения дивного красноречия, постепенно избавилась от этих искусственных прикрас.

И вот, наконец, вам открывается истина! Сначала вы отказывались в это поверить, вы полагали, что ошибаетесь; но нет, все верно: Каролина неумна, неуклюжа, не умеет ни шутить, ни говорить, а порой ей недостает такта. Вы испуганы. Вы понимаете, что обречены вечно влачить за собой *вашу дражайшую половину* по тернистым дорогам, на которых самолюбие ваше будет изодрано в клочья.

Вы уже не раз содрогались от ее ответов; в свете они были приняты весьма учтиво; собеседники не улыбались, а просто хранили молчание, но вы не сомневаетесь, что после вашего ухода дамы переглядывались и обменивались следующими репликами:

— Слышали, что сказала госпожа Адольф?..

— Бедняжка, она…

— Глупа как пробка.

— Как мог он взять ее в жены? Он ведь человек умный.

— Он обязан был образовать свою жену, развить ее или научить молчать.

Аксиомы

В нашей цивилизации мужчина несет ответственность за свою жену всю целиком.

Образовывает жену вовсе не муж.

Однажды Каролина станет с пеной у рта доказывать в гостях у госпожи де Фиштаминель, женщины превосходно воспитанной, что *последыш* не походит ни на отца, ни на мать, зато имеет явное сходство с другом дома. Тем самым она скорее всего просветит господина де Фиштаминеля и сведет на нет трехлетние труды госпожи де Фиштаминель, которая с тех пор охладеет к вам, ибо заподозрит вас в излишней откровенности с женой.

В другой раз Каролина, вызвав автора на разговор о его сочинениях, под конец даст этому довольно плодовитому поэту совет начать наконец творить для вечности.

Порой, обедая у людей, которые держат всего одного слугу и сбились с ног, чтобы ее принять, она жалуется на медлительность челяди.

Порой злословит о вдовах, которые выходят замуж вторично, в присутствии госпожи Дешар, у которой имеется третий муж — бывший нотариус по имени Никола-Жан-Жером-Непомюсен-Анж-Мари-Виктор-Анн-Жозеф Дешар, друг вашего отца.

Одним словом, выезжая в свет со своей женой, вы не имеете ни минуты покоя. Подобно чело-

веку, который оседлал норовистую лошадь и все время ждет от нее подвоха, вы с постоянной тревогой прислушиваетесь к речам вашей Каролины.

Истомившись от вынужденного молчания в бытность свою девицей, Каролина говорит или, вернее сказать, болтает без умолку; она желает произвести впечатление и в самом деле его производит; ничто ее не смущает; она обращается к самым выдающимся господам, к самым достойным дамам; она просит ее представить и обрекает вас на муки. Отныне гостиная превращается для вас в камеру пыток.

Каролине начинает казаться, что вы угрюмы; вы же просто-напросто бдительны! В конце концов вы ограничиваете ее общество узким дружеским кругом, ибо она уже не однажды поссорила вас с людьми, от которых зависит ваше благосостояние.

Сколько раз намеревались вы утром, после пробуждения, должным образом приуготовив жену, сделать ей внушение, но не решались на это пойти! Женщину трудно заставить слушать. Сколько раз уклонялись вы от исполнения тяжкой роли наставника!

Ведь ваше руководящее наставление свелось

бы к следующим словам: «Ты неумна!»

Вы предчувствуете, чем кончится такой урок. Каролина скажет себе: «Ах вот как! Я неумна!»

Ни одна женщина не обрадуется такому открытию. Каждый из супругов обнажит шпагу. Не пройдет и полутора месяцев, как Каролина докажет вам, что способна незаметно *минотавризировать*[553] вас, — на это у нее ума достанет.

Устрашенный подобной перспективой, вы без конца перебираете ораторские формулы в поисках наилучшего способа позолотить эту пилюлю.

Наконец, вы находите способ польстить всем самолюбиям Каролины, ибо:

Аксиома

Замужняя женщина имеет несколько разных самолюбий.

Вы говорите, что вы ей лучший друг, вы один можете ее просветить; чем дольше вы ее уговариваете, тем сильнее возбуждаете ее любопытство и привлекаете ее внимание. В этот момент она делается умна.

---

[553] Сноски: 553

Минотавризация на языке Бальзака означает супружескую измену; см. подробнее в «Физиологии брака», в Размышлении VII, с. 170–172.

Вы спрашиваете у вашей дражайшей Каролины, обнимая ее за талию, как могла она, такая остроумная наедине с вами, дающая вам такие прелестные ответы (тут вы напоминаете ей словечки, которых она никогда не произносила, которые вы ей приписываете, а она с улыбкой признает за свои), — как могла она сказать в свете то и это? Должно быть, она, подобно многим женщинам, робеет в гостиных.

«Я знаю, — говорите вы, — многих весьма выдающихся мужчин, которые так же робки».

Вы приводите в пример людей, которые в узком кружке произносят блистательные речи, а на трибуне не могут связать трех слов. Каролине надобно следить за собой; вы превозносите ей молчание как самый надежный способ казаться умной. В свете любят тех, кто умеет слушать.

О счастье! вы пробили стену, вы проехались по зеркальной поверхности, не поцарапав ее, вы сумели оседлать самую свирепую и самую дикую, самую бдительную и самую проницательную, самую пугливую, самую быструю, самую ревнивую, самую пылкую, самую яростную, самую простую, самую элегантную, самую безрассудную, самую предусмотрительную Химеру нравственного мире; имя ей — ЖЕНСКОЕ ТЩЕСЛАВИЕ.

Каролина, святая простота, сжимает вас в объятиях, благодарит за советы, говорит, что теперь полюбила вас еще сильнее; она хочет призанять у вас всего, даже ума; пускай она глупа и не умеет ничего сказать, но зато она кое-что умеет делать!.. она вас любит. Но она хочет, чтобы вы ею гордились! Ей мало хорошо одеваться, быть элегантной и красивой; нет, ей нужно, чтобы вы гордились ее умом.

Вы чувствуете себя счастливейшим человеком в мире: ведь вы сумели выпутаться из этого первого супружеского затруднения.

«Сегодня вечером мы приглашены к госпоже Дешар, там все обожают развлечения и устраивают всякие невинные игры: ведь у нее собирается целая толпа молодых женщин и молоденьких девушек; вот увидишь, что будет!..»

Вы так счастливы, что напеваете арии из опер и в одной сорочке принимаетесь наводить порядок у себя в кабинете. Вы походите на зайца, который выписывает петлю за петлей по росистой лужайке. Халат вы надеваете только при крайней необходимости, когда завтрак уже подан.

Если в течение дня вы встречаете друзей и разговор заходит о женщинах, вы встаете на их защиту; вы находите, что они прелестны, кротки;

в них даже есть что-то божественное.

Как часто мнения наши зависят от потаенных событий нашей жизни!

Вы везете жену к госпоже Дешар. Госпожа Дешар — набожная мать семейства; в ее доме не читают газет; она воспитывает дочерей от трех разных супругов и держит их тем более строго, что в двух предыдущих браках за ней самой, как говорят, водились *мелкие грешки*. У нее никто не осмеливается отпускать шуточки. В ее доме все бело-розовое, все дышит святостью, как водится у вдов, доживших до третьей молодости. Кажется, что здесь каждый день праздник Тела Господня.

Вы, молодой супруг, присоединяетесь к невзрослому обществу молодых женщин, маленьких девочек, барышень и юнцов, собравшихся в спальне госпожи Дешар.

Люди степенные, любители политики, виста и чая, пребывают в большой гостиной.

У госпожи Дешар угадывают многозначные слова по ответам на наводящие вопросы следующего содержания:

— Каким вы это любите?

— Зачем вам это нужно?

— Где вы это встречаете?

Наступает ваша очередь угадывать слово, вы

удаляетесь в гостиную, принимаете участие в серьезной беседе, а затем, по зову веселой маленькой девочки, возвращаетесь к играющим. Вам придумали слово, дающее повод для самых загадочных ответов. Всякому известно, что лучший способ поставить в тупик умного человека — выбрать самое заурядное слово и придумать такие объяснения, которые начисто опровергали бы любое предположение салонного Эдипа.

Эта игра не может соперничать с ландскнехтом или крепсом[554], но зато совсем не разорительна.

Звания Сфинкса удостоили слово *род*[555]. Каждый из играющих поклялся сбить вас с толку.

В грамматике род бывает мужской или женский.

В истории род бывает знаменитый, прославленный ратными подвигами, как сказал бы

---

[554] Сноски: 554

Ландскнехт — азартная карточная игра; крепс — игра в кости.

[555] Сноски: 555

Бальзаку случается употребить слово «сфинкс» для обозначения и того, кто загадывает загадки (ниже в комментируемой главе), и того, кто их разгадывает (см. «Физиологию брака» и примеч. 292), и, наконец, даже самой загадки, как в данном случае.

последователь Делиля[556], или безвестный.

В свете род бывает знатный или незнатный.

У естествоиспытателей род делится на виды.

У литераторов род делится на прозаический и стихотворный.

Ради вас, человека острого ума, Сфинкс пускается на все ухищрения кокетства, он распускает и складывает крылья, показывает вам львиные лапы, женскую грудь, конский круп и умное лицо; потрясает священными лентами, садится на землю и взмывает в воздух, уходит и возвращается, метет землю своим страшным хвостом; выпускает когти и прячет их; улыбается, трепещет, шепчет; бросает взгляды то шаловливого ребенка, то степенной матроны; но главное, он все время вас дразнит.

— Я люблю, когда он королевский.

— А я, когда женский.

— А я, когда звериный.

— А я, когда старинный.

— А я, когда лирический.

---

[556] Сноски: 556

Поэт Жак Делиль (1738–1817) назван как один из главных представителей перифрастической школы; ее принципы иронически, но весьма емко сформулированы в словах д'Аламбера о Бюффоне, приведенных Пушкиным в статье «О прозе»: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь» (*Пушкин*. Т. 11. С. 18).

— А я, когда священный.

— А каким его любите вы? — осведомляетесь вы у вашей жены.

— Я люблю, когда он алый.

Ответ вашей жены загадочен, он заставляет вас скитаться по безбрежным просторам вселенной, где ум, ослепленный богатством Творения, не может ни на чем остановить свой выбор.

— Где вы это встречаете?

— В книге.

— В гостиной.

— В зверинце.

— В хартии.

— В учебнике.

— В контракте.

Последней отвечает ваша жена: «В своей постели».

Вы были уже близки к цели, но ответ вашей жены снова сбивает вас с толку; вы в тупике, ведь ничего непристойного госпожа Дешар загадать бы не позволила.

— А зачем тебе это нужно? — спрашиваете вы у своей жены, после того как все остальные уже дали ответы, погрузившие вас в пучину лингвистических предположений.

— Для счастья, — говорит она.

Ответ этот потрясает всех присутствующих, и вас в первую очередь; вы пытаетесь все-таки разгадать, в чем тут дело.

Вы думаете о бутылке с горячей водой, которую ваша жена кладет к ногам в большие холода,

Проще говоря, о грелке,

О чепце вашей жены,

О ее носовом платке,

О бумаге для ее папильоток,

О кайме ее ночной рубашки,

О ее вышивке,

О ее кофте,

О вашем ночном платке,

О подушке,

О ночном столике, на котором вы ничего подходящего не находите.

Самое великое удовольствие для отвечающих заключается в том, чтобы сбить своего Эдипа с толку, и каждый ответ они сопровождают громким хохотом, поэтому люди незаурядные, видя, что ни одна их догадка не подходит ко всем определениям, предпочитают признать себя побежденными. По правилам этой невинной игры вы обязаны оставить фант и возвратиться в гостиную; но вы до такой степени заинтригованы ответами вашей жены, что сразу спрашиваете

отгадку.

— Род, — кричит вам одна из девочек.

Вы понимаете все, кроме ответов вашей жены; она играла не по правилам.

Вы не одиноки; ни госпожа Дешар, ни другие гостьи — никто ничего не понял.

Она сплутовала.

Вы негодуете; маленькие девочки и молодые женщины ропщут. Все ломают голову, все умирают от любопытства. Вы желаете объяснения, и все разделяют ваше желание.

— Что ты имела в виду, милая? — осведомляетесь вы у Каролины.

— Как что? рот!

Госпожа Дешар поджимает губы и выказывает величайшее недовольство; молодые женщины краснеют и смотрят в пол; маленькие девочки округляют глаза, толкают друг друга в бок и навостряют уши.

Вы стоите как громом пораженный; с вами, кажется, происходит то же, что произошло с женой Лота, когда Господь решил избавить праведника от ее общества.

Перед вами открываются адские перспективы: свет для вас закрыт. Но и оставаться дома в обстановке этой торжествующей глупости невоз-

можно; это сущая каторга.

Аксиома

Моральные терзания настолько же мучительнее физических, насколько душа стоит выше тела.

Вы отказываетесь от надежды просветить вашу жену.

Каролина — другой Навуходоносор; тот превратился из твари с львиной гривой в грозного царя в пурпурных одеждах[557]; подобная участь ожидает и Каролину: куколка сделается бабочкой.

Заботливость молодой жены

В число пленительных услад, какие дарит холостяцкая жизнь, всякий мужчина включает право просыпаться, когда захочет. Грезы, сопровождающие пробуждение, вознаграждают за печали, сопутствующие отходу ко сну. Холостяк

---

[557] Сноски: 557

Согласно ветхозаветной книге Даниила, легендарный царь Вавилона Навуходоносор по воле Господа, покаравшего его за бахвальство, «отлучен был от людей»: он «ел траву, как вол, и орошалось его тело росою небесною, так что волосы у него выросли, как у льва», а через семь лет был «восстановлен на царство», и владычество его «еще более возвысилось» (Дан. 4:29–34).

ворочается в постели; он может зевать так, как будто здесь кого-то убивают, может кричать так, как будто здесь кого-то ублажают.

Он может нарушить вчерашние клятвы, может забыть огонь в камине и свечу в подсвечнике, может заснуть, презрев неотложные труды;

может осыпать проклятиями начищенные сапоги, которые тянут к нему черные уста и топорщат ушки;

может не видеть, как блестят в лучах солнца, пробивающихся сквозь занавески, стальные сапожные крючки;

может пренебрегать звучными требованиями упрямых каминных часов;

может забиваться поглубже под одеяло, говоря себе: «Вчера — да, вчера я был уверен, что должен встать пораньше, но сегодня я больше так не думаю. *Вчера* глупец, а *сегодня* мудрец, вчера был вечер, а сегодня — утро; недаром ведь говорят, что утро вечера мудренее… Конечно, я должен был пойти, должен был сделать, я обещал… Я подлец… но разве можно покинуть такую мягкую постель? У меня ступни взмокли, я, должно быть, заболел, мне повезло… Я хочу вновь увидеть свои несбыточные сновидения: босоногих женщин, крылатых ангелов, снисходительных красавиц.

Я понял наконец, какой соли насыпать на хвост этой птице, которая всегда норовила улететь. Эта кокетка попалась в сети, я ее поймал…»

Слуга читает ваши газеты, распечатывает ваши письма и вас не беспокоит. А вы снова засыпаете, убаюкиваемый глухим шумом первых экипажей. Эти чудовищные, громыхающие, тяжелые повозки, груженные мясом, эти телеги с жестяным выменем, полным молока, производят адский шум и разбивают мостовую, но для вас их колеса обиты войлоком, вам они смутно напоминают оркестр Наполеона Мюзара[558]. Дом ваш дрожит и гнется, а вы почиваете, точно моряк под дуновением зефира.

И всем этим радостям вы кладете конец сами, когда сбрасываете с головы фуляр, скомкав его, точно салфетку после завтрака, но все еще не решаетесь оторвать от постели свое… скажем так: *седалище*. И сами укоряете себя, говоря что-нибудь суровое, вроде: «Черт подери! пора вставать. Кто рано встает, тому бог подает. Ты негодник, ты лентяй!»

Вы не торопитесь. Вы оглядываете свою спальню, собираетесь с мыслями. Наконец, вы вскаки-

---

[558] Сноски: 558

Наполеон (наст. имя Филипп) Мюзар (1792–1859) дирижировал оркестром, сопровождавшим публичные балы в Париже 1830– 1840-х годов.

ваете с кровати

Решительно!

Отважно!

По своей собственной воле!

Вы идете к камину, смотрите на самые снисходительные из ваших часов и делитесь сами с собой следующими надеждами:

– *Такой-то* ленив, я его еще застану!

— Побегу быстро-быстро.

— Если он уже ушел, я его догоню.

— Он, верно, меня дождется.

— Всякий кредитор позволяет должнику опоздать на пятнадцать минут.

Вы яростно натягиваете сапоги, одеваетесь так стремительно, как будто боитесь, что вас застанут в неглиже, вы вкушаете все прелести спешки и осыпаете проклятиями собственные пуговицы; наконец вы выходите из дома с видом победителя, насвистывая и размахивая тростью, вы прядаете ушами и несетесь вскачь.

«В конце концов, — думаете вы, — я сам себе хозяин и не обязан никому давать отчета!»

А ты, несчастный муж, ты имел глупость сказать жене: «Милая, завтра (а бывает и так, что она узнает об этом не накануне, а за два дня) я должен встать пораньше».

Несчастный Адольф, мало того, что вы это сказали, вы еще объяснили, как важно это свидание: «Речь идет о… и о… и еще о… и наконец о…».

За два часа до рассвета Каролина очень нежно будит вас и очень нежно говорит:

— Друг мой, друг мой!

— Что случилось? Пожар?..

— Нет-нет, спи, я ошиблась, перепутала стрелки! Сейчас только четыре часа, ты можешь еще два часа поспать.

Сказать человеку: «Ты можешь поспать еще два часа» — ведь это почти то же самое, что сказать приговоренному к казни: «Сейчас пять часов утра, у вас еще есть время до половины восьмого!» Сон ваш нарушен мрачной мыслью, которая, подобно летучей мыши, бьется в окна вашего мозга.

Женщина в таких случаях точна, как дьявол, приходящий за проданной ему душой. В шесть утра голос вашей жены, который, к несчастью, знаком вам слишком хорошо, доносится до ваших ушей одновременно с боем часов и говорит вам с безжалостной нежностью:

— Адольф, уже шесть часов, вставай, друг мой.

— Не-е-ет… не-е-ет…

— Адольф, ты опоздаешь, у тебя важное дело,

ты сам сказал.

— Не-е-ет… не-е-ет…

Вы в отчаянии отворачиваетесь.

— Пожалуйста, милый друг, я все приготовила с вечера… Котик мой, надо вставать; ты опоздаешь на свидание. Адольф, да проснись наконец! Пора вставать! Уже рассветает.

Каролина сбрасывает одеяло и встает с постели: она хочет показать вам, что для нее подняться не составляет ровно никакого труда. Она открывает ставни, впускает в спальню солнечный свет, утренний ветерок, уличный шум. И возвращается.

— Друг мой, да встанешь ты когда-нибудь? Кто бы мог подумать, что ты такой безвольный? А еще мужчина!.. Вот я всего лишь женщина, а у меня сказано — сделано.

Вы встаете, ворча и проклиная таинство брака. Ваш подвиг ровно ничего не стоит, ведь первым встали не вы, а ваша жена. Каролина приносит вам все вещи с отвратительной расторопностью; она все предусмотрела, зимой она подсовывает вам кашне, летом — батистовую рубашку в голубую полоску, она обходится с вами как с ребенком; вы еще не проснулись, и она одевает вас не покладая рук; она просто выгоняет вас

из дома. Без нее вы бы пропали! Она окликает вас, чтобы вы вернулись за нужной бумагой, за забытой папкой. Вы ни о чем не думаете, она думает обо всем!

Вы возвращаетесь пять часов спустя, ближе к полудню, надеясь позавтракать. Горничную жены вы застаете на лестничной площадке, она болтает с чьим-то камердинером и убегает, завидев вас или услышав ваши шаги. Ваш слуга накрывает на стол не торопясь, он поглядывает в окно, фланирует по дому, ведет себя как человек, у которого много свободного времени. Вы спрашиваете, где ваша жена; вы уверены, что она давно на ногах.

«Госпожа еще почивает», — говорит горничная.

Вы входите к жене: она томна, ленива, имеет вид усталый и сонный.

Она всю ночь не спала, чтобы вас разбудить, а потом прилегла, а теперь проголодалась.

И причина всех этих неприятностей — вы.

Если завтрак не готов, то виной тому ваш ранний уход. Если она не одета и в доме все вверх дном, это из-за вас.

На все замечания она отвечает: «Но я ведь должна была тебя разбудить рано утром!»

«Муж встал так рано!» — вот причина всему.

Жена заставляет вас лечь спать засветло: ведь вы встали так рано.

Она целый день ничего не делает: ведь вы встали так рано.

Пройдет полтора года, а она все еще будет напоминать вам: «Без меня ты бы никогда не поднялся утром».

Своих приятельниц она уверяет: «Чтобы он встал спозаранку? Да что вы! Если бы не я, он бы так и валялся в постели».

Седовласый господин говорит: «Очень лестно для вас, сударыня!»

Это замечание, пожалуй слегка фривольное, кладет конец ее похвальбе.

Описанная мелкая неприятность, повторившись два-три раза, научает вас охранять свое одиночество в семье, не говорить лишнего, доверять только самому себе; вам все чаще начинает казаться, что преимущества супружеской жизни не стоят ее неудобств.

Придирки

Вы перешли от легкомысленного аллегро холостяка к степенному анданте отца семейства.

Еще недавно прелестный английский жеребец бил землю копытом и приплясывал в лакированных оглоблях тильбюри, легкого, словно ваше сердце, и покорял свой блестящий круп совокупному воздействию удил и вожжей, которыми вы владеете — Елисейские Поля тому свидетели![559] — с безмерным изяществом и элегантностью, — а теперь вместо него вы правите добрым, неторопливым нормандским битюгом.

Вы преисполнились отеческого терпения и не имеете недостатка в случаях это доказать. Посему лицо ваше дышит серьезностью.

Рядом с вами восседает слуга, который, как и экипаж, имеет двойное назначение.

Экипаж этот четырехколесный, на английских рессорах, с низкой осадкой, точно у руанского корабля; он оснащен застекленными окнами и множеством удобных приспособлений. В хорошую погоду он служит открытой коляской, в плохую — закрытой каретой. На вид он очень легкий, но если в нем едут шесть человек, это сильно утомляет вашего единственного коня.

В глубине восседают два цветущих создания:

---

[559] Сноски: 559

По Елисейским Полям экипажи отправлялись на прогулку в Булонский лес, и потому эта улица служила светским людям местом демонстрации мод.

ваша жена, недавно распустившийся бутон, и ее матушка, пышная штокроза. Эти два цветочка женского пола щебечут и болтают о вас, но шум колес и обязанности кучера вкупе с вашей отеческой предусмотрительностью не позволяют вам вслушиваться в их речи.

На переднем сиденье хорошенькая опрятненькая нянька держит на коленях маленькую девочку; рядом с ней красуется мальчуган в красной плоеной рубашке; он то высовывается из экипажа, то пытается встать ногами на сиденье и тысячу раз навлекает на себя замечания, которые, впрочем, нимало не принимает всерьез: «Адольф, веди себя прилично!» или «Больше я вас, сударь, на прогулку не возьму!» — словом, все то, что всегда говорят все мамаши.

Мамаша этого беспокойного мальчишки в глубине душе крайне раздражена его поведением; она уже двадцать раз хотела на него прикрикнуть, но двадцать раз успокаивалась, бросив взгляд на спящую девочку.

«Я мать», — говорит она себе.

И придерживает юного Адольфа за руку.

Вы осуществили свой грандиозный замысел — вывезли свое семейство на прогулку. Утром вы выехали из дома на глазах у соседей, завидую-

щих вашему богатству, которое позволяет вам отправиться за город и возвратиться оттуда в собственном экипаже. И вот ваш несчастный нормандский битюг через весь Париж плетется в Венсен, из Венсена тащится в Сен-Мор, из Сен-Мора в Шарантон[560], из Шарантона к некоему острову, который пленил вашу жену и тещу больше, чем все прочие окрестные пейзажи.

Тут ваших родственниц осеняет новая идея: «Поедем в Мезон!»

И вы направляетесь в Мезон близ Альфора. Возвращаетесь вы по левому берегу Сены, поднимая облако черной пыли, не менее густое, чем то, в каком укрывались олимпийские боги. Конь из последних сил влечет ваше семейство; увы, когда вы видите его впавшие бока и торчащие ребра, его шкуру, которая уже несколько раз покрывалась потом и высыхала, его сбитую, спутанную, пыльную гриву, вам не до гордости. Конь напоминает ощетинившегося ежа, вы опасаетесь, как бы он вовсе не выбился из сил, и огреваете его кнутом с некоей меланхолией, которую он понимает и мотает головой, точно кляча, запряженная

---

[560] Сноски: 560

Перечислены восточные и юго-восточные пригороды Парижа; к их числу принадлежит также упоминаемый чуть ниже Мезон близ Альфора.

в «кукушку» и грустящая о своей незавидной участи[561].

Вы дорожите этим конем, он хорошей породы, вы отдали за него тысячу двести франков. А поскольку вы имеете честь быть отцом семейства, вы не меньше дорожите и этой суммой. Вы предвидите устрашающие последствия для вашего бюджета в том случае, если вам придется дать Коко роздых.

Вам придется два дня подряд ездить по делам в наемном кабриолете.

Жена ваша будет дуться оттого, что не может выехать, и выедет — в наемной карете.

Конь потребует экстраординарных расходов, которые вы обнаружите в счете, предъявленном вашим единственным конюхом — конюхом каких мало, вследствие чего вы присматриваете за ним так же зорко, как за всеми вещами, каких у вас мало.

Все эти мысли вы вкладываете в то движение, которым мягко оглаживаете по бокам коня, месящего черную пыль на дороге перед Стекольным

---

[561] Сноски: 561

«Кукушками» назывались маленькие двухколесные экипажи, возившие пассажиров из Парижа в пригороды; в «кукушку», как правило, набивалось целых десять человек, а конь (чаще всего старый и немощный) был единственный, и ему приходилось очень нелегко.

заводом.

В этот момент Адольф, не знающий, чем заняться в этом сундуке на колесах, начинает ерзать и хныкать в своем углу, и бабушка тотчас с тревогой спрашивает у него:

— Что с тобой?

— Я хочу есть, — отвечает ребенок.

— Он хочет есть, — сообщает мать дочери.

— А как он может не хотеть есть? Сейчас уже полшестого, а мы даже до заставы не доехали, хотя ездим с двух часов!

— Твой муж мог бы угостить нас обедом за городом.

— Он скорее заставит своего коня проделать лишних два лье, только бы привезти нас обедать домой.

— И кухарка бы отдохнула. А впрочем, Адольф прав. Дома обедать выгоднее, — отвечает ваша теща.

— Адольф! — восклицает ваша жена, вдохновленная словом «выгоднее». — Мы плетемся так медленно, что меня вот-вот укачает, и вдобавок кругом эта черная пыль. Куда ты нас привез? О чем ты думаешь? Ты хочешь погубить мою шляпу и платье?

— А ты предпочитаешь погубить коня? — спра-

шиваете вы, убежденный, что возразить на это нечего.

— При чем тут твой конь? У тебя сын умирает с голоду; у него уже семь часов маковой росинки во рту не было. Погоняй же своего коня! Право, можно подумать, что твоя кляча тебе дороже сына!

Вы не осмеливаетесь хлестнуть коня кнутом: а вдруг у него еще осталось довольно сил, чтобы понести?

— Право, Адольф нарочно делает все мне назло, теперь мы тащимся еще медленнее, — говорит молодая женщина матери. — Не торопись, друг мой, не спеши. Только не говори потом, когда мне придется покупать новую шляпку, что я сорю деньгами.

Вы отвечаете на это словами, которые заглушает стук колес.

— А все твои возражения не имеют никакого смысла! — кричит Каролина.

Вы, продолжая свой монолог, все время вертите головой и то оборачиваетесь назад, к экипажу, то снова глядите вперед, чтобы уберечься от беды.

— Давай-давай, опрокинь нас, это прекрасный способ от нас избавиться. Стыдись, Адольф, твой сын умирает от голода, посмотри, какой он бледный!..

Тут на помощь вам приходит теща:

— Напрасно ты так, Каролина, он делает, что может…

Для вас нет ничего хуже, чем заступничество тещи. Она лицемерка, она спит и видит, как бы поссорить вас со своей дочерью; исподволь и с бесконечными предосторожностями она подливает масла в огонь.

Когда вы добираетесь до заставы, ваша жена замолкает, она больше не произносит ни слова, сидит, скрестив руки на груди, и на вас даже не смотрит.

Вы человек бездушный, бессердечный, бесчувственный. Только вы способны устроить такую увеселительную прогулку. Если вы осмелитесь, себе на горе, напомнить Каролине, что она сама утром потребовала этой прогулки ради детей и молока (она кормит грудью), на вас обрушится поток холодных колкостей.

Поэтому вы соглашаетесь на все, *лишь бы не огорчать кормящую мать, ведь у нее может пропасть молоко, так что надо обходиться с ней помягче* — так шепчет вам на ухо безжалостная теща.

Вы чувствуете себя Орестом, на которого набросились все фурии разом.

Когда вы наконец добираетесь до заставы, на сакраментальный вопрос чиновника: «Что везете?» — жена ваша отвечает:

— Много пыли и дурного настроения[562].

Она смеется, чиновник смеется, а вас охватывает острое желание опрокинуть свое семейство в Сену.

Себе на горе вы вспоминаете веселую и распутную девицу, с которой шесть лет назад проезжали в вашем тильбюри как раз через эту заставу; вы ехали отведать матросской ухи; девица была в прелестной розовой шляпке. Какое может быть сравнение! Госпожа Шонтц[563] совершенно не тревожилась ни о детях, ни о своей шляпке, которая совсем истрепалась в лесной чаще! Она вообще ни о чем не тревожилась, включая собственную репутацию, и неприятно поразила сельского сторожа чересчур откровенным танцем.

---

[562] Сноски: 562

Адольф с семейством путешествовал вне крепостной стены, окружавшей Париж с конца XVIII века до 1860 года; чтобы вернуться в Париж, им пришлось проехать через заставу, где с людей, ввозящих в столицу еду и питье, брали специальную ввозную пошлину; отсюда и вопрос чиновника.

[563] Сноски: 563

Аврелия Шонтц — персонаж семи произведений «Человеческой комедии», по определению, данному в романе «Провинциальная муза», «хорошенькая женщина, дорого берущая за прокат своей красоты».

Вы возвращаетесь домой, почти загнав нормандского коня; и конь, и жена вами недовольны.

Вечером у Каролины почти нет молока. Малышка, которую приложили к груди, кричит так, что у вас раскалывается голова, а виноваты в этом вы, ведь здоровье вашего коня вам дороже здоровья вашего сына, который чуть не умер от голода, и вашей дочери, которая лишилась ужина из-за того, что вы стали спорить с женой, хотя она была права — *как всегда*!

— В конце концов, — говорит она, — мужчинам не понять чувств матери.

Выходя из комнаты, вы слышите, как ваша теща утешает дочь ужасной фразой: «Успокойся, все они эгоисты; твой отец вел себя точно так же».

Постановление

В восемь часов вечера вы входите в спальню жены. Все светильники зажжены. Горничная и кухарка сбились с ног. Повсюду раскиданы отвергнутые платья, отброшенные цветы.

При сем присутствует парикмахер, настоящий мастер своего дела, верховный авторитет, ничтожный и всемогущий разом. Вы слышите, как

бегает туда-сюда остальная прислуга; приказы отдаются и отменяются, поручения выполняются верно и неверно. Беспорядок царит неимоверный. Спальня превращена в мастерскую, из которой должна выйти салонная Венера.

Жена ваша хочет быть самой красивой на балу, куда вы с ней приглашены. Для кого она старается: все еще для вас, только для самой себя или для третьего лица? Вопросы важные! Но вам не до них.

Вы уже облачились в облегающий, узкий, тесный бальный туалет; вы меряете комнату шагами, смотрите по сторонам и готовитесь к разговору о делах на нейтральной территории с биржевым маклером, нотариусом или банкиром, которых не хотите посещать в их конторе, чтобы не оставлять за ними преимущество.

Странная вещь, в которой каждый имел случай убедиться, но которая до сих пор остается необъяснимой: мужчины, совершенно одетые и готовые к выезду, испытывают удивительную неприязнь к разговорам и расспросам. Перед выходом из дома редкий муж не хранит молчание и не погружается очень глубоко в собственные мысли, характер которых зависит от его собственного характера. Тот же, кто молчание все-таки

прерывает, отвечает тоном отрывистым и не терпящим возражений.

Зато жены в этот момент делаются исключительно надоедливы, они просят у вас совета, желают узнать ваше мнение о том, как лучше спрятать стебель розы, пристроить веточку вереска, набросить шарф. Дело, однако, идет вовсе не об этих пустяках, а о них самих.

У англичан есть прелестное выражение: выуживать комплименты[564]; так вот, жены как и раз выуживают комплименты, а порой и кое-что получше.

Даже ребенок без труда разгадал бы, к чему клонятся все эти расспросы; но ваша жена вам так хорошо знакома, вы столько раз в шутку и всерьез расхваливали ее моральные и физические совершенства, что имеете жестокость отвечать ей коротко и честно; тем самым вы вынуждаете Каролину произнести роковую фразу, которая так трудно дается любой женщине, даже прожившей два десятка лет в браке:

— Кажется, я тебе не нравлюсь?

Возвращенный на землю этим вопросом, вы забрасываете жену похвалами, которые для вас

---

[564] Сноски: 564

To fish for compliments (*англ.*) — напрашиваться на комплименты.

все равно что бесполезная мелочь, затерявшаяся в кошельке.

— Твое платье восхитительно. — Я никогда не видел тебя так прекрасно одетой. — Голубой, розовый, желтый, пунцовый (выбирайте сами) тебе удивительно к лицу. — Какая оригинальная прическа! — На балу все будут от тебя в восторге. — Все увидят, что ты не только самая красивая, но и самая нарядная. — Все дамы умрут от зависти: ведь ни у кого нет такого вкуса, как у тебя. — Красота вещь врожденная; а вот вкусом, как и умом, можно гордиться…

— Неужели? Вы серьезно так думаете, Адольф?

Ваша жена с вами кокетничает. Она пользуется случаем, чтобы выведать ваше отношение к тем или иным ее подругам и невзначай сообщить вам, сколько стоят прекрасные вещи, которые вы похвалили. Чтобы вам понравиться, никаких денег не жалко. Она отсылает кухарку.

— Едем, — говорите вы.

Она отсылает парикмахера и горничную и принимается вертеться перед зеркалом, выставляя напоказ свои прелести.

— Едем, — говорите вы.

— Как вы торопитесь, — отвечает она.

И, жеманясь, красуется перед вами, точно зре-

лый плод, выставленный в витрине зеленной лавки.

Поскольку вы плотно пообедали, вы целуете ее в лоб, не чувствуя себя в силах скрепить свои мнения подписью. Каролина мрачнеет.

Карета подана. Весь дом смотрит на отъезд хозяйки; она — шедевр, к созданию которого приложил руку каждый, и все восхищаются общим творением.

Ваша жена уезжает, упоенная собой и недовольная вами. Она едет на бал, уверенная в своем триумфе; так драгоценное полотно, выношенное художником и отделанное в мастерской, отправляется на выставку в просторные залы Лувра.

Увы, на балу ваша жена обнаруживает полсотни женщин более красивых, чем она; все они изобрели наряды более или менее оригинальные и притом стоящие безумных денег, и тут с женским шедевром происходит примерно то же, что и с живописным шедевром в Лувре: платье вашей жены бледнеет на фоне другого, очень похожего, но *более яркого*. На Каролину никто не обращает внимания, она никому не интересна. Когда в одной гостиной собирается шесть десятков хорошеньких женщин, чувства путаются, никто уже не понимает, что такое красота. Ваша жена

превращается в нечто совершенно заурядное. Маленькие хитрости вроде ее лучезарной улыбки не производят никакого впечатления; ее затмевают великолепные женщины с высокомерным, дерзким взором. Каролина стушевалась, никто не приглашает ее на танец. Она пытается придать своему лицу довольное выражение, но поскольку она недовольна, окружающие говорят: «Госпожа Адольф сегодня очень плохо выглядит». Женщины с лицемерным сочувствием осведомляются у нее, не захворала ли она и почему не танцует. У них под слоем добродушия и благожелательства скрыто такое множество шпилек, от которого святой может потерять терпение, обезьяна — принять серьезный вид, а демон — закоченеть.

Между тем вы как ни в чем не бывало играете, расхаживаете по залу и не замечаете ни одного из тысячи уколов, которые обрушиваются на самолюбие вашей жены; вы подходите к ней и шепчете на ухо: «Что случилось?»

— Прикажите подать *мою* карету.

Слово «мою» означает, что ваш брак совершился вполне.

В течение двух первых лет жена говорила о «карете мужа», затем просто о «карете», о «*нашей* карете», и вот теперь настал черед «*моей* каре-

ты»[565].

Вам брошен вызов, от вас требуют реванша, вы обязаны отыграться.

Предположим, Адольф, что у вас достанет сил сказать «сию минуту» и скрыться в толпе, но распоряжения о карете не отдавать.

Если у вас есть друг, вы отправляете его танцевать с вашей женой, ибо вы уже вступили на путь поблажек, которые вас погубят: вы уже ощущаете, как полезно иметь друга.

Но в конце концов вы все-таки велите подать карету. Жена ваша усаживается в нее с глухой яростью, она забивается в угол, надвигает на лоб капюшон, кутается в шубку, скрещивает руки на груди, свертывается клубком, как кошка, и не произносит ни слова.

О мужья! помните, что в эту минуту вы еще можете все исправить, все воскресить: для этого потребно лишь одно — неистовая страсть влюбленных, которые весь вечер пожирали друг друга глазами! Да, в ваших силах сделать так, чтобы ваша жена вернулась домой торжествуя; у нее не осталось никого, кроме вас, а у вас остался только один шанс — взять ее прямо в карете. Но

---

[565] Сноски: 565

Ср. в «Физиологии брака» афоризм XIII «Минотаврических замет» (с. 429) и примеч. 440.

не тут-то было! Вы способны только повторить ваш глупый, бессмысленный, бесчувственный вопрос: «Что случилось?»

Аксиома

Муж всегда должен знать, что случилось с его женой, потому что она всегда знает, чего с ней не случилось.

— Случилось то, что мне холодно, — отвечает она.

— Вечер был великолепный.

— Полноте! совсем заурядный. Нынче завели моду приглашать весь Париж в какую-нибудь дыру. Дамы толпились даже на лестнице; для платьев это очень вредно, мое вконец испорчено.

— Зато было весело.

— Конечно, вам, мужчинам, лишь бы сесть за игорный стол. Женой вы интересуетесь, как прошлогодним снегом.

— Я тебя не узнаю; когда мы ехали на бал, ты была такая веселая, такая счастливая, такая нарядная!

— Ах! вы нас никогда не понимаете. Я вам говорила, что хочу уехать, а вы меня бросили, как будто мои слова совсем ничего не стоят. Вы, конечно, человек умный, но бывают минуты, когда

я, право, удивляюсь вашему поведению; не знаю, о чем вы думаете…

Дальше — больше; ссора разгорается. Когда, доехав до дома, вы подаете руку жене, вы обнаруживаете, что ехали рядом с ледышкой; она благодарит вас тем же тоном, каким говорила бы со слугой.

Вы не поняли вашу жену ни до бала, ни после; вы за ней не поспеваете, она не всходит, а взлетает по лестнице. Между вами все кончено.

Опала распространяется и на горничную; ей бросают лишь отрывистые *да* и *нет*, черствые, точно брюссельские сухари[566], а она глотает их и глядит с укором на вас.

— От хозяина ничего другого ждать не приходится, — ворчит она.

Вы один могли бы переменить расположение духа хозяйки. Хозяйка укладывается спать, ей необходим реванш; вы не поняли ее, теперь она не понимает вас.

Она занимает на своей половине постели позицию самую неприятную и самую враждебную; она закутана в ночную рубашку, в ночную кофту,

---

[566] Сноски: 566

Печенье из дрожжевого теста, которое, согласно «Парижскому королевскому пирожнику» Карема (1815), полагалось есть со сливочным маслом.

в ночной чепец так же надежно, как партия часов, которую отправляют в Индию. Она не желает вам ни спокойной, ни доброй ночи, не зовет вас ни другом, ни Адольфом; вы не существуете, вы просто куль с мукой.

Ваша Каролина, которая пять часов назад в этой самой комнате вертелась ужом, соблазняя вас своими прелестями, теперь недвижна, как свинец. Будь вы сам Тропик, оседлавший Экватор, вам не удастся растопить ледник этой крохотной Швейцарии, которая делает вид, что спит, и при необходимости обдаст вас холодом с ног до головы. Можете хоть сотню раз спрашивать у нее, что случилось, Швейцария ответит вам *постановлением*, точно правящий кантон или Лондонская конференция[567].

С ней ровно ничего не случилось, она устала и

---

[567] Сноски: 567

«Правящим» кантоном в Швейцарии становился один из шести (а с 1815-го по 1847 год — один из трех) старинных швейцарских кантонов; в течение года (а с 1815 года — в течение двух лет) именно в этом кантоне заседал Федеральный сейм, а глава правительства этого кантона делался председателем сейма. Лондонская конференция, в которой участвовали представители главных европейских держав, в очередной раз (не первый с осени 1830 года) собралась в столице Англии весной 1839 года и завершилась подписанием 19 апреля 1839 года договора об окончательном размежевании территорий Голландии и Бельгии; поскольку первый вариант комментируемой главы был напечатан 13 октября того же года, упоминание Лондонской конференции — не что иное, как отсылка к злободневной политической реальности.

хочет спать.

Чем сильнее вы будете настаивать, тем неприступнее будут ее бастионы и рогатки. Вы теряете терпение, а Каролина уже видит сны! Вы ворчите, и это губит вас окончательно.

Аксиома

Женщины всегда охотно показывают нам свою силу, но о слабостях предоставляют догадываться самостоятельно.

Возможно, Каролина соблаговолит известить вас о том, что ей нездоровится; однако когда вы заснете, она от души посмеется над вами и осыплет проклятиями ваше недвижное тело.

Женская логика

Вы полагаете, что женились на существе разумном; это, друг мой, непростительное заблуждение.

Аксиома

Существа чувствительные не являются существами разумными.

Чувство не причина для рассуждений, разум

не причина для наслаждения, а наслаждение, разумеется, вообще не причина.

«Ох, сударь!»

Скажите, лучше: «Ах!»[568] Да, именно *ах*! Вы будете испускать этот *ах* из глубины вашей грудной клетки, в ярости уходя из дома или в недоумении возвращаясь в свой кабинет.

Как? почему? Кто вас победил, убил, поразил? Логика вашей жены, которая не похожа ни на логику Аристотеля,

Ни на логику Рамуса,

Ни на логику Канта,

Ни на логику Кондильяка,

Ни на логику Робеспьера,

Ни на логику Наполеона,

Но которая, однако же, кое-что заимствовала у всех этих логик и которую следует назвать логикой всех женщин, английских и итальянских, нормандских и бретонских (эти вообще

---

[568] Сноски: 568

Возможно, намек на остроту Талейрана, запечатленную в выпущенном Анри де Латушем, литературным наставником молодого Бальзака, сборнике «Потерянный альбом» (1829): дело происходит еще до Революции; увидев в свете некую даму, известную своими любовными похождениями, Талейран восклицает: «Ох, ох!» Дама интересуется, почему он при виде ее сказал «ох, ох!», на что Талейран отвечает: «Что вы, что вы! я сказал ах, ах!» (L'album perdu. Paris, 1829. P. 24). О других остротах, приписываемых Талейрану, и вообще о месте этой фигуры в «Человеческой комедии» см.: *Butler R.* Balzac et Talleyrand // *AB* 1985. Nouvelle série. № 6. Paris, 1985. P. 119–136.

непобедимы!), парижских и даже лунных, если, конечно, можно отыскать женщин на этом ночном светиле, которое земные женщины знают как свои пять пальцев, они ведь сущие ангелы!

Спор завязался после завтрака. Споры между супругами не могут происходить ни в какое другое время.

Мужчина, что ни говори, не может спорить с женой в постели: здесь у нее слишком много преимуществ и она слишком легко может заставить его замолчать.

Если вы молоды, то, покинув супружеское ложе, которое делили с хорошенькой женщиной, ощущаете голод. Завтрак — трапеза весьма веселая, а тот, кто веселится, к рассуждениям не склонен. Посему вы переходите к деловым разговорам только после чая или кофе со сливками.

Например, вы решили отдать сына в коллеж.

Все отцы лицемеры и ни за что не желают признать, что их родная кровь сильно досаждает им, когда бегает по дому на двух резвых ножках, хватает все, что плохо лежит, жадными ручонками и скачет повсюду, как саранча.

Ваш ребенок лает, мяукает и хрюкает; он бьет посуду, ломает стулья и пачкает кресла, а ведь все это стоит денег; он превращает любой пред-

мет в саблю, сбрасывает со стола ваши бумаги и делает птичек из газеты, которую вы не успели прочесть.

Мать говорит ему про все вещи, принадлежащие вам: «Это тебе!», а про все, принадлежащие ей: «Это тебе еще рано!»

Плутовка подсовывает ему ваше добро, чтобы уберечь свое. Эта дурная мать, желая выглядеть хорошей, прикрывается ребенком, и ребенок делается ее сообщником. Оба заключают союз против вас, словно Робер Макер и Бертран против акционера[569]. Ребенок — топор, служащий для того, чтобы разорять ваш дом.

Ребенок тайком или открыто врывается в вашу гардеробную; мародер возвращается оттуда, обвешанный вашими грязными подштанниками, он выставляет на свет божий предметы туалета, обреченные позорной казни. Он приносит приятельнице, дружбой с которой вы дорожите, элегантной госпоже де Фиштаминель, пояс, утягивающий живот, палочки для нафабривания усов, старые жилеты, полинявшие под мышками,

---

[569] Сноски: 569

В пьесе Сент-Амана, Бенжамена Антье и Фредерика Леметра «Робер Макер» (1834) заглавный герой, жулик и вор, вместе со своим подручным Бертраном основывает акционерное общество, страхующее от воров и грабителей, и ловко обирает акционеров, постоянно суля им большие дивиденды, но ничего не платя.

и носки с почерневшими пятками и пожелтевшими краями. Как доказать, что эти разводы оставляет кожа?

Жена ваша хохочет, глядя на вашу приятельницу, а вы не смеете злиться и тоже смеетесь, но каким смехом? — об этом знают только ваши товарищи по несчастью.

Вдобавок из-за этого мальчишки вы каждый раз покрываетесь холодным потом, когда не обнаруживаете на месте свои бритвенные лезвия. Если вы сердитесь, юный негодяй улыбается вам во весь рот, показывая два ряда жемчужных зубов; если вы его браните, он плачет. Тут прибегает мать. И какая мать! Мать, которая возненавидит вас, если вы не уступите. С женщинами среднего не дано: либо вы чудовище, либо лучший из отцов.

Бывают минуты, когда вы понимаете Ирода и его знаменитый приказ относительно избиения младенцев — приказ, который превзошли только ордонансы доброго короля Карла X[570].

---

[570] Сноски: 570

Ордонансы, подписанные министрами короля Карла X и им самим, отнимали у французов некоторые свободы, дарованные Конституционной хартией 1814 года, и послужили поводом для Июльской революции; сопоставление их с избиением младенцев носит, конечно, иронический характер. Так, по мысли Бальзака, оценивали ордонансы либералы, чьи убеждения он после 1830 года не разделял (ср. примеч. 490).

Ваша жена водворилась на софу, вы расхаживаете по комнате, останавливаетесь и делаете следующее категорическое заявление:

— Итак, Каролина, решено: мы отправляем Шарля в пансион.

— Мы не можем отправить Шарля в пансион, — отвечает она тихо и кротко.

— Шарлю шесть лет, в шесть лет мужчине пора получать образование.

— Во-первых, не в шесть, а в семь, — возражает она. — Принцам меняют воспитательницу на воспитателя только в семь лет; отчего же обычным детям не следовать тем законам, каким подчиняются дети принцев? Ты полагаешь, что твой сын более развит, чем королевские дети? Римский король…

— Римский король нам не указ.

— Разве Римский король не сын императора?.. (Она уводит разговор в сторону.) Хорошенькое дело! Ты что же, собираешься обвинять императрицу? Роды принимал доктор Дюбуа[571] в присутствии…

---

[571] Сноски: 571

Барон Антуан Дюбуа (1756–1837) — врач, в самом деле принимавший роды у императрицы Марии-Луизы, которая в 1811 году родила Наполеону наследника, получившего при рождении титул Римского короля.

— Я совсем не хотел сказать…

— Ты всегда меня перебиваешь, Адольф.

— Я хотел сказать (тут вы начинаете повышать голос), что Римский король, который покинул Францию в четыре года, нам не указ.

— И тем не менее к герцогу Бордоскому приставили воспитателя, господина герцога де Ривьера, только когда ему исполнилось семь[572]. (Образец женской логики.)

— Герцог Бордоский — другое дело…

— Значит, ты согласен, что ребенка нельзя отправить в коллеж, если ему еще нет семи? — торжествующе восклицает она. (Еще один образец женской логики.)

— Я этого вовсе не говорил, милая. Между публичным и домашним воспитанием — огромная разница.

— Именно поэтому я пока и не хочу отправлять Шарля в коллеж, ему нужно окрепнуть, набраться сил.

— Для своего возраста Шарль достаточно силен.

---

[572] Сноски: 572

Герцог Бордоский — тот самый «посмертный ребенок», который родился в сентябре 1820 года (см. примеч. 490). Шарль-Франсуа де Риффардо, герцог де Ривьер (1765–1828) был назначен воспитателем наследника престола в 1826 году, когда тому было шесть лет.

— Шарль?.. Вот что такое мужчины! Шарль совсем слабенький, весь в вас. (В ход пускается *вы*.) Если вы хотите избавиться от сына, то, конечно, лучший способ — отправить его в коллеж… Впрочем, я уже давно замечаю, что этот ребенок вам в тягость.

— Вот новость! Теперь выясняется, что мой сын мне в тягость; как ты можешь такое говорить! Мы ответственны за наших детей перед ними самими! Шарлю пора начать учиться; дома он приобретает самые скверные привычки; никого не слушается, считает себя хозяином, ни в чем не знает удержу. Ему нужно иметь дело с равными, иначе характер у него окончательно испортится.

— Спасибо; выходит, я плохо воспитываю своего сына?

— Я этого не говорил; впрочем, вы всегда найдете тысячу причин, чтобы оставить его при себе.

Тут *вы* начинает звучать с обеих сторон, и спор продолжается на повышенных тонах.

Ваша жена рада уязвить вас, обращаясь к вам на «вы», но оскорбляется, если вы поступаете так же.

— Наконец-то вы сказали правду! Вы хотите разлучить меня с сыном, вам кажется, что он стоит между нами, вы ревнуете меня к собственному

сыну, вы хотите без помех измываться надо мной, а сын вам мешает, и вы приносите его в жертву! Но я не так глупа, чтобы этого не понять.

— Вы делаете из меня Авраама с ножом в руке! Можно подумать, что коллежей на свете вообще не существует. Или что все они стоят пустые, никто не отправляет туда сыновей.

— Вдобавок вы желаете выставить меня на посмешище, — возражает она. — Я прекрасно знаю, что такое коллежи, но в шесть лет детей туда не отправляют, и Шарлю там делать нечего.

— Милая моя, не надо так горячиться.

— Как будто я когда-нибудь горячусь! Я женщина, я умею страдать.

— Давай поговорим серьезно.

— Да, довольно уже говорить вздор.

— Шарлю давно пора начать учиться читать и писать; позже ему будет труднее это сделать, и это его отвратит от учебы.

Вы продолжаете говорить десять минут без помех и под конец произносите: «Итак?», мысленно ставя на конце как можно более изогнутый вопросительный знак.

— Итак, — отвечает она, — Шарля еще рано отправлять в коллеж.

Откуда ушли, туда и пришли.

— Но, дорогая моя, ведь господин Дешар отправил своего Жюля в коллеж, когда тому исполнилось шесть. Зайди в любой коллеж, и увидишь там множество шестилетних детей.

Вы говорите еще десять минут без всяких помех и наконец пускаете в ход очередное: «Итак?»

— Маленький Дешар вернулся оттуда с цыпками на руках.

— А Шарль и дома ходит с цыпками.

— Никогда в жизни, — отвечает она с гордым видом.

На четверть часа обсуждение главного вопроса прерывается обсуждением второстепенного: «Были у Шарля цыпки или нет?»

Вы ни в чем не можете прийти к согласию, вы больше не верите друг другу, вам приходится призывать на помощь третьих лиц.

Аксиома

У всякой супружеской четы имеется свой собственный кассационный суд, который никогда не вникает в содержание и выносит решения, исходя исключительно из формы.

Призывают няньку, она является и берет сторону вашей жены.

Финальный вердикт гласит, что цыпок у Шарля

не было.

Каролина смотрит на вас с торжествующим видом и произносит следующие изумительные слова: «Ты сам видишь, что Шарля невозможно отправить в коллеж».

Вы выходите из комнаты, задыхаясь от злости. Вы не видите никакой возможности доказать этой женщине, что нет ни малейшей связи между предложением отправить ребенка в коллеж и наличием или отсутствием у него цыпок на руках.

Вечером, после обеда, вы слышите, как это ужасное создание в присутствии двух десятков гостей заканчивает долгую беседу с другой дамой словами: «Он хотел отправить Шарля в коллеж, но сам понял, что надо подождать».

Некоторые мужья в подобных случая устраивают скандал при посторонних и через полтора месяца подвергаются минотавризации; впрочем, тут есть своя выгода: очень скоро выясняется, что Шарль слишком много болтает, и его отправляют в коллеж. Другие, чтобы не задохнуться от гнева, бьют посуду. Умные люди не говорят ничего и ждут.

Женская логика дает себя знать сходным образом по самым мелким поводам, когда речь заходит о прогулке, перестановке мебели или

переезде на новую квартиру.

Логика эта отличается замечательной простотой и заключается в том, чтобы всегда настаивать на одной-единственной идее, одном-единственном желании — своем собственном. Как и все связанное с женской натурой, система эта сводится к незамысловатой алгебраической формуле: Да — Нет.

Иногда, впрочем, женщина просто качает головой.

Женское иезуитство

Самый иезуитский из иезуитов все равно в тысячу раз меньший иезуит, чем наименее иезуитская из женщин; судите же, до какой степени женщины — иезуиты! Они такие иезуиты, что даже самый хитрый иезуит не догадается, насколько иезуитски ведут себя женщины, ибо иезуитски можно себя вести тысячами разных способов, а женщина делает это так ловко, что ухитряется действовать по-иезуитски, но при этом вовсе не иметь иезуитского вида. Иезуиту можно доказать — редко, но можно, — что он иезуит, но попробуйте доказать женщине, что она действует или говорит как иезуит! Она скорее

отдаст голову на отсечение, чем признается, что она иезуит.

Она иезуит?! Она, сама открытость, сама деликатность! Она иезуит?! Кстати, что, собственно, такое: быть иезуитом? Известно ли ей, кто такие иезуиты? Кто такие иезуиты? Она их в глаза не видела. «Вы сами иезуит!..» — и она доказывает вам это, по-иезуитски объясняя, что вы и есть хитрый иезуит[573].

Вот один из тысячи примеров женского иезуитства, причем пример этот представляет собой ужаснейшую и, быть может, даже величайшую из мелких неприятностей супружеской жизни.

Покоряясь желанию, тысячу раз высказанному и тысячу раз повторенному Каролиной, которая сетовала, что вынуждена ходить пешком;

Или что не может так часто, как ей того хочется,

---

[573] Сноски: 573

Орден иезуитов был официально запрещен во Франции в 1773 году; иезуиты опять появились во Франции после 1814 года. Правда, легального статуса они не получили, а число их было весьма незначительным (к 1844 году оно достигло семи сотен человек на всю страну). Тем не менее в стране распространилась настоящая «иезуитофобия»: иезуитам приписывали все тайные и явные политические грехи, им посвящали массу гневных и издевательских брошюр (см. подробнее: *Леруа М.* Миф о иезуитах от Беранже до Мишле. М., 2001). Что же касается репутации лицемеров и обманщиков, то она закрепилась за иезуитами еще в XVII веке, в частности, с легкой руки Паскаля, автора «Писем к провинциалу» (1656–1657). Все эти антииезуитские выходки Бальзак иронически обыгрывает в комментируемом пассаже.

покупать себе новую шляпку, зонтик, платье или любой другой предмет туалета;

Что не может нарядить сына матросом, уланом, артиллеристом Национальной гвардии, шотландцем с голыми ногами, но зато в берете с пером;

Не может одеть его в жакет — в редингот — в бархатную блузу — в сапоги — в панталоны;

Не может купить ему самые хорошие игрушки — механических мышек — кукольные домики и пр.;

Не может отдать визит госпоже Дешар и госпоже де Фиштаминель, ответить им приглашением на бал — на вечер — на обед;

Не может нанять ложу в театре, чтобы не занимать не подобающие порядочной женщине места на галерее, между соседей чересчур любвеобильных или недостаточно учтивых;

Не может после окончания спектакля уехать домой в собственном экипаже и вынуждена возвращаться в фиакре;

По каковому поводу она говорит вам следующее:

«Ты полагаешь, что экономишь, но ты ошибаешься; все мужчины одинаковы! Я порчу башмаки, порчу шляпку, шаль мокнет, юбка мнется,

шелковые чулки пачкаются. Ты экономишь на экипаже 20 франков, да нет, даже меньше, ведь 4 франка ты все равно тратишь на фиакр, значит, экономишь всего 16, а на наряды тебе придется потратить целых 50 франков; вдобавок твое самолюбие страдает, если я выезжаю в выцветшей шляпке, но ты ведь не спрашиваешь, отчего она выцвела, а я тебе скажу: все из-за проклятых фиакров. Я уж не говорю о том, как неприятно идти пешком и быть зажатой в толпе между мужчинами, тебя это, кажется, совершенно не волнует»;

Не может купить пианино и вынуждена его нанимать;

Не может одеваться по последней моде. (Конечно, есть женщины, которые покупают все самое модное, но за какие деньги?.. Она скорее выбросится из окна, чем последует их примеру, ведь она вас любит, говорит она плаксиво. Она просто не понимает этих женщин.);

Не может кататься по Елисейским Полям, нежась в собственном экипаже, как госпожа де Фиштаминель. (Вот кто умеет жить! Вот у кого муж чистое золото, вышколенный, послушный, а как доволен жизнью! Жена за него в огонь и в воду!..)

И вот наконец, наскучив всеми этими разго-

ворами, сраженный тысячью семейных сцен, сраженный в высшей степени логичными рассуждениями (по сравнению с женщинами покойный Трипье, покойный Мерлен[574] — сущие младенцы, предшествующие неприятности не однажды вам это доказали), сраженный самыми нежными ласками, сраженный слезами, сраженный вашими собственными речами — ибо в подобных обстоятельствах женщина умеет затаиться, как ягуар среди листвы; она делает вид, что вас не слушает, не обращает на вас внимания, но стоит вам проронить слово, сделать жест, высказать желание, произнести фразу, как она их подхватывает, переиначивает, она сотню раз их вам припоминает… — сраженный прелестными ужимками: «Если ты сделаешь

[574] Сноски: 574

Бальзак упоминает двух опытных юристов: адвоката Никола-Жана-Батиста Трипье (1765–1840) и юрисконсульта, многолетнего (1801–1814) генерального прокурора кассационного суда графа Филиппа-Антуана Мерлена (1754–1838; этого Мерлена называли, по месту, от которого он в 1789 году был избран депутатом Генеральных Штатов, Мерленом из Дуэ, чтобы отличать его от другого политического деятеля времен Революции, Мерлена из Тионвиля). По всей вероятности, именно эти два имени выбраны потому, что оба крючкотвора недавно скончались. Поскольку фамилия Мерлена пишется по-французски так же, как имя волшебника из британских средневековых легенд Мерлина (Merlin), Е. Г. Бекетова сделала к своему переводу примечание: «Мерлин — чародей, действующее лицо многих рыцарских романов», однако Бальзак бесспорно имел в виду менее экзотического покойника.

это, я сделаю то», — ибо женщины в подобных случаях торгуются лучше, чем евреи, чем греки (из тех, кто продает духи и девочек), арабы (из тех, кто продает мальчиков и лошадей), лучше, чем швейцарцы, женевцы, банкиры и проч. и, что самое страшное, лучше, чем генуэзцы[575]! –

Одним словом, сраженный всем этим наповал, вы решаетесь вложить часть вашего капитала в некое предприятие.

Однажды под вечер, когда вы сидите рядышком, или поутру, когда Каролина, розовая в белоснежных кружевах, улыбается, еще не совсем проснувшись, вы говорите ей: «Ты хотела того! Ты хотела этого! Ты мне сказала то! Ты мне сказала это!..»

Одним словом, вы в мгновение ока перечисляете все фантазии, которыми она столько раз надрывала вам сердце, ибо нет ничего ужаснее, чем невозможность исполнить желание любимой женщины! — и под конец произносите:

«Так вот, друг мой! Мне представился случай превратить сто тысяч франков в пятьсот тысяч, и

---

[575] Сноски: 575

Упоминание в этом контексте генуэзцев объясняется фактом биографии Бальзака: в 1838 году он, мечтая разбогатеть, намеревался вложить деньги в разработку сардинских серебряных рудников, но его опередила некая генуэзская компания.

я решил вложить деньги в дело».

Она просыпается окончательно, садится в постели и целует вас… и еще как целует!

«Ты душка!» — говорит она сначала.

Не станем повторять то, что она говорит потом: это нечто неприличное, неизъяснимое и довольно невнятное.

«А теперь, — говорит она наконец, — растолкуй мне, что это за дело!»

И вы пытаетесь растолковать, что это за дело.

Поначалу женщины не понимают никакого дела; они не хотят показывать, что способны что-то понять; однако потом они прекрасно все понимают; где, когда, как? — в свое время — при необходимости — при желании. Ваша возлюбленная супруга, ваша Каролина говорит, что вы напрасно приняли так близко к сердцу ее желания, ее стенания, ее мечтания о новых нарядах. Ее пугает ваше дело, ее страшат управляющие, акции, а главное, она тревожится за судьбу оборотного капитала: ведь неясно, каковы будут дивиденды…

Аксиома

Женщины очень не любят делиться.

Говоря короче, Каролина боится, как бы вы

не попали в ловушку, но ее приводит в восторг перспектива иметь свой экипаж и свою ложу, постоянно покупать обновы сыну и проч. На словах она советует вам не ввязываться в это дело, но в глубине души страстно желает, чтобы вы вложили в него деньги.

Период первый

«Ах, милая, я самая счастливая женщина в мире; Адольф вложил деньги в великолепное дело. — У меня будет экипаж — и получше, чем у госпожи де Фиштаминель; ее экипаж давно вышел из моды; а у моего будут занавесочки с бахромой… — У нее лошади рыжие, какие встречаются на каждом шагу, а у меня будут серые.

— И что же, сударыня, это за дело?

— О, дело самое выгодное, акции непременно вырастут; Адольф мне все объяснил, прежде чем ввязаться, ведь Адольф такой человек! — он ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной…

— Вам очень повезло.

— Супружеская жизнь была бы невыносима без абсолютного доверия; Адольф ничего от меня не скрывает.

Вы или ты, Адольф, — лучший муж в Париже,

прелесть, гений, душка, ангел. Вас нежат и лелеют так, что вам становится неловко. Вы благословляете брак. Каролина превозносит мужчин — они настоящие цари вселенной! — женщины сотворены ради них — мужчина великодушен — брак есть прекраснейшее из установлений.

Три месяца, полгода Каролина исполняет самые блистательные вариации на одну пленительную тему: «Я буду богата! — Я буду тратить тысячу франков в месяц на туалеты. — У меня будет экипаж!..»

Больше никаких споров о сыне — вопрос лишь в том, в какой коллеж его отдать.

Период второй

«Ну что, друг мой, как там наше дело?»

«Как поживает наше дело?»

«Что слышно насчет нашего дела? Мы ведь собирались покупать экипаж...»

«Пора бы уже твоему делу чем-нибудь закончиться!..»

«Когда же закончится твое дело?»

«Что-то это дело совсем не движется!»

«Это дело когда-нибудь закончится?»

«А что акции, растут?»

«Только ты ухитряешься находить дела, кото-

рые ничем не кончаются».

Наконец наступает день, когда она спрашивает: «А было ли дело?»

Если через восемь или десять месяцев вы заговариваете о деле, она отвечает:

«Ах да, дело!.. Да было ли оно?»

Эта женщина, которую вы считали глупой, обнаруживает поразительно острый ум, если нужно посмеяться над вами.

В течение этого периода Каролина хранит зловещее молчание, когда речь заходит о вас.

Зато она дурно отзывается о мужчинах в целом: «Мужчины не то, чем кажутся: цену им узнаешь только со временем. — В браке есть хорошие и плохие стороны. — Мужчины ничего не могут довести до конца».

Период третий

Катастрофа

Великолепное предприятие, которое должно было в пять раз увеличить ваш капитал, предприятие, в которое вложили деньги люди самые недоверчивые и самые образованные, пэры, депутаты и банкиры — все без исключения кавалеры ордена Почетного легиона, — это предприятие

близится к ликвидации[576]! В лучшем случае акционеры получат по десять процентов от вложенной суммы. Вы мрачны.

Каролина уже не раз спрашивала у вас: «Адольф, что с тобой? — Адольф, что у тебя стряслось?»

В конце концов вы посвящаете Каролину в роковую тайну; поначалу она вас утешает.

«Мы потеряли сто тысяч франков! Теперь нужно будет экономить на всем», — говорите вы очень неосторожно.

При упоминании об экономии иезуитство женщины расцветает самым пышным цветом. Слово «экономить» разжигает большой пожар.

«Так вот, значит, что такое вкладывать деньги в дело! — *Ты ведь такой осторожный*, как же ты мог рискнуть сотней тысяч франков? — Не забывай, я была против этого дела! *Но* ТЫ МЕНЯ НЕ ПОСЛУШАЛСЯ!..»

После этих слов разговор продолжается на повышенных тонах.

Вы ни на что не годны — вы бездарны — в жизни разбираются только женщины. — Вы рис-

---

[576] Сноски: 576

Ликвидация отличалась от банкротства тем, что при ней коммерсанты полюбовно ликвидировали дело: «кредиторы берут то, что им соблаговолят предложить, и выдают расписки» («История величия и падения Цезаря Бирото» // *Бальзак/15*. Т. 8. С. 257; пер. Р. А. Гурович).

ковали оставить детей без куска хлеба — а она вас отговаривала. — Вы не можете сказать, что пустились в эту аферу ради нее. Ей, благодарение богу, не в чем себя упрекнуть.

Сто раз на дню она припоминает вам вашу катастрофу:

— Если бы мой супруг умел вкладывать деньги, я могла бы купить себе то — и это.

— В другой раз, если захочешь куда-то вложить деньги, сначала спроси у меня!

Решено и подписано: Адольф потерял сто тысяч франков из-за собственного легкомыслия, взял и выбросил их на ветер, как дурак, не посоветовавшись с женой.

Каролина отговаривает подруг от замужества. Она жалуется на бездарность мужей, проматывающих состояние своих жен. Каролина мстительна! Она глупа, она несносна!

Пожалейте Адольфа! О мужья, восплачьте о себе! А вы, о холостяки, возрадуйтесь!

Воспоминания и сожаления

Вы женаты уже несколько лет, и чувства ваши так сильно притупились, что по вечерам Каролина порой пытается вас расшевелить острыми

словечками. Вы преисполнены такого спокойствия и такой безмятежности, каких законные жены терпеть не в силах. Женщинам подобное поведение кажется наглым; они принимают беспечность счастливца за самодовольство фата, ибо даже мысли не допускают о том, что кто-то может пренебречь их бесценными достоинствами: они восхваляют свою непорочность, однако негодуют, если их ловят на слове.

Подобная участь ожидает всех супругов, и они должны быть к ней готовы; оказавшись в этом положении, ни один муж не осмеливается сказать, что паштет из угря ему приелся[577]; и тем не менее для разжигания аппетита ему требуются приправы в виде изящных нарядов, разлуки, подозрений и ревности.

Если в эту пору вы отправляетесь на прогулку, то, взяв жену под руку, не прижимаете ее руку к своему боку с пугливой жадностью скупца, завладевшего сокровищем. Вы смотрите по сторонам, разглядываете достопримечательности буль-

[577] Сноски: 577

Намек на стихотворную новеллу Лафонтена «Паштет из угря»; в ней слуга удивляется тому, что хозяин положил глаз на его жену, тогда как его собственная жена куда красивее; вместо ответа хозяин несколько дней подряд кормит слугу изысканным кушаньем — паштетом из угря, и в результате лакей убеждается, что самое превосходное блюдо может приесться.

варов, а жену ведете рассеянно, кое-как, точно тянете за собой тяжелую нормандскую баржу. Так вот, признайтесь откровенно, друзья мои! если позади вашей жены обнаружится поклонник, который нечаянно или намеренно ее прижмет, вы же не станете выяснять, какие соображения им двигали; вдобавок ни одна женщина не обрадуется ссоре из-за такого пустяка. А ведь подобный пустяк, признайтесь и в этом, в высшей степени лестен для обеих сторон.

Вы дошли до этой точки, но еще не продвинулись далее. Тем не менее в глубине вашего сердца и вашего ума зреет ужасная мысль: Каролина не оправдала ваших ожиданий.

У Каролины есть недостатки, которые во время медового месяца были скрыты приливом, а когда медовый месяц кончился, начался отлив и все изъяны выступили наружу. Вы не раз натыкались на эти подводные камни, ваши надежды не раз об них разбивались, корабль ваших юношеских мечтаний (как давно это было!) растерял по их вине весь свой фантастически богатый груз: самые лучшие товары погибли, а балласт в виде супружеских уз остался. Одним словом, размышляя о своем браке, вы смотрите на Каролину и говорите самому себе то, что обычно говорится в

таких случаях: «Нет, это не то, что я думал».

Однажды вечером на балу, в свете, в доме друга, не важно где, вы встречаете восхитительную юную деву, красивую, умную и добрую; а душа — душа небесная! и красота — дивная! Точеный овал лица, черты, над которыми время долго еще не будет властно, вид грациозный и мечтательный. Незнакомка богата, образованна, родовита; она повсюду будет вести себя подобающим образом, где нужно — блистать, где нужно — уходить в тень; одним словом, она являет собой, во всей славе и мощи, предмет ваших мечтаний, женщину, которую вы могли бы полюбить на всю жизнь: она всегда будет льстить вашему тщеславию, будет понимать и блюсти ваши интересы. Вдобавок ко всему эта юная дева нежна и весела; она пробуждает в вас самые благородные страсти! разжигает угасшие желания!

Вы смотрите на Каролину, объятый мрачным отчаянием, и вот какие мысли бьются, точно крылатые летучие мыши, остроклювые грифы или ночные бабочки, о стены дворца, где, подобно золотой лампе, горит ваш ум, распаленный Желанием.

Первая строфа

Ах, зачем я женился? Это была роковая идея! Я соблазнился какими-то жалкими деньгами. И что же теперь? Все кончено, у меня может быть всего одна жена. Какие же умные люди — турки! Автор Корана недаром жил в пустыне!

Вторая строфа

Моя жена нездорова, по утрам она иногда кашляет. Господи, если Каролине на роду написано умереть, призови ее к себе поскорее ради нее и ради меня. Этот ангел отжил свое.

Третья строфа

Какое же я чудовище! Ведь Каролина — мать моих детей.

Ваша жена едет с вами в экипаже и кажется вам отвратительной; она с вами заговаривает, вы отвечаете односложно. Она спрашивает: «Да что с тобой?» Вы отвечаете: «Ничего».

Она кашляет, вы настаиваете, чтобы она завтра же позвала врача. Медицина иногда творит чудеса.

Четвертая строфа

Я слышал, что один врач, которому наследники заплатили очень мало, неосторожно воскликнул: «Они поскупились заплатить мне тысячу экю, а ведь я заработал для них сорок тысяч годового дохода». Нет уж, я-то денег для врача не пожалею.

«Каролина, — произносите вы вслух, — подумай о своем здоровье, закутайся в шаль, береги себя, мой ангел».

Ваша жена в восторге; видно, что вы проявляете к ней нешуточное внимание.

Она раздевается, а вы следите за ней, лежа на кушетке.

Когда с нее ниспадает платье, вам является дивное видение и перед вами открываются ворота из слоновой кости, ведущие в воздушный замок. О чудный миг! Вы видите пленительную юную деву!.. Она бела, как парус галеона, входящего в гавань Кадиса и полного сокровищ, которые завораживают алчного негоцианта.

Жена ваша, гордая тем, что удостоилась вашего восхищения, по-своему объясняет вашу предыдущую неразговорчивость. А вы, закрыв глаза, любуетесь пленительной юной девой! Она занимает ваши мысли все без остатка, и тогда

начинает звучать

Пятая и последняя строфа

Божественная! дивная! Есть ли другая такая на свете!

Ночная роза!

Башня из слоновой кости!

Небесная краса!

Звезда вечерняя и утренняя!

У каждого свои молитвы; вы вознесли целых четыре.

Назавтра ваша жена выглядит великолепно, она больше не кашляет, доктор ей не нужен; она того и гляди лопнет от избытка здоровья. Вы четыре раза прокляли ее во имя юной девы, а она четыре раза вас благословила.

Каролина не подозревает, что на дне вашего сердца билась маленькая золотая рыбка из породы крокодилов, та, которая содержится внутри супружеской любви, как обычная рыбка — в стеклянном сосуде, только без ракушек.

Еще несколько дней назад ваша жена отзывалась о вас в разговоре с госпожой де Фиштаминель весьма кисло; теперь, когда ваша добрая приятельница приходит ее навестить, Каролина устремляет на вас предательские взгляды, долгие

и влажные; она расхваливает вас, она счастлива.

Вы уходите из дома в ярости, вы мечете громы и молнии и рады встретить на бульваре друга, которому можно излить душу.

«Друг мой, не женись ни в коем случае! Лучше увидеть на смертном одре, как наследники растаскивают твое имущество, лучше два часа мучиться от жажды под похоронные речи сиделки вроде той, какую изобразил Анри Монье в безжалостном рассказе о последних минутах холостяка![578] Не женись ни за что на свете!»

К счастью, восхитительная юная дева больше не попадается вам на глаза! Вы спасены от тех адских мук, которыми вам грозили преступные мысли, и вновь попадаете в чистилище семейного счастья; но вы начинаете приглядываться к госпоже де Фиштаминель, которую безответно обожали еще в пору своей холостяцкой жизни.

---

[578] Сноски: 578

Имеется в виду очерк Анри Монье «Сиделка», опубликованный во втором томе его «Народных сцен, нарисованных пером» (1835); в очерке сиделка, призванная к умирающему, не только не облегчает ему последние минуты, но, напротив, обращается с ним грубо и бесчеловечно.

Наблюдение

Добравшись до этой широты или долготы супружеского океана, вы становитесь жертвой легкого хронического недуга, повторяющегося периодически и имеющего немало сходства с зубной болью… Тут, предвижу, вы меня перебьете, чтобы спросить: «А как понять, что брак достиг этой широты или долготы? Как мужу определить, что он добрался до этого места в океане, и может ли он миновать эти рифы?»

Оказаться там, поверьте, можно как на десятом месяце брака, так и на десятом году: все зависит от ходкости корабля, от его оснастки, от муссонов, от силы течений, а главное, от состава экипажа. Но у тех, кто плывет по брачному морю, есть огромное преимущество перед обычными мореплавателями: вторые знают всего один способ определять свое местонахождение, у первых же таких способов множество.

Примеры

Каролина, в прошлом ваша козочка, ваше сокровище, а ныне просто-напросто ваша жена,

чересчур тяжело виснет у вас на руке во время прогулки по Бульвару[579] или же полагает куда более приличным вовсе не идти с вами под руку;

Или, например, она засматривается на мужчин более или менее юных, более или менее модно одетых, тогда как прежде не замечала никого, даже когда на Бульваре было черным-черном от шляп, а число сапог превышало число башмачков;

Или, например, вы возвращаетесь домой, а она говорит: «Пустяки, это всего-навсего муж!», тогда как прежде восклицала: «Ах, это Адольф!» — и при этом так выпевала эту фразу, так всплескивала руками, так смотрела на вас, что окружающие думали с восхищением: «Ну, эта, по крайней мере, счастлива!» (Восклицание «Ах, это Адольф!» может звучать в устах женщины искренне, а может и фальшиво: поначалу она в самом деле радуется, а затем начинает лицемерить; если же она говорит: «Пустяки, это всего-навсего муж!», значит, она просто не видит необходимости ломать комедию.)

---

[579] Сноски: 579

Бульваром с прописной буквы парижане в первой половине XIX века называли самые оживленные и элегантные из «северных» бульваров (см. примеч. 213) — бульвары Капуцинок, Итальянцев и Монмартрский, излюбленное место прогулок модных парижан.

Или, например, вы возвращаетесь домой поздно (в одиннадцать вечера или в полночь), а она… храпит!! Ужасный симптом!

Или, например, она надевает чулки у вас на глазах… (Английская леди поступает так один-единственный раз в жизни; назавтра она уезжает на континент с каким-нибудь *шкипером* и чулок уже не надевает вовсе.)

Или, например… но довольно.

Все это к сведению мореплавателей обычных и брачных, умеющих справляться с *астрономическими таблицами*[580].

Брачный слепень

Так вот, в этих широтах поблизости от того тропика, имя которого хороший вкус не позволяет нам назвать, ибо эта вульгарная шутка недостойна нашего ученого труда[581], дает себя знать

---

[580] Сноски: 580

В «Физиологии брака» «брачным астрономическим таблицам» посвящено Размышление XXVII «О последних симптомах». Обычные астрономические таблицы выходили во Франции ежегодно начиная с 1679 года и содержали сведения о восходе и закате Луны, Солнца и планет.

[581] Сноски: 581

Имеется в виду тропик Козерога; с проблематикой бальзаковского повествования его сближает наличие рогов.

отвратительная мелкая неприятность, которую остроумцы окрестили Брачным слепнем; слепень этот страшнее всех комаров и мошек, тараканов, блох и скорпионов, поскольку еще не изобретена та сетка, которая может от него защитить.

Слепень кусает не сразу: поначалу он просто зудит у вас над ухом, *а вы еще не понимаете, в чем тут дело.*

Например, Каролина без всякого повода и с самым безмятежным видом объявляет: «Госпожа Дешар была вчера в восхитительном платье…»

— У нее хороший вкус, — отвечает Адольф, хотя сам вовсе так не думает.

— Ей муж подарил, — возражает Каролина, пожимая плечами.

— Ах вот так!

— Да, четыреста франков отдал! И из какого прекрасного бархата…

— Четыреста франков! — восклицает Адольф тоном Фомы неверующего.

— И еще два полотнища запасных, и корсаж…

— Широкая душа у этого Дешара! — отвечает Адольф, пытаясь обратить все в шутку.

— Не все мужчины так предупредительны, — сухо замечает Каролина.

— В каком смысле предупредительны?..

— Да ведь он подумал даже о запасных полотнищах и о другом корсаже, чтобы платье можно было перешить, когда уж нельзя будет выезжать декольте…

Адольф решает: «Каролина мечтает о новом платье».

Несчастный!..!..!

Спустя некоторое время выясняется, что господин Дешар заново меблировал спальню своей жены.

Затем — что он заказал модную оправу для ее брильянтов.

Затем — что он никуда не выезжает без жены или повсюду ходит с нею под руку.

Что бы вы ни подарили Каролине, ваш подарок всегда уступает тем, какие делает господин Дешар.

Если у вас вырывается чересчур резкий жест, чересчур резкая фраза, если вы хоть немного повышаете голос, в ответ раздается змеиное шипение:

«Господин Дешар себе бы этого никогда не позволил! Возьми пример с господина Дешара».

Одним словом, ваша жена поминает этого болвана Дешара всякую минуту и по всякому поводу.

Фраза: «Сам подумай, разве так бы поступил господин Дешар...» — дамоклов меч или мяч, который жена постоянно бросает в вашу сторону, или, что хуже всего, — булавка, а ваше самолюбие — подушечка, в которую жена втыкает эту булавку, потом вытаскивает ее и втыкает снова по самым разнообразным и неожиданным поводам, впрочем, приговаривая самые нежные слова и держась довольно любезно.

Адольф, искусанный так сильно, что на нем уже не остается живого места, поступает так, как поступают все опытные полицейские, правители и стратеги. (Читайте сочинение Вобана об атаке и обороне крепостей[582].) Он обращает свои взоры на госпожу де Фиштаминель, даму еще молодую, элегантную, не лишенную кокетства, и использует ее (негодяй мечтал об этом уже давно) как прижигание для в высшей степени чувствительной кожи Каролины.

О вы, так часто восклицающие: «Не знаю, право, что происходит с моей женой!..» — вы покроете поцелуями эту страницу трансцендентной философии, ибо она даст вам *ключ к характеру всех женщин*!.. Впрочем, знать их так же хорошо,

---

[582] Сноски: 582

Военный инженер Себастьен Ле Претр де Вобан (1633–1707) имел славу великого стратега и мастера проведения военных операций.

как знаю их я, — заслуга еще небольшая; ведь они и сами себя не знают! Да и Господь, как вам известно, ошибся насчет той единственной, которую сам потрудился изготовить и которою сам управлял.

Каролине позволительно втыкать булавки в Адольфа, когда ей заблагорассудится, однако это право время от времени жалить законного супруга принадлежит исключительно супруге. Если же Адольф дерзает направить в сторону жены одну-единственную мошку, его объявляют чудовищем. Шпильки Каролины — это милые шутки, очаровательная болтовня, призванная скрасить семейную жизнь и продиктованная самыми чистыми намерениями, тогда как шпилька Адольфа — жестокость дикаря, непонимание собственной жены, сознательное желание причинить ей боль. Но все это еще пустяки.

— Вы, значит, так сильно любите госпожу де Фиштаминель? — осведомляется Каролина. — Чем же, интересно, вас так привлекает эта паучиха? Умом? Манерами?

— Но позволь, Каролина…

— О, не трудитесь возражать, — перебивает она Адольфа, — я уже давно заметила, что у вас очень странный вкус; вы предпочитаете мне эту оглоб-

лю (госпожа де Фиштаминель худощава.) Ну что ж, ступайте… вы скоро почувствуете разницу.

Теперь поняли? Вы не имеете никаких оснований заподозрить Каролину в малейшей склонности к господину Дешару (ничем не примечательный краснолицый толстяк, бывший нотариус), если сами влюблены в госпожу де Фиштаминель! Между тем Каролина — та Каролина, чье простодушие причиняло вам столько мучений, Каролина, пообтершаяся в свете, — делается остроумной: теперь вас кусают два слепня вместо одного.

Назавтра она с самым благожелательным видом осведомляется: «Ну, как у вас дела с госпожой де Фиштаминель?»

Если вы собираетесь уходить, она говорит: «Ступай, милый, тебе пора пить воды!»

Дело в том, что в гневе против соперницы всякая женщина, будь она хоть герцогиня, используют инвективы и даже тропы, достойные рыночных торговок; в ход идет все что угодно.

Разубеждать Каролину и доказывать ей, что госпожа де Фиштаминель вам безразлична, — дело безнадежное. Умный муж такой глупости не сделает: это означало бы погубить самого себя и потерять власть в собственной семье.

О Адольф! Увы, ты достиг той поры своей жизни, которую остроумно называют *второй молодостью* брака. Тебе предстоит упоительное предприятие — вновь покорить собственную жену, твою Каролину, вновь обнять ее за талию и сделаться образцовым мужем, который предугадывает ее желания и поступает не так, как хочется ему, а так, как нравится ей! От этого зависит вся твоя будущность.

Каторжные работы

Признаем справедливость подновленной старинной мудрости:

Аксиома

Большинство мужчин, попав в сложное положение, могут поправить дело хотя бы отчасти, даже если не умеют поправить его целиком.

О мужьях, которые недостойны своего положения, мы говорить не будем: они не умеют бороться и попадают в многочисленный разряд *Безропотных*.

Итак, Адольф говорит себе: «Женщины все равно что дети: поманите их кусочком сахара, и они

будут плясать под вашу дудку точь-в-точь как девчонки, охочие до сладостей; главное — всегда иметь при себе конфету, держать ее у них перед носом… и следить за тем, чтобы конфеты им не разонравились. Парижанки (Каролина родом из Парижа) бесконечно суетны и вдобавок большие лакомки!.. Чтобы управлять людьми и заводить друзей, надобно лишь одно — поощрять их пороки и распалять их страсти: жена в моих руках!»

Проходит несколько дней, в течение которых Адольф проявляет удвоенную заботу о жене, а затем предлагает ей:

«Послушай, Каролина, пора нам развлечься! Надень свое новое платье (не хуже, чем у госпожи Дешар) и… знаешь что, поедем-ка в „Варьете“, посмотрим, какую чепуху там врут».

Подобные предложения всегда приводят законных жен в самое прекрасное расположение духа. Но это еще не все! Адольф заказывает у Бореля в «Канкальской скале»[583] прелестный обед на две персоны, вкусный и тонкий!

---

[583] Сноски: 583

Ресторан «Канкальская скала» славился разнообразием и изысканностью предлагаемых блюд; с 1816 года он принадлежал Пьеру-Фредерику Борелю, который в 1842 году перенес его с улицы Монторгёй, где он располагался начиная с открытия (1804), в дом на пересечении улицы Ришелье и Монмартрского бульвара (прежде там располагался игорный дом Фраскати). Театр «Варьете» находился в двух шагах от этого заведения (см. примеч. 61).

«Раз уж мы собрались в „Варьете“, пообедаем в ресторане!» — восклицает Адольф по выходе на Бульвары, как если бы эта великодушная мысль пришла ему в голову только что.

Каролина в восторге от такой удачи — как ей кажется нежданной; она входит в кокетливо убранный отдельный кабинет, где Борель уже накрыл стол в зале, где пируют богатые небожители, если им пришла охота уподобиться простым смертным.

Женщины на званом обеде едят мало: их стесняет тайная сбруя, давит парадный корсет, смущает соседство других женщин, чьи взгляды и речи представляют для них равную опасность. Они любят еду не столько обильную, сколько тонкую: раковую шейку, запеченную перепелку, крылышко глухаря, а для начала кусочек свежей рыбы, приправленной одним из тех соусов, которые составляют славу французской кухни. Во Франции вкус правит повсюду: в рисунках, в моде и проч. Соус же есть не что иное, как триумф вкуса в искусстве гастрономическом. А потому всякую женщину, будь то гризетка, мещанка или герцогиня, пленяет изысканный тонкий обед с бокалом превосходного вина, завершаемый десертом из фруктов, какие подают только в

Париже, особенно если переваривает она этот тонкий обед в театре, в уютной ложе, слушая тот вздор, что звучит со сцены, и тот, какой шепчут ей на ухо для объяснения того, что звучит со сцены. Скверно другое: обед стоит сотню франков, ложа — тридцать, экипажи и туалеты (свежие перчатки, букет и проч.) — столько же. В общей сложности это волокитство за собственной женой обходится в сто шестьдесят франков, а в месяц набежит около четырех тысяч, особенно если часто ездить в Комическую оперу, к Итальянцам и в большую Оперу[584]. Для таких трат по нынешним временам требуется не меньше двух миллионов капитала. Но *супружеская честь* того стоит.

Каролина рассказывает своим приятельницам вещи, которые считает чрезвычайно лестными для Адольфа, но которые умного мужа ничуть не радуют.

— С недавних пор Адольф стал просто душка. Не знаю, чем я это заслужила, но он меня балует. И все с такой заботливостью, а ведь нас, женщин, это *трогает* более всего… В понедельник он во-

[584] Сноски: 584

Итальянцы — Итальянский оперный театр (см. примеч. 270); большая Опера, или Национальная академия музыки, располагалась в описываемый период на улице Ле Пелетье.

дил меня в «Канкальскую скалу», а потом сказал, что у Вери[585] кухня не хуже, чем у Бореля, и мы провели время так же, как в прошлый раз, только ложу он нанял в Опере. Давали «Вильгельма Телля»[586], а вы ведь знаете, я от него без ума.

— Вы счастливица, — отвечает госпожа Дешар сухо и с явной завистью.

— Но мне кажется, женщина, честно исполняющая свой долг, заслужила такое счастье…

Когда эта чудовищная фраза слетает с губ замужней женщины, становится ясно, что она *исполняет свой долг,* как школьники, ради награды. В коллеже наградой служит увольнительная записка; в браке — шаль или драгоценности. О любви уже и помина нет.

— Но, милочка (госпожа Дешар уязвлена), я, например, веду себя разумно. Дешар тоже швырял деньги на ветер…[587], но я положила конец

---

[585] Сноски: 585

Ресторан Вери, не менее дорогой и роскошный, чем «Канкальская скала», располагался в Пале-Руаяле, в галерее Божоле.

[586] Сноски: 586

Опера Дж. Россини, премьера которой состоялась в 1829 году.

[587] Сноски: 587

Ложь, рожденная гордыней и завистью; все это — три смертных греха, какие прощают себе богомолки, а госпожа Дешар богомолка злостная; она не пропускает ни одной службы в церкви Святого Роха *с тех пор, как собирала там пожертвования вместе с королевой.* (*Примеч. Бальзака.*)

этим безумствам. Знаете, душенька, у нас двое детей, и честно вам признаюсь, для меня, матери семейства, одна или две сотни франков — это не пустяк.

— Ах, сударыня, — говорит госпожа де Фиштаминель, — лучше уж пусть наши мужья развлекаются с нами, чем…

— Дешар?.. — вдруг вскрикивает госпожа Дешар, встает и откланивается.

Благодаря этому названный Дешар (которого жена держит под башмаком) лишается возможности услышать конец этой фразы и узнать, что проедать свое добро можно с дамами эксцентрическими.

Каролина, чье тщеславие удовлетворено полностью, с наслаждением предается гордыне и чревоугодию — двум восхитительным смертным грехам. Адольф почивает на лаврах; но увы! (помещаем далее рассуждение, стоящее великопостной проповеди): грех, как и наслаждение, гонит сам себя вперед. Порок подобен самодержцу: как сладко ему ни льсти, он все забудет, если хоть какая-то мелочь окажется не по нем. Предавшись пороку, человек обязан продолжать *крещендо*!.. и без остановки.

Аксиома

Порок, Царедворец, Несчастье и Любовь живут только настоящим.

Спустя какое-то время, трудно сказать, когда именно, Каролина во время десерта смотрится в зеркало и замечает рубиновые пятнышки на скулах и на крыльях некогда белоснежного носа. В театре она злится, а вы, Адольф, гордитесь своим галстуком, самодовольно выпячиваете грудь колесом и не понимаете, отчего ваша жена не в настроении.

Еще через несколько дней является портниха примерять новое платье, она старается изо всех сил, но застегнуть его не может… Призывают горничную. Приложив две лошадиные силы, портниха и горничная совершают тринадцатый подвиг Геракла, однако между крючком и петлей все равно зияет щель в два дюйма. Неумолимая портниха объявляет Каролине, что ее талия изменилась в размерах. Каролина, воздушная Каролина, вот-вот сделается похожей на госпожу Дешар. Попросту говоря, она толстеет.

Каролина впадает в отчаяние.

«Неужели у меня будут такие же рубенсовские телеса, как у этой жирной госпожи Дешар? Но

каков негодяй Адольф! Наконец-то я поняла, он хочет меня раскормить, чтобы я никому не смогла понравиться!»

Отныне Каролина соглашается ездить в Итальянский театр, она готова иметь там свою треть ложи, но теперь она находит *очень изысканным* есть мало и отказывается пировать вместе с мужем.

«Друг мой, — говорит она, — женщине хорошего тона не подобает часто бывать в таких местах… В подобные заведения можно зайти разок, шутки ради, но посещать их постоянно?.. Какая гадость!»

Борель и Вери, виртуозы поваренного искусства, теряют ежедневно тысячу франков выручки оттого, что не завели особых ворот для экипажей. Если бы можно было въехать в одни ворота, а выехать через другие, высадив даму у подножия элегантной лестницы, какое множество посетительниц являлись бы в рестораны в сопровождении превосходных, толстых и богатых посетителей!..

Аксиома

Кокетство — враг обжорства.

Вскоре Каролине надоедает театр, и одному

дьяволу известно, чего ей там не хватает. Простите Адольфа! Мужу ведь далеко до дьявола.

Добрая треть парижанок скучают на театральных представлениях; если не считать кое-каких шалостей, что им там делать? Неужели со смехом вкушать плоды непристойностей — вдыхать пряные ароматы грубой мелодрамы — восхищаться декорациями и проч.? Многие из дам по горло сыты музыкой и ездят в Итальянский театр только ради певцов или, если угодно, ради того, чтобы сравнивать мастерство разных исполнителей. Театры держатся другим: самими женщинами, которые до и после спектакля являют собой зрелище, достойное внимания. Только тщеславие заставляет отдать целых сорок франков за три часа сомнительного удовольствия в душном помещении, не говоря уже о риске простудиться по выходе на улицу. Но показать себя, покрасоваться на глазах у пяти сотен мужчин!.. Вот превкусная сласть, как сказал бы Рабле.

Однако чтобы самолюбие могло собрать этот драгоценный урожай, нужно, чтобы на женщину обратили внимание. А между тем если жена сидит рядом с мужем, на нее никто не смотрит. Каролина с горечью обнаруживает, что весь зал не сводит глаз с женщин, которые являются в

театр без мужа, с женщин эксцентрических. Как бы она ни старалась, во что бы ни наряжалась, какие бы позы ни принимала, награда оказывается слишком мала сравнительно с усталостью, затратами и скукой, и вскоре Каролина охладевает к театру, как прежде охладела к ресторанам: от вкусных блюд Каролина толстела, от театра она желтеет.

В этом случае Адольф (или всякий другой человек на месте Адольфа) уподобляется тому лангедокскому крестьянину, который страшно мучился от *болозени* (или просто-напросто мозоли — но на крестьянском наречии название звучит куда более выразительно). Этот крестьянин засовывал ногу как можно глубже между самыми острыми камнями и говорил своей *болозени*: «Чертова болячка! ты ко мне привязалась, так вот же тебе в ответ!»

«Право, — говорит Адольф, совершенно сбитый с толку, в тот день, когда жена без всякой причины отвергает его предложения, — хотел бы я знать, чем вам угодить?..»

Каролина с высоты своего величия бросает взгляд на мужа и, выдержав паузу, достойную актрисы, изрекает:

— Я не страсбургская гусыня и не жирафа[588].

— По правде говоря, для четырех тысяч франков в месяц можно найти лучшее применение, — отвечает Адольф.

— Что ты хочешь сказать?

— Если пожертвовать хотя бы четверть этой суммы почтенным каторжникам, юным воришкам, выпущенным из тюрьмы, или честным преступникам, можно прославиться не хуже человека в коротком синем плаще[589], — продолжает Адольф, — а таким мужем молодая жена может гордиться.

Эта фраза хоронит любовь, а потому Каролина принимает ее очень плохо. Следует объяснение. Занимательные подробности этой и ей подобных сцен изложены в следующей главе, заглавие которой вызовет улыбку и у любовников, и у супругов.

---

[588] Сноски: 588

Откармливание гусей для приготовления страсбургского паштета (см. примеч. 448) происходило следующим образом: «гуся подвергают самым мучительным испытаниям. Ему дают много еды, но мало питья, ему прибивают лапы гвоздями к доске и оставляют перед сильным огнем» и благодаря этому его печень достигает колоссальных размеров (*Гримо.* С. 125–126). Жирафа, подаренная королю Карлу X вице-королем Египта, с 1826 года до смерти (в начале 1845 года) содержалась в зверинце парижского Ботанического сада и служила, особенно на первых порах, предметом всеобщего внимания.

[589] Сноски: 589

Это прозвище носил Эдм Шампьон (1766–1852), парижский ювелир, посвятивший свою жизнь помощи неимущим.

Однако если существуют желтые лучи[590], отчего бы не существовать дням, окрашенным в этот сугубо супружеский цвет?

Желтые улыбочки

В этих широтах вам предстоит участие во множестве маленьких интермедий, вставленных в большую брачную оперу; вот их образец.

Однажды вечером после обеда вы сидите вдвоем, а поскольку вы уже очень много раз оставались вдвоем, у вас с языка слетают кое-какие язвительные словечки.

— Берегись, Каролина, — говорит Адольф, которому не дает покоя мысль о стольких бесполезных тратах, — мне кажется, что твой нос имеет наглость краснеть дома ничуть не меньше, чем в ресторане.

— Ты сегодня не слишком любезен!..

---

[590] Сноски: 590

«Желтые лучи» — название одного из стихотворений, включенного Ш. — О. Сент-Бёвом в его сборник «Стихотворения Жозефа Делорма» (1829). Повторяющиеся в нем упоминания желтого цвета как символа тоски и неустройства немедленно стали предметом многочисленных насмешек. Сент-Бёв в своих критических статьях весьма нелестно отзывался о Бальзаке; тот отвечал Сент-Бёву взаимностью и не упускал случая уколоть его; отсюда название следующей главы, где эпитет «желтый» применен к супружескому выяснению отношений.

Общее правило

Никакому мужу не удается дать дружеский совет никакой жене, даже своей собственной.

— Видишь ли, милая, ты, должно быть, слишком туго шнуруешься, это вредно для здоровья.

Лишь только мужчина произнесет эту фразу, любая женщина (поскольку знает, что корсеты делаются из гибкого материала) немедленно хватает свой корсет за нижний край и оттягивает его со словами:

— Смотри, сюда руку можно просунуть! Я никогда не шнуруюсь слишком туго[591].

Именно так и говорит Каролина.

— Ну, значит все дело в желудке.

— Что общего у желудка с носом?

— Желудок — это центр, который сообщается со всеми нашими органами.

— А разве нос тоже орган?

— Конечно.

---

[591] Сноски: 591

Этот женский ответ зафиксирован, в частности, в «Физиологии женатого мужчины» Поля де Кока (1842); там жена возражает чересчур заботливому мужу, тревожащемуся насчет ее шнуровки: «Вы ведь видите, что сюда можно просунуть палец», — а он продолжает настаивать: «Да-да, просунуть палец… Вас послушать, так вам всегда можно просунуть палец… потому что вы задерживаете дыхание» (*Kock P. de.* Physiologie de l’homme marié. Paris, 1842. P. 57).

— В таком случае твой орган в настоящую минуту служит тебе очень скверно… (Она поднимает глаза и пожимает плечами.) Послушай, Адольф, что я тебе сделала?

— Ровно ничего; я просто шучу, но не могу тебе угодить, вот беда, — отвечает Адольф с улыбкой.

— А моя беда состоит в том, что я вышла замуж за тебя. Зачем я не вышла за другого?

— Я с тобой совершенно согласен.

— Если бы я носила другую фамилию и имела наивность, кривляясь перед зеркалом, сказать, как делают кокетки, если желают выведать, нравятся они мужчине или нет: «Что-то у меня нос покраснел», — ты бы ответил мне: «Как можно, сударыня, вы на себя клевещете! Во-первых, это совершенно незаметно; а во-вторых, это отлично подходит к вашему цвету лица… Да и вообще после обеда такое случается со всеми!» — а потом воспользовался бы поводом осыпать меня комплиментами… Я ведь тебе не говорю, что ты растолстел, что у тебя щеки красные, как у каменщика, а я люблю мужчин бледных и худощавых?..

В Лондоне говорят: «Не прикасайтесь к секи-

ре!»[592] Во Франции следует говорить иначе: «Не прикасайтесь к женскому носу…»

— Столько шуму из-за капли природной киновари, — восклицает Адольф. — Вини в этом Господа Бога, которому заблагорассудилось положить больше краски в одном месте, чем в другом, а не меня… ведь я тебя люблю… и хочу, чтобы ты была само совершенство, и потому кричу тебе: «Берегись!»

— В таком случае ты любишь меня чересчур сильно, потому что в последнее время только и делаешь, что говоришь мне разные гадости, унижаешь меня под тем предлогом, что якобы желаешь избавить меня от несовершенств… Пять лет назад тебе ничто не мешало считать меня совершенством…

— По-моему, ты более чем совершенство, ты

---

[592] Сноски: 592

На Бальзака произвел сильное впечатление фрагмент из книги Шарля Нодье «Прогулка из Дьеппа в шотландские горы» (1821), где описываются достопримечательности лондонского Тауэра и среди них секира, которою отрубили голову английскому королю Карлу I в 1649 году: «Я с содроганием подумал о том, что в день казни этого несчастного короля она уже служила предметом любопытства для зевак, которые нетерпеливо толпились вокруг плахи, пытаясь дотронуться до орудия смерти, и тогда Карл I прервал свою речь, чтобы предупредить, как чичероне из лондонского Тауэра: *Не прикасайтесь к секире*» (*Nodier Ch.* Promenade de Dieppe aux montagnes d'Écosse. Paris, 1821. P. 61). Эту фразу Бальзак в первой публикации (1834) сделал заглавием того романа, который позже стал называться «Герцогиня де Ланже».

прелесть!..

— Несмотря на избыток киновари?

Адольф, видя, что от жены веет гиперборейской стужей, ставит стул поближе к ней. Каролина, которой приличия не позволяют встать и уйти, подбирает юбку, как бы желая показать, что между ней и Адольфом — пропасть. Некоторые женщины проделывают это с вызывающей дерзостью; однако жест их может иметь два разных значения: если бы речь шла о висте, мы бы сказали, что женщина делает либо *приглашение*, либо *ренонс*[593]. В данный момент Каролина делает ренонс.

— Что с тобой? — спрашивает Адольф.

— Хотите выпить воды с сахаром? — спрашивает Каролина, озаботившаяся вашим здоровьем и исполняющая (поневоле) роль служанки.

— С какой стати?

— У вас желудок плохо варит, вы, должно быть, очень мучаетесь. Может, добавить вам в стакан воды с сахаром каплю водки? Доктор говорил, что это превосходное средство…

— Что-то ты слишком тревожишься о моем

---

[593] Сноски: 593

Сделать приглашение — показать партнеру свою сильную масть, а для этого сбросить слабую. Сделать ренонс — сбросить карты так, чтобы показать партнеру, что определенной масти в твоих картах нет.

желудке!

— Он в центре, он сообщается со всеми органами, он подействует на сердце, а потом того и гляди на язык.

Адольф встает и принимается молча расхаживать по комнате; он размышляет о том, что у жены его откуда-то взялось остроумие; день ото дня она становится все сильнее и все язвительнее; она так мастерски овладела искусством досаждать и перечить, что ее боевая мощь приводит Адольфу на память сражения Карла XII с русскими[594]. Между тем гримаса на лице Каролины его тревожит: кажется, она вот-вот лишится чувств.

— Вам дурно? — спрашивает Адольф, уступая голосу великодушия — того чувства, которое женщины всегда оборачивают себе на пользу.

— Конечно, если после обеда муж расхаживает перед тобой, как маятник, тошнота к горлу подступает. Но вы всегда так: вам не сидится на месте… Смешно, право… Все мужчины большие сумасброды…

Адольф садится у камина подальше от жены и погружается в размышления: ему представляет-

---

[594] Сноски: 594

Имеется в виду шведский король Карл XII (1682–1718); его война с русской армией Петра I, закончившаяся поражением под Полтавой, описана в классическом труде Вольтера «История Карла XII» (1731).

ся, что брак — степь, поросшая крапивой.

— Ты что же, дуешься?.. — осведомляется Каролина, понаблюдав четверть часа за мужней физиономией.

— Нет, исследую, — отвечает Адольф.

— Какой же у тебя скверный характер! — говорит она, пожав плечами. — Неужели это из-за того, что я сказала насчет твоего живота, талии и пищеварения? Ты разве не понимаешь, что я просто хотела тебе отомстить за твою киноварь? Если судить по тебе, мужчины кокетливы ничуть не меньше женщин… (Адольф безмолвствует.) Право, очень мило с вашей стороны — перенимать наши свойства… (Адольф молчит.) Я шучу, а ты злишься… (она смотрит на Адольфа), ты в самом деле злишься… А я вот не такая: не могу вынести мысли, что тебя хоть немного обидела! Между прочим, мужчина бы никогда не догадался, что твою грубость можно объяснить дурным

пищеварением. Это не *мой Додоф*[595], это его животик так раздулся, что обрел дар речи… А я и не знала, что ты у меня чревовещатель…

Каролина смотрит на Адольфа с улыбкой: Адольф сидит как каменный.

— Нет, ни за что не засмеется… И вот это вы на своем языке называете мужчина с характером… О, насколько же мы, женщины, лучше вас!

Она усаживается Адольфу на колени, и он не может не улыбнуться. Эту долгожданную улыбку, добытую едва ли не с помощью паровой машины, Каролина немедленно обращает против мужа.

— А теперь, дружок, признай, что ты неправ! — говорит она. — Зачем дуться? Мне ты нравишься такой, как есть! Для меня ты такой же стройный, как в день нашей свадьбы… даже еще стройнее.

— Каролина, если муж и жена обманывают друг друга насчет таких мелочей… если делают

---

[595] Сноски: 595

Додоф — общепринятое уменьшительное от имени Адольф, нередко употреблявшееся в водевилях и прочей комической литературе; носили его, как правило, персонажи малосимпатичные. В пользовавшейся большой известностью сценке Анри Монье «Роман у привратницы» (1829) неопрятный и невежественный малолетний шалопай Адольф Поше именуется Додофом; в других случаях Додофом называли «приказчика или посыльного, который изображает из себя знатную особу и мечтает о покорении великосветской дамы» (см.: *Matoré G.* Le vocabulaire et la société sous Louis-Philippe. Genève, 1975. P. 91). С учетом всего этого шутка Каролины начинает звучать более чем двусмысленно.

уступки и не злятся, не краснеют… знаешь, что это означает?

— Что же? — спрашивает Каролина, встревоженная драматическим тоном Адольфа.

— Что они меньше любят друг друга.

— О! толстое чудовище, теперь я поняла: ты злишься, чтобы я поверила, что ты меня любишь.

Увы! скажем честно: Адольф говорит правду, но говорит ее тем единственным способом, каким можно ее высказать, — шутя.

— Зачем было меня мучить? — спрашивает она. — Если я что-то делаю не так, разве не лучше мне это объяснить ласково, а не так грубо, как ты (она повышает голос): «У вас нос покраснел!» Так поступать нехорошо! Тебе на радость скажу, как твоя любимая Фиштаминель: «Это не поджентльменски!»

Адольф хохочет и идет на мировую; он так и не сумел понять, что нравится Каролине и как привязать ее к себе, зато он начинает понимать, чем его привязывает Каролина.

Нозография виллы[596]

Приятно ли это — не знать, что нравится твоей законной жене?.. В провинции еще водятся простодушные женщины, которые сами, без лишних просьб объясняют, чего им хочется и что им нравится. Но в Париже почти всем женщинам доставляет удовольствие видеть, как мужчина старается угадать их чувства, капризы и желания (три слова, обозначающие одну и ту же вещь!) и мечется, кружит, рыскает, не находит себе места и впадает в отчаяние, точно собака, потерявшая хозяина.

Несчастные называют все это *быть любимыми*!.. А думают при этом, как Каролина: «Интересно, как он выпутается?»

Именно это происходит с Адольфом. Между тем достойнейший, превосходнейший Дешар, образцовый муж-мещанин, приглашает Адольфа и Каролину на новоселье в свой прелестный загородный дом. Один литератор вложил в эту восхитительную виллу, свою развесистую

---

[596] Сноски: 596
Нозография — изучение и классификация болезней.

прихоть[597], сто тысяч франков, а Дешары воспользовались случаем и купили ее на аукционе за одиннадцать тысяч. Каролина жаждет обновить шляпу с перьями, напоминающими плакучую иву: такая шляпа должна прекрасно смотреться в тильбюри. Маленького Шарля оставляют на попечение бабушки. Слуг отпускают со двора. Каролина и Адольф отправляются в путь: погода им улыбается, небо голубое, а белоснежные облачка его только украшают. Наша чета вдыхает свежий воздух, нормандский битюг, чувствуя наступление весны, пускается рысью. Вот наконец и Марна, по соседству с Виль-д'Авре[598]; здесь находится гордость Дешаров — точная копия флорентийской виллы в окружении швейцарских лугов, но без альпийских неудобств.

— Бог мой! какое счастье — иметь такой загородный дом! — восклицает Каролина, прогули-

[597] Сноски: 597

Прихоть (folie) — название тех загородных поместий, которые богатые финансисты в XVIII веке покупали в придачу к своим парижским домам.

[598] Сноски: 598

Марна и Виль-д'Авре — коммуны в департаменте О-де-Сен; неподалеку находилось поместье Жарди, которое Бальзак приобрел в 1837 году, а в начале 1841 года был вынужден продать из-за нехватки денег. В последующем описании трудностей городского жителя, переехавшего за город, отразился неудачный опыт самого Бальзака, который, поселившись в Жарди, задумал многое, а осуществил очень мало.

ваясь в прекрасных лесах, окружающих Марну и Виль-д'Авре. — Глаз радуется и душа поет!

Поскольку под рукой у Каролины нет никого, кроме Адольфа, она берется за Адольфа и тот вновь становится ее Адольфом. И вот она уже скачет, как козочка, вот она уже вновь становится той прелестной, простодушной, юной, очаровательной выпускницей пансиона, какой была когда-то!.. Волосы ее растрепались; шляпу она сняла и держит за ленты. Она помолодела, посвежела, порозовела. Глаза ее сияют, губы алеют призывно, и призыв этот кажется совсем новым.

— Так, значит, тебе, моя дорогая, хотелось бы жить за городом?.. — спрашивает Адольф, обнимая Каролину за талию, а Каролина упирается, чтобы показать свою гибкость.

— Неужели ты купишь мне такой же дом?.. Какой ты милый! Но только без глупостей!.. Воспользуйся удобным случаем, как Дешары.

— Радовать тебя, доставлять тебе удовольствие — вот случай, о котором мечтает твой Адольф.

Они одни и потому могут говорить друг другу нежности, шептать умильные словечки, не предназначенные для посторонних ушей.

— Значит, кто-то хочет порадовать свою девочку? — говорит Каролина, опуская голову на

плечо Адольфу; тот целует ее в лоб, а сам думает: «Благодарение богу, я нашел к ней ключ!»

Аксиома

Когда муж и жена думают, что нашли друг к друг ключ, одному дьяволу известно, кто из них сумеет этим ключом воспользоваться.

Юная чета очаровательна, и толстуха госпожа Дешар позволяет себе высказать замечание, которое в устах этой суровой ханжи звучит весьма вольно:

— За городом все мужья становятся очень милы.

Господин Дешар извещает о подвернувшемся удобном случае. Продается дом в Виль-д'Авре, опять-таки практически даром. Между тем загородный дом — это особая болезнь, которой страдают только жители Парижа. Болезнь эта длится известное время, от нее есть известное лекарство. Адольф — муж, а не врач. Он покупает загородный дом и поселяется в нем вместе с Каролиной, вновь превратившейся в его Каролину, его Каролу, его белую козочку, его бесценное сокровище, его маленькую девочку и проч.

Тут с устрашающей быстротой начинают обнаруживаться тревожные симптомы:

За чашку молока, разбавленного водой, приходится платить двадцать пять сантимов, а за чашку *обезвоженного*, как выражаются химики, — пятьдесят.

Мясо в Париже дешевле, чем в Севре, а качеством не хуже.

Фрукты дороги непомерно. Хорошая груша, купленная за городом, стоит дороже, чем происходящая из того (обезвоженного) сада, что цветет в витрине у Шеве[599].

Можно, конечно, посадить фруктовые деревья на своей земле, но покамест она представляет собой самый обычный луг площадью в двести квадратных метров, окаймленный несколькими зелеными деревьями и напоминающий театральную декорацию, а для того чтобы снять первый урожай фруктов, говорят самые большие деревенские светила, нужно потратить уйму денег — и подождать пять лет!

Овощи с огородов направляются прямо на Центральный рынок. Госпожа Дешар, у которой имеется собственный огородник, он же привратник, признается, что овощи, выращенные в ее парниках, на удобренной земле, обходятся ей

---

[599] Сноски: 599
О лавке Шеве см. примеч. 447.

в два раза дороже, чем те, которые куплены в Париже у зеленщицы, держащей собственную лавку, платящей торговый налог и имеющей мужа-избирателя[600].

Несмотря на все обещания и старания привратника-огородника, первые овощи и фрукты неизменно появляются в Париже на месяц раньше, чем за городом.

С восьми до одиннадцати вечера супруги не знают, чем заняться: соседи несносны, ничтожны и входят в амбицию из-за пустяков.

Господин Дешар, как всякий старый нотариус, отлично умеет считать; очень скоро он обнаруживает, что если прибавить к цене его поездок в Париж проценты, которые приходится выплачивать за дом, а также налоги, траты на починку, жалованье привратника и его жены и проч., получится сумма в тысячу экю, за которую можно нанять прекрасный загородный дом!.. Дешар не

---

[600] Сноски: 600

Наличие мужа-избирателя свидетельствует об уровне благосостояния зеленщицы: при Июльской монархии быть избирателем мог лишь человек, плативший не меньше 200 франков прямых налогов. Показателем зажиточности служит и тот факт, что зеленщица платит торговый налог — один из четырех прямых налогов, который взимали только с людей определенного достатка (он состоял из двух частей: постоянной, зависевшей от рода занятий, и переменной, равнявшейся десятой доле от годовой платы за наем помещения, используемого для профессиональной деятельности).

постигает, каким образом он, старый нотариус, мог попасться на эту удочку. Ведь он сам множество раз заверял контракты о найме поместья с замком и парком ровно за тысячу экю.

В гостиной госпожи Дешар все сходятся на том, что загородный дом — не удовольствие, а настоящая язва…

— Не понимаю, почему на Центральном рынке кочан капусты, которую приходится поливать каждый день до тех пор, пока она не созреет, стоит всего пять сантимов, — удивляется Каролина.

— Все дело в том, — отвечает мелкий бакалейщик, удалившийся от дел, — что в деревне надо жить постоянно, надо стать деревенским жителем, тогда и убытков не будет…

На обратном пути Каролина говорит несчастному Адольфу:

— Как тебе только взбрело на ум купить загородный дом? За город лучше всего ездить в гости.

Тут Адольф вспоминает английскую поговорку, которая гласит: «Ни в коем случае не тратьтесь ни на газету, ни на любовницу, ни на загородный дом; всегда найдутся болваны, которые предоставят вам все это бесплатно…»

— Ты права! — отвечает Адольф, которого брач-

ный Слепень окончательно просветил насчет женской логики, — но что поделаешь, это ведь хорошо для ребенка!

Хотя Адольф ведет себя очень осторожно, этот ответ настораживает Каролину. Мать может печься о сыне, но не может допустить, чтобы о нем заботились больше, чем о ней самой. Каролина замолкает; назавтра она умирает от скуки. Адольф уехал по делам, она ждет с пяти часов пополудни до семи, а потом отправляется его встречать на стоянку омнибусов[601]. После она битый час рассказывает о своих тревогах. Ей было очень страшно идти на стоянку одной с маленьким Шарлем. Разве прилично молодой женщине находиться там *в одиночестве*? Такая жизнь нестерпима.

Тут вилла создает в жизни супругов особый период, который заслуживает отдельной главы.

Неприятность от неприятности

[601] Сноски: 601

В Виль-д'Авре ходил омнибус из самого центра Парижа, с площади Каруселя. На таком омнибусе гости, не имевшие собственного экипажа, приезжали к Бальзаку в его имение Жарди (см. примеч. 536).

Аксиома

Неприятность чревата неприятными последствиями.

Пример

Много раз было говорено о колотье в боку, и ничего хорошего никто о нем не сказал; но это колотье ничто сравнительно с тем, о котором пойдет речь дальше и которое постоянно сопутствует супружеской жизни в пору ее *второй молодости*: так молоточки фортепиано неутомимо ударяют по его струнам. Эта покалывающая неприятность дает себя знать только в тот момент, когда робость юной супруги уступает место тому роковому равенству прав, которое пожирает разом и супружескую пару, и саму Францию. У каждой эпохи свои неприятности!..

По прошествии недели Каролина осознает, что муж ежедневно проводит семь часов вдали от нее. Однажды Адольф возвращается домой радостный, как актер после удачной премьеры, и вдруг обнаруживает, что Каролина словно заиндевела. Убедившись, что ее холодность не осталась незамеченной, Каролина спрашивает

тем фальшивым, якобы дружеским тоном, который так хорошо известен и так ненавистен любому мужчине:

— У тебя, дружок, было сегодня много дел?

— Да, очень много.

— Ты нанимал кабриолет[602]?

— Да, потратил семь франков…

— И повидал всех, кого хотел?

— Да, всех, кому назначил свидания…

— Когда же ты им написал? У тебя в чернильнице чернила засохли и стали как камень; мне надо было написать записку, и я битый час пыталась их размочить, а получила комок, годный разве на то, чтобы метить тюки для отправки в Индию.

Тут всякий муж смотрит на свою жену исподлобья.

— Должно быть, я написал им из Парижа…

— А что у тебя за дела, Адольф?..

— Ты разве не знаешь?.. Могу рассказать. Прежде всего, дело Шомонтеля…

— Я думала, господин Шомонтель в Швейцарии…

---

[602] Сноски: 602

Кабриолетом назывался легкий, открытый спереди двухколесный экипаж, запряженный одной лошадью; его, точно так же как и упоминаемый чуть ниже фиакр (см. о нем примеч. 173), нанимали на стоянке; оба могут быть названы прообразами современных такси.

— Но у него здесь поверенные, стряпчий…

— Ты занимался только делами?.. — спрашивает Каролина, не дав Адольфу договорить.

И внезапно глядит мужу прямо в глаза: этот ясный, прямой взгляд все равно что шпага, вонзаемая в самое сердце.

— А чем, по-твоему, я мог заниматься?.. Сбывал фальшивые деньги, входил в долги, вышивал по канве?

— Откуда же мне знать? Я угадывать не умею! Ты мне сто раз говорил, что я для этого слишком глупа.

— Еще того не хватало! Я шутил, а ты обижаешься. Как это по-женски.

— Ты о чем-нибудь договорился? — спрашивает она, делая вид, что чрезвычайно интересуется делами.

— Нет, ни о чем…

— Сколько же человек ты повидал?

— Одиннадцать, не считая всех тех, кто прогуливался по Бульварам.

— Зачем ты так говоришь?!

— А зачем ты спрашиваешь так, как будто последние десять лет служила следователем?..

— Я просто хочу, чтобы ты рассказал мне о том, что сделал за день, меня это развлечет. Думаешь,

мне здесь весело? Ты меня оставляешь одну с утра до вечера, и я умираю от скуки.

— Ты полагаешь, что рассказ о моих делах тебя развлечет?

— Раньше ты мне рассказывал обо всем…

За этим легким дружеским упреком прячется желание Каролины непременно выведать у Адольфа те серьезные вещи, какие он скрывает. Адольф принимается описывать свой день. Каролина искусно делает вид, будто его не слушает.

— Как же ты давеча говорил, что потратил семь франков на кабриолеты, а теперь толкуешь про фиакр? — восклицает она в тот миг, когда наш Адольф начинает завираться. — Ты, верно, нанимал его по часам[603]? И разъезжал по делам в фиакре? — спрашивает она с насмешкой.

— А что, мне в фиакрах ездить запрещено? — удивляется Адольф и продолжает свой рассказ.

— А к госпоже де Фиштаминель ты не ездил? — Каролина вдруг и совершенно неучтиво перебивает его в самой середине чрезвычайно путаного объяснения.

— С какой стати мне к ней ездить?..

— Мне бы это доставило большое удоволь-

[603] Сноски: 603

И кабриолет, и фиакр можно было нанимать на одну поездку, а можно — на время. Кабриолет в обоих вариантах стоил дешевле.

ствие; я как раз хотела узнать, отделан ли уже ее салон…

— Отделан.

— Ах, так, значит, ты к ней ездил?

— Нет, мне это сказал ее обойщик.

— Ты знаешь ее обойщика?..

— Да.

— Кто же это?

— Брашон[604].

— Значит, ты встретил его на улице?..

— Да.

— Но ты же мне сказал, что ездил в экипажах?

— Но, детка, чтобы нанять экипаж, нужно его най…

— Понятно, значит, ты его нашел в фиакре…

— Кого?

— Я говорю о салоне… или о Брашоне! Все едино, и то, и то одинаково правдоподобно.

— Ты что же, не хочешь дослушать до конца? — восклицает Адольф, надеясь длинным рассказом усыпить подозрения Каролины.

— Я услышала более чем достаточно. И вот что я тебе скажу: ты уже целый час врешь, как коммивояжер.

---

[604] Сноски: 604

Обойщик Брашон выведен Бальзаком также в романах «История величия и падения Цезаря Бирото» и «Блеск и нищета куртизанок».

— Я больше ничего не буду рассказывать.

— Мне уже все ясно, я узнала все, что хотела. Ты говоришь, что виделся со стряпчими, с нотариусами, с банкирами: ничего подобного! Если я завтра навещу госпожу де Фиштаминель, знаешь, что она мне скажет?

Каролина не сводит глаз с Адольфа; но Адольф выдерживает ее взгляд с обманчивым спокойствием; тогда Каролина забрасывает удочку в надежде выловить улику.

— Так вот! она скажет мне, что имела удовольствие тебя видеть… Боже мой! какие же мы несчастные! Никогда нам не узнать, чем вы заняты… Мы сидим дома как пришитые, а у вас там дела! Хорошенькие дела!.. Раз так, я тебе тоже могу рассказать о делах, и они уж будут получше твоих!.. Да, отличный пример вы нам показываете!.. Говорят, что женщины развратны… Но кто их развратил?

Тут Адольф пытается, глядя на Каролину в упор, остановить поток ее красноречия. Но Каролина, точно лошадь, подхлестнутая ударом кнута, распаляется еще пуще прежнего и достигает бравурности россиниевского финала.

— Надо же, как славно придумано! Запереть жену в деревне, а самому проводить время в

Париже в свое удовольствие. Вот, значит, в чем причина вашей любви к загородным домам! А я-то, простая душа, всему поверила!.. Но вы правы, сударь: у деревни есть свои выгоды! И не только для вас. Жена может ими воспользоваться не хуже мужа. Вам — Париж и фиакры!.. Мне — леса и их сень… Право, Адольф, мне это нравится, я тебе очень благодарна…

Битый час Адольф выслушивает эти язвительные речи.

— Ты закончила, дорогая? — спрашивает он, воспользовавшись моментом, когда Каролина, задав риторический вопрос, качает головой.

Тогда Каролина в самом деле заканчивает разговор; она восклицает:

— Я сыта деревней по горло; ноги моей здесь больше не будет!.. Но я знаю, чем все кончится: вы, конечно, сохраните за собой этот дом, а меня оставите в Париже. Ну что ж, по крайней мере в Париже я смогу позабавиться, пока вы будете разгуливать по лесам с госпожой де Фиштаминель. Тоже мне, *вилла Адольфини*: шесть раз обойдешь вокруг лужайки, и уже тошнит; воткнули в землю ножку от стула и ручку от метлы и ждут от них тени… Стены в шесть дюймов шириной: жарко, как в печке! А муж на семь часов уезжает в город!

Вот тебе и вся вилла!

— Послушай, Каролина…

— Если бы, по крайней мере, ты честно мне сказал, чем ты сегодня занимался!.. Ты просто меня плохо знаешь: я буду паинькой, а ты мне скажи все как есть!.. Я тебя заранее прощаю, что бы ты ни сказал.

Адольф до брака *имел связи* с женщинами; он слишком хорошо знает, чем кончаются подобные признания, и потому говорит:

— Хорошо, я тебе все скажу…

— Ну наконец-то! Умница!.. Я буду любить тебя только сильнее!

— Я провел три часа…

— Я так и знала… у госпожи де Фиштаминель?..

— Нет, у нашего нотариуса, который нашел мне покупателя; но мы так и не сговорились: он хочет купить загородный дом со всей обстановкой; а после я отправился к Брашону, чтобы узнать, сколько мы ему должны…

— Ты на ходу сочиняешь этот роман!.. Посмотри мне в глаза!.. Я завтра съезжу к Брашону.

Адольф нервно вздрагивает.

— Старое чудовище! У тебя еще хватает наглости смеяться!

— Я смеюсь над твоим упрямством.

— Я завтра поеду к госпоже де Фиштаминель.

— Ради Бога! Езжай куда хочешь!..

— Грубиян! — вскрикивает Каролина и выходит из комнаты, утирая слезы.

Отныне загородный дом, о котором Каролина так страстно мечтала, — не что иное, как дьявольское изобретение Адольфа, западня для козочки.

Убедившись, что переспорить Каролину невозможно, Адольф предоставляет ей говорить все что угодно.

Два месяца спустя он продает за семь тысяч франков виллу, которую купил за двадцать две! Но все-таки он с прибылью: теперь он знает, что и загородный дом — не то, что нравится Каролине.

Дело становится серьезным: на гордыне и чревоугодии, двух монашеских грехах, сыграть не удалось! Природа со всеми своими рощами, лесами и долинами, с парижской Швейцарией и искусственными реками заняла Каролину от силы на полгода. Адольф готов отречься от власти и взять на себя роль Каролины.

Восемнадцатое брюмера супружеской жизни[605]

Однажды утром Адольф принимает судьбоносное решение позволить Каролине самой отыскать то, что ей нравится. Он отдает ей бразды домашнего правления со словами: «Делай что хочешь». Он заменяет самодержавную систему конституционной, абсолютную супружескую власть — ответственным министерством. Этот знак доверия — предмет тайных мечтаний, маршальский жезл всех женщин. В этом случае женщина становится, как говорят в народе, всему голова.

В первые несколько дней Адольф блаженствует так, как не блаженствовал даже во время медового месяца. Он ведет жизнь сладкую, даже чересчур сладкую. Жена готова заботиться о нем

---

[605] Сноски: 605

Государственный переворот, совершенный Наполеоном Бонапартом в 1799 году, вошел в историю как переворот 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года), хотя в этот день был лишь подписан Советом старейшин декрет о перенесении заседаний обеих палат Законодательного собрания из Парижа в Сен-Клу, а основные события, положившие конец режиму Директории (1795–1799), развернулись в Сен-Клу на следующий день. Ниже Бальзак устами Адольфа пародирует речь генерала Бонапарта в Сен-Клу 10 ноября 1799 года (см. примеч. 549).

и его ублажать, готова подольщаться и ластиться к нему, она выдумала бы новые ласки, когда бы все брачные сласти не были изобретены еще в земном раю. Месяц спустя положение Адольфа сходно с положением ребенка в конце первой недели года. Поэтому Каролина начинает говорить — не словами, но действиями, жестами, мимикой: «Уж не знаю, как еще угодить мужчине!»

Вверить жене бразды правления — мысль довольно обыкновенная и не заслуживала бы определения «судьбоносная», употребленного в начале этой главы, если бы ей не сопутствовала другая мысль — о низложении Каролины. Адольфа пленила эта мысль, овладевающая всеми людьми, с которыми стряслась какая-нибудь беда, — испытать, как далеко может зайти зло, дать огню полыхать сколько угодно и при этом быть уверенным или по крайней мере надеяться, что в любую минуту сможешь его погасить! Это любопытство владеет нами от колыбели до могилы. Итак, пережив апогей своего супружеского блаженства, Адольф, устроивший комедию в своем собственном доме, проходит через следующие периоды.

Период первый

Все идет слишком хорошо. Каролина купила прелестные тетрадочки для записи расходов и прелестную шкатулку для хранения денег, она во всем угождает своему Адольфу, блаженствует от его похвал, обнаруживает множество вещей, которых недоставало в хозяйстве, и желает сделаться несравненной хозяйкой дома. Адольф, сам себя назначивший судьей, ни к чему не может придраться.

Туалет его содержится в полном порядке. Сама Армида не выказывала такой нежной предупредительности, как Каролина[606]. Адольфу, этому фениксу среди мужей, даже смазывают ремень, на котором он правит свои бритвы. Старые подтяжки ему заменяют новыми. Петлица его никогда не пустует. Белье безупречно, как у духовника, которому богомолка исповедуется в мелких грешках. На носках ни единой дырки.

За столом ему подают блюда, отвечающие всем его вкусам и прихотям: он толстеет!

---

[606] Сноски: 606

Бальзак уподобляет Каролину героине поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1559–1575), волшебнице, которая держит в плену и обольщает своими чарами рыцаря Ринальдо.

Чернильница его неизменно полна чернил, а губка всегда влажная. Ему решительно не на что жаловаться, он не может даже сказать, как Людовик XIV: «Мне едва не пришлось ждать!»[607] Наконец, ему по всякому поводу сообщают, что он *душка*. Он вынужден даже журить Каролину за то, что она слишком мало думает о себе. Каролина берет этот нежный упрек на заметку.

Период второй

За столом картина меняется. Все страшно дорого. Овощи стоят непомерных денег. Дрова как будто из-за моря привозят. А что до фруктов, их вообще могут себе позволить только принцы, банкиры и знатные господа. Десерт — чистое разорение. Адольф частенько слышит, как Каролина спрашивает у госпожи Дешар: «Как же вы сводите концы с концами?..» После чего на ваших глазах происходят совещания о наилучших способах надзирать за кухарками.

---

[607] Сноски: 607

Эта фраза, приписываемая Людовику XIV, нередко использовалась современниками Бальзака; из произведений, близких по времени к публикации «Мелких неприятностей», назовем драму Э. Скриба «Десять лет из жизни женщины» (1832) и роман Жорж Санд «Симон» (1836), а французский переводчик романа Вальтера Скотта «Кенилворт» О. — Ж. — Б. Дефоконпре от себя приводит ее в подстрочном примечании к собственному переводу (1835).

Кухарка, поступившая к вам в дом раздетой, разутой и бесталанной, является просить расчет в синем мериносовом платье, вышитой косынке и миленьких хлопчатых чулках, в ушах у нее жемчужные сережки, ноги обуты в добротные кожаные башмаки. Она покидает вас с двумя сундуками добра и счетом в Сберегательной кассе[608].

Каролина сетует на безнравственность народа; она утверждает, что слуги нынче пошли слишком образованные и чересчур хорошо умеют считать. Время от времени с ее уст слетают аксиомы вроде нижеследующих: «На все своя наука! — Только те, кто ничего не делает, делают все правильно». Власть ее тяготит. «Мужчинам хорошо: они ведь не занимаются хозяйством. — Женщины изнемогают под грузом мелочей».

Каролина входит в долги. Однако, не желая признавать своих ошибок, она утверждает, что опытность — вещь такая полезная, что за нее не жалко никаких денег. Адольф тайком посмеивается и предвидит катастрофу, которая возвратит

[608] Сноски: 608

Первая Сберегательная касса была открыта в Париже в 1818 году; заведения эти, задуманные филантропами и рассчитанные на бедные слои населения (поскольку вклад мог быть очень и очень скромным), быстро распространились по всей Франции.

ему власть.

Период третий

Каролина, проникнувшись убеждением, что есть нужно исключительно ради того, чтобы жить[609], потчует Адольфа пищей, достойной отшельника.

Носки у Адольфа изорваны или покрыты лишайниками — плодами торопливой штопки: ведь жене его ни на что не хватает времени. Подтяжки почернели от долгого употребления. Белье старое, и дыры на нем зияют, словно привратник, зевающий у ворот. Если Адольфу нужно уйти по важному делу, он тратит на сборы не меньше часа, разыскивая вещи по всему дому и перебирая их одну за другой в поисках чистой и целой. Зато сама Каролина одета превосходно. У нее прелестные шляпки, мантильи и бархатные ботинки. Она выбрала свой путь и действует согласно правилу: начни с себя. Если Адольф жалуется на контраст между собственным убожеством и великолепием Каролины, та отвечает:

---

[609] Сноски: 609

Возможная реминисценция из комедии Мольера «Скупой», где скупец Гарпагон формулирует свое кредо следующим образом: «Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть».

«Но ты же сам меня бранил за то, что я ничего себе не покупаю!..»

Супруги начинают обмениваться более или менее язвительными замечаниями. Однажды вечером Каролина, сделавшись нежна, как ангел, сообщает о довольно значительном дефиците: так министры принимаются восхвалять налогоплательщиков и признаются в великой любви к отечеству, а после этого предлагают депутатам проголосовать за один совсем маленький закон, требующий дополнительных кредитов. Сходство довершается тем, что, как у Каролины, так и у министров, выступающих в палате, ума палата. Отсюда можно сделать тот глубокий вывод, что конституционная система обходится несравненно дороже, чем монархическая. И для нации, и для семьи конституционное правление — правление золотой середины[610], посредственностей, мелочных споров и проч.

Адольф, памятуя о прежних неприятностях, поджидает случая отомстить, и его обманчивое

---

[610] Сноски: 610

С легкой руки короля Луи-Филиппа, сказавшего в одной из речей вскоре после своего прихода к власти, что он стремится вести «политику золотой середины», далекую и от анархии, и от деспотизма, его правление стали называть правлением золотой середины; противники режима употребляли это определение в ироническом смысле, отождествляя золотую середину, как это делает Бальзак, с «посредственностями и мелочными спорами».

спокойствие усыпляет бдительность Каролины.

С чего начинается ссора? Можно ли сказать, какая электрическая искра вызывает сход лавины или взрыв революции? Ссора может начаться с любого пустяка. Как бы там ни было, по прошествии некоторого времени — различного для каждой семейной четы — с уст Адольфа в разгар препирательства слетают роковые слова: «Когда я был холостяком!..»

Для жены ссылки на время, как муж был холостяком, все равно что для нового супруга вдовы ссылка на «моего покойного мужа». Обе эти фразы наносят такие раны, которые полностью не затягиваются никогда.

Адольф же тем временем продолжает наступление и держит речь, подобную той, какую генерал Бонапарт держал перед Советом пятисот: «Мы живем на вулкане! — Хозяйство лишилось управления, настал час решительных действий. — Ты толкуешь о счастье, Каролина, но ты поставила его под угрозу — ты смутила наш покой своими требованиями, ты нарушила Гражданский кодекс, вмешавшись в ведение дел, — ты посягнула на супружескую власть. — Мы нуждаемся в реформах».

Каролина, в отличие от Совета пятисот, не

кричит: «Долой диктатора!»[611], поскольку тот, кто уверен, что сможет его свергнуть, никогда об этом не кричит.

— Когда я был холостяком, у меня всегда была новая обувь! У меня каждый день возле прибора лежала свежая салфетка! Владелец ресторана обворовывал меня на строго определенную сумму! Я вверил вам мою драгоценную свободу!.. А вы что с ней сделали?

— Но, Адольф, разве я виновата в том, что хотела избавить тебя от забот? — отвечает Каролина, вставая во весь рост перед мужем. — Ты можешь забрать ключ от шкатулки с деньгами… Но к чему это приведет? Стыдно сказать, но мне придется ломать комедию ради того, чтобы получить самое необходимое. Неужели ты хочешь этого? Унизить свою жену, столкнуть два совершенно противоположных интереса…

Именно это для трех четвертей французов и составляет сущность брака.

— Не тревожься, друг мой, — продолжает Каролина, усаживаясь на своем месте подле камина,

---

[611] Сноски: 611

Речь Адольфа пародирует речь генерала Бонапарта 19 брюмера VIII года (10 ноября 1799 года) перед нижней палатой тогдашнего французского парламента — Советом пятисот, часть членов которого в самом деле встретила Бонапарта именно таким восклицанием.

точно Марий на развалинах Карфагена[612], — я ничего не стану у тебя просить, я не попрошайка. Я решила, что мне делать… Ты меня не знаешь.

— Ну вот, — восклицает Адольф, — неужели с вашей сестрой нельзя ни пошутить, ни поговорить серьезно? Что же ты сделаешь?..

— Это вас не касается!..

— Простите, сударыня, совсем напротив. Честь, достоинство…

— О!.. на этот счет, сударь, вы можете не беспокоиться. Не столько ради себя, сколько ради вас я сохраню все в самой глубокой тайне.

— Но, Каролина, душа моя, что же ты сделаешь?..

Каролина бросает на Адольфа змеиный взгляд, после чего Адольф, отпрянув, начинает расхаживать по комнате.

— И все-таки, что ты намереваешься делать? — спрашивает он после бесконечно долгой паузы.

— Я, сударь, намереваюсь работать!

---

[612] Сноски: 612

Когда древнеримский полководец Гай Марий (158/157–86 до н. э.) потерпел поражение в гражданской войне, он был вынужден бежать из Италии; наместник Африки запретил ему высаживаться на тамошней земле, на что Марий ответил вестнику «с громким стоном: „Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена“. Так в назидание наместнику он удачно сравнил участь этого города с превратностями своей судьбы» (*Плутарх*. Марий, 40; Т. 2. С. 91; пер. С. Ошерова).

При этих возвышенных словах Адольф ретируется; он слышит желчный голос отчаяния, ощущает холодное дуновение мистраля, какой еще никогда не задувал в супружеской спальне.

Искусство быть жертвой

После Восемнадцатого брюмера поверженная Каролина избирает адскую тактику, заставляющую вас ежечасно сожалеть о своей победе. Каролина переходит в оппозицию!.. Еще один такой триумф, и Адольф попадет под суд за то, что, уподобившись шекспировскому Отелло, удушил свою жену между двух матрасов[613]. Каролина принимает вид мученицы и держится с убийственной покорностью. По любому поводу она ответствует Адольфу устрашающе кротким тоном: «Как вам будет угодно!» Ни один элегический поэт не выдержал бы соперничества с Каролиной; она плодит элегию за элегией: поступки и слова, улыбки и молчание, замыслы

[613] Сноски: 613

Иронически преувеличенная версия того финала, который трагедия Шекспира получила в переводе Альфреда де Виньи (см. примеч. 386), где Отелло душит Дездемону подушкой. Впрочем, у этой фразы, возможно, есть и второй, еще более иронический смысл: во Франции в старину считалось, что удушение между двух матрасов — наилучший способ обхождения с людьми, заболевшими бешенством.

и жесты — у нее все сплошь одна элегия. Вот несколько примеров, в которых все семейные пары наверняка узнают себя.

После завтрака

— Каролина, мы нынче приглашены к Дешарам; ты ведь помнишь, у них званый вечер…

— Да, друг мой.

После обеда

— Как? Каролина, ты еще не готова? — изумляется Адольф, выходя из своей комнаты одетый с иголочки.

Каролина является перед ним в черном нищенском платье с закрытым муаровым лифом. На волосах, дурно уложенных горничной, печально увядают цветы, которые, кажется, никогда не были живыми. Перчатки у Каролины несвежие.

— Я готова, друг мой…

— В этом наряде?

— У меня другого нет. На новое платье нужно целую сотню экю.

— Почему же ты мне не сказала?

— Чтобы я приходила к вам с протянутой рукой!.. После всего, что произошло!..

— Тогда я поеду один, — говорит Адольф, не желающий, чтобы жена его опозорила.

— Я прекрасно знаю, что именно этого вы и хотели, — отвечает Каролина язвительным голоском, — это видно по тому, как вы оделись.

–

В гостиной одиннадцать человек; всех их Адольф пригласил к обеду; Каролина держится так, как будто она тоже гостья, — ждет, пока подадут кушанья.

— Сударь, — шепчет камердинер на ухо хозяину, — кухарка совсем сбилась с ног.

— А что случилось?

— Да ведь ей ничего не сказали; у нее вводное блюдо[614] только на двоих, да еще вареная говядина, один цыпленок, один кочан салата и овощи.

— Каролина, вы что же, не распорядились на кухне?

— Да разве я знала, что у вас гости, и потом, разве смею я здесь распоряжаться?.. Вы меня избавили от всех хлопот, и я всякий день благодарю

[614] Сноски: 614

Вводными блюдами в XIX веке называли сытные мясные или рыбные блюда, подававшиеся в начале обеда (после супа, но до жаркого).

за это Бога.

–

Госпожа де Фиштаминель приезжает с визитом к госпоже Каролине; та кашляет, склонясь над пяльцами.

— Вышиваете домашние туфли для вашего дражайшего Адольфа?

Адольф красуется у камина.

— Нет, это для одного торговца, он мне обещал заплатить; я, точно каторжник, зарабатываю себе на мелкие расходы[615].

Адольф краснеет; он не может поколотить жену, а госпожа де Фиштаминель смотрит на него вопросительно, как бы говоря: «Что все это значит?»

— Вы сильно кашляете, милочка!.. — замечает госпожа де Фиштаминель.

---

[615] Сноски: 615

Здесь Бальзак в издевательской форме подает тот сюжет, который он почти одновременно описал всерьез и возвышенно в повести «Онорина» (первая публикация в марте 1843 года в газете «Пресса»): заглавная героиня бросает мужа ради любовника, который в свою очередь бросает ее; она живет в бедности, зарабатывает на жизнь изготовлением искусственных цветов и отказывается вернуться к мужу, хотя он ее давно простил и страстно желает ее возвращения; впрочем, цветы, изготовляемые Ониориной, покупает через подставных лиц именно ее муж, так что независимость ее весьма относительна, — как и независимость Каролины.

— Пустяки, — отвечает Каролина, — разве я дорожу жизнью!..

–

Каролина сидит подле камина рядом с дамой из числа ваших приятельниц, чьим мнением вы особенно дорожите. Вы стоите у окна и беседуете с друзьями; по губам Каролины вы читаете слова: «Так было угодно мужу!», произнесенные тоном юной римлянки, отправляющейся в цирк на заклание. Самолюбие ваше страдает безмерно; вы пытаетесь расслышать, что говорит Каролина, и одновременно продолжаете говорить с гостями, теряете нить разговора, отвечаете невпопад и, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, думаете только об одном: «Что же такое она ей говорит обо мне?»

–

Обед на двенадцать персон у Дешаров; Каролина сидит рядом с очаровательным юношей по имени Фердинанд, кузеном Адольфа. Между первой и второй переменой блюд речь заходит о семейном счастье.

— Для женщины нет ничего легче, чем быть

счастливой, — отвечает Каролина на жалобы одной из присутствующих дам.

— Откройте же нам ваш секрет, сударыня, — учтиво просит господин де Фиштаминель.

— Женщина должна ни во что не мешаться, держаться как старшая служанка или как рабыня, которую содержит хозяин, не иметь своей воли, не делать никаких замечаний — и тогда все идет превосходно.

Произнесено все это горьким тоном и со слезами в голосе, отчего Адольф приходит в ужас и глядит на свою жену в упор.

— Вы забыли, сударыня, о счастливой возможности объяснять причины своего счастья, — говорит он, испепеляя ее взглядом, достойным тирана из мелодрамы.

Довольная тем, что она показала, как ее замучили или вот-вот замучают, Каролина отворачивается, украдкой утирает слезу и говорит: «Счастье неизъяснимо».

Инцидент, как говорят в палате депутатов, остается без последствий, но Фердинанд смотрит на кузину как на жертвенного агнца.

–

Речь заходит об ужасающем количестве гастритов и безымянных болезней, уносящих жизнь молодых женщин.

«Счастливицы!» — говорит Каролина, словно предвещая собственную смерть.

–

Теща Адольфа приходит повидать дочь. Каролина говорит: «Гостиная мужа! Спальня мужа!» У нее все принадлежит мужу.

— Признавайтесь, дети мои, — говорит теща, — что у вас случилось? Вы, кажется, на ножах?

— Ах боже мой, — отвечает Адольф, — случилось то, что Каролина получила в свои руки управление хозяйством и с ним не справилась.

— Наделала долгов?..

— Да, любезная маменька.

— Послушайте, Адольф, — говорит теща, дождавшись, чтобы дочь оставила ее с зятем наедине, — хотите, чтобы моя дочь была одета с иголочки, чтобы дома у вас был мир и вам бы это ничего не стоило?..

Попытайтесь вообразить физиономию Адоль-

фа, выслушивающего эту *декларацию прав женщины*!

–

Каролина меняет затрапезное платье на великолепный туалет. Она едет к Дешарам: все хвалят ее вкус, богатство тканей, кружева, драгоценности.

— Ах, что за золото ваш муж! — говорит госпожа Дешар.

Адольф, приосанившись, гордо смотрит на Каролину.

— Муж, сударыня?.. благодарение богу, мужу я не стою ровно ничего. Все это у меня от матушки.

Адольф мгновенно отворачивается и заводит беседу с госпожой де Фиштаминель.

–

Прожив год при абсолютном правлении, Каролина однажды утром кротко осведомляется:

— Ну, друг мой, и сколько ты потратил в этом году?

— Не знаю.

— Так посчитай.

Адольф выясняет, что потратил на треть больше, чем Каролина в свой самый неудачный год.

— А ведь мои туалеты тебе ничего не стоили, — замечает Каролина.

–

Каролина играет Шуберта. Адольф наслаждается музыкой в прекрасном исполнении; он подходит сказать Каролине спасибо; она плачет.

— Что с тобой?

— Ничего… нервы.

— Не знал за тобой этого греха.

— Ах, Адольф, ты ничего не замечаешь… Посмотри: у меня кольца спадают с пальцев; ты меня больше не любишь, я тебе в тягость…

Она заливается слезами, ничего не хочет слушать и с каждым словом Адольфа рыдает все горше.

— Хочешь, ты опять будешь управлять хозяйством?

— Ах! — восклицает она, вскочив, как чертик из коробочки. — Неужели тебе еще не надоело ставить опыты?.. Нет уж, спасибо! Разве в деньгах дело? Странный способ врачевать раненое сердце… Нет, оставь меня…

— Ну что же! как тебе угодно, Каролина.

Это «как тебе угодно» — первый признак равнодушия в отношении к своей законной жене[616]; тут Каролине открывается пропасть, к которой она приблизилась по собственной воле.

Французская кампания

Всякой жизни грозит свой злосчастный 1814 год. После блистательных триумфов, после дней, когда преграды оборачивались победами, а препятствия — удачами, наступает момент, когда самые счастливые идеи на поверку оказываются глупыми, когда отвага приводит к беде, когда в укреплениях обнаруживается брешь. В супружеской любви, которую иные авторы соглашаются считать разновидностью любви вообще, чаще, чем в любой другой сфере человеческой жизни, случается своя Французская кампания[617], свой роковой 1814 год. Дьявол особенно любит совать свой нос в дела бедных брошенных жен, а Каро-

---

[616] Сноски: 616

Бальзак переиначивает название знаменитого сочинения аббата Ф. — Р. де Ламенне «Опыт о равнодушии в отношении к религии» (1817–1823).

[617] Сноски: 617

Французской кампанией называются военные действия наполеоновской армии против войск антинаполеоновской коалиции, которые происходили в январе — марте 1814 года на территории Франции.

лина дошла именно до этого состояния.

Теперь Каролина ищет способ вернуть себе любовь мужа! Она целые дни сидит дома в одиночестве и дает волю своему воображению. Она бродит по комнатам, подходит к окну и надолго замирает перед ним, глядя на улицу и ничего не видя; среди своих этажерок с безделушками, в своих роскошно обставленных покоях она чувствует себя как в пустыне.

Между тем все в Париже, кроме тех, кто обитает в собственном особняке, стоящем между двором и садом, живут впритирку друг к другу. На каждом этаже напротив одной супружеской четы проживает другая. Каждый наблюдает за жизнью соседей, сколько душе угодно. Тут царит повинность взаимного изучения, право осмотра[618], распространяющееся на всех и каждого. Допустим, утром вы поднялись рано, а служанка соседа напротив занялась уборкой квартиры и вывесила ковры за окно: благодаря этому вы угадываете бесконечное множество деталей из жизни соседа, но и сосед знает не меньше о вашей

[618] Сноски: 618

Право осмотра — термин морского права; речь идет о праве военных моряков во время войны осматривать торговые суда, чтобы убедиться, что они вышли в море исключительно с мирными коммерческими целями.

жизни. Поэтому через какое-то время оказывается, что вам известны все привычки соседки напротив, хорошенькой, старой или молодой, кокетливой или добродетельной, известны капризы фата и ухищрения старого холостяка, известно, какого цвета у них мебель и какой масти кот у жильца третьего или четвертого этажа. Все здесь улика и источник для догадок. Гризетка с пятого этажа обнаруживает — правда, подобно целомудренной Сусанне, с опозданием, — что на нее с восторгом наставил бинокль чиновник с жалованьем тысяча восемьсот франков в год, старый греховодник, охочий до дармовых зрелищ[619]. Со своей стороны, юноша, служащий сверх штата, предстает перед старой богомолкой во всем блеске своих девятнадцати лет и во всей неприкрытой красе человека, занятого бритьем бороды. Наблюдательность не знает покоя, а вот осторожности случается задремать. Занавески далеко не всегда задергиваются вовремя. В сумерках женщина подходит к окну, чтобы вдеть нитку

[619] Сноски: 619

Библейская Сусанна (Дан. 13:1) — молодая красавица, ставшая предметом домогательств двух похотливых старцев. Созерцающий ее чиновник небогат: на день у него приходится около 5 франков — примерно столько же, сколько зарабатывал высококвалифицированный ремесленник. В романе «Отец Горио» Бальзак называет жалованье чиновников, «занимающих местечки потеплее»: от трех до шести тысяч.

в иголку, а сосед из дома напротив любуется рафаэлевской головкой и находит ее достойной себя, национального гвардейца, который так хорош в карауле. Пройдитесь по площади Сен-Жорж[620], и если вы умеете смотреть, то сможете разгадать секреты по меньшей мере трех хорошеньких женщин. О священная частная жизнь, где ты? Париж — город, который является полуобнаженным в любое время дня и ночи, город распутный и бесстыдный по преимуществу. Здесь невинность может сохранить только тот, у кого есть сто тысяч франков годового дохода. Добродетель здесь обходится дороже порока[621].

Каролина посматривает порой сквозь муслиновую занавеску, которая надежно укрывает ее покои от жителей шестиэтажного дома напротив, и в конце концов обнаруживает там юную чету, вкушающую услады медового месяца: молодожены недавно поселились на втором этаже

---

[620] Сноски: 620

В квартале, окружающем площадь Сен-Жорж, селились во множестве легкомысленные женщины, которых, по названию располагавшейся неподалеку церкви Лоретской Богоматери, остроумный журналист Нестор Рокплан в 1841 году нарек лоретками.

[621] Сноски: 621

Восклицание о «частной жизни» и следующий за ним конец абзаца отсутствовали в первоначальном варианте этой главы, напечатанном в 1830 году в газете «Карикатура»; Бальзак вставил их в вариант, опубликованный в сборнике «Бес в Париже».

как раз напротив Каролининых окон. Наблюдения лишают Каролину покоя. Соседи напротив рано закрывают ставни и поздно их открывают. Однажды, случайно встав в восемь утра, Каролина видит горничную, приготовляющую ванну и прелестное дезабилье для хозяйки. Каролина вздыхает. Она уподобляется охотнику, подстерегающему добычу: ей удается увидеть молодую женщину, сияющую от счастья. Наконец, после долгой слежки за очаровательной четой, она видит, как муж и жена открывают окно и, чуть прижавшись друг к другу, дышат вечерней прохладой. С Каролиной случается нервический припадок, когда однажды вечером напротив забывают закрыть ставни: сквозь занавески она видит, как две тени за окном вступают в схватку, сплетаются в фантасмагорические узоры, то ли необъяснимые, то ли слишком хорошо объяснимые. Частенько молодая женщина сидит одна, погруженная в меланхолические мечтания, и ожидает супруга; заслышав стук лошадиных копыт или колес кабриолета, она вскакивает с дивана, и можно угадать, что она восклицает: «Это он!..»

«Как же они любят друг друга!» — думает Каролина.

Разыгравшиеся нервы внушают Каролине чрезвычайно хитроумный план: она решает использовать чужое семейное счастье как средство подстегнуть чувства Адольфа. Мысль довольно порочная, мысль старика, который хочет соблазнить маленькую девочку непристойными гравюрами и амурами; однако цель Каролины оправдывает любые средства!

— Адольф, — говорит она ему однажды, — у нас напротив живет прелестная брюнетка…

— Да, — отвечает Адольф, — я ее знаю. Это приятельница госпожи де Фиштаминель, госпожа Фуллепуэнт, жена маклера; он очаровательный человек, добряк и без ума от своей жены! Вообрази: его кабинет, контора, касса — все выходят во двор, а парадные покои отданы супруге. Не знаю четы более счастливой. Фуллепуэнт повсюду хвастает своим счастьем, даже на бирже; всем уже надоело его слушать.

— Ну так сделай одолжение, представь меня господину и госпоже Фуллепуэнт! Право, я бы с радостью узнала, как она ухитряется внушать мужу такую страстную любовь… Они давно женаты?

— В точности столько, сколько и мы: пять лет…

— Адольф, миленький, я умираю от желания

с ней познакомиться. Сведи нас. А кто лучше: она или я?

— Право, встреть я вас обеих на балу в Опере и не будь ты моей женой, я бы не знал, кого выбрать…

— Ты сегодня очень мил. Не забудь в субботу пригласить их к обеду.

— Приглашу сегодня же вечером. Мы с Фуллепуэнтом постоянно встречаемся на бирже.

«В конце концов, — думает Каролина, — должна же эта женщина объяснить мне, как она этого добивается».

Каролина продолжает наблюдения. Около трех часов пополудни она смотрит сквозь цветочную рощицу в жардиньерке на окне и восклицает: «Сущие голубки!..»

В субботу Каролина приглашает к обеду господина и госпожу Дешар, почтенного господина де Фиштаминеля — одним словом, самых добродетельных супругов из своего окружения. Каролина во всеоружии: она заказала самый изысканный обед, достала из шкафов самую роскошную посуду; ведь она готовится принять идеальную женщину.

— Вот увидите, дорогая моя, — говорит она госпоже Дешар в ту минуту, когда женщины обычно

молча оглядывают одна другую, — наши соседи напротив — это прелестнейшая в мире супружеская чета: он белокурый юноша бесконечного обаяния, а какие манеры… лицом вылитый лорд Байрон, настоящий Дон Жуан, но верен жене! он от нее без ума. Жена очаровательна и открыла способ быть любимой вечно; может быть, пример этой четы возвратит мне счастье; Адольф посмотрит на них, устыдится и…

Слуга объявляет: «Господин и госпожа Фуллепуэнт».

Госпожа Фуллепуэнт, хорошенькая брюнетка, настоящая парижанка, гибкая, стройная, одетая восхитительно, бросающая пылкие взгляды из-под полуопущенных длинных ресниц, усаживается на диван. За этой парижской андалузкой следует, тяжело ступая, упитанный господин с редкими седыми волосами: обрюзглое лицо и отвислое брюхо сатира, лоснящийся череп, лицемерная и сладострастная улыбка, играющая на пухлых губах, — все обличает в нем истинного философа. Каролина смотрит на этого господина с удивлением.

— Господин Фуллепуэнт, милая, — представляет ей Адольф почтенного старца.

— Я счастлива, сударыня, — говорит Каролина

с самым любезным видом, — что вы пришли с вашим свекром (все присутствующие обращаются в слух); но, надеюсь, и ваш муж…

— Сударыня…

Присутствующие переглядываются, а затем смотрят на Адольфа; он имеет вид удивленный и довольно глупый; если бы перед Каролиной, как в театре, внезапно разверзся люк, он бы с радостью сбросил ее туда.

— Вот мой муж, господин Фуллепуэнт, — говорит госпожа Фуллепуэнт.

Каролина багровеет, понимая, во что она *вляпалась*; а Адольф бросает на нее взгляд, пылающий, как тридцать шесть газовых рожков.

— А вы говорили: юный, белокурый… — шепчет госпожа Дешар.

Госпожа Фуллепуэнт, женщина умная, бестрепетно смотрит на потолок.

Месяц спустя госпожа Фуллепуэнт и Каролина становятся лучшими подругами. Адольф, занятый исключительно госпожой де Фиштаминель, не обращает никакого внимания на эту опасную дружбу, и напрасно, ибо, имейте в виду:

Аксиома

Женщины развратили больше женщин, чем мужчины обольстили.

Соло для катафалка

По прошествии некоторого времени, продолжительность которого зависит от твердости нравственных правил Каролины, она начинает чахнуть; видя, как она растянулась на диване, словно змея под лучами солнца, Адольф из вежливости осведомляется:

— Что с тобой, милая? чего бы тебе хотелось?

— Мне бы хотелось умереть!

— Превосходное желание, и какое веселое…

— Смерть меня не пугает, но страдания…

— Иначе говоря, ты страдаешь по моей вине!.. Вот что такое женщины!

Адольф меряет шагами гостиную и недовольно ворчит, но вдруг замолкает, заметив, что Каролина утирает своим расшитым носовым платочком весьма художественно текущие слезы.

— Ты больна?

— Я нездорова. (Пауза.) Я хочу только одного

— знать, смогу ли я дожить до свадьбы моей доченьки; ведь теперь я понимаю, что значат эти слова, которых не понять юным существам: *выбор супруга*! Ступай, развлекайся: женщина, которая думает о будущем, женщина, которая страдает, совсем не занимательна; у тебя есть дела повеселее…

— У тебя что-то болит?

— Друг мой, у меня ничего не болит; я прекрасно себя чувствую и ни в чем не нуждаюсь. Право, мне уже лучше… Ступайте, оставьте меня.

В первый раз Адольф уходит почти опечаленный.

Проходит неделя; Каролина приказывает слугам не говорить господину ни слова о своем плачевном состоянии: она угасает, то и дело призывает горничную, потому что вот-вот лишится чувств, и постоянно нюхает эфир. В конце концов челядь сообщает господину о супружеском героизме хозяйки; однажды вечером Адольф остается дома после обеда и видит, как его жена осыпает поцелуями маленькую Мари.

— Бедное дитя! только из-за тебя я тревожусь о том, что со мной станется! Ах боже мой, на что мне жизнь?

— Послушай, детка, — говорит Адольф, — не

надо грустить.

— О! я вовсе не грущу!.. смерть меня совсем не пугает… Я нынче утром видела похороны и позавидовала покойнику! Отчего я все время думаю о смерти?.. Может, эта такая болезнь?.. Мне кажется, я сама наложу на себя руки.

Чем больше стараний прилагает Адольф к тому, чтобы развеселить Каролину, тем более траурный вид она принимает и тем чаще пускает в ход слезы. На второй раз Адольф остается дома и скучает. После третьей атаки горючими слезами он уходит из дома без всякой печали. В конце концов эти вечные жалобы, томные позы и крокодиловы слезы так надоедают Адольфу, что он говорит: «Если ты больна, Каролина, надо позвать врача…»

— Как тебе угодно! Это приблизит мой конец, а я только об этом и мечтаю… Но тогда уж пригласи какую-нибудь знаменитость.

Через месяц, наскучив похоронными мелодиями, которые Каролина разыгрывает на все лады, Адольф приводит к ней великого врача. В Париже все врачи — люди острого ума и превосходно разбираются в брачной нозографии.

— Нуте-с, сударыня, — говорит великий врач, — с чего это такой хорошенькой женщине вздума-

лось болеть?

— Да, сударь, я, точно нос отца Обри, стремлюсь к могиле[622]…

В угоду Адольфу Каролина старается улыбнуться.

— Так-так! но глаза у вас живые: им наши адские снадобья без надобности…

— Взгляните повнимательнее, доктор, меня пожирает лихорадка, медленная, незаметная…

И она останавливает один из самых лукавых своих взглядов на знаменитом докторе, который думает: «Ну и глаза!..»

А вслух произносит:

— Хорошо, теперь покажите язык…

Каролина открывает рот и показывает язык; зубки у нее белые, как у собаки, а язычок розовый, как у кошки.

— Язык немного обложен; но вы ведь недавно завтракали, — изрекает великий врач, оборачиваясь к Адольфу.

— Я ничего не ела, только выпила две чашки чаю, — отвечает Каролина.

---

[622] Сноски: 622

«Нос, стремящийся к могиле» — деталь из портрета священника отца Обри в первом издании повести Ф. — Р. де Шатобриана «Атала» (1801). Этот смелый образ навлек на автора насмешки критиков, и из последующих изданий Шатобриан его исключил.

Адольф и знаменитый доктор переглядываются, и доктор спрашивает себя, кто здесь его дурачит, хозяин или хозяйка.

— На что вы жалуетесь? — степенно осведомляется у Каролины доктор.

— Я не сплю.

— Хорошо!

— Потеряла аппетит…

— Хорошо!

— У меня боли… вот здесь…

Доктор осматривает место, на которое указывает Каролина.

— Очень хорошо! мы к этому вернемся… А что еще?

— Меня порой знобит…

— Хорошо!

— У меня случаются приступы уныния, я все время думаю о смерти, о самоубийстве.

— Неужели?

— У меня кровь приливает к голове и вот, смотрите, веко все время подрагивает…

— Превосходно! мы называем это *тризм*[623].

В течение пятнадцати минут кряду доктор, употребляя множество научных терминов,

---

[623] Сноски: 623

Тризм — медицинский термин, означающий спазм жевательной мускулатуры, зачастую мешающий разжать челюсти.

объясняет, что такое *тризм*, и неопровержимо доказывает, что *тризм* есть *тризм*; впрочем, он с величайшей скромностью замечает, что если науке известно, что тризм есть тризм, она пребывает в полном неведении относительно причин этого нервического подергивания, которое то появляется, то исчезает… Однако, добавляет он, мы убеждены, что природа этого заболевания сугубо нервная.

— Это опасно? — спрашивает встревоженная Каролина.

— Нисколько. В какой позе вы спите?

— Свернувшись клубком.

— Хорошо; на каком боку?

— На левом.

— Хорошо; а на скольких матрасах?

— На трех.

— Хорошо; а тюфяк есть?

— Да, но…

— Чем набит?

— Волосом.

— Хорошо. Пройдитесь-ка!.. Нет-нет, идите просто, как будто мы на вас не смотрим…

Каролина выступает, точно Фанни Эльслер,

и вертит своим *турнюром*[624] на андалузский манер.

— Тяжести в коленях не чувствуете?

— Пожалуй, нет… (Она возвращается на свое место.) Боже мой, вот что значит прислушаться к себе… Теперь мне уже кажется, что да…

— Хорошо. Вы в последнее время много сидели дома?

— О да, сударь, слишком много… и совсем одна.

— Вот-вот, так я и думал. А чем вы покрываете голову на ночь?

— Надеваю вышитый чепчик, а иногда еще сверху повязываю фуляр.

— А не чувствуете, что вам жарко? Что у вас испарина?..

— Во сне это трудно заметить.

— Но бывает так, что вы проснулись, а чепчик

---

[624] Сноски: 624

Турнюром называлось приспособление в виде подушечки или сборчатой накладки, располагавшееся чуть ниже талии на заднем полотнище нижней юбки и помогавшее зрительно увеличивать женский зад. Новую жизнь ему придал после 1869 году модельер Ч. Ворт, но вообще оно было в употреблении еще в конце XVIII века и уже тогда называлось *faux cul* — ложный зад (см.: Nouveaux tableaux de Paris. Paris, 1828. T. 1. P. 34). В данном случае у Бальзака это слово, выделенное курсивом, употреблено скорее всего просто в качестве эвфемизма для слова «зад». Танцовщица Фанни Эльслер (1810–1884) в 1836 году выступила на сцене парижской Оперы в балете «Хромой бес» и ввела в моду андалузский танец качуча, считавшийся неприличным для светских женщин.

влажный?

— Пожалуй.

— Хорошо. Дайте мне руку.

Доктор вынимает часы.

— Я вам сказала, что у меня бывают головокружения?

— Тсс!.. — перебивает ее доктор; он считает пульс. — По вечерам?

— Нет, по утрам.

— Черт побери! головокружения по утрам, — повторяет доктор, глядя на Адольфа.

— Итак, — спрашивает Адольф, — что вы скажете о состоянии моей жены?

— Герцог де Г… не поехал в Лондон, — говорит великий врач, осматривая кожу Каролины, — и в Сен-Жерменском предместье теперь только об

этом и говорят[625].

— У вас есть пациенты в Сен-Жерменском предместье?

— Почти все мои пациенты оттуда… Ах боже мой! ведь меня ждут там семеро больных, некоторые очень плохи…

Доктор поднимается.

— Что вы скажете обо мне, сударь? — спрашивает Каролина.

— Сударыня, нужно беречь себя, очень беречь, пить мягчительные отвары, настойку алтея, соблюдать диету, есть белое мясо[626], побольше двигаться.

«И вот за это я плачу 20 франков», — с усмешкой думает Адольф.

Великий врач берет Адольфа под руку, и они

---

[625] Сноски: 625

Речь идет о поездке в Лондон герцога Бордоского (с 1830 года носившего также титул графа Шамборского), которого французские легитимисты считали законным наследником престола, узурпированного Луи-Филиппом (см. примеч. 490 и 510); герцог жил в Австрии, однако в октябре 1843 года побывал в Лондоне, куда для встречи с ним отправились некоторые французские легитимисты. В первом варианте этой главы, опубликованном в 1830 году в журнале «Карикатура» 11 ноября 1830 года, герцог де Г… напротив, *поехал* в Великобританию, а именно в шотландский замок Холируд, где сразу после изгнания из Франции поселился король Карл X со своим семейством. В Сен-Жерменском предместье (квартале левобережного Парижа) жили при Июльской монархии сторонники изгнанной старшей ветви Бурбонов — аристократы-легитимисты, и незнатной Каролине льстит мысль, что ее лечит врач, пользующий таких высокородных особ.

[626] Сноски: 626

Ср. в Размышлении XII «Физиологии брака», с. 234; здесь в числе блюд, которыми осмотрительный муж кормит свою жену, чтобы не распалять ее страсти, упоминается белое мясо.

выходят из комнаты; Каролина на цыпочках крадется за ними.

— Любезнейший, — говорит великий врач, — я говорил с вашей супругой довольно легкомысленно, я не хотел ее пугать; но от вас тут зависит гораздо больше, чем вы думаете… Не оставляйте жену без присмотра; у нее могучий темперамент, она здорова как бык. *Все это* действует на нее. У природы свои законы, и мы им подчиняемся, даже если их не знаем. Ваша жена может довести себя до такого болезненного состояния, что вы будете жестоко раскаиваться в своем небрежении… Если вы ее любите, люби́те ее; если не любите, но не хотите оставлять детей без матери, надобно принять меры гигиенического свойства, но принять их должны именно вы!..

— Как он меня понял!.. — думает Каролина. Она открывает дверь и говорит: «Доктор, вы не выписали рецепт!..»

Великий врач улыбается, откланивается и уходит с двадцатифранковой монетой в кармане, а Адольф остается в руках жены, которая тут же берет дело в свои руки и спрашивает:

— Скажи мне правду. Я скоро умру?..

— Он сказал, что ты слишком здорова! — восклицает Адольф, выведенный из терпения.

Каролина в слезах падает на диван.

— Что с тобой?

— Со мной все самое плохое… Я тебе в тягость, ты меня больше не любишь… Я не желаю видеть этого врача… Не знаю, почему госпожа Фуллепуэнт посоветовала его позвать, он наговорил мне столько всякого вздору!.. и вообще, я лучше него знаю, чего мне не хватает…

— Чего же?

— Неблагодарный, и ты еще спрашиваешь? — говорит она, опуская голову на плечо Адольфа.

Перепуганный Адольф думает: «А ведь доктор прав, ее требовательность может развиться до степеней болезненных, и что тогда со мною станется?.. Значит, приходится выбирать между физическим помешательством Каролины и каким-нибудь юным кузеном».

Каролина меж тем с мрачным исступлением

принимается петь мелодию Шуберта[627].

[627] Сноски: 627

Если в варианте, который Бальзак опубликовал в сборнике «Бес в Париже» и который затем был повторен в окончательном издании, авторская ирония направлена столько же против «мнимой больной», сколько и против врача, то в первоначальном варианте 1830 года автор явственно осуждает врача; очерк, начавшийся в богатом особняке, заканчивается сценой в кабинете, где доктор, только что мило болтавший с хорошенькой симулянткой, совсем иначе, нелюбезно и невнимательно, принимает по-настоящему больных бедняков, которых вынужден лечить бесплатно. Этот медик, презирающий бедных больных и боготворящий богатых, описан, возможно, не без влияния комедии Скриба «Юный врач», которую Бальзак весьма хвалебно упоминает в «Физиологии брака» (см. примеч. 414).

Часть вторая
Второе предисловие

Если вы смогли понять эту книгу… (между прочим, подобное предположение делает вам неслыханную честь: ведь самый глубокомысленный автор не всегда понимает, а вернее даже сказать, никогда не понимает, как можно истолковать его книгу, какое влияние она окажет, пользу она принесет или вред), итак, если вы уделили кое-какое внимание этим сценкам супружеской жизни, вы, возможно, заметили их окраску…

— Какую окраску? — спросит, возможно, иной бакалейщик. — Обложки книг бывают окрашены в желтый, синий, бежевый, бледно-зеленый, перламутровый, белый цвет.

Увы! у книг бывает еще и другая окраска, одни авторы их окрашивают, а другие порой эту окраску заимствуют. Некоторые книги линяют на другие. Более того. Книги бывают блондинками и брюнетками, светлыми шатенками и рыжеволосыми. И наконец, у книг есть пол! Нам

известны книги мужского и женского пола[628], а также, увы, книги бесполые; впрочем, наша книга, надеемся, к этой категории не относится — если, конечно, вы готовы оказать честь этому собранию нозографических историй и признать его книгой.

До сих пор мы вели речь только о тех неприятностях, какие женщина доставляет мужчине. Следовательно, вы познакомились только с мужской стороной книги. Но если слух у автора такой острый, какой ему приписывают, он не может не расслышать восклицания и порицания, излетающие из уст не одной разъяренной женщины:

«Нам толкуют исключительно о неприятностях, от которых страдают эти господа, как будто они не причиняют мелких неприятностей нам».

О женщины! ваш голос был услышан, потому что, если мы вас порой и не понимаем, не услы-

---

[628] Сноски: 628

Второе предисловие Бальзак написал в 1845 году, для издания Хлендовского; мысль о том, что у книг есть пол, то есть что они бывают написаны либо с мужской, либо с женской точки зрения, он более подробно развил двумя годами раньше, в романе «Провинциальная муза» (1843), где устами журналиста Этьена Лусто утверждал, что «есть книги мужского пола и книги женского пола, блондинки или брюнетки», а в качестве примера книги «двуполой» приводил роман Бенжамена Констана «Адольф», в котором женщины сочувствуют только героине Элленоре, а мужчины — только заглавному герою, меж тем как роман этот дает читателю возможность встать на точки зрения обоих, и героя, и героини.

шать вас довольно затруднительно!..

Итак, было бы в высшей степени несправедливо предъявлять вам одним те упреки, которые всякое общественное существо, связанное узами (брака), имеет право адресовать этому установлению — необходимому, священному, полезному, в высшей степени охранительному, но несколько стеснительному, чересчур облегающему, а порой, напротив, чересчур свободному.

Скажу больше! Подобная пристрастность обличала бы в авторе кретина.

В писателе уживаются много разных людей, причем все они, а следовательно, и автор обязаны походить на Януса: смотреть и вперед, и назад, быть переносчиками вестей, изучать одну и ту же идею с разных сторон, поочередно превращаться то в Альцеста, то в Филинта[629], не все высказывать, но все знать, никогда не наскучивать и…

Не станем доканчивать перечисление, иначе мы откроем все, что думаем, а это испугает всех тех, кто размышляет об условиях существования литературы.

Вдобавок автор, берущий слово посередине собственной книги, походит на того простофилю

---

[629] Сноски: 629

Персонажи комедии Мольера «Мизантроп» (1666): мрачный и раздражительный Альцест и его рассудительный друг Филинт.

из «Живой картины», который вставил в живописный портрет свою физиономию[630]. Автор хорошо помнит, что в палате депутатов никто не берет слово между двумя голосованиями по одному и тому же вопросу. Итак, довольно!

Перейдем к женской половине книги; ведь для того чтобы вполне уподобиться браку, книга эта обязана стать в большей или меньшей степени гермафродитом.

Мужья через два месяца

Две юные особы, Каролина и Стефания, были неразлучными подругами в пансионе мадемуазель Машфер, одном из самых знаменитых воспитательных заведений предместья Сент-Оноре, а недавно вышли замуж; они сошлись на балу у госпожи де Фиштаминель и разговорились в одном из будуаров, сидя в амбразуре окна.

Было так жарко, что один мужчина еще прежде этих молодых дам захотел подышать ночной прохладой и вышел на балкон; цветы, стоявшие на

[630] Сноски: 630

В комедии Луи Ансома с музыкой Андре Гретри «Живая картина» (1769) старик Кассандр, опекун Изабеллы, вставляет свое лицо в раму вместо собственного портрета и в таком виде присутствует при объяснении девушки с ее возлюбленным.

подоконнике, скрыли его от взоров двух подруг, и потому они вели разговор в полной уверенности, что их никто не слышит.

Мужчина этот был лучшим другом автора.

Одна из молодых дам сидела спиной к оконному проему и наблюдала за тем, что происходит в будуаре и гостиных. Другая забилась в угол, чтобы уберечься от сквозняка, от которого, впрочем, ее защищали муслиновые и шелковые занавески.

Будуар был пуст, бал только начинался, на зеленом сукне ломберных столов поджидали игроков колоды карт, еще не вынутые из тонкой обертки, в которую их одели содержатели карточного откупа.

Танцевали вторую кадриль.

Все, кто ездит на балы, знают эту фазу больших приемов, когда еще не все гости съехались, но залы уже полны, — фазу, наводящую ужас на хозяйку дома. Сравнить ее можно только с той минутой, когда решается судьба сражения.

Теперь вы понимаете, как случилось, что разговор, который должен был остаться в глубокой тайне, ныне предается тиснению.

— Итак, Каролина?

— Итак, Стефания?

— Итак?

— Итак?

Дружный вздох.

— Неужели ты забыла наш уговор?

— Нет…

— Почему же ты до сих пор не навестила меня?

— Меня ни на минуту не оставляют одну; только здесь и можно перемолвиться словом…

— Ах! если бы мой Адольф вел себя так же!.. — восклицает Каролина.

— Ты ведь видела нас с Арманом в ту пору, когда он за мной ухаживал — не знаю, право, почему это так называют…

— Да, видела и восхищалась, мне казалось, что ты очень счастлива, потому что нашла свой идеал: красавец, всегда прекрасно одет, в желтых перчатках[631], борода аккуратно подстрижена, сапоги лаковые, белье белоснежное, всегда опрятен, всегда учтив…

— Говори, говори дальше.

— Словом, мужчина хорошего тона; и разговаривал всегда нежно, как женщина, никогда не повышал голоса. А как он обещал дать тебе счастье и свободу! Каждую фразу обрамлял палисандровым деревом. Одевал свои речи шалями

---

[631] Сноски: 631

Желтые перчатки при Июльской монархии служили мужчинам признаком модности и элегантности.

и кружевами. В каждом его слове слышался стук копыт и шум экипажа. Тебя ожидали миллионные свадебные подарки. Мне казалось, что Арман — бархат, гагачий пух и в браке тебя ждут одни блаженства.

— Каролина, мой муж нюхает табак.

— Подумаешь! а мой курит…

— Но мой нюхает его так часто, как, говорят, делал Наполеон, а я ненавижу табак; он это прознал и семь месяцев обходился без табака… Чудовище!

— Но у всех мужчин свои привычки, им надо чем-то себя занимать.

— Ты не можешь вообразить, как я мучаюсь. Ночью просыпаюсь и начинаю чихать. Вся подушка усыпана крошками табака; только начну засыпать, как вдыхаю их и подскакиваю до потолка. А негодяй Арман, кажется, привык к таким *сюрпризам* и даже не просыпается. Куда ни посмотрю, в доме все обсыпано табаком, как будто я вышла замуж за содержателя табачного откупа.

— Но ведь это все сущие пустяки, милочка, если муж у тебя добрый и ласковый!

— В том-то и дело, что он холоден, как мрамор, чопорен, как старик, разговорчив, как солдат на часах, и вообще он один из тех людей, которые на

все говорят «да», а поступают по-своему.

— А ты скажи ему «нет».

— Уже говорила.

— И что?

— А вот что: он пригрозил, что отнимет у меня часть моего пенсиона и потратит на то, чтобы обойтись без меня…

— Бедная Стефания! это же не человек, а чудовище!..

— Чудовище спокойное, методическое, которое прикрывает лысину накладкой и каждый вечер…

— Что каждый вечер?..

— Сейчас узнаешь!.. Каждый вечер кладет в стакан с водой вставную челюсть.

— В какую же ловушку ты угодила! Но Арман по крайней мере богат?..

— Понятия не имею.

— Боже мой! Ты, кажется, скоро сделаешься очень несчастлива… или очень счастлива.

— А ты, милочка?

— Мне до сих пор не на что жаловаться, кроме одной-единственной вещи. Но она несносна.

— Бедняжка! ты не сознаешь своего блаженства. Так в чем дело, скажи…

Тут одна молодая дама принялась шептать что-

то на ухо другой так тихо, что невозможно было разобрать ни слова. Затем разговор продолжился или, вернее сказать, закончился следующим образом:

— Твой Адольф ревнив?

— Да к кому же ему ревновать? Мы ведь не расстаемся ни на минуту, и это, милочка, довольно-таки неприятно. У меня уже больше сил нет. Я даже зевнуть не смею, нужно все время изображать любящую жену. Это утомительно.

— Каролина?

— Да?

— Что ты будешь делать?

— Терпеть. А ты?

— Воевать с табачным откупом…

Эта глава призвана доказать, что в отношении разочарований мужской и женский пол квиты.

Обманутое честолюбие

§ 1. Прославленный Шодорей

Юноша покинул родной город и выехал из департамента, окрашенного на карте господина Шарля Дюпена более или менее ярким

цветом[632]. Он мечтал о славе, неважно какой: великого художника или романиста, журналиста, поэта или государственного мужа.

Чтобы все оценили его сполна, юный Адольф де Шодорей хочет прославиться, заставить говорить о себе, выбиться в люди. Итак, эта глава адресована всем тем честолюбцам, которые являются в Париж, движимые силой то ли физической, то ли моральной и проникнутые бешеным желанием ниспровергнуть все репутации, дабы воздвигнуть на образовавшихся руинах собственный пьедестал; рано или поздно их постигает разочарование.

Поскольку мы говорим о явлении обыкновенном и характерном для нашей эпохи, возьмем для примера того героя, которого автор в другом месте нарек *Провинциальной знаменитостью в*

[632] Сноски: 632

См. о Дюпене примеч. 45. Имеется в виду созданная им в 1826 году, а в следующем году включенная в книгу «Производительные и торговые силы Франции» карта Франции, на которой разные департаменты были окрашены в разные цвета в зависимости от количества мальчиков, посещающих начальную школу: «просвещенные» области были более светлыми, а непросвещенные — темными.

Париже[633].

Адольф догадался, что самое прибыльное занятие — купить за 12 франков 50 сантимов склянку чернил, пучок перьев и стопу бумаги большого формата[634], а затем разрезать каждый из двух тысяч листов, составляющих стопу, на четыре части и продать все это за 50 000 франков, впрочем потрудившись предварительно написать на каждой четвертинке листа по пятьдесят строк, обличающих отменный слог и пылкое воображение.

Эта возможность превратить 12 франков 50 сантимов в 50 000 франков, исходя из цены двадцать пять сантимов за строчку, подстрекает многие семейства отправлять юношей, которые могли бы с пользой трудиться у себя в глуши, в

---

[633] Сноски: 633

Имеется в виду Люсьен де Рюбампре, герой романа «Утраченные иллюзии»; «Провинциальная знаменитость в Париже» — название второй части этого романа (1839), где Люсьен пытается построить свою литературную и журналистскую карьеру в Париже. Впрочем, хотя Люсьен и терпит неудачу, это происходит не от недостатка таланта, а от слабости характера. К герою «Мелких неприятностей» ближе другой персонаж «Человеческой комедии», посредственный журналист, литератор-ремесленник Этьен Лусто. В окончательную версию романа «Комедианты неведомо для себя», над которым он работал почти одновременно с последней порцией «Неприятностей» (впервые опубликован в апреле 1846 года), Бальзак планировал включить главку о Шодорее — провинциале, явившемся в Париж за славой, «воплощенном литературном бессилии», «свече, пожелавшей стать звездой» (*СН*. Т. VII. Р. 1203). В этой главке два главных героя, циничные мистификаторы, осыпают бездарного Шодорея преувеличенными

комплиментами, а он принимает все за чистую монету.

[634] Сноски: 634

В оригинале этот формат называется «раковина» (papier coquille); в сантиметрах его размер — 44×56 (для сравнения: самый распространенный современный формат бумаги А4 имеет размеры 21×29). Это один из тех форматов, о которых идет речь в первой части «Утраченных иллюзий» (1837), где упоминаются также форматы с такими живописными названиями, как «виноград», «голубятня», «Иисус» или «большой орел»; все они названы по водяным знакам, оттиснутым посередине листа.

парижский ад.

В родном городе убеждены, что юноша, вывозимый в столицу таким образом, одарен воображением ничуть не менее пылким, чем у самых прославленных авторов. Он хорошо учился в школе, сочиняет миленькие стишки, слывет человеком остроумным; наконец, нередко в число его грешков входит прелестная новелла, напечатанная в местной газете и снискавшая восхищение всего департамента.

Несчастные родители так никогда и не узнают того, что с огромным трудом постигнет в Париже их сын, а именно:

что невозможно стать писателем и как следует выучиться французскому языку, не проведя двенадцать лет в геркулесовых трудах;

что необходимо изучить до мельчайших подробностей жизнь всего общества, чтобы сделаться настоящим романистом, ибо роман есть история частной жизни наций;

что великие рассказчики (Эзоп, Лукиан, Боккаччо, Рабле, Сервантес, Свифт, Лафонтен, Лесаж, Стерн, Вольтер, Вальтер Скотт, безвестные арабы, сочинившие сказки «Тысячи и одной ночи») были все до единого одарены великим гением и колоссальной эрудицией.

Между тем провинциал Адольф проходит свою литературную школу в многочисленных кофейнях, вступает в Общество литераторов[635], нападает без разбора на талантливых людей, которые не читают его статей, смягчается, убедившись в бесполезности своих критических атак, приносит новеллы в газеты, которые перебрасываются ими, точно мячиком, и наконец, после пяти или шести лет более или менее утомительных занятий и ужасных лишений, дорого обходящихся его родителям, он *завоевывает определенное положение*.

Вот в чем заключается это положение.

Благодаря системе взаимного страхования посредственных литераторов, которую один довольно изобретательный писатель назвал

[635] Сноски: 635

Общество литераторов было основано в 1838 году для защиты прав людей, занимающихся литературной деятельностью; Бальзак вступил в него в самом конце 1838 года, а в августе 1839 года был избран его председателем.

литературной приязнью[636], имя Адольфа частенько красуется среди имен знаменитостей либо в проспектах книгопродавцев, либо в газетных объявлениях о книгах, готовящихся к выходу.

Книгопродавцы возвещают о выходе одного из его сочинений в рубрике под обманчивым названием «В печати», которую можно было бы назвать типографическим зверинцем для *медведей*[637].

Порой Шодорея упоминают в числе надежд юной словесности[638].

В течение одиннадцати лет Адольф де Шодорей по-прежнему числится юным литератором: он успевает полысеть, но не покидает рядов юной словесности; в конце концов рецензиями на

---

[636] Сноски: 636

Имеется в виду Анри де Латуш (см. примеч. 340), в октябре 1829 года напечатавший в журнале «Ревю де Пари» статью «О литературной приязни» (De la camaraderie littéraire), направленную против Виктора Гюго и группы писателей, его окружавших (прежде всего Сент-Бёва), которые, по мнению Латуша, занимались неумеренным взаимным восхвалением и «взаимным страхованием»; эти «приятельские» похвалы Латуш считал губительными для словесности. С легкой руки Латуша слово *camaraderie* превратилось во Франции в настоящий термин; о его истории см.: *Glinoer A.* La querelle de la camaraderie littéraire. Les romantiques face à leurs contemporains. Genève, 2008; см. также: *Мильчина В. А.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» (Новое литературное обозрение. 2017. № 145).

[637] Сноски: 637

Медведем называют пьесу, которую отвергли многие театры и которая все-таки появляется в репертуаре в том случае, если какому-нибудь директору приходит нужда *показать медведя*. Из театрального жаргона это слово перешло в жаргон журналистов и применяется теперь к гуляющим между редакциями романам. Следовало бы именовать книжного медведя белым, а остальных — черными. (*Примеч. Бальзака.*)

[638] Сноски: 638

С легкой руки Жюля Жанена, автора статьи «Манифест юной словесности» (1834), к представителям этой словесности относили в 1830-е годы всех литераторов, как прославленных, так и второстепенных, которые отказывались сочинять по старым классическим лекалам. Русская традиция переводить jeune littérature не как «молодая», а как «юная» словесность, восходит к О. И. Сенковскому, автору статьи «Брамбеус и юная словесность» (1834).

спектакли и прочими бесславными трудами он зарабатывает себе право бесплатного прохода в театры; он пытается прослыть *добрым малым* и чем меньше сохраняет иллюзий относительно славы и парижского света, тем больше проживает лет и тем больше наживает долгов.

Некая газета, находящаяся в последней крайности, просит у Адольфа одного из его медведей, исправленного друзьями, многократно причесанного, вылизанного и благоухающего ароматами всех жанров, бывших некогда в моде, а ныне забытых. Книга эта становится для Адольфа тем, чем была для капрала Трима его знаменитая шляпа, которую он то и дело пускал в ход[639], ибо в течение пяти лет кряду «Все ради женщины» (окончательное название) остается одним из са-

[639] Сноски: 639

В руках капрала Трима, персонажа романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», шляпа в самом деле становилась весьма многозначным предметом, о чем свидетельствует, например, глава VII пятого тома: «„Сейчас мы здесь, — продолжал капрал, — и вот нас“ — (тут он неожиданно выронил из рук шляпу — помедлил и произнес) — „не стало! в один миг!“ Шляпа упала так, словно в тулье у нее помещался тяжелый ком глины. — Нельзя было лучше выразить чувство смертности, прообразом и предтечей которой была эта шляпа, — рука Трима как будто исчезла из-под нее, — она упала безжизненная, — глаза капрала остановились на ней, как на трупе, — и Сузанна разлилась в три ручья. — А теперь… — Есть тысяча и десять тысяч разных способов (ибо материя и движение бесконечны), какими можно уронить на пол шляпу без всякого результата. — Если бы Трим ее бросил, или швырнул, или кинул, или пустил кубарем, или метнул, или дал ей выскользнуть или упасть в любом возможном направлении

под небом, — или если бы в лучшем направлении, какое можно было ей дать, — он ее выронил, как гусь — как щенок — как осел, — или, роняя ее и даже уже выронив, он смотрел бы дураком — простофилей — остолопом, — все бы сорвалось, шляпа не произвела бы никакого впечатления на сердце» (*Стерн.* С. 307–308; *Sterne-2*. P. 88–90). Бальзак и сам «часто пускал в ход» эту шляпу Трима; он упоминает ее в романах «Беатриса» (вторая часть в издании Фюрна, 1845) и «Чиновники» (1-е изд. 1838, под названием «Выдающаяся женщина»).

мых пленительных произведений нашей эпохи.

За одиннадцать лет Шодорей завоевывает репутацию почтенного литератора, опубликовавшего пять-шесть новелл в журналах, стоящих одной ногой в могиле, дамских газетах и сборниках детского чтения.

Наконец, поскольку он холост, поскольку у него имеются фрак и панталоны из черного казимира и поскольку при желании он может сойти за элегантного дипломата и сделать умное лицо, он получает доступ в несколько более или менее литературных салонов, раскланивается с пятью-шестью академиками, у которых имеются гений, влиятельность или талант, бывает в гостях у двух-трех наших великих поэтов, а в кофейнях позволяет себе окликать по имени двух-трех женщин, по справедливости слывущих знаменитостями нашего времени; впрочем, самые лучшие отношения он поддерживает с синими чулками второго ряда, которых скорее следовало бы назвать носками, и со светилами мелких газеток — с этими журналистами он обменивается рукопожатиями и пьет абсент.

Такова судьба всех посредственностей, которым не хватило того, что люди при должностях именуют удачей.

Эта удача есть не что иное, как воля, постоянный труд, презрение к легко добытой славе, глубочайшие познания и терпение, которое если и не заменяет гения, как утверждал Бюффон[640], то бесспорно составляет его половину.

Во всем сказанном вы не видите ничего, что грозило бы хоть одной мелкой неприятностью Каролине. Вы полагаете, что эта история пяти сотен молодых людей, которые в настоящее время топчут парижские мостовые, написана в назидание семействам, населяющим девяносто шесть французских департаментов; но прочтите два письма, которыми обменялись две подруги, имеющие несхожих мужей, и вы поймете, что этот рассказ необходим, как экспозиция, с которой начиналась в доброе старое время всякая мелодрама… Вы увидите, на какие ухищрения идет парижский павлин, который ради своих тайных матримониальных планов распускает перья в родном городе и пестует свою славу, чьи лучи, подобно солнечным, светят и греют только

[640] Сноски: 640

«Гений — это терпение» — ставшая хрестоматийной фраза естествоиспытателя Жоржа-Луи Леклерка де Бюффона (1707–1788), которая, впрочем, известна не из сочинений самого Бюффона, а из книги Жана-Мари Эро де Сешеля, автора книги «Путешествие в Монбар в 1785 году» (1785). Эро де Сешель вложил в уста Бюффона слова: «Гений есть не что иное, как терпение в превосходной степени».

на огромном расстоянии.

От госпожи Клары де Ла Руландьер, урожденной Жюго, госпоже Адольф де Шодорей, урожденной Эрто

Вивье[641]

Ты мне до сих пор ничего не написала, милая Каролина, и это очень дурно с твоей стороны. Разве не пристало более счастливой из подруг начать первой и утешить ту, что осталась в провинции!

После твоего отъезда в Париж я все-таки вышла за господина де Ла Руландьера, председателя суда. Ты с ним знакома и сама поймешь, могу ли я, чье сердце *напитано* нашими идеями, быть довольной этим браком. Я знала, на что иду: обыкновенное общество мое составляют бывший председатель суда, дядюшка моего мужа, и моя свекровь, у которой от старинного парламентского общества Экса остались только чванство и суровый нрав. Я редко остаюсь одна, а выезжаю

[641] Сноски: 641
Вивье — городок в департаменте Ардеш (см. примеч. 71).

только в сопровождении свекрови или мужа. По вечерам мы принимаем всех самых солидных жителей города. Эти господа играют в вист по два су за фишку и ведут разговоры вроде следующего: «Господин Витремон умер, оставил двести восемьдесят тысяч франков...» Это говорит заместитель председателя, юноша сорока семи лет, от которого веселья столько же, сколько от мистраля. А ему отвечают: «Неужели?.. Вы это знаете наверное?»

Под «этим» подразумеваются двести восемьдесят тысяч франков. Маленький судья разглагольствует, рассказывает о вкладах покойного, все обсуждают стоимость ценных бумаг и в результате обсуждения приходят к выводу, что «это» *равняется если не двумстам восьмидесяти тысячам франков, то чему-то вроде того...*

Тут все хором принимаются восхвалять покойника за то, что он держал хлеб под замком и *надежно* помещал свои сбережения, все до единого су, по всей вероятности ради того, чтобы все, кто

надеется получить какое-нибудь наследство, захлопали в ладоши и вскричали с восхищением: «Он оставил двести восемьдесят тысяч франков!» Ведь у каждого есть больные родственники, о которых говорят: «Оставит ли он столько же?» – и обсуждают *живых* так же, как обсуждали *мертвых*.

Их не интересует ничего, кроме видов на наследство, видов на доходные места и видов на урожай.

Могла ли я думать, когда смотрела в детстве на хорошеньких белых мышек, которые бегали по кругу в клетке на окне у холодного сапожника с улицы Сен-Маклу, – могла ли я думать, что вижу точное изображение моего будущего?

И это я, из нас двоих самая живая, одаренная самым пылким воображением! я грешила больше тебя, я наказана сильнее. Я распростилась со своими мечтаниями: теперь меня *величают* госпожой супругой председателя и я смирилась с тем, что еще сорок лет буду выступать под руку с этим долговязым господином де Ла Руландьером, вести жизнь во всех

отношениях *убогую* и видеть перед собой густые брови и разноцветные глаза на желтой физиономии, не ведающей, что такое улыбка.

Но ты, милая моя Каролина, ты, которая, между нами говоря, всегда была самой *рослой* из девочек, тогда как я прозябала среди *коротышек*, ты, не грешившая ничем, кроме гордыни, в двадцать семь лет, с двумя сотнями тысяч франков состояния, ты пленила и покорила великого человека, одного из остроумнейших жителей Парижа, одного из двух талантливых людей, родившихся в нашем городе!.. какая удача!

Теперь ты вращаешься в самых блистательных парижских кругах. Благодаря возвышенным привилегиям, которые доставляет гений, ты имеешь доступ в салоны Сен-Жерменского предместья и тебя там принимают радушно. Ты наслаждаешься изысканными прелестями беседы с двумя-тремя прославленными женщинами нашего времени, которые так остроумны, что их словечки долетают до нашего городка, точно ракеты

Конгрива[642]. Ты бываешь у барона Шиннера, о котором нам столько рассказывал Адольф и которого посещают все великие художники, все прославленные иностранцы[643]. Одним словом, если ты захочешь, то скоро станешь одной из королев Парижа. Ты и сама можешь давать вечера и увидишь у себя львиц и львов литературы[644], большого света и финансов, ведь Адольф говорил нам о своих знаменитых друзьях и связях с любимцами моды в таких словах, что я уверена: ты будешь принимать их сама и будешь принята у них.

У тебя десять тысяч франков годового дохода и наследство от тетушки Кара-

---

[642] Сноски: 642

Пороховая ракета, изобретенная английским инженером Уильямом Конгривом в начале XIX века.

[643] Сноски: 643

Художник Ипполит Шиннер впервые выведен Бальзаком в рассказе «Кошелек» (1832), в финале которого он женится на Аделаиде Лесеньор де Рувиль (та самая баронесса Шиннер, которая упомянута ниже в этом же письме). Художник Шиннер фигурирует и еще в нескольких произведениях «Человеческой комедии», всюду в качестве известного и маститого живописца (именно своим талантам он обязан баронским титулом).

[644] Сноски: 644

Львами и львицами в конце 1830-х — начале 1840-х годов называли в широком смысле просто модных светских господ и дам, а в узком —

мужчин и женщин, прославившихся какими-либо свершениями (львицы, в частности, занимались верховой ездой и стреляли из пистолета). В комментируемом случае, как и далее на с. 663, Бальзак, по-видимому, имеет в виду второе, узкое значение.

бес[645], муж твой зарабатывает двадцать тысяч, так что вы, верно, держите экипаж, а поскольку ты имеешь бесплатный доступ во все театры, поскольку журналисты царят на всех церемониях, разорительных для того, кто желает угнаться за парижскими новинками, поскольку их всякий день приглашают на обеды, ты наверняка живешь так, как будто годового дохода у тебя шестьдесят тысяч!.. Ах! ты-то счастлива! потому ты меня и забыла!

[645] Сноски: 645

Близость фамилии тетки к той, которая фигурирует в сказке Перро «Кот в сапогах», возможно, не случайна: мало того, что Бальзак высоко ценил эту сказку и ее заглавного героя, «изобретателя рекламы» (определение, данное в рассказе «Сердечные страдания английской кошки»); среди его рукописей сохранился набросок сочинения под названием «Административные приключения счастливой идеи, описанные и опубликованные будущим автором „Истории наследства маркиза де Карабаса“».

Что ж, я понимаю, у тебя нет ни одной минуты свободной. Причина твоего молчания – твое блаженство, и я тебя прощаю. Но если однажды, утомившись от стольких наслаждений, ты снизойдешь со своих высот и вспомнишь о бедной Кларе, напиши мне, расскажи, каково это – быть замужем за великим человеком… опиши мне знатных парижских дам, особенно тех, которые заняты сочинительством… ах! мне так хочется знать, *из чего они сделаны*, поэтому не забудь ни одной мелочи, если ты не забыла, что тебя любит, *несмотря ни на что*, твоя бедная

Клара Жюго.

Ответ

От госпожи Адольф де Шодорей госпоже председательше де Ла Руландьер, в Вивье

Париж…

Ах! бедная моя Клара, если бы ты знала, о скольких мелких огорчениях напомнило мне твое простодушное послание, ты бы не стала его писать. Не только по-

друга, но даже неприятельница не станет сдирать повязку с женщины, искусанной мошкарой, только ради того, чтобы пересчитать укусы…

Для начала скажу тебе: для женщины двадцати семи лет, у которой недурная наружность, но гренадерский рост, подобающий скорее императору Николаю, чем моей скромной персоне[646], я еще довольно счастлива!.. И вот почему.

Адольф, пользуясь тем, что разочарования посыпались на меня градом, врачует раны, нанесенные моему самолюбию, такой любовью, такой нежной заботой, такой трогательной предупредительностью, что, право, многие женщины позавидовали бы возможности извлекать столько выгод из недостатков мужа; впрочем, далеко не все литераторы (а Адольф, увы, едва дотягивает до роли литератора) – существа, в раздражитель-

[646] Сноски: 646

Высокий рост российского императора был засвидетельствован в вышедшей на два года раньше первой публикации этой главы, в 1843 году, книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году», одном из главных источников представлений французов о русских делах; здесь в письме одиннадцатом Кюстин сообщает, что император «на полголовы выше среднего роста».

ности, нервности, переменчивости и капризности не уступающие женщинам, – обладают достоинствами Адольфа и, надеюсь, не все так несчастливы, как он.

Увы! мы с тобой достаточно привязаны друг к другу, чтобы я могла сказать тебе правду. Я спасла своего мужа от глубочайшей нищеты, которую он очень ловко скрывал. Он не только не зарабатывает двадцать тысяч франков в год, он не заработал этой суммы за все те пятнадцать лет, что провел в Париже. Мы живем в четвертом этаже на улице Жубера и платим за нее тысячу двести франков в год[647], а на оставшиеся восемь

[647] Сноски: 647

Квартира эта не очень дорогая (в пансионе Воке в «Отце Горио» лучшие квартиры на втором этаже стоили 1800 франков) и находится на высоком и потому не слишком престижном четвертом этаже, но зато она расположена в самом центре нового и модного квартала Шоссе-д'Антен, где селились многие богатые финансисты. Именно на этой улице Бальзак в романе «Шагреневая кожа» поместил особняк, где происходит оргия, по окончании которой главный герой убеждается, что полученный им талисман обладает волшебной силой; на ней же Бальзак поселил персонажа многих своих романов, богатого банкира Нусингена. В реальной жизни на улице Жубера с 1834 года располагался один из знаменитых парижских литературных салонов, хозяйкой которого была писательница Виржини Ансело, добрая знакомая и корреспондентка Бальзака.

с половиной тысяч франков я стараюсь обеспечить нам достойное существование.

Я принесла Адольфу удачу: после того как мы поженились, ему поручили заведовать фельетоном в одной газете и платят четыреста франков в месяц за работу, которая, по правде говоря, отнимает у него немного времени. Получил он это место благодаря выгодному помещению капитала. Мы внесли семьдесят тысяч франков из наследства моей тетушки Карабес в качестве залога за эту газету[648], и нам платят девять процентов от дохода, а вдобавок у нас есть акции. Все это случилось десять месяцев назад, и с тех пор наши доходы удвоились, мы живем в достатке.

В денежном отношении, как и в сердечном, мне не на что жаловаться. Пострадало в браке одно лишь мое самолюбие;

[648] Сноски: 648

В сентябре 1835 года, после неудавшегося покушения Фиески на короля Луи-Филиппа, во Франции были приняты законы о прессе, сильно ужесточавшие условия работы журналистов; в частности, увеличились суммы залога, который обязаны были вносить издатели газет и журналов: теперь за издания, выходившие чаще двух раз в неделю или по определенным дням, требовался залог в 100 000 франков, а за все остальные — от 75 000 до 25 000.

все мои амбиции пошли прахом. Ты догадаешься о всех мелких неприятностях, которые мне досаждают, по одной, самой первой.

Мы с тобой решили, что у Адольфа превосходные отношения со знаменитой баронессой Шиннер, славящейся своим острым умом, влиянием, богатством и связями с другими знаменитостями; я полагала, что он принят у нее на правах друга; муж меня представил, но приняли меня довольно холодно. Гостиные госпожи Шиннер обставлены с пугающей роскошью; она не только не отдала мне визит, но, напротив, через три недели имела наглость оставить карточку в такой час, когда приличные люди визитов не делают.

Вскоре после приезда в Париж я прогуливаюсь по бульвару, гордясь моим безвестным великим человеком; он толкает меня локтем и показывает вдали низкорослого и плохо одетого толстяка: «Смотри, вот такой-то!» Он называет мне одного из семи-восьми людей, прославивших Францию в Европе. Я готовлюсь

восхищаться и вижу, как Адольф со счастливым видом раскланивается с настоящим великим человеком, а тот в ответ сухо кивает ему как человеку, с которым он за десять лет не сказал двух слов[649]. Вероятно, Адольф попытался привлечь его внимание ради меня.

– Он с тобой не знаком? – спрашиваю я у мужа.

– Нет, знаком, но, верно, принял меня за другого, – отвечает мне Адольф.

Точно так же обознались прославленные поэты, знаменитые музыканты, государственные мужи. Зато мы по десять минут болтаем у входа в какой-нибудь пассаж с господами Арманом дю Канталем, Жоржем Боманауром, Феликсом Вердоре, о которых ты никогда и не слыхивала. Госпожи Константина Рамашар, Анаис Кротта и Люсьена Вуйон навещают

[649] Сноски: 649

В издании Хлендовского к этому месту отнесена иллюстрация, на которой супружеская пара раскланивается с человеком, очень похожим на Бальзака. Сам Бальзак, узнав об этом, возмутился и заподозрил, что художник вознамерился его опозорить: ведь получалось, что Бальзак причислил сам себя к «поистине великим людям». Свое негодование он выразил в письме к Хлендовскому от 21 января 1846 года, а четырьмя днями раньше — в письме к Ганской, однако тираж этого выпуска был, по-видимому, уже отпечатан и убрать иллюстрацию не удалось.

нас и грозят мне своей *синей* дружбой[650]. Мы приглашаем к обеду директоров газет, которые у нас в провинции никому не известны. Наконец, мне довелось с горькой радостью увидеть, как Адольф отклоняет приглашение на вечер, куда не позвали меня.

Да, милая, талант – всегда редкий цветок, взрастающий по своей воле; в теплице его не вывести. Я не заблуждаюсь насчет Адольфа: он посредственность безусловная, всеми признанная; он сам говорит, что у него нет другого шанса, кроме как выступать в литературе *на вторых ролях*. В Вивье он слыл человеком остроумным; но чтобы иметь такую репутацию в Париже, нужно обладать всеми разновидностями острого ума в невероятном количестве.

Я стала уважать Адольфа; поначалу он обманывал меня в мелочах, но затем рассказал мне всю правду о своем положении и, не унижая себя сверх ме-

[650] Сноски: 650

Бальзак перечисляет вымышленные фамилии писателей и писательниц; последние грозят *синей* дружбой, поскольку принадлежат к числу «синих чулок» (см. примеч. 235).

ры, пообещал сделать меня счастливой. Он надеется, подобно многим посредственностям, получить в конце концов какое-нибудь место вроде помощника библиотекаря или управляющего газетой. А позже вдруг получится избрать его депутатом от Вивье?

Живем мы в безвестности; видимся с пятью-шестью приятелями и приятельницами, которые нам подходят, и вот то блистательное существование среди сливок общества, какое ты мне приписываешь.

Время от времени мне случается проглотить горькую пилюлю, стать жертвой злоязычия. Вот, например, вчера я прогуливалась по фойе Оперы и услышала, как один из самых язвительных остроумцев, Леон де Лора[651], говорит одному

[651] Сноски: 651

Леон де Лора, когда-то начинавший в качестве ученика художника Шиннера (см. примеч. 581) под именем Мистигри (этот этап его жизни описан в романе «Баламутка», 1843), впоследствии прославился и стал не менее знаменит, чем его учитель. В качестве шутника Леон де Лора выведен в романе «Комедианты неведомо для себя» (см. примеч. 571), над которым Бальзак работал почти одновременно с последней порцией «Неприятностей»; в этом романе Леон де Лора с помощью другого шутника, Бисиу, разыгрывает (впрочем, в конечном счете совсем не зло) своего провинциального кузена по фамилии Газональ.

из наших самых знаменитых критиков: «Согласитесь, только Шодорей мог отправиться на берега Роны за тополем из Каролины!» – «Что ж! – отвечал критик, – тополь-то цветущий, весь в прыщах». Они слышали, как муж называет меня по имени. А ведь в Вивье я слыла красивой, я высокого роста, хорошо сложена и пока достаточно дородна, чтобы составить счастье Адольфа! Вот так я убеждаюсь, что в Париже красота женщин стоит не больше, чем ум мужчин из провинции.

Одним словом, если ты хотела узнать именно это, я скажу тебе: я никто; а вот если ты хочешь знать, в чем состоит моя философия, я скажу тебе: я счастлива оттого, что мой мнимо великий человек оказался человеком заурядным.

Прощай, милая подруга, несмотря на разочарования и мелкие неприятности моей жизни, участь моя все-таки, как видишь, более завидна; Адольф молод и хорош собой.

Каролина Эрто

В ответе Клары содержалась, среди прочих,

такая фраза: «Надеюсь, что, благодаря твоей философии, ты и дальше будешь вкушать счастье в безвестности». Клара, подобно всем закадычным подругам, отказывала в лучшей будущности чужому мужу, ради того чтобы отомстить своему.

§ 2. Вариация на ту же тему

(*Письмо, найденное в шкатулке в тот день, когда она заставила меня долго дожидаться в своей уборной, а сама пыталась выпроводить докучную подругу, которая не понимает намеков, как выразительно на нее ни смотри и как ни понижай голос. Я подхватил простуду, но зато добыл письмо.*)

Этой самодовольной записке не придали значения писцы нотариуса, составлявшие опись имущества покойного господина Фердинанда де Бургареля, который недавно был оплакан политиками, художниками и любовницами и смерть которого положила конец великого провансальскому роду Боргарелли, ибо фамилия Бургарель, как всем известно, представляет собой искаженное Боргарелли, подобно тому как фамилия французских Жирарденов произошла

от флорентийских Герардини[652].

Умный читатель без труда сообразит, к какому периоду жизни Адольфа и Каролины относится это письмо.

Милая подруга!

Я думала, что найду свое счастье в браке с художником, чьи таланты столь же велики, что и обаяние, с мужчиной возвышенного характера и острого ума, преисполненным познаний и способным подняться по карьерной лестнице, не опускаясь до интриг; да что я говорю, ты ведь знакома с Адольфом и оценила его по заслугам: он любит меня, он прекрасный отец, я обожаю наших детей. Адольф

---

[652] Сноски: 652

Бальзак был хорошо знаком с незаконным отпрыском рода Жирарденов — Эмилем, внебрачным сыном графа Александра де Жирардена. Хотя отец официально не признал сына и при рождении ему была дана другая, вымышленная фамилия, повзрослев, Эмиль, ставший журналистом, начал печататься под фамилией Жирарден, а затем, в 1831 году, добился по суду права носить ее законным образом. Эмиль де Жирарден был издателем многих периодических изданий, самое знаменитое из которых — газета «Пресса», где Бальзак неоднократно печатался; в частности, именно в ней он опубликовал последнюю порцию глав из «Мелких неприятностей», включая и главу «Вариация на ту же тему» (впервые, впрочем, увидевшую свет в «Карикатуре» 26 января 1840 года), однако упоминание рода Герардини/Жирарденов в публикации «Прессы» отсутствует.

бесконечно добр ко мне, я люблю его и им восхищаюсь; но, милая моя, в моем блаженстве кое-чего недостает. Розы, на которых я почиваю, имеют немало шипов. А в сердце женщины царапины быстро превращаются в раны. Раны начинают кровоточить, болят все сильнее, женщина страдает, страдания наводят на мысли, мысли громоздятся одна на другую и обращаются в чувства. Ах, милая, у тебя еще все впереди; как ни жестоко это звучит, мы живем не только любовью, но и тщеславием. Чтобы жить одной любовью, надобно жить не в Париже. Разве огорчились бы мы тем, что у нас всего одно белое перкалевое платье, если бы наш любимый мужчина не имел случая наблюдать ежедневно других женщин, одетых иначе, более элегантно, чем мы, и вселяющих вдохновение своими манерами и множеством мелких деталей, из которых рождаются большие страсти? Тщеславие, милая подруга, в нас сродни ревности, той прекрасной и благородной ревности, которая велит нам защищать свои владения от завоевателей, царить

единовластно в одной душе, всю жизнь дарить счастье одному сердцу. Так вот, женское мое тщеславие страдает. Какими бы мелкими ни были эти неприятности, я, к несчастью, убедилась, что в браке мелких неприятностей не бывает. От постоянного соприкосновения ощущений, желаний, мыслей все здесь разрастается. Вот причина моей печали, которую ты заметила и о которой я предпочла не распространяться. Это такой предмет, о котором на словах можно сказать слишком много, на письме же легче себя сдержать. В нравственном отношении разница между тем, что говорится и что пишется, так велика! На бумаге все приобретает вид торжественный и серьезный! Здесь лишнее слово не сорвется с языка. Разве не потому так драгоценны письма, где мы даем волю нашим чувствам? Ты бы сочла меня несчастной, а я всего лишь оскорблена. Ты застала меня дома одну, без Адольфа. Я только что уложила детей, они спали. Адольф уже в который раз был приглашен в светское общество, куда я не езжу, где желают видеть Адольфа без же-

ны. Есть салоны, где он бывает без меня, есть множество развлечений, которыми он наслаждается без меня. Если бы его звали де Наварреном, а я была урожденная д'Эспар[653], никто бы не посмел нас разлучить, нас бы повсюду приглашали вместе. Он привык к своему образу жизни и не замечает, как больно и унизительно все это для меня. Я уверена, что, заметь он мое огорчение, которого я стыжусь, он пренебрег бы мнением света и сделался еще более бесцеремонным, чем те, кто нас разлучает. Но если бы он настоял на том, чтобы меня позвали в эти салоны, это замедлило бы его карьеру, доставило ему врагов, воздвигло перед ним множество препон, а мне причинило на глазах у всех множество мучений. Потому я предпочитаю мои нынешние страдания. Адольф преуспеет! Моя месть зреет в его гениальном уме. В один прекрасный день свет заплатит мне за все оскорбления. Но когда наступит этот день? А вдруг к этому времени мне уже исполнится сорок

[653] Сноски: 653

Названные фамилии — одни из самых аристократических в вымышленном мире «Человеческой комедии».

пять? Лучшую пору своей жизнь я проведу дома у камелька, предаваясь одной и той же мысли: Адольф смеется, забавляется, болтает с красивыми женщинами и стремится им понравиться, а я тут ни при чем.

А вдруг в конце концов он меня разлюбит?

Да и вообще, разве можно равнодушно сносить презрение, а я чувствую, что, хотя я молода, красива и добродетельна, меня все презирают. И потом, разве я могу запретить себе думать? Разве могу не впадать в бешенство при мысли о том, что Адольф обедает в городе без меня? Я не наслаждаюсь его триумфами, не слышу его остроумных или глубоких реплик, ибо он отпускает их для других! А в том мещанском кругу, где он меня увидел и понял, что я изящна, богата, молода, красива и остроумна, мне было бы тесно. Вот мое несчастье, и оно непоправимо.

Одним словом, довольно, чтобы по той или иной причине я не имела доступа в какой-либо салон – и вот я уже страстно желаю туда попасть. И это совершенно

естественно: так устроено человеческое сердце. Древние были совершенно правы, когда устраивали гинекеи. Столкновение женских самолюбий в собраниях, возникших не больше четырех столетий назад, стоило нам многих горестей, а обществу – многих кровавых споров.

Конечно, милая подруга, когда Адольф возвращается домой, я встречаю его очень нежно; однако ни у кого не хватит сил всякий раз ожидать с одинаковой страстью. Что же станется с нами, если однажды вечером я встречу его холоднее, чем обычно?

Понимаешь ли ты теперь, какую глубокую рану разбередил тот шип, о котором я сказала прежде? В женском сердце таятся такие же пропасти, как в Альпах: издали невозможно догадаться ни об их глубине, ни об их ширине. То же и с чужой душой, даже дружеской. Одна подруга не догадывается о том, как мучается другая. Чужие трудности кажутся пустяком, а между тем они делают жизнь совершенно невыносимой.

Я пыталась себя уговорить; но чем

больше я себя уговаривала, тем яснее понимала, как сильно страдаю из-за этого пустяка. И теперь я вполне предаюсь своему страданию.

Два голоса спорят во мне в те вечера – к счастью, пока довольно редкие, – когда я в одиночестве поджидаю возвращения Адольфа.

Один, ручаюсь, раздается из «Фауста» Эжена Делакруа, который лежит на моем столе[654]. Говорит Мефистофель; этот страшный прислужник, который так умело направляет шпаги, покинул гравюру и дьявольски красуется перед мной, хохочет, разевая ту щель, которую великий художник нарисовал у него под носом, и устремляет на меня взор, рассыпающий рубины и брильянты, кареты и металлы, наряды и алые шелка и еще тысячи жгучих наслаждений.

«Разве ты не создана для света? – вос-

[654] Сноски: 654

Имеется в виду издание «Фауста» Гете в переводе А. Стапфера (1828), иллюстрированное 17 литографиями Эжена Делакруа. Исследователь взаимоотношений Бальзака с Делакруа вполне обоснованно предполагает, что, говоря «лежит на моем столе», Бальзак имеет в виду свой собственный стол, поскольку высоко ценил это издание (см.: *Jobert B.* Delacroix chez Balzac // *AB* 2011. Paris, 2011. P. 71).

клицает он. – Ты красивее самой красивой герцогини; твой голос манит, как голос сирены, твои руки достойны почтения и любви!.. О! как прекрасно выглядели бы они, унизанные браслетами, на фоне бархатного платья! Твои волосы – точно цепи, способные приковать к тебе всех мужчин; и все эти победы ты могла бы сложить к ногам Адольфа, показать ему свое могущество с тем, чтобы никогда им не воспользоваться! Это встревожило бы его и пробудило от той оскорбительной спячки, в которой он теперь пребывает. Ступай, не бойся! проглоти несколько капель презрения, и скоро ты будешь купаться в потоках фимиама! Дерзни стать царицей! Как ты заурядна, когда сидишь у своего очага! Рано или поздно хорошенькая супруга, любимая жена умрет в тебе, если ты так и не расстанешься с домашним платьем. Ступай, пусти в ход кокетство, и тем ты упрочишь свою власть! Покажись в салонах, и твоей хорошенькой ножке не составит труда попрать любовь твоих соперниц».

Второй голос раздается из беломра-

морного дверного наличника, который колышется, словно платье. Кажется, будто мне явилась пречистая дева в венке из белых роз, с зеленой пальмовой ветвью в руке. Ее голубые глаза улыбаются мне.

Эта скромная Добродетель говорит мне: «Оставайся на месте! будь доброй, как и прежде, дари счастье этому мужчине, таково твое призвание. Ангельская кротость побеждает любые муки. Вера в себя укрепляла мучеников, и боль от костра казалась им слаще меда. Потерпи немного; после ты почувствуешь себя счастливой».

Порой в эту самую минуту Адольф возвращается домой, и я уже чувствую себя счастливой. Но, милая подруга, терпения у меня меньше, чем любви; порой я готова разорвать в клочья женщин, которые вхожи повсюду и которых везде ждут как мужчины, так и женщины. Сколько глубины в словах Мольера:

У света, милый друг, есть странностей немало[655].

---

[655] Сноски: 655

Мольер. Школа жен (д. 2, сц. 6; пер. В. Гиппиуса).

Ты, Матильда, счастливица; ты не знаешь, что такое эта мелкая неприятность; ты женщина хорошего рода. Ты многое можешь для меня сделать. Подумай об этом. Я осмеливаюсь написать тебе то, чего не смела сказать. Твои визиты для меня большое благо, навещай почаще свою бедную

Каролину.

— Ну что, — спросил я у писца, — понимаете ли вы, чем стало это письмо для покойного Бургареля?

— Нет.

— Письмом заемным.

Ни писец, ни его патрон меня не поняли. Но вы-то понимаете?

Страдания простой души

«Да, моя дорогая, в браке с вами случатся вещи, о которых вы не подозреваете; но случатся и другие, о которых вы подозреваете еще меньше. Например…»

Автору (можно ли его назвать хитроумным?),

который castigat ridendo mores[656] и взялся за написание «Мелких неприятностей супружеской жизни», нет нужды подчеркивать, что здесь, осторожности ради, он предоставляет слово *женщине хорошего тона*[657] и не несет никакой ответственности за рассказ об этой мелкой неприятности, хотя очаровательная особа, от которой он его услышал, вызывает у него самое искреннее восхищение.

— Например… — сказала она.

Тут автор чувствует себя обязанным сообщить, что эта особа — не госпожа Фуллепуэнт, не госпожа де Фиштаминель и не госпожа Дешар.

Госпожа Дешар слишком большая ханжа, госпожа де Фуллепуэнт слишком самодержавно царит в своем семействе и знает это; впрочем,

---

[656] Сноски: 656

Смехом бичует нравы (*лат.*) — девиз комедии, придуманный поэтом Жаном-Батистом де Сантелем (1630–1697) и украшавший сначала фронтон парижского театра Итальянской комедии, а затем занавес Комической оперы.

[657] Сноски: 657

О том, какой смысл Бальзак вкладывал в выражение «женщина хорошего тона», можно судить по его одноименному очерку (см.: *Парижанки*. С. 89–105). Этот тип, по мысли Бальзака, пришел на смену знатной даме дореволюционного XVIII века; женщина хорошего тона отличается от мещанки или простолюдинки тем, что она в самом деле безупречно владеет правилами хорошего тона, одевается и держится безукоризненно; однако ей все равно не сравниться с аристократкой былых времен, поскольку все то, чем знатная дама обладала от рождения и по праву рождения, женщина хорошего тона вынуждена

воспитывать, взращивать в себе. Нынешние женщины хорошего тона, пишет Бальзак, «влачат бесславное существование между буржуазией и знатью, не принадлежа в полной мере ни к той, ни к другой» (Там же. С. 105; пер. А. Лешневской).

чего только она не знает; она учтива, бывает в хорошем обществе, везде и во всем выбирает лучшее; ей прощают живость ее острот, как прощали при Людовике XIV язвительные словечки госпоже Корнуэл[658]. Ей вообще многое прощают: есть женщины, которых можно назвать избалованными любимицами общества.

Что же касается госпожи де Фиштаминель, которая, как скоро выяснится, всему виной, она чуждается каких бы то ни было упреков и обвиняет не словами, а делами.

Мы предоставляем каждому читателю право думать, что рассказ ведет Каролина — но не глупенькая юная Каролина, а та, что превратилась в тридцатилетнюю женщину[659].

— Например, вы, с Божьей помощью, родите детей…

— Сударыня, — сказал я ей, — не будем вмешивать Бога в эти дела, если, конечно, это не намек…

---

[658] Сноски: 658

Анна-Мария Корнуэл (урожд. Биго; 1614–1694) — хозяйка салона в парижском квартале Маре, прославившаяся остроумными и меткими фразами, сохранившимися в сочинениях ее современников, в частности в письмах маркизы де Севинье и «Занимательных историях» Таллемана де Рео.

[659] Сноски: 659

См. примеч. 359.

— Вы наглец, — отвечала она, — перебивать женщину неприлично…

— Неприлично, когда она занята детьми, это я знаю; но, сударыня, не следует злоупотреблять невинностью юных особ. Мадемуазель выйдет замуж, и если она будет полагаться на вмешательство Верховного Существа, это введет ее в глубочайшее заблуждение. Мы не должны обманывать нашу молодежь. Мадемуазель уже не в тех летах, когда юных особ уверяют, что новорожденного брата нашли в капусте.

— Вы хотите заставить меня говорить глупости, — продолжала она, улыбаясь и показывая прекраснейшие в мире зубки, — у меня нет сил бороться с вами, прошу вас, позвольте мне говорить с Жозефиной. Что бишь я говорила?

— Что, если я выйду замуж, у меня родятся дети, — отвечала юная особа.

— Так вот, не хочу тебя пугать, но очень вероятно, что каждый ребенок будет стоить тебе одного зуба. С рождением каждого ребенка я теряла один зуб.

— К счастью, — возразил я, — эта неприятность была не мелкой, а мельчайшей (выпавшие зубы находились в глубине рта). Но заметьте, мадемуазель, что далеко не все мелкие неприятности

таковы. Неприятность зависит от состояния и местоположения зуба. Если благодаря рождению ребенка у вас выпадет больной зуб, гнилой зуб, дырявый зуб, вам повезет: у вас будет одним ребенком больше и одним скверным зубом меньше. Итак, не будем выдавать удачи за неприятности. Другое дело, если бы вы лишились одной из передних *жемчужин*... Не говоря уже о том, что не одна женщина, пожалуй, согласилась бы обменять самый великолепный передний зуб на здорового пухлого младенца!

— Так вот, — продолжала она, оживляясь, — рискуя рассеять твои иллюзии, бедное дитя, я все-таки расскажу тебе о мелкой неприятности, которая на самом деле совсем не мелочь! О, как это ужасно! Мне придется говорить о тряпках, а ведь этот господин полагает, что мы ни на что другое не годны...

Я сделал протестующий жест.

— Я была замужем около двух лет и любила своего мужа; я излечилась от своего заблуждения и повела себя иначе, ради его и своего счастья; могу похвастать тем, что нынче мы одна из самых счастливых супружеских пар в Париже. Скажу коротко, моя дорогая, я любила это чудовище, только его одного и видела в целом свете. Муж

мой уже несколько раз говорил мне: «Детка, юные особы не умеют одеваться, твоя мать одевала тебя кое-как, у нее были на это свои резоны. Послушай моего совета, бери пример с госпожи де Фиштаминель, у нее хороший вкус». А я, простая душа, принимала это за чистую монету. Однажды мы вернулись со званого вечера, и он спрашивает меня: «Ты видела, как была одета госпожа де Фиштаминель?» — «Да, недурно». А сама думаю: «Он мне все время толкует про госпожу де Фиштаминель, надо мне одеться точь-в-точь как она». Я хорошо запомнила и ткань, и фасон платья, и форму всех украшений. И вот я вне себя от счастья мечусь, суечусь, ставлю все вверх дном, лишь бы раздобыть себе такие же ткани. Я позвала к себе ее портниху. «Вы шьете на госпожу де Фиштаминель?» — «Да, сударыня». — «Прекрасно! теперь будете шить на меня, я нанимаю вас, но с одним условием: видите, я отыскала такую же ткань, как у нее, и хочу, чтобы вы сшили мне такое же платье». Признаюсь, в тот момент я не обратила внимания на довольно-таки лукавую улыбку портнихи, хотя и заметила ее; поняла я ее много позже. «Такое же, — повторила я, — точную копию».

— Да! — вдруг воскликнула рассказчица и

посмотрела мне в глаза. — По вашей милости мы уподобляемся паукам в центре паутины, мы учимся все видеть, не показывая виду, отыскивать смысл повсюду, изучать слова, жесты, взгляды! Вы говорите: женщины очень хитры! Скажите лучше: мужчины очень лживы!

Сколько хлопот, просьб и трудов мне потребовалось, чтобы сделаться точным двойником госпожи де Фиштаминель!.. Таковы, дитя мое, наши битвы, — обратилась она к мадемуазель Жозефине. — Мне никак не удавалось найти одну вышитую шейную косынку — прелесть что такое! В конце концов я выяснила, что она была сделана на заказ. Я отыскиваю работницу, прошу сделать мне косынку как у госпожи де Фиштаминель. Безделица! сто пятьдесят франков[660]. Ее заказал один господин для подарка госпоже де Фиштаминель. Все мои сбережения ушли на эту косынку. Ведь в том, что касается нарядов, нас, парижанок, держат очень строго. Мужчина может иметь сто тысяч ливров[661] годового дохода

[660] Сноски: 660

Косынка стоит очень дорого; выше сам Бальзак указывает, что роскошный обед на двоих в ресторане обошелся супругам Адольфу и Каролине дешевле: в сотню франков.

[661] Сноски: 661

Ливром традиционно называли франк при исчислении суммы годового дохода.

и тратить за зиму десять тысяч франков на вист, но при этом твердо знать, что жена его мотовка и весь вред от ее тряпок! Коли так, я потрачу свои собственные деньги, твердила я себе. У меня была своя маленькая гордость: я не хотела говорить ему об этом наряде, я, глупая гусыня, хотела сделать ему сюрприз! О, как жестоко вы лишаете нас наших святых иллюзий!..

Этот упрек был обращен ко мне, хотя я ровно ничего не лишал эту даму, ни зуба, ни любой другой вещи, которой можно лишить женщину, — как изъяснимой, так и неизъяснимой.

— А надо тебе сказать, моя дорогая, что он возил меня к госпоже де Фиштаминель, и я даже довольно часто у нее обедала. И слышала, как эта женщина говорит: «Да у вас премиленькая женушка!» Она говорила со мной немного свысока, покровительственным тоном, и я это терпела; ведь муж желал мне признанять у этой женщины ее острого ума и влияния в свете. Одним словом, я взяла за образец сего феникса среди женщин, я изучала ее повадки, я с огромным трудом пыталась не быть самой собой… О, это целая поэма, которую можем понять только мы, женщины! Наконец настал день моего триумфа. Вообрази, сердце у меня колотилось от радости, я вела себя

как ребенок — так, как ведут себя в двадцать два года. Муж собирался повезти меня на прогулку в сад Тюильри; он входит, я смотрю на него, сияя от гордости, он ничего не замечает… Что ж! сегодня я могу признаться, то была одна из чудовищных катастроф, которые… Нет, я ничего не скажу, этот господин станет надо мной насмехаться.

Я снова сделал протестующий жест.

— То был, — продолжала она (женщина никогда не выполняет намерения чего-то не рассказать), — волшебный замок, рухнувший у меня на глазах. Сюрприз не удался. Мы садимся в коляску. Адольф замечает, что мне не по себе, и спрашивает, что случилось; я отвечаю так, как мы всегда отвечаем, когда нам досаждают мелкие неприятности: «Ничего». А он берет лорнет и рассматривает прохожих: мы поехали кататься на Елисейские Поля, прежде чем отправиться в сад Тюильри. В конце концов терпение у меня иссякло, я начала дрожать как в лихорадке, а когда мы вернулись домой, заставила себя улыбнуться и спрашиваю: «Ты ничего не сказал о моем наряде? — Да, в самом деле, у тебя платье почти такое, как у госпожи де Фиштаминель». Сказал, повернулся и ушел. Назавтра я, конечно, немного дулась. Мы как раз заканчивали завтракать у

меня в спальне, подле камина, и тут — никогда этого не забуду — приходит работница получить плату за косынку; я даю ей деньги, а она кланяется моему мужу, как будто с ним знакома. Я выхожу вместе с ней, якобы для того чтобы получить расписку в получении денег, и спрашиваю: «А за косынку для госпожи де Фиштаминель вы с него взяли меньше?» — «Клянусь, сударыня, ровно столько, господин вовсе не торговался». Я вернулась в спальню и нашла, что у мужа моего вид очень глупый, как…

Она помедлила, а потом договорила: «Как у павлина в вороньих перьях». — «Я понимаю, друг мой, что мне никогда не достичь полного сходства с госпожой де Фиштаминель». — «Я вижу, ты намекаешь на эту косынку! Ну, да, да, я ей ее подарил — ко дню ее ангела. Но что ж тут такого? мы прежде были очень дружны… Неужели прежде вы были связаны еще более тесными узами, чем теперь?» Не ответив на вопрос, он говорит: «*Но эта дружба чисто духовная*». После чего берет шляпу и уходит, предоставив мне размышлять над этой превосходной декларацией прав мужчины. К обеду он не приехал, а вечером вернулся домой очень поздно. Уверяю вас, я весь день проливала у себя в спальне горючие

слезы. Можете поднять меня на смех, — сказала она, глядя мне в глаза, — но я оплакивала мои девичьи иллюзии, я плакала от досады, потому что меня обвели вокруг пальца. Я вспоминала улыбку портнихи! О, эта улыбка привела мне на память улыбки многих дам, которые смеялись надо мной — девчонкой в салоне госпожи де Фиштаминель; я не могла сдержать слез. До этого я могла верить во множество качеств, которых нет у моего мужа, но которые молодые женщины охотно приписывают своим супругам. Сколько крупных неприятностей таила в себе эта неприятность, с виду такая мелкая! Вы все очень грубы! Всякая женщина достаточно деликатна, чтоб соткать из очаровательных обманов покров для своего прошлого, а вы… Но я отомстила.

— Сударыня, — возразил я, — вы рискуете снабдить мадемуазель чересчур глубокими познаниями.

— Вы правы, — согласилась она, — я расскажу вам окончание этой истории как-нибудь в другой раз.

— Итак, мадемуазель, — сказал я, — как видите, порой вы думаете, что покупаете шейную косынку, а на самом деле навязываете себе на шею мелкую неприятность, тогда как если вы

получаете косынку в подарок…

— Неприятность становится крупной, — продолжила женщина хорошего тона. — На том и порешим.

Мораль сей басни заключается в том, что свою косынку надо нести без особых раздумий. Уже древние пророки называли сей мир юдолью скорби. А между тем в древние времена на Востоке мужчины, с разрешения законных властей, заводили себе, помимо жен, еще и хорошеньких рабынь. Как же назвать долину Сены — ту юдоль, которая простирается между Крестом и Шарантоном[662] и в которой законом разрешено иметь всего лишь одну жену!

Амадис-омнибус

Нетрудно догадаться, что я принялся жевать кончик своей трости, изучать карниз, любоваться на огонь в камине, разглядывать ножку Каролины в ожидании той минуты, когда барышня на

---

[662] Сноски: 662

Огромный крест был воздвигнут на холме Мон-Валерьен на северо-западе Парижа в эпоху Реставрации; пригород Шарантон располагается с противоположной стороны, на юго-востоке, и вдобавок превратился в имя нарицательное благодаря находившейся там лечебнице для душевнобольных.

выданье нас покинет.

— Простите меня, — сказал я Каролине, — я остался у вас, быть может, вопреки вашей воле; но ваша месть много потеряла бы, расскажи вы о ней не сейчас, а позже, и если для вашего мужа она составила мелкую неприятность, я, по причине, о которой мы еще поговорим, горю величайшим желанием узнать о ней…

— Меня особенно задела фраза: «*Но эта дружба чисто духовная*», приведенная в качестве оправдания. Велико утешение — знать, что я для него просто вещь, мебель; что я занимаю место между кухонной утварью, туалетным столиком и рецептами врача; что супружеская любовь приравнивается к пилюлям для улучшения пищеварения, к сиропу из телячьего легкого, к белой горчице[663]; что душа моего мужа принадлежит госпоже де Фиштаминель, что он восхищается этой дамой, что она чарует его ум, а я для него про-

---

[663] Сноски: 663

Сироп из телячьего легкого готовился на водяной бане из смеси телячьего легкого с шалфеем, солодковым корнем, финиками, изюмом и сахаром; в 1830-е годы он был модным средством от легочных заболеваний. Впрочем, в справочнике французских лекарственных препаратов 1837 года специально уточняли, что своим смягчающим действием он обязан не телячьему легкому, а остальным ингредиентам (см.: Codex, pharmacopée française. Paris, 1837. P. 179, 379). Белая горчица с древности использовалась в медицине как средство противокашлевое, отхаркивающее и улучшающее пищеварение.

сто способ удовлетворения потребности сугубо физической! Что вы скажете о женщине, унизившейся до того, чтобы согласиться быть чем-то вроде супа или вареной говядины, разумеется очень пресной? Так вот, в тот вечер я составила целую катилинарию…

— Скажите лучше: филиппику[664].

— Все, что вам будет угодно, потому что я была в ярости; чего я только не выкрикивала в пустыне моей спальни. Разве подобное мнение мужей о женах, разве роль, какую они нам отводят, не принадлежат к числу довольно досадных неприятностей? А наши женские мелкие неприятности всегда чреваты неприятностями куда более крупными. Одним словом, Адольф нуждался в уроке. Вы знаете виконта де Люстрака, безудержного любителя женщин, музыки и вкусной еды, одного из тех бывших красавцев времен Империи, которые живут былыми победами и тщательно заботятся о своем здоровье в надежде на их повторение?

— Да, — подтвердил я, — это один из тех же-

---

[664] Сноски: 664

Катилинарии — речи, произнесенные в римском Сенате Цицероном против Катилины при подавлении заговора под его руководством; филиппики — речи афинского оратора Демосфена против македонского царя Филиппа II. Оба слова в переносном смысле означают гневные обличительные речи, но повествователь поправляет Каролину — по-видимому потому, что ее муж в семейном быту играет роль не заговорщика, а самодержца.

манных, игривых, затянутых в корсет шестидесятилетних господ, которые хвастают тонкостью своей талии и могут поспорить в этом отношении с юными денди.

— Господин де Люстрак, — продолжала она, — в эгоизме не уступит королю, но любвеобилен и, несмотря на черный как смоль парик, претендует на взаимность.

— Он и бакенбарды тоже красит.

— По вечерам бывает в десяти салонах; порхает, как мотылек.

— Дает превосходные обеды, устраивает концерты и покровительствует молоденьким певицам…

— Не пропускает ни одной забавы и трудится без устали, чтобы себя развлечь.

— Путает движение с удовольствием.

— Да, но зато стоит показаться на горизонте малейшему огорчению, он спасается сломя голову. Если вы в трауре, он вас избегает. Если вы рожаете, он дождется, когда после родов вы впервые побываете в церкви и устроите прием по этому случаю: какая честность в светских связях, какая отвага в общественных сношениях!

— Но разве не нужна отвага для того, чтобы быть самим собой? — спросил я.

— Так вот, — продолжила она свой рассказ, после того как мы обменялись наблюдениями касательно его героя, — сей молодой старик, сей Амадис-омнибус[665], которого мы называли за глаза шевалье *Жив курилка*[666], сделался предметом моего восхищения.

— И неудивительно! человек, ставший творцом собственной фигуры и собственных побед!

— Я сделала ему кое-какие их тех авансов, которые не могут компрометировать женщину, я хвалила его жилеты и трости, свидетельствующие о крайне изысканном вкусе, а он уверял, что я крайне любезна. Я, со своей стороны, уверяла, что он крайне молод; он приехал ко мне с визитом; я принялась жеманничать, намекнула, что несчастлива в браке, что у меня есть причины для печали. Вы знаете, на что намекает женщина,

---

[665] Сноски: 665

Имя Амадиса — заглавного героя испанского рыцарского романа (см. примеч. 164) — стало нарицательным для обозначения идеального любовника; пафос первой части прозвища снижает прибавленное к нему слово «омнибус», которое означает по-латыни «для всех», но начиная с 1828 года обозначало новый парижский общественный транспорт.

[666] Сноски: 666

«Жив курилка» — слова, с которыми в старинной игре участники передают из рук в руки зажженную спичку или листок бумаги, и тот, в чьих руках она погаснет, считается проигравшим. В переносном смысле «жив курилка» говорят о человеке, которого считают сошедшим с общественной сцены или даже умершим, а он, как выясняется, все еще жив.

когда упоминает о своих печалях, жалуется на то, что ее не понимают. Старый павиан отвечал мне со страстью юноши; я с огромным трудом удерживалась от смеха. «Ах, вот каковы мужья, они выбирают самую дурную политику, они почитают свою жену, а всякая женщина рано или поздно приходит в ярость оттого, что ее почитают, вместо того чтобы поделиться с ней тайной премудростью, на которую она имеет полное право. Если вы вышли замуж, вы не должны жить как юная пансионерка» и проч. Он извивался, он склонялся, он был омерзителен; он напоминал деревянную нюрнбергскую куклу: придвигал ко мне лицо, придвигал стул, придвигал руку… Наконец, после многочисленных подходов, отходов и признаний в ангельских чувствах…

— Неужели?

— Да, *Жив курилка* променял классицизм своей юности на модный нынче романтизм: он толковал о душе и духе, об ангеле, о поклонении и обожании, он сам становился цвета небесной лазури. Он приглашал меня в Оперу и сам подсаживал в экипаж. Сей престарелый юноша ездил туда, куда ездила я, он менял жилеты еще чаще, чем прежде, утягивал живот и пускал коня га-

лопом, чтобы догнать мою карету в Лесу[667]; он компрометировал меня с грацией лицеиста, он слыл влюбленным в меня до безумия; я держалась неприступно, но опиралась на его руку и принимала его букеты. О нас заговорили. Я была в восторге! Скоро мне удалось устроить так, что муж застиг нас с виконтом в моем будуаре: мой обожатель сжимал мне руки, а я слушала его с показным восхищением. Чего только не стерпишь из жажды мести! Я сделала вид, что смущена появлением мужа, и после ухода виконта он устроил мне сцену. «Уверяю вас, сударь, — сказала я, выслушав его упреки, — что наша дружба *чисто духовная*». Муж все понял и больше не ездил к госпоже де Фиштаминель. А я больше не принимала господина де Люстрака.

— Между прочим, — сказал я ей, — Люстрак, которого вы, подобно многим, принимаете за холостяка, бездетный вдовец.

— Неужели?

— Ни один муж не похоронил жену так глубоко; сам Господь на Страшном суде ее не разыщет. Женился он еще до революции, и ваша *чисто духовная* дружба привела мне на память одно

---

[667] Сноски: 667

В Булонском лесу — излюбленном месте прогулок знати; в светской среде было принято называть его просто Лесом.

его словцо, которое я не могу вам не пересказать. Наполеон назначил Люстрака на важный пост в одну из покоренных стран: госпожа де Люстрак, забытая ради административного долга, завела себе для личных нужд — разумеется, чисто духовных — личного секретаря; однако она имела неосторожность завести его, не посоветовавшись с мужем. Люстрак застал этого секретаря в спальне своей жены в очень раннюю пору, тот был весьма взволнован, ибо принимал участие в весьма жаркой схватке. Город с радостью посмеялся над своим правителем, и весь этот эпизод получил такую огласку, что Люстрак сам попросил императора об отставке. Наполеон заботился о нравственности своих представителей и был убежден, что одураченный муж недостоин уважения. Известно, что в число несчастных страстей императора входила привычка читать мораль своему двору и правительству. Посему Люстрак в самом деле был отставлен, причем без вознаграждения. Вернувшись в Париж, он вновь поселился с женой в своем особняке и принялся вывозить ее в свет, что, разумеется, соответствовало самым возвышенным аристократическим традициям, однако не давало покоя любителям совать свой нос в чужие дела. В свете стали доискиваться при-

чин столь рыцарского поведения. «Вы, значит, примирились с женой, — сказали Люстраку в фойе театра Императрицы, — вы ей все простили. Как это прекрасно». — «О, — отвечал он с довольным видом, — я получил доказательства...» — «Ее невинности? Тогда вы совершенно в своем праве». — «Нет, я получил доказательства, что то была связь чисто физическая».

Каролина улыбнулась.

— Вердикт вашего поклонника превращает эту крупную неприятность, как и в вашем случае, в совсем мелкую.

— Мелкую! — вскричала она. — А докучная необходимость кокетничать с господином де Люстраком, который вдобавок сделался теперь моим врагом! Полноте! Женщины зачастую платят очень высокую цену за букеты, которые им дарят, и заботы, которыми их окружают. Господин де Люстрак сказал обо мне господину де Бургарелю[668]: «Не советую тебе волочиться за этой женщиной, она обходится слишком дорого...»

---

[668] Сноски: 668

Это тот самый Фердинанд де Бургарель, утрату которого, согласно речи, произнесенной над его могилой Адольфом, недавно горестно оплакали политика, искусство и любовь. (*Примеч. Бальзака.*)

Без дела

Госпожа графиня де Сирюс-Карола, урожденная Вермини, в Ментон (Сардинское королевство)[669]

Париж, 183…

Вы спрашиваете, дорогая маменька, счастлива ли я с мужем? Конечно, господин де Фиштаминель не был мужчиной моей мечты. Я, вы прекрасно это знаете, подчинилась вашей воле. Богатство — слишком весомый аргумент, и я не могла к нему не прислушаться. Не унижаться до брака с мещанином, выйти за господина графа де Фиштаминеля, имеющего тридцать тысяч годового дохода, и остаться жить в Париже — с помощью этих доводов вам было нетрудно убедить вашу бедную дочь. Вдобавок господин де Фиштаминель в свои тридцать шесть лет неплохо сохранился; он получил награду на поле битвы из

---

[669] Сноски: 669

Имеется в виду не Ментон на Лазурном берегу, а город Ментон-Сен-Бернар, ныне входящий во французский департамент Верхняя Савойя, а с 1815-го по 1860 год принадлежавший Сардинскому королевству.

рук Наполеона, дослужился до полковника[670], и если бы не эпоха Реставрации, когда его уволили с половинным жалованьем, стал бы генералом: все это смягчающие обстоятельства.

Многие женщины находят, что я вышла замуж очень удачно, и я согласна, что все признаки счастья в нашем браке налицо… для света. Но ведь если бы вы знали заранее о возвращении дядюшки де Сирюса и о его намерении оставить мне свое состояние, вы бы позволили мне выбрать мужа самостоятельно, правда?

Я не могу сказать о господине де Фиштаминеле ничего плохого; он не игрок, не волокита, не любит вина и не имеет никаких разорительных страстей; он, как вы и говорили, может похвастать тем отсутствием недостатков, какое делает мужа сносным; в чем же дело? Вот в чем, милая маменька: он ничем не занят. Мы проводим вместе целые дни с утра до вечера!.. Поверите ли, что только ночью, когда мы ближе всего друг к другу, я могу от него отдохнуть. Меня спасает

---

[670] Сноски: 670

Хронологические указания Бальзака в этой главе не слишком правдоподобны: из даты перед письмом следует, что оно написано в 1830-х годах; предположим самую раннюю дату — 1831; если в этом году Фиштаминелю исполнилось 36 лет, значит, он родился в 1795 году; между тем ниже сказано, что он начал службу в 1799 году, иначе говоря… в четырехлетнем возрасте.

его сон, моя свобода наступает, после того как он засыпает. Право, он доведет меня до болезни. Я никогда не остаюсь одна. Добро бы еще господин де Фиштаминель был ревнив. Тогда можно было бы бороться, ломать комедию; но каким образом ядовитый цветок ревности сумел бы пустить корни в душе моего супруга? Ведь со дня нашей свадьбы он ни на минуту со мной не расстался. Он без зазрения совести укладывается на диван и проводит там часы напролет.

Два каторжника, скованных одной цепью, не скучают, они обдумывают свой побег; но у нас с мужем нет ни единой темы для беседы, мы уже давно все обсудили. В конце концов недавно он дошел до того, что заговорил о политике. Но затем политические темы тоже исчерпались, поскольку, на мою беду, Наполеон скончался на Святой Елене.

Господин де Фиштаминель ненавидит чтение. Стоит ему завидеть меня с книгой в руках, как он принимается спрашивать каждые пять минут: «Нина, красавица моя, ты уже дочитала?»

Я надеялась убедить этого невинного палача, что ему следует каждый день кататься верхом, и приводила довод, неопровержимый для всех сорокалетних мужчин: пользу для здоровья! Но

он ответил, что провел в седле двенадцать лет и нуждается в покое.

Мой муж, дорогая маменька, — человек, который поглощает всякого, кто оказывается с ним рядом, он пожирает жизненный флюид своего соседа, его скука ненасытна, ему надобно, чтобы гости, приходящие к нам, его забавляли; поэтому после пяти лет совместной жизни мы не видим у себя никого, кроме людей, чьи намерения явно враждебны чести хозяина: они пытаются — впрочем, безуспешно — позабавить его, чтобы заслужить право наводить скуку на его жену.

Господин де Фиштаминель, дорогая маменька, пять-шесть раз в час открывает дверь в мою спальню или любую другую комнату, где я пытаюсь укрыться, и встревоженно вопрошает: «А что ты тут делаешь, моя красавица?» (словцо из времен Империи), не замечая, что этот многократно повторенный вопрос производит на меня то же действие, какое производила на пытаемого пинта воды[671], которую палач вливал ему в глотку.

Другая пытка: мы больше не можем гулять вместе. Прогулка без разговора не имеет интереса, не имеет смысла. Муж мой прогуливается со мной

---

[671] Сноски: 671
Английская мера объема, равная примерно 0,5 литра.

для моциона, как если бы он гулял в одиночестве. Усталость есть, а радости никакой.

Утром, от пробуждения до завтрака, я занята своим туалетом, хозяйственными заботами, и эту часть дня я еще могу переносить, но вот время от завтрака до обеда — это бесплодная равнина, безжизненная пустыня. Праздность моего мужа не дает мне ни минуты покоя, он убивает меня своей бесполезностью, его безделье меня изнуряет. С утра до вечера он смотрит на меня во все глаза, так что мне приходится глаза опускать.

А чего стоят его бесконечные и однообразные вопросы:

— Который час, красавица моя?

— А что ты там делаешь?

— О чем ты задумалась?

— Что ты собираешься делать?

— Куда мы поедем нынче вечером?

— Что нового?

— Какая нынче погода?

— Что-то мне нехорошо и проч.

Все эти вариации одного и того же вопросительного знака, составляющие репертуар Фиштаминеля, сведут меня с ума.

Прибавьте к этим свинцовым стрелам, постоянно летящим в мою сторону, последний штрих,

который дорисует вам мое блаженство и позволит понять мою жизнь.

Господин де Фиштаминель, начавший службу подпоручиком в 1799 году, получил лишь то образование, какое дают военная дисциплина и дворянская честь; конечно, он человек сметливый, честный, исполнительный, но чудовищно невежественный, он не знает ровно ничего и яростно сопротивляется любой попытке обучить его чему бы то ни было. О, милая маменька, какой идеальный привратник вышел бы из этого полковника, будь он беден! Отвага его в моих глазах ничего не стоит: он сражался не с русскими, не с австрийцами, не с пруссаками — он сражался со скукой. Бросаясь на врага, капитан Фиштаминель испытывал потребность убежать от самого себя. Он и женился от нечего делать.

Еще одно мелкое неудобство: муж так шпыняет прислугу, что мы переменяем ее каждые полгода.

Я, милая маменька, так страстно хочу остаться порядочной женщиной, что постараюсь по полгода проводить в путешествиях. Зимой я буду ездить вечерами к Итальянцам, в Оперу[672], в

[672] Сноски: 672

То есть в Итальянском оперном театре (см. примеч. 270) и парижской Опере, или Национальной академии музыки.

свет; но достанет ли нашего состояния на такие траты? Дядюшка де Сирюс собирается в Париж, я буду лелеять его как грядущее наследство.

Если вы знаете средство от моих напастей, сообщите его вашей дочери, в которой любовь к вам так же велика, как досаждающие ей беды, и которая хотела бы называться иначе, чем

Нина де Фиштаминель.

Мы были обязаны изобразить вам эту мелкую неприятность, которая могла быть описана только рукою женщины, и какой женщины! но этого мало: необходимо было познакомить вас с этой женщиной, которую в первой части нашей книги вы видели только в профиль, которая царит в том маленьком кружке, где вращается Каролина, женщиной желанной, женщиной ловкой, очень рано открывшей способ примирять светские обязанности с сердечными привязанностями. Данное письмо позволяет простить ей все грехи.

Нескромности

Женщины бывают
либо целомудренны,
либо тщеславны,
либо просто горды.

Посему всех их может постигнуть мелкая неприятность следующего рода.

Иные мужья так счастливы обзавестись женой, которую получают в свое распоряжение исключительно благодаря законному браку, что боятся оставить публику в заблуждении и спешат пометить свою супругу, подобно тому как продавцы древесины помечают бревна перед сплавом, а беррийские крестьяне — своих баранов. Они на римский манер (columbella-голубка) прилюдно расточают своим женам прозвища, заимствованные из животного царства, и зовут их:

птичка моя,

рыбка моя,

мышка моя,

зайчик мой.

Или, переходя от животного царства к растительному, они называют их:

персик мой,

смоковка моя (только в Провансе),

вишенка моя (только в Эльзасе),

однако — оцените их сдержанность — они никогда не зовут ее «ягодка моя!».

Бывает и хуже:

жёнка,

матушка,

дочка,
хозяюшка,
старуха (когда жена очень молода).

Некоторые дерзают пускать в ход прозвища на грани неприличия, такие как:

киска,
конфетка,
котеночек!

Мы слышали собственными ушами, как один из наших государственных мужей, отличающийся поразительным уродством, именовал свою жену *мамочкой*.

— Лучше бы он дал мне пощечину, — признавалась несчастная своей соседке.

— Бедняжка, как ей не повезло! — обратилась ко мне эта соседка, когда Мамочка удалилась. — Когда она выезжает в свет с мужем, она все время как на иголках и старается держаться от него подальше. Ведь однажды при всех он обнял ее за шею: «Ну, пойдем, пышка моя!»

Говорят, что знаменитое отравление мужа мышьяком имело причиной постоянные нескромности, которым этот муж подвергал в свете свою жену, завоеванную в полном согласии

с Гражданским кодексом[673]. Муж этот легонько похлопывал ее по плечу, влеплял ей смачные поцелуи, позорил ее публичным выражением нежностей, сдобренных теми грубыми и пошлыми словечками, секрет которых знают только французские дикари, обитающие в далеких деревнях и пока еще очень мало изученные, несмотря на все усилия естествоиспытателей-романистов.

Говорят также, что умные судьи по достоинству оценили это оскорбительное поведение и, сочтя его смягчающим обстоятельством, вынесли подсудимой менее строгий приговор.

Судьи решили:

«Карать подобные брачные преступления смертью — чересчур жестоко, что же до женщины, которую притесняют так безжалостно, поступок

---

[673] Сноски: 673

Намек на процесс Марии Лафарж (урожд. Капель; 1816–1852), который состоялся в 1840 году и очень широко освещался в прессе. В 23 года Марию выдали за Шарля Лафаржа, который был старше ее на пять лет, не соответствовал ей ни по происхождению, ни по воспитанию, был груб и польстился в основном на ее придание. Старый полуразвалившийся замок, куда Лафарж увез жену, кишел крысами, которых она пыталась травить мышьяком; поэтому когда муж ее неожиданно скончался, жену очень скоро обвинили в отравлении. Хотя оно так и не было доказано полностью (вполне вероятно, что причиной смерти стал не мышьяк, а несвежий пирог — впрочем, изготовленный женой), Марию Лафарж приговорили к пожизненным каторжным работам (но не к смертной казни, вообще полагавшейся за убийство).

ее в высшей степени извинителен!..»

Мы, защитники элегантных нравов, бесконечно сожалеем, что подобные аргументы не сделались общеизвестны. Посему дай Бог, чтобы книга наша получила огромный успех; тогда с женщинами наконец начнут обходиться так, как они того заслуживают, — как с королевами.

В этом отношении любовь стоит куда выше брака; она гордится нескромностями, иные женщины их ищут, их готовят, и горе тому мужчине, у которого они время от времени не срываются с языка!

Сколько страсти в нечаянном *ты*!

Однажды — дело было в провинции — я слышал, как один муж звал свою жену «моя берлина»[674]... Она была счастлива и не видела в этом ровно ничего смешного; сама она звала супруга «сынок»!.. Этой восхитительной паре мелкие неприятности остались неведомы.

Именно наблюдая за этой счастливой семьей, автор вывел следующую аксиому:

---

[674] Сноски: 674

Берлинами назывались закрытые четырехместные дорожные кареты.

Аксиома

Счастлив в браке может быть либо гениальный человек, женатый на женщине нежной и умной, либо человек бесконечно глупый, нашедший жену себе под стать — случай вовсе не такой частый, как можно подумать.

Чересчур прославленный эпизод с мышьяком, пущенным в ход для исцеления оскорбленного самолюбия, доказывает, что, в сущности, для женщины в браке ни одна неприятность не бывает мелкой.

Аксиома

Женщина живет чувством, тогда как мужчина живет делом.

Между тем чувство способно в любой момент превратить мелкую неприятность либо в большое несчастье, либо в разбитую жизнь, либо в вечное бедствие.

Пусть даже Каролина, не знающая ни жизни, ни света, поначалу причиняет мужу мелкие неприятности своей глупостью (перечтите главу «Открытия»), Адольф, подобно всем мужчинам, находит утешение в жизни общественной: он

выезжает, хлопочет, занимается делами. Но для Каролины все сводится к одному: любить или не любить, быть или не быть любимой.

Нескромности зависят от характеров, времени и места. Нам достанет двух примеров.

Вот первый.

Некий мужчина от природы грязен и уродлив; он дурно сложен, отвратителен. Есть мужчины, и нередко среди богатых, которые как будто подрядились в двадцать четыре часа измарать любое, самое новое платье. Они родились неряхами. Для женщины связь с Адольфом такого сорта так позорна, что его Каролина уже давно потребовала отмены новомодного обращения на «ты» и всех внешних признаков супружеского звания. В свете за пять-шесть лет успели привыкнуть к такому положению дел и полагали, что муж и жена в разъезде, тем более что, как всем было известно, в свои права уже вступил Фердинанд номер два[675].

Однажды вечером в присутствии десяти гостей

---

[675] Сноски: 675

В «Прессе» 4 декабря 1845 года к этому месту сделано примечание: «В этой книге друг дома неизменно именуется Фердинандом, точно так же как муж всегда зовется Адольфом, а жена — Каролиной. Поскольку описанные случаи слишком похожи на то, что происходит во многих семьях, без этой предосторожности все бы принялись отыскивать личности в сочинении сугубо теоретическом».

хозяин дома просит жену: «Каролина, передай мне каминные щипцы».

Эта фраза не значит ничего и одновременно значит всё. Она извещает о домашней революции.

Господин де Люстрак, Амадис-омнибус, бросился к госпоже де Фиштаминель и живописал эту сцену так остроумно, как только мог, а госпожа де Фиштаминель с видом новой Селимены[676] процедила: «Бедняжка, до какой же крайности она дошла!»

— Пустое! разгадку мы узнаем через восемь месяцев, — сказала одна старая дама, у которой только и осталось радостей, что злословить.

Не станем описывать смятение Каролины, оно понятно без слов.

А вот второй пример.

Вообразите, в каком ужасном положении оказалась одна деликатная женщина, наслаждавшаяся жизнью в загородном поместье близ Парижа, в кругу полутора десятков хороших знакомых, когда камердинер мужа явился и шепнул ей на ухо, что приехал хозяин.

— Хорошо, Бенуа.

---

[676] Сноски: 676

Персонаж комедии Мольера «Мизантроп», бессердечная кокетка.

Все слышали, как подъехал экипаж. Все знали, что хозяин дома с понедельника находится в Париже, а дело происходило в субботу, в четыре часа пополудни.

— Он должен срочно кое-что сказать госпоже, — продолжал Бенуа.

Хотя диалог этот велся вполголоса, все присутствующие поняли его смысл тем яснее, что хозяйка, прежде напоминавшая бенгальскую розу, заалела, как маков цвет. Она кивнула, продолжила беседу, а затем удалилась, якобы для того чтобы узнать, успел ли муж в одном важном деле; однако всем своим видом она показывала, как сильно раздосадована недостатком предупредительности своего Адольфа по отношению к ее гостям.

В молодости женщины хотят, чтобы их почитали богинями, они алчут идеала: они не согласны быть тем, чем их создала природа.

Иные мужья по возвращении из города поступают еще хуже: кланяются всей честной компании, обнимают жену за талию, отводят ее в сторонку, шепчут ей на ухо нечто, по видимости конфиденциальное, скрываются с нею в роще, пропадают там и возвращаются спустя полчаса.

Для молодых женщин все это, сударыни, суть

самые настоящие мелкие неприятности, но те из вас, кому за сорок, находят вкус в этих нескромностях, и даже самые закоренелые недотроги почитают их лестными для себя, ибо на исходе молодости женщины хотят, чтобы их почитали земными созданиями, они алчут вещей положительных; они не согласны перестать быть тем, чем их создала природа.

Аксиома

Целомудрие — добродетель относительная; для двадцати лет она одна, для тридцати — другая, для сорока пяти — третья.

Поэтому автор отвечал одной женщине, попросившей его назвать ее возраст: «Вы, сударыня, вступили в возраст нескромностей».

Сия очаровательная юная особа тридцати девяти лет от роду слишком явно выставляла напоказ своего Фердинанда, в то время как дочь ее пыталась своего Фердинанда скрыть.

Грубые разоблачения

Разновидность первая

Каролина обожает Адольфа.

Она находит, что он хорош;

она находит, что он великолепен, особенно в мундире национального гвардейца[677];

она трепещет, когда часовой делает ему на караул[678];

она находит, что он сложен как натурщик;

она находит, что у него острый ум;

все, что он делает, делается превосходно;

ни у кого нет такого безупречного вкуса, как у Адольфа;

одним словом, она без ума от Адольфа.

Старая история — миф о повязке на глазах амура, которая выцветает каждые десять лет и которую нравы спешат разукрасить заново, так что со времен Древней Греции она ничуть не изменилась.

---

[677] Сноски: 677

На дежурства в национальной гвардии (семь-восемь раз в год) охотно выходили только буржуа, гордившиеся и мундиром, и возможностью показать себя защитниками отечества без риска для жизни; аристократы и люди искусства этой обязанностью, как правило, манкировали, даже несмотря на риск попасть под арест за уклонение от дежурства (так, в частности, поступал сам Бальзак).

[678] Сноски: 678

Салютует особым ружейным приемом.

Каролина на балу; она болтает с одной своей приятельницей. Некий господин, известный своей прямотой, — господин Фуллепуэнт, которого Каролина узнает позже, а в тот вечер видит впервые в жизни, — подходит к приятельнице Каролины. Как принято в свете, Каролина слушает их разговор, не принимая в нем участия.

— Скажите, сударыня, — спрашивает господин Фуллепуэнт, — кто этот забавник, который только что обсуждал суд присяжных в присутствии господина такого-то, чье оправдание наделало столько шума? Этот болван заговаривает со всеми о том, что им неприятно. Госпожу такую-то он довел до слез, потому что рассказал в ее присутствии о смерти маленького ребенка, а она сама два месяца назад потеряла сына.

— Вы о ком?

— Да вон о том толстом господине, который одет как трактирный слуга, завит как ученик цирюльника… том, что сейчас пытается любезничать с госпожой де Фиштаминель…

— Замолчите немедленно, — шепчет перепуганная дама, — это муж той дамочки, что стоит рядом со мной.

— Этот господин — ваш муж? — спрашивает господин Фуллепуэнт. — Поздравляю вас,

сударыня, он очарователен: живой, веселый, остроумный, постараюсь свести с ним знакомство.

После чего Фуллепуэнт ретируется, заронив в душу Каролины ядовитое семя сомнения: *в самом ли деле ее муж так хорош, как она думает*?

Разновидность вторая

Каролине надоело слушать, как превозносят госпожу баронессу Шиннер, которой приписывают эпистолярные таланты и присваивают звание *Севинье короткой записки*, и госпожу де Фиштаминель, которая позволила себе выдать в свет книжечку в 32-ю долю листа, где храбро повторила мысли Фенелона, не повторив его стиля, — и вот полгода подряд Каролина сочиняет новеллу с тошнотворной моралью и напыщенным стилем, которая в подметки не годится Беркену[679].

В результате интриг, которые умеют плести

[679] Сноски: 679

Мари, маркиза де Севинье (урожд. де Рабютен-Шанталь; 1626–1696) вошла в историю литературы благодаря своим письмам, считающимся образцом эпистолярного стиля. Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелон (1651–1715), священнослужитель, богослов и литератор, в 1687 году выпустил книгу «О воспитании девиц», которой, очевидно, и подражала госпожа де Фиштаминель. Арно Беркен (1707–1791) был автором идиллий, романсов и нравоучительных рассказов и сценок для детей, которые публиковал в выпускаемом им журнале «Друг детей»; приторность и слащавость беркеновских творений привели к тому, что словом «беркинада» во французском языке стали обозначать посредственные, неумелые произведения.

только женщины, когда дело идет об их самолюбии, и которые упорством исполнения и совершенством замысла наводят на мысль о принадлежности интриганок к некоему третьему полу, эта новелла под названием «Клевер» появляется в трех номерах большой ежедневной газеты за подписью Самюэля Крюкса.

Когда за завтраком Адольф берет в руки газету, сердце Каролины колотится так сильно, словно вот-вот выпрыгнет из груди; она краснеет, бледнеет, отводит глаза, рассматривает карниз. Когда Адольф доходит до фельетона, она больше не выдерживает: встает и выходит, но после, неведомо как набравшись храбрости, все-таки возвращается.

— Есть сегодня фельетон? — спрашивает она с видом, который сама считает равнодушным, но который заставил бы насторожиться ревнивого мужа.

— Да! какого-то дебютанта, Самюэля Крюкса. Наверняка псевдоним; новелла такая пресная, что все мухи бы сдохли, если бы умели читать… так пошло!.. так путано; да нет, это…

Каролина переводит дух.

— Это?.. — переспрашивает она.

— Это необъяснимо. Шодорею наверняка запла-

тили не меньше пяти или шести сотен франков за то, чтобы он это напечатал... или это сочинение какого-нибудь великосветского синего чулка, напечатанное в обмен на обещание принять у себя госпожу Шодорей; а может быть, это сочинила женщина, за которою волочится управляющий... другого объяснения для подобного скудоумия быть не может... Ты только представь, Каролина, речь идет о цветочке, сорванном на опушке леса во время сентиментальной прогулки; господин вроде Вертера поклялся его сохранить, поместил в рамку, а одиннадцать лет спустя у него потребовали цветочек назад (меж тем бедняга, должно быть, не меньше трех раз менял квартиру). Это звучало очень ново во времена Стерна или Геснера[680]. Я думаю, автор женщина, потому что у всех у них главная литературная идея одна и та же — кому-нибудь отомстить.

Адольф мог бы и дальше терзать «Клевер»; у Каролины стоит звон в ушах, она чувствует себя так, как будто бросилась в Сену с моста Искусств и пытается выплыть с десятифутовой глубины.

---

[680] Сноски: 680

Соломон Геснер (1730–1788) — швейцарский поэт, прославившийся своими идиллиями; английский писатель Лоренс Стерн умер на двадцать лет раньше Геснера; оба имени в данном случае служат для указания на глубочайшую старомодность обсуждаемого сочинения.

Еще одна разновидность

Каролина, мучимая ревностью, в конце концов обнаружила тайник Адольфа, который, не доверяя жене и зная, что она распечатывает его письма и шарит в его ящиках, решил утаить от когтей брачной полиции свою переписку с Гектором.

Гектор — школьный друг Адольфа, он женат и живет в департаменте Нижняя Луара.

Адольф поднимает коврик, покрывающий его письменный стол; коврик этот обшит руками Каролины, а сделан из синего, черного или красного бархата; цвет, впрочем, тут совершенно не важен, а важно то, что Адольф хранит под ковриком свои письма к госпоже де Фиштаминель и к своему другу Гектору.

Листок бумаги — штука тонкая; бархат — ткань мягкая, непрозрачная… Увы! все эти предосторожности ничего не стоят. На всякого черта найдется чертовка; в аду кого только нет! Каролине помогает сам Мефистофель — иронический демон, способный устроить пожар на любом письменном столе и отыскать самые незаметные связки ключей в самых потаенных тайниках!

Каролина нащупала лист бумаги между бар-

хатом и столом: вместо письма к госпоже де Фиштаминель, уехавшей на воды в Пломбьер, ей попадается письмо к Гектору, и она читает следующее:

> Любезный Гектор,
>
> Мне жаль тебя, но ты поступаешь правильно, когда рассказываешь мне о трудностях, в которых ты погряз.
>
> Ты не сумел понять разницу между провинциалкой и парижанкой. В провинции, друг мой, вы постоянно пребываете наедине с женами и со скуки всей душой предаетесь счастью. Это большая ошибка: счастье – омут, и кто в семейной жизни достиг его дна, тому уже не вынырнуть.
>
> Сейчас ты поймешь почему; позволь для краткости объяснить тебе, что я думаю о твоей жене, с помощью притчи.
>
> Однажды я ехал в «кукушке» из Парижа в Вильпаризи[681]; расстояние в 7 лье, тяжелая колымага, хромая лошадь, на козлах одиннадцатилетний мальчишка.

---

[681] Сноски: 681

О «кукушке» см. примеч. 499. Вильпаризи — городок в департаменте Сена и Марна, где в 1819 году поселились в доме родственника родители и сестра Бальзака, а сам Оноре ездил из Парижа их навещать.

Соседом моим в этом плохо закрытом сундуке был старый солдат.

Ничто не забавляет меня так сильно, как возможность с помощью такого буравчика, как вопросительный знак, извлечь из каждого кучу поучений, анекдотов и сведений, от которых все жаждут избавиться, и выслушать все это с видом внимательным и восторженным; у каждого, от крестьянина до банкира, от капрала до маршала Франции, есть в запасе своя история.

Я заметил, что эти сосуды, полные познаний, особенно охотно опустошаются, когда погружаются в дилижансы или «кукушки» – в любые экипажи, запряженные лошадьми: ведь на железной дороге никто бесед не ведет.

Судя по тому, каким манером мы выехали из Парижа, нам предстояло находиться в дороге еще часов семь; итак, развлечения ради, я развязал язык старому капралу. Он не умел ни читать, ни писать; все его истории были для меня внове. И что же? дорога пролетела незаметно. Капрал участвовал во всех кампаниях, он сооб-

щил мне небывалые факты, которыми пренебрегают историки.

О дорогой мой Гектор, насколько же практика выше теории! Среди прочего я расспрашивал его насчет несчастной пехоты, которой требуется больше мужества для маршей, чем для боев; вот ответ капрала, из которого я исключил многочисленные лишние слова:

«Когда, сударь, в наш 45-й, который Наполеон прозвал *Грозным* (дело происходило в первые годы правления императора, когда пехоте требовались стальные ноги), присылали парижан, у меня был свой способ узнать, кто из них останется в 45-м, а кто нет. Первые никуда не спешили, оставляли позади шесть жалких лье в день, не больше и не меньше, а назавтра готовы были продолжать путь. Вторые, чересчур бойкие, одолевали за день десять лье, рвались к победе и с полдороги попадали в госпиталь».

Бравый капрал думал, что говорит о войне, а на самом деле говорил о браке; так вот, ты, любезный Гектор, оказался в госпитале, не одолев и половины пути.

Вспомни, как сетовала госпожа де Севинье, отсчитывая сто тысяч экю господину де Гриньяну, чтобы он соизволил взять в жены одну из самых хорошеньких жительниц Франции. «Впрочем, – подумала она, – ему ведь придется брать ее ежедневно, до скончания ее дней! Право, это стоит сотни тысяч экю!»[682] Увы, разве не должно это устрашить самых отважных?

Любезный мой товарищ, супружеское счастье, как и счастье народов, зиждется на невежестве. Оно не что иное, как блаженство, исполненное условий отрицательных.

Если я живу счастливо с моей малышкой Каролиной, то лишь благодаря

---

[682] Сноски: 682

Франсуа-Адемар де Монтёй де Гриньян (1632–1714) женился на Франсуазе-Маргарите де Севинье (1646–1705), дочери маркизы де Севинье (см. примеч. 617) и адресате многих ее писем, в январе 1669 года. Поскольку маркиза поистине боготворила свою дочь, приведенные слова в ее устах звучат довольно странно; они почерпнуты не из ее письма, а из предисловия Пьера Тиффона де Сен-Сюрена к первому тому переписки г-жи де Севинье в издании 1818 года (*Sévigné M. de.* Lettres à sa fille et à ses amis. Paris, 1818. T. 1. P. 86); автор предисловия ссылается на первый том «Литературной истории французских женщин», где эта реплика приведена в ряду других остроумных реплик г-жи де Севинье, и прибавляет от себя: «Эта шутка, пожалуй немного грубоватая, показывает, как часто г-жа де Севинье даже в разговоре переходила от веселой игры к размышлениям, помогающим проникнуть в суть вещей». Бальзак немного смягчил выражения, которые вложили в уста г-жи де Севинье его предшественники; если верить им, она воскликнула: «Неужели

мне придется так много заплатить г-ну де Гриньяну за то, чтобы он спал с моей дочерью?» Но потом, поразмыслив, добавила: «Да ведь ему придется спать с ней завтра, послезавтра, все ночи подряд! Это, пожалуй, стоит таких денег!» (*La Porte J. de, La Croix J. — F.* Histoire littéraire des femmes françaises. Paris, 1769. T. 1. P. 430). В той же форме анекдот воспроизведен в «Брачном кодексе», который был опубликован в 1829 году чуть раньше «Физиологии брака» и к сочинению которого Бальзак, по-видимому, приложил руку (*Raisson H.* Code conjugal. Paris, 1829. P. 126–127).

строжайшему соблюдению того благословенного принципа, который так настоятельно проповедует „Физиология брака“. Я решился вести свою жену дорогой, проложенной по снегу, вплоть до того счастливого дня, когда неверность сделается для нее труднодостижимой[683].

В том положении, в которое ты себя поставил и которое походит на положение Дюпре, с самых первых своих выступлений в Париже принявшегося петь во всю грудь, вместо того чтобы, подобно Нурри, довольствоваться фальцетом и делать ровно столько, сколько нужно для покорения публики[684], тебе, я полагаю, следует избрать следующий путь…»

На этом письмо обрывалось; Каролина вернула его на место и поклялась, что ее обожаемый Адольф дорого заплатит за верность гнусным принципам «Физиологии брака».

---

[683] Сноски: 683

Имеются в виду прежде всего Размышления XI («О роли образования в семейной жизни») и XII («Гигиена брака»).

[684] Сноски: 684

Упомянуты два знаменитых тенора: Адольф Нурри (1802–1839) и Жильбер-Луи Дюпре (1806–1896); второй сменил первого на сцене парижской Оперы в 1837 году.

Отсроченное блаженство

Эта неприятность обнаруживается в жизни замужней женщины достаточно часто и имеет достаточно много разновидностей, так что ее можно назвать типической.

Каролина, о которой пойдет речь в этой главе, очень набожна, она нежно любит своего мужа, муж полагает даже, что она любит его чересчур нежно; впрочем, это супружеское фатовство, а то и вызов: жалуется он только молоденьким приятельницам жены.

Если в дело вмешивается католическая религия, все обретает чрезвычайно серьезный характер. Госпожа де *** сказала своей юной приятельнице, госпоже де Фиштаминель, что ей пришлось побывать у своего духовника с чрезвычайной исповедью, и тот наложил на нее епитимью, так как счел, что она совершила смертный грех.

Дама эта, каждое утро ходящая к мессе, — женщина тридцати шести лет, худощавая и угреватая. У нее большие черные бархатные глаза и темная верхняя губа, впрочем, приятный голос, приятные манеры, благородная походка;

одним словом, она женщина хорошего рода.

Госпожа де Фиштаминель, с которой госпожа де *** сдружилась (почти каждая набожная дама покровительствует какой-нибудь женщине, слывущей легкомысленной, под тем предлогом, что намерена обратить ее на путь истинный), — так вот, госпожа де Фиштаминель утверждает, что достоинства богомольной Каролины суть плоды воздействия религии на характер, от природы весьма страстный.

Подробности эти необходимы для того, чтобы живописать очередную мелкую неприятность во всей ее неприглядности.

Адольф этой Каролины был вынужден покинуть жену на два месяца в апреле, сразу после сорокадневного поста, который набожная Каролина соблюдает неукоснительно.

С начала июня Каролина начала поджидать мужа и поджидала его день за днем. Надежды,

> *рождаясь по утрам, под вечер не сбываясь,*

росли вплоть до воскресенья, когда предчувствия ее заговорили так настоятельно, что она уже не сомневалась: возлюбленный супруг воротится сегодня, и притом спозаранку.

Когда набожная жена ожидает мужа, которого не было дома около четырех месяцев[685], она занимается своим туалетом куда более тщательно, нежели юная дева, ожидающая своего первого суженого.

Сия добродетельная Каролина так глубоко погрузилась в эти приготовления сугубо личного свойства, что пропустила восьмичасовую мессу. Она хотела сходить в церковь, но боялась упустить приезд своего дражайшего Адольфа и сладость первого обмена взглядами: ведь она была уверена, что он возвратится поутру. Ее горничная, из почтения не входившая в туалетную комнату хозяйки, куда женщины набожные и угреватые не позволяют входить никому, даже собственному мужу, особенно если они худощавы, — ее горничная уже три раза слышала, как хозяйка восклицает: «Как только приедет хозяин, предупредите меня».

Когда мебель задрожала от подъехавшего экипажа, Каролина вскричала нежным голосом, силясь скрыть законное волнение:

— Ах, это он! Скорее, Жюстина, скажите, что я жду его здесь.

---

[685] Сноски: 685

Хронологическая неточность Бальзака: одним абзацем выше было сказано, что муж отлучился на *два* месяца.

Каролина упала в кресло; ноги ее не держали.

Оказалось, что по улице проехал мясник.

За этими тревогами мысль о восьмичасовой мессе затерялась как иголка в стоге сена.

Госпожа продолжила свой туалет; она ведь еще не оделась.

В лицо горничной уже была вышвырнута из туалетной комнаты сорочка с самой простой каймой, сшитая из простого, хотя и превосходного батиста, — такая же, какую горничная подавала госпоже в течение последних трех месяцев.

— О чем вы только думаете, Жюстина? Я же вам сказала взять сорочку без номера.

Сорочек без номера даже в самом великолепном приданом имеется не больше семи-восьми. Они расшиты и разукрашены самым изысканным образом; чтобы завести таких целую дюжину, нужно быть королевой, причем королевой юной. У нашей Каролины сорочка была обшита снизу валансьенскими кружевами, а сверху отделана еще более кокетливо. Эта деталь наших нравов наведет, возможно, представителей мужского пола на мысль о тайных драмах, которые скрываются за такой бесподобной сорочкой.

Каролина натянула фильдекосовые чулки, обулась в прюнелевые башмачки с высокой

шнуровкой и надела свой самый узкий корсет. Она велела сделать себе прическу, которая более всего шла к ее лицу, и надела свой самый элегантный чепец. О ее утреннем наряде нечего и говорить. Набожная женщина, живущая в Париже и любящая своего мужа, не хуже кокетки умеет выбрать прелестные полосатые ткани, из которых шьются рединготы на пуговках, которые то и дело расстегиваются, и женщине приходится два-три раза в час застегивать их более или менее очаровательным жестом[686].

Девятичасовая, десятичасовая и все прочие мессы пролетели за этими приготовлениями, которые для любящей женщины — все равно что один из геркулесовых подвигов.

Набожные женщины редко ездят к мессе в экипаже, и они правы. За исключением тех дней, когда стоит отвратительная погода и дождь льет как из ведра, негоже выказывать гордыню там, где надобно проявлять смирение. Между тем Каролина боялась повредить свой пленительный наряд, запачкать чулки и башмаки.

Увы! эти предлоги скрывали истинную при-

---

[686] Сноски: 686

Рединготом принято называть приталенное дамское пальто, однако в 1830-е годы редингот из полосатой тафты был частью модного утреннего туалета (см., например, газету «Mode» от 20 октября 1838 года).

чину.

«Если я буду в церкви, когда приедет Адольф, я не смогу насладиться его первым взглядом: он может подумать, что я предпочла ему мессу…»

Она принесла мужу эту жертву в надежде ему понравиться, а ведь предпочесть творение Творцу, мужа Господу — это выбор самый мирской! Ступайте в церковь, выслушайте проповедь, и вы узнаете цену подобного греха.

«В конце концов, — решила Каролина, вспомнив уроки своего духовника, — брак есть основание общества, а Церковь причисляет брак к таинствам».

Вот как слепая, хотя и законная любовь заставляет выворачивать наизнанку даже наставления религии.

Каролина отказалась от завтрака, но велела держать его готовым, так же как и сама она была готова в любую минуту встретить возлюбленного супруга.

Все эти мелочи могут показаться смешными; но, во-первых, так бывает во всех случаях, когда двое обожают друг друга или один обожает другого, а во-вторых, подобные изъявления нежности у женщины столь сдержанной, столь скрытной, столь почтенной показывали, что ради любви она

готова забыть даже об уважении к себе, верном спутнике истинного благочестия. Когда госпожа де Фиштаминель пересказывала эту сценку из жизни богомолки, разукрашивая ее комическими деталями и разыгрывая так, как это умеют женщины светские, я взял на себя смелость заметить, что сценка эта есть не что иное, как Песнь песней в действии.

— Если хозяин не приедет, — сказала Жюстина повару, — не знаю, что с нами станется?.. Хозяйка швырнула мне сорочку в лицо.

Наконец Каролина услышала хлопанье кнута, столь знакомый стук колес, цоканье копыт почтовых лошадей, звон колокольчиков!.. О! теперь она уже не сомневалась, колокольчики решили дело.

— Скорей! скорей откройте ворота! Хозяин приехал!.. Да откроет кто-нибудь ворота?

И набожная женщина топнула ногой и оборвала звонок.

— Да ведь это соседи уезжают, — возразила Жюстина с живостью прислуги, знающей свои обязанности.

«Решительно, — сказала сама себе пристыженная Каролина, — больше никогда не буду отпускать Адольфа одного…»

Один марсельский поэт (то ли Мери, то ли Бартелеми[687]) признался однажды, что если лучший друг не приходит к обеду вовремя, он ждет его терпеливо в течение пяти минут, на десятой минуте ощущает желание швырнуть в него салфетку, на двенадцатой — призывает на его голову страшные бедствия, на пятнадцатой — готов нанести ему множество ударов кинжалом.

Все женщины в ожидании любимых — другие марсельские поэты, если, конечно, можно сравнить вульгарные позывы голода с возвышенной Песнью песней супруги-католички, мечтающей насладиться первым взглядом мужа, которого она не видела уже целых три месяца. Пусть все, кто любит и кому доводилось встречаться после тысячу раз проклятой разлуки, благоволят вспомнить о первом взгляде, который они бросили друг на друга: он говорит так много, что зачастую, когда любящие встречаются при посторонних, они опускают глаза!.. Оба боятся их поднять, ибо в глазах пылает огонь! Эта поэма, в которой любой

[687] Сноски: 687

Жозеф Мери (1797–1866) и Огюст Бартелеми (ок. 1796–1867) — литераторы, печатавшиеся как в соавторстве, так и по отдельности; оба были уроженцами Марселя. Имеется в виду Мери, с которым Бальзак много общался в 1840-е годы; в письме к Бальзаку от 2 января 1846 года он поблагодарил его за «лестное упоминание в одном из восхитительных фельетонов о супружеской жизни» (*Correspondance*. T. 5. P. 84).

мужчина не уступает Гомеру, в которой он кажется Богом любящей женщине, тем драгоценнее для женщины набожной, худощавой и угреватой, что у нее, в отличие от госпожи де Фиштаминель, нет возможности размножить ее в нескольких экземплярах. Для нее муж — это все!

Посему вы не удивитесь, если я скажу вам, что Каролина пропустила все мессы и не стала завтракать. Она изголодалась по Адольфу, и надежда увидеть его сжимала ей желудок. Она ни разу не вспомнила о Боге не только во время утренней и дневной мессы, но даже во время вечерни.

Она уже не могла ни сидеть, ни ходить: Жюстина посоветовала ей прилечь.

В половине шестого Каролина сдалась: она съела несколько ложек овощного супа и прилегла, приказав приготовить к десяти вечера тонкий вкусный ужин.

— Я, должно быть, поужинаю с мужем, — сказала она.

Эта фраза стала заключением страшных катилинарий[688], которые она провозглашала мысленно: она дошла уже до той стадии, когда марсельский поэт был готов взяться за кинжал;

---

[688] Сноски: 688
С м. примеч. 602.

поэтому последняя фраза прозвучала очень грозно.

Адольф приехал в три часа пополуночи, когда Каролина спала глубоким сном; она не слышала ни коляски, ни лошадей, ни колокольчика, ни открывающихся ворот!..

Адольф приказал не будить супругу и улегся в спальне для гостей.

Когда утром Каролина узнала о том, что Адольф вернулся, две слезы выкатились из ее глаз: она в чем есть, позабыв о нарядах, бросилась в спальню для гостей; на пороге бессердечный слуга сообщил ей, что хозяин проделал две сотни лье и провел две ночи без сна, а потому просил, чтобы его не будили: он страшно устал.

Набожная Каролина резко толкнула дверь, но не смогла разбудить единственного супруга, которого даровало ей небо, и поспешила в церковь на благодарственный молебен.

Поскольку в течение ближайших трех дней хозяйка все время была не в духе, Жюстина с лукавством горничной возразила ей на один несправедливый попрек:

— Но ведь хозяин-то вернулся!

— Покамест он вернулся только в Париж, — возразила набожная Каролина.

Напрасные хлопоты

Поставьте себя на место бедной женщины, которая не блещет красотой, которая получила долгожданного мужа в обмен на весомое приданое, которая тратит очень много сил и денег на то, чтобы ему понравиться и не отстать от моды, которая не покладая рук старается содержать богато, но экономно хозяйство не слишком благоустроенное, которая из благочестия, а быть может, и из нужды любит только своего мужа, которая не имеет иной цели в жизни, кроме счастья этого бесценного мужа, которая, одним словом, соединяет с *чувством долга* чувство материнское.

Выражение, выделенное курсивом, служит стыдливым недотрогам заменой слова «любовь».

Поняли? Так вот! сей чересчур любимый муж однажды за обедом у своего друга господина де Фиштаминеля обронил, что любит шампиньоны по-итальянски.

Если вам случалось наблюдать хотя бы немного за всем тем добрым, прекрасным, возвышенным, что есть в женской натуре, вы знаете, что для любящей женщины самая большая из мелких

радостей заключается в созерцании любимого существа, поглощающего любимые блюда. Это связано с основной идеей, пронизывающей все чувства женщины: быть для любимого существа источником всех удовольствий, и больших, и малых. Любовь животворит все кругом, а супружеская любовь тем более имеет право входить в самые незначительные подробности.

Каролина тратит два или три дня на разыскания, прежде чем ей удается выяснить, как именно итальянцы готовят шампиньоны. Один корсиканский аббат сообщает ей, что у Биффи на улице Ришелье она не только узнает, как готовить шампиньоны по-итальянски, но сможет даже купить миланские шампиньоны[689].

Наша благочестивая Каролина благодарит аббата Серполини и решает, что непременно подарит ему молитвенник.

Повар Каролины отправляется к Биффи, возвращается от Биффи и показывает хозяйке шампиньоны, огромные, как кучерские уши.

— Подумать только! — говорит она. — А он вам объяснил, как их готовят?

— Нам ли этого не знать! — отвечает повар.

---

[689] Сноски: 689

Заведение Биффи располагалось по адресу: улица Ришелье, 98, и славилось изысканной итальянской кухней.

Повара вообще всегда знают все по поварской части, кроме одного — как это повар может воровать?

Вечером, во время второй перемены блюд, Каролина трепещет от удовольствия при виде некоей тарелки, которую вносит камердинер.

По всей видимости, она ждала этого обеда так же, как прежде ждала возвращения мужа.

Но между ожиданием без уверенности и ожиданием верного удовольствия для избранных душ — а женщину, обожающую своего мужа, авторы всех физиологий относят к избранным душам — та же разница, что между прекрасной ночью и прекрасным днем.

Дражайшему Адольфу подносят тарелку, он беззаботно погружает в нее ложку и, не замечая, что Каролина охвачена крайним волнением, отправляет в рот несколько жирных скользких ломтей, которые туристы, приезжающие в Милан, принимают за каких-нибудь моллюсков.

— Ну как, Адольф?

— Ну как? о чем ты, дорогая?

— Ты их не узнаешь?

— Кого?

— Твои шампиньоны по-итальянски.

— Это шампиньоны? а я думал… Да, черт возь-

ми, это шампиньоны…

— По-итальянски?

— Ну что ты!.. это старые шампиньоны по-милански… я их терпеть не могу.

— А что же ты любишь?

— Funghi trifolati.

Заметим, что, к стыду эпохи, которая всему присваивает номера, помещает все мироздание в склянки, а в настоящее время распределяет по разрядам сто пятьдесят тысяч насекомых и дает им названия, заканчивающиеся на *us*, так чтобы во всех странах Зильберманус оставался Зильберманусом для всех тех ученых, что сжимают и разжимают пинцетом лапки насекомых[690], — к стыду этой эпохи, у нас не создана еще номенклатура кулинарной химии, которая позволила бы всем поварам земного шара изготавливать блюда в точном соответствии с рецептами. Следовало бы договориться на дипломатическом уровне, что, точно так же как языком ботаники и энтомологии была избрана латынь, языком поваренного искусства станет французский, если, конечно, мастера, трудящиеся в кухне, не пожелают полностью уподобиться ученым и заговорить на

[690] Сноски: 690

Зильберманусом Бальзак называет страсбургского типографа и энтомолога Анри-Гюстава-Родольфа Зильбермана (1801–1876).

кухонной латыни.

— Видишь ли, дорогая, — продолжал Адольф, увидев, как желтеет и вытягивается лицо его целомудренной супруги, — во Франции мы называем это блюдо шампиньонами по-итальянски, по-провансальски, по-бордоски. Шампиньоны нужно нарезать очень мелко и поджарить в оливковом масле, добавив еще что-то, не помню точно… Кажется, дольку чесноку…

Что это — бедствие, мелкая неприятность?.. Как ни назови, ясно одно: для сердца женщины подобное происшествие — то же, что для восьмилетнего ребенка боль от вырванного зуба.

Ab uno disce omnes[691], иначе говоря: одной довольно! а остальные вспоминайте сами, ведь мы рассказали эту кулинарную историю, чтобы по ней можно было судить обо всех прочих, которые приводят в отчаяние женщин любящих, но нелюбимых.

Дым без огня

Женщина, исполненная веры в любимого, есть не что иное, как выдумка романиста. Такая

---

[691] Сноски: 691
По одному узнай всех (*лат.*).

женщина ничуть не более реальна, чем богатое приданое. Невесты остались, но приданые ушли так же, как и короли[692]. Доверие женщины может просверкать несколько коротких мгновений на заре любви, но очень скоро оно гаснет, подобно падающей звезде.

Для всякой женщины, если только она не родилась в Голландии, в Англии, в Бельгии или еще какой-нибудь болотистой стране, любовь — это предлог для страданий, повод пустить в ход чересчур бурное воображение и чересчур тонкие нервы.

Посему у женщины счастливой, женщины любимой на втором месте стоит страх потерять свое счастье; на втором — потому что, надо отдать ей должное, на первом месте у нее всегда стоит желание им насладиться. Все обладатели сокровищ боятся воров; но никто не поступает так, как женщина, и не предполагает, что у золотых монет есть ноги и крылья.

---

[692] Сноски: 692

В 1811 году Шатобриан закончил свою прозаическую эпопею «Мученики» фразой «Боги уходят» (имелись в виду языческие боги Античности, уступающие место новой, христианской религии). После Июльской революции Жозеф Лене, бывший министр внутренних дел, с 1824 года пэр Франции, произнес в палате пэров речь, где придал этой формулировке иной вид, соответствующий новой политической реальности: «Короли уходят». Бальзак цитирует эти «великие слова г-на Лене» в романе «Беатриса».

Голубой цветочек совершенного блаженства слишком редок для того, чтобы человек, который, благодарение Господу, получил его в свое распоряжение, имел глупость с ним расстаться[693].

Аксиома

Ни одну женщину не бросают без причины.

Аксиома эта начертана в глубине сердца всякой женщины, и оттого женщины покинутые неистовствуют особенно сильно.

Не станем распространяться о мелких неприятностях любви; мы живем в расчетливую эпоху, когда женщин бросают очень редко, что бы они ни натворили; ибо нынче законная жена обходится дешевле всего, и если муж говорит ей «моя дорогая», он имеет в виду только переносный смысл.

Между тем в душе всякой женщины, которую

---

[693] Сноски: 693

«Голубой цветок» как символ идеала и абсолютной любви восходит к роману немецкого романтика Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген»; французский перевод того фрагмента романа, где описан этот цветок, явившийся во сне заглавному герою, был опубликован в «Новом германском журнале» в 1832 году (Nouvelle revue germanique. T. 10), однако французские литераторы упоминали его и без прямых отсылок к Новалису; например, об «идеале, голубом цветке с золотой сердцевинкой» рассуждает заглавная героиня романа Т. Готье «Мадемуазель де Мопен» (1835); Бальзак хорошо помнил эти строки Готье и процитировал их в романе «Дочь Евы».

когда-либо любил мужчина, рано или поздно поселяется подозрение, когда справедливое, а когда и нет. Эта мелкая неприятность порождает множество домашних неурядиц, и вот самая серьезная из них.

Однажды Каролина наконец замечает, что ее возлюбленный Адольф, пожалуй, слишком часто покидает ее из-за дела — нескончаемого дела Шомонтеля, которое длится вечно.

Аксиома

У каждой семьи есть свое дело Шомонтеля[694]. (См. главу «Неприятность от неприятности».)

Между тем жена верит в дела мужа ничуть не больше, чем директора театров и книгопродавцы — в болезни актрис и авторов.

Лишь только любимый мужчина уходит из дома, всякая женщина, даже если она его только что

---

[694] Сноски: 694

В публикации этой главы в «Прессе» 5 декабря 1845 года к этому месту сделано примечание: «В уже опубликованной части этого сочинения автор объяснил, что такое дело Шомонтеля. ‹…› Дело Шомонтеля — не что иное, как вечный предлог, которым прикрываются мужья. Обычно, когда муж отчитывается в своем вчерашнем времяпрепровождении, всегда выясняется, что он упустил кредиторов, которым назначил встречу для завершения всех дел. — Или бумаги куда-то пропали. — Или синдика не оказалось на месте. — Или есть люди, заинтересованные в том, чтобы не дать хода делу Шомонтеля. — Или никто не хочет разорять Шомонтеля. — И проч., и проч.». О синдике см. примеч. 642.

совершенно ублаготворила, тотчас воображает, что он отправляется искать счастья на стороне.

В этом отношении женщины приписывают мужчинам способности совершенно сверхчеловеческие. У страха глаза велики: сердце у женщины выскакивает из груди, а ум заходит за разум.

— Куда пошел муж?

— Что делает муж?

— Почему он ушел один?

— Почему он не взял меня с собой?

Эти четыре вопроса суть четыре главных подозрения, четыре ветра, веющие над грозным морем внутренних монологов.

Эти страшные бури изнуряют женщин и заставляют их принять решение подлое, недостойное, которое всякая женщина, будь она герцогиня или мещанка, баронесса или жена маклера, ангел или мегера, особа безмятежная или неистовая, приводит в исполнение безотлагательно. Все они берут пример с правительства и начинают шпионить. Они полагают, что к мерам, принимаемым государством в интересах всего общества, законно, правомерно и дозволительно прибегнуть в интересах их любви. Это роковое любопытство вынуждает женщину нанимать шпионов, а шпи-

он всякой женщины, которая еще не утратила уважения к самой себе в этом положении, когда, объятая ревностью, она не питает уважения ни к чему:

ни к вашим шкатулкам, ни к вашим карманам, ни к ящикам вашей кассы, вашего бюро, стола или комода, ни к вашим портфелям с секретом, ни к вашим бумагам, ни к вашим дорожным несессерам, ни к тайнам вашего туалета (тут женщина обнаруживает, что в бытность свою холостяком муж красил усы, что он хранит письма бывшей любовницы, которая чрезвычайно опасна, и он таким образом держит ее в своих руках, и проч.), ни к вашим эластичным поясам, –

так вот, ее шпион, единственный, которому женщина доверяет, — это ее горничная, ибо горничная понимает, извиняет и одобряет хозяйку.

В пароксизме любопытства, страсти и разыгравшейся ревности женщина ничего не предвидит, ничего не замечает, ей важно только одно — ВСЕ ЗНАТЬ.

А Жюстина и рада; она видит, как хозяйка компрометирует себя с ее помощью, и с пугающей готовностью разделяет ее страсти и опасения, ее страхи и подозрения.

Жюстина и Каролина устраивают секретные

совещания и переговоры. Всякое шпионство приводит к сношениям такого рода. В этом случае от горничной начинает зависеть судьба обоих супругов. Пример: лорд Байрон[695].

— Ну вот, — однажды объявляет Жюстина, — хозяин в самом деле ездит к женщине…

Каролина бледнеет.

— Но вы не тревожьтесь, эта женщина совсем старая…

— Ах, Жюстина, для иных мужчин старых женщин не бывает, мужчин не понять…

— Да ведь это не знатная дама, а просто женщина, женщина из народа.

— Ах, Жюстина, лорд Байрон в Венеции влюбился в рыбную торговку, мне болтушка Фиштаминель рассказывала[696].

И Каролина заливается слезами.

— Я поговорила с Бенуа.

— И что он думает?

---

[695] Сноски: 695

Луиза Свентон Беллок, автор биографии Байрона, изданной в Париже в 1824 году, подробно описывает, каким образом ненависть бывшей гувернантки леди Байрон к поэту стала причиной его разрыва с женой (см.: *Belloc L. S.* Lord Byron. Paris, 1824. T. 1. P. 57–60).

[696] Сноски: 696

В «Мемуарах лорда Байрона» (Mémoires de lord Byron, publiés par Thomas Moore / Trad. par L. S. Belloc. Paris, 1830. T. 3. P. 337–349) рассказано о романе поэта с венецианской простолюдинкой Маргаритой Коньи; впрочем, она была не рыбной торговкой, а булочницей.

— Он думает, что эта женщина — посредница, но хозяин таится от всех, даже от Бенуа.

Неделю подряд Каролина испытывает адские муки, все ее сбережения уходят на вознаграждения для шпионов, на оплату донесений.

Наконец, Жюстина отправляется к этой женщине по имени госпожа Маюше[697], подкупает ее и в конце концов выясняет, что у хозяина остался плод юношеских забав, прелестный мальчик, который похож на него как две капли воды, а эта женщина — его бывшая кормилица, мать по случаю, она ходит за юным Фредериком, вносит плату за его обучение в коллеже, именно через ее руки проходят полторы или две тысячи франков, которые хозяин, как считается, ежегодно спускает в карты.

— А настоящая мать? — ужасается Каролина.

В конце концов ловкой Жюстине, провидению хозяйки, удается убедить ее, что мадемуазель Сюзанна Бомине, бывшая гризетка, превратившаяся

[697] Сноски: 697

Женщина с такой фамилией фигурирует также в романе «Комедианты неведомо для себя» (см. примеч. 571); там она представлена как ремесленница, изготовляющая дамскую обувь.

в госпожу Сент-Сюзан[698], умерла в приюте Сальпетриер[699], или разбогатела и вышла замуж за провинциала, или пала так низко, что у Каролины нет никаких шансов ее встретить.

Каролина переводит дух, сердце ее перестает кровоточить, она счастлива; но у нее одни дочери, а она мечтает о сыне.

Маленькая драма, вытекающая из несправедливого подозрения, смехотворные догадки относительно госпожи Маюше, приступы беспричинной ревности — все это не более чем типическая ситуация, разновидности которой так же бесчисленны, как характеры, звания и происшествия.

Этот источник мелких неприятностей описан здесь для того, чтобы все женщины, дошедшие до этой страницы, обозрели ход своей супружеской жизни, поднялись вверх по ее течению, спустились вниз, вспомнили свои тайные похождения, свои безвестные горести, заблуждения, до которых их довел вздорный нрав, и роковые

---

[698] Сноски: 698

Приставку «Сен» или «Сент» (Saint, Sainte) обычно «для пущего благородства» прибавляли к своему имени или фамилии люди низкого происхождения, когда начинали актерскую карьеру.

[699] Сноски: 699

Сальпетриер — приют для престарелых и душевнобольных женщин.

случайности, ставшие источником ярости, бесполезного отчаяния, страданий, которых эти женщины могли бы избежать, ибо, по счастью, заблуждались!..

Эта мелкая неприятность влечет за собой другую, гораздо более серьезную и зачастую непоправимую, особенно если она является следствием пороков другого рода, не подлежащих рассмотрению в этой книге, ибо мы здесь считаем женщину непорочной… вплоть до развязки.

Домашний тиран

— Каролина, душа моя, — говорит однажды Адольф жене, — ты довольна Жюстиной?

— Да, конечно, друг мой.

— А ты не находишь, что она говорит с тобой неподобающим тоном?

— Неужели я стану обращать внимание на горничную? А вот вы, кажется, уделяете ей большое внимание?

— Что ты такое говоришь? — восклицает Адольф с возмущенным видом, который так нравится женщинам.

В самом деле, Жюстина — вылитая горничная актрисы, девица тридцати лет, переболевшая

оспой, в результате чего лицо ее изрыто ямочками, которые вдавлены отнюдь не поцелуем амура[700], жгучая брюнетка, тощая и длинноногая, с гноящимися глазами и соответствующими манерами. Она скопила десять тысяч франков и мечтала выйти за Бенуа, но тот устрашился внезапной атаки и попросил расчет.

Вот портрет домашнего тирана, приведенного к власти ревностью Каролины.

Утром Жюстина пьет кофе в постели, причем кофе этот такой же хороший, как у хозяйки, если не лучше.

Порой Жюстина уходит из дома, не спрашивая разрешения, причем одевается как жена банкира средней руки. На голове у ней крошечная розовая шляпка, на плечах прекрасная шаль, одета она в перешитое платье хозяйки, обута в полусапожки из кожи, крашенной под бронзу, и щеголяет апокрифическими драгоценностями.

Порой Жюстина бывает не в духе и дает почувствовать своей хозяйке, что она, хоть и не замужем, тоже женщина. Ей в голову забредают

---

[700] Сноски: 700

Ямочки на щеках как следы поцелуев Амура — образ французской поэзии рококо, использованный, например, в стихотворении кардинала де Берниса «Ямочки» (см.: *Noël F., Carpentier L.-J.-M.* Philologie française ou Dictionnaire étymologique, critique, historique… pour servir à l'histoire de la langue française. Paris, 1831. T. 1. P. 619).

черные мысли, у нее случаются свои капризы и печали. Наконец, она смеет жаловаться на свои нервы!..

Она дерзит хозяйке, грубит другим слугам, а жалованье ее тем временем растет.

— Душа моя, эта девица с каждым днем делается все более несносной, — говорит однажды Адольф Каролине, заметив, что Жюстина подслушивает у дверей, — если вы ее не выгоните, это сделаю я.

Перепуганная Каролина вынуждена после ухода мужа распечь Жюстину.

— Жюстина, вы злоупотребляете моей добротой: у вас превосходное жалование, гостинцы и подарки; постарайтесь сохранить место за собой, муж хочет вас прогнать.

Горничная умоляет, плачет; она так привязана к хозяйке! Она за нее готова в огонь и в воду, готова дать себя изрубить на мелкие кусочки, готова на все что угодно.

— Если у вас будет что скрывать, я возьму всю вину на себя.

— Ладно-ладно, Жюстина, успокойтесь, голубушка, — говорит Каролина в ужасе, — не в том дело; главное, постарайтесь удержаться на своем месте.

«Ах так! — думает Жюстина. — Он хочет меня

выгнать?.. Ну, я тебе устрою веселую жизнь, старый дурень!»

Неделю спустя, причесывая хозяйку, Жюстина смотрит в зеркало, чтобы хозяйке наверняка были видны все ее гримасы; разумеется, Каролина очень скоро спрашивает:

— Что случилось, Жюстина?

— Я бы вам сказала, что случилось, но вы же всегда уступаете хозяину…

— Да скажи же, в чем дело?

— Я поняла, почему хозяин хочет меня выгнать; он теперь доверяет только Бенуа, а Бенуа мне правды не говорит…

— Но что все-таки произошло? Ты что-то узнала?

— Я уверена, что они вдвоем затевают что-то против вас, — отвечает горничная уверенным тоном.

Жюстина смотрит в зеркало и видит, как побледнела Каролина; все пытки предыдущей мелкой неприятности возвращаются, и теперь без Жюстины ей не обойтись — точь-в-точь как правительству, узнавшему о готовящемся заговоре, не обойтись без шпионов.

Между тем приятельницы Каролины не понимают, почему она так держится за девицу столь

непривлекательную, которая ведет себя как барыня, носит шляпки, грубит…

У госпожи Дешар и у госпожи де Фиштаминель обсуждают эту нелепую покорность и подшучивают над ней. Находятся дамы, которые предлагают самые чудовищные объяснения и ставят под сомнение добродетель Каролины.

Аксиома

В свете умеют напялить чехол на всякую истину, даже самую невинную.

Одним словом, *ария о клевете* сбывается так точно, как если бы ее пел сам Бартоло[701].

Ни у кого нет сомнений в том, что Каролина не может уволить свою горничную.

В свете изо всех сил стараются открыть разгадку этой загадки. Госпожа де Фиштаминель поднимает на смех Адольфа, Адольф приходит в ярость, устраивает сцену Каролине и увольняет Жюстину.

На Жюстину это производит такое сильное действие, что она заболевает и укладывается в постель. Каролина замечает мужу, что невозмож-

---

[701] Сноски: 701

Имеется в виду ария о клевете, которую исполняет в опере Россини «Севильский цирюльник» не Бартоло, а другой персонаж — дон Базилио.

но выгнать на улицу девушку в таком состоянии, тем более девушку, которая очень привязана к ним обоим и служит у них со дня их свадьбы.

— Как только выздоровеет, чтобы ноги ее здесь не было! — говорит Адольф.

Каролина, успокоившаяся насчет Адольфа и вконец обобранная Жюстиной, уже и сама не прочь от нее избавиться; она пускает в ход сильнодействующее средство и решается подвергнуть себя унижению, из чего проистекает новая мелкая неприятность вот какого рода.

Признания

Однажды утром Адольфа балуют больше обычного. Осчастливленный супруг пытается отгадать причины этого прилива нежности, и тут Каролина очень ласково окликает его:

— Адольф?

— Да! — отвечает он, испуганный волнением, которое слышится в голосе Каролины.

— Обещай, что не будешь сердиться.

— Хорошо.

— Что не станешь меня бранить…

— Ни в коем случае. Но в чем дело?

— Что простишь меня и больше никогда об

этом не будешь вспоминать…

— Но скажи уже!..

— Вдобавок ты сам во всем виноват…

— Ты скажешь, в чем дело?.. или я немедленно ухожу…

— Только ты один можешь меня вызволить из той ловушки, в какую я попала… из-за тебя!..

— Не выводи меня из терпения…

— Все дело в…

— В?

— В Жюстине.

— О Жюстине даже не говори; она уволена, я не желаю больше ее видеть, она своим поведением порочит вашу репутацию.

— А что такое можно сказать про меня? что про меня говорят?

Роли меняются, начинается выяснение отношений, и Каролина краснеет от стыда, обнаруживая, до каких предположений дошли ее лучшие подруги, обрадовавшиеся возможности объяснить ее добродетельное поведение самыми дикими причинами.

— Подумать только! И все это из-за тебя! Почему ты мне ничего не сказал о Фредерике…

— Фредерике? короле датском?

— Вот что значит мужчина!.. Настоящий Тар-

тюф! Неужели ты хочешь меня уверить, что успел забыть о своем сыне, сыне мадемуазель Сюзанны Бомине?

— Ты знаешь…

— Все!.. И про мамашу Маюше, и про твои отлучки для того, чтобы пообедать с сыном, когда его отпускают из пансиона.

Порой за «делом Шомонтеля» скрывается внебрачный ребенок, и это самое безопасное из «дел Шомонтеля».

— Какие же кротовые ходы умеют вырыть богомолки вроде тебя! — с ужасом восклицает Адольф.

— Это все Жюстина; она все выведала.

— Ах вот оно что! теперь я понимаю, отчего она вела себя так дерзко…

— Не сердись, друг мой, твоя Каролина была очень несчастна; я стала следить за тобой только потому, что я тебя безумно люблю… я совсем потеряла голову… А если бы обнаружилось, что ты мне изменяешь, я бы убежала на край света. И вот из-за этой ревности без причины я и оказалась во власти Жюстины… Помоги мне, котик, спаси меня!

— Запомни, ангел мой, если ты хочешь, чтобы горничная тебе служила, ни в коем случае

не нужно просить ее об услугах. Это же самое низкое тиранство!.. Какая гадость — зависеть от собственной прислуги!..

Адольф не упускает случая напугать Каролину, потому что предвидит появление будущих «дел Шомонтеля» и хотел бы избавиться от слежки.

Он призывает Жюстину и объявляет ей, что она уволена; никаких возражений он слышать не хочет.

Каролина полагает, что ее мелкой неприятности пришел конец. Она нанимает другую горничную.

Жюстина, благодаря своим двенадцати или пятнадцати тысячам франков удостоившаяся внимания водоноса с коромыслом[702], становится госпожой Шаваньяк и берется за торговлю фруктами.

Десять месяцев спустя, когда Адольфа нет дома, Каролина получает из рук посыльного письмо на листе из школьной тетрадки, написанное кривоногими буквами, которые нуждаются в длительном лечении у ортопеда; письмо гласит:

---

[702] Сноски: 702

Водонос с коромыслом — самая низшая ступень в иерархии парижских водоносов; выше его стоял водонос с бочкой на тележке, которую вез он сам; наконец, на самом верху стояли водоносы с бочкой и с лошадью.

Сударня,

Важ муш вам подла изминяет с мадамой де Фештоменель, он туды ездиет и ездиет, а вы ничиго ни видете; вод вам и подилом, я очинь давольна, и примити увиряния.

Каролина подпрыгивает, как львица, которую укусил слепень; она вновь начинает поджаривать себя на огне подозрений, вновь вступает в борьбу с неизвестностью.

Не успевает она убедиться в несправедливости своих подозрений, как приходит новое письмо, в котором ей предлагают сообщить сведения касательно «дела Шомонтеля», раскрытого Жюстиной.

Мелкая неприятность под названием «Признания», примите это к сведению, сударыни, зачастую приводит к еще более печальным последствиям.

Унижения

К чести женщин следует сказать, что они еще дорожат своими мужьями, когда мужья уже ими не дорожат; не только потому, что с точки зре-

ния общества замужнюю женщину связывают с мужчиной гораздо более многообразные связи, чем этого мужчину — с женой, но еще и потому, что у женщины гораздо больше деликатности и достоинства, чем у мужчины — разумеется, если речь не идет о таком великом вопросе, как супружество.

Аксиома

Муж — это просто мужчина; замужняя женщина — это разом мужчина, отец, мать и женщина.

При внимательном рассмотрении видно, что у замужней женщины чувствительности хватает на четверых, если не на пятерых.

Кроме того, нелишне будет заметить здесь, что для женщин любовь равносильна всеобщему отпущению грехов; страстно любящий человек может совершить любое преступление: в глазах той, которая его любит, он всегда останется невинным агнцем, если в самом деле любит ее страстно.

Что же до замужней женщины, любима она или нет, она твердо знает, что от достоинства и осмотрительности мужа зависит будущность ее детей, и потому всегда действует как женщина

любящая: к этому ее вынуждает интерес общественный.

Это глубокое чувство доставляет некоторым Каролинам неприятности мелкие, но, к несчастью для этой книги, довольно печальные.

Адольф компрометировал себя. Не станем перечислять все способы себя компрометировать; это означало бы переходить на личности. Возьмем для примера лишь тот из общественных проступков, который наша эпоха извиняет, допускает, принимает и поощряет чаще всего, — честную *кражу*, тщательно скрытую растрату, обман извинительный, потому что удавшийся, как, например, умение договориться с власть имущими, чтобы продать свою собственность как можно дороже городу, департаменту и проч.

Например, произошло банкротство, и, чтобы *прикрыться* (иначе говоря, вернуть себе как можно большую часть долга), Адольф пошел на незаконные действия, из-за которых человек рискует предстать перед судом присяжных в качестве свидетеля. А может быть, и его самого привлекут к суду как сообщника.

Заметим, что при всяком банкротстве даже главы самых почтенных торговых домов спешат *прикрыться*, почитая это своим священным дол-

гом; главное — уподобиться чопорной Англии и не выставлять напоказ изнанку *покрывала*[703].

Адольф в затруднении; адвокат посоветовал ему самому затаиться, и он прибегает к помощи Каролины; он посвящает ее в суть дела, дает ей наставления, растолковывает статьи Кодекса, следит за ее туалетом, снаряжает ее как бриг, отправляющийся в дальнее плавание, и отправляет к судье или к синдику[704].

Судья — человек с виду суровый, а на деле — большой сластолюбец; он говорит с хорошенькой посетительницей очень серьезно и тотчас выкладывает ей множество чрезвычайно нелестных подробностей об Адольфе.

— Мне жаль вас, сударыня, вы принадлежите человеку, который может вам доставить много несчастий; еще несколько дел в таком роде, и он полностью утратит уважение окружающих.

---

[703] Сноски: 703

Способы кредиторов не только не потерять деньги при банкротстве своего должника, но даже и нажиться на нем подробно описаны во второй части романа «История величия и падения Цезаря Бирото» (1837); Бальзак поясняет там, что значит для кредитора «прикрыться» (se couvrir; в переводе Р. А. Гурович «себя обеспечить»), — «захватить какие-нибудь ценности в ущерб прочим кредиторам» (*Бальзак/15*. Т. 8. С. 256).

[704] Сноски: 704

Синдик — человек, которого избирают кредиторы для защиты своих интересов.

У вас есть дети? Простите мне этот вопрос; вы выглядите так молодо, что вполне естественно…

И судья подсаживается к Каролине поближе.

— Да, сударь.

— О Господи! какая же будущность их ждет! Я прежде всего подумал о женщине, но теперь я сочувствую вам вдвойне, ведь вы еще и мать… О, как вы, должно быть, страдали, идя сюда… Бедные, бедные женщины!

— Ах, сударь, вам меня жаль, не так ли?..

— Увы! чем я могу вам помочь? — говорит судья, искоса глядя на Каролину испытующим взглядом. — Вы просите, чтобы я нарушил свой долг, а я ведь сначала судья, а потом уже человек…

— Ах, сударь, будьте только человеком…

— Что вы такое говорите… моя красавица?..

И страж правосудия дрожащей рукой берет руку Каролины.

Каролина, памятуя о том, что дело идет о чести ее мужа и ее детей, решает, что теперь не время разыгрывать недотрогу; она не отнимает у судьи руку, а сопротивление оказывает такое, что любвеобильный старец (а это, по счастью, старец) может принять его за знак благосклонности.

— Ладно-ладно, красавица, не плачьте, — продолжает судья, — я не допущу, чтобы из-за меня

проливала слезы такая хорошенькая особа, я посмотрю, что можно сделать, приходите завтра вечером — поговорим о деле поподробнее, нужно изучить все бумаги; займемся этим вместе…

— Сударь…

— Но это уж непременно…

— Сударь…

— Не бойтесь, красавица, судья знает свой долг перед законом и (тонкая улыбка) перед красотой…

— Но, сударь…

— Будьте спокойны, — говорит он, держа ее руки в своих и пожимая их, — этот крупный проступок мы постараемся превратить в пустяковый.

И он провожает до дверей Каролину, удрученную мысль о грядущем свидании.

Синдик — молодой весельчак, и госпожу Адольф он встречает с улыбкой. Он улыбается по всякому поводу и, не переставая улыбаться, обнимает Каролину за талию так ловко, что она даже не возмущается, тем более что помнит: Адольф велел не раздражать синдика.

Тем не менее Каролина — хотя бы в интересах синдика — вырывается и говорит ему то же самое, что трижды сказала судьбе: «Сударь!..»

— Не сердитесь, вы неотразимы, вы ангел, а ваш муж — чудовище; зачем он отправил сирену к юноше, которого, и это ему хорошо известно, так легко воспламенить?

— Сударь, муж не смог прийти сам; он очень болен, не встает с постели, а вы его так сильно напугали, что он решил срочно…

— Неужели у него нет стряпчего, поверенного?

Это замечание приводит в ужас Каролину, ибо открывает ей глаза на глубочайшее коварство Адольфа.

— Он подумал, сударь, что вы пожалеете мать семейства, детей…

— Та-та-та, — отвечает синдик. — Вы явились, чтоб посягнуть на мою независимость, на мою совесть, вы желаете, чтобы я предал кредиторов; так вот, я иду дальше, я предаю вам свое сердце, свое состояние; ваш муж желает спасти свою честь, ну что ж, а я вверяю вам свою…

— Сударь, — восклицает Каролина, пытаясь поднять синдика, упавшего к ее ногам, — вы меня пугаете!

Она изображает испуг и направляется к двери, чтобы выйти из положения так, как умеют это делать женщины, а именно ничего не испортив.

— Я вернусь, — говорит она с улыбкой, — когда

вы станете благоразумнее.

— Вы меня покидаете… берегитесь! Ваш муж может попасть на скамью подсудимых; он соучастник ложного банкротства, нам известны многие его поступки, которые отнюдь не делают ему чести. Это не первая его провинность; он провертывал довольно грязные аферы, занимался темными махинациями; вы заступаетесь за человека, который не бережет ни своей чести, ни вашей.

Устрашенная этими словами, Каролина закрывает дверь изнутри и вновь подходит к синдику.

— Что вы имеете в виду, сударь? — спрашивает она, разгневанная столь грубым натиском.

— Как что? Дело…

— Шомонтеля?

— Нет, спекуляцию с домами, которые ваш муж оплачивал векселями несостоятельных плательщиков[705].

Каролина вспоминает дело, за которое взялся

---

[705] Сноски: 705

Сходные махинации совершает барон де Нусинген в романе «Отец Горио» (1835): «Он покупает на свое имя порожние участки, затем поручает подставным лицам строить там дома. Эти люди отдают подряды на постройку любым подрядчикам и платят им долгосрочным векселем, а потом за небольшую сумму выдают ему расписку в получении от него денег на постройки: тогда владельцем домов оказывается Нусинген, а подставные лица оставляют подрядчиков в дураках, объявив себя банкротами» (пер. Е. Корша).

Адольф в надежде удвоить свой доход (см. главу «Женское иезуитство»), и содрогается. Синдик играет на ее любопытстве.

— Сядьте-ка вот здесь. Не бойтесь, на таком расстоянии я буду вести себя благоразумно, но зато смогу вами любоваться…

И он принимается описывать во всех подробностях аферу, задуманную банкиром дю Тийе[706], то и дело прерывая свой рассказ восхищенными возгласами: «Ах, какая прелестная ножка, маленькая, изящная… Такой ножки нет больше ни у кого… — *Итак, дю Тийе заключил полюбовное соглашение…* — А какое ушко… Вы знаете, что у вас пленительное ушко?.. — *И дю Тийе поступил абсолютно правильно, потому что дело уже поступило в суд.* — Я обожаю маленькие ушки… Позвольте мне снять слепок с вашего, и я сделаю все, что вы пожелаете. — *Дю Тийе воспользовался этим, чтобы перевалить всю ответственность на этого болвана, вашего мужа…* — А какой очаровательный материал, вы одеты божественно…

— На чем мы остановились, сударь?..

— Разве я могу помнить, на чем остановился,

---

[706] Сноски: 706

Спекуляции с земельными участками, в которые негодяй дю Тийе втянул честного парфюмера Цезаря Бирото, чтобы его погубить, описаны Бальзаком в романе «История величия и падения Цезаря Бирото».

когда любуюсь такой рафаэлевской головкой, как ваша?

После двадцать седьмой похвалы Каролина начинает находить синдика остроумным, делает ему комплимент и удаляется, так и не узнав до конца историю этого предприятия, которое в свое время пожрало целых триста тысяч франков.

Эта мелкая неприятность принимает порой самые отвратительные формы.

Пример:

Адольф отважен и обидчив; он с женой отправляется на прогулку по Елисейским Полям, там толпится множество народу, и в этой толпе находятся неучтивые молодые люди, которые отпускают шутки в духе Панурга[707]; Каролина делает вид, что ничего не слышит, чтобы мужу не пришлось драться на дуэли.

Другой пример:

Мальчишка из породы совершенно несносных спрашивает в присутствии гостей: «Мама, неужели ты бы позволила Жюстине дать мне пощечину?»

— Конечно, нет…

— А почему ты об этом спрашиваешь, ма-

---

[707] Сноски: 707

То есть вольные и скабрезные шутки в том духе, какого не чуждался сам Бальзак в «Физиологии брака» (см. примеч. 20 и 39).

лыш? — осведомляется госпожа Фуллепуэнт.

— Потому что она только что залепила пощечину папе, а ведь он гораздо сильнее меня.

Госпожа Фуллепуэнт хохочет и осыпает Адольфа, который думал за ней приударить, безжалостными насмешками; впрочем, еще прежде ему приходится вынести первую из последних ссор с Каролиной (см. главу «Последняя ссора»).

Последняя ссора

В жизни всякой супружеской четы наступает такой момент, когда и муж, и жена понимают, что роковой час пробил. Звучит похоронный звон, извещающий о смерти ревности — великой, благородной, пленительной страсти, которую можно назвать единственным истинным симптомом любви, а может быть, и ее *двойником*. Если жена больше не ревнует мужа, значит, все кончено: она его больше не любит. Поэтому супружеская любовь угасает в последней сцене, которую устраивает жена.

Аксиома

Если жена больше не устраивает мужу сцен,

это означает, что Минотавр уже устроился в супружеской спальне, в кресле у камина, и постукивает кончиком трости по своим лакированным сапогам.

Все женщины, должно быть, помнят об этой прескверной мелкой неприятности — последней ссоре, которая зачастую вспыхивает из-за сущего пустяка, а еще чаще — из-за непреложного факта, из-за неопровержимого доказательства. Это жестокое прощание с верой, с ребячествами любви, с самой добродетелью, пожалуй, так же прихотливо, как сама жизнь.

Как и сама жизнь, оно протекает в каждой семье на свой особенный лад.

Здесь автор, если он притязает на точность, должен, вероятно, перечислить все разновидности таких ссор.

Например, Каролина открывает, что за судейской мантией синдика, улаживающего дело Шомонтеля, скрывается наряд гораздо менее грубый, шелковистый на ощупь и приятный на вид, а у самого Шомонтеля белокурые локоны и голубые глаза.

Или, например, Каролина, поднявшись раньше Адольфа, замечает, что из бокового кармана его пальто, небрежно брошенного на кресло, торчит

уголок надушенной записки, привлекающий взор своей белизной, подобно лучу солнца, проникающему сквозь щели в наглухо закрытую комнату.

А может быть, она нащупала эту бумажку в кармане фрака, когда сжимала Адольфа в своих объятиях.

Или же ее насторожил аромат незнакомых духов, который в последнее время постоянно сопровождает Адольфа.

Как бы там ни было, она читает вот что:

> «Ниблогодарный, ни знаю на што ты намикаиш нащет Иполита, прихади и узнаиш, как я тибя люблю».

Или вот что:

> «Вчера, мой друг, вы пришли очень поздно, что же будет завтра?»

Или вот что:

> «Женщины, которые любят вас, милый друг, очень несчастны оттого, что вынуждены вас ненавидеть, если вы долго их не навещаете; берегитесь, ненависть,

зародившаяся в ваше отсутствие, может испортить те мгновения, которые вы проведете в нашем обществе».

Или вот что:

«Негодяй Шодорей, что это, интересно, за дамочка, с которой ты вчера разгуливал под ручку на бульваре? Если это твоя жена, прими мои соболезнования по поводу всех ее отсутствующих прелестей, она, верно, заложила их в ломбард, но потеряла квитанцию».

Первая записка сочинена гризеткой, вторая — знатной дамой, третья — претенциозной мещанкой, четвертая — актрисой; из числа этих женщин Адольф выбирает своих *красавиц* (выражение из фиштаминелевского словаря).

А может случиться и так, что Каролина, приехав под густой вуалью в Ранелаг в обществе Фердинанда, видит своими глазами, как Адольф отплясывает польку, держа в объятиях одну из

придворных дам королевы Помаре[708];

или что Адольф в седьмой раз спросонья путается в именах и называет свою Каролину Жюльеттой, Шарлоттой или Лизой;

или что торговец съестным либо ресторатор присылает в отсутствие хозяина разоблачительные счета, которые попадают в руки Каролины.

> Документы, касающиеся «дела Шомонтеля»
>
> Г-н Адольф должен Перро
>
> За паштет из гусиной печенки и шесть бутылок разных вин, доставленные к госпоже Шонтц 6 января 184..., – 22 франка 50 сантимов и 70 франков.
>
> За изысканный завтрак, доставленный в гостиницу Конгресса, в 21-й номер, 11 февраля, по условленной цене, – 100 франков.
>
> Итого 192 франка.

Каролина роется в памяти и обнаруживает,

---

[708] Сноски: 708

Королева Помаре — прозвище (по имени королевы Таити) Лизы Сержан, одной из «звезд» танцевального зала Мабия в районе Елисейских Полей. Ранелаг — другой танцевальный зал, располагавшийся в парижском пригороде Пасси. Полька вошла в моду в Париже зимой 1843/44 годов и, хотя считалась танцем неблагопристойным, вроде канкана, пользовалась огромной популярностью.

что именно в эти дни Адольф уезжал на встречи, касающиеся «дела Шомонтеля».

В праздник Богоявления[709] он отправился на собрание, где обсуждался порядок выплат кредиторам по «делу Шомонтеля».

А 11 февраля у него было назначено свидание с нотариусом для подписания расписки «по делу Шомонтеля».

Или, например…

Но вознамериться перечислить все возможные случаи может только безумец.

Каждая женщина сама вспомнит, как после многих сомнений и душевных терзаний у нее спала пелена с глаз и как вышло, что если она и устраивает сцену, то лишь ради того, чтобы окончить роман, вложить закладку в книгу, отстоять свою независимость или начать новую жизнь.

Некоторым женщинам удается опередить мужчину и устроить эту сцену заблаговременно, для собственного оправдания.

Женщины нервические кричат и буйствуют.

Женщины кроткие изъясняются тихим, но решительным тоном, который приводит в трепет самых отважных мужей.

---

[709] Сноски: 709

Праздник Богоявления католики празднуют 6 января.

Те, кто еще не придумал, как отомстить, много плачут.

Те, кто любит, прощают. О! они, подобно той жене, которую муж именовал своей берлиной, не сомневаются, что все француженки без ума от Адольфа, и счастливы уже тем, что имеют законные права на мужчину, любимого всеми женщинами без исключения.

Некоторые женщины, с губами сжатыми так же плотно, как дверцы несгораемого шкафа, с поблекшим лицом и тощими руками, получают злобное удовольствие, заставляя своего Адольфа барахтаться в тине *лжи* и ловя его на противоречиях; они засыпают его вопросами (см. главу «Неприятность от неприятности»), как судья — преступника, а если он пытается оправдаться, с желчным наслаждением предъявляют в решающий момент улики неопровержимые.

Как правило, в этом главном эпизоде супружеской жизни представительница прекрасного пола исполняет роль пыточных дел мастера; мужчина на ее месте стал бы просто убийцей.

Вот как это происходит.

Последняя ссора (вы скоро узнаете, почему автор называет ее *последней*) неизменно заканчивается торжественным, священным обещанием,

которое дают женщины деликатные, благородные или просто умные, говоря иначе, все женщины без исключения; вот его самый возвышенный вариант:

— Довольно, Адольф! мы больше не любим друг друга; ты меня предал, и я этого никогда не забуду. Простить возможно, но забыть — это вещь несбыточная.

Женщины держатся неумолимо лишь ради того, чтобы простить как можно более очаровательно; они постигли замысел Господень.

— Мы должны остаться друзьями, — продолжает Каролина. — Станем жить вместе, как два брата, два товарища. Я не хочу делать твою жизнь невыносимой и обещаю никогда не вспоминать о том, что произошло…

Адольф протягивает руку Каролине: та пожимает ее на английский манер[710].

Адольф благодарит Каролину и радуется своему счастью: он сделал из жены сестру и полагает,

---

[710] Сноски: 710

Рукопожатие между мужчиной и женщиной вошло в Англии в обиход гораздо раньше, чем во Франции, где считалось английским заимствованием. В 1833 году в очерке «Переводчики», вошедшем в 11-й том сборника «Париж, или Книга ста и одного автора», Эдуард де Лагранж называет его новинкой, которую фешенебельные модники переняли у англичан наряду с раутами и калейдоскопом. Между прочим, вещью непривычной (и нуждающейся в маркировке «по-английски») рукопожатие считалось во Франции почти до самого конца XIX века.

что вновь стал холостяком.

Назавтра Каролина позволяет себе очень остроумный намек (Адольф не может слышать его без смеха) на «дело Шомонтеля». В свете она изъясняется общими словами, которые легко обращаются в частности, касающиеся этой последней ссоры.

Через пару недель Каролина начинает то и дело поминать последнюю ссору. Она говорит: «Это случилось в тот день, когда я нашла у тебя в кармане счет за Шомонтеля»;

или: «Со дня нашей последней ссоры…»;

или: «В тот день, когда я тебя наконец разгадала» и проч.

Она убивает Адольфа, она его мучает! В свете она изрекает чудовищные вещи:

«Мы делаемся счастливы, милочка, в тот день, когда перестаем любить: тут-то мы как раз и узнаем, как быть любимыми…»

И она смотрит на Фердинанда.

«У вас, я смотрю, есть свое дело Шомонтеля», — говорит она госпоже Фуллепуэнт.

Одним словом, последняя ссора не имеет конца, отсюда аксиома:

Провиниться перед законной женой — значит изобрести вечный двигатель.

Провал

Женщины, а в особенности женщины замужние вбивают себе в голову какую-нибудь идею совершенно так же, как втыкают иголки в свою подушечку для булавок, и сам дьявол — слышите, сам дьявол! — не способен ее оттуда извлечь; право вкладывать идеи в мозг, вытаскивать их оттуда и отправлять назад они оставляют только за собой.

Однажды Каролина возвращается от госпожи Фуллепуэнт, терзаемая ревностью и завистью.

Госпожа Фуллепуэнт, *львица*…

Это слово нуждается в пояснении. Сей модный неологизм соответствует нескольким идеям, впрочем весьма бедным, имеющим хождение в современном обществе; чтобы вас правильно поняли, употребляйте его, когда ведете речь о модной красавице.

Итак, наша львица каждый день скачет верхом, и Каролина загорается мыслью выучиться верховой езде[711].

Заметьте, что эта фаза семейной жизни Адоль-

---

[711] Сноски: 711
О львах и львицах см. примеч. 582.

фа и Каролины соответствует тому, что мы назвали «Восемнадцатым брюмера супружеской жизни», и что они уже дважды или трижды затевали то, что мы назвали «Последней ссорой».

— Адольф, — говорит Каролина, — ты хочешь доставить мне удовольствие?

— Разумеется…

— Ты мне не откажешь?

— Если то, о чем ты меня просишь, возможно, я готов…

— Ну вот… началось… я уже слышу речи мужа… если…

— Да в чем дело?

— Я бы хотела выучиться ездить верхом.

— Но, Каролина, это же невозможно!

Каролина смотрит в окно и пытается выжать из себя слезу.

— Послушай, — продолжает Адольф, — разве я могу позволить тебе ездить в манеж одной? Разве я могу сопровождать тебя сейчас, когда на меня свалилось столько дел? Да что с тобой? По-моему, я привожу тебе доводы неопровержимые.

Адольф понимает, что придется нанять конюшню, купить лошадь, завести грума и пони для него; одним словом, он предвидит от *львицыной* прихоти много докуки.

Мало кто из мужчин, которые преподносят женщине доводы вместо того, чтобы преподнести то, чего ей хочется, дерзают спуститься вглубь малой бездны, именуемой сердцем, и оценить мощь бури, которая поднимается там в одно мгновение.

— Доводы! Да если вам нужны доводы, вот они, — восклицает Каролина. — Я ваша жена; а вы и думать забыли мне угождать. И потом, насчет расходов… Тут вы, друг мой, сильно заблуждаетесь.

У женщин столько же способов произносить эти два слова: «друг мой», сколько у итальянцев способов говорить amico; я лично насчитал их двадцать девять, и это лишь те, которые выражают разные оттенки ненависти.

— Вот смотри, — продолжает Каролина. — Я заболею, и вы заплатите аптекарю и врачу ровно столько, сколько отдали бы за лошадь. Я буду сидеть дома в четырех стенах — но вам же только этого и надобно. Я так и думала. Я попросила у вас разрешения, совершенно не сомневаясь в отказе: мне просто было интересно узнать, что именно вы придумаете в свое оправдание.

— Но… Каролина.

— Невозможно отпустить меня в манеж од-

ну! — продолжает она, не обращая внимания на его слова. — Разве это причина? Разве я не могу ездить туда с госпожой де Фиштаминель? Госпожа де Фиштаминель сейчас как раз учится ездить верхом, и не думаю, чтобы господин де Фиштаминель ее сопровождал.

— Но… Каролина.

— Я в восторге от вашей предупредительности, право, вы слишком сильно обо мне заботитесь. Господин де Фиштаминель доверяет своей жене гораздо больше. Он-то с ней в манеж не ездит. Быть может, именно из-за его доверчивости вы и не отпускаете меня в манеж, ведь я могу там увидеть, как вы сами объезжаете Фиштаминельшу.

Адольф пытается скрыть тоску, которую навевает на него этот поток слов, начавшийся на полпути от дома и до сих пор не впавший ни в какое море.

Дома Каролина продолжает свои рассуждения:

— Ты сам видишь, что если бы доводы могли возвратить мне здоровье и помешать мечтать об упражнениях, предписанных самой природой, я бы привела их без всякого труда, потому что все доводы мне хорошо известны и я их привела сама себе еще прежде, чем заговорила с тобой.

Сие, сударыни, может с тем большими осно-

ваниями быть названо прологом супружеской драмы, что произносится с чувством, сопровождается жестами, украшается взглядами и прочими виньетками, коими вы иллюстрируете сии шедевры.

Каролина, лишь только ей удается посеять в сердце Адольфа боязнь сцены с бесконечными притязаниями, ощущает *с левой стороны* еще более сильную ненависть к его правлению[712].

Супруга дуется, и дуется так свирепо, что Адольф не может не обращать на это внимания, иначе ему грозит опасность *минотавризации*, ибо, примите это к сведению, между двумя существами, сочетавшимися узами брака в мэрии или хотя бы в Гретна-Грин[713], все кончено, если один из них не замечает, что другой дуется и обижается.

---

[712] Сноски: 712

Левая сторона — это одновременно и сторона, на которой располагались члены либеральной оппозиции в парламенте, и сторона, где располагается сердце. Каролина, во-первых, находится в оппозиции к «тирании» Адольфа, а во-вторых, испытывает сердечные страдания.

[713] Сноски: 713

В этом городке, первом населенном пункте на территории Шотландии, если ехать из Лондона, сочетались браком те английские пары, которым родители отказывали в благословении; местный кузнец в присутствии свидетелей объявлял влюбленных мужем и женой, и, поскольку шотландское брачное законодательство было гораздо менее строгим, этого оказывалось достаточно для заключения брака.

Аксиома

Скрытая обида есть смертельный яд.

Именно ради того, чтобы избегнуть этого самоубийства любви и не будить обиду, изобретательная Франция выдумала будуары. В современных жилищах нет места Вергилиевым ивам, под сенью которых могли бы укрыться наши дамы[714]. Сначала эту роль играли молельни, затем им на смену пришли будуары.

Сия супружеская драма состоит из трех действий. Сначала идет пролог: он уже сыгран. Затем следует действие под названием «Ложное кокетство»: это одно из тех представлений, которое француженки разыгрывают с наибольшим успехом.

Адольф раздевается, расхаживая по спальне; а ведь, раздеваясь, мужчина делается совершенно беззащитен.

Уверен, всякому мужчине, достигшему сорока лет, покажется чрезвычайно справедливой следующая аксиома:

---

[714] Сноски: 714

В третьей эклоге Вергилия игривая нимфа Галатея прячется под сенью ив, но так, чтобы пастух Дамет ее увидел и мог за ней последовать.

Аксиома

Мысли мужчины, снявшего подтяжки и сапоги, не похожи на мысли того, кто не освободился от этих двух тиранов, властвующих над нашим умом.

Заметьте, что эта аксиома верна только по отношению к супружеской жизни. Она принадлежит к числу тех, которые моралисты называют теоремой относительной.

Каролина, точно жокей на скаковом кругу, поджидает момента, когда сможет обогнать соперника. Она готова на все, лишь бы стать для Адольфа совершенно неотразимой.

Женщины умеют придавать своему лицу целомудренное выражение, балансировать и вольтижировать, притворяться испуганными голу́бками и выпевать слова тем особенным тоном, каким Изабелла в четвертом акте «Роберта-дьявола» поет: «Сжалься ты над собою! сжалься ты надо мной!»[715] и какой позволяет им творить чудеса, недоступные ни одному берейтору. Дьявол, как

---

[715] Сноски: 715

Цитируется каватина Изабеллы из прославленной оперы Дж. Мейербера «Роберт-дьявол» (1831; д. 4, явл. 2). Подробный анализ этой оперы дан в новелле Бальзака «Гамбара» (1837), входящей в состав «Философских этюдов».

водится, не может устоять. Что же тут удивительного? Это вечная история, великая католическая мистерия о поверженном змее и освобожденной женщине, которая, если верить фурьеристам, представляет собой великую общественную силу[716]. В этом-то и заключается главное отличие восточной рабыни от западной супруги.

Второй акт заканчивается на брачном ложе восклицаниями сугубо мирного характера. Адольф, точь-в-точь как дети при виде пирожного, обещает Каролине исполнить все, чего она только пожелает.

Третий акт

(*При поднятии занавеса сцена изображает спальню в величайшем беспорядке. Адольф, уже*

---

[716] Сноски: 716

Одной из центральных идей утописта Шарля Фурье была критика «супружеского рабства» и лицемерного современного брака, который превращает женщину в товар и подавляет ее страсти, меж тем как при правильном общественном устройстве всякая страсть должна иметь возможности для удовлетворения. Фурье был убежден, что без эмансипации женщины социальный прогресс невозможен. Бальзаковские ссылки и на Фурье, и на оперу Мейербера носят сугубо иронический характер: ни сицилийская принцесса Изабелла в опере, умоляющая своего возлюбленного отвергнуть соблазны дьявола, ни освобожденная женщина в трактатах Фурье не стали бы в корыстных целях заманивать собственного мужа в постель, как это делает Каролина. Бальзак считал Фурье гением и в 1840 году в своем журнале «Revue parisienne» выступил в защиту этого мыслителя от несправедливой, по его мнению, критики журналиста Луи Ребо, тем не менее к фурьеризму,

а главное, к деятельности последователей Фурье он относился весьма скептически.

облаченный в халат, крадется к двери и выходит на цыпочках, стараясь не разбудить Каролину, спящую крепчайшим сном.)

Каролина, вне себя от счастья, поднимается, исследует свое отражение в зеркале и отдает распоряжения насчет завтрака.

Час спустя, когда она уже совершенно готова, ей сообщают, что завтрак подан.

— Скажите хозяину!

— Сударыня, хозяин в малой гостиной.

— Какой ты миленький-умненький-славненький! — хвалит она Адольфа, сюсюкая, словно говорит с ребенком или вновь наслаждается прелестями медового месяца.

— А в чем дело?

— Как же! ты ведь разрешил твоей Лилинке кататься на лошадке…

Наблюдение

Во время медового месяца некоторые совсем юные супруги говорят на тех языках, о которых писал еще Аристотель (см. его «Педагогику»). Они сюсюкают, гугукают, лялякают, как матери и кормилицы, когда обращаются к малым детям. Именно по этой причине, как доказано и признано в толстенных фолиантах немецких ученых,

кабиры, творцы греческой мифологии[717], изображали Амура, бога любви, в виде малого дитяти. Есть, впрочем, для этого и другие причины, известные женщинам, и главная из них заключается в том, что мужская любовь всегда мала.

— Кто тебе это сказал, красавица моя? твой ночной чепчик?

— Что?..

Каролина застывает на месте; глаза у нее округляются от изумления. Мысленно она бьется в падучей, но не произносит ни слова и только смотрит на Адольфа.

Сатанинский огонь, горящий в ее глазах, вынуждает Адольфа ретироваться в столовую; он уже начинает подумывать о том, что неплохо бы отправить Каролину на учебу в манеж, а берейто-

---

[717] Сноски: 717

Кабирами именовались в древности хтонические божества, известные своей мудростью и причисляемые к «великим богам»; их культ носил характер мистерий и требовал особого посвящения. По всей вероятности, называя их «творцами греческой мифологии», Бальзак отталкивался от пространной статьи в написанном Валентином Паризо «Мифологическом приложении» к популярной энциклопедии Мишо (*Michaud L. — G.* Biographie universelle. Partie mythologique. Paris, 1832. T. 53), где почти весь древнегреческий пантеон представлен как восходящий к кабирам. Этому тому Бальзак 22 августа 1833 года посвятил рецензию в газете «Котидьен», где в числе «религиозных систем» упоминается и «кабиризм» (см.: *OD*. P. 1231). В отличие от упоминания кабиров, ссылка на Аристотеля носит, по всей вероятности, игровой характер и дана просто для пущей «научности»: труда «Педагогика» Аристотель не оставил; о детском языке он писал в трактате «История животных» (IV, IX).

ру приказать обращаться с ученицей как можно более сурово, чтобы навсегда отбить у нее охоту к верховой езде.

Нет ничего более страшного, чем актриса, которая рассчитывала на успех, но *провалилась*.

На театральном жаргоне проваливаться — это значит выступать перед пустым залом или не снискать ни единого рукоплескания, это значит потратить много труда совершенно безрезультатно, это значит потерпеть самое полное поражение.

Эта мелкая (совсем мелкая) неприятность повторяется в семейной жизни на тысячу разных ладов, когда медовый месяц уже позади, а собственного состояния у женщины нет.

На ту же тему

Как ни претит автору вставлять анекдоты в сочинение сугубо афористическое, которое — по крайней мере из уважения к теме — должно состоять из наблюдений более или менее тонких и чрезвычайно деликатных, он, однако, полагает необходимым украсить эту страницу рассказом, услышанным от одного из лучших наших врачей.

В рассказе этом содержится правило поведения,

которое должны принять к сведению парижские доктора.

Один муж находился в положении нашего Адольфа. Его Каролина, провалившись в первый раз, непременно хотела одержать победу, а этого Каролины добиваются довольно часто! Каролина, о которой идет речь, делала вид, что у нее расстроены нервы (см. «Физиологию брака», размышление XXVI, параграф «О неврозах»). Она уже целых два месяца просыпалась в полдень, проводила дни напролет, распростертая на диване, и пренебрегала всеми парижскими увеселениями.

Никаких театральных представлений… Как можно? Там духота и, главное, свет, свет со всех сторон!.. шум, толчея при входе, при выходе, музыка… все это невыносимо! так чудовищно раздражает нервы!

Никаких поездок за город… Как можно? Она этого хотела, но для такой поездки необходимы (*в этом все и дело!*) собственный экипаж, собственные лошади… Муж не пожелал купить ей экипаж. А ехать в наемной карете, в фиакре… ее мутит при одной мысли о такой поездке!

Никакого обжорства… у больной от запаха мяса тошнота подступает к горлу!

Больная лечилась тысячью разных снадобий,

которых, правда, никогда не принимала на глазах у горничной.

Одним словом, она не жалела сил на эффекты, лишения, позы, белила для придания себе мертвенной бледности, закулисные машины — точь-в-точь как театральная дирекция, трубящая повсюду о великолепии новой постановки.

Выходило, что помочь больной может только поездка на воды — в Эмс, в Гомбург, в Карлсбад, — но больная не хотела трогаться в путь без собственного экипажа.

Все упиралось в экипаж.

Но Адольф этой Каролины держался стойко и не уступал.

Сама же эта Каролина, будучи женщиной величайшего ума, признавала правоту своего мужа.

— Адольф прав, — говорила она своим приятельницам, — это я потеряла разум; он покамест не может, не должен покупать экипаж; мужчины лучше нас разбираются в собственных делах…

Порой этот Адольф приходил в ярость; женщины знают такие ухватки, за которые их надо отправлять прямиком в ад.

Наконец, на третий месяц он встречает своего школьного товарища, начинающего врача, простодушного, как все юные доктора, лишь с

недавних пор заведшего практику и рвущегося в бой.

«К молодой жене — молодого врача», — решает наш Адольф.

И предлагает будущему Бьяншону[718] осмотреть Каролину и сказать правду о ее состоянии.

— Дорогая, пора вам показаться врачу, — говорит Адольф вечером жене, — я пригласил такого, который более всего подходит хорошенькой женщине.

Новичок приступает к делу с величайшей добросовестностью, задает больной вопросы, деликатно ее ощупывает, выясняет мельчайшие подробности, и к концу беседы на губах у него начинает играть невольная улыбка, а глаза смотрят с сомнением, если не с иронией. Он прописывает невинное лекарство, настаивая на его чрезвычайной важности, и обещает вернуться, чтобы проверить, подействовало ли оно.

В прихожей он, полагая, что остался наедине со своим школьным товарищем, учиняет вот какую штуку.

— Твоя жена совершенно здорова, любезнейший, — говорит он, — она насмехается над тобой

---

[718] Сноски: 718

Орас Бьяншон — персонаж 29 произведений «Человеческой комедии», талантливый врач.

и надо мной.

— Я так и думал…

— Но если она будет продолжать в том же духе, она в самом деле доведет себя до болезни: я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы это позволить, ведь я хочу остаться не только врачом, но и порядочным человеком.

— Моей жене нужен выезд.

Каролина этого Адольфа, как и та, что описана в главе «Соло для катафалка», подслушивала под дверью.

Юному доктору по сей день постоянно приходится отмываться от напраслин, которые эта очаровательная особа распространяет на его счет; чтобы заставить ее замолчать, он вынужден был повиниться в этой ошибке молодости и назвать свою неприятельницу по имени.

Каштаны из огня[719]

У несчастья столько оттенков, что сосчитать их невозможно, тут все зависит от характеров, силы воображения, мощи нервной системы. Однако

---

[719] Сноски: 719

Выражение это вошло во французский язык благодаря басне Лафонтена «Обезьяна и кот» (Басни, IX, 17), где кот Ратон вытаскивает каштаны из огня, а ест их хитрая обезьяна Бертран.

если невозможно перечислить все эти бесконечные оттенки несчастья, то можно по крайней мере указать его главные разновидности, ярко выраженные особенности.

Нижеследующую мелкую неприятность автор приберег под конец, ибо она одна не только печальна, но и смешна.

Автор льстит себя надеждой, что рассказал обо всех главных неприятностях. Поэтому женщины, подошедшие к завершению жизненного пути, достигшие счастливого сорокалетнего возраста, когда они становятся неподвластны злословию, клеветам, подозрениям и наконец обретают свободу, — эти женщины должны отдать автору справедливость и признать, что в его сочинении указаны или изображены все критические положения, в какие могут попасть супруги.

У Каролины появилось свое «дело Шомонтеля». Она научилась удалять мужа из дома, она нашла общий язык с госпожой де Фиштаминель.

Во всякой семье наступает момент, когда госпожа де Фиштаминель становится добрым гением Каролины.

Каролина лелеет госпожу де Фиштаминель так же истово, как африканская армия лелеет

Абд-эль-Кадера[720]; она пестует ее с такой же страстью, с какой врач старается не вылечить богатого мнимого больного. Каролина и госпожа де Фиштаминель на пару изобретают занятия для дражайшего Адольфа в тех случаях, когда присутствие сего полубога в их пенатах нежелательно. Госпожа де Фиштаминель и Каролина, ставшие стараниями госпожи Фуллепуэнт лучшими подругами, даже постигли и научились исполнять те обряды женского франкмасонства, в которые никакой посторонний не способен их посвятить.

Например, Каролина пишет госпоже де Фиштаминель такую записку:

«Ангел мой, вы, верно, увидите завтра Адольфа; не задерживайте его слишком долго, потому что около четырех я хочу поехать с ним в Лес кататься; но если вам очень хочется отвезти его туда, тогда я его там и заберу. Как бы мне перенять ваше умение развлекать людей, которым повсюду скучно».

Госпожа де Фиштаминель говорит себе:

«Все понятно; этот малый останется у меня с

---

[720] Сноски: 720

Абд-эль-Кадер (1808–1883) — арабский эмир, с 1832-го по 1847 год возглавлявший сопротивление французской армии в Алжире; однако Абд-эль-Кадер не только сражался с французами, но и заключал с ними мирные договоры о разделе территории и потому был для Франции удобным противником.

полудня до пяти часов».

Аксиома

Мужчины не всегда понимают, что означает настоятельная женская просьба, но другую женщину не обманешь: она делает все наоборот.

Эти милые создания, в особенности парижанки, — прелестнейшие из игрушек, изобретенных общественной промышленностью: только человек бесчувственный может не поклоняться им и не испытывать постоянного восторга, глядя, как они плетут свои козни с той же ловкостью, что и свои косы, как изобретают собственный язык, как сооружают своими тонкими пальчиками машины, способные разрушить самые гигантские состояния.

В один прекрасный день Каролина принимает тщательнейшие предосторожности; накануне она написала госпоже Фуллепуэнт и попросила поехать с Адольфом в Сен-Мор[721] осмотреть какое-то имение, выставленное на продажу, а затем Адольф у нее позавтракает. Она одевает Адольфа, вышучивает его заботу о собственном туалете, болтает всякий вздор насчет госпожи

---

[721] Сноски: 721
См. примеч. 498.

Фуллепуэнт.

— Она прелестна, а Шарль ей, по-моему, страшно надоел; в конце концов ты включишь ее в свой список, старый Дон Жуан; но тебе уже не нужно будет прикрываться «делом Шомонтеля»; я не ревнива, я тебе даю свободу; тебе ведь это нравится больше, чем когда я тебя обожала?.. Чудовище! оцени мою доброту!..

Выпроводив Адольфа, Каролина, которая накануне пригласила к завтраку своего Фердинанда, облачается в тот наряд, который в очаровательном восемнадцатом веке, так несправедливо хулимом республиканцами, гуманитаристами[722] и глупцами, знатные дамы называли боевым снаряжением.

Каролина все предусмотрела. Амур — лучший в мире камердинер, поэтому стол накрыт с дьявольским кокетством. На белой камчатной скатерти красуется синий сервиз, лежат приборы из позолоченного серебра, стоит изящный молочник и все утопает в цветах!

Предположим, что дело происходит зимой;

---

[722] Сноски: 722

Гуманитаристами в конце 1830-х — начале 1840-х годов называли философов и публицистов, считавших себя адептами новой, «гуманитарной» религии, в которой место божества занимают человечество и человеческая солидарность.

Каролина раздобыла виноград, обшарила весь погреб и разыскала превосходное старое вино. Булочки куплены у самого знаменитого пекаря. Сочные яства, паштет из гусиной печенки и прочие элегантные кушанья заставили бы радостно заржать Гримо де Ла Реньера[723], вызвали бы улыбку у ростовщика и открыли глаза профессору старинного Университета.

Все готово, а сама Каролина готова еще со вчерашнего дня: она осматривает свое творение. Жюстина вздыхает и наводит порядок в комнате. Каролина вынимает из жардиньерок пожелтевшие цветы. В такие минуты сердце у женщин едва не выпрыгивает из груди, и они пытаются его унять подобными пустяковыми занятиями, причем пальцы их при этом обретают цепкость тисков, розовые ноготки горят, а из горла рвется безмолвный крик: «Ну где же он?»

Слова Жюстины ранят, точно удар кинжалом: «Хозяйка, вам письмо!»

Письмо вместо Фердинанда! как его распечатать? как развернуть? скольким столетиям

---

[723] Сноски: 723

Об Александре Гримо де Ла Реньере (1758–1838), историке, теоретике и практике вкусной еды, авторе продолжающегося издания «Альманах Гурманов» (1803–1812), см.: *Мильчина В. А.* Гримо де Ла Реньер и его гастрономическая утопия // *Гримо*. С. 5–54.

жизни равны эти мгновения? Об этом знают только женщины! Мужчины в такие ужасные минуты терзают свои жабо.

«Жюстина, господин Фердинанд заболел!.. — кричит Каролина. — Пошлите за экипажем».

Жюстина бросается вниз по лестнице и натыкается на Адольфа.

«Бедная хозяйка! — думает Жюстина. — Пожалуй, экипаж ей теперь ни к чему».

— Вот новости! ты откуда? — восклицает Каролина при виде Адольфа, в восторге созерцающего поистине сладострастный завтрак.

Адольф, которого жена уже давно не балует столь изысканными трапезами, молчит. Он угадывает, в чем дело, ибо в убранстве этого элегантного стола заключены те же чарующие признания, которые то ли госпожа де Фиштаминель, то ли синдик, занимающийся «делом Шомонтеля», делают ему посредством других, не менее элегантных столов.

— А ты кого ждешь? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Фердинанда, кого же еще? — говорит Каролина.

— Он заставляет себя ждать.

— Он заболел, бедненький.

Адольфу приходит в голову шальная мысль, и он говорит, чуть прищурив глаз: «Я его только что видел».

— Где?

— Возле «Парижского кафе»[724], он был там с друзьями.

— А ты-то почему вернулся? — спрашивает Каролина, пытаясь скрыть смертоносную ярость.

— Ты утверждала, что Шарль надоел госпоже Фуллепуэнт, а она еще вчера утром уехала с ним в Виль-д'Авре.

— А господин Фуллепуэнт?

— Отправился в короткое приятное путешествие по поводу нового дела Шомонтеля; у него там небольшая прелестная… помеха; но я уверен, что он с нею совладает.

Адольф усаживается за стол со словами: «Все к лучшему, я голоден, как целая стая волков…»

Каролина садится напротив, украдкой поглядывая на мужа; сердце у нее обливается кровью, но она находит в себе силы спросить как можно более равнодушным тоном:

---

[724] Сноски: 724

Одно из самых модных и элегантных заведений, располагавшееся на бульваре Итальянцев, который, в свою очередь, был самым модным в полукольце «северных» парижских бульваров, простирающемся от площади Мадлен до площади Бастилии.

— С кем же был Фердинанд?

— С повесами, которые втягивают его в дурную компанию. Этот юноша идет по плохой дорожке: он бывает у госпожи Шонтц, у лореток[725]; тебе бы следовало написать его дядюшке. Должно быть, сегодняшний завтрак — плод какого-нибудь пари, заключенного у мадемуазель Малаги[726]…

Он исподтишка бросает взгляд на Каролину, а та опускает глаза, чтобы муж не увидел ее слез.

— Какая ты сегодня хорошенькая, — продолжает Адольф. — Аппетитная, точь-в-точь как твой завтрак… Да уж, Фердинанду такой завтрак и не снился…

Адольф шутит так умело, что внушает жене мысль наказать Фердинанда. Он недаром утверждал, что голоден, как стая волков; его стараниями Каролина забывает, что у ворот ее ждет экипаж.

Привратница Фердинанда появляется в доме около двух часов, когда Адольф уже спит на диване.

---

[725] Сноски: 725

О госпоже Шонтц см. примеч. 501; о лоретках см. примеч. 558.

[726] Сноски: 726

Малага — прозвище Маргариты Тюрке, персонажа 8 произведений «Человеческой комедии», цирковой наездницы и куртизанки.

Сия Ирида[727] холостяков сообщает Каролине, что господину Фердинанду нужна помощь.

— Он пьян? — спрашивает разъяренная Каролина.

— Он, сударыня, утром дрался на дуэли.

Каролина лишается чувств, а придя в себя, спешит к Фердинанду, мысленно посылая Адольфа ко всем чертям.

Когда женщины попадаются в подобные ловушки, не уступающие в затейливости их собственным выдумкам, они восклицают: «Мужчины — гнусные чудовища!»

Ultima ratio[728]

Мы дошли до последнего наблюдения. Неудивительно, что сочинение наше начинает вас утомлять, как утомляет и сам его предмет в том случае, если вы женаты.

---

[727] Сноски: 727

Ирида (*греч. миф.*) — вестница богов; в юности Бальзак называл так мамашу Комен, жительницу Вильпаризи (см. примеч. 619), которая привозила письма от Оноре к родителями и от родителей к Оноре в ту пору, когда он жил в Париже, а они — за городом.

[728] Сноски: 728

Последний довод (*лат.*) — начало латинского девиза «Ultima ratio regum» (Последний довод королей), который Людовик XIV приказал нанести на французские пушки.

Автор убежден, что у этого сочинения, которое относится к «Физиологии брака», как История к Философии, как Факт к Теории, есть своя логика, подобно тому как у жизни в целом есть своя.

И вот какова эта роковая, ужасная логика.

К концу первой части этой книги, полной серьезных шуток, Адольф, как вы могли заметить, дошел до совершенного равнодушия в брачных делах.

Адольф слишком хорошо изучил романы, авторы которых рекомендуют докучным мужьям либо переселиться в мир иной, либо поладить с отцами своих детей, холить их и лелеять; ибо, если литература в самом деле является выражением нравов[729], приходится признать, что указанные в «Физиологии брака» изъяны этого

---

[729] Сноски: 729

Формулу «Литература есть выражение общества» выдвинул в самом начале XIX века (сначала в 1802 году в книге «О первобытном законодательстве», а затем в 1806 году в статье «О стиле и литературе») философ-традиционалист Луи де Бональд (1754–1840), которого Бальзак высоко ценил. Впрочем, этой бональдовской формуле было впоследствии дано чрезвычайно расширительное толкование; Бональд вовсе не был теоретиком «реализма», он имел в виду только соответствие определенной словесности определенному общественному устройству (самая блистательная эпоха французской литературы пришлась на царствование Людовика XIV — эпоху расцвета абсолютной монархии, а в эпоху революционных беспорядков литература находилась в упадке). См.: *Gengembre G.* Ordre et désordre: nation et littérature selon Louis de Bonald // Philologiques: Tome III: Qu'est-ce qu'une littérature nationale? Paris, 1994. P. 95–106).

основополагающего установления неотделимы от наших нравов. Не один великий талант наносил страшные удары по этому фундаменту общества, но никто не сумел его поколебать.

Главное же, Адольф слишком хорошо изучил свою жену и скрывает свое равнодушие под благородной маской снисходительности. Он обходится с Каролиной снисходительно, он видит в ней прежде всего мать своих детей, хорошего товарища, верного друга, брата.

Дожив до того времени, когда женщина перестает испытывать мелкие неприятности, Каролина, куда более ловкая, тоже догадалась, какие выгоды сулит снисходительность; однако от своего дражайшего Адольфа она вовсе не отступается. Не в женской природе отказываться хотя бы от одного из собственных прав.

Бог и мое право… супружеское право! Таков, как известно, девиз Англии, особенно сегодня[730].

Женщины обожают командовать; по сему поводу мы не можем не рассказать анекдот де-

---

[730] Сноски: 730

Формула, обыгрывающая многовековой девиз английской монархии «Бог и мое право». Уточнение «особенно сегодня» намекает на недавнюю (1840) свадьбу английской королевы Виктории и принца Альберта Саксен-Кобург-Готского. Принц, хотя Виктория и вышла за него по любви, играл в этой паре подчиненную роль: он был не королем, а мужем королевы, принцем-консортом.

сятилетней давности. Для анекдота это очень юный возраст.

Один из почтеннейших членов палаты пэров имел в женах Каролину, легкомысленную, как почти все Каролины.

Это имя приносит женщинам счастье.

Сей старец сидел подле камина с одной стороны, а его Каролина — с другой. Каролина вступила в ту пору жизни, когда женщины уже не объявляют своего возраста. Является друг дома и сообщает о женитьбе генерала, который некогда также был другом дома.

Каролина впадает в отчаяние и плачет горючими слезами; она испускает громкие крики и так докучает мужу, что почтенный старец пытается ее утешить.

Среди прочего у графа вырывается такая фраза, обращенная к жене: «В конце концов, дорогая, как хотите, а он ведь не мог на вас жениться!»

А ведь то был один из высших сановников, однако друг Людовика XVIII, а значит, человек, верный эпохе маркизы де Помпадур[731].

Итак, вот в чем заключается разница в положе-

---

[731] Сноски: 731

Ср. процитированное выше упоминание в предисловии Бальзака к первому изданию «Шагреневой кожи» «распутного царедворца времен госпожи де Помпадур» (*Бальзак/15*. Т. 15. С. 433; пер. Р. Линцер).

нии Адольфа и Каролины: если муж больше не интересуется женой, то жена, напротив, сохраняет за собой право интересоваться мужем.

А теперь послушаем, *что говорят в свете:* эти разговоры послужат заключением нашего труда.

Толкование, объясняющее, что означает felicità в оперных финалах

Кто в своей жизни не слышал хотя бы одной итальянской оперы?.. следовательно, каждый мог заметить, как сильно поэты и композиторы злоупотребляют словом *felicità*, повторяемым хором на все лады в те самые мгновения, когда зрители покидают ложи и устремляются вон из партера[732].

Какая страшная аллегория всей нашей жизни. Мы расстаемся с ней в ту минуту, когда приходит черед *felicità*.

Случалось ли вам задумываться над глубокой истиной этого финала — момента, когда раз-

[732] Сноски: 732

Блаженство (*um.*) — торжественный и радостный финал многих опер, первой из которых была, по-видимому, опера Метастазио «Рождение Юпитера» (1772; см.: *Clément F., Larousse P.* Dictionnaire lyrique ou Histoire des opéras. Paris, 1881. P. 473). Так, в частности, заканчивается опера Россини «Танкред», которую Бальзак хорошо знал и неоднократно цитировал.

дается последняя нота и слышится последнее слово, когда оркестр издает последний аккорд, когда певцы говорят один другому: «Пошли ужинать!», а фигуранты радуются: «Какое счастье, что нет дождя!»? Так вот, во всех жизненных состояниях наступает такой момент, когда шутки кончены, игра сделана, тревоги позади и каждый затягивает свое *felicità*. Исполнив все *дуэты, соло, стретты*[733], *коды, ансамбли, дуэттино, ноктюрны*, пройдя через все фазы супружеской жизни, которые мы изобразили здесь для того, чтобы их многочисленные вариации смогли угадать не только люди острого ума, но даже глупцы (в страданиях мы все равны), большинство парижских семейных пар рано или поздно приступают к финальному хору следующего содержания:

Супруга (*молодой женщине, пребывающей в том периоде супружеской жизни, который именуют второй молодостью*). Душа моя, я самая счастливая женщина в мире. Адольф — образцовый муж: добрый, не сварливый, покладистый. Не так ли, Фердинанд?

(*Каролина обращается к кузену Адольфа; это*

---

[733] Сноски: 733
Быстрые окончания сольных номеров.

юноша, у которого в наличии хорошенький галстук и лакированные сапоги, элегантный фрак и складная шляпа, шевровые перчатки и отборный жилет, напомаженные волосы, усы и бакенбарды самой изысканной формы, крохотная бородка-запятая à la Мазарини[734] *и глубокое, безмолвное восхищение Каролиной, которой он всегда готов служить.*)

Фердинанд. Адольф — счастливец! Иметь такую жену! Что еще нужно в жизни? Ничего.

Супруга. На первых порах мы часто бранились, но теперь ладим преотлично. Адольф поступает как ему угодно, он ни в чем себя не стесняет, а я больше не спрашиваю у него ни куда он идет, ни откуда пришел. Снисходительность, душа моя, вот главный секрет счастья. Вы пока еще спорите по пустякам, ревнуете друг друга без причины, ссоритесь, подпускаете шпильки. И к чему все это? Наша женская жизнь такая короткая! Что

---

[734] Сноски: 734

В 1830-е годы маленькие бородки вошли в моду; в первой половине XVI века, в царствование Генриха III, такая бородка именовалась «мушкой»; кардинал Мазарини, судя по портретам, тоже носил подобную бородку, хотя и чуть более крупную; что же касается именования ее «запятой», то оно, по всей вероятности, введено впервые самим Бальзаком в 1831 году, в романе «Шагреневая кожа»; Бальзак настаивал на нем и затем неоднократно его повторял (в романе «Модеста Миньон», в сочинении «О Екатерине Медичи»). См.: *Cazauran N.* Catherine de Médicis et son temps dans *La Comédie humaine*. Genève, 1976. P. 315–316.

у нас есть? Десяток лет для счастья; зачем же их портить? Я сама была такая, как вы, но в один прекрасный день познакомилась с госпожой Фуллепуэнт; эта очаровательная женщина меня просветила и научила, как сделать мужчину счастливым… Адольф с тех пор совершенно переменился: он стал просто душка. Если мне надобно ехать в театр и в семь часов мы еще дома одни, он первый спрашивает меня с тревогой, даже с испугом: «Ведь Фердинанд за тобой заедет, не так ли?» Не так ли, Фердинанд?

Фердинанд. Мы с ним лучшие кузены в мире.

Печальная юная супруга. Неужели это случится и со мной?..

Фердинанд. О, сударыня, вы так хороши собой, что с вами это случится непременно.

Супруга (*раздраженно*). Ну что ж, прощайте, милочка. (*Печальная юная супруга выходит.*) А вы, Фердинанд, мне за это ответите.

Супруг (*на бульваре Итальянцев*[735]). Почтеннейший (*берет господина де Фиштаминеля за пуговицу пальто*), вы все еще полагаете, что брак зиждется на страсти. Женщины, пожалуй, могут в виде исключения любить одного-единственного

---

[735] Сноски: 735
О бульваре Итальянцев см. примеч. 662.

мужчину, но мы!.. Что ни говорите, Общество не способно обуздать Природу. Уверяю вас, для супругов главное — снисходительное отношение друг к другу, разумеется при сохранении внешних приличий. Я счастливейший муж в мире. Каролина — преданный друг, при необходимости она пожертвует мне всем, включая даже моего кузена Фердинанда… вы смеетесь, а она и впрямь готова для меня на все. Вы все еще верите в эти смешные сказки о достоинстве, чести, добродетели, общественном порядке. Жизнь дважды не проживешь, значит, нужно получить от нее как можно больше удовольствия. За последние два года мы с Каролиной не сказали друг другу ни одного резкого слова. Каролина для меня — товарищ, с которым я могу говорить откровенно обо всем и который сумеет меня утешить в трудную минуту. Мы ни в чем друг друга не обманываем, мы знаем, с кем имеем дело. Мы снова сближаемся, когда хотим кому-либо отомстить, понимаете? Таким образом мы обратили обязанность в удовольствие. И зачастую получаем от этого больше радости, чем в ту бесцветную пору, что именуется медовым месяцем. Порой Каролина мне говорит: «Я нынче не в духе, оставь меня, пошел прочь!» А гроза обрушивается на моего кузена. Каролина

больше не изображает из себя жертву и хвалит меня всем и каждому. Да что говорить! она радуется моему счастью. А поскольку женщина она в высшей степени порядочная, состоянием нашим она распоряжается очень рачительно. Дом ведет образцово. Мне позволяет тратить мои сбережения, как я захочу. И вот вам результат. Мы смазали наш механизм маслом, а вы, дражайший Фиштаминель, сплете себе под колеса булыжники. Нужно выбрать одно из двух: либо кинжал венецианского мавра[736], либо рубанок Иосифа[737]. Но тюрбан Отелло, любезнейший, нынче не в моде; я добрый католик и предпочитаю быть плотником.

Хор (*в салоне, в разгар бала*). Госпожа Каролина — очаровательная женщина!

Дама в тюрбане. Да, уважающая приличия, полная достоинства.

Мать семерых детей. Сумела прибрать к рукам своего мужа.

---

[736] Сноски: 736

Во французском переводе трагедии Шекспира, выполненном Альфредом де Виньи (см. примеч. 386), Отелло сначала душит Дездемону подушкой, а затем, увидев, что она еще жива, закалывает ее кинжалом.

[737] Сноски: 737

Имеется в виду «снисходительность» святого Иосифа по отношению к жене.

Друг Фердинанда. Между прочим, она его очень любит. Да и сам Адольф — человек выдающийся, многоопытный.

Приятельница госпожи де Фиштаминель. Он обожает свою жену. В доме у них ни малейшей принужденности, все гости веселятся от души.

Господин Фуллепуэнт. Да, очень приятный дом.

Дама, о которой много злословят. Каролина добрая, любезная, ни о ком не говорит дурно.

Дама, которая возвращается на место после окончания танца. А помните, как она была скучна, когда водилась с Дешарами?

Госпожа де Фиштаминель. О да, оба такие брюзги… Вечно ссорились. (*Госпожа де Фиштаминель уходит.*)

Художник. Но милейший Дешар больше не скучает, он теперь завсегдатай кулис; судя по всему, госпожа Дешар заломила за свою добродетель слишком высокую цену.

Мещанка (*испугавшись, что столь вольный разговор дойдет до слуха ее дочери*). Госпожа де Фиштаминель нынче обворожительна.

Сорокалетняя женщина не у дел. Господин Адольф по виду так же счастлив, как и его жена.

Юная особа. Какой хорошенький этот господин

Фердинанд! (*Мать тотчас легонько толкает ее ногой*)[738].

Очень декольтированная дама (*другой, не менее декольтированной, вполголоса*). А мораль из всего этого только одна: счастливы лишь те пары, которые устроили себе брак вчетвером[739].

---

[738] Сноски: 738

В издании Уссьё (1855) в этом месте воспроизведен вариант из текста, напечатанного в сборнике «Бес в Париже»; дочь, после того как мать толкнула ее ногой, спрашивает: «Что случилось, маменька?», а мать, «пристально глядя на дочь», отвечает: «Такие вещи можно говорить только о женихе; а господин Фердинанд тебе не жених».

[739] Сноски: 739

В сборнике «Бес в Париже» и в издании Уссьё текст не кончается на этих словах; за ними следует диалог Автора со своим Другом:

Друг (*чьим мнением автор имел неосторожность поинтересоваться*). Последние слова — ложь.

Автор. Вы полагаете?

Друг (*который недавно женился*). Вы утверждаете, что хотите нас просветить, а на самом деле льете потоки грязи на жизнь в обществе!.. Нет, любезнейший, есть на свете семейства в сотню, в тысячу раз более счастливые, чем те, которые наслаждаются этим вашим браком вчетвером.

Автор. И что же? Вы предлагаете ввести в заблуждение тех, кто собирается вступить в брак, и вычеркнуть эти слова?

Друг. Не стоит; их примут за водевильную остроту.

Автор. Не худший способ напомнить истину.

Друг (*стоящий на своем*). Истину, которую никто не запомнит.

Автор (*желающий оставить последнее слово за собой*). Всего не запомнишь. Вернемся к нашему разговору, когда твоя жена станет на двадцать лет старше. Пожалуй что, к этому времени вы сможете быть счастливы только втроем.

Друг. Вы беситесь оттого, что не можете сочинить историю счастливых семей.

Список условных сокращений

Ахматова — Ахматова А. О Пушкине. М., 1989.

Бальзак/15. — Бальзак О. де. Собр. соч.: В 15 т. М., 1951–1955.

Воспоминания — Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986.

Гримо — Гримо де Ла Реньер А. Альманах Гурманов / Пер., вступ. ст., примеч. В. А. Мильчиной. М., 2011.

Кодекс — Бальзак О. де. Кодекс порядочных людей, или О способах не попасться на удочку мошенникам / Пер., вступ. ст. и примеч. В. А. Мильчиной. М., 2012.

Либертинская проза — Делон М. Искусство жить либертена; Французская либертинская проза XVIII века / Пер. с франц. Е. Дмитриевой и др. М., 2013.

Парижанки — Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. М., 2014.

Патология — Бальзак О. де. Физиология брака. Патология общественной жизни / Пер. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. М., 1995.

Плутарх — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1961–1964. Т. 1–3.

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Сталь — Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / Пер. В. А. Мильчиной. М., 1986.

Стендаль — Стендаль. О любви / Пер. М. Левберг и П. Губера. М., 1989.

Стерн — Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие / Пер. А. Франковского. М., 1986.

AB — Année balzacienne.

Bilot — Bilot N. Balzac vu par la critique (1839–1840) // Année balzacienne. Nouvelle série. № 4. Paris, 1984.

CH — Balzac H. La Comédie Humaine. T. 1–12. Paris, 1976–1981 (Bibliothèque de la Pléiade).

Chamfort — Œuvres complètes de Chamfort / Recueillies et publ. avec une notice historique sur la vie et les écrits de l'auteur par R. — P. Auguis. Paris, 1824–1825.

Chollet — Chollet R. Œuvres de Balzac en préfaces des romans de jeunesse au théâtre. Paris, 2014.

Correspondance — Balzac H. Correspondance / Textes réunis, classés et annotés par R. Pierrot. Paris, 1960–1969. T. 1–5.

Guize — Guize R. Balzac et le «Bulletin de censure» /

/ Année balzacienne. Nouvelle série. № 4. Paris, 1984.

Lemontey — Lemontey P. — E. Œuvres. Paris, 1829. T. 2.

LMH — Balzac H. Lettres à Madame Hanska / Édition établie par R. Pierrot. Paris, 1990. T. 1–2.

Mirabeau — Lettres originales de Mirabeau, écrites du donjon de Vincennes pendant les années 1777, 78, 79 et 80. Contenant tous les détails sur sa vie privée, ses malheurs, et ses amours avec Sophie Ruffei, marquise de Monnier, Paris, 1792.

OD — Balzac H. de. Œuvres diverses. Paris, 1996. T. 2.

Sterne-1 — Sterne L. Œuvres complètes. Paris, 1818. T. 1.

Sterne-2 — Sterne L. Œuvres complètes. Paris, 1818. T. 2.

Sterne-3 — Sterne L. Œuvres complètes. Paris, 1818. T. 3.

Thibaudeau — Thibaudeau A. — C. Mémoires sur le Consulat, 1799 à 1804. Paris, 1827.

Tilby — Tilby M. À partir d'une allusion à Sterne dans «La Peau de chagrin» // Année balzacienne 1985. Paris, 1985.

Tolley — Tolley B. Balzac anecdotier // Année balzacienne 1967. Paris, 1967.